для
...ую продовольствен-
отношении настоящего мо-
ной точки зрения. Надо спро-
получили бы трудящиеся массы
созданных империалистической
бы у власти стояла помещичья
если бы власть находилась в руках

свободная торговля не могла пре-
ть назревание продовольственного
ранее, когда народное хозяйство еще
потрясено до основания войной, то,
тся, при теперешнем обесценении
бестоварьи она и подавно не могла бы

голод...
этих...

в сво...
тем, ...
стре...
и осл...
буржу...

толка...
продо...
тем, ...
И гол...

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ

ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

для

учениковъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній и преподавателей.

ВЫПУСКЪ IV.

Изданіе 2-е.

составилъ

В. Покровскій.

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и Д. Совко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.
1909.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

IV выпускъ Исторической Хрестоматіи обнимаетъ собою эпоху Петра Великаго. Вошедшія въ него статьи, освѣщая личность самого преобразователя и его сподвижниковъ, уясняютъ смыслъ и значеніе реформъ Петра.

Вмѣстѣ съ этимъ онѣ рельефно обрисовываютъ какъ различныя стороны русской жизни за первую половину XVIII стол., такъ и борьбу, вызванную проведеніемъ въ жизнь новыхъ началъ.

«Ученую дружину», выдающимися членами которой были Ѳеофанъ Прокоповичъ, Татищевъ, Кантемиръ, составитель настоящаго выпуска счелъ своимъ долгомъ представить во всей ея многосторонней дѣятельности, чтобы само собою опредѣлилось ея значеніе.

Самое выдающееся мѣсто между поборниками реформъ Петра Великаго отведено, по справедливости, Ломоносову. Помѣщая рядъ статей, характеризующихъ его разнообразную дѣятельность, составитель имѣлъ въ виду показать и то значеніе, какое должно быть признано за Ломоносовымъ, какъ ученымъ.

В. Покровскій.

Научные взгляды на Петровскую реформу.

Различныя представленія о Петрѣ Великомъ сводятся къ двумъ основнымъ взглядамъ — или къ восхваленію личности Петра и возвеличенію реформы, нерѣдко терявшему всякіе предѣлы, или къ осужденію этой реформы и къ проклятіямъ самой личности, какъ бывало у раскольниковъ и, похожее на нихъ, у славянофиловъ. Это было, такимъ образомъ, прямое противорѣчіе, при своей рѣзкости, повидимому, непримиримое. Оно сказывалось и въ народныхъ массахъ и въ обществѣ образованномъ, въ томъ обществѣ, которое само создано было реформой...

Первое рѣзко поставленное противорѣчіе двухъ взглядовъ на значеніе Петровской реформы заявлено было въ 40-хъ годахъ, въ извѣстныхъ спорахъ славянофильскаго и западнаго направленія. Новый характеръ спора заключался въ томъ, что онъ впервые поставленъ былъ на почву философско-историческихъ принциповъ. Если прежде возникали объ этомъ сомнѣнія и разногласія, они исходили изъ тѣсныхъ практическихъ соображеній, изъ поверхностнаго раціонализма или изъ узко, и исторически не совсѣмъ вѣрно, понятой моральной тенденціи. Теперь вопросъ поставленъ былъ на гораздо болѣе широкую основу: оба направленія, столкнувшіяся тогда по всѣмъ главнѣйшимъ вопросамъ философіи, общественности и исторіи, естественно разошлись и на вопросѣ о Петрѣ Великомъ, и оба руководились совсѣмъ различно понятыми идеями историческаго развитія. По однимъ, явленіе Петра было великимъ историческимъ актомъ, открытіемъ новаго пути на мѣсто прежняго, приведшаго къ китайскому застою, за которымъ грозило омертвѣніе: съ Петра началась новая жизнь на почвѣ общечеловѣческаго просвѣщенія, и открылся единственный способъ дѣйствительнаго развитія національныхъ силъ. По другимъ, реформа была самымъ прискорбнымъ дѣломъ нашей исторіи: она перервала

здоровую, естественную жизнь народа, нарушила его обычай, т.-е. вѣками выработанный и длиннымъ рядомъ поколѣній освященный складъ его быта, оскорбила тѣмъ національное чувство и извратила народное сознаніе и самоё нравственность, столкнувши жизнь на чуждую народу дорогу, оторвавши отъ народной жизни высшіе руководящіе классы и сдѣлавши послѣдніе рабами («лакеями») чужой цивилизаціи, — такъ что спасеніе національнаго достоинства и самой жизненности народа должно состоять, прежде всего, въ томъ, чтобы признать эту страшную историческую ошибку, свергнуть чужое иго, послѣ чего только и откроется возможность самобытнаго развитія.

Въ поднятомъ спорѣ былъ одинъ недостатокъ: вопросъ рѣшался не столько на историческихъ, сколько на теоретическихъ основаніяхъ; для обѣихъ сторонъ считалось дѣломъ рѣшеннымъ, что Петръ «оторвалъ» Россію отъ древней почвы, и когда одна сторона доказывала вредъ такого нарушенія стараго преданія, другая защищала дѣло Петра тѣмъ соображеніемъ, что необходимо было вывести русскій народъ на другую дорогу, потому что на ней только возможно было просвѣщеніе и укрѣпленіе государства. Но обѣимъ сторонамъ въ ту пору одинаково недоставало фактическаго изученія русской внутренней жизни на переходѣ отъ XVII вѣка къ XVIII.

Для болѣе точнаго рѣшенія вопроса требовалось новое изученіе всего процесса преобразованія. Дѣйствительно, можно сказать, что только послѣ спора 40-хъ и 50-хъ годовъ это изученіе стало на дѣйствительно критическій путь. Не довольно было панегирика, чтобы изобразить вѣрно дѣятельность Петра; но также не убѣдительны были голыя отрицанія и проклятія, — нужно было прослѣдить событія съ ихъ мотивами, съ оцѣнкой предшествующихъ явленій, а вмѣстѣ съ тѣмъ выяснить, на чемъ могло основаться и чѣмъ могло оправдывать себя отрицаніе реформы. Работы, предпринимавшіяся въ послѣднія десятилѣтія о Петровской эпохѣ, болѣе или менѣе руководимы были этой мыслію о разъясненіи самаго возникновенія и хода преобразованія. Главной заслугой, въ этомъ отношеніи, былъ трудъ Соловьева: въ 1863 году вышелъ XIII томъ его «Исторіи», который былъ первымъ томомъ «Исторіи Россіи въ эпоху преобразованія». Нѣсколько томовъ, посвященныхъ потомъ Соловьевымъ Петровской эпохѣ, представили, кромѣ

обилія архивныхъ матеріаловъ, много важныхъ соображеній о томъ положеніи, которое непосредственно предшествовало реформѣ, о тѣхъ условіяхъ политическаго, образовательнаго и бытового состоянія Россіи, въ какихъ совершалась дѣятельность Петра. Основной выводъ Соловьева состоялъ въ томъ, что все положеніе вещей въ концѣ XVII вѣка указывало на близость и необходимость перелома, — въ какой бы формѣ онъ ни произошелъ: нашелся ли бы геніальный человѣкъ, чтобы стать энергическимъ исполнителемъ накопившихся требованій, или дѣло осталось бы въ рукахъ людей обыкновенныхъ, все равно, переломъ былъ необходимъ и на самомъ дѣлѣ начинался уже раньше Петра. Этотъ выводъ, глубоко справедливый и весьма естественный по всему ходу историческихъ явленій, въ сущности полагалъ конецъ прежнему спору, какъ онъ былъ поставленъ въ 40-хъ годахъ. Реформа теряла тотъ, такъ сказать, героическій характеръ, въ какомъ изображали ее прежніе панегиристы, переставала быть чудеснымъ созданіемъ изъ ничего, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, переставала быть насильственнымъ произволомъ, безпричинной ломкой идущаго правильно быта: взамѣнъ того и другого являлся исторически необходимый процессъ, завершавшій давно назрѣвшія потребности національной жизни — возвращеніе народа европейскаго на путь европейской политической жизни и просвѣщенія, отъ котораго онъ надолго удаленъ былъ мрачными условіями прошедшей исторіи.

Точка зрѣнія, развитая Соловьевымъ, въ то же время проводима была въ работахъ другихъ изслѣдователей, такъ что можетъ считаться установленною въ наукѣ. *Пыпинъ.*

Значеніе эпохи преобразованія.

Время переворотовъ есть время тяжкое для народовъ; такова была и эпоха преобразованія. Жалобы на тягости великія слышались со всѣхъ сторонъ, и не напрасно. Русскій человѣкъ не зналъ покоя отъ наборовъ: наборъ въ тяжелую безпрерывную военную службу пѣхотную, въ новую службу морскую, наборъ въ работники для новыхъ трудныхъ работъ въ мѣ-

стахъ отдаленныхъ и непривлекательныхъ; наборъ въ школы свои, наборъ для отсылки въ ученіе за границу.

Для войска и флота, для работъ, школъ и больницъ, для содержанія дипломатовъ и для дипломатическихъ подкуповъ нужны деньги, а денегъ нѣтъ въ бѣдномъ государствѣ; тяжкія подати деньгами и натурою ложатся на всѣхъ; въ нужныхъ случаяхъ вычитаютъ изъ жалованья; люди достаточные разоряются постройкою домовъ въ Петербургѣ; взято все, что можно было только взять, все отдано на откупъ; у бѣднаго народа нашелся предметъ роскоши, дубовые гробы, и тѣ отобрала казна и продаетъ дорогой цѣной; раскольники платятъ двойной окладъ; бородачи окупаютъ свои бороды. Предписаніе за предписаніемъ: ищите руды, ищите красокъ, доставляйте *монстровъ*, ухаживайте за овцами не такъ, какъ прежде, выдѣлывайте кожи, стройте суда по новому, не смѣйте ткать узкихъ полотенъ, возите товары не на сѣверъ, а на западъ. Правительственныя мѣста, суды новые: не знаютъ куда обратиться; члены этихъ мѣстъ и судовъ не умѣютъ обходиться съ новымъ дѣломъ; отсылаютъ бумаги изъ одного учрежденія въ другое, волокита страшная; новое бѣдствіе: постоянная вооруженная сила легла на безоружное народонаселеніе. Укрываются отъ тяжкой службы; но не всѣмъ это удается; жестокое наказаніе грозитъ ослушникамъ указа, и нельзя жениться дворянину неграмотному. А между тѣмъ подъ новыми французскими кафтанами и париками старая грубость нравовъ; то же неуваженіе къ человѣческому достоинству въ себѣ и другихъ, самыя безобразныя явленія въ шуму (въ пьянствѣ), которыми долженъ оканчиваться каждый пиръ; женщина введена въ общество мужчинъ, но она не окружена должнымъ уваженіемъ къ ея полу, къ ея обязанностямъ. Члены высшихъ учрежденій ссорятся, бранятся другъ съ другомъ самымъ грубымъ образомъ; взяточничество сильно попрежнему, по прежнему слабый подверженъ всѣмъ насиліямъ отъ сильнаго, попрежнему *мужъ* позволяетъ себѣ все надъ *мужикомъ*, благородные надъ подлымъ народомъ.

Но это только одна сторона; есть другая. Народъ проходитъ трудную школу. Строгій учитель не щадитъ наказаній лѣнивымъ и нарушителямъ уставовъ; но дѣло не ограничивается одними угрозами и наказаніями. Народъ дѣйствительно учится; учится не одной цыфири и геометріи, не въ однѣхъ

школахъ, русскихъ и заграничныхъ: народъ учится гражданскимъ обязанностямъ, гражданской дѣятельности. При изданіи каждаго важнаго постановленія, при введеніи важнаго преобразованія, законодатель объясняетъ, почему онъ такъ дѣлаетъ, почему новое лучше стараго. Русскій человѣкъ впервые получаетъ наставленія подобнаго рода. Что намъ кажется теперь столь простымъ и всѣмъ доступнымъ, то предки наши узнали впервые изъ указовъ и манифестовъ Петровыхъ. Впервые мысль русскаго человѣка была возбуждена, его вниманіе обращено на важные вопросы государственнаго и общественнаго строя: сочувственно или несочувственно обращались къ словамъ и дѣламъ царя, все равно, надъ этими словами и дѣлами думали: эти слова и дѣла постоянно будили русскаго человѣка. Что могло погубить общество одряхлѣвшее, народъ неспособный къ развитію, — треволненія преобразовательной эпохи, незнаніе покоя, — то развило силы молодого и крѣпкаго народа, долго спавшаго и нуждавшагося въ сильномъ толчкѣ для пробужденія. Поучиться было чему. Наверху правительствующій сенатъ, синодъ, всюду коллегіальное устройство, преимущества котораго подробно изложены въ Духовномъ Регламентѣ; повсюду выборное начало; промышленное сословіе изъято изъ вѣдѣнія воеводъ, ему дано самоуправленіе. Вся система Петра была направлена противъ главныхъ золъ, которыми страдала древняя Россія: противъ разрозненности силъ, непривычки къ общему дѣлу, противъ отсутствія самодѣятельности, отсутствія способности начинать дѣло. Эти-то недостатки и условливали возможность всякой силѣ легко пробиваться сквозь неплотно сомкнутые ряды, расти не въ мѣру, переходить должныя границы и тѣснить все вокругъ. Указанными недостатками страдала прежняя царская дума: Петръ учреждаетъ сенатъ, которому присягали, котораго указовъ должны были слушаться, какъ указовъ царскихъ. Петръ не ревновалъ къ созданной имъ власти, не ограничивалъ ея, наоборотъ, онъ постоянно и безцеремонно требовалъ, чтобъ сенатъ пользовался своимъ значеніемъ, чтобъ былъ именно правительствующимъ; упреки, выговоры Петра сенату были за медленность, вялость, за отсутствіе распорядительности, за неумѣнье заставить привести свои приговоры немедленно въ исполненіе. Прежде русскій человѣкъ, принимавшій порученіе правительства, ходилъ на помочахъ; ему не вѣрили, боялись его малѣйшаго движенія и

потому спеленывали, какъ ребенка, въ длинный, подробный наказъ, и при каждомъ новомъ случаѣ, не опредѣленномъ въ наказѣ, взрослый ребенокъ требовалъ наставленія. Эта привычка требовать указовъ сильно сердила Петра: «дѣлайте по своимъ соображеніямъ: какъ я могу вамъ указывать изъ-за такой дали!» писалъ Петръ просящимъ указовъ. Коллегіальное устройство, встрѣтилъ ли онъ его на Западѣ, присовѣтовано ли оно было ему Лейбницемъ, все равно, Петръ употреблялъ его всюду, какъ могущественное средство пріучить русскихъ людей къ общему, нестѣсненному дѣйствію. Изъ-за отдѣльныхъ лицъ выдвинулись учрежденія, и надъ всѣми ими поднялось государство, о настоящемъ значеніи котораго русскіе люди услыхали въ первый разъ теперь, когда должны были присягать государству. Мы не остановимся на этой картинѣ, какъ на оконченной; мы очень хорошо знаемъ, что при Петрѣ и послѣ него было сильное противодѣйствіе его системѣ, что привычка служить лицамъ, при извѣстныхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, брала верхъ; что выраженіе: *господа сенатъ* немедленно же стало замѣняться выраженіемъ: *господа сенаты*; но идеи, разъ введенныя въ жизнь и закрѣпленныя учрежденіями цѣлою системою государственнаго строя, не исчезаютъ, несмотря на всѣ желанія отдѣлаться отъ нихъ: формы, и лишенныя содержанія, напоминаютъ объ немъ, побуждаютъ требовать его возвращенія, храмъ и безъ богослуженія призываетъ къ молитвѣ, все, введенное великимъ человѣкомъ, освящается его именемъ и надолго даетъ направленіе послѣдующей дѣятельности. Не нужно много говорить о несостоятельности мнѣнія, будто привычка къ дѣятельности сообща была сильна въ древней Россіи и начала исчезать вслѣдствіе преобразованія. Сильныя привычки не скоро уступаютъ самымъ сильнымъ противодѣйствіямъ и никакъ, разумѣется, не могутъ ослабѣть отъ условій самыхъ благопріятныхъ. Если бы русскіе промышленные люди привыкли къ общему дѣйствію въ древней Россіи, то они не представили бы такихъ печальныхъ явленій въ Петровскихъ ратушахъ и магистратахъ, гдѣ богатые разоряли бѣдныхъ, а выборные брали взятки и не исполняли своихъ обязанностей: объясненіе этому явленію найдемъ въ древней Россіи, изъ которой идутъ жалобы на такія же явленія въ городахъ, идутъ просьбы, чтобъ правительство защитило отъ *мужиковъ-горланов* обидчиковъ. Шли жалобы на воевод-

скія притѣсненія: правительство сдѣлало все, что могло, освободило отъ воеводъ, дало самоуправленіе; правительство могло дать другія, лучшія формы — и дало; но вдохнуть вдругъ способность къ самоуправленію оно не было въ состояніи; такую способность можно было пріобрѣсть только постепенно, если ея не было прежде, а что прежде ея не было, это обнаружилось немедленно.

Выставивъ значеніе государства, заставивъ, повидимому, приносить этому новому божеству тяжелыя жертвы и самъ подавая примѣръ, Петръ однако принялъ мѣры, чтобъ личность не была подавлена, а получила должное, уравновѣшивающее развитіе. На первомъ мѣстѣ, здѣсь, разумѣется, должно быть поставлено образованіе, введенное Петромъ, знакомство съ другими народами, опередившими нашъ народъ въ развитіи. Мы знаемъ, что въ допетровской Россіи былъ силенъ родовой союзъ: продолжительность его существованія объясняется легко изъ положенія общества, которое не могло дать своимъ членамъ должнаго обезпеченія, и они должны были искать его въ частныхъ союзахъ. Таковъ былъ прежде всего естественный кровный союзъ членовъ одного рода. Старшіе, какъ мы знаемъ, защищали младшихъ, и за то имѣли надъ ними власть, ибо отвѣчали за нихъ предъ правительствомъ. Такъ было вездѣ, во всѣхъ слояхъ общества, нигдѣ самостоятельный русскій человѣкъ не представлялся одинъ, но всегда съ братьями и племянниками; безродность и безсемейность до послѣдняго времени являлись выраженіями крайне бѣдственнаго положенія. Понятно, что родовой союзъ стѣснялъ развитіе личности; государство не могло дать личной заслугѣ силы надъ родовыми правами; ревнивый до крайности къ порухѣ родовой чести, старинный русскій человѣкъ былъ равнодушенъ къ чести личной. Но къ концу XVII вѣка государственныя требованія такъ усилились, что родъ съ своимъ единствомъ не могъ устоять, и уничтоженіе мѣстничества нанесло сильный ударъ родовому союзу въ высшемъ слоѣ общества, въ служилыхъ людяхъ. Преобразованіе нанесло ударъ окончательный рѣшительнымъ, исключительнымъ вниманіемъ къ личной заслугѣ, выдвинутіемъ наверхъ людей, которые стали безконечно выше своихъ «старыхъ родителей» (т.-е. родственниковъ), введеніемъ въ службу большаго числа иностранцевъ; для людей новыхъ стало выгодно являться безродными, и многіе изъ нихъ

охотно начали выводить свое происхожденіе изъ чужихъ странъ. Относительно низшихъ слоевъ народонаселенія ударъ родовому союзу былъ нанесенъ подушнымъ окладомъ; стало исчезать прежнее выраженіе: «такой-то съ братьями и племянниками», ибо братъ и племянникъ каждый сталъ платить за себя особо, явился отдѣльнымъ, самостоятельнымъ человѣкомъ. Не только прежнія родовыя отношенія должны были исчезать; но и въ самой семьѣ, требуя глубокаго уваженія отъ дѣтей къ родителямъ, Петръ призналъ права личности, предписывая, чтобы браки совершались съ согласія дѣтей, безъ произвола родителей: право личности признано было и въ крѣпостномъ, ибо помѣщикъ долженъ былъ присягать, что не принуждаетъ своихъ крестьянъ къ невольному браку. Испорченность нашихъ служилыхъ людей въ XVII и началѣ XVIII вѣка, ихъ равнодушіе къ чести сказалось въ позорной поговоркѣ: «бѣгство хоть нечестно, да здорово». При Петрѣ вывелась эта поговорка, и онъ самъ свидѣтельствовалъ, что во второй половинѣ Сѣверной войны бѣгство съ поля сраженія прекратилось. Наконецъ, получила признаніе личность женщины, вслѣдствіе освобожденія ея изъ терема.

Такъ воспитывались русскіе люди въ суровой школѣ преобразованія! Страшные труды и лишенія не пропали даромъ. Начертана была обширная программа на много и много лѣтъ впередъ, начертана была не на бумагѣ: она начертана была на землѣ, которая должна была открыть свои богатства предъ русскимъ человѣкомъ, получившимъ, посредствомъ науки, полное право владѣть ею; на морѣ, гдѣ явился русскій флотъ; на рѣкахъ, соединенныхъ каналами; начертана была въ государствѣ новыми учрежденіями и постановленіями; начертана была въ народѣ посредствомъ образованія, расширенія его умственной сферы, богатыхъ запасовъ умственной пищи, которую доставилъ ему открытый Западъ и новый міръ, созданный внутри самой Россіи. Большая часть сдѣланнаго была только въ началѣ, иное въ грубыхъ очеркахъ, для многаго приготовлены были только матеріалы, сдѣланы были только указанія: поэтому мы и назвали дѣятельность преобразовательной эпохи программою, которую Россія выполняетъ до сихъ поръ, и будетъ выполнять, уклоненіе отъ которой сопровождалось всегда печальными послѣдствіями...

Никогда ни одинъ народъ не совершалъ такого подвига,

какой былъ совершонъ русскимъ народомъ въ первую четверть XVIII вѣка. На исторической сценѣ явился народъ малоизвѣстный, бѣдный, слабый, не принимавшій участія въ общей европейской жизни; неимовѣрными усиліями, страшными пожертвованіями онъ далъ законность своимъ требованіямъ, явился народомъ могущественнымъ, но безъ завоевательныхъ стремленій, успокоившійся, какъ только пріобрѣтено было необходимое для его внутренней жизни. Человѣка, руководившаго народомъ въ этомъ подвигѣ, мы имѣемъ полное право назвать величайшимъ историческимъ дѣятелемъ, ибо никто не можетъ имѣть большаго значенія въ исторіи цивилизаціи. Петръ не былъ вовсе славолюбцемъ-завоевателемъ и въ этомъ явился полнымъ представителемъ своего народа, не завоевательнаго по природѣ племени и по условіямъ своей исторической жизни. Геній Петра высказался въ ясномъ уразумѣніи положенія своего народа и своего собственнаго, какъ вождя этого народа, онъ созналъ, что его обязанность вывести слабый, бѣдный, почти неизвѣстный народъ изъ этого печальнаго положенія посредствомъ цивилизаціи. Трудность дѣла представилась ему во всей полнотѣ, по возвращеніи изъ-за границы, когда онъ могъ сравнить видѣнное на Западѣ съ тѣмъ, что онъ нашелъ въ Россіи, которая встрѣтила его стрѣлецкимъ бунтомъ. Онъ испыталъ страшное искушеніе, сомнѣніе, но вышелъ изъ него вполнѣ увѣровавши въ нравственныя силы своего народа и не замедлилъ призвать его къ великому подвигу, къ пожертвованіямъ и лишеніямъ всякаго рода, показывая самъ примѣръ во всемъ этомъ. Ясно сознавши, что русскій народъ долженъ пройти трудную школу, Петръ не усомнился подвергнуть его страдательному, унизительному положенію ученика; но въ то же время онъ успѣлъ уравновѣсить невыгоды этого положенія славою и величіемъ, превратить его въ дѣятельное, успѣлъ создать политическое значеніе Россіи и средства для его поддержанія. Петру предстояла трудная задача: для образованія русскихъ людей необходимо было вызвать иностранныхъ наставниковъ, руководителей, которые естественно стремились подчинить учениковъ, которыхъ Петръ хотѣлъ сдѣлать какъ можно скорѣе мастерами; Петръ не поддался искушенію, не принялъ предложенія вести дѣло успѣшно съ людьми выученными, вполнѣ приготовленными, но иностранцами, хотѣлъ, чтобъ свои русскіе проходили дѣятельную школу, хотя бы

это стоило и большихъ потерь, сопровождалось большими неудобствами. Онъ на всѣхъ высшихъ мѣстахъ поставилъ русскихъ людей, а иностранцамъ далъ только второстепенныя, и былъ награжденъ за вѣру въ свой народъ, за преданность ему. Съ необыкновенною осторожностью, умѣньемъ не перейти должныя границы, разрѣшена была Петромъ трудная задача церковнаго преобразованія. Онъ уничтожилъ одноличное управленіе и замѣнилъ его коллегіальнымъ или соборнымъ, что вполнѣ соотвѣтствовало духу восточной Церкви,— мы видѣли, что одною изъ главныхъ заботъ Петра было поднятіе русскаго духовенства посредствомъ образованія; несмотря на сильное и понятное нерасположеніе къ монашеству, онъ не уничтожилъ этого учрежденія, подобно Генриху VIII англійскому, только стараясь дать ему болѣе соотвѣтствующую его характеру дѣятельность. *Соловьевъ.*

Коренной источникъ и смыслъ Петровской реформы.

Какъ область, занятая славянорусскимъ племенемъ, по своимъ естественнымъ свойствамъ и условіямъ, не похожа на государственныя территоріи Запада, такъ и характеръ русскаго народа и его судьба имѣютъ мало общаго съ судьбою и характеромъ западно-европейскихъ націй. Область эта лежитъ на восточной окраинѣ Европы, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ монгольскою Азіей. Оттого Россія, въ теченіе всей своей исторіи, сначала — стражъ христіанскаго міра отъ напора восточныхъ номадовъ, а потомъ — естественный посредникъ между двумя частями свѣта, призванный примирить ихъ противоположности. На такую роль русской земли указываетъ и направленіе ея водныхъ путей. Начинаясь у центральной или Валдайской возвышенности, въ области древнѣйшаго господства русскихъ славянъ, рѣки Европейской Россіи расходятся, въ трехъ направленіяхъ, — къ морямъ Каспійскому, Черному, Балтійскому и Сѣверному, призывая племена, сидящія въ верховьяхъ, добиться до устьевъ: Волгой—до Чернаго моря, ведущаго въ Грецію, и Западной Двиной, вмѣстѣ съ Волховомъ и Невой — до Балтики, открывающей путь сношеніямъ съ западной Европой.

Такимъ образомъ задача русской исторіи не создана правительствомъ, не выдумана учеными; она начертана природой на русской землѣ. Но для выполненія такого призванія, для пріобрѣтенія этихъ естественныхъ племенныхъ границъ, потребовался трудный и медленный процессъ ассимиляціи инородныхъ элементовъ, облегавшихъ окраины, — славянская колонизація финскаго сѣверо-востока, тюрко-монгольскаго юга и финско-латышскаго запада.

Ко времени появленія Петра, послѣ восьми лѣтъ неимовѣрныхъ усилій, русскому народу удалось добиться только до морей Сѣвернаго и Каспійскаго, посредствомъ которыхъ и шли у него сношенія съ Западомъ и Востокомъ. Отъ Чернаго — отдѣляли его необъятныя степи, съ XIII вѣка сдѣлавшіяся недоступными; на Балтійскомъ побережьи загнѣздились нѣмцы. Двѣ лучшія дороги для сношеній съ Азіей и Европой были для Россіи заграждены. Полоса по Сейму и Донцу оставалась ея южной границей, Днѣпръ и великія озера служили рубежами на западѣ. Слабымъ вознагражденіемъ служило для насъ то обстоятельство, что допетровская Русь раскинулась на востокъ и, покоривъ инородную Сибирь, дошла до береговъ Тихаго океана. Она пріобрѣла громадныя, но почти необитаемыя земли и, владѣя, въ половинѣ XVII вѣка, 237 тысячами квадратныхъ миль пространства, разметала по немъ свое рѣдкое населеніе такъ раскидисто, что на пять квадратныхъ верстъ, въ общей сложности, приходилось по одному человѣку. Самыя плотныя массы этого населенія легли отъ южной и западной границы до Ураловъ и средней Волги. Въ этой-то области, покрытой тогда дремучими лѣсами и болотами, но богатой рѣками и озерами, на почвѣ глинистой, иловатой и лишь кой-гдѣ плодородной, въ краю суровомъ по климату и ландшафтамъ, вращалась жизнь допетровской Россіи, — Московіи, какъ называли ее иностранцы.

На огромномъ пространствѣ разбросано 300 городовъ. Изъ нихъ только 20 имѣютъ каменные постройки и торги. Остальные — большія села съ деревянными кремлями, со рвами и частоколами для защиты, населены земледѣльцами. Но и это населеніе малочисленно, бѣдно. Тула, Калуга, Суздаль, Тверь — имѣли по двѣ и по три тысячи жителей. Посадскій человѣкъ, платя рубль съ своего двора, находилъ эту подать такимъ тяжкимъ бременемъ, что часто бѣжалъ отъ нея въ Литву,

въ степь, за камень, закладывался за кого-нибудь, становился добровольнымъ холопомъ. Промыслы по городамъ тоже скудны и рѣдки, да и потребностей въ нихъ нѣтъ. Крестьянинъ самъ себѣ строитъ домъ, дѣлаетъ одежду, обувь, посуду; все хозяйство его стоитъ не болѣе трехъ рублей. На служилыхъ людей, — на бар., дворянъ, помѣщиковъ работаютъ тоже ихъ холопы, снабжаютъ ихъ всѣмъ необходимымъ. Да и живетъ это барство просто и незатѣйливо, «безъ всякаго устроенія и призрѣнія». Зачѣмъ же ремесла, фабрики и торговля? Оттого и торговыхъ людей такъ мало. Въ Россіи Алексѣя Михаиловича большихъ гостей насчитывалось не болѣе 30. Да и изъ нихъ большая часть — иностранцы. Заграничный отпускъ черезъ Архангельскъ, запертый льдами большую часть года, — отпускъ хлѣба, пеньки, поташу и смолы. — больше торговать было нечѣмъ, — въ рукахъ у нихъ же. Заводовъ такъ мало, что они не удовлетворяютъ даже первымъ потребностямъ. Когда Петръ началъ въ Воронежѣ строить флотъ, то пришлось выписывать изъ-за границы не только канаты и парусину, но даже гвозди и плотничьи инструменты, — все, кромѣ дерева. Нѣтъ даже сносныхъ земледѣльческихъ орудій по деревнямъ. Правительство само должно нерѣдко разсылать ихъ нуждающимся. Разстоянія между городами и селами дальнія, сообщенія сколько-нибудь удобны только зимой, когда вовсе не нужно дорогъ. Плохи они даже по городамъ. Только кой-гдѣ бревенчатыя мостовыя. Объ освѣщеніи улицъ нѣтъ и помину.

Плохо жить горожанину, не лучше и мужику. Съ XVII вѣка онъ теряетъ личную свободу, становится собственностью дворцовой, монастырской или помѣщичьей. Законъ, правда, обезпечиваетъ на бумагѣ его имущество и безопасность, защищаетъ его отъ жестокаго обращенія и непосильной эксплуатаціи помѣщика, но въ рукахъ грубаго и хищнаго рабовладѣльца, на самомъ дѣлѣ, онъ не болѣе, какъ безличная и безправная рабочая сила. Половину добываемыхъ произведеній отдаетъ онъ хозяину своей земли; изъ другой — кормитъ свою семью и несетъ натурой и деньгами повинности государственныя, — подати, пошлины, заставныя, ямскія, полоняничныя, стрѣлецкія, воеводскія, приказныя. Но государство, въ пользу котораго несетъ онъ такое тяжкое бремя, не въ силахъ дать ему взамѣнъ почти ничего, — ни образованія, ни праваго суда,

ни даже простой безопасности. Его грабятъ и разбойники, и ратные люди, и воевода со своими приказными; его душитъ моръ, губитъ засуха и голодъ, а частые пожары то и дѣло истребляютъ его скудные запасы. И онъ тоже спасается, бѣжитъ въ степь и за Волгу, становится разбойникомъ, казакомъ, раскольникомъ; а оставшіеся платятъ за избылаго. Села пустѣютъ, и деревни въ 30 дворовъ считаются уже многолюдными. А тутъ отъ безалабернаго хозяйства, отъ разброда людей и выжиганья лѣсовъ, оскудѣваетъ почва, уменьшается рыба и дичь, которыми нѣкогда такъ изобиловала древняя Русь. Полный экономическій кризисъ готовъ былъ обрушиться на страну,—и, въ теченіе XVII вѣка, высказывается уже цѣлымъ рядомъ общественныхъ смутъ.

Рядомъ съ хозяйственнымъ истощеніемъ древней Россіи, разлагающимъ образомъ дѣйствуетъ въ ней и много другихъ причинъ, - нестроеніи общественныхъ и нравственныхъ, накопляющихся именно къ XVII же столѣтію. Въ это время достигаетъ полнаго своего развитія московское самодержавіе и связанная съ нимъ государственная централизація. Во всей Европѣ торжествовали уже тогда новыя государственныя понятія; но на Руси верховная власть все еще вращалась въ патріархальныхъ формахъ — имѣла характеръ домоначалія и домовладѣнія. Царь былъ безотчетнымъ главою большого хозяйства, обнимавшаго всю русскую землю. Бояре, окольничіе, думные и другіе дворяне, стряпчіи, жильцы, воеводы, полковники и всякіе начальные люди, отъ великаго и до малого чина, составляютъ какъ бы личную служню государеву, считаются его холопями. Государь жалуетъ ихъ за службу помѣстьями и вотчинами, платьемъ, шубами, блюдами со своего стола, за вины казнитъ смертію, отымаетъ имущество, велитъ бить батогами и кнутомъ передъ своими. О гражданскомъ значеніи и какихъ-нибудь правахъ служилыхъ людей нѣтъ еще и помину. Царская дума, по описанію современниковъ, представляется намъ не государственнымъ учрежденіемъ, а домашнимъ совѣтомъ царя. Кормленіе на воеводствахъ, кормленіе отъ дѣлъ по приказамъ, которое государь жалуетъ за заслуги, - все это явленія и признаки патріархальнаго порядка вещей.

Бѣдность и односторонность литературы, вращавшейся почти исключительно въ кругу религіозно-церковныхъ интересовъ,—

тугое развитіе книгопечатанія, появившагося у насъ только черезъ сто лѣтъ послѣ его изобрѣтенія на Западѣ, — общая отсталость въ искусствахъ техническихъ и изящныхъ, — недостатокъ школъ и научныхъ пособій, — круглое невѣжество низшаго духовенства, — церковный расколъ, какъ плодъ этого невѣжества, слабое распространеніе грамотности даже среди высшихъ сословій, — мелочность ихъ интересовъ, вращавшихся на кормленіи да на мѣстническихъ счетахъ, — множество дикихъ предразсудковъ, опутавшихъ всѣ классы общества, — бѣдность жизненной обстановки, — полуазіатскіе обычаи, — безобразные пиры съ несчетными блюдами, съ бражничаньемъ и дракой между людьми первыхъ чиновъ государства — вотъ тѣ слишкомъ извѣстныя черты, изъ которыхъ складывается печальный образъ допетровской Россіи.

А тутъ непрошеныя и незваныя новшества, западные обычаи и идеи, западныя изобрѣтенія и люди, со временъ Романовыхъ, неудержимо проникаютъ въ заповѣдной кругъ прадѣдовской старины, несмотря на всѣ предосторожности, на весь страхъ и ненависть къ иноземщинѣ, — подкапываются подъ нее, смущаютъ умы, возбуждаютъ сомнѣнія и критику. Само правительство начинаетъ сознавать несостоятельность вѣками сложившагося строя, — дѣлаетъ попытки преобразованій, вызываетъ западно-русскихъ ученыхъ, приглашаетъ иностранцевъ, чувствуетъ потребность учить и учиться. Но эти робкія начинанія встрѣчаются враждебно общественнымъ мнѣніемъ. Противъ нихъ — все духовенство, огромное большинство служилаго сословія, вся масса народная.

Какую же политическую силу могло представлять государство, расшатавшееся до такой степени въ своихъ экономическихъ, гражданскихъ и нравственныхъ основаніяхъ? Понятно, что вѣсъ Россіи не могъ быть значителенъ даже въ сношеніяхъ съ азіатскими сосѣдями; въ европейскихъ же дѣлахъ она и вовсе не принимала участія. Со второй польской войны Алексѣя Михайловича, въ теченіе пятидесяти лѣтъ, наполненныхъ безпрерывными походами, русскіе не одержали ни одной побѣды. — И до самаго исхода XVII столѣтія московскій дворъ находился въ постыдной зависимости отъ крымскихъ хищниковъ, — зависимости, выражавшейся ежегодной данью, такъ называемыми поминками, въ случаѣ малоцѣнности которыхъ послы наши подвергались въ Бахчисараѣ поруганіямъ и по-

боямъ. Вотъ что сталось въ XVII столѣтіи съ Русью Ярослава, Мономаха, Александра Невскаго и Грознаго.

Представимъ себѣ все это, соединимъ все сказанное въ общей картинѣ, — и мы съ изумленіемъ спрашиваемъ себя: какъ могло среди такого общества возникнуть явленіе, подобное Петру Великому? Откуда почерпнулъ онъ свои геніальныя силы, — какимъ чудомъ косно ползущая жизнь вдругъ прорвалась неукротимою и необъятною дѣятельностью?

Отвѣтъ на эти вопросы можетъ дать только складъ характера русскаго народа, воспитанный цѣлой его исторіей.

Историческое воспитаніе великорусскаго племени началось съ медленнаго, труднаго дѣла колонизаціи чудско-монгольскаго сѣверо-востока Европы. Отъ Балтійскаго моря и финскихъ озеръ двигалось оно, въ теченіе вѣковъ, шагъ за шагомъ къ Уральскимъ горамъ, перешагнуло за этотъ рубежъ и разсѣяло свои поселенія по необозримымъ пространствамъ сѣверной Азіи до крайнихъ оконечностей Сибири. Здѣсь, въ борьбѣ съ дикой природой, съ безчисленными лишеніями и опасностями, развилась столь извѣстная практическая сноровка великорусса, настойчивость и твердость его труда, находчивость и мужество въ бѣдѣ, а нужда научила преодолѣвать представлявшіяся на каждомъ шагу препятствія не въ одиночку, а артельно-общинными усиліями. Здѣсь посреди неоглядныхъ полей и дремучихъ лѣсовъ, — шири, пустоши и привольи, выросла его богатырская сила и молодецкая удаль. Полюбилъ онъ тутъ волю буйную, созналъ свое превосходство предъ поганымъ, предъ нехристемъ, но вмѣстѣ созналъ и потребность въ крѣпкой, руководящей власти, способной направлять къ дружной цѣли разрозненныя, разметавшіяся силы новопріобрѣтенныхъ земель. То была героическая пора въ жизни народа, когда зародились первые мотивы его въ высшей степени характерной пѣсни, протяжной, безконечной, переходящей въ такой же безшабашный разгулъ. Скоро однако къ этой пѣснѣ привязалась грустная нота, легъ на нее заунывный колоритъ. Одолѣла степная азіатская татарщина. Подъ игомъ полудикихъ кочевниковъ русскій человѣкъ остался тѣмъ же, но замкнулся въ себѣ, сталъ недовѣрчивъ, упоренъ, равнодушенъ къ жизни, а подчасъ и жестокъ. А исконное терпѣніе и выносливость закалились въ немъ окончательно, — и еще рѣзче опредѣлилось въ немъ его племенное и религіозное отличіе

отъ неславянскаго, нехристіанскаго Востока. Ненависть и презрѣніе къ чужеплеменнику и иновѣрцу онъ перенесъ потомъ и на западныхъ сосѣдей, литву и нѣмцевъ, съ которыми тоже долженъ былъ вести вѣковую борьбу. Такъ составила Русь какой-то отдѣльный міръ между двумя частями свѣта, не принадлежала ни той ни другой. Національная исключительность сдѣлалась чертою русскаго характера. Наконецъ, монгольское рабство кончилось. Настала пора московскихъ государственныхъ порядковъ. Но иго не прошло безслѣдно. Оно оставило множество самыхъ пагубныхъ извращеній народнаго духа.

Толстый слой грубой коры наложило прошедшее на силы русскаго человѣка; но зато и силы, таившіяся подъ ней, были громадны. Ими только объясняется возможность Петра въ нашей исторіи. Стоило имъ прорваться наружу, — и онѣ породили явленіе, изумившее міръ столько же своими гигантскими размѣрами, какъ и своею неожиданностью, — изумившее даже Россію, которая сама не подозрѣвала, что способна выставить такого человѣка. Оттого русскіе люди и не поняли сначала Петра, а раскольники прямо говорили, что онъ — не настоящій царь, а подставленный нѣмцами. А между тѣмъ Петръ — чисто великорусская натура, и нѣтъ въ ней ни одной черты, которая бы не объяснялась народными задатками. Неугомонная, всепроникающая дѣятельность, разнообразнѣйшій трудъ — отъ тонкой умственной работы до послѣдняго грубаго мастерства, вѣчные разъѣзды отъ Балтійскаго моря до Волги, отъ Архангельска до Азова, простая, часто разгульная жизнь, — такъ и видишь древняго новгородскаго повольника, звѣролова, промышленника, торговца и перваго населителя далекихъ и пустынныхъ краевъ. Затѣмъ, страсть къ морю и морскимъ похожденіямъ, почти съ дѣтства развившаяся въ Петрѣ, приводила въ изумленіе многихъ. Даже спеціальный историкъ Петра Великаго недоумѣваетъ, какъ подобная страсть могла зародиться въ юномъ, выросшемъ въ подмосковномъ Преображенскомъ, гдѣ, на пространствѣ ста верстъ кругомъ, не было и порядочнаго озера. Но эта — та же древнерусская потребность шири, простора и раздолья, которую мы видимъ въ казакахъ, вольницѣ, сибирскихъ и степныхъ колонистахъ. А практическій смыслъ, а желѣзная воля, а твердость въ несчастіяхъ, терпѣніе въ неудачахъ, — все это исконныя черты въ высшей степени реальнаго и выносливаго великорусскаго характера.

Но народъ, скованный обрядностью неподвижной московской жизни, во многомъ сталъ тогда уже забывать себя, а потому изумился, когда увидѣлъ, что Петра не водятъ подъ руки сибирскіе и касимовскіе царевичи, что онъ даже вовсе не умѣетъ ходить, а только бѣгаетъ; изумился еще болѣе, когда онъ побратался съ нѣмецкими проходимцами, принялъ ихъ обычаи, надѣлъ ихъ короткое платье. Видя все это, народъ задумался, — да нашъ ли это, ужъ не нѣмецъ ли воровскимъ образомъ сѣлъ къ намъ въ цари? А тутъ къ довершенію ужаса, царь этотъ самъ ѣдетъ смотрѣть нѣмецкую землю, толпами посылаетъ туда учиться лучшихъ русскихъ людей. И все это творится въ государствѣ, откуда за границу ѣздили до сихъ поръ только послы да большіе гости, и то за крѣпкими поруками; а кто бы безъ вѣдома уѣхалъ, того имѣніе отбирали въ казну, да всѣхъ его родственниковъ допрашивали на пыткѣ. Этого народъ уже не могъ стерпѣть. Въ отсутствіе Петра разыгрывается стрѣлецкій бунтъ; кричатъ, что царь измѣнилъ православію, родную землю продалъ еретикамъ. Съ голоса озлобленныхъ современниковъ нашлись и въ потомствѣ писатели, рѣшившіеся заподозрѣть Петра въ нелюбви къ Россіи. Едва ли стоитъ опровергать это обвиненіе. Петръ любилъ Россію; но не той инстинктивной привязанностью, которую можетъ питать къ родинѣ и дикарь, а любовью разумною и святою, желая ей пользы, славы, величія и силы. Онъ любилъ не ту Россію, которую видѣлъ вокругъ себя, а Россію будущаго, великую, просвѣщенную, богатую, человѣчную, — и этой идеальной Россіи всецѣло приносилъ въ жертву личные интересы, кровныя связи, всего себя. «Я за мое отечество и люди, — пишетъ онъ съ горечью недостойному сыну, — живота своего не жалѣлъ... Помогаешь ли въ такихъ моихъ неносныхъ печалѣхъ и трудахъ? Кому насажденіе свое оставлю?» А знаменитый приказъ передъ Полтавской баталіей, — «о Петрѣ не думайте, жила бы Россія въ довольствѣ и славѣ». Наконецъ, вся его дѣятельность, каждая минута которой посвящена была родинѣ не доказываетъ ли лучше всего его горячую, самоотверженную преданность ей. Онъ сблизился съ иностранцами, ласкалъ и платилъ имъ только ради пользы Россіи. Онъ видѣлъ въ нихъ нужныхъ людей, способныхъ учителей своему народу, но нигдѣ не отдавалъ имъ существеннаго предпочтенія, — и на высшихъ постахъ государственной службы мы видимъ при Петрѣ почти

исключительно одних русскихъ. Выходитъ, что и въ этомъ сближеніи съ иностранцами, въ самомъ предпочтеніи чужеземныхъ обычаевъ, порядковъ и образованности — Петръ дѣйствовалъ какъ практическій русскій человѣкъ: увидѣвъ, что это нужно, что въ этомъ лучшее средство спасти Россію, — и не посмотрѣлъ ни на что. Совершенно народной же чертой является въ немъ также и удивительная способность самообразованія. Не получивъ почти никакого систематическаго образованія, учась всему на лету и мимоходомъ, будучи именно геніальнѣйшимъ изъ русскихъ самоучекъ, Петръ тѣмъ не менѣе въ зрѣлыхъ лѣтахъ обладалъ уже такими обширными и разнообразными свѣдѣніями, что изумлялъ ими иностранныхъ спеціалистовъ.

Съ какой бы стороны, словомъ, ни изучали мы личность Петра, — сердечную ли его религіозность, далекую отъ фанатизма и ханжества, съ его смиреніемъ въ счастіи и простотою въ величіи, или его военныя доблести — хладнокровіе и стойкость въ опасностяхъ, великодушіе къ побѣжденному врагу, полное отсутствіе суетнаго личнаго славолюбія — вездѣ видимъ мы въ немъ соединеніе лучшихъ свойствъ народнаго генія, на почвѣ котораго только и могъ вырасти этотъ блестящій феноменъ. Даже темныя стороны его характера — невоздержность, вспыльчивость, припадки бѣшенаго гнѣва, вообще крутость нрава, доходившая до жестокости — объясняются столько же его страстнымъ, огненнымъ темпераментомъ, сколько и вліяніемъ среды, его воспитавшей.

Только русская земля могла породить богатыря, подобнаго Петру; только такой богатырь могъ разбудить ея исполинскія силы, двинуть ее на новую дорогу.

Петръ Великій не создалъ задачи для своей дѣятельности, да это и не въ силахъ человѣка. Онъ засталъ ее готовою. Ее указала природа страны и завѣщала ея исторія. Задача состояла въ томъ, чтобъ раздвинуть русскую землю до ея естественныхъ рубежей и сдѣлать ее посредницею между Азіей и Европой. То и другое стремленіе неотразимо влекло народъ русскій къ Балтійскому морю. Только добившись до него, Россія могла войти въ органическую связь съ европейскимъ міромъ, примкнувъ къ нему такъ же тѣсно, какъ, съ другой стороны, она примыкала уже къ азіатскому Востоку. Заслуга Петра состоитъ здѣсь въ томъ, что онъ ясно понялъ потреб-

ности, начавшія высказываться уже за 100 лѣтъ до него, — и пріобрѣтеніе береговъ прибалтійскихъ поставилъ главною задачею своей жизни. Такимъ пріобрѣтеніемъ разомъ достигались три великія цѣли: Россія получала на западѣ свою природную границу, безъ которой ни ея политическое значеніе, ни самостоятельное развитіе ея народныхъ силъ никогда не могли бы считаться обезпеченными; затѣмъ — впервые открылась для нея возможность явиться связующимъ звеномъ между двумя частями свѣта, — и, наконецъ, путемъ усвоенія европейской образованности, избѣжать неминуемаго кризиса, грозившаго ей во всѣхъ почти отрасляхъ ея внутренней жизни...

Но не только во внѣшней политикѣ, — борьба за берега прибалтійскіе является средоточіемъ всей дѣятельности Петра Великаго и по отношенію ко внутреннимъ преобразованіямъ. Не должно думать, что всеобъемлющія реформы народной и государственной жизни велись имъ по какому-нибудь заранѣе составленному плану. Подобно всѣмъ истинно-практическимъ дѣятелямъ, Петръ не имѣлъ никакой систематической программы, а дѣлалъ только то, на что указывала нужда, чего требовали обстоятельства. Война съ турками и шведами доказала необходимость европейски организованнаго войска и морской силы; заведеніе регулярной арміи и флота потребовало фабрикъ, заводовъ и большихъ денежныхъ средствъ, а чтобъ открыть новые финансовые источники, надо было поднять промышленность и торговлю и преобразовать правительственныя учрежденія. Наконецъ, ничего этого нельзя было достигнуть безъ умѣнья и нужныхъ свѣдѣній, — отсюда рядъ мѣръ къ водворенію образованія и науки. Все это развилось естественно и вызывалось одно другимъ. Послѣдовательность и стройность, замѣчаемыя въ дѣлахъ Петра, тѣмъ-то и велики, что въ нихъ не было ничего искусственнаго, что онѣ прямо вытекали изъ положенія вещей и неотразимыхъ потребностей времени.

Итакъ, Петръ Великій стоитъ такъ же твердо на интересахъ своего времени, какъ и на почвѣ своей народности, соединяя въ себѣ именно тѣ два условія, безъ которыхъ никакая дѣятельность не можетъ быть прочною, никакой историческій подвигъ — незыблемымъ. Но истинная заслуга его открывается во всей полнотѣ своего величія въ исполненіи исторически

сложившейся задачи, т.-е. въ открытіи наиболѣе цѣлесообразныхъ путей, въ примѣненіи пробужденныхъ имъ силъ народныхъ, въ идеяхъ, по которымъ развивалась вся его необъятная дѣятельность.

Господствующая идея Петровской реформы — это возвеличеніе государства, а слѣдовательно — и государственной власти. Сильному развитію самодержавія Россія преимущественно обязана своимъ нынѣшнимъ величіемъ и могуществомъ, — обязана тѣмъ, что, одна изъ всѣхъ славянскихъ племенъ, она успѣла сложиться въ крѣпкій политическій организмъ, послужившій охраной ея народности посреди безчисленныхъ опасностей съ востока и запада. Чѣмъ была бы она съ ея рѣдкимъ народонаселеніемъ, разбросаннымъ на необозримыхъ пространствахъ, безъ этой связующей и руководящей силы? Петръ Великій, постоянно нуждавшійся для своего дѣла въ содѣйствіи всей земли, въ ея дружныхъ усиліяхъ и жертвахъ, долженъ былъ, разумѣется, еще болѣе возвысить и укрѣпить это начало. Но, возвеличивая верховную власть, возводя ее на высоту недосягаемую, онъ впервые сообщилъ ей характеръ, не только облекавшій ее полнѣйшей законностью, но и снискавшій ей навѣки всю преданность и благоговѣніе народа. Характеръ этотъ — есть служеніе общественное. Государь, наравнѣ со своими подданными, служитъ своему государству, благо и счастіе котораго и есть верховный интересъ государя, страны и народа. «Я для славы и чести народа россійскаго, — пишетъ онъ въ манифестѣ объ отрѣшеніи Алексѣя Петровича отъ престола, — здоровье свое истратилъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и живота своего не жалѣлъ». «Польза государственная», «слава народа нашего» — вездѣ являются въ Петровскихъ указахъ на первомъ планѣ. Этому единственному интересу должны отнынѣ подчиняться всѣ связи, которыми держалось древлерусское общество, — родовые союзы, личныя выгоды, династическія цѣли, сама Церковь, отъ которой, на ряду съ ея духовнымъ призваніемъ, потребовали и служенія общественнаго. Отнынѣ единственная связь между русскими людьми должна заслонить собою всѣ прежнія. Это связь между ними какъ между гражданами одного великаго государства. Никакая жертва не кажется преобразователю слишкомъ великою, когда имѣется въ виду эта цѣль. Ради нея приводитъ онъ народныя силы въ страшное напряженіе, сближается съ Европой, насиль-

ственно пересаживая къ намъ плоды ея болѣе развитой цивилизаціи, насильственно отдаетъ русскихъ людей въ выучку иноземцамъ, неумолимо преслѣдуетъ всякія противогосударственныя стремленія, въ комъ бы они ни обнаруживались, — въ разбойничьихъ ли шайкахъ, въ стрѣлецкихъ ли мятежахъ, въ раскольникахъ, въ злоупотребленіяхъ отдѣльныхъ лицъ, даже самыхъ близкихъ, наконецъ — въ родномъ сынѣ. Всѣхъ русскихъ людей, какого бы чина и званія они ни были, отъ вельможи до крестьянина и солдата, заставляетъ онъ служить не лицамъ и учрежденіямъ, не роду и племени, а государству, — и самъ первый подаетъ неслыханный по своей ревности примѣръ этого служенія. Самому себѣ даже, «самовластному монарху Россіи, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ», какъ сказано въ его Военномъ Уставѣ, требуетъ онъ повиновенія только ради блага и пользы общественной, и — если кн. Яковъ Долгорукій, во имя того же государственнаго интереса, останавливаетъ исполненіе царскихъ указовъ, — умѣетъ сносить и прощать гражданское величіе подданнаго.

Но Петръ не только отъ всѣхъ и каждаго требовалъ службы государству, но и училъ русскихъ людей — какъ надо служить ему. Онъ училъ ихъ указами, инструкціями, регламентами, неослабнымъ контролемъ за дѣйствіями каждаго, — училъ дома и за границей, въ школахъ и практической жизни. Важнѣйшимъ поприщемъ для ученья служили новыя учрежденія, и особенно — учрежденія коллегіальныя, — отъ Сената, Синода и Коллегій до Ландратскихъ Совѣтовъ по провинціямъ и губерніямъ и до магистратовъ по городамъ. Вездѣ въ учрежденіяхъ этихъ господствуетъ выборное начало и круговая отвѣтственность всѣхъ за каждаго изъ членовъ. Законодатель, видимо, усиливается пріучить русскихъ людей къ общественной самодѣятельности и самопочину. «Денегъ нѣтъ, подати не выплачиваются; народъ разбѣгается и бѣдствуетъ — жалуется самородный экономистъ Петровской эпохи, а все оттого, что купцы и крестьяне живутъ не союзно и не любовно, ѣдятъ, обманываютъ другъ друга, не держатъ межъ собою компанства». И вотъ великій учитель хочетъ заставить всѣхъ работать не порознь и въ одиночку, какъ бывало встарь, а общими силами: ремесленниковъ — въ цехахъ, купцовъ — въ компаніяхъ, чиновниковъ — въ коллегіяхъ, — такъ какъ

только солидарностью цѣлей, интересовъ и чувствъ, дружнымъ дѣйствіемъ тѣсно сомкнутой массы головъ и рукъ достигаются великіе результаты, преуспѣваетъ общее благо.

Но, поставивъ такъ высоко государство и его интересы, заставляя всѣхъ приносить ему самыя тяжелыя жертвы, Петръ, однако, не простеръ этого принципа до крайности, не затеръ государствомъ личности гражданина, его достоинства и правъ, а напротивъ — принялъ рядъ мѣръ къ ея обезпеченію. Такъ, въ высшихъ сословіяхъ онъ окончательно ослабилъ старое родовое начало, установивъ табель о рангахъ, которою давался просторъ личной заслугѣ, а въ низшемъ — тотъ же результатъ достигнутъ введеніемъ подушнаго, т.-е. личнаго оклада, причемъ каждый членъ семьи отвѣчалъ передъ казною самъ за себя, тогда какъ прежде государство знало только семью или дворъ, а не отдѣльнаго человѣка. Такъ же и въ семейномъ быту права личности ограждены свободой каждаго заключать брачные союзы, а отмѣной уничижительныхъ именъ и холопскихъ пріемовъ въ офиціальныхъ обращеніяхъ къ царской особѣ опять пробуждено въ русскомъ человѣкѣ заглохшее чувство гражданскаго достоинства.

Къ чему же, въ концѣ концовъ, сводятся руководящія начала всего преобразованія — возвеличеніе государства, поднятіе личности, работа общими силами, возбужденіе гражданскихъ чувствъ и гражданскаго духа?

Одна непреклонная мысль, одно страстное желаніе лежитъ въ основаніи всего этого: вызвать въ русской натурѣ силы, далеко ей не чуждыя, напротивъ знакомыя ей и родныя, но притупленныя и подавленныя цѣлымъ процессомъ неблагопріятныхъ историческихъ наслоеній; возродить въ ней любовь къ дружному творческому труду для родной земли. Сознавая въ себѣ самомъ эти способности, чувствуя себя русскимъ до мозга костей своихъ, Петръ ни на одну минуту не усомнился въ Россіи, въ ея силахъ и будущности, — взялся учить ее на первый разъ, хоть и чужими учителями, такъ какъ своихъ у насъ не было, — но зато цѣлью ученія было развитіе и очистка исконнаго древнерусскаго генія, только случайно обезображеннаго чужеядными наростами...

Изъ родныхъ, а не чуждыхъ источниковъ вытекла, такимъ образомъ, вся животворящая дѣятельность Петра, — безчисленныя благодѣянія, излитыя имъ на русскую землю, цѣлая вели-

чественная программа ея будущаго развитія. «На что въ Россіи ни взглянии, — заключимъ мы словами восторженнаго свидѣтеля славной эпохи, — все его началомъ имѣетъ, и чтобы въ будущемъ ни дѣлали, — отъ сего источника черпать будутъ!»

М. Петровъ.

Петръ Великій какъ преобразователь Россіи.

Просвѣтительныя начала проводились Петромъ разнообразно: они являлись въ личности его и примѣрѣ, въ его законахъ и учрежденіяхъ, наконецъ, въ мѣрахъ, непосредственно направленныхъ къ распространенію образованія путемъ училищъ и литературы. При разсмотрѣніи нѣкоторыхъ изъ этихъ сторонъ дѣятельности Петра невозможно будетъ обойти и самаго животрепещущаго вопроса, такъ часто занимающаго потомство, вопроса о правильности и значеніи его образа дѣйствій.

Остановимся прежде всего на личности Петра, взглянемъ на собственное его образованіе, на подготовку, съ какою онъ приступалъ къ великому дѣлу, и на послѣдующіе его духовные успѣхи. Хотя о воспитаніи его въ дѣтствѣ сохранилось мало извѣстій, мы однакожъ знаемъ довольно, чтобы судить о ходѣ и характерѣ развитія Петра. Уже въ раннемъ возрастѣ онъ носитъ печать нравственнаго величія и геніальной своеобразности. Въ военныхъ играхъ со своими сверстниками, какіе бывали и при прежнихъ царевичахъ, онъ не хочетъ пользоваться преимуществами своего положенія: онъ ставитъ себя на одну линію съ товарищами, несетъ съ ними равную службу, начинаетъ съ низшихъ ея степеней, участвуетъ вмѣстѣ со всѣми въ черной работѣ и для повышенія подчиняется требованію дѣйствительной заслуги; посреди забавъ онъ уже служитъ дѣлу и идеѣ; привыкаетъ къ труду и лишеніямъ, къ правильному пониманію обязанностей и отношеній безъ всякаго лицепріятія. Въ ребенкѣ Петрѣ мы уже видимъ будущаго карателя всякой неправды. Постепенно, съ каждымъ годомъ онъ расширяетъ кругъ своихъ военныхъ потѣхъ и болѣе и болѣе развиваетъ ихъ значеніе, уже являясь единственнымъ и безпримѣрнымъ между всѣми современниками, которые еще не могутъ вполнѣ понять глубокаго смысла его поступковъ. Книжное ученіе Петра началось, вѣроятно, въ исходѣ трехлѣтняго возраста его

въ благодатной тишинѣ уединенія. Есть извѣстіе, что учитель его Зотовъ очень рано успѣлъ заинтересовать его историческими разсказами съ помощію картинъ (кунштовъ), не только находившихся въ книгахъ, но и развѣшанныхъ по стѣнамъ, въ чемъ нѣтъ повода сомнѣваться, такъ какъ подобные «фряжскіе и нѣмецкіе потѣшные листы» уже и прежде водились въ царскихъ палатахъ. Такимъ способомъ любознательность даровитаго ребенка была въ высшей степени возбуждена, и мы можемъ допустить предположеніе, что Петръ перечиталъ если не все, то многое изъ того, что хранилось въ царской библіотекѣ. Между учебными пособіями его былъ голландскій всемірный атласъ. Есть свѣдѣніе, что молодой царевичъ, подобно Ивану Грозному, зналъ наизусть все евангеліе и апостолъ. Это показаніе о Петрѣ Великомъ подкрѣпляется тѣмъ, что онъ впослѣдствіи въ письмахъ своихъ любилъ приводить тексты изъ священнаго писанія. Мы имѣемъ, сверхъ того, свидѣтельство Лейбница, основанное на личныхъ его сношеніяхъ съ Петромъ, что преобразователь Россіи зналъ священное писаніе въ совершенствѣ и былъ очень свѣдущъ въ церковныхъ дѣлахъ. Изъ переписки Петра съ его приближенными видно также, что онъ зналъ греческую и римскую миѳологію. Еще до перваго заграничнаго своего путешествія онъ былъ въ нѣкоторой степени знакомъ съ языками нѣмецкимъ и голландскимъ. Всѣмъ извѣстно, какъ онъ, хоть и поздно, при помощи Тиммермана и другихъ, пріобрѣлъ свѣдѣнія по математикѣ. Такимъ образомъ Петръ, несмотря на свое плохое воспитаніе, обладалъ уже въ началѣ своего царственнаго поприща порядочнымъ запасомъ познаній; но понятно, что онъ, при своей ненасытной любознательности, самъ чувствовалъ ихъ скудость и впослѣдствіи часто жаловался на недостаточность своего школьнаго образованія. Такъ однажды, войдя въ учебную комнату своихъ дочерей и заставъ ихъ за уроками, онъ со вздохомъ сказалъ: «О, если бы я въ моей молодости былъ выученъ, какъ должно!» Легко представить себѣ, какъ быстро, при этомъ сознаніи и геніальныхъ способностяхъ, должны были расти свѣдѣнія Петра, особенно во время его путешествій, практическимъ путемъ, посредствомъ внимательнаго осмотра всего замѣчательнаго, безпрестанныхъ разспросовъ и бесѣдъ съ учеными, съ художниками и техниками. Уже въ Кенигсбергѣ онъ изучилъ въ теоріи и на практикѣ артиллерію и сдѣлался, по словамъ своего

учителя, «благоискусным огнестрѣльным мастером и художникомъ». Его пребываніе въ Голландіи, Англіи и позднѣе во Франціи было постоянною школой, въ которой державный ученикъ изумилъ весь міръ прилежаніемъ и успѣхами; во время шведской войны, при его свиданіи съ польскимъ королемъ въ Биржахъ, присутствовавшіе замѣтили, что Петръ очень свѣдущъ въ географіи, черченіи и рисованіи и усердно занимается этими предметами. Важнымъ событіемъ въ его умственной жизни было сближеніе съ геніальнымъ ученымъ и писателемъ Лейбницемъ, который, съ самаго вступленія Петра на престолъ, зорко слѣдилъ за его преобразованіями, а впослѣдствіи старался быть ему полезнымъ своими идеями въ дѣлѣ просвѣщенія Россіи. Послѣ бесѣдъ съ Петромъ Лейбницъ былъ пораженъ всею его личностью, былъ, по собственному выраженію въ письмѣ къ одному пріятелю, удивленъ не только гуманностью такого могущественнаго государя, но и обширными его свѣдѣніями и быстрымъ соображеніемъ.

Характеристику Петра въ этомъ отношеніи дополняетъ важный для насъ отзывъ Ѳеофана. Похваливъ изумительную память, остроуміе, находчивость государя, знаменитый ораторъ говоритъ: ему академіями были города и страны, республики и монархіи и домы царскіе, въ которыхъ гостемъ бывалъ; учителями его были, хотя и сами про то не вѣдали, и къ нему приходившіе послы и гости, и его угощавшіе государи и правители. Гдѣ бы ему ни случилось быть, съ кѣмъ бы ни побесѣдовать, онъ только о томъ и заботился, чтобъ это соприсутствіе не осталось напраснымъ, чтобъ ему не уйти и не разойтись безъ какой-нибудь пользы, безъ какого-нибудь поученія. Сверхъ того, много пособило ему и то, что, выучившись нѣкоторымъ европейскимъ языкамъ, онъ часто занимался чтеніемъ историческихъ и назидательныхъ книгъ; отъ этихъ-то поученій происходило, что разговоры его о всякомъ дѣлѣ были содержательны, хотя и не многорѣчивы, и о чемъ ни велась бесѣда, отъ него слышались разсужденія тонкія и доводы сильные, и вмѣстѣ съ тѣмъ разсказы, притчи, подобія, къ наслажденію и удивленію всѣхъ присутствовавшихъ.

Вообще думаютъ, что Петръ, уважая науку, мало сочувствовалъ искусству или, по крайней мѣрѣ, изящному въ искусствѣ, и предпочиталъ ему фарсъ и карикатуру. Правда, что онъ нерѣдко искалъ развлеченія въ смѣшномъ и уродливомъ;

въ музыкѣ на него болѣе дѣйствовало поразительное, соотвѣтствовавшее его привычкамъ и любимымъ занятіямъ, нежели утонченно прекрасное; но и въ живописи эстетическое чувство его достигло замѣчательнаго развитія, какъ показываютъ многія картины и статуи, которыя онъ выбиралъ за границею для вывоза въ Россію. Онъ понималъ цѣну и значеніе искусства, стараясь водворить его въ отечествѣ наравнѣ съ наукою. Характеристиченъ анекдотъ Нартова, что однажды, когда пріѣхали въ Петербургъ плясуны и акробаты, то Петръ замѣтилъ полицмейстеру Девьеру: «Здѣсь надобны художники, а не фигляры; Петербургъ — не Парижъ... Пришельцамъ шатунамъ сорить деньги грѣхъ...»

Особеннаго вниманія историка и психолога заслуживаетъ одна знаменательная черта въ безсмертной личности Петра I. Самодержавный повелитель милліоновъ, онъ, по особеннымъ ли потребностямъ своей геніальной природы, или по глубоко-обдуманному плану, соединяетъ съ царскимъ саномъ характеръ частнаго лица: передаетъ почести и роль государя подданному, а самъ становится въ ряды не только простыхъ гражданъ, но работниковъ: исправляетъ механическіе труды почти по всѣмъ отраслямъ техническаго производства; иногда не отказывается даже отъ задѣльной платы; поетъ въ церкви на клиросѣ; ѣздитъ въ Москвѣ славить Христа; проходитъ службу съ низшихъ чиновъ; является къ воображаемому кесарю въ качествѣ подданнаго, принимаетъ служебныя награды отъ своихъ вельможъ; переписывается съ довѣренными лицами какъ равный.

Такимъ образомъ Петръ представляетъ намъ на престолѣ совершенно исключительное и безпримѣрное въ исторіи явленіе: ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ у другихъ народовъ. Есть основаніе думать, что такъ дѣйствовалъ Петръ не по прихоти, но съ намѣреніемъ, — чтобы служить примѣромъ малообразованному народу, который до тѣхъ поръ полагалъ все величіе во внѣшности, все счастье — въ праздной и беззаботной жизни. Именно для тогдашняго русскаго общества нуженъ былъ примѣръ государя, который, наперекоръ всѣмъ преданіямъ и понятіямъ массы, не только не гнушался ничѣмъ человѣческимъ, но не избѣгалъ и самыхъ низкихъ, повидимому, занятій. Не безъ умысла Петръ хвалился мозолями на своихъ рукахъ, не даромъ указывалъ на себя подданнымъ и

говорилъ, что врачуетъ ихъ примѣрами. Чтобы внушить русскимъ людямъ уваженіе къ труду, онъ становится среди своего народа первымъ труженикомъ, неутомимымъ, «вѣчнымъ работникомъ». Вотъ коренная просвѣтительная идея и цѣль Петра. Таковъ же былъ источникъ крайней бережливости Петра и простоты во всей его обстановкѣ — въ одеждѣ, въ пищѣ, въ устройствѣ его двора. Весь поглощенный заботами о существенномъ, онъ не находилъ и времени думать о внѣшнихъ удобствахъ или пышности. Даже въ послѣдніе годы жизни у него не было своего цуга: обыкновенно онъ ѣздилъ въ простой одноколкѣ парой, а для торжественныхъ выѣздовъ занималъ экипажъ съ лошадьми у одного изъ своихъ вельможъ. И несмотря на всю умѣренность своего образа жизни, онъ почти всегда испытывалъ нужду. Такую же бережливость старался онъ ввести и въ общественную жизнь, о чемъ свидѣтельствуетъ не одинъ изданный имъ указъ объ ограниченіи роскоши.

Приходя къ общему заключенію о личности Петра, мы должны согласиться, что онъ, отражая въ себѣ нѣкоторыя темныя стороны своего времени, вообще стоялъ однакоже неизмѣримо выше его по своимъ понятіямъ и взглядамъ; многія идеи, только въ нашъ вѣкъ проникающія въ общее сознаніе, уже занимали и руководили Петра въ его дѣятельности и законодательствѣ. Самою выдающеюся чертой духовной природы Петра было его правдолюбіе, его ненависть ко всякой лжи. Послѣ посѣщенія англійскаго парламента онъ, по свидѣтельству Нартова, невольно замѣтилъ: «Весело слышать, когда сыны отечества королю говорятъ явно правду; сему-то у англичанъ учиться должно». Извѣстно, какъ самъ онъ всегда требовалъ правды отъ своихъ подданныхъ, какъ охотно прощалъ всякому вину за откровенное въ ней сознаніе. Глубокое уваженіе къ истинному достоинству и заслугѣ къ сущности всякаго дѣла, къ знанію и труду, строгое правосудіе, разумное и спокойное мужество, непоколебимая твердость, рѣшительность и вмѣстѣ съ тѣмъ удивительная скромность украшали его такъ же, какъ, съ другой стороны, безразсудная отвага и страсть къ завоеваніямъ были ему чужды; природа щедро надѣлила его дарами, нужными герою-просвѣтителю въ борьбѣ за умственные и нравственные успѣхи человѣчества. Уже тотчасъ, по вступленіи на престолъ, онъ является во все-

оружіи своего генія и могущества и приступаетъ къ преобразованіямъ съ яснымъ пониманіемъ потребностей народа, но разумѣется, что полнѣйшаго и самаго блестящаго развитія творческая его дѣятельность достигаетъ только въ послѣдніе годы его жизни, когда опытность придаетъ новыя силы его духу и внѣшняя безопасность государства окончательно утверждена.

Необходимость, неизбѣжность коренной реформы русскаго быта истекала изъ самыхъ его условій; государство не могло оставаться въ прежнемъ положеніи: должно было или сдѣлаться жертвою сильныхъ сосѣдей, или выйти на новый путь развитія. Тогда-то таинственный духъ жизни вызвалъ въ лицѣ Петра неожиданное орудіе обновленія Россіи. Говоря о заслугахъ Петра, нельзя не коснуться одностороннихъ обвиненій великаго дѣятеля въ человѣческихъ слабостяхъ и въ ошибкахъ при избраніи средствъ къ достиженію преобразовательныхъ цѣлей. Нѣкоторыя изъ нихъ произносились уже его современниками, особенно иностранцами и тѣми изъ русскихъ, которые не могли примириться съ новизнами. Упреки доходили до него самого, и вызывали его оправданія. Смерть преобразователя, невольное сознаніе его превосходства, въ виду совершившихся событій, надолго сомкнули уста порицателей. Всѣ сужденія о немъ слились въ одинъ голосъ общаго удивленія и почитанія. Историки, ораторы, стихотворцы уподобляли его божеству. Ломоносовъ, въ стѣнахъ Академіи Наукъ, былъ краснорѣчивымъ истолкователемъ благоговѣнія потомства къ родителю Елизаветы. Но къ концу прошлаго столѣтія все это безмѣрное обожаніе, крайности, къ какимъ привело злоупотребленіе нѣкоторыми изъ Петровскихъ идей, наконецъ начавшее пробуждаться въ немногихъ умахъ національное самосознаніе возбудили сомнѣнія въ безусловномъ величіи Петра. Стали отыскивать недостатки въ его свойствахъ и дѣятельности. Еще въ 1770-хъ годахъ княгиня Дашкова, находясь въ Вѣнѣ на обѣдѣ у знаменитаго министра Кауница и слыша похвалы его Петру Великому, разразилась длинною филиппикою противъ знаменитаго государя: она доказывала, что въ Россіи издревле процвѣтала любовь къ искусствамъ и были историки, оставившіе цѣлыя груды рукописей, что и безъ Петра могущественная, богатая держава привлекла бы къ себѣ вниманіе Европы и т. д. Позднѣе Болтинъ указывалъ, между

прочимъ, на вредъ, произведенный при Петрѣ отправленіемъ дворянъ въ путешествія по чужимъ краямъ, откуда большая часть посланныхъ «возвратились не просвѣщеннѣе, не умнѣе, но порочнѣе и смѣшнѣе, нежели были». Впрочемъ, Болтинъ, вообще сочувствуя мудрымъ мѣрамъ преобразователя, прибавлялъ: «тогда позналъ Петръ Великій, что надобно начать хорошимъ воспитаніемъ, а кончить путешествіемъ, чтобы видѣть желанный плодъ».

Подобныя укоризны продолжались и въ нынѣшнемъ столѣтіи. Самымъ строгимъ судьею Петра сдѣлался тотъ самый Карамзинъ, который въ молодости усердно защищалъ его. «Все народное ничто предъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ, а что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣческой, то мое, ибо я человѣкъ». Такъ говорилъ Карамзинъ въ «Письмахъ русскаго путешественника»; въ Запискѣ же о древней и новой Россіи, хваля многія свойства и законы Петра, онъ рѣзко укорялъ его за введеніе иностранныхъ обычаевъ, приписывалъ ему презрѣніе къ народнымъ особенностямъ, осуждалъ отмѣну въ высшихъ классахъ русской одежды, пищи, бороды, порицалъ учрежденіе сената вмѣсто древней думы, — коллегій вмѣсто приказовъ, — министровъ, канцлеровъ, лейтенантовъ вмѣсто воеводъ, сотниковъ, пятидесятниковъ. Далѣе Карамзину казалось вреднымъ для нравовъ, что въ соединеніи обоихъ половъ европейская вольность заступила мѣсто азіатскаго принужденія; онъ жалѣлъ, что русскіе утратили свое гражданское достоинство вмѣстѣ съ увѣренностью, что святая Русь первое государство въ мірѣ, обвинялъ Петра за жестокость и ужасы самовластія, за униженіе духовенства, подчиненіе Церкви мірской власти, наконецъ, за основаніе столицы въ суровомъ климатѣ, на болотистой почвѣ. Далѣе, однакожъ, въ той же Запискѣ Карамзинъ, желая унизить современныя ему реформы, превозноситъ идею Петровскаго сената и невольно впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою.

Такія же нареканія Петру повторялись и въ наше время. Не вдаваясь въ подробности спорныхъ вопросовъ, остановлюсь только на двухъ главныхъ обвинительныхъ пунктахъ, къ которымъ примыкаютъ всѣ остальные. Говорятъ, 1) что онъ вытѣснялъ русскіе обычаи иностранными, предпочиталъ ино-

земцевъ рускимъ людямъ, 2) что онъ въ своихъ преобразованіяхъ употреблялъ насиліе, принужденіе и слишкомъ крутыя мѣры.

Противъ перваго обвиненія позволю себѣ напомнить, что народные обычаи бываютъ двоякіе: одни касаются сущности быта, другіе составляютъ только внѣшнія его принадлежности. Къ числу первыхъ относились у рускихъ: затворничество женщинъ, браки безъ согласія обѣихъ сторонъ, правежъ, продажа крестьянъ порознь безъ земли и проч. Кто въ наши дни рѣшится упрекнуть Петра за отмѣну или попытки къ отмѣнѣ этихъ варварскихъ порядковъ? Къ другому разряду обычаевъ принадлежать борода и одежда, обратившія на себя гоненіе Петра. Здѣсь надобно припомнить, что еще до него были при московскомъ дворѣ люди, начавшие брить бороду и одѣваться по европейски. Братъ его Ѳедоръ Алексѣевичъ, уже ввелъ между своими царедворцами польское платье. Еще при Годуновѣ рускіе стали знакомиться съ Западомъ и подражать въ наружности иностранцамъ. Это не могло не возбудить негодованія въ упорныхъ приверженцахъ старины. Мало-по-малу «борода», по словамъ С. М. Соловьева, стала знаменемъ въ борьбѣ двухъ сторонъ, и понятно, что когда побѣдитъ сторона новаго, то первымъ ея дѣломъ будетъ низложить враждебное знамя». Что касается до одежды, то достаточно указать, что длинное платье, исконное отличіе жителей Востока, соотвѣтствуетъ сродной имъ лѣни и мѣшаетъ движенію, работѣ. «Что дѣлаетъ, обыкновенно, человѣкъ въ длинномъ платьѣ, когда онъ начинаетъ работать?» спрашиваетъ г. Соловьевъ и отвѣчаетъ: «онъ подбираетъ полы своего платья... Такимъ образомъ и рускій человѣкъ, вступая на поприще европейской дѣятельности, естественно долженъ былъ одѣться въ европейское платье, ибо вопросъ и состоялъ только въ томъ: къ семьѣ какихъ народовъ принадлежать — европейскихъ или азіатскихъ? и соотвѣтственно носить въ одеждѣ и знаменіе этой семьи».

Другою важною причиною, руководившею въ этомъ дѣлѣ Петра, было его желаніе привлечь въ Россію иностранцевъ. Онъ предвидѣлъ, что, при сохраненіи прежней одежды, они продолжали бы чуждаться рускихъ, и захотѣлъ уничтожить внѣшнюю помѣху къ сближенію. Рускіе, съ своей стороны, считая однихъ себя истинными христіанами, а другіе народы чуть не язычниками, въ гордомъ самомнѣніи презирали ино-

земцевъ, смотрѣли на нихъ какъ на поганыхъ, считали за грѣхъ имѣть съ ними сношенія, а тѣмъ болѣе перенимать у нихъ что-нибудь, и это заставило Петра принять крутыя мѣры, чтобы преодолѣть старинное предубѣжденіе. Забота о сближеніи Россіи съ Западомъ не была новостью: эта мысль болѣе или менѣе занимала всѣхъ предшественниковъ Петра, начиная съ Ивана III: всѣ они вызывали иностранныхъ рудокоповъ, ремесленниковъ, художниковъ, наконецъ образовали цѣлые полки солдатскіе и рейтарскіе съ иноземными офицерами. Иванъ Грозный старался овладѣть ливонскимъ берегомъ Балтійскаго моря, вопросъ о правѣ собственности на Неву возникъ съ XIV столѣтія. Путь для преобразованій былъ ясно намѣченъ: недоставало только гигантской воли и могучей руки для ихъ совершенія. Мысль о народностяхъ тогда еще нигдѣ не пробуждалась: удивительно ли, что Петръ, желая образовать свой народъ, не думалъ оскорблять его заимствованіемъ иностранныхъ обычаевъ и вызовомъ чужеземцевъ? Въ этомъ онъ побуждался однимъ желаніемъ пользы, одними экономическими и политическими видами, и слѣдовалъ естественному историческому закону. «Какъ водится у другихъ?» Вотъ простѣйшій вседневный вопросъ въ человѣческой жизни, его задаютъ себѣ и частныя лица и правительства; его задавали себѣ съ незапамятныхъ временъ, повторяютъ теперь, и вѣчно повторять будутъ. Естественно было, что народы скуднаго, запоздалаго въ образованіи Сѣвера, пока не стали на ноги, съ ученическимъ довѣріемъ обращались въ своихъ сомнѣніяхъ къ болѣе опытному и свѣдущему Западу, который, кромѣ того, и своею болѣе богатою природою и болѣе развитою общественностью всегда радужными красками рисуется въ воображеніи сѣверянина. Законъ преемственности образованія проходитъ чрезъ всю всемірную исторію. Въ Грецію египетскіе и финикійскіе переселенцы занесли древневосточное образованіе; греческая культура разлилась по обширному римскому міру, который, наконецъ, охватилъ и сѣверо-западъ Европы, позднѣе греко-римское образованіе простерлось по Германіи, еще позднѣе по Скандинавіи. На славянскій Востокъ, долго остававшійся въ сторонѣ отъ этого вліянія, начатки образованія сперва проникли изъ Византіи, потомъ стали проникать и съ Запада. Ближайшія къ остальной Европѣ, Польша и Малороссія, по своему положенію, ранѣе другихъ странъ, составляющихъ

нынѣшнюю Россію, сдѣлались причастны общеевропейской наукѣ и послужили Москвѣ первымъ источникомъ этой науки. Изъ Кіева, съ середины XVII вѣка, съ переселеніемъ литературно образованныхъ духовныхъ въ Москву, начинается прививка западно-европейскихъ познаній, понятій и словъ къ дикому еще дереву великорусской жизни. Между тѣмъ туда же, въ Москву, еще съ XVI столѣтія идетъ другая колонизація; подъ стѣнами царской столицы со временъ Ивана Грознаго образуется и быстро растетъ *нѣмецкая слобода*, гдѣ селятся иноземные мастера, техники, инженеры, врачи, торговые и военные люди. Но до Петра русскіе держались далеко отъ нѣмецкой слободы, въ которой побывать считалось даже грѣхомъ.

Петръ, вопреки предразсудку, начинаетъ посѣщать слободу и находитъ въ ней новыя умственныя наслажденія и обильный источникъ заманчивыхъ познаній въ бесѣдѣ съ людьми живыми, свѣжими, образованными, знакомыми съ политическимъ состояніемъ Европы. Безъ этой колоніи у Петра не было бы ни Тиммермана, ни Гордона, ни Лефорта, которые явились въ Россію на призывъ Алексѣя Михайловича. Но ни малороссійскіе переселенцы ни нѣмецкая слобода не удовлетворяютъ Петра. Онъ хочетъ черпать свѣтъ у самаго источника, хочетъ усилить въ Россіи европейскую колонизацію, чтобы привлечь въ отечество западную науку, промышленность, торговлю. Обвинять Петра за выборъ этого естественнаго пути къ обновленію своей страны, сожалѣть, что онъ не предпочелъ, сложа руки, терпѣливо предоставить русскихъ медленному ходу саморазвитія, не значитъ ли покидать почву дѣйствительности и исторіи? Въ нынѣшнемъ человѣчествѣ есть только двѣ совершенно независимо одна отъ другой развившіяся цивилизаціи: греко-римская и китайская. Тѣ, которые желали бы еще третьей, и исключительно русской цивилизаціи, забываютъ и попытки предшественниковъ Петра и географическое положеніе Россіи: съ одной стороны, по континентальной массивности земли, по обширности ея пространствъ и по малому прикосновенію къ морю, физическія условія ея неблагопріятны для саморазвитія народа; съ другой стороны, по отсутствію естественныхъ преградъ между ею и Западомъ, по своему положенію на открытой, хотя и отдаленной равнинѣ, Россія какъ бы предназначена была самою природой къ дружному

единенію съ остальною Европою, которой географическое очертаніе несравненно выгоднѣе для успѣховъ просвѣщенія. Согласно съ этимъ указаніемъ природы поступилъ и Петръ, сокрушивъ китайскую стѣну, воздвигнутую вѣковыми предразсудками противъ сношеній съ западной Европой. Была еще политическая преграда — вражда и зависть сосѣдей, отдѣлявшихъ Россію отъ моря и старавшихся не допускать къ ней просвѣщенія; Петръ уничтожилъ и эту преграду завоеваніемъ Ингерманландіи и Ливоніи. Приглашая къ себѣ иностранцевъ, посылая своихъ въ чужіе края, онъ только стремился къ тому, что нынѣ достигается пароходами, желѣзными дорогами, телеграфами, этими могучими рычагами плодотворнаго обмѣна мыслей, обычаевъ и жизненныхъ потребностей.

Не иностранцы сами по себѣ были нужны Петру, ему нужны были наука, искусство, фабрики, торговля. Иностранцы служили ему только орудіемъ его плановъ, учителями русскихъ. Въ позднѣйшее время своего царствованія онъ давалъ иностранцамъ только второстепенныя мѣста въ службѣ, высшія же должности предоставлялъ своимъ соотечественникамъ: такъ, въ президенты коллегій назначалъ онъ русскихъ, иноземцы получали только званіе вице-президентовъ; чинъ 1-го класса также не былъ доступенъ иностранцамъ. По этой же причинѣ, въ шведскую войну, поставивъ двухъ фельдмаршаловъ, Меншикова и Огильви, Петръ кончилъ тѣмъ, что устранилъ послѣдняго. Въ этомъ отношеніи онъ не уступалъ внушеніямъ нѣкоторыхъ пришельцевъ, напр. Паткуля, который желалъ, чтобы въ военномъ и дипломатическомъ дѣлѣ нѣмцы совершенно вытѣснили неспособныхъ, по его мнѣнію, русскихъ. Петръ, напротивъ, возлагалъ на своихъ единоземцевъ великія надежды въ будущемъ и при всѣхъ случаяхъ подготовлялъ имъ возможность замѣнить со временемъ своихъ учителей какъ въ практической дѣятельности, такъ и въ наукѣ. Обманувшихъ его довѣріе иностранцевъ онъ не щадилъ, такъ же какъ и своихъ; въ примѣръ тому можетъ быть приведенъ давно находившійся въ русской службѣ Венеусъ, котораго онъ долго отличалъ, но удалилъ отъ дѣлъ, какъ скоро убѣдился въ его недобросовѣстности. Нельзя подвергать Петра отвѣтственности за первенствующую роль, какую вскорѣ послѣ него играли иностранцы, пользуясь слабостью правительства и употребляя

во зло свое положеніе. По всему видно, что онъ считалъ вызовъ ихъ временною мѣрою.

Въ стихѣ Пушкина о Петрѣ: «не презиралъ страны родной» заключается глубоко-справедливая мысль. При всемъ своемъ видимомъ пристрастіи къ иноземцамъ, онъ оставался вполнѣ русскимъ человѣкомъ не только по своей восторженной любви къ Россіи, по вѣрѣ въ ея судьбы и въ способности русскаго народа къ самоусовершенствованію, но и по своимъ вкусамъ и характеру. Въ народномъ быту онъ преслѣдовалъ только то, что противорѣчило его просвѣтительнымъ цѣлямъ, но не касался безвредныхъ обычаевъ, которые и самъ любилъ соблюдать. При взятіи Риги, Петръ, обративъ вниманіе на университетъ, находившійся въ Пернау, выразилъ намѣреніе посылать туда для обученія молодыхъ людей изъ своего государства и учредить въ высокой школѣ особаго профессора, который бы могъ обучать славянскому (т.-е. русскому литературному) языку и ввести его туда.

Перейдемъ къ обвиненію Петра въ слишкомъ крутыхъ и насильственныхъ мѣрахъ. И оно значительно ослабѣетъ, какъ скоро мы безпристрастно взглянемъ, съ одной стороны, на общій духъ времени, на общую суровость, еще проникавшую тогда законодательство и систему правительственной дѣятельности во всей Европѣ, съ другой стороны — на умственное и нравственное состояніе тогдашней Россіи. Строгое порицаніе дѣйствій Петра часто происходило отъ недостаточнаго знакомства съ средою, его окружавшею, со всѣми подробностями его распоряженій и поводовъ, которые ихъ вызывали. Исторія его царствованія была мало разработана. Только теперь, когда открыта масса новыхъ документовъ, когда мы имѣемъ уже основанное на актахъ изображеніе времени Петра въ трудахъ Соловьева и отчасти Устрялова и во множествѣ монографій, возможно болѣе сознательное и справедливое отношеніе къ дѣлу.

Чтобы въ двухъ словахъ очертить бытъ русскаго народа до Петра, довольно сказать, что въ немъ не было ни семьи, въ истинномъ ея значеніи, ни школы. Возможна ли семья безъ женщины, а въ русской семьѣ женщина была рабой и затворницей. Большинство русскихъ людей, не получивъ никакого образованія, переходило въ дѣятельную жизнь почти прямо изъ дѣтской, въ полномъ умственномъ и нравственномъ несовершеннолѣтіи; не всѣ даже бояре умѣли читать. Высшія

сословія вообще мало отличались отъ низшихъ. Учить было некому: иностранцевъ убѣгали, какъ иновѣрцевъ; все отъ нихъ исходившее считалось богопротивнымъ. Книгъ почти не было; а тѣ, которыя читались, не могли доставлять ни большой пользы ни особеннаго развлеченія. Невѣжество, праздность, пороки порождали разбои и убійства, такъ что въ самой столицѣ не было полной безопасности. Богатый и сильный притѣснялъ бѣднаго; помѣщики угнетали крестьянъ. Рѣдко кто не былъ зараженъ суевѣріемъ, вѣрой въ порчу, колдовство, въ діавольскіе навѣты, что опять влекло за собой преступленія и разные ужасы. Много рѣзкихъ чертъ для картины тогдашнихъ русскихъ нравовъ доставляетъ сочиненіе жившаго въ Москвѣ, во второй половинѣ XVII вѣка, серба Юрія Крижанича, въ которомъ, какъ въ соплеменникѣ русскихъ, нельзя предполагать національнаго предубѣжденія. Его показанія представляютъ много сходства съ тѣмъ, что мы находимъ у иностранцевъ, описавшихъ тогдашнюю Россію, напримѣръ у англичанина Перри, котораго подозрѣваютъ въ пристрастіи. Національное самолюбіе не должно, кажется, мѣшать намъ видѣть ея тогдашніе нравы въ настоящемъ ихъ свѣтѣ и выслушивать спокойно ихъ описаніе. «Великое наше народное несчастіе, — пишетъ Крижаничъ, — неумѣренность во власти; не умѣютъ наши люди ни въ чемъ мѣры держать... Расплодились въ насъ премерзкіе нравы, такъ что предъ другими народами русскіе являются обманчивыми, невѣрными, склонными къ воровству, убійству, неучтивыми въ бесѣдѣ. А отъ чего все это происходитъ? Отъ того, что всякое мѣсто наполнено кабаками, заставами, откупщиками, цѣловальниками, выемщиками, тайными доносчиками; люди отовсюду и вездѣ связаны, ничего не могутъ свободно дѣлать, трудомъ рукъ своихъ не могутъ свободно пользоваться. Все должны дѣлать и торговать тайкомъ, въ молчанку, со страхомъ и трепетомъ, укрываться отъ такой огромной толпы правителей или палачей... Ни у нѣмцевъ, ни у остальныхъ славянъ, нигдѣ на свѣтѣ, кромѣ одной русской державы, не видно такого гнуснаго пьянства: по улицамъ въ грязи валяются мужчины и женщины, міряне и духовные, и многіе отъ пьянства умираютъ».

Начертывая, можетъ-быть, уже слишкомъ мрачными красками, эту картину быта, Крижаничъ предлагаетъ и программу мѣръ къ исправленію его, программу, которая во многомъ удиви-

тельно сходится съ послѣдовавшею дѣятельностью Петра, — убѣдительнѣйшее доказательство, что время для преобразованій приспѣло, что между лучшими людьми уже созрѣла мысль о необходимости измѣненій. Такъ, Крижаничъ въ особенности предлагаетъ прибѣгнуть къ ученію, къ книгамъ и къ вызову иностранцевъ, но съ тѣмъ, чтобы они, исполнивъ свое дѣло, не оставались въ Россіи; совѣтуетъ изъять купечество изъ-подъ власти воеводъ, учредить цехи, озаботиться увеличеніемъ народонаселенія, уменьшеніемъ роскоши. «Въ Россіи полное самодержавіе: повелѣніемъ царскимъ можно все исправить и завести все полезное».

Ничто не держится такъ упорно, не измѣняется такъ медленно, какъ нравы народные. Станемъ ли же удивляться, что во все царствованіе Петра встрѣчаемъ черты быта, сходныя съ тѣми, какія отмѣтилъ Крижаничъ? Ими изобилуютъ современные акты, слѣдственныя дѣла преображенской канцеляріи, указы самого Петра, наконецъ, сочиненія Ѳеофана и крестьянина Посошкова. Въ своей книгѣ: «О скудости и богатствѣ» этотъ изумительный самоучка чрезвычайно сходно съ ученымъ сербомъ характеризуетъ состояніе русскаго общества: «Не точію у иноземцевъ свойственныхъ христіанству, но и бусурманы судъ чинятъ праведенъ; а у насъ вѣра — святая, благочестивая и на весь свѣтъ славная, а судная расправа никуда не годная, и какіи указы ни состоятся, всѣ ни во что обращаются, но всякъ по своему обычаю дѣлаетъ. И донележе прямое правосудіе у насъ, въ Россіи, не устроится и все совершенно не укоренится, то никакими мѣрами богатымъ намъ быть, яко и въ прочихъ земляхъ, невозможно, такожде и славы доброй намъ не нажить, понеже вся пакости и непостоянство въ насъ чинятся отъ неправаго суда, отъ нездраваго разсужденія, и отъ неразсмотрительнаго правленія и отъ разбоевъ. Крестьяне, оставя свои дома, бѣгутъ отъ неправды. Древнихъ уставовъ не измѣня, самого правосудія насадить и утвердити невозможно. Неправда въ правителяхъ вкоренилась и застарѣла, отъ мала до велика вси стали быть попозновенны — овые ко взяткамъ, овые же боящеся сильныхъ лицъ. И того ради всякія дѣла государевы не споры, и сыски неправы, и указы недѣйствительны: ибо вси правители дворянскаго чина знатнымъ норовятъ, а власть имутъ и дерзновеніе только надъ самыми маломочными людьми, а нарочитымъ дворяномъ

не смѣютъ и слова воспретительнаго изрещи. . Видимъ мы вси, какъ великiй нашъ монархъ трудитъ себя; да ничего не успѣетъ, потому что пособниковъ, по его желанiю, немного: онъ на гору аще и самъ — десять тянетъ, да подъ гору миллiоны тянутъ, то како дѣло его скоро будетъ? Колико новыхъ статей издано, а немного въ нихъ дѣйства, ибо всѣхъ ихъ древностная неправда одолѣваетъ. И того ради постарому: кто кого сможетъ, тотъ того и забижаетъ».

Такимъ образомъ нетерпѣливый Посошковъ находитъ и энергическiя мѣры Петра еще недостаточными, требуетъ еще болѣе рѣшительныхъ преобразованiй. Но такое же нетерпѣнiе видно и въ сильныхъ средствахъ, какiя употреблялъ Петръ противъ вѣковыхъ недуговъ своего народа, будучи убѣжденнымъ, что на первыхъ порахъ его перевоспитанiя нельзя обойтись безъ принужденiя и повторяя свою любимую поговорку: «легче всякое новое дѣло съ Богомъ начать и окончить, нежели старое, испорченное дѣло починивать». Свой взглядъ на неизбѣжность принудительныхъ мѣръ великiй правитель не разъ выражалъ въ письменныхъ актахъ. Такъ онъ писалъ однажды тульскому воеводѣ Ивану Данилову: «хотя что добро и надобно, а новое дѣло, то наши люди безъ принужденiя не сдѣлаютъ». Особенно характеристичны слова его въ указѣ объ умноженiи мануфактуръ въ Россiи: «нашъ народъ — яко дѣти неученiя ради, которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ, которымъ сперва досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарятъ, что ясно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ; не все ль неволею сдѣлано, и уже за многое благодаренiе слышится, отъ чего уже плодъ произошелъ». Здѣсь высказана побудительная причина многихъ дѣйствiй Петра: понимая потребности Россiи, чувствуя свое всемiрно-историческое призванiе, видя въ другихъ странахъ свои идеалы осуществленными, онъ не хотѣлъ предоставлять невѣрному будущему исполненiе того, что считалъ нужнымъ и полезнымъ, спѣшилъ дѣйствовать съ лихорадочнымъ нетерпѣнiемъ, зналъ цѣну времени и требовалъ, чтобъ другiе, такъ же какъ самъ онъ, дорожили каждой минутой. Въ примѣръ понудительныхъ распоряженiй Петръ приводилъ Голландiю. Въ то время, вообще, европейскiя правительства не стѣснялись въ выборѣ средствъ для приведенiя въ дѣйствiе своихъ рѣшенiй, и деспотическое начало было господствую-

щимъ характеромъ монархіи. Сюда же относятся жестокія пытки и казни, въ которыхъ обвиняютъ Петра. Къ сказанному прежде объ этомъ можно прибавить, что строгость его происходила скорѣе отъ убѣжденія въ ея необходимости, отъ понятій вѣка и началъ тогдашняго законодательства, нежели отъ наклонности сердца. Уголовные законы въ то время были вездѣ болѣе или менѣе суровы; самымъ разительнымъ тому примѣромъ можетъ служить римская имперія, гдѣ въ исходѣ XVIII столѣтія, при самомъ человѣколюбивомъ государѣ, Іосифѣ II, еще были въ ходу варварскія тѣлесныя наказанія палками, плетьми и розгами. Да и вообще, при сужденіи о русскихъ правахъ въ Петровское время, не надобно забывать, какъ низокъ былъ тогда еще и въ западной Европѣ уровень общественной нравственности и столь высоко цѣнимой нынѣ гуманности. Нѣтъ сомнѣнія, что въ свойствахъ незлобиваго, смиреннаго русскаго народа, особенно сельскаго люда, было много такихъ чертъ, которыя бы должны были располагать законодателя къ смягченію уголовнаго кодекса; но духъ времени противился тому. Говоря о жестокости наказаній при Петрѣ, надобно согласиться, что въ этомъ отношеніи онъ былъ вполнѣ сыномъ своего вѣка.

Въ наше время, при наблюденіи господствующихъ недостатковъ русскаго общества, невольно возникаетъ у многихъ мысль, что преобразованія Петра имѣли чисто-внѣшній характеръ; что, измѣнивъ наружный обликъ и одежду высшихъ классовъ, онъ только отдалилъ ихъ отъ народа, далъ имъ одинъ поверхностный лоскъ образованія, одно подобіе европейской культуры; учрежденіемъ чиновъ создалъ только внѣшнюю приманку для честолюбія, сущности же нравовъ и обычаевъ не измѣнилъ, истиннаго образованія не далъ.

Вникнувъ въ эти обвиненія, на первый взглядъ справедливыя, мы увидимъ, что говорящіе такъ требуютъ отъ Петра невозможнаго: они упускаютъ изъ виду ограниченность силъ человѣка, еще умаляемыхъ краткостью его жизни. Если бы Петръ жилъ десятилѣтіями двумя или хотя однимъ болѣе, то, конечно, и плоды его дѣятельности были бы гораздо значительнѣе. Но жизнь его прекратилась именно тогда, когда онъ могъ, наконецъ, среди мира всецѣло посвятить себя заботамъ о внутреннемъ благоустройствѣ своей державы. Въ дѣлахъ Петра можно смотрѣть только на его цѣли и на средства, имъ

употребленныя; послѣдствія зависѣли много отъ его преемниковъ, отъ множества внѣшнихъ обстоятельствъ и внутреннихъ причинъ, дѣйствовавшихъ въ народѣ и обществѣ при дальнѣйшемъ развитіи событій и мѣръ правительства. Не всѣ предначертанія Петра исполнялись; нерѣдко дѣлалось совершенно противоположное. Приведу примѣръ, повидимому, маловажный, но въ самомъ дѣлѣ не лишенный значенія: Петръ не любилъ французовъ и не оказывалъ никакого предпочтенія французскому языку; а между тѣмъ мы знаемъ, какое вліяніе нравы и языкъ этого народа стали пріобрѣтать въ русскомъ воспитаніи и общественной жизни лѣтъ чрезъ двадцать послѣ смерти Петра, при его дочери, и какъ это вліяніе до послѣдняго времени все усиливалось, все болѣе и болѣе отчуждая русскихъ отъ своего собственнаго, народнаго. Петръ Великій указалъ своей странѣ цѣль и путь; потомству предлежала задача умѣть пользоваться указаніемъ. Дѣло воспитанія всегда начинается заимствованіями, усвоеніемъ наружныхъ пріемовъ; лишь мало-по-малу образованіе становится самостоятельнѣе, далѣе и глубже пускаетъ корни. Внѣшнія приманки честолюбію могутъ быть отмѣнены, когда сдѣлаются ненужными; но Петръ зналъ людей, когда установлялъ табель о рангахъ. Притомъ она служила къ проведенію начала, прямо противоположнаго мѣстничеству, котораго остатки еще держались въ понятіяхъ о службѣ; въ табели о рангахъ нѣкоторые иностранные историки видятъ самое либеральное учрежденіе, такъ какъ она всѣмъ, независимо отъ ихъ происхожденія, открыла путь къ достиженію одной личной заслугой высшихъ служебныхъ успѣховъ. Не внѣшнія отличія въ обликѣ и одеждѣ отдалили высшіе классы отъ народа: взаимное отчужденіе произошло отъ другихъ, болѣе глубокихъ причинъ, и главною изъ нихъ было крѣпостное состояніе, къ облегченію котораго преобразователь уже придумывалъ мѣры.

Въ какой бы сферѣ дѣятельности мы ни стали наблюдать Петра, вездѣ онъ намъ явится ищущимъ истинной, существенной пользы; собственный его бытъ, привычка, вся его личность лучше всего могутъ удостовѣрить насъ, что онъ во всемъ постоянно и серіозно стремился не къ поверхностно-блестящему, а къ дѣйствительно-важному. *Гротъ.*

Русскіе мемуары о Петрѣ Великомъ и его царствованіи.

Отъ царствованія Петра Великаго остались записки, писанныя уже въ XVIII вѣкѣ, трехъ русскихъ: Петра Никифоровича Крекшина, графа Андрея Артамоновича Матвѣева и Ивана Аѳанасьевича Желябужскаго. Эти три лица жили въ одно и то же время, были свидѣтелями однихъ и тѣхъ же происшествій, наконецъ для своихъ записокъ избрали почти одинъ и тотъ же предметъ, т.-е. событія первыхъ годовъ царствованія Петра. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ, во взглядахъ и образѣ мыслей должно быть у нихъ что-нибудь общее, неотъемлемо принадлежавшее времени. При всемъ томъ, у каждаго изъ нихъ есть свои характеристическія черты и особенности.

Крекшинъ родился въ 1684, умеръ въ 1763 году. Сказаніе его, по словамъ Голикова, составлено до 1709 года и, быть можетъ, ранѣе записокъ Матвѣева, занимавшаго въ то время дипломатическій постъ внѣ Россіи.

О жизни этого трудолюбиваго собирателя мы имѣемъ очень немного свѣдѣній: извѣстно только, что онъ служилъ въ Кронштадтѣ смотрителемъ работъ; впослѣдствіи при одномъ разыскаиіи о растратѣ казеннаго имущества былъ вмѣстѣ съ другими обвиненъ и сосланъ въ работы; наконецъ, оправданъ и снова возвращенъ на службу...

Изъ напечатанныхъ сочиненій Крекшина извѣстны «Сказаніе о Петрѣ Великомъ» и «Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ» о немъ же. Послѣдній выдержалъ нѣсколько изданій; въ предисловіи къ одному изъ нихъ, между прочимъ, сказано: «Имя сочинителя сихъ разговоровъ довольно извѣстно. Г-нъ Крекшинъ, писавшійся обыкновенно новгородскимъ дворяниномъ, произвелъ сіе твореніе. Онъ столь прилѣпленъ былъ къ исторіи Петра Великаго и къ древностямъ Россійскаго государства, что не упускалъ ни одного памятника, служившаго дополненіемъ или объясненіемъ исторіи славныхъ и достойныхъ безсмертія дѣлъ премудраго просвѣтителя Россіи». Въ Разговорѣ указанныя на заглавномъ листѣ лица разсказываютъ подвиги Петра, и въ заключеніе царь Соломонъ, при Александрѣ Македонскомъ и Карлѣ XII признаетъ его величайшимъ изъ мо-

варховъ, когда-либо царствовавшихъ на землѣ. Въ концѣ XVIII столѣтія языкъ Крекшина казался читателямъ устарѣлымъ, и по этому случаю издатель замѣтилъ: «что касается до слога г. Крекшина, то должно вспомнить то время, въ кое онъ жилъ, и не строго взыскивать и критиковать *славянороссійскія обветшалыя выраженія*, разсѣянныя въ семъ сочиненіи».

Записки Крекшина о Петрѣ напечатаны были въ первый разъ подъ заглавіемъ: «Сказаніе о рожденіи, о воспитаніи и нареченіи на всероссійскій престолъ Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества Государя Петра Перваго, находящееся въ библіотекѣ Его Сіятельства Графа Петра Борисовича Шереметева». Сказаніе было найдено при разборѣ рукописей библіотеки графа Шереметева, «о которомъ извѣстно въ я будучи (говоритъ издатель Вороблевскій), что оно нигдѣ еще тисненію не предано, постарался я съ указнаго дозволенія напечатать». Разсказъ Крекшина кончается здѣсь 15 маемъ 1682 года, т.-е. съ началомъ перваго стрѣлецкаго бунта; изданіе любопытно потому, что въ немъ уцѣлѣли мѣста, пропущенныя въ запискахъ у Сахарова, и притомъ языкъ этого сказанія въ книгѣ Вороблевскаго гораздо болѣе удерживаетъ старинныхъ славянскихъ фразъ и выраженій, которыя у Сахарова замѣнены болѣе обыкновенными, русскими словами. Во второмъ изданіи, сдѣланномъ Туманскимъ, такъ же какъ и у Вороблевскаго, безъ пропусковъ противъ рукописныхъ списковъ, сказаніе оканчивается 1683 годомъ на словахъ: «Царевна Софія Алексѣевна повелѣ имя свое съ Великими Государи въ указахъ и книгахъ напечатати и на монетахъ тискати».

Замѣчательно, что всѣ эти изданія выходили безъ имени составителя или сочинителя записокъ; что онѣ, по крайней мѣрѣ, были въ рукахъ Крекшина, въ томъ убѣждаетъ свидѣтельство Голикова, который разсказываетъ, что «въ Петербургѣ познакомился я съ г. комиссаромъ Крекшинымъ, который снабдилъ меня многими *записками*, относившимися къ исторіи времени Петра I». Приводя въ своей книгѣ свѣдѣнія изъ лѣтописи о зачатіи и рожденіи Петра Великаго, Голиковъ нѣсколько разъ замѣчаетъ, что она принадлежитъ Крекшину, напримѣръ, при разсказѣ о саблѣ, подаренной Петру въ дѣтствѣ купцами, о боярахъ, которымъ царь Алексѣй Михайловичъ поручалъ послѣ себя царевича Петра и проч. Въ XV томѣ «Дѣяній» (стран. 3—4) есть также ссылка на рукопись Крекшина,

«которую я, говоритъ Голиковъ, называю обыкновенно дневникомъ» и которая, по собственному признанію Крекшина, «писапа имъ до 1709, *и взята изъ записокъ первыхъ лѣтъ царствованія монарха»*. Можно думать, что основаніемъ записокъ Крекшину служили другіе рукописные источники, и что онъ былъ скорѣе составителемъ разбираемаго сказанія. Здѣсь кстати замѣтить, что лѣтопись о рожденіи Петра Великаго, которую считаютъ за произведеніе Крекшина, Востоковъ приписываетъ не Крекшину, а Зотову; несмотря на всѣ старанія, мы не могли отыскать основаній этого мнѣнія. Г-нъ Сахаровъ думаетъ, что Голиковъ и другіе считали это сказаніе и записки Крекшина за два различныя сочиненія, и, не объясняя своихъ собственныхъ выводовъ о принадлежности того и другого Крекшину, говоритъ только, что «время, наконецъ, объясняетъ намъ, что сказаніе о рожденіи и проч., изданное г. Вороблевскимъ, есть часть изъ записокъ Крекшина», и въ Запискахъ русскихъ людей прямо приписываетъ это сказаніе ему. Въ его изданіи записки Крекшина потерпѣли очень много измѣненій, и вообще изданы не такъ, чтобы могли дать полное понятіе о сочиненіи, какъ признается въ этомъ и самъ издатель. Пропуски въ однихъ мѣстахъ сказанія, дополненія въ другихъ, едва ли нравятся любителямъ старины, которые лучше хотятъ видѣть ее грубою и простою, нежели измѣненною и передѣланною на наши нравы. Зато въ этомъ изданіи «сказаніе о дѣтствѣ и воспитаніи Петра» доведено до 1697 года, тогда какъ всѣ напечатанные и извѣстные до сихъ поръ списки, обыкновенно, кончаются первымъ стрѣлецкимъ бунтомъ въ 1682 году. По словамъ Штелина, переведшаго на нѣмецкій языкъ отрывокъ изъ разбираемаго сказанія, рукопись, заключающая въ себѣ оное, находится у многихъ знатныхъ россійскихъ особъ въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ». Сочиненіе это могло быть составлено, по его мнѣнію, и по смерти Петра Великаго, но рукопись, упоминая предсказанія о рожденіи Петра, «относится (т.-е. ссылается) на оставленныя предсказателемъ (конечно, Симеономъ Полоцкимъ) записки, найденныя послѣ его смерти, какъ между его бумагами, такъ и между сочиненіями архіепископа Димитрія Ростовскаго» (Любоп. и достоп. сказанія о Петрѣ Великомъ. С.-Пб. 1786, стран. 39—340).

Сочинитель «Сказанія» выросъ на старинныхъ преданіяхъ

нашей книжной учености, поэтому и мысль и изложеніе сильно напоминаютъ у него старинные историческіе разсказы. У него еще замѣтно отражается религіозный и патріархально-семейный бытъ допетровской Россіи, съ его повѣрьями и обычаями. Пропитанный ими, сочинитель разсказываетъ нѣкоторыя событія, напр. о жизни вдовствующей великой княгини Натальи Кирилловны, о воспитаніи Петра, о прощеніи стрѣльцовъ, пришедшихъ къ царямъ съ повинною и проч., довольно вѣрно и выпукло, и характеромъ разсказа близко знакомитъ съ понятіями XVII вѣка. Правда, что сочинитель «Сказанія» не былъ очевиднымъ свидѣтелемъ многаго изъ того, что описывалъ, передаетъ иногда вещи неправдоподобныя или даже чистыя выдумки, но самъ онъ простодушно вѣрилъ всѣмъ разсказамъ и слухамъ, ходившимъ въ его время въ народѣ; записки становятся любопытны для насъ, какъ передача современныхъ толковъ и взглядовъ на тогдашнія событія. Г-нъ Сахаровъ, признаваясь, что выпустилъ изъ записокъ г. Крекшина все, что было написано *въ духѣ предвѣщательномъ*, напрасно оправдываетъ себя тѣмъ, что «мнѣнія Крекшина не принадлежатъ нашему времени: для нихъ настоящее было въ думахъ современниковъ, а будущее въ справедливой оцѣнкѣ грядущаго потомства». Если мѣста, написанныя въ духѣ предвѣщательномъ, покажутся намъ невѣроятными, то это нисколько не мѣшаетъ имъ живо характеризировать ту эпоху; и мы, конечно, нашли бы вѣрную точку зрѣнія на всѣ эти разсказы, не нуждаясь ни въ какихъ позднѣйшихъ поправкахъ и дополненіяхъ. Конечно, теперь не много найдется людей, которые бы повѣрили предсказаніямъ Полоцкаго и разнымъ сверхъестественнымъ знаменіямъ, которыя такъ старательно записаны у Крекшина; но все это вмѣстѣ взятое служитъ доказательствомъ, какое сильное впечатлѣніе производили на умы дѣла Петра Великаго. Пораженный явленіемъ человѣка съ умомъ необыкновеннымъ, несокрушимою силою воли, народъ не могъ не видѣть въ немъ особеннаго избранника судьбы, и воображеніе его украсило чудесными чертами обстоятельства его жизни; такимъ образомъ является цѣлый рядъ разсказовъ, наполненныхъ знаменіями и предсказаніями. Соотвѣтствуя народнымъ понятіямъ, разсказы Крекшина получили большую извѣстность, читатели находили въ нихъ отголосокъ собственныхъ мнѣній, довѣрчиво удивлялись и принимали на вѣру все, что въ нихъ разсказывалось.

Языкъ и изложеніе Крекшина столь же сильно напоминаютъ старину XVII столѣтія: хотя составитель и говоритъ въ предисловіи — «прошу не вмѣнить мнѣ въ безуміе неукрашеніе слога: ни знаемо ми», однако явное стараніе придать рѣчи славянскіе обороты и выраженія заставляетъ предположить въ авторѣ притязаніе писать красно и для этой цѣли не употреблять обыкновеннаго языка, что показалось бы неумѣстнымъ для письменной рѣчи того времени. Сравнивъ различные списки записокъ Крекшина и печатныя ихъ изданія, легко замѣтить, что всѣ они болѣе или менѣе подвергались различнымъ перемѣнамъ при перепискѣ и печатаніи, иногда ненамѣренно по безграмотству, въ другихъ случаяхъ съ цѣлью поддѣлаться подъ современный языкъ. Грамотеи наши часто имѣли случай переписывать сказаніе и, слѣдовательно, переиначивать его: въ иномъ спискѣ встрѣчается больше славянскихъ оборотовъ и архаизмовъ, въ другомъ меньше; въ одномъ много грубыхъ ошибокъ противъ славянскаго языка, въ другомъ онѣ рѣже. Вообще поздніе списки имѣютъ гораздо менѣе выраженій, принадлежащихъ славянскому языку, и больше русскихъ, между которыми славянскіе слова и обороты навязаны какъ бы насильно и съ ошибками; видно, однако, что въ первоначальномъ видѣ сказаніе было писано книжнымъ славянскимъ языкомъ. Онъ, конечно, не могъ остаться неприкосновеннымъ отъ вліянія разговорнаго языка, который съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе врывался въ книжную рѣчь, и она, смѣшавшись съ обыкновенными разговорными фразами и выраженіями, и даже съ иностранными словами, представляла въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка самую странную смѣсь, и какъ будто особое нарѣчіе. Этимъ-то нарѣчіемъ написано Сказаніе Крекшина.

Графъ Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ родился 15 августа 1666 года, умеръ 16 сентября 1828 года. Его отецъ, ближній бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ, былъ человѣкъ замѣчательный какъ по значенію своему при дворѣ Алексѣя Михайловича, такъ и по расположенію къ иностранцамъ, что въ тогдашней Россіи было большою рѣдкостью: онъ былъ женатъ не на русской и заботился о воспитаніи сына больше, чѣмъ тогда, обыкновенно, занимались. Учителемъ сына его выбранъ былъ «изъ меньшаго польскаго шляхетства Иванъ Лаврентьевъ сынъ Поборскій». Любопытно, что политическіе

враги боярина обвинили его ни въ чемъ другомъ, какъ въ чернокнижничествѣ и наученіи тому сына.

Графъ Матвѣевъ съ 1699 года былъ въ продолженіе шестнадцати лѣтъ посланникомъ при разныхъ европейскихъ дворахъ и въ свое время могъ считаться очень образованнымъ человѣкомъ.

Изъ рукописей графа Матвѣева напечатаны записки о стрѣлецкомъ бунтѣ.

Записки о стрѣлецкомъ бунтѣ въ первый разъ были изданы Туманскимъ, подъ заглавіемъ: «Описаніе бунта, бывшаго въ 1682 году. Съ рукописи». Здѣсь сказаніе Матвѣева помѣщено вполнѣ, и только въ предисловіи недостаетъ приступа. Туманскій не зналъ кажется, что сказаніе принадлежитъ Матвѣеву, и потомъ, по странной неосмотрительности, помѣстилъ его снова въ шестой части своего собранія со списка, наполненнаго пропусками и невѣрностями, но съ именемъ автора. Сахаровъ при изданіи своемъ пользовался двумя списками, ему принадлежащими, и тремя изъ бывшей библіотеки графа Толстого. Кромѣ этихъ, Публичная Библіотека владѣетъ другими шестью списками сказанія Матвѣева. Текстъ, напечатанный Сахаровымъ, одинаковъ со спискомъ Туманскаго: разница только въ нѣкоторыхъ словахъ, несходство которыхъ могло произойти отъ неразборчивости почерковъ или ошибокъ переписчиковъ; въ спискѣ Туманскаго удержано и больше архаизмовъ.

Еще Татищевъ вѣрно оцѣнялъ степень достовѣрности записокъ графа Матвѣева: «Сильвестръ Медвѣдевъ, монахъ Чудова монастыря, и графъ Матвѣевъ», говоритъ онъ въ предисловіи (стран. XIII) къ «Исторіи Россійской», «описали стрѣлецкій бунтъ: токмо въ сказаніяхъ *по страстямъ* весьма несогласны, и болѣе противны, потому что графа Матвѣева отецъ въ ономъ стрѣльцами убитъ, а Медвѣдевъ самъ тому бунту участникъ». Въ этихъ словахъ дѣйствительно опредѣляется сущность различія между этими двумя описаніями. Матвѣевъ не могъ имѣть такихъ понятій о стрѣлецкомъ бунтѣ и такъ описывать его, какъ это сдѣлалъ Медвѣдевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Матвѣевъ составлялъ свои записки гораздо послѣ этихъ событій; собственныя слова его: «стрѣльцы же... начали... бѣгать... по всѣмъ внутреннимъ комнатамъ большимъ и меньшимъ *тогда во здравіи еще бывшихъ всѣхъ государынь и царевенъ*.» нето

указываютъ, что въ то время, когда онъ писалъ, нѣкоторыя изъ княженъ уже умерли. Да и самый слогъ его записокъ, изысканный и витіеватый, достаточно свидѣтельствуетъ, что авторъ не въ самую эпоху происшествій, а послѣ, на досугѣ, старательно обдѣлывалъ свое произведеніе. Этимъ обстоятельствомъ объясняется и значительная разница въ языкѣ записокъ Матвѣева и его же писемъ о пребываніи во Франціи. Читая первыя, невольно желаешь, чтобы авторъ поменьше вставлялъ сентенцій и отступленій и больше держался простоты и искренности въ разсказѣ: тогда, по крайней мѣрѣ, событія, хотя и описанныя односторонне, казались бы болѣе правдоподобными. Конечно, онъ писалъ подъ вліяніемъ горестнаго впечатлѣнія, возбужденнаго мученической смертію отца, но онъ какъ-будто старается скрыть это впечатлѣніе, желая быть безпристрастнымъ лѣтописцемъ. Такое натянутое, принужденное положеніе автора дѣлаетъ записки его холодными и нисколько несимпатичными. Безпрерывныя дидактическія отступленія, разсужденія о причинахъ и слѣдствіяхъ того или другого событія вовсе не напоминаютъ, что все это писано не только очевидцемъ, но и дѣйствующимъ лицомъ кровавой драмы, которая разыгрывалась въ стѣнахъ Кремля. Можно думать, что Матвѣева всего больше занимала мысль изложить свое повѣствованіе краснорѣчиво, важно, съ соблюденіемъ всѣхъ реторическихъ правилъ: знакомый съ латинскимъ синтаксисомъ, онъ старался въ своемъ сочиненіи ввести латинское строеніе рѣчи и расположеніе словъ, напоминающія отчасти ораторскіе пріемы Ломоносова. Оттого записки Матвѣева довольно странны для насъ по языку, натянуты по манерѣ изложенія. Несмотря на то, онѣ любопытны, какъ произведеніе одного изъ первыхъ русскихъ людей, усвоившихъ европейское образованіе. Тогдашній образованный по-европейски человѣкъ былъ совсѣмъ не въ томъ отношеніи къ иностранному, чѣмъ мы; для насъ въ иностранномъ нѣтъ уже ничего неожиданнаго, ни ослѣпляющаго. Въ иномъ положеніи находился русскій при Петрѣ: до двадцати лѣтъ, или больше, онъ жилъ въ совершенномъ отчужденіи отъ этого новаго порядка вещей; его понятія, образъ мыслей, самая внѣшняя обстановка жизни, привычки, обычаи, держались еще на прежнихъ старинныхъ основаніяхъ. И послѣ такой замкнутой жизни ему надобно было перенимать и привыкать къ тому, что до

того времени было для него совершенно чуждымъ и неприступнымъ. Съ одной стороны, свѣжее воспоминаніе о томъ, чему онъ вѣрилъ съ малыхъ лѣтъ, съ другой — новый міръ, соблазнительный и потому только, что былъ до сихъ поръ неизвѣстенъ: вотъ крайности, которыя нужно было примирять ему и которыя долго боролись въ немъ. Всего ближе къ современнымъ требованіямъ подходилъ тотъ, кто болѣе успѣвалъ усвоить новыя понятія и образъ жизни и, наперекоръ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ, могъ отстать отъ старины, по крайней мѣрѣ, по наружности. Матвѣевъ, конечно, является въ числѣ представителей новаго направленія; онъ живо сочувствуетъ идеямъ Петра, но еще не можетъ оторваться отъ понятій, съ которыми жилъ до рѣшительнаго переворота. Въ такомъ положеніи было, конечно, много смутнаго и неопредѣленнаго; оттого характеръ самыхъ записокъ сдѣлался довольно страннымъ и даже уродливымъ.

Также страненъ и языкъ, которымъ написаны записки Матвѣева; вмѣстѣ съ словами, принадлежащими прежнему литературному языку, и реторическими обычаями старины, у него встрѣчается очень много иностранныхъ словъ, написанныхъ по-русски — черта Петровскаго времени. Видно, что сочинитель питаетъ къ этимъ словамъ глубокое уваженіе: они попадаются тамъ, гдѣ авторъ хочетъ выразить мысль сильнѣе и обратить на нее вниманіе читателя. Иногда, изъ снисхожденія къ читателю, рядомъ съ иностраннымъ словомъ, авторъ ставитъ, какъ объясненіе, однозначащее русское: онъ пишетъ, напримѣръ, «аліація» и рядомъ съ нимъ «то-есть союзъ». Матвѣевъ дѣлаетъ это потому, что слово «аліація» было иностранное, которое зналъ сочинитель и въ то же время не знали тысячи читателей — людей, еще не исчерпавшихъ всей премудрости: какъ не употребить такое слово, когда оно было порукою, что писавшій не былъ человѣкъ отсталый и очень хорошо понималъ «иностранныя обхожденія». Употребленіе иностранныхъ словъ имѣло тогда особенный, отличный отъ нынѣшняго, характеръ: мы употребляемъ иностранныя слова единственно потому, что не можемъ пріискать на русскомъ однозначащихъ имъ, но во времена Матвѣева слова, въ родѣ «аммуникаціи», «коммуникаціи», «аліаціи» и проч., писались и говорились не потому, чтобы они лучше выражали ту или другую мысль, а вслѣдствіе большого, весьма понятнаго въ то

время, уваженія ко всему иностранному, которому старались подражать, какъ идеальному образцу. Оттого иностранныя слова, встрѣчающіяся намъ въ старинныхъ книгахъ, кажутся неумѣстными, поставленными произвольно и некстати. Книжныя славянскія слова, составленныя иногда очень некрасиво, также не рѣдкость у Матвѣева. Но объ этихъ славянизмахъ Матвѣева еще нельзя судить по печатнымъ изданіямъ Туманскаго и въ особенности Сахарова: чтобы увидѣть, до какой степени старый книжный языкъ имѣлъ вліяніе на складъ записокъ Матвѣева, надобно познакомиться съ рукописными текстами «Сказанія о стрѣлецкомъ бунтѣ». Тамъ, несмотря на промахи и ошибки отъ неграмотности переписчиковъ, сохранилось болѣе оборотовъ и пріемовъ русскихъ грамотеевъ допетровскаго времени.

Записки, оставшіяся послѣ Ивана Аѳанасьевича Желябужскаго, были издаваемы тѣмъ же Туманскимъ, потомъ Д. И. Языковымъ, отдѣльною книгою: «Записки Желябужскаго съ 1682 по 2-е іюля 1709 года» (С.-Пб. 1840) и г. Сахаровымъ. Лучшее изданіе текста принадлежитъ Языкову: у него сохранено правописаніе подлинника, прибавлено множество примѣчаній, указаны важнѣйшіе варіанты, и, наконецъ, помѣщено письмо Петра къ наслѣднику престола о полтавской битвѣ, котораго нѣтъ ни у Туманскаго ни у г. Сахарова. Всѣ свѣдѣнія о Желябужскомъ ограничиваются краткими указаніями о службѣ его. Иванъ Аѳанасьевичъ Желябужскій служилъ сперва ясельничимъ, потомъ стольникомъ, наконецъ, окольничимъ и въ продолженіе своей службы (въ 1662 и 1667 гг.) ѣздилъ за границу, въ первый разъ при посольствѣ въ Венецію и Англію, а другой — посланникомъ въ Вѣну.

Въ 1668 году, вмѣстѣ съ Ординымъ Нащокинымъ, Желябужскій посылался для переговоровъ съ польскими и литовскими послами.

Въ числѣ рукописей Публичной Библіотеки есть, между прочимъ, статейный списокъ посольства въ 7192 (1683 и 1684) году бояръ, князя Ивана Никитича Одоевскаго и другихъ, въ томъ числѣ окольничего Ивана Аѳанасьевича Желябужскаго, посыланныхъ въ село Андрусово для переговоровъ о мирѣ съ Польшею. Къ сожалѣнію, и здѣсь не много говорится о составителѣ разбираемыхъ нами записокъ. До отъѣзда въ Андрусово главнаго посла Одоевскаго, Желябужскій, съ думнымъ дьякомъ

Гороховымъ, отправленъ былъ на границу къ Смоленску, для предувѣдомленія польскихъ полномочныхъ министровъ о скоромъ прибытіи русскаго посольства.

При этомъ случаѣ, по заведенному у насъ тогда обычаю, посланнымъ дано было образцовое письмо, которое, списавъ, обязаны были они отослать польскому посольству. Порученіе это Желябужскій и Гороховъ выполнили удовлетворительно, и за скорый ихъ пріѣздъ въ Смоленскъ прислана была имъ изъ посольскаго приказа грамота съ милостивымъ словомъ...

Въ 1715 году Петръ Великій посылалъ въ Москву съ г. *Желябужскимъ* учившихся въ Англіи мастеровъ кожевеннаго дѣла; но тотъ ли это самый Желябужскій, которымъ мы теперь занимаемся, положительно неизвѣстно.

Читая записки Крекшина и Матвѣева, не трудно замѣтить, что авторъ первыхъ заботился о прославленіи дѣлъ великаго государя и для этой цѣли собиралъ всѣ ходившіе въ народѣ слухи и разсказы, не обращая вниманія, въ какой степени они были достовѣрны; Матвѣевъ, описывая стрѣлецкій бунтъ, не только какъ очевидецъ, старается стать на высшую точку зрѣнія, толкуетъ о причинахъ и слѣдствіяхъ событій, оцѣниваетъ лица, въ немъ дѣйствовавшія, и нерѣдко увлекается своими личными взглядами. Съ иными мыслями писаны записки Желябужскаго: достаточно прочесть изъ нихъ нѣсколько страницъ и видѣть, что у автора ихъ не было намѣренія хвалить героя или обвинить то или другое лицо въ пользу третьяго: у него нѣтъ ни предисловія «къ благосклонному читателю» ни разсужденій о причинахъ, заставившихъ его сдѣлаться лѣтописцемъ. Ему некогда входить въ подробности, и потому весь разсказъ ограничивается отмѣтками о томъ, что̀ обращало на себя его вниманіе и почему-нибудь имѣло для него особенное значеніе. Здѣсь нѣтъ искусственнаго порядка и единства въ разсказѣ: событія самыя разнородныя идутъ одно за другимъ такъ, какъ случились на самомъ дѣлѣ; всѣ они описаны ровно, одинаково, съ тѣмъ же затаеннымъ чувствомъ, такъ что рѣдко можно замѣтить, что думалъ авторъ, разсказывая о боярскомъ разбоѣ на большой дорогѣ, о свадьбѣ шута, о пыткѣ, о червонцахъ, данныхъ во взятку сановнику и проч. Вписывая какъ ни попало все, что казалось ему любопытнымъ, Желябужскій не могъ, конечно, представить полной картины своего времени: въ запискахъ часто попадаются пропуски та-

кихъ происшествій, которыя имѣли однако въ то время огромное значеніе. Впрочемъ, въ иныхъ случаяхъ можно думать, что это молчаніе и неопредѣленность разсказа, со стороны Желябужскаго, были дѣломъ умышленнымъ. Напримѣръ, исчисливъ лицъ, посаженныхъ царевною Софіею Алексѣевною въ приказы, онъ тотчасъ же послѣ того помѣщаетъ неопредѣленное замѣчаніе, что тогда «въ Москвѣ время было лихое, и шатаніе великое и въ людѣхъ смута». Но отъ кого было «великое шатаніе», и отчего началась «въ людѣхъ смута», онъ оставляетъ догадываться читателю. Ни слова не сказано также о низложеніи царевны Софіи Алексѣевны, быть-можетъ, изъ опасенія высказать что-нибудь лишнее и подвергнуться, при перемѣнѣ обстоятельствъ, нареканію. Всего больше Желябужскаго занимали уголовныя дѣла и исполненіе приговоровъ: первая половина его записокъ почти исключительно наполнена извѣстіями о судебныхъ постановленіяхъ, пыткахъ, казняхъ. Въ этихъ грустныхъ замѣткахъ, чрезвычайно рѣзко рисующихъ эпоху, находится не одно указаніе на то, въ какомъ состояніи засталъ Петръ Россію, и какъ много сдѣлано съ тѣхъ поръ для просвѣщенія и смягченія нравовъ народа. Съ семисотыхъ годовъ вниманіе Желябужскаго обращено на войны, которыя вела тогда Россія: у него безпрерывно встрѣчаются реляціи, выписки, извѣстія о побѣдахъ и успѣхахъ нашихъ воискъ. Эти славныя дѣла, льстившія народной гордости, вѣроятно, составляли предметъ общихъ разговоровъ, и вотъ почему Желябужскій съ такимъ стараніемъ слѣдилъ за тѣмъ, что происходило въ арміи. Только при описаніи храбрыхъ подвиговъ нашихъ воискъ покидало его обычное хладнокровіе, и въ запискахъ является то теплое участіе, то непритворная радость. Такія мѣста попадаются у него рѣдко, какъ исключеніе, и могутъ служить любопытнымъ образчикомъ его красноречія. Вотъ какъ описываетъ Желябужскій одну изъ схватокъ нашихъ со шведами, во время похода на Финляндію фельдмаршала Шереметева въ 1702 году: «И какъ пришли руские на поля мызы той (Гумолова), гдѣ ихъ нѣмецкіе полки стоять въ ополченіи къ лютому бою, и генералъ ихъ шведскій Шлюфинбахъ, осмотря, что государевыхъ полковъ пришло немного, и онъ бусурманъ приказалъ полкамъ своимъ ополчиться къ великому бою, и велѣлъ обходить кругомъ государевы полки, рубить до жадныя души, ни единаго человѣка жива не отпу-

стить и въ полонъ не брать. И ево такое бусурманское намѣреніе и сталось. Изъ тѣхъ государевыхъ полковъ, кои за ними были посланы, полковникъ Семенъ Ивановичъ Кропотовъ съ товарищи своими, полагая печаль свою на Господа Бога и моляся Пресвятой Богородицѣ, приказали по ихъ нѣмецкимъ полкамъ палить изъ пушекъ, и стали межъ себя съѣзжаться и бои у нихъ зачался быть съ перваго часу дня іюля въ 18-мъ числѣ, и Божіею помощію стояли тѣ ево государевы полки противъ шведскихъ полковъ часа до третьяго дня; и бусурманъ шведскій генералъ Шлюфинбахъ приказалъ шведомъ жестоко наступать своими полками на государевы полки, и они бусурманы по приказу ево учали на ево государевы полки наступать самымъ жестокимъ и усердным наступомъ и боемъ; и, грѣхъ ради нашихъ калмыки и казаки, и юкины татары, и драгуны и царедворцы не могли стоять противъ ихъ бусурмановъ и отступили назадъ. И Господь терпѣливъ и многомилостивъ не до конца прогнѣвался еще, и слыша Господь молитву рабъ своихъ, и ево государевымъ пресвѣтлаго величества счастіемъ и промысломъ добраго генералъ-фельдмаршала и военнаго кавалера засвидѣтельствованнаго Мальтійскаго, Бориса Петровича, приказано наскоро поспѣшать коннымъ и пѣхотнымъ полкамъ на вспоможеніе Семену Ивановичу съ товарищи»... Наконецъ, къ нашимъ войскамъ, обращеннымъ въ бѣгство, подоспѣлъ Преображенскій полкъ: «и Божіимъ милосердіемъ и заступленіемъ Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и присно Дѣвы Маріи, его государевымъ счастіемъ пресвѣтлаго величества ихъ и нѣмецкіе полки остановились противъ Преображенскаго полку въ началѣ четвертаго часа дни. И какъ былъ бой у Преображенскаго полку съ ними нѣмцами въ великихъ переправѣхъ и въ крѣпѣхъ страшныхъ, и Преображенскаго полка драгуны противъ ихъ нѣмецкихъ полковъ стояли крѣпко и мужественно за домъ Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и ево государево пресвѣтлое величество и за вѣру христіанскую, другъ за друга единокупно умирали и смертныя чаши другъ за друга испивали, ихъ бусурманъ въ томъ мѣстѣ зѣло много побили Преображенскаго полка драгуны. И какъ пришли на бой государевы конные и пѣхотные полки, и они бусурманы, видя храбрость и мужество ратныхъ государевыхъ людей, не могли противу ихъ стать. И генералъ шведскій Шлюфинбахъ съ полки сво-

ными поворотилъ назадъ къ Гумоловѣ мызѣ; и видя государевы люди такое милосердіе Божіе, всѣ вскричали единодушно великимъ гласомъ: «Господи Боже, помогай намъ!» А Преображенскій полкъ устремился за ними скакать, и всѣ полки за ними шведскими людьми погнали».

Записки Желябужскаго написаны тѣмъ самымъ языкомъ, которымъ говорилъ онъ самъ. Хотя онъ и занималъ важное мѣсто окольничаго, однако не успѣлъ, какъ Матвѣевъ, освоиться съ европейскими нововведеніями, и въ то же время не былъ силенъ, какъ Крекшинъ, въ старинныхъ преданіяхъ нашихъ грамотеевъ; кажется этимъ двумъ причинамъ обязаны мы, что въ запискахъ Желябужскаго является народная русская рѣчь съ своею наивною и мѣткою простотою и замашками. Онъ писалъ безъ всякаго желанія быть писателемъ, потому у него вовсе нѣтъ той рутинности книжнаго языка, которой въ такой сильной степени поддавались Крекшинъ и Матвѣевъ. Онъ называетъ вещи ихъ собственными именами, какъ называютъ ихъ въ обыкновенномъ разговорѣ, и оттого записки его отличаются большою выразительностью и картинностью описанія. Въ запискахъ его почти нельзя встрѣтить какого-нибудь дико составленнаго книжнаго слова или фразы, и онъ бываетъ иногда теменъ только потому, что употребляетъ чисто народныя, даже провинціальныя, областныя слова, извѣстныя не всякому читателю (напр. огурство, осторожка и т. п.) или юридическіе термины и условныя фразы (напр. изычная молвка, т.-е. доносъ, и т. п.).

Но не только слова, отдѣльно взятыя, даже цѣлый строй рѣчи, распорядокъ ея, у Желябужскаго въ иныхъ мѣстахъ сильно отзывается особенностями народнаго склада. Въ прозаической рѣчи Желябужскаго нерѣдко можно замѣтить ту плавность и мѣрность, которыя бываютъ обыкновеннымъ качествомъ произведеній народной литературы.

Дѣлая обозрѣніе русскихъ мемуаровъ, мы должны также упомянуть о произведеніи, которое если не было написано самимъ Петромъ Великимъ, то, по крайней мѣрѣ, исправлялось, дополнялось и передѣлывалось подъ собственнымъ его наблюденіемъ или даже его рукою, и извѣстно подъ заглавіемъ: «Журналъ или поденная записка Петра Великаго съ 1698 по 1721 годъ».

По повелѣнію государя, кабинетъ-секретарь Макаровъ со-

ставилъ изъ черновыхъ записокъ государя и доставленныхъ отъ разныхъ лицъ документовъ сборникъ извѣстій о войнѣ со Швеціею и поднесъ его на разсмотрѣніе Петра. Шесть разъ трудъ Макарова подвергался собственноручнымъ передѣлкамъ императора, и въ такомъ видѣ остался въ бумагахъ послѣ смерти его. При Екатеринѣ I, одна часть «Журнала», обнимающая событія съ 1698 по 1715 годъ, приготовлялась къ печати, но, неизвѣстно почему, не была издана. Наконецъ, Щербатовъ, по порученію Екатерины II, разобралъ бумаги въ кабинетѣ покойнаго государя и издалъ какъ эту часть, такъ и вторую съ прибавленіями, съ 1715 года до ништадтскаго мира, 1721 года.

«Журналъ или поденная записка» оставался долго незамѣченнымъ учеными, писавшими о Петрѣ Великомъ. по г. Мышлаевскій[?] указалъ всю важность и значеніе этого произведенія, которое можно считать почти вполнѣ принадлежащимъ перу самого императора. Вотъ слова ученаго академика о значеніи «Журнала» Петра Великаго: «Немногія мѣста работы Макарова уцѣлѣли: все важное, главное принадлежитъ самому Петру, тѣмъ болѣе, что и статьи, оставленныя имъ безъ измѣненія, выписаны редакторомъ изъ его же черновыхъ бумагъ или изъ журналовъ, исправленныхъ его собственною рукою. Слѣдовательно, на это сочиненіе мы имѣемъ право смотрѣть, какъ на трудъ самого Петра, и не можемъ не удивляться странной небрежности исторіографа Щербатова, который, издавъ его въ свѣтъ въ семидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія, по волѣ императрицы Екатерины II, далъ ему вовсе не соотвѣтствующее заглавіе *Журнала или поденной записки Петра Великаго съ 1698 года даже до заключенія Нейштадтскаго мира*, упомянувъ, что онъ сочиненъ при кабинетѣ государя и правленъ его собственною рукою, но не объяснивъ, въ чемъ состояли эти исправленія, кто занимался собраніемъ матеріаловъ, откуда они заимствованы и въ какой степени заслуживаютъ вѣроятія. Оттого изданіе въ свѣтъ столь важнаго труда Петрова, о которомъ думалъ онъ даже на смертномъ одрѣ, осталось въ свое время незамѣченнымъ; да и теперь извѣстенъ онъ, безъ сомнѣнія, немногимъ; историки смотрѣли на него съ недовѣрчивостью, и часто оспаривали его указанія, полагая, что имѣютъ дѣло съ неученымъ и небрежнымъ Щербатовымъ, за исключеніемъ только одного автора «Исторія русскихъ войнъ въ XVIII сто-

лѣтіи», принявшаго такъ называемый журналъ въ основаніе своего прекраснаго сочиненія».

Г-нъ Устряловъ обратилъ особенное вниманіе на мѣста, поправленныя рукою государя; изъ сравненія ихъ съ тѣмъ, что было прежде написано Макаровымъ, видно, что Петръ и въ трудахъ историческихъ сумѣлъ быть безпристрастнымъ цѣнителемъ своихъ дѣлъ. Не скрывая своихъ ошибокъ, онъ исключалъ изъ журнала все, что было сказано въ похвалу его собственнымъ дѣламъ. «Выраженія Макарова въ первоначальной редакціи», говоритъ г. Устряловъ, «что въ битвѣ подъ Полтавою «Государь свою храбрость, великодушіе и воинское искусство, не опасаясь никакого страха своей высокой особѣ, въ высшемъ градусѣ показалъ» — Петръ замѣнилъ слѣдующими простыми словами: «за людей и отечество, не щадя своей особы, поступалъ, какъ доброму приводцу надлежитъ». Съ такою же скромностью онъ разсказываетъ о доблестномъ подвигѣ *капитана* бомбардирской роты Преображенскаго полка въ устьѣ Невы, гдѣ, предводительствуя канонирскими лодками, онъ напалъ на шведскія суда, вооруженныя пушками, бросился въ абордажъ и въ числѣ первыхъ взошелъ на корабль непріятельскій. Одну только черту замѣтилъ историкъ въ мужественномъ капитанѣ, именно то, что, кромѣ его да поручика Меншикова, не было тогда никого знакомаго съ моремъ. Капитанъ этотъ былъ самъ Петръ.

По этому отрывку можно судить, какъ былъ бы драгоцѣненъ «Журналъ» Петра Великаго, если бы его издать съ показаніемъ всѣхъ поправокъ и измѣненій редакціи Макарова рукою государя. Надобно еще жалѣть, что намѣреніе императора — описать не только шведскую войну, но и внутреннія государственныя учрежденія — за смертію его осталось неисполненнымъ.

«Журналъ» Петра, въ настоящемъ его видѣ, заключаетъ въ себѣ подробное описаніе военныхъ дѣйствій и походовъ, а потому мало касается исторіи реформы, произведенной Петромъ въ русской жизни. Но для насъ получаютъ особенную цѣну и тѣ краткіе намеки, замѣтки, попавшіе въ журналъ, которые даютъ нѣкоторое понятіе объ этой сторонѣ дѣятельности государя.

Судьба какъ-будто съ намѣреніемъ хотѣла, чтобы канунъ XVIII столѣтія, 1699 годъ, видѣлъ въ Россіи кончину всего

обветшалаго и отжившаго свой вѣкъ и зародышъ новой жизни, долженствовавшей развиваться подъ иными условіями. Въ 1699 году Петръ занимался приготовленіями къ войнѣ со Швеціею, походомъ подъ Азовъ, заключеніемъ тѣснаго союза съ польскимъ королемъ. Какъ ни важны были эти занятія, однако они не помѣшали исполненію предпріятій, о которыхъ вотъ какъ записано въ журналѣ:

«Тогожъ года исправлена друкарня въ чистотѣ печати, и начали многія книги переводить и печатать инженерскія, артиллерійскія, механическія и прочихъ художествъ, также и историческія и календари.

«Тогдажъ началась школа навигаторская, такъ же и прочихъ наукъ школы начало свое восприимать помалу стали, такожъ и разныя художества, и пріумножены школы латинскія и вновь заведены нѣмецкія и другихъ языковъ.

«Тогожъ времени государь далъ позволеніе всѣмъ своимъ подданнымъ ѣздить въ иностранныя европейскія государства для обученія, которое прежде было запрещено подъ казнію; и не точію позволилъ на сіе, но еще къ тому ихъ и понуждалъ...

«Тогдажъ заблагоразсудилъ старинное платье россійское (которое было наподобіе польскаго платья) отмѣнить, и повелѣлъ всѣмъ своимъ подданнымъ носить по обычаю европейскихъ христіанскихъ государствъ, также и бороды брить.

«По окончаніи же сего 1699 года опредѣлено торжество новаго года генваря съ 1-го числа, а прежнее сентября съ 1-го числа отставлено, и оное дѣйствительно начало свое восприяло 1700 года...»

Съ тѣхъ поръ въ «Журналѣ» идетъ перечень событій войны съ Карломъ XII; но, какъ ни былъ занятъ составитель исчисленіемъ военныхъ подвиговъ, онъ не могъ не разсказать о построеніи новой столицы, которая, по счастливому выраженію одного писателя, должна была служить «громовымъ отводомъ для невѣжества и суевѣрства». Основаніе ея тѣсно связано съ тогдашними военными событіями: «по взятіи Канецъ (въ 1703 г.), записано въ журналѣ, отправился воинскій совѣтъ, тотъ ли шанецъ крѣпить, или иное мѣсто удобное искать (понеже оный малъ, далеко отъ моря, и мѣсто не гораздо крѣпко отъ натуры), въ которомъ положено искать новаго мѣста, и по нѣсколькихъ дняхъ найдено къ тому удобное

мѣсто островъ, который назывался Люстъ Еландъ (то-есть веселый островъ), гдѣ въ 16-й день мая (въ недѣлю Пятидесятницы) крѣпость заложена и именована Санктпетербургомъ...»

Шесть лѣтъ спустя (1709) въ «Журналѣ» снова попадается отмѣтка о новомъ городѣ: государь «во время бытности своей въ Санктпетербургѣ учреждалъ многія гражданскія и повелѣлъ построить церковь во имя св. Сампсона въ память бывшей баталіи подъ Полтавой, также повелѣлъ строить свои загородные домы каменные изрядною архитектурною работою, украшать огороды, и городовымъ строеніямъ и починкамъ; также указалъ умножить домовъ какъ для морскихъ служителей, такъ и торговыхъ, а господамъ министрамъ, генераламъ и знатнымъ дворянамъ повелѣно тогда строить каменныя палаты... Черезъ три года (1712) въ «Журналѣ» записано, какъ событіе особенной важности, прибытіе въ Санктпетербургъ на житье графа Шереметева и нѣкоторыхъ сенаторовъ: «въ апрѣлѣ мѣсяцѣ пріѣхали изъ Москвы фельдмаршалъ графъ Шереметевъ и нѣсколько сенаторскихъ персонъ и съ того времени сенаторы жить и сенаторское правительство началось быть въ Санктпетербургѣ».

Въ 1721 году окончилась война, и въ октябрѣ его величество опредѣлилъ себѣ въ каждой недѣли указные дни для собственнаго труда, а именно: четыре дни каждой недѣли (же) сидѣть за книгою Адмиралтейскаго Устава; одинъ день быть въ сенатѣ и одинъ за чужестранными дѣлами. И такъ его величество всѣ дни даже до 10-го числа декабря исправлялъ; а за регламентомъ Адмиралтейскимъ сидѣлъ по утрамъ и по вечерамъ часовъ по 14 въ сутки, начиная поутру отъ 5 часовъ пополуночи даже до 12, а пополудни отъ 4 до 11 часа: тоже учинено, и всѣ тѣ книги Морской, Адмиралтейской и Флотной регламенты окончаны чрезъ прилежные труды его величества, въ которомъ дѣлѣ не повелѣніемъ токмо, но самымъ трудомъ учинено...»

Подобныя мѣста «Журнала» стоятъ многихъ страницъ иныхъ разсужденій и не нуждаются въ объясненіяхъ.

Пекарскій.

„Духовная“ Татищева и „Завѣщаніе“ Посошкова.

«Духовная» Татищева принадлежитъ къ обширному разряду сочиненій, любимому въ средневѣковыхъ литературахъ, типическимъ представителемъ котораго служитъ извѣстный «Домострой». Произведенія этого рода, по большей части, имѣютъ одну общую форму: отецъ сообщаетъ сыну плоды своего житейскаго опыта и указываетъ ему, какъ онъ долженъ жить. Конечно, очень часто это только удобная форма, ибо авторъ, предлагая совѣты на разные случаи, имѣетъ въ виду не одного только сына. Такъ, напр., Татищевъ въ своей «Духовной» пишетъ о тѣхъ книгахъ, по которымъ начинается ученіе, а между тѣмъ сынъ его уже былъ тогда взрослый. Такимъ образомъ, книга подобнаго содержанія назначалась для болѣе широкаго распространенія; она не была писана исключительно только для близкихъ людей; и дѣйствительно, мы знаемъ, что такія книги охотно читались, распространяясь въ рукописяхъ. Вспомнимъ, что мы имѣемъ довольно много списковъ «Домостроя», да и самая «Духовная» Татищева извѣстна до сихъ поръ въ рукописяхъ. Но между домостроями средневѣковыми и домостроями XVIII вѣка есть одна существенная разница: люди средневѣковые являются, по большей части, крѣпкими стоятелями за обычаи; въ XVIII вѣкѣ обычай пошатнулся, поколебался; является личное разсужденіе, личный характеръ, личное образованіе, тогда какъ прежде во всемъ лежала печать общаго для всѣхъ людей *народнаго* и *чиннаго* образованія. Отъ первой половины XVIII вѣка дошли до насъ два сочиненія этого рода, сравненіе между которыми можетъ быть очень любопытно. Въ первыхъ годахъ XVIII вѣка (послѣ 1710 г.) грамотный, довольно начитанный крестьянинъ, истый великоруссъ по уму и смѣтливости, сочувствующій дѣлу реформы съ практической ея стороны, написалъ наставленіе сыну, въ которомъ вполнѣ высказалось то, насколько новыя понятія, вносимыя реформами, могли привиться къ людямъ просто грамотнымъ и начетчикамъ въ литературѣ допетровской; — мы говоримъ о Посошковѣ и его «Отеческомъ завѣщаніи». Въ 1740 году Татищевъ, одинъ изъ наиболѣе образованныхъ людей русскихъ XVIII вѣка, бывшій въ постоянныхъ сношеніяхъ съ лучшими по образованію людьми, членъ «ученой дружины», стоявшій

если не на самомъ верху административной лѣстницы, то вблизи этого верха, пишетъ свою «Духовную». Въ чемъ же разнились эти два человѣка? Попробуемъ отвѣтить на этотъ вопросъ указаніемъ на то, какъ оба они смотрятъ на одни и тѣ же предметы.

Обѣ книги написаны въ религіозномъ настроеніи; но въ религіозномъ чувствѣ авторовъ есть значительная разница: Татищевъ между современниками слылъ за вольнодумца, — таково было мнѣніе Ганузя; сохранился даже разсказъ о томъ, что Петръ разъ побилъ Татищева за то, что онъ «говорилъ слишкомъ вольно о предметахъ церковныхъ, относя оные къ вымысламъ корыстолюбиваго духовенства; при чемъ касался онъ въ ироническомъ тонѣ и нѣкоторыхъ мѣстъ свящ. писанія». Мы знаемъ, что «Исторія» его заподозрѣна была въ неправославіи; наконецъ, знаемъ, что Ѳеофанъ написалъ толкованіе на книгу «Пѣсня пѣсней», побуждаемый къ тому сомнѣніями Татищева въ ея каноничности; но тотъ же Ѳеофанъ прибавляетъ, что Татищевъ усердно просилъ его написать обѣщанное объясненіе этой книги. Самъ Татищевъ подобное воззрѣніе на свои вѣрованія объясняетъ такимъ образомъ: «я хотя о Богѣ и правости божественнаго закона никогда сомнѣнія не имѣлъ, ниже о томъ съ кѣмъ въ разговоръ или пренія вступалъ; но потому, что я нѣкогда о убыткахъ законами человѣческими въ тягость положенныхъ говаривалъ, отъ несмысленныхъ и безразсудныхъ, невѣдущихъ Божьяго закона и токмо человѣческіе уставы противо заповѣданія Христова чтущихъ, не токмо за еретика, но за безбожника почитанъ и не мало невиннаго поношенія и бѣдъ претерпѣлъ». Едва ли это не самое лучшее объясненіе такъ называемаго вольнодумства Татищева, ибо во всѣхъ его сочиненіяхъ едва ли можно найти примѣръ сомнѣнія въ истинахъ христіанства, а постоянныя его ссылки на различныя книги священнаго писанія свидѣтельствуютъ о близкомъ его знакомствѣ съ библіею. Конечно, онъ самъ говоритъ, что человѣкъ въ старости, или подъ вліяніемъ горя и болѣзней, получаетъ болѣе религіозное настроеніе, чѣмъ въ молодости, когда не думаетъ о религіи; но изъ этого общаго факта, и притомъ отмѣченнаго въ духѣ покаянія, нельзя выводить того, чтобы Татищевъ только въ эпоху составленія духовной обратился къ религіи. Совершенно напротивъ: мы видимъ, что и въ «Разговорѣ о пользѣ наукъ», писанномъ за

семь лѣтъ до «Духовной», и послѣ написанія «Духовной», въ «Исторіи» и въ личныхъ разговорахъ Татищевъ отдѣлялъ религію отъ суевѣрія и постоянно неблагосклонно относился къ духовенству, въ чемъ —какъ и во многомъ другомъ — онъ оставался вѣрнымъ ученикомъ Петра Великаго, не любившимъ «большихъ бородъ», которыя нынѣ по тунеядству своему не въ авантажѣ обрѣтаются». И Петръ и Татищевъ въ борьбѣ съ суевѣріемъ заходили иногда далеко: таково свойство всякой борьбы; но ни Петръ ни Татищевъ не были тѣмъ, что можно было бы назвать вольнодумцами. Проникнутыя глубокимъ и крѣпкимъ чувствомъ религіознымъ, первыя страницы «Духовной» говорять, кажется, ясно сами за себя, и имъ не противорѣчитъ ничто въ дальнѣйшей умственной дѣятельности Татищева. Какъ въ «Разговорѣ» 1733 года, такъ и въ «Духовной» 1740 года онъ равно требуетъ изученія закона Божія отъ частнаго и общественнаго воспитанія. Требуя отъ сына, чтобы онъ отъ юности до старости поучался въ вѣрѣ и прилежалъ познать волю Творца, «занеоное просвѣтитъ умъ твой, наставитъ тя на путь правый, есть единый свѣтъ стезямъ нашимъ и премудрость дражайшая паче злата и серебра и каменія драгоцѣнна», Татищевъ указываетъ сыну на необходимость изучать священное писаніе, творенія св. отцовъ, «между которыми у меня Златоустаго первое мѣсто имѣютъ»; сверхъ того совѣтуетъ читать Ѳеофаново «Истолкованіе десяти заповѣдей и блаженствъ» и «Юности честное зерцало». Послѣ изученія книгъ православныхъ, Татищевъ совѣтуетъ сыну читать книги иновѣрныя. «Если ты подлинно ихъ основаній и толковъ не знаешь,—говорилъ онъ,—то легко обмануться можешь, а особливо отъ папистовъ, яко весьма въ томъ коварныхъ». Указывая сыну на необходимость изучать чужія вѣрованія, Татищевъ тѣмъ не менѣе предписываетъ ему никогда не мѣнять вѣры, хотя бы «нѣкоторыя погрѣшности и неисправности или излишнее въ своей церкви быть возмнилъ, ибо никто безъ нарушенія чести того учинить не можетъ». Опасеніемъ, чтобы сынъ не перемѣнилъ вѣры, увлекшись поверхностнымъ сомнѣніемъ, объясняется и совѣтъ Татищева сыну читать прологи и житія святыхъ только послѣ тщательнаго изученія священнаго писанія: «въ нихъ многія гисторіи въ истинѣ бытія кажется оскудѣваютъ и неразсуднымъ соблазны къ сомнительству о всѣхъ въ нихъ положенныхъ подать могутъ». Однакожъ,—

заключаетъ Татищевъ, «тѣмъ не огорчевайся, но разумѣвай, что все оное къ благоуханному наставленію предписано, и тщися подражати дѣламъ ихъ благимъ».

Покровскаго села крестьянинъ Иванъ Посошковъ, водившійся въ молодости своей съ монахами и, быть-можетъ, въ монастырѣ научившійся грамотѣ, во всякомъ случаѣ возросшій и воспитанный на произведеніяхъ старо-русской духовной литературы, представляетъ образецъ иного проявленія религіознаго чувства. Вѣра его сопровождается полнѣйшею нетерпимостью: сочувственно одобряя сожженіе раскольниковъ, онъ прибавляетъ: «и буде кости ихъ останутся, то, разбивъ ихъ, паки сожечь, чтобы въ пепелъ претворилися, и тотъ пепелъ въ непроходимое болото развѣять», чтобы ученики не могли собрать этихъ костей. Жечь раскольниковъ онъ считаетъ нужнымъ потому, что «совершенные богохульцы никогда на совершенное покаяніе обратитися не могутъ, понеже отъ таковыхъ благодать Божія отъемлется и владѣетъ ими діаволъ». Посошковъ обращаетъ усиленное вниманіе на внѣшнюю обрядовую сторону религіи и, напримѣръ, о молитвѣ посвящаетъ большую главу своего завѣщанія, въ которой подробно разсказывается, когда и какую молитву читать и что думать при этомъ. Къ духовенству Посошковъ чувствуетъ большое уваженіе: «отца своего духовнаго паче родимаго ти отца почитай и во всемъ предъ нимъ работуй, яко душа честнѣе плоти, тако и отецъ духовный плотскаго честнѣе есть». Поэтому онъ предписываетъ никогда не садиться за обѣдомъ выше священника и ничего не предпринимать, не поговоривъ съ отцомъ духовнымъ. Изъ иновѣрныхъ исповѣданій Посошковъ, преимущественно, вооружается противъ протестантизма, или, какъ онъ выражается, противъ лютеровъ и ихъ учителя Мартина, для которыхъ онъ не щадитъ самыхъ рѣзкихъ словъ. Его обвиненія наивны часто до неприличія и всѣ направлены на внѣшность. Такъ, между прочимъ, Посошковъ ставитъ въ вину лютеранамъ введеніе париковъ. Чрезвычайно характеристично, что представитель старой книжности, подобно Стефану Яворскому, видитъ болѣе вреда въ лютеранствѣ, чѣмъ въ католицизмѣ, и сильнѣе нападаетъ на лютеранство; а представитель новаго образованія, подобно Ѳеофану, видитъ болѣе вреда въ католикахъ, прибавляя къ своему осужденію чрезвычайно знаменательныя слова, что хотя несвѣдущаго можетъ

обманутъ близость въ обрядахъ католицизма съ православіемъ, но «въ главнѣйшихъ (они) такъ далеки, что едва можетъ ли кто ихъ за христіанъ, а иногда католиками, какъ они хотятъ именованы быть, почитать...»

За поученіемъ въ вѣрѣ у обоихъ авторовъ слѣдуетъ указаніе на то, какимъ наукамъ должно учиться. Татищевъ говоритъ: «весьма нужно тебѣ поучиться и въ свѣтскихъ наукахъ, въ которыхъ нужнѣйшее право и складно писать, за тѣмъ ариѳметика, геометрія, артиллерия и фортификация, и прочия части математики, такожде нѣмецкій языкъ». Затѣмъ совѣтуетъ изучать исторію и географію Россіи и указываетъ на собранные имъ матеріалы. Въ заключеніе прибавляетъ: «необходимо нужно есть знать законы гражданскіе и воинскіе своего отечества, и для того, конечно, во младости надобно тебѣ Уложенье и артикулы воинскіе, сухопутные и морскіе, не одинова, а нѣкогда и печатные указы прочитать, дабы какъ скоро къ какому дѣлу опредѣлишься, могъ силу надлежащихъ къ тому законовъ разумѣть; наипаче же объ ономъ, по причинѣ собственныхъ своихъ и постороннихъ дѣлъ, съ искусными людьми разговаривать, и порядкамъ, якоже и толкованію законовъ, не меньше же и коварствы ябедническія познавать, а не дѣлать, но учиться должно, что тебѣ къ немалому счастію послужитъ». Планъ чисто практическій: указано все, что нужно знать для примѣненія къ жизни. У Посошкова идеалъ ученія иной: «въ началѣ отрочества, сынъ мой, паче всѣхъ наукъ прилежи книжному наученію: не токмо славянскому одному, но и греческому, или латинскому, или хотя польскому, понеже и на польскомъ языкѣ много таковыхъ книгъ есть, кои у насъ на славянскомъ языкѣ не обрѣтаются, а къ наукѣ польскій языкъ иныхъ языковъ помнѣе, и аще латинскому поучитися, обаче не вси ихъ книги пріемли: кіи обрящеши на развратъ благочестивыя нашея вѣры, или къ какому грѣху приводящія, тыи весьма отъ себя отрѣвай». Въ другомъ мѣстѣ совѣтуетъ онъ: научивъ славянской грамматикѣ и «выкладкѣ цыфирной до дѣленія», учить по-латыни, или по-гречески, или по-польски; и потомъ учить какому-нибудь художеству; но непремѣнно учить рисованію — «аще въ размѣрѣ будетъ силу знати, то ко всякому мастерству будетъ ему способно».

Мало вдаваясь въ разсужденія о нравственныхъ обязанно-

стяхъ, для яснаго пониманія которыхъ совѣтуетъ внимательно читать свящ. писаніе, Татищевъ останавливается только на обязанности почитать родителей, считая необходимымъ разъяснить этотъ пунктъ въ виду того, что онъ разстался со своей женою, но отъ сына требуетъ уваженія къ ней. Болѣе онъ останавливается на вопросѣ о бракѣ, вступать въ который совѣтуетъ не ранѣе 30 лѣтъ. Противъ раннихъ браковъ, которые тогда поощрялись родителями и считались лучшимъ средствомъ удерживать молодыхъ людей отъ безнравственности, Татищевъ возражаетъ на томъ основаніи, что въ случаѣ ранняго брака служебныя отлучки охлаждаютъ любовь; что такимъ образомъ люди себѣ «много ко пріобрѣтенію науки и черезъ службу въ непсканіи себѣ благополучія препятствуютъ; а наипаче многократно здравіе себѣ разрушаютъ». Выборъ невѣсты зависитъ отъ жениха; но слѣдуетъ посовѣтоваться въ этомъ случаѣ и съ родителями. Выбирать невѣсту слѣдуетъ не по красотѣ, не по молодости (хотя и не слѣдуетъ брать старше себя) и не по богатству; но не слѣдуетъ брать жену ни ниже ни выше себя общественнымъ положеніемъ: «изъ подлости взятыя жены, хотя бываютъ довольно милы и честнаго житія, но ихъ родственники за подлость непріятны, презрѣніе и поношеніе наносятъ, а особливо холопки, какъ бы оныя достаточны ни были, честные дворяне великое къ нимъ отвращеніе имѣютъ. Хотя отцы ихъ по своему природному коварству иногда и въ чиновныхъ людяхъ бываютъ, однакожъ всегда застарѣвшая подлость въ сердцахъ ихъ обрѣтаетъ свое жилище; а великородные иногда гордостью надменны, и супругамъ уничтожительны являются». Жену должно любить, не ревновать и обращаться съ нею кротко, хотя и не позволять ей завладѣть собою. «Если бы — разсуждаетъ Татищевъ — что тебѣ и противно показалось, ненадобно скоро и запальчиво поступать, но добрымъ порядкомъ, тайно, разсужденіемъ отъ того отвратить и на лучшіе поступки наставить, а не разглашать, ниже вида невѣрности другимъ показывать. Паче же имѣя то въ памяти, что жена тебѣ не раба, но товарищъ, помощница и во всемъ должна другомъ быть нелицемѣрнымъ, такъ и тебѣ къ ней должно быть». Съ женою слѣдуетъ вообще воспитывать дѣтей, управлять домомъ. Свои разсужденія о брачной жизни Татищевъ заключаетъ двумя совѣтами: «не дѣлай свадебной церемоніи, чтобы не сдѣлать изъ себя живой

картины, какъ мыши кота погребають. По сочетаніи же брака, ежели хочешь спокойной жизни, то ханжей, бродягъ и тому подобныхъ потаскушъ и вѣстоношеи, какъ злѣйшаго яда, берегись и елико возможно такихъ отъ дома своего пристойнымъ образомъ отлучаи, какъ бы оныя тебѣ утѣшны ни казались, ибо отъ нихъ всегда поношеніе, ссоры съ друзьями и несогласіе между супружествомъ; однимъ словомъ сказать, кромѣ вреда ничего добраго не бываетъ; сіи звонкіе колокольчики за деньги не токмо тебя, но и себя продать въ состояніи».

Нравственные совѣты Посошкова переносятъ насъ не только къ другой степени образованія, но и въ другую сферу житейскую. Онъ требуетъ отъ сына смиренія — добродѣтели, которую проповѣдывали усердно въ древней Руси. «Никакого человѣка дуракомъ не называй, — говоритъ онъ, — но передъ всѣми себя смиряй, а повыситися ни передъ каковыми и самыми простыми людьми не моги, понеже гордымъ Богъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать Свою». Настаивая на необходимости смиренія и милосердія, Посошковъ требуетъ милосердія и къ животнымъ: «егда научишися миловать и скоты, то уже устыдишися не жаловати человѣка». Онъ считаетъ даже грѣхомъ срубить безъ нужды дерево. Какъ уживались такія кроткія воззрѣнія съ безжалостнымъ отношеніемъ къ еретикамъ и вообще всякимъ преступникамъ — это одна изъ тайнъ человѣческой природы, до извѣстной степени объясненная состояніемъ умственнаго развитія. Нельзя однако не замѣтить, что подобное ученіе должно было плодотворно дѣйствовать въ средѣ общества, не привыкшаго себя сдерживать, и должно было съ особенной настойчивостью приниматься тѣми, которые всегда могли ждать противъ себя несправедливыхъ, не всегда даже на корысти, а часто только на капризѣ основанныхъ дѣйствій. Мы знаемъ, что Посошковъ видѣлъ надъ собою подобную грозу и, стало-быть, понималъ, какъ бы хорошо было, если бы всѣ люди благосклонно относились другъ къ другу, и какъ важно быть смиреннымъ на свѣтѣ. Татищеву, если бы даже подобныя разсужденія и пришли въ голову, не зачѣмъ было на нихъ долго останавливаться: общія нравственныя правила можно было найти въ тѣхъ книгахъ, на которыя онъ указывалъ; ему же важнѣе были результаты его житейскаго опыта, и самъ по себѣ онъ не былъ

человѣкомъ мягкимъ, да и по своему положенію чувствовалъ потребность болѣе въ энергіи. Учить же сгибаться передъ людьми, которые поставлены выше, онъ не считалъ необходимымъ: сама жизнь научитъ; да гордому человѣку трудно было и примириться въ такой необходимости, хоть и случалось подчиняться ей. Конечно, и Татищевъ говоритъ противъ гордости, но касается этого вопроса слегка: «первая степень — говоритъ онъ — глупости есть гордость и роскошь. Не меньшего презрѣнія достойна и глупость» и совѣтуетъ избѣгать этихъ пороковъ: подъ гордостью разумѣется спѣсь; смиренія, какое могъ имѣть въ виду Посошковъ, Татищевъ нигдѣ не предписывалъ. Жениться Посошковъ совѣтуетъ раньше. Наставленія его о сватаніи чрезвычайно характеристичны для быта. Онъ совѣтуетъ сыну не сватать за рѣчь невѣдомыю невѣсту, «понеже дѣвица такой же человѣкъ, какъ и ты, а не лошадь»; выбирать невѣсту надо не за красоту лица, а за хорошіе нравы, стараться ее увидѣть не на смотринахъ, а случайно; выбирать надо равную себѣ или даже низшую: «жена мужемъ честна, а не мужъ женою». На свадьбу не слѣдуетъ пускать колдуна и вообще беречься отъ порчи: поэтому «брака своего — говоритъ Посошковъ — тайно не твори, но приведи свою обручницу ко святой церкви, къ литургіи, а послѣ литургіи при всѣмъ народѣ начни вѣнчаться». Жить съ женою слѣдуетъ въ мирѣ, учить дѣтей вѣрѣ и грамотѣ, но не баловать ихъ: не водить въ роскошныхъ одеждахъ, не пріучать къ лакомству и отстранять отъ легкомысленной жизни, за покушеніе къ которой сына слѣдуетъ наказать: «то ты и ребра ему сокруши».

Главное назначеніе дворянина, или шляхтича, по понятію нашихъ дѣдовъ, была служба, а потому Татищевъ въ своей «Духовной» много говоритъ о службѣ. Онъ начинаетъ свои нравоученія общими замѣчаніями, весьма характеристическими для оцѣнки его взглядовъ и дѣятельности. «Въ службѣ государю и государству — говоритъ онъ — долженъ ты быть вѣренъ и прилеженъ во всякомъ положенномъ на тебя дѣлѣ; такъ о пользѣ общей, какъ о своей собственной, прилежать и государю, яко отъ Бога поставленной надъ тобой власти, честь и повиновеніе отдавать». «Если на тебя случится гнѣвъ государевъ, не злобствуй на него, но разсуждай, что сіе по твоей винѣ, или по невинному оклеветанію отъ кого терпишь.

и пріемли съ благодареніемъ, яко отъ Бога посланное наказаніе». «Главное же повиновеніе въ томъ состоитъ, что ни отъ какой услуги, куда бы тебя ни опредѣлили, не отрицайся и ни на что самъ не называйся, если хочешь быть въ благополучіи». «Что же до вѣрности и ревности къ службѣ государю и государству принадлежитъ, то весьма вѣрно служащіе какъ милости и награжденія получаютъ, такъ великимъ и опасностямъ и горестямъ подвержены для того, что отъ вины плутовъ, хищниковъ и прихотью преисполненныхъ ненависть, клеветаніе и гнѣвъ претерпѣваютъ». «Невзирая на такія злостныя нападки, мужественно и благоразумно вѣрность храни и о пользѣ всеобщей неусыпно прилежи, власть и честь государя до послѣдней капли крови защищай; съ хвалящими вольности другихъ государствъ и ищущими власть монарха уменьшить никогда не согласуйся». Въ примѣръ гибели отъ подобныхъ взглядовъ указывается на попытку верховниковъ. «Паче всего тайность государя прилежно храни и никому не открывай; всего же болѣе женщинъ и льстецовъ хитрыхъ охраняйся, чтобъ нечаянно изъ тебя не вывѣдали». «Никогда о себѣ не воображай, чтобъ ты правительству столь много надобенъ былъ, что безъ тебя обойтиться будетъ невозможно, и о другихъ того не думай: знай, что такихъ людей Богъ въ свѣтъ не создавалъ».

Для шляхтича предстоитъ три пути дѣятельности: служба военная, гражданская и придворная; въ духовенство рѣдко поступаетъ шляхетство и то чрезъ монашество: «а токмо нынѣ — прибавляетъ Татищевъ — наши дворяне, хотя бъ кто престарѣлыхъ лѣтъ былъ и неимѣющій никакого пропитанія, монахомъ быть никакой склонности не имѣютъ, сіе для такихъ людей весьма непохвально». Военная служба считается первою для шляхетства; но въ нее надо поступать не моложе 18-ти и не старѣе 25-ти лѣтъ; очень молодому человѣку служба военная можетъ быть вредна для здоровья, и онъ можетъ «между подлостью» благонравіе потерять; но дурно и долго не поступать въ военную службу: «когда кто долго въ домѣ удержится и къ домашнему обхожденію, а болѣе къ своевольству привыкаетъ, то ему подъ властью быть, послушаніе и прилежность изъявлять и себѣ произвожденіе произвести весьма трудно является». Воину, по мнѣнію Татищева, не нужно ни опрометчивой храбрости ни робости, а надлежитъ посредство

хранить, чтобы впередъ не вырываться и назади не оставаться; затѣмъ пріобрѣтать отъ начальниковъ почтеніемъ и послушаніемъ, а отъ подвластныхъ ласкою и благоразуміемъ почтеніе и любовь пріобрѣсти». За военною службою слѣдуетъ гражданская. Татищевъ считаетъ ее самою важною, «ибо безъ добраго и порядочнаго внутренняго правленія ничтоже въ добромъ порядкѣ содержано быть не можетъ, и въ ономъ гораздо болѣе памяти, смысла и разсужденія, нежели въ воинствѣ, потребно: для того нужно градоправителю законы и состояніе своего государства обстоятельно знать и разумѣть, изъ чего можетъ вредъ и польза приключиться». Поэтому онъ хвалитъ мѣры Петра опредѣлить при коллегіяхъ и посланникахъ юнкеровъ (т.-е. молодыхъ людей для обученія), въ секретари назначать изъ шляхетства; въ столицахъ и губерніяхъ сдѣлать гражданскія должности выборными и опредѣлять въ гражданскую службу лицъ довольно прослужившихъ въ войскахъ или, по слабости здоровья, къ военной службѣ неспособныхъ; не одобряетъ же онъ того, что многіе, отставленные отъ военной службы за пьянство и другіе пороки, опредѣляются въ гражданскую. «Можетъ ли сіе ихъ управленіе полезнымъ быть?» говоритъ онъ и продолжаетъ: «чего же ради сіе дѣлается, я не разумѣю и разсуждать не могу». Въ гражданской службѣ Татищевъ требуетъ правосудія и при этомъ развиваетъ уже извѣстную намъ теорію вознагражденія; другимъ условіемъ хорошаго управленія онъ считаетъ доступность правителя челобитчикамъ. «Для чего у меня — прибавляетъ онъ — никогда, хотя бы на постели лежалъ, двери не затворялись, чему ты самъ свидѣтелемъ былъ, и ни о томъ холопи не докладывали, но всякъ самъ себѣ докладчикъ былъ». Правитель не долженъ поддаваться просьбамъ своихъ знакомыхъ и пріятелей, которые стали бы передъ нимъ хлопотать о чемъ-нибудь, и особенно не слѣдуетъ поддаваться своему секретарю. Татищевъ такъ далеко простираетъ свое недовѣріе къ секретарямъ, что совѣтуетъ даже тогда, когда совѣтъ его справедливъ, исполнять его не сейчасъ, чтобъ онъ не подумалъ, что вполнѣ овладѣлъ начальникомъ. «Когда жъ тобою изъ подчиненныхъ примѣченъ будетъ добродѣтели наполненный, не алчный и справедливый человѣкъ, таковыхъ не токмо себѣ въ службу, но и отличнымъ образомъ ихъ во обхожденіе себѣ принимать». Много вредятъ также правителямъ безсовѣстные товарищи, и потому надо къ товарищамъ при-

гладываться. Совѣтуя останавливать подчиненныхъ отъ дурныхъ поступковъ разговоромъ наединѣ, Татищевъ считаетъ лучшимъ удалить того, кто не нравится, а не заводить съ нимъ ссоры и не жаловаться на него. Придворная служба многими считается почетною; но Петръ Великій не цѣнилъ ея, и хотя при Аннѣ она была возвышена, но Татищевъ не совѣтуетъ сыну въ нее поступать, «понеже тутъ лицемѣрство, коварство, лесть, зависть и ненависть, едва ли не все вмѣсто добродѣтели происходить: а нѣкоторые умничествомъ ищутъ свое благополучіе пріобрѣсти, несмотря на то, что губятъ невинныхъ». Въ 50 лѣтъ дворянинъ, по мнѣнію Татищева, долженъ поселиться въ деревнѣ и заняться хозяйствомъ.

Посошковъ тоже дѣлаетъ обозрѣніе разныхъ житейскихъ положеній, въ которыя можетъ попасть его сынъ. Такъ онъ обозрѣваетъ положеніе земледѣльца, раба, ремесленника, купца, солдата, офицера, крестьянина, нищаго, судьи и подьячаго. Была, кажется, и глава о духовенствѣ, но она не дошла до насъ. Совѣтуя сыну оставаться хорошимъ человѣкомъ во всѣхъ этихъ положеніяхъ и всюду сохранять смиреніе, Посошковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нѣкоторыхъ положеніяхъ (офицерства и судейства) предостерегаетъ отъ угнетенія другихъ. Мѣстами онъ вдается въ спеціальные совѣты, такъ, въ офицерствѣ о стрѣльбѣ въ цѣль, къ чему онъ не разъ обращался въ другихъ своихъ сочиненіяхъ; въ купечествѣ о томъ, чтобы не мѣшать торговлѣ другъ друга; въ судействѣ подробно говоритъ о допросахъ и т. п.

Сопоставивъ два эти сочиненія, мы нисколько не думали сравнивать двѣ одинаковыя величины; мы очень хорошо понимали, что авторы ихъ различаются и своимъ личнымъ характеромъ, и степенью образованія, и общественнымъ положеніемъ: но мы думали, что ихъ сопоставленіе не лишено интереса въ томъ отношеніи, что показываетъ, какая разница между человѣкомъ стараго русскаго образованія, хотя и сочувствующимъ реформѣ, и человѣкомъ образованнымъ уже по-европейски, хотя отъ того не переставшимъ быть русскимъ.

Бестужевъ-Рюминъ.

Отеческое Завѣщаніе и Домострой.

Посошковъ въ одно и то же время оказывается ретроградомъ и прогрессистомъ, отстаивая въ одномъ отношеніи идеи будущаго, въ другомъ — предразсудки и предвзятыя понятія прошлаго времени. Въ такомъ кажущемся противорѣчіи и отсутствіи послѣдовательности обнаруживается мѣстная связь Посошкова какъ съ обществомъ тогдашняго времени, стоявшимъ подъ вліяніемъ допетровскихъ началъ русской культуры, такъ и съ великимъ преобразователемъ. Посошковъ проповѣдуетъ то радикальныя реформы, то совершенно консервативныя правила. Иногда онъ является единомышленникомъ Петра, иногда же его убѣжденія діаметрально противоположны взглядамъ и образу дѣйствій его наставника-царя. Въ области духовной онъ заклятый врагъ всякой новизны; обсуждая свѣтскіе вопросы, онъ требуетъ коренныхъ измѣненій существующаго.

Духовные вопросы, дѣла религіи и Церкви интересовали Посошкова въ первой половинѣ его литературной дѣятельности; вопросы свѣтскіе составляютъ главное содержаніе его позднѣйшихъ трудовъ. «Отеческое Завѣщаніе» составляетъ, такъ сказать, грань между этими двумя половинами дѣятельности Посошкова. Главнѣйшій трудъ его до «Отеческаго Завѣщанія» — «Зерцало» посвященъ исключительно религіозной догматикѣ; «Книга о скудости и богатствѣ» писана послѣ «Отеческаго Завѣщанія»; самое же «Отеческое Завѣщаніе» дѣлится на двѣ совершенно разнородныя по характеру и изложенію половины: первая посвящена вопросамъ религіи и Церкви, вторая — «гражданскому житію», разбору обязанностей приказныхъ людей и судей.

Значеніе Посошкова-богослова или Посошкова-юриста далеко уступаетъ значенію Посошкова-экономиста. Хотя богословскія сочиненія Посошкова по своему объему превосходятъ его сочиненія, посвященныя обсужденію свѣтскихъ вопросовъ, послѣднія съ точки зрѣнія обще-исторической намъ кажутся болѣе важными, болѣе достойными вниманія. Историкъ литературы о расколѣ, безъ сомнѣнія, найдетъ въ «Зерцалѣ» много весьма замѣчательнаго, отчасти даже новаго, едва ли однако результатъ изслѣдованія богослова при изученіи сочиненій Посошкова будетъ равняться богатству данныхъ, открывае-

мыхъ въ трудахъ крестьянина-промышленника и горикомъ экономистомъ.

Подвергая разбору мнѣнія Посошкова о религіи и Церкви, о морали и педагогикѣ, мы увидимъ полное согласіе между этими воззрѣніями Посошкова и ученіемъ «Домостроя».

Въ «Домостроѣ» религіозныя наставленія имѣютъ скорѣе характеръ наказа, дѣловой инструкціи, чѣмъ изложенія сущности религіи. О внѣшнемъ отношеніи къ дѣлу говорится много, о внутреннемъ мало. Главныя правила относятся къ тому, какъ человѣкъ долженъ вести себя при религіозныхъ обрядахъ, при посѣщеніи церкви, монастырей или при молитвѣ. Благоприличіе, благопристойность стоятъ на первомъ планѣ. Вѣра полагается, главнымъ образомъ, во внѣшней обрядности. Правила, какъ при цѣлованіи иконъ должно «духъ въ себѣ удерживати», замѣчаніе, что Богу непріятенъ «нашъ смрадъ и обоняние» (духъ хмельной, чесночный) и проч., наставленіе, что въ церкви не должно «на стѣну приклонятися, ни къ столпу, ни съ посохомъ не стояти, ни съ ноги на ногу не переступати», и такъ далѣе, занимаютъ весьма видное мѣсто въ «Домостроѣ». Болѣзни считаются наказаніемъ Божіимъ, противъ коего нужно дѣйствовать лишь покаяніемъ, молитвой и святой водой. Въ спискѣ грѣховъ указано на такие, за которые Провидѣніе наказываетъ болѣзнью. Таковы занятие астрологіей, азартныя игры, приглашеніе чародѣевъ, кудесниковъ въ случаѣ болѣзни. Врачи смѣшивались съ кудесниками, и жизнь иностранныхъ докторовъ нерѣдко находилась въ опасности, какъ скоро чернь узнавала, что у нихъ находится какой-либо зоологическій или анатомическій препаратъ, либо корокатица, либо раковина, либо черепъ или даже цѣлый скелетъ. Царя Алексѣя упрекали въ томъ, что онъ любитъ альманашниковъ, а попъ Лазарь обвинялъ царя: «имѣеши у себѣ мудрыхъ философовъ разсуждающихъ лица небесе и земли и звѣздъ хвосты аршиномъ измѣряющихъ».

Грубость нравовъ въ увеселеніяхъ народа въ то время вызывала реакцію со стороны духовенства. Мы знаемъ, напримѣръ, изъ разсказовъ Олеарія, сколь нескромныя шутки составляли главную черту кукольныхъ комедій, весьма любимыхъ народомъ. Потому скоморохи, плясанія и сопѣли, бѣсовскія пѣсни, шахматы и тавлеи и т. п. запрещены «Домостроемъ». Во главѣ о томъ, какъ должно вести себя за столомъ, сказано,

«аще начнутъ смрадны и скаредны рѣчи и срамословіе и всяко глумленіе или гусли и всяко гудѣніе и плясаніе и плесканіе и всякія игры бѣсовскія, тогда якожъ дымъ относитъ пчелы, такожъ отъидутъ ангелы Божія отъ тоя трапезы и смрадныя бѣси предстанутъ тѣ и возрадуются и волю свою улучать и прочіе». Достойно вниманія то, что тѣмъ, которые за столомъ ведутъ себя чинно и слѣдуютъ правиламъ благочестія, «яства и питіе въ сладость бываетъ»; значитъ, въ благочиніи и благочестіи заключается и матеріальная выгода. Такой расчетъ встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «Домостроя». Такъ совѣтуется гостепріимство въ отношеніи къ убогимъ и нищимъ для составленія себѣ хорошей репутаціи. За праведное житіе Богъ награждаетъ и земными благами и т. п.

Далѣе слѣдуютъ правила, «како чтити отецъ своихъ духовныхъ и повиноватися имъ во всемъ», «како къ церквамъ Божіимъ и въ монастыри съ приношеніемъ приходити», «како домъ свой украсити святыми образы и храмъ чистъ имѣти», «како мужу съ женою и съ домочадцы въ дому своемъ молитися Богу», «како креститися и поклонятися», «како священниковъ и иноковъ въ домъ свой призывати и молитися» и т. п.

Между составленіемъ «Домостроя» и появленіемъ Посошковскаго «Отеческаго Завѣщанія» прошло около двухъ столѣтій. Въ продолженіе всего этого времени основныя понятія о религіи и нравственности не измѣнились въ народѣ. Но благодаря развитію въ этотъ промежутокъ времени протестантизма и раскола, обращеніе вниманія на внѣшнюю обрядность заняло въ сочиненіяхъ Посошкова еще болѣе видное мѣсто, чѣмъ въ «Домостроѣ». Полемическій тонъ Посошкова усиливаетъ впечатлѣніе.

Укажемъ на черты сходства между «Отеческимъ Завѣщаніемъ» и «Домостроемъ».

Въ «Домостроѣ» говорится о томъ, какъ должно почитать духовныхъ лицъ. И Посошковъ на этотъ предметъ обращаетъ особенное вниманіе. Онъ пишетъ въ «Зерцалѣ», осуждая образъ мыслей приверженцевъ безпоповщины, что Богъ вручилъ пастырямъ ключи царства небеснаго и что поэтому безъ нихъ нельзя войти въ оное. Въ «Отеческомъ Завѣщаніи» Посошковъ совѣтуетъ сыну въ гостяхъ за столомъ сажаться ниже «пресвитера, или діакона, или монаха». Мы узнаемъ однако, что это правило было часто нарушаемо въ то время. Посошковъ

пишетъ: «есть въ народѣ обычай зѣло непотребный, ибо богатые люди, а наипаче саповитіи, презвитеровъ ниже себя сажаютъ, и то они чинятъ отъ неразумія своего: мнятъ бо себѣ великихъ быти, а священный чинъ наипаче же за ихъ убожество и безкнижество снижаютъ, и то они, ово отъ незнанія ихъ священнической чести, ово же отъ безумія своего, наипаче отъ гордости своея тако чинятъ». Затѣмъ слѣдуетъ наставленіе, что нужно чтить пастыря, считать его отцомъ, давать ему лучшую пищу. Великій грѣхъ насмѣхаться надъ священникомъ: Богъ за это наказываетъ чрезвычайно строго. И пьянаго презвитера почитать должно, «обаче данный ему отъ Бога даръ не пьянъ, но дѣйствителенъ есть. Духъ бо Святый имъ дѣйствуетъ: и никогда вдохновенный отъ Самого Бога во презвитеры даръ Духа Святаго не отъемлется» и проч. Посошковъ требуетъ, чтобы сынъ почиталъ архіереевъ и іереевъ «несравненно съ царскими слугами», при чемъ замѣчаетъ: «да и ты отъ Бога почтенъ будеши». Отца духовнаго, по мнѣнію Посошкова, нужно считать гораздо «честнѣе» плотскаго. Не иначе какъ при помощи духовныхъ лицъ можно противодѣйствовать діаволу.

И заступничество нищихъ предъ Богомъ считается Посошковымъ имѣющимъ великую силу. Если во время обѣда придетъ нищій, то даждь ему лучшій кусокъ, кой тебѣ угоденъ: а худшаго отнюдь не давай, дабы тебѣ вмѣсто милости Бога на гнѣвъ не привести, понеже подаваемая милостиня въ руцѣ Бога подается».

Съ бумагою нужно обращаться весьма осторожно, не бросать оную подъ ноги и т. п., потому что на бумагѣ можетъ быть написано имя Божіе или же имя царя, помазанника Божія; при желаніи отвѣдать перо или чернилъ, не должно писать «по древнему обыкновенію: помилуй мя, Боже, или по милости Божіи», но нужно писать «опытъ перу» или «опытъ чернил амъ» или «какую-либо рѣчь мірскую, коя бы была безъ воспоминанія имяни Божія, потому что тѣ всѣ опытные бумажки ни во что обращаются и мечутся подъ ноги, и въ таковомъ неразумѣніи имя Божіе въ попраніе подвергается» и т. д.

Таковъ же взглядъ на книги. Понятіе о книгахъ у Посошкова совпадаетъ съ понятіемъ о священныхъ книгахъ. Онъ пишетъ: «книгу же читающе, не облокотися о ню: но книгу почитая, клади ее въ честномъ мѣстѣ и на книги никаковые

вещи свѣтскія не налагай: яко святую икону почитаеши, тако и книги почитай, всякая бо икона за имя Божіе свята есть: тако и книга за имя же Божіе свята же есть, и того ради надлежитъ ея почитати... Видѣхъ бо многихъ человѣковъ, иже и подсвѣчники сальные поставляютъ на книги, дабы выше стояли и се зѣло грѣхъ есть, яко чинятъ за недознаніе свое, а аще кто вѣдая, да имя Божіе уничтожитъ, той смертнѣ согрѣшитъ».

Хотя въ «Отеческомъ Завѣщаніи» нигдѣ не упомянуто о «Домострое», но нельзя однако сомнѣваться въ томъ, что Посошкову содержаніе этого памятника было хорошо извѣстно. Это видно, между прочимъ, изъ тѣхъ мѣстъ въ «Отеческомъ Завѣщаніи», гдѣ говорится о томъ, какъ должно вести себя въ церкви при богослуженіи. Тутъ, между прочимъ, подробно говорится объ обязанности снимать шапку, приближаясь къ церкви, «да не явишися предъ Богомъ гордъ», или при видѣ издалека образа, несомаго съ пѣніемъ.

«Егда узриши несомо святое тѣло Христово, то лишь чуть завидиши его, то шапку съ себя сними и съ коня своего или съ колесницы сниди и егда приближится къ тебѣ и аще и грязно поклонись до земли». Затѣмъ слѣдуютъ подробныя правила о поклонахъ въ церкви и предъ иконами и о молитвахъ, которыя должны произноситься предъ каждою иконою. «Мѣста же себѣ во церкви не избирай и стоя о стѣну или объ иное что не опирайся, кромѣ немощи тѣлесныя или древности престарѣлыя. А аще и въ старости, а можеши стоять о себѣ, то стой не опершися и жезломъ развѣ немощи тѣлесныя отнюдь не подпирайся, а еще въ бодрости, то и въ рукахъ жезла или тростки, по обыкновенію малосмысленныхъ, не держи, аще и въ чинѣ хотя офицерскомъ или судейскомъ будеши, трости отнюдь въ рукахъ своихъ не держи, но отдай его слугѣ, понеже въ церковь вошелъ ты молиться, а не судити кого или поученіе тростью кому чинити. Такожде и шпагу или саблю, не вошедъ въ церковь, снявъ съ себя, отдай слузѣ, дабы тѣмъ оружіемъ поклоны творя не избости кому ока или иной какой досады не учинити». Посошковъ съ негодованіемъ говоритъ о нѣмцахъ, являющихся въ церкви съ оружіемъ, сидящихъ въ церкви и проч. Затѣмъ слѣдуютъ другія правила: «стоя въ церкви не плюй гордостно въ дальность отъ себя, но плюй только предъ собою въ близости. И плюновеніе свое подтирай ногою, дабы самому тебѣ поклонитися было не гнусно

и егда поклонъ сотвориши до земли, чтобы себѣ рукъ своихъ или ризы своя плюновенiемъ не оскаредити, а егда поклонишься и самъ себя тѣмъ плюновенiемъ умараеши, то будеши разумѣть, что не добро и не подтирать» и проч. Въ церкви нужно стоять смирно, не возвышаться надъ кѣмъ-либо, не толкать никого, а всѣмъ уступать, «понеже у Бога яко богатiи, тако и убогiи вси суть равны». Другое правило слѣдующее: «аще и въ великомъ могуществѣ будеши, а во церкви стой яко самый послѣднiй человѣкъ и на стороны отнюдь не поглядывай».

О почитанiи иконъ говорится много и подробно. Посошковъ негодуетъ, что иногда предъ иконами святыхъ угодниковъ ставится болѣе свѣчъ, чѣмъ предъ иконою Спасителя или Богородицы. И число свѣчекъ и низкость поклоновъ должны быть различны предъ различными иконами («никогда въ равенство съ Богомъ святыхъ Его угодниковъ не ровняй»). И цѣловать иконы нужно различно: «Спасителевъ образъ цѣлуй въ ногѣ, прочихъ же святыхъ цѣлуй руцѣ, а не ногѣ», и проч. При почитанiи иконъ не должно обращать вниманiя на живопись или на большую или меньшую знаменитость художника, писавшаго ее, или на украшенiе золотомъ или серебромъ, или бисеромъ, но только на имя образа. Если особенно древнiя или писанныя свято живущими иконописцами иконы считались бы по преимуществу чудотворными, то «таковые иконы не далѣе будутъ отъ идоловъ, понеже чудеса будутъ творити не Божiею силою, но силою иконописцевою. И по такому безумному и проклятiю подлежащему разсужденiю, Божiе имя и сила его уже ни во что будетъ, токмо велико будетъ имя иконописцево».

Требуя различия въ почитанiи иконъ Спасителя, Богородицы и святыхъ угодниковъ, Посошковъ въ то же время требуетъ нѣкоторой равноправности святыхъ угодниковъ. Онъ пишетъ на этотъ счетъ въ «Отеческомъ Завѣщанiи», что если у сына родится сынъ, то не должно долго задумываться надъ именемъ, которое должно дать сыну, а назвать его именемъ того святого, въ день котораго родился сынъ. «А и въ томъ дни, избирай паче имя то, коего мало даютъ люди, дабы и тыи святыи за тяжелость имянъ, не въ презрѣнии были. Сей бо обычай въ народѣ не весьма правъ: еже имяна давать младенцамъ знакомые, а дикихъ имянъ обѣгаютъ, иже суть Созонтъ, Доримедонтъ, Акима, Селиванъ, Евлампiй и прочихъ таковыхъ имянъ

не даютъ и тымъ святымъ презрѣніе чинять напрасно. и не безъ обиды сіе имъ чинимъ, понеже они такіе же святіи угодницы Божія, яко же и легкія имяна» и т. д.

Любопытно слѣдующее обстоятельство. Между тѣмъ какъ, обыкновенно, понятіе о фарисеяхъ и фарисействѣ совпадаетъ съ понятіемъ о ханжахъ и ханжествѣ, Посошковъ, напротивъ, считаетъ фарисеевъ образцами если не благочестія, то набожности. Съ омерзѣніемъ порицая лютеранъ, не обращающихъ вниманія на дѣла, отвергающихъ постъ и т. п., Посошковъ въ противоположность лютеранъ указываетъ на фарисеевъ и требуетъ при этомъ, чтобы сынъ старался превосходить фарисеевъ набожностью, то-есть исполненіемъ внѣшнихъ религіозныхъ обязанностей. Замѣчая, что лютеране живутъ какъ безсловесный скотъ, Посошковъ пишетъ: «ты же, сыне мой, буди словеснымъ человѣкомъ, а не скотомъ, разумѣй, что добро или что худо, и добрыя дѣла яко пшеницу въ житницу твою собирай, а худыя дѣла и *лютерская предания* яко плевы отъ пшеницы отбирай и огню предавай. Ты тако тщися еже бы тебѣ книжниковъ и фарисеевъ своими добродѣтелями превышати, чтобы тебѣ по Господню словеси внити во царство небесное. И того ради положи себѣ предѣлъ, еже на кійждо бы годъ исчислити прибытки свои вся, и аще въ годъ придетъ тебѣ по исчисленію твоему прибытку тысяча рублевъ, то отдѣли ты Богу сто рублевъ и приложи ты рублевъ пять или больши или меньши по своей любви къ Богу, приложи по своему намѣренію, дабы тебѣ превышити фарисеево подаяніе. Фарисей двократы въ недѣлѣ постился, и ты по уставу церковному двократы въ недѣлѣ постишися, то-есть среда и пятница, и въ тыя дни не токмо мяса, но и рыбы не яждь, кромѣ разрѣшенныхъ дней. Къ тому же отъ святыхъ отецъ положены въ году четыре посты и аще тыи вси посты будеши поститися, то ты и въ постѣ превзыдеши фарисеевъ. Они аще чужаго и не похищали, а за себя стояли, а ты такожде чужаго не похищай; а кто твое похититъ, не возвращай, то и въ томъ правда твоя превзыдетъ фарисейскую правду. Паки кто тя ударитъ по ланитѣ, и ты по еврейскому узаконенію не бей его супротивно по его ланитѣ во отмщеніе, но обрати ему и другую свою ланиту, то и въ томъ правда твоя превзыдетъ книжникъ и фарисей».

Въ какой мѣрѣ богоугодныя дѣла являются у Посошкова внѣшнимъ, обряднымъ исполненіемъ религіозныхъ обязанно

степ, видно, между прочимъ, изъ предписаній Посошкова относительно способа подаянія милостыни нищимъ. Онъ говоритъ сыну: «егда изыдеши изъ дому своего, то... изми три пѣнязи, велики или малы, и каковы тебѣ первые попадутъ нищіе, кто каковъ ни будетъ, аще старъ или младъ или увѣченъ или здравъ: не разбирая даждь первымъ близъ тебя случившимся. И аще узриши и весма древна или дряхла идуща или сѣдяща, а передъ нимъ случатся млади и здравы, и ты не разбирая между ними даждь тѣ три пѣнязи первымъ случившимся тебѣ, а потомъ аще восхощеши даждь увѣчному особый пѣнязь, въ прибавку первымъ; а первыя три пѣнязя неизмѣнно отдаждь случившимся первымъ идущимъ или сѣдящимъ», и прочее. И это несмотря на то, что самъ Посошковъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: «многіе нищіе по улицамъ скитаются, а въ домѣ своемъ не токмо хлѣба, но и пѣнязей имѣютъ довольство».

Совершенно сообразно съ ученіемъ «Домостроя» Посошковъ предостерегаетъ своего сына отъ всякаго сношенія съ кудесниками. «Ворожей къ себѣ никаковыхъ не призывай и самъ не касайся ворожења, ни бобами не разводи, ни въ примѣты ни въ каковые не вѣрь, но всю свою надежду возложи на Бога. А аще ворожбѣ какой коснешися, то всѣ свои добрыя дѣла погубиши и вмѣсто благословенія пріимеши клятву, вмѣсто жецарства небеснаго наслѣдиши вѣчную муку».

Посошковъ совѣтуетъ сыну, если тотъ будетъ солдатомъ, никогда не имать заговоровъ. «Аще заговоры имѣти будеши, то съ Богомъ вражду возъимѣеши, понеже вмѣсто Бога будеши у себя имѣти заговоры, и аще съ тѣми заговоры убьютъ тебя, то будеши ты чорту баранъ и кровь твоя и съ душею твоею ни за что погибнетъ».

«Домострой» ратовалъ противъ кудесниковъ-врачей. Посошковъ пишетъ, что если колдунъ, приглашенный по случаю болѣзни, напишетъ «отрицательное писмо отъ болѣзни», и больной по приказанію колдуна проглотитъ эту бумагу, то въ этомъ заключается страшная опасность: «отнюдь не яждь», совѣтуетъ онъ сыну, «бойся, дабы тебѣ въ таковомъ писмѣ прекровеннаго не съясти діавола и еже бы тебѣ послѣди самому не быти пищею діаволу».

Съ тѣхъ поръ какъ былъ написанъ «Домострой», и до Посошкова многое измѣнилось въ Россіи. Во время составленія

«Домостроя» почти вовсе не было врачей въ Россіи. Во время Посошкова число докторовъ иностранцевъ было весьма значительно. Хотя масса народа и не имѣла возможности пользоваться аптеками и врачами, все-таки, по крайней мѣрѣ, въ столицѣ высшіе слои общества мало-по-малу привыкали обращаться въ случаѣ болѣзни ко врачамъ и посылать въ аптеку за лѣкарствомъ. Посошковъ, какъ видно, не раздѣлялъ предубѣжденія черни противъ докторовъ и совѣтовалъ сыну, аще скорбью каковою заскорбиши, ничтоже сумняся врачуйся отъ добраго врача, иже лѣчитъ зеліемъ и понеже въ былін лѣчебную силу Богъ положилъ. И врачуйся прежде расширенія болѣзни. Іисусъ Сираховъ сказуетъ еще издревлѣ: яко врачество сотворено отъ Бога, и врача противо потребы его повелѣлъ чтити, то-есть за врачеваніе его платити ему. А аще заскорбиши, а лѣчитися не будешь, и та болѣзнь расширится въ тебѣ и умреши отъ нея, то ты самъ себѣ убійца будеши, понеже и отъ малыя болѣзни, аще не принесши лѣкарстви, смерть случается, а аще и великая болѣзнь зародится въ человѣкѣ, а не дасть ей къ тому расширитися, то она утолится и оздравѣетъ человѣкъ», и проч.

Изъ другихъ замѣчаній Посошкова явствуетъ, что въ его глазахъ вся жизнь была не чѣмъ инымъ, какъ постоянною борьбою съ нечистою силою. Эта мысль особенно излагается во главѣ «о мірскомъ моленіи и о молитвѣ». Тутъ прежде всего говорится о правильномъ крестномъ знаменіи и о чемъ должно думать при каждомъ движеніи.

Затѣмъ слѣдуютъ разныя правила о количествѣ и содержаніи молитвъ и о мысляхъ при каждомъ словѣ молитвы. Во время молитвы діаволъ постоянно старается помѣшать человѣку, и поэтому нужно всѣми мѣрами остерегаться и стоять твердо противъ покушеній діавола. Посошковъ замѣчаетъ: «и аще діаволъ, ненавидяй чистые молитвы, замѣшкаетъ чѣмъ или поведеніемъ каковаго размышленія изъ памяти твоея выгонятъ и проглаголеши въ безпамятствіи своемъ, понеже діаволъ пресѣкая твое возвежденіе ума на небо въ забытіе ума твоего приведетъ тя и еже глаголалъ не упомниши, то ты паки начни ю глаголати снова. И аще вторицею или и третицею или и вящими умъ твой діаволъ отведетъ какими размышленіями отъ богомыслія, то ты вся та глаголанія ни во что себѣ вмѣняй... Кую молитву глаголетъ кто въ забытіи ума своего

и та молитва до Бога не доходитъ, но на воздухѣ демони ю расторгаютъ».

Какое значеніе имѣетъ количество молитвъ, видно изъ слѣдующихъ совѣтовъ Посошкова: «никогда празденъ, сыне мои, не сиди, либо какое художественное дѣло дѣлай, либо книги читай, либо молитвы или псалмы читаи, либо мыслію своею съ Богомъ бесѣдуи»... «И егда путемъ идеши или ѣдеши, не моги ты и въ то время бездѣленъ быти, но глаголи умомъ своимъ Давыдовы псалмы, кои можеши памятствовати. А аще ни единаго не памятуеши, то нарочно затверди пятидесятыи псаломъ: помилуй мя, Боже, да 142-й псаломъ: Господи, услыши молитву мою».

Посошковъ, какъ уже было сказано, нигдѣ не осуждаетъ мѣръ Петра. Въ «Отеческомъ Завѣщаніи» однако онъ говоритъ о парикахъ совершенно такъ же, какъ говорилъ о нѣмецкомъ платьѣ и о парикахъ въ народѣ.

Какъ на парики смотрѣли въ низшемъ классѣ народа, видно изъ слѣдующаго случая. Когда вспыхнулъ астраханскій бунтъ, въ грамотѣ бунтовщиковъ, разосланнои къ окрестнымъ казакамъ, говорилось, по обыкновенію, о вѣрѣ христіанскои, нарушенной брадобритіемъ, нѣмецкимъ платьемъ, табакомъ и проч. Затѣмъ разсказано, что «воеводы и начальные люди поклонялись и насъ кланяться заставляли. И мы за вѣру христіанскую стали и чинить того, чтобы болваномъ кланяться, не хотѣли... и мы у начальныхъ людей въ домахъ вынули кумирскихъ боговъ». Въ Москвѣ любопытствовали знать, что такое за кумирские боги, о которыхъ писали астраханцы. Дѣло объяснилось: кумирами бунтовщики называли «столярной работы личины деревянныя, на которыхъ у иноземцевъ и у русскихъ начальныхъ людей кладутся накладные волосы для береженія, чтобы не мялись».

Посошковъ, порицая лютеранъ за то, что они въ «шапкахъ, шляпахъ и парикахъ сидятъ въ креслахъ въ церкви», сожалѣетъ о томъ, что и нѣкоторые православные научились у нѣмцевъ «во время божественныя литургіи въ церкви стоять въ парикахъ и въ явленіе пресвятаго тѣла Христова не снемлютъ ихъ со главъ своихъ и тѣмъ они тѣло Христово ругаютъ». Шапки и парики, по мнѣнію Посошкова, то же «покрывало»; парики однако гораздо хуже шапокъ: «въ шапкѣ бо и въ шляпѣ шерсть... отъ чистыхъ овецъ и отъ иныхъ

звѣрей дубравныхъ, на коихъ не токмо грѣха, но и заповѣди никакая не лежитъ. А въ парукахъ волосы собраны отъ мертвыхъ женъ и дѣвицъ... волосы православныхъ христіанъ и внѣ церкви на главы свои возлагати не господствуетъ. Лютеранамъ же то свойственно есть еже носити таковые паруки, понеже они внѣ суть истиннаго христіанства». Потому Посошковъ совѣтуетъ своему сыну, если тотъ будетъ офицеромъ или знатнымъ сановникомъ и долженъ будетъ «не безъ уборства главу свою имѣть», отрастить свои волосы, каковы Богъ далъ и украшаться ими. *Брикнеръ.*

Мнѣнія Посошкова о судопроизводствѣ и законодательствѣ.

Юридическіе вопросы затрогиваются Посошковымъ въ двухъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ: въ «Отеческомъ Завѣщаніи» имъ посвящена глава шестая («о старомъ подьячествѣ и о судействѣ»); въ «Книгѣ о скудости и богатствѣ» глава третья «о правосудіи». Многіе отзывы, многія изреченія въ «Завѣщаніи» воспроизводятся почти цѣликомъ въ позднѣйшемъ сочиненіи Посошкова.

Общій взглядъ Посошкова на правосудіе выражается слѣдующими словами: «я по своему мнѣнію судное дѣло и управленіе весьма поставляю высоко, паче всѣхъ художествъ на свѣтѣ сущихъ. И того ради никакому человѣку не токмо малосмысленному, но и самому разумному не подобаетъ судейства или начальства искать, но всячески отъ него отрицатися, понеже весьма тяжелоносно оно». Обязанности судьи въ глазахъ Посошкова имѣютъ нѣкоторымъ образомъ религіозное значеніе. Глава «о правосудіи» начинается слѣдующими словами: «Богъ — правда: правду Онъ и любитъ. Аще кто восхощетъ Богу угодить, то подобаетъ ему во всякомъ дѣлѣ правда творити; наипаче бо всѣхъ чиновъ надлежитъ судьямъ правда хранити не токмо въ однихъ дѣлахъ, но и въ словахъ лживо ничего не говорити, но что̀ прилично къ правдѣ, то и говорить, а лживыхъ словъ судья никогда не говорилъ бы. Понеже судья судитъ именемъ царскимъ, а судъ именуется Божій; того ради всяческій судья подобаетъ

ни о чемъ такожде старатися яко о правдѣ, дабы ни Бога ни царя не прогнѣвати. Буде судья судъ повѣдаетъ неправый, то у царя пріиметъ временную казнь, а отъ Бога вѣчную, не токмо на тѣлѣ, но и на душѣ казнь вѣчную понесетъ. А буде судья повѣдаетъ судъ самый праведный и нелицепріятный по самой истинѣ яко на богатаго, тако на самаго убогаго и безславнаго, то отъ царя будетъ ему честь и слава, а отъ Бога — милость и царство небесное». Несправедливому судьѣ, какъ полагаетъ Посошковъ, не поможетъ ни постъ ни молитва, потому что онъ «уподобится лживому діаволу». Постоянно судья долженъ молиться о помощи Бога при исполненіи своихъ обязанностей, «дабы отъ недознанія своего праваго не обвинить, а виноватаго не оправити».

Иностранцы, посѣщавшіе допетровскую Русь, въ одинъ голосъ осуждали юридическій бытъ и бюрократію Россіи, говоря подробно о произволѣ, сребролюбіи и чрезмѣрной жестокости судей, о медленномъ ходѣ судопроизводства, о нарушеніи на каждомъ шагу права собственности.

И не изъ отзывовъ только иностранцевъ знаемъ мы о злоупотребленіяхъ въ области управленія и судопроизводства. Какъ бы ни были рѣзки отзывы въ сочиненіяхъ Флетчера, Перри и др., не менѣе мрачная картина юридическаго быта отражается въ дѣловыхъ бумагахъ времени, предшествовавшаго Посошкову. Г-нъ Чичеринъ въ своемъ сочиненіи «Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ», указывая на злоупотребленія воеводъ и судей, на отчаяніе населенія, доказываетъ, при помощи богатаго архивнаго матеріала, что даже отзывъ рѣзкаго Флетчера вполнѣ соотвѣтствуетъ множеству случаевъ нарушенія закона и правды представителями власти. Постоянно въ челобитныхъ того времени указывается на то, что крестьяне селъ и деревень вслѣдствіе притѣсненій приказныхъ людей «въ конецъ погибаютъ и совсѣмъ до основанія разорены, бредутъ врознь и у многихъ у нихъ пашня залегла», и встрѣчается угроза, что все населеніе разбѣжится во всѣ стороны, если правительству не удастся устроить лучшее управленіе и справедливый судъ.

Посошковъ горько жалуется на отсутствіе правосудія. «Намъ сіе весьма зазорно», пишетъ онъ, «не точію у иноземцевъ свойственныхъ христіанству, но и бусурмане судъ чинятъ праведенъ; а у насъ вѣра святая, благочестивая и на весь свѣтъ

славная, а судная никуды негодная, и какіе указы его императорскаго величества ни состоятся, вси ни во что обращаются, но всякъ по своему обычаю дѣлаютъ. И донележе прямое правосудіе у насъ въ Россіи не устроится и всесовершенно не укоренится оно, то никакими мѣрами отъ обидъ богатымъ намъ быть яко и въ прочихъ земляхъ невозможно, такожде и славы добрыя намъ не нажить; понеже всѣ пакости и непостоянство въ насъ чинится отъ неправаго суда и отъ нездраваго разсужденія, и отъ неразсмотрительнаго правленія и разбоевъ. И много воровства много чинится и всякія многія обиды содѣваются въ людехъ ни отъ чего иного токмо отъ неправаго суда, и крестьяне оставя свои домы бѣгутъ отъ неправды, и россійская земля во многихъ мѣстахъ запустѣла, и все отъ неправды, и отъ нездраваго и отъ неправаго разсужденія. И какія гибели ни чинятся, а все отъ неправды!»

Посошковъ довольно часто самъ на себѣ испыталъ произволъ «сильныхъ людей». Хотя онъ былъ человѣкомъ зажиточнымъ и занималъ не послѣднее мѣсто въ обществѣ, онъ все-таки принадлежалъ къ числу «маломочныхъ», обижаемыхъ и разоряемыхъ чиновниками, офицерами, вельможами. Онъ въ своихъ сочиненіяхъ говоритъ о нѣсколькихъ случаяхъ несправедливости, жертвою которой онъ былъ самъ. Такъ, напр., однажды нѣкто капитанъ Марковъ у слуги Посошкова отнялъ лошадь и велѣлъ высѣчь слугу батогами. Лошадь такъ и пропала. Посошковъ не могъ обратиться къ суду, «судъ далекъ сталъ и труденъ», и расходы при этомъ случаѣ превзошли бы цѣнность лошади. Съ горечью говоритъ онъ объ этомъ фактѣ и что онъ «суда не сыскалъ». «И то стало-быть худой судъ: и того ради надлежитъ всячески потщатися о прямомъ судѣ, дабы никто къ Богу не воздыхалъ, и на судію порицанія никакого бы не наносилъ, и чтобъ Богу никто не жаловался, но коемуждо бъ человѣку винѣ рѣшенье бъ чинить на земли, а до небеснаго суда и не допускалъ бы. И аще судъ у насъ въ Россіи устроится праведный и приступъ къ нему будетъ близостный и не трудный, то иные суду Божію предавати не будутъ, но кійждо свое винѣ своей и судъ и награжденіе пріиметъ на земли».

Однажды князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ велѣлъ посадить Посошкова въ тюрьму безо всякой причины, и онъ тамъ просидѣлъ цѣлую недѣлю. Разсказывая объ этомъ случаѣ,

Посошковъ замѣчаетъ: «колми же паче коего мизернаго посадятъ да и забудутъ. И тако многое множество безвинно сидятъ и помираютъ безвременно. А по меньшимъ городамъ многіе и дворяне приводятъ людей своихъ и крестьянъ и отдаютъ подъ караулъ». Разсказывая о другихъ случаяхъ, какъ безо всякой причины ругали и обижали его капитанъ Невельскій и полковникъ Порецкій, Посошковъ замѣчаетъ: «и я аще не весьма послѣдній человѣкъ, а суда не сыскалъ. Какъ же сыщетъ судъ кто мизернѣе меня? Только что объ обидахъ своихъ жалуйся на служивой чинъ Богу».

Петръ Великій, какъ нельзя лучше, сознавалъ эти недостатки юридическаго быта Россіи. Всю жизнь онъ боролся «съ неправдою», хотя успѣхъ его стремленій былъ ничтоженъ...

Въ «Книгѣ о скудости и богатствѣ» Посошковъ изъявляетъ надежду, что крайнею строгостью можно искоренить неправду. Онъ предлагаетъ разныя мѣры для строгаго надзора надъ судьями и приказными людьми, а далѣе — цѣлый рядъ жестокихъ наказаній. Такъ, напр., онъ требуетъ, чтобъ особый чиновникъ, пользующійся довѣріемъ государя, обходилъ всѣ тюрьмы и разспрашивалъ всѣхъ колодниковъ: «не чинятъ ли кому какова нападка и излишней волокиты, и не осудили ль кого не противъ даннаго имъ изложенія, и не взялъ ли кой судья или подьячій излишняго взятка?» Предлагая, чтобы чиновники получали вознагражденіе «отъ рублеваго дѣла до многотысячнаго» «по своей работѣ», Посошковъ продолжаетъ: «а буде кто сверхъ указаннаго числа лишку хотя малое число что возьметъ, то взять на немъ штрафу за всякую излишнюю копейку по рублю. А кто и дастъ указнаго числа излишные, то и на немъ по рублю же за излишнюю копейку имать штрафу». Такимъ образомъ Посошковъ надѣется «всѣмъ судьямъ и приказнымъ людямъ задать страхъ великой и жестокой, чтобы никто гостинцевъ не принималъ бы... А буде кто покусится взять излишнее въ другой разъ, то и штрафъ на немъ взять сугубый: за рубль взять по 200 руб., наказанія на козлѣ, а за третью вину либо смерть, либо въ вѣчную работу къ рудокопнымъ дѣламъ. А аще кой судья и не по взятку, но по дружбѣ или по чьей просьбѣ учинитъ не по новоизложенному уставу, то безъ всякаго милосердія учинить ему опредѣленный указъ, какъ о томъ уложено будетъ. А аще кто изъ за взятка нарушитъ тотъ новоизданный уставъ, то

мнится мнѣ надлежитъ и домъ его совсѣмъ разорить и на нѣсколько лѣтъ сотворить его пустъ и прибить на томъ домѣ письмо съ изложеніемъ вины: еже за нарушеніе правосуднаго изложенія господину того дома учиненъ указъ, а домъ его оставленъ пустъ и живущаго въ немъ нѣсть, но токмо мышеве и нетопыри да вогнѣжаются въ немъ. И таковое штрафованіе будетъ въ роды родовъ памятно. А аще судей малыхъ и великихъ не казнить и великими штрафы ихъ не штрафовать, то и правое изложеніе учиня правды и праваго суда уставить будетъ невозможно. А аще ради установленія правды правителей судебныхъ и много падетъ, быть уже такъ. А безъ урону я не чаю установитися правдѣ, а прямо рещи, и невозможно правому суду установитися, аще сто другое судей не падетъ: понеже у насъ въ Руси неправда вельми застарѣла. А не такимъ страхомъ не чаю я того злого коренія истребить: аще бо кая и земля вельми задерпеетъ и дондеже того терніи огнемъ не выжгутъ, то не можно на ней пшеницы сѣяти: тако и въ народѣ злую застарѣлость зломъ надлежитъ и истребляти. А аще не тако, то, по моему мнѣнію, не токмо съ судѣхъ, но и во всякомъ правленіи правды не будетъ».

«Неправда» была значительною долею слѣдствіемъ прежней системы «кормленія». Противъ этой системы возсталъ Петръ Великій, желая «искоренити неправду»; но весьма часто ему приходилось наказывать строго тѣхъ, которые не могли отказаться отъ прежнихъ пріемовъ сребролюбія и продажности. Ни изобрѣтенія новыхъ должностей, на которыхъ лежала обязанность обличать «неправду», ни страшныя казни не помогали. Фискалы, прокуроры и проч. трудились неусыпно; катастрофа такихъ людей, какъ Гагаринъ, Нестеровъ и прочіе, показывала, что Посошковъ справедливо считалъ глубоко вкоренившимся зломъ алчность чиновниковъ.

Тѣмъ болѣе можно удивляться тому, что Посошковъ совѣтовалъ давать судьямъ не опредѣленное жалованье, а, такъ сказать, поштучную плату. Онъ предлагаетъ, чтобы судьи и приказные люди получали «окладъ съ дѣлъ, по чему съ какого дѣла брать за работу... И такъ надобно усудить, чтобы ни самаго малаго дѣла не обойтись, чтобы никакого дѣла даромъ не дѣлали и брали бъ самое праведное по распоряженію». Онъ предлагаетъ уменьшать плату въ томъ случаѣ, когда

условленная работа чиновника не поспѣетъ къ опредѣленному сроку, «а буде же гораздо заволочитъ, то и всея своея лишится мзды». Посошковъ надѣялся, что чрезъ это челобитчикамъ «будетъ весьма полезно». Посошковъ, повидимому, не предвидѣлъ, какая вереница злоупотребленій была бы слѣдствіемъ осуществленія его предложенія.

Другимъ неудобствомъ юридическаго быта Россіи до Посошкова и при немъ была медленность хода дѣлъ. Недобросовѣстность и продажность судей и приказныхъ людей постоянно вызывали жалобы челобитчиковъ на «волокиту». И въ этомъ отношеніи правительство старалось строгими наказами всѣмъ служащимъ, а довольно часто и строжайшимъ наказаніемъ виновниковъ волокиты, помочь несчастнымъ жертвамъ чрезмѣрно медленнаго рѣшенія процессовъ. Такъ называемыя «проѣсти и волокиты» во многихъ указахъ и распоряженіяхъ являются предметомъ крайняго негодованія правительства, но, какъ видно, изъ множества указовъ Петра Великаго на этотъ счетъ, а далѣе изъ жалобъ Посошкова — всѣ старанія правительства устранить это зло оказываются тщетными.

Посошковъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ осуждаетъ судей за то, что они весьма часто оставляютъ колодниковъ въ тюрьмѣ, долгое время не приступая къ обсужденію и рѣшенію ихъ дѣла. Онъ указываетъ на разные примѣры такого рода, напр., на одинъ случай, въ которомъ одинъ человѣкъ совсѣмъ понапрасну былъ посаженъ въ острогъ и тамъ просидѣлъ четыре мѣсяца. «А по правому разсужденію не довелось было и единаго дня его держать»; все это, говоритъ Посошковъ, «затѣйки приказныхъ людей, а людемъ Божіимъ такимъ задержаніемъ чинятъ великій убытокъ». Другой случай: два плотника за то, что у нихъ паспортовъ не было, были брошены въ Новгородѣ въ тюрьму. Одинъ изъ нихъ просидѣлъ годъ и умеръ; другой, по истеченіи двухъ лѣтъ, былъ освобожденъ. «И тако, — говоритъ Посошковъ, — многое множество безъ разсмотрѣнія судейскаго людей Божіихъ погибаетъ».

Посошковъ жаловался на то, что «въ Россіи людей не берегутъ» и что множество арестантовъ по тюрьмамъ напрасно хлѣбъ ѣдятъ. Главнымъ образомъ, ради такого сбереженія Посошковъ совѣтуетъ сыну въ случаѣ занятія послѣднимъ мѣста судьи не откладывать казни преступниковъ, приговоренныхъ къ смертной казни.

Ради сбереженія Посошковъ требуетъ скораго «вершенія» дѣлъ; ради сбереженія онъ требуетъ, чтобы за «малыя вины» не сажали бы людей въ тюрьму. «Иного,— говоритъ онъ,— посадятъ на часъ, да забудутъ, то онъ въ забвеніи просидитъ и годъ мѣсца... Отъ неуправленія судейскаго вельми много въ мірѣ пакостей и разоренія чинится и погибаютъ многіе напрасно; ибо многіе въ заключеніи сидя съ голоду и отъ всякія нужды умираютъ безвременною смертью».

Правительство постоянно стремилось къ уничтоженію волокиты, но тщетно. Мѣстные жители постоянно жаловались на то, что приказные люди «волочатъ ихъ безъ дѣла напрасно» и что отъ этого народъ разоряется. При этомъ жалобщики ссылались на предписанія царя Алексѣя Михайловича, сходныя съ правилами, требуемыми Посошковымъ. Правительство приказываетъ, грозитъ наказаніемъ, но все остается по прежнему.

Посошковъ въ своемъ «Отеческомъ Завѣщаніи» говоритъ объ обязанностяхъ приказныхъ людей. Подьячій долженъ «живьемъ жить въ канцеляріи»; если у него мало дѣла, онъ долженъ у другихъ подьячихъ взять работы, чтобы отнюдь даромъ не сидѣть». Онъ совѣтуетъ сыну: «аще твоя братья подьячіе пойдутъ куды погулять или чѣмъ забавиться, а ты забавляйся своею письменною работою и неподвижнымъ приказнымъ сидѣньемъ».

Вопросу о разбойникахъ посвящена цѣлая глава въ сочиненіи «О скудости и богатствѣ». О нихъ говорится довольно подробно и въ главахъ о подьячихъ и судьяхъ въ «Отеческомъ Завѣщаніи».Тутъ Посошковъ является отчаяннымъ ригористомъ, предлагаетъ самыя строгія мѣры и надѣется, главнымъ образомъ, на предостерегательную систему наказаній.

Правительство не переставало бороться съ этимъ зломъ. Палачи работали неусыпно. Въ этихъ находилось постоянно множество «лихихъ людей». Пока однако не измѣнялись главныя основанія общественнаго и государственнаго строя въ Россіи, пока посадскіе люди и крестьяне «брели врознь», спасаясь бѣгствомъ въ лѣса и степь, на украины государства,— зло не уменьшалось.

Правительство въ то время, когда писалъ Посошковъ, всевозможными средствами старалось помочь злу, однако безуспѣшно, какъ видно, между прочимъ, и изъ сочиненій По-

сошкова. Посошковъ сваливаетъ, главнымъ образомъ, вину на недостаточно энергическія дѣйствія полиціи и находитъ, что искорененіе этого зла требуетъ большой бдительности, болѣе строгаго контроля надъ всѣмъ населеніемъ и большей строгости.

Въ «Отеческомъ Завѣщаніи» Посошковъ даетъ разные совѣты, какимъ образомъ должно допрашивать пойманныхъ разбойниковъ и тѣхъ людей, которые могли дѣйствовать съ ними заодно. Сажать «новоприводныхъ» воровъ «къ старымъ», то-есть къ разбойникамъ, уже сидящимъ въ тюрьмѣ, онъ находитъ нецѣлесообразнымъ, потому что тогда всѣ вмѣстѣ придумываютъ цѣлую систему лжи. Нужно, по мнѣнію Посошкова, «не давъ имъ надуматца», пытать тотчасъ же «новоприводныхъ» разбойниковъ. И въ этомъ отношеніи Посошковъ недоволенъ судьями, медленность, нерадѣніе и продажность которыхъ даетъ просторъ разбойникамъ.

Въ статьѣ «О разбойникахъ» онъ пишетъ: «о истребленіи разбойниковъ много взысканія чинится изъ давнихъ лѣтъ, и многіе сыщики жестокіе посылаемы бывали. Обаче тѣмъ ничтоже успѣша; но всегда ихъ множество» и проч. Объясненіе тому, что за границей меньше разбойниковъ, Посошковъ находитъ въ томъ обстоятельствѣ, что «тамъ имъ потачки ни малыя нѣтъ: въ тюрьмахъ долго не держатъ... А у насъ посадятъ въ тюрьму да кормятъ его будто добраго человѣка, и держатъ въ тюрьмѣ лѣтъ десять и двадцать, и въ такомъ долгомъ сидѣньѣ много ихъ уходятъ, а ушедъ, уже пуще стараго воровать станутъ, и такого ради порядка надежно уже и воруютъ».

Значитъ, Посошковъ ожидалъ успѣха, главнымъ образомъ, отъ сокращеннаго судопроизводства.

Не даромъ Посошковъ утверждалъ, что «никогда тѣмъ разбойникамъ конца не будетъ аще нынѣшняго судейскаго правленія не измѣнятъ, и отъ чего они родятся, если не пресѣчь».

Что же касается «пресѣченія» причины или корня разбойничества, то исходною точкой для соображеній Посошкова служитъ то убѣжденіе, что довольно значительная часть сельскаго населенія дѣйствуетъ заодно съ разбойниками, что бываетъ солидарность между цѣлыми деревнями и преступниками. Поэтому онъ предлагаетъ устроить строжайшій контроль надъ всѣми жителями деревень и городовъ, самую строгую паспорт-

ную систему. Сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе должны были бы имѣть надзоръ, «чтобы никто и изъ высокихъ персонъ безъ вѣдома своихъ сотскихъ или пятидесятскихъ никуды не отъѣзжали, а куда кому случится ѣхать, чтобы у сотскихъ или у пятидесятскихъ своихъ брали за ихъ печатьми отпускныя письма и въ тѣхъ письмахъ описывали именно, куды кто поѣхалъ и за какимъ дѣломъ, и на коликое время поѣхалъ и людей съ собою колико взялъ и кого имяны». Посошковъ желаетъ, чтобы люди всѣхъ сословій наблюдали другъ за другомъ и доносили на тѣхъ, которые безъ вѣдома своихъ пятидесятскихъ ѣздятъ куда-либо или оставляютъ свои домы ночною порою. Онъ предлагаетъ цѣлый рядъ мѣръ для наказанія недобросовѣстныхъ пятидесятскихъ и сотскихъ, надѣется на контроль надъ контролемъ и на разныя мѣры поддержанія авторитета этихъ сотскихъ и проч.

Во всемъ этомъ обнаруживается значительная близорукость. Не говоря уже о томъ, что столь ужасное стѣсненіе свободнаго движенія населенія не могло не вредить экономической дѣятельности, и вообще подобная регламентація и множество формальностей были бы весьма опаснымъ ограниченіемъ личныхъ правъ каждаго гражданина, Посошковъ забываетъ, что новые чиновники, то-есть сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе, принадлежали бы къ тѣмъ элементамъ общества, къ какимъ принадлежали подьячіе и судьи. Не было никакого основанія ожидать болѣе добросовѣстнаго исполненія обязанностей со стороны этихъ новыхъ надзирателей, чѣмъ отношеніе къ своимъ обязанностямъ прочихъ приказныхъ людей.

Обычный оптимизмъ Посошкова заставляетъ его выразиться слѣдующимъ образомъ о значеніи предлагаемыхъ имъ реформъ: «и противъ вышеявленнаго предложенія, аще тако состоится, то, я чаю, разбои однимъ годомъ потухнутъ, а другимъ, что и слуху про нихъ не будетъ. Токмо надобно судьямъ положеніе то хранить, чтобъ ничего изъ него изронить. А еще не нарушится тотъ указъ, то чаю что во вѣки разбоевъ у насъ въ Руси не будетъ».

Петръ Великій старался постоянно новыми учрежденіями, наказами и предписаніями ограничить произволъ приказныхъ людей, защищать населеніе отъ своевольства и самовластія чиновниковъ и судей. И администрація и судопроизводство нуждались въ болѣе точномъ опредѣленіи въ отношеніи веде-

нія всѣхъ дѣлъ. Недостатокъ въ нормахъ, по которымъ должны были дѣйствовать органы правительства, вызывалъ множество случаевъ несправедливыхъ рѣшеній судей и произвольныхъ дѣйствіи приказныхъ людей. Петръ Великій старался помочь этому недостатку введеніемъ коллегіальнаго порядка при управленіи дѣлами, учрежденіемъ сената, устройствомъ разныхъ должностей для наблюденія за правильнымъ ходомъ дѣлъ, назначеніемъ контролеровъ, обличавшихъ всѣ случаи нарушенія какихъ-либо законовъ или недобросовѣстнаго исполненія обязанности. Петръ сознавалъ, что для государя, хотя бы онъ обладалъ такою же колоссальною рабочею силою, какъ онъ самъ, невозможно заботиться обо всемъ, входить во всѣ подробности управленія и судопроизводства, рѣшать всѣ вопросы. Весьма характеристически онъ однажды въ 1718 году жаловался на установившійся обычай во всѣхъ дѣлахъ обращаться лично къ государю: «челобитчики непрестанно его царское величество докучаютъ о своихъ обидахъ, вездѣ во всякомъ мѣстѣ, не дая покою; и хотя съ ихъ стороны легко разсудить можно, что всякому своя обида горька есть и несносна; но при томъ каждому разсудить же подлежитъ, что какое ихъ множество, а кому бьютъ челомъ — одна персона есть, и та коликими воинскими и прочими несносными трудами объята, то всѣмъ извѣстно есть. И хотя бы у нихъ трудовъ не было, возможно ли одному языку за такими многими усмотрѣть». Руководствуясь такими соображеніями, Петръ старался создавать такія судебныя мѣста, на которыя не можно было приносить жалобы императору. Такимъ учрежденіемъ былъ сенатъ, высшій авторитетъ въ судебныхъ и административныхъ дѣлахъ, занимавшій мѣсто возлѣ царя.

Какъ кажется, въ глазахъ народа сенатъ не имѣлъ такого значенія, какое желалъ придать ему Петръ Великій. Посошковъ, иногда упоминая о сенатѣ, не обращаетъ достаточнаго вниманія на авторитетъ сената. За то онъ предлагаетъ учрежденіе высшаго присутственнаго мѣста, въ которомъ, по его мнѣнію, должны были сосредоточиваться отправленія, бывшія обязанностью сената. Онъ пишетъ: «и ради самыя твердости въ судахъ и во всякомъ правленіи, чтобъ отъ правосудія ни много ни мало судьи не колебались, надлежитъ учинить особливую канцелярію, въ которой бы правитель былъ самый ближній и вѣрный царю. Яже бы онъ былъ око царево, вѣрное

око, иже бы надъ всѣми судьями и правителями былъ вящій, и за всякими правителями смотрѣлъ властительно, и никого онъ, кромѣ Бога, да его императорскаго величества, не боялся. А къ той канцеляріи приходъ былъ бы самый свободный, а самъ бы тотъ правитель былъ низокъ и ко всякимъ людемъ былъ низходителенъ, и не тяжелъ бы онъ былъ, аще и не по вся дни, обаче, улуча время, по коллегіямъ ходилъ бы и смотрѣлъ, каково кто дѣло свое управляетъ, и нѣтъ ли каковыя въ дѣлахъ неисправности, и нѣтъ ли какихъ жалобщиковъ. Також де, обходя судебныя мѣста, и челобитчиковъ бы спрашивалъ, не чинятъ ли кому какова нападка и излишней волокиты и проч. И у всѣхъ коллегій и канцелярій прибить печатные листы съ объявленіемъ такимъ: буде судья или подьячій какую учинитъ въ дѣлѣ неправду, то приходили бы въ ту канцелярію, то всякому лицу тамъ будетъ управа. Також де, буде кто изъ сильныхъ лицъ изобидитъ кого убогаго, или судья гражданскій, или военный офицеръ чѣмъ солдата или драгуна изобидитъ, а онъ суда на него не сыщетъ, то тутъ бы изобиженный искалъ бы обороны».

Значитъ, Посошковъ требовалъ учрежденія чего-то въ родѣ высшей апелляціонной инстанціи, учрежденія присутственнаго мѣста для административнаго судопроизводства. Петръ Великій самъ постоянно сознавалъ необходимость такого учрежденія. «Кабинетъ», сенатъ, генералъ-прокуроры были попытками создать что-то похожее на то, чего требовалъ Посошковъ.

Въ «кабинетъ» царскаго величества, учрежденный въ самомъ началѣ XVIII вѣка, поступали всѣ бумаги. Сюда обращались съ донесеніями, вопросами, просьбами и жалобами. Послѣ царя, въ качествѣ кабинетъ-секретаря находился Макаровъ, человѣкъ, пользовавшійся довѣріемъ царя, человѣкъ безъ голоса и безъ мнѣнія, но человѣкъ могущественный по своему приближенію къ царю. Другимъ такимъ лицомъ, пользовавшимся довѣріемъ царя, былъ Курбатовъ, инспекторъ ратуши, то-есть поставленный въ чинѣ финансоваго управленія цѣлой Россіи. Онъ былъ наблюдателемъ за правильнымъ ходомъ дѣлъ, доносилъ на людей, дѣйствовавшихъ незаконно, на казнокрадовъ и обидчиковъ. Сенатъ былъ учрежденъ, какъ говорилъ Петръ, «для всегдашнихъ нашихъ въ сихъ войнахъ отлученъ». Сенату «всякъ и ихъ указамъ да будетъ послушенъ такъ, какъ намъ самому», сказано въ указѣ о власти и отвѣт-

ственности сената. Жаловаться на сенатъ было лишь условно дозволено, какъ видно изъ слѣдующаго изложенія въ указѣ: «и ежели оный Сенатъ, чрезъ свое нынѣ предъ Богомъ принесенное обѣщаніе, неправедно что поступитъ въ какомъ партикулярномъ дѣлѣ, и кто про то увѣдаетъ, то однакожъ да молчитъ до нашего возвращенія, дабы тѣмъ не помѣшать настоящихъ прочихъ дѣлъ, и тогда да возвѣститъ намъ, однакожъ справясь съ подлиннымъ документомъ, понеже то будетъ предъ нами суждено и виноватый жестоко будетъ наказанъ». Дѣятельность новаго учрежденія опредѣлена была въ слѣдующемъ наказѣ: «судъ имѣть нелицемѣрный и неправедныхъ судей наказывать отнятіемъ части и всего имѣнія» и прочая. Но и сенатъ не удовлетворялъ потребностямъ относительно наблюденія за законностью дѣйствій всѣхъ и каждаго. Въ началѣ 1722 года Петръ учредилъ при сенатѣ «генералъ прокурора, то-есть стряпчаго отъ государя и отъ государства». Онъ долженъ былъ «смотрѣть накрѣпко, дабы Сенатъ свою должность хранилъ и въ своемъ званіи праведно и нелицемѣрно поступалъ и надъ всѣми прокуроры, дабы въ своемъ званіи истинно и ревностно поступали и за фискалами смотрѣть» и прочая. Какъ кажется, должность генералъ-прокурора ближе всего соотвѣтствовала тому лицу, которое Посошковъ желалъ видѣть во главѣ предлагаемой имъ высшей канцеляріи. Петръ говоритъ о должности генералъ-прокурора: «и понеже сей чинъ, яко око наше и стряпчей о дѣлахъ государственныхъ, того ради подлежитъ вѣрно поступать, ибо перво на немъ взыскано будетъ». Генералъ-прокуроръ ничьему суду не подлежалъ, кромѣ суда самого государя.

Какъ видно, желанія Посошкова были исполнены, новыя учрежденія созданы. Однако оказывается необходимость контроля надъ лицами, пользовавшимися довѣріемъ царя и стоявшими во главѣ учрежденія, соотвѣтствовавшихъ нѣкоторымъ образомъ соображеніямъ Посошкова.

Видно, что неудобства заключались не столько въ недостаткѣ учрежденій, сколько въ недостаткѣ нравственности. Посошковъ въ особенности возстаетъ противъ произвола «великородныхъ судей». Онъ пишетъ: «и аще великородныхъ судей поберечь отъ жестокихъ казней, то лучше изъ начала ради установленія правды въ судьи посадить изъ нижнихъ чиновъ, а паче изъ приказныхъ людей, кои въ дѣлахъ искусны

и страхъ Божій въ себѣ имутъ. И съ ними посадить, гдѣ пристойно, и изъ военнаго чина, кіи отъ службы отставлены, и изъ купечества, въ которыхъ острота умная есть. И за таковыхъ низкородныхъ, аще кто и согрѣшитъ, стоять за нихъ и упрашивать никто не будетъ, да и сами они паче высокородныхъ боятися будутъ. А высокородные на уложенные уставы мало смотрять: но какъ кто восхочетъ, такъ и дѣлать будетъ по своей природной пыхѣ. И тѣмъ низкороднымъ судьямъ надлежитъ дать такое величество, чтобъ они никаковыхъ лицъ не боялись, кромѣ Бога да царя, и дѣла бъ всѣ свои дѣлали по новосочиненному его императорскаго величества указу неизмѣнно, и отъ своего ума не мудрствовали бы, и ни единую черту сверхъ указу не прибавливали бы и не убавливали бы. И аще что потребное усмотритъ кто, то доносили бы до царскаго величества, донележе то новое изложение еще не напечатано. А буде изъ приказныхъ людей въ судьи выбрать некого, то бы изъ дворянъ мелкихъ, кои остроумны и въ дѣлахъ искусны, и боящіеся Бога. А за нарушеніе новоизложеннаго указа извѣстно и смерть имъ объявить, дабы они судили, а о смерти своей помнили».

Посошкова оскорбляла безнаказанность высшихъ слоевъ общества. Знатные люди прикрывали другъ друга. Не даромъ поэтому Посошковъ требовалъ равнаго суда для всѣхъ. Во главѣ о «воинскихъ дѣлахъ» онъ говоритъ: и «ради общежительства любовнаго, аще великій нашъ монархъ повелитъ судъ устроити единъ каковъ земледѣльцу, таковъ и купецкому человѣку, убогому и богатому, таковъ и солдату, таковъ и офицеру, ничимъ же отмѣненъ, и полковнику, и генералу, — и чтобъ и судъ учинить близостный, чтобъ всякому ни низкочинному человѣку легко бы его доступать, како на простолюдина, тако и на служиваго, — то по таковому уставу не то, что офицеровъ, солдатъ изобидать, но и земледѣльцевъ не будутъ обидить. Аще увидятъ прямой правый судъ, то всю прежнюю свою гордость и озорничество и обиды всѣ отложатъ и будутъ со всѣми чинами любовно обходиться, и на квартирахъ будутъ стоять смирно, и чего имъ не указано, не станутъ того дѣять, и указы его императорскаго величества не станутъ ничтожить; ибо тѣмъ люди, да вси измѣнятся. И за то всякому чину будутъ милы и въ квартирномъ стояніи вси будутъ имъ рады, яко свойственникамъ. Сей же судъ, мнѣ

мнится, не весьма правъ, еже простолюдину о обидѣ его и на солдата у солдата жъ милости просить, а на офицера у офицера жъ. Старая пословица есть: еже воронъ ворону глаза не выклюнетъ! Сіе бо есть явное дѣло, что солдатъ на солдата никогда не почнетъ, а офицеры и давно не промѣняютъ своего брата и на солдата, а не то что на простолюдина; всегда бо свой своему по неволѣ другъ, и нельзя имъ другъ другу не норовить: потому нынѣ тотъ виненъ, а на иной день будетъ и онъ виненъ. И потому не можно имъ праваго суда на своего брата износити» и проч. Также и въ другомъ мѣстѣ Посошковъ требуетъ равнаго суда для всѣхъ. Онъ пишетъ во главѣ «о правосудіи»: «то бы указъ прямъ былъ, если бы написанъ былъ какъ богатому, такъ и убогому единоравенъ».

При столь ревностномъ желаніи исправить судопроизводство въ Россіи Посошковъ не могъ не коснуться вопроса о необходимости составленія новаго уложенія, вопроса, который постоянно занималъ и правительство. Исправить и дополнить «Уложеніе» царя Алексѣя Михайловича считалось и Петромъ Великимъ дѣломъ крайней необходимости. Постоянно мечталы о томъ, какъ бы, оставивъ «Уложеніе» дѣйствующимъ сводомъ, согласить съ нимъ такъ называемыя новоуказныя статьи, именные указы и боярскіе приговоры и составить новое уложеніе.

Первый рѣшительный шагъ по этому предмету сдѣланъ указомъ Петра Великаго 18 февраля 1700 года, которымъ предписано свести «Уложеніе» съ послѣдующими законами. На основаніи этого указа была составлена въ 1700 году палата объ уложеніи изъ бояръ, думныхъ дворянъ, стольниковъ и дьяковъ. До 1703 года она успѣла «свести» только три главы «Уложенія» и была закрыта. Въ 1714 году учреждена новая комиссія, дѣйствовавшая по 1718 годъ. Онѣ составила до десяти главъ свободнаго уложенія, которое не имѣло никакихъ послѣдствій.

Въ 1718 году Петръ рѣшился оставить прежній путь и прямо *сочинять* новое уложеніе, на основаніи законовъ русскихъ, шведскихъ и датскихъ. Въ 1720 году составлена для этой цѣли комиссія изъ русскихъ и иностранцевъ. Какъ и должно было ожидать, эта комиссія ничего не сдѣлала и не могла сдѣлать. Номинально она просуществовала до кончины Екатерины I, но отъ работъ ея не осталось никакихъ слѣдовъ.

Дѣло было трудное: съ Петра I до Николая I такихъ комиссій было 10; затрачено нѣсколько милліоновъ рублей; но всѣ эти комиссіи были не въ состояніи исполнить своей задачи. Главное затрудненіе, какъ кажется, заключалось въ двойственности задачи: комиссіи эти должны были не только собрать дѣиствующее право въ одно цѣлое, но и улучшить и дополнить его на основаніи представленія о лучшемъ государственномъ управленіи и тѣхъ образцовъ, которые имѣлись на Западѣ. Во всякомъ случаѣ, для исполненія такой задачи были нужны юристы, многосторонне образованные люди, между тѣмъ какъ юридическое образованіе того времени не могло быть высокимъ. Такимъ образомъ до Сперанскаго все это дѣло, несмотря на разныя усилія, оставалось нерѣшеннымъ.

Посошковъ, самоучка, дилетантъ, разумѣется, не могъ имѣть точнаго понятія о всѣхъ трудностяхъ при кодификаціи. Однако онъ много думалъ объ этомъ предметѣ и представляетъ въ своей «Книгѣ о скудости и богатствѣ» достойныя вниманія разсужденія на этотъ счетъ. Онъ мечталъ о созваніи законодательной комиссіи въ родѣ той, какая состоялась при Екатеринѣ II. Сознавая всю сложность вопроса, Посошковъ для рѣшенія столь трудной задачи требуетъ и довольно сложнаго прибора. Если уже попытка Екатерины поражаетъ шириною замысла, то тѣмъ болѣе достойно удивленія появленіе той же мысли за нѣсколько десятилѣтій до Екатерины, появленіе ея въ «мизерномъ крестьянинѣ» села Покровскаго.

Посошковъ пишетъ: «и того ради надлежитъ сочинить правосудную книгу съ подлиннымъ разсужденемъ на всякія дѣла. А буде не сочинить на рѣшеніе всякихъ дѣлъ новаго изложенія, то и правому суду быть невозможно; понеже у всякаго судьи свой умъ, и какъ кому понравится, то такъ и судитъ. А надобно такъ его усудить, чтобъ и не весьма смышленый судья могъ право судить. И правосуднаго ради уставу надлежитъ древняго суда уложеніе и новоустановленныя гражданскія и воинныя, печатныя и письменныя, новосостоявшіяся и древнія указныя статьи собрать и по приказамъ изъ прежнихъ вершеныхъ дѣлъ выписать такие приговоры, на которые дѣла ни въ уложеньи, ни въ новоуказныхъ статьяхъ рѣшенія не положено. И къ таковымъ вершеніямъ примѣнясь, надлежитъ учинить пункты новые, дабы впредь такія дѣла не наизусть вершить, и въ Сенатъ бы не вносить, но на всякія дѣла были

указныя статьи ясныя, съ совершеннымъ расположеніемъ. И къ тѣмъ русскимъ разсужденіямъ прежнимъ и нынѣшнимъ приложить изъ нѣмецкихъ судебниковъ, и кои статьи изъ иноземныхъ уставовъ будутъ къ нашему правленію пригодны, то тѣ статьи взять и присовокупить къ нашему судебнику. И лучшаго ради исправленія надлежитъ и турецкій судебникъ перевести на славянскій языкъ и прочіе ихъ судебные и гражданскаго устава порядки управительные переписать, а кои сличны намъ, то бы тые и отъ нихъ принять; слышно бо о нихъ, яко всякому правленію расположено у нихъ ясно и праведно паче нѣмецкаго правленія... И къ сочиненію тоя судебныя книги избрать человѣка два или три изъ духовнаго чина самыхъ разумныхъ и ученыхъ людей и въ божественномъ писаніи искусныхъ, и отъ гражданства, кіи въ судебныхъ и во иныхъ правительныхъ дѣлахъ искусны, и высокаго чина, кои не горды и ко всякимъ дѣламъ иисходительны, и отъ приказныхъ людей, кои въ дѣлахъ разумны, и отъ дворянства, кіи разумны и правдолюбны, и отъ купечества, кіи во всякихъ дѣлахъ перебыли бъ, кіи и отъ солдатъ смышлены и въ службахъ и въ нуждахъ натерпѣлися и правдолюбивые: изъ людей боярскихъ, кіи за дѣлы ходятъ, и изъ фискаловъ. А мнится мнѣ: не худо бы выбрать и изъ кресгьянъ, кои въ старостахъ и въ сотскихъ бывали, и во всякихъ нуждахъ перебывали бъ и въ разумѣ смысленые. Я видалъ, что и въ мордвѣ разумные люди есть, то како въ крестьянахъ не быть людемъ разумнымъ».

Не ограничиваясь этимъ, онъ требуетъ еще гораздо болѣе. Онъ пишетъ: «и написавъ тыи новосочиненные пункты всѣмъ народамъ освидѣтельствовать самымъ вольнымъ голосомъ, а не подъ принужденіемъ, дабы въ томъ изложеніи какъ высокороднымъ, такъ и низкороднымъ, и какъ богатымъ, такъ и убогимъ, и какъ высокочинцамъ, такъ и низкочинцамъ, и самымъ земледѣльцамъ, обиды бы и утѣсненія отъ недознанія коегождо ихъ бытія въ томъ новоисправленномъ изложеніи не было. И написавъ совершеннымъ общесовѣтіемъ, предложить его императорскому величеству, да разсмотритъ его умная острота. И кіи статьи его величеству угодны, то тѣ тако да и будутъ, а кіи непотребны, ты да извергнутся или исправить по пристоинству надлежащему. И сіе мое реченіе многіе возненцуютъ, яко бы изъ его императорскаго величества самодержавную

власть народосовѣтіемъ снижаю, азъ не снижаю его величества самодержавія, но ради самыя истинныя правды, дабы всякой человѣкъ осмотрѣлъ въ своей бытности, нѣтъ ли кому въ тыихъ новоизложенныхъ статьяхъ каковыя непотребныя противности, иже правости противна. И аще кто узритъ какую неправостную статью, то бы безо всякаго сомнѣнія написалъ, что въ ней неправость и ничего не опасаяся подалъ бы ко исправленію тоя книги; понеже всякъ рану свою въ себѣ лучше чуетъ, нежели въ иномъ комъ. И того ради надобно всякимъ людямъ свои бытности выстеречи, дондеже книга не совершится; а егда она совершится, то уже никто не можетъ помочь; того бо ради и дана свободность, дабы послѣди не жаловатись на сочинителей тоя новосочиненныя книги, того-то ради надлежитъ ю вольнымъ голосомъ освидѣтельствовать, дабы всякая статья ни отъ кого порочена не была, но всякъ бы себѣ выстерегъ и чтобы впредь никому спорить было не мочно, но во вѣки вѣковъ было бы ненарушимо оно. Правосудное установленіе самое есть дѣло высокое, и надлежитъ его такъ разсмотрительно состроити, чтобъ оно ни отъ какого чина не зыблемо было. И того ради безъ многосовѣтія и безъ вольнаго голоса никоими дѣлы не возможно; понеже Богъ никому во всякомъ дѣлѣ одному совершеннаго разумія не далъ, но раздѣлилъ въ малыя дробинки, комуждо по силѣ его: овому далъ много, овому жъ менѣе. Обаче нѣсть такого человѣка, ему же бы не далъ Богъ ничего; и того ради и самому премудрому человѣку не надлежитъ гордиться и умомъ своимъ возноситься и малосмысленныхъ ничтожить не подлежитъ, коихъ въ совѣтъ призывать надобно; понеже малосмысленными человѣки многащи Богъ вѣщаетъ, и того ради наипаче ничтожить ихъ душевредно есть и того ради во установленіи правосудія вельми пристойно изслѣдовать многонароднымъ совѣтомъ».

Разумѣется, нельзя не признать нѣкоторыя изъ соображеній Посошкова въ высшей степени наивными, доказывающими, что онъ не постигалъ всѣхъ затрудненій въ дѣлѣ законодательства. Но такія же ошибки встрѣчаются въ проектѣ Екатерины создать новое уложеніе при помощи комиссіи представителей.

«И аще,—продолжаетъ развивать свой планъ Посошковъ,— и съ самымъ многотруднымъ многосовѣтіемъ учинена она (книга

законовъ) будетъ, вскорѣ печатать ихъ не подлежитъ, но первѣе попробить на дѣлахъ; и буде никакой вредности въ правленіи томъ не будетъ, то быть ему тако, а буде въ какой статьѣ явится нѣкая неисправность, то о ней надлежитъ поразсудить и поправить ее; и того ради не худо бы года два, три посудить по письменнымъ или по печатнымъ маленькимъ тетрадкамъ. И докележе тоя новая книга строится, многія бы статьи опробились». Затѣмъ уже послѣ такого опыта Посошковъ предлагаетъ «напечатать ихъ великое множество, дабы не токмо въ городѣхъ, но и въ селѣхъ безъ того бы судебника не было бъ, чтобы всякъ его читалъ и волю его императорскаго величества вѣдалъ, и ничего бы противно его величества волѣ не дѣлалъ, и ото всякихъ неправыхъ дѣлъ отдалился бы. И впереди тоя книги надлежитъ сдѣлать всѣмъ дѣламъ изъявленіе и разобрать ихъ по азбукѣ и по чину дѣлъ различныхъ, чтобы всякой человѣкъ безъ труда на всякое дѣло указъ и совершенное рѣшеніе могъ во едину минуту обрѣсти»... «И аще въ такой твердости неподвижно правосудіе годовъ пять-шесть постоитъ неизмѣнно безъ нарушенія, то всѣ яко малочинцы и худородные, тако и великочинцы и великородные и заслуженные люди будутъ страшны, и не токмо попрежнему обиды чинить, и неправдъ будутъ остерегаться, и со всякимъ тщаніемъ будутъ дѣлать правду».

Весьма любопытно еще слѣдующее предложеніе Посошкова: «и таковыхъ указовъ напечатать множество и разослать не то что по городамъ токмо, но и по селамъ и по всѣмъ погостамъ, и велѣть дьячкамъ въ недѣльные дни по отпѣніи литургіи дня по три и по четыре прочитать всѣмъ въ слухъ, чтобъ всѣ въ слухъ тотъ его императорскаго величества указъ вѣдали».

Таковы были предложенія Посошкова, въ одно и то же время достойныя и улыбки и удивленія.

Посошковъ не представлялъ себѣ, съ какими громадными затрудненіями было сопряжено составленіе новаго уложенія путемъ, который казался ему легко осуществимымъ. Очень скоро, послѣ кончины Посошкова, уже во время царствованія Петра II, правительство рѣшилось попытаться составить новое уложеніе и для этой цѣли созвать собраніе, по своему составу нѣсколько сходное съ предложеніемъ Посошкова. Тутъ-то обнаружилась вся разница между теоріей и практикой,

между идеалами Посошкова и сущностью тогдашняго положенія Россіи.

14 мая 1728 года верховный тайный совѣтъ далъ сенату указъ, въ которомъ повелѣно было дополнить прежнее «Уложеніе», а далѣе повелѣвалось «выслать къ Москвѣ изъ офицеровъ и изъ дворянъ добрыхъ и знающихъ людей изъ каждой губерніи по пяти человѣкъ, за выборомъ отъ шляхетства, и конечно ихъ выслать сентября къ 1-му числу нынѣшняго 1728 года безъ всякаго отлагательства». Были сдѣланы надлежащія распоряженія, при чемъ, напримѣръ, Московская губернская канцелярія предписала воеводствамъ «выбрать людей самыхъ добрыхъ и которые могли бы означенное дѣло править».

Наступило 1-е сентября, и ни одного изъ дворянъ и офицеровъ въ Москву не прибыло. Въ продолженіе сентября явились весьма многіе депутаты. Одинъ изъ нихъ явился безо всякой бумаги. Сдѣлали справку и оказалось, что онъ явился «самъ собою». Онъ былъ исключенъ. Въ Новгородской губерніи былъ выбранъ помѣщикъ Скобельцынъ: за нимъ были посланы въ уѣздъ солдаты три раза, но онъ упорно отказывался ѣхать въ Москву. Ему грозили, что ежели онъ укроется, то возьмутъ жену его и приведутъ въ Новгородъ подъ карауломъ, а если и она тоже будетъ укрываться, то за преслушаніе движимое и недвижимое ихъ имѣніе отписать на государя, и людямъ ихъ и крестьянамъ ни въ чемъ ихъ не слушать. Это распоряженіе имѣло свое дѣйствіе: Скобельцынъ явился и въ тотъ же день отправленъ въ Москву съ солдатомъ. Съ нѣкоторыми другими депутатами происходили подобные же эпизоды. Нѣкоторые не хотѣли ѣхать, и укрывались; другихъ нельзя было отыскать. Въ Бѣлгородской губерніи выборы къ сроку не состоялись. Наконецъ, было прислано нѣсколько лицъ, но они были неспособны къ предложенному дѣлу, потому что по осмотру одни оказались глухіе и хромые, а другіе стары и дряхлы. Всѣ они были отправлены обратно, и къ воеводамъ посланы нарочные разсыльщики съ приказаніемъ выслать новыхъ выборныхъ въ самомъ скоромъ времени. Имѣніе одного депутата, не явившагося во-время, было конфисковано. Многіе искали разныхъ предлоговъ отдѣлаться отъ участія въ дѣлѣ «Уложенія». Нѣкоторые воеводы наказаны денежною пенею за недоставленіе въ срокъ депутатовъ. Постоянно

повторяются угрозы власти, что неявившіеся «все конечно штрафованы будутъ, яко преступники указа», и что никакія отговорки ихъ не будутъ приняты въ уваженіе. Съ тѣхъ, которые изъявляли готовность ѣхать, брали подписки «подъ штрафомъ въ скоромъ прибытіи въ Москву». Несмотря на всѣ эти мѣры, въ концѣ ноября вмѣсто ожидаемыхъ 40 депутатовъ прибыло не болѣе 24. Еще разъ повторились предписанія и угрозы конфискованія имѣній не явившихся. Наконецъ, къ началу 1729 года собрались всѣ депутаты. Подробности произведеннаго въ верховномъ тайномъ совѣтѣ осмотра означеннымъ лицамъ неизвѣстны. Только изъ указа 16 мая 1729 года, объявленнаго сенату верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, видно, что всѣхъ этихъ офицеровъ и дворянъ велѣно отпустить по домамъ, а на мѣсто ихъ приказано губернаторамъ выбрать другихъ знатныхъ и добрыхъ людей изъ каждой губерніи по два человѣка, которые къ тому дѣлу, то-есть къ сочиненію «Уложенія», были бы достойны. Изъ этого распоряженія можно, по крайней мѣрѣ, заключить, что высланные въ нынѣшній разъ оказались къ дѣлу неспособными. О дальнѣйшемъ послѣдствіи исполненія по сему послѣднему указу свѣдѣній не найдено.

Также неудачною была попытка созванія законодательнаго собранія, въ концѣ царствованія императрицы Елизаветы, — собранія, состоявшаго изъ депутатовъ дворянства, духовенства и купечества, а также и знаменитая Екатерининская комиссія 1767 года. При всемъ напряженіи силъ нельзя было достигнуть той цѣли, которую имѣлъ въ виду Посошковъ.

—

Таковы были мысли и воззрѣнія Посошкова относительно самыхъ важныхъ вопросовъ, подлежавшихъ рѣшенію въ эпоху преобразованія.

Нельзя считать вѣроятнымъ, чтобы въ Россіи во время Петра было много людей, столь ясно понимавшихъ нужды Россіи и столь горячо относившихся къ ея интересамъ. Не бывъ геніальнымъ человѣкомъ, Посошковъ можетъ считаться чрезвычайно способнымъ представителемъ понятій, болѣе или менѣе сознательно развивавшихся въ народѣ, понятій объ обществѣ и государствѣ, о религіи и хозяйствѣ, объ юридическомъ и нравственномъ бытѣ, о педагогикѣ и о войскѣ и проч. Многіе, безъ сомнѣнія, раздѣляли его мысли, не бывъ однако

въ состояніи высказать оныя въ болѣе или менѣе опредѣленной формѣ. То обстоятельство, что Посошковъ былъ отголоскомъ мнѣній, существовавшихъ въ массѣ народа, придаетъ ему громадное значеніе. Его сочиненія, свидѣтельствующія о значительной степени умственнаго развитія, а также о чрезвычайно сильной нравственной энергіи, могутъ служить самымъ важнымъ матеріаломъ для исторіи общества, общественнаго мнѣнія во время Петра.

Смѣлость, заставлявшая Посошкова писать, писать съ цѣлью этимъ самымъ содѣйствовать кореннымъ реформамъ, съ цѣлью подвинуть впередъ Россію, чтобъ она «яко бы отъ сна пробудилась», объясняется и чувствомъ собственнаго достоинства, сознаніемъ способности помочь власти въ великомъ дѣлѣ преобразованія и безграничною привязанностью къ Петру, желаніемъ добра, любовью къ правдѣ, истинною нравственностью. Не даромъ онъ писалъ: «за благодатіей Божіей у великаго государя есть всякихъ людей разумныхъ. Много нѣмцы насъ умнѣе наукой, а наши остротой по благодати Божіей не хуже ихъ».

Достойно вниманія убѣжденіе Посошкова, что Петръ нуждается въ дѣлѣ преобразованія въ содѣйствіи всѣхъ и каждаго. Онъ пишетъ въ посланіи къ Головину: «аще бо великій государь и великое прилежаніе о ратныхъ дѣлахъ имѣетъ, обаче безъ извѣстія примѣрныхъ статей трудно въ тонкость все познать, понеже человѣкъ есть и сего ради потребно ему, государю, помочь подавать елико кто можетъ, и всякіе примѣры на разсудокъ предъ очи его, государскія, предлагать и о всякомъ дѣлѣ самую истину доносить; а безъ вѣрныхъ помощниковъ трудно ратное дѣло упр вить».

Цѣль Посошкова не была достигнута. Онъ не могъ помочь великому государю. Петръ, встрѣтившись однажды съ Посошковымъ, двадцать лѣтъ до составленія послѣднимъ «Книги о скудости и богатствѣ», вѣроятно, никогда и не узналъ объ обращенной къ нему литературной дѣятельности «мизернаго крестьянина». Трагическій исходъ несчастнаго идеалиста показалъ, что такія явленія, какъ онъ, были преждевременными. Быть можетъ, Петръ самъ, если бы обстоятельства свели его съ Посошковымъ, успѣлъ бы оцѣнить его заслуги. Государственные люди послѣ Петра погубили его, считая «Книгу о скудости и богатствѣ» преступленіемъ, между тѣмъ какъ

литературная дѣятельность Посошкова была высшею добродѣтелью. Чѣмъ менѣе современники знали о Посошковѣ, чѣмъ менѣе они умѣли цѣнить заслуги его, тѣмъ болѣе потомство обязано сознательно цѣнить значеніе публициста-простолюдина, который стремился къ тому, чтобы быть посредникомъ между царемъ и народомъ. *Брикнеръ.*

Реформы въ жизни духовенства, необходимыя по мнѣнію Посошкова.

Не было достаточнаго числа училищъ для приготовленія пастырей Церкви. Въ духовенствѣ встрѣчалась лѣность исправлять церковную службу, невнимательность къ своему званію. Многія духовныя лица оставляли вовсе чтеніе установленныхъ молитвъ или сокращали ихъ. При малочисленности и обширности епархій и при болѣе благопріятныхъ условіяхъ духовенство не могло бы имѣть сильнаго нравственнаго и умственнаго вліянія на массу народа. Отдаленныя страны были часто лишены вовсе епископскаго надзора. Нерѣдко епархіи «вдовствовали», то-есть оставались безъ архипастырей. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ было весьма мало церквей; въ другихъ онѣ были распредѣлены неправильно, несообразно съ мѣстными нуждами и обстоятельствами. Мѣстами встрѣчался излишекъ священниковъ; между ними было много безмѣстныхъ, бродячихъ, недостойныхъ.

Посошковъ на недостатокъ просвѣщенія въ духовенствѣ уже весьма рано обращаетъ вниманіе, какъ видно изъ его письма къ Стефану Яворскому. Онъ пишетъ:

«О семъ ты, государь! извѣстно вѣси, что мы люди малоученые, а отъ настоятелей нашихъ ни о какомъ исправленіи духовномъ ученія на духовности не бываетъ: потому что и самъ онъ ничего не разумѣетъ, да и разумѣть ему не по чему; и самъ онъ отъ отца своего духовнаго тому не наученъ есть, а въ книгахъ нашихъ славянскихъ многихъ нашихъ христіанскихъ нуждъ не напечатано, и все конечно знать имъ не по чему. Толь мы просты, что не токмо бъ кто ученой иновѣрецъ, но хотя бъ самой послѣдній земледѣлецъ иновѣрной о чесомъ вопросилъ насъ москвичъ, то не знаемъ

какъ имъ отповѣди дать; и не до того-ста, но аще и отъ басурманъ кто вопросить насъ, то и имъ отвѣту дать не умѣемъ, а что и станемъ говорить, лишь самимъ себѣ намъ на стыдъ и всему православію на поруганіе; и за то имя наше христіанское вельми во иновѣрныхъ хулится. А наипаче мы, россіяне, носимъ на себѣ зазоръ, понеже ни вѣры своея, какова она есть, ни благочинія духовнаго, ниже естественнаго доброправія, ни гражданства добраго, какъ надлежитъ жить, не разумѣемъ же, но живемъ чуть не подобны безсловеснымъ. И того ради вельми нужно вашей святости о семъ потщатися, дабы намъ дать знать, какъ намъ духовное и естественное, и гражданское благочиніе управлять, наипаче жъ того, какъ намъ Бога знать, и какъ честныя иконы почитать, и какъ душеполезно жить. Я мню, что на Москвѣ развѣ сотой человѣкъ знаетъ, что то есть православная христіанская вѣра, или кто Богъ, или что есть воля Божья, или какъ Ему молитися и какъ молитву приносить, и какъ волю Его творить? Или какъ Пресвятую Богородицу почитать и какъ ангеловъ и угодниковъ Божіихъ чтить, и какъ ихъ въ помощь себѣ призывать, или о ходатайствѣ молить и какъ ангела хранителя, такожде и тезоименнаго святаго какъ чтить и какъ на помощь себѣ призывать, или какъ честныя иконы почитать? А есть ли въ поселянѣхъ посмотришь, то истинно не чаю изъ десяти тысящъ обрѣсти человѣка, ежебы хотя малое что о сицевыхъ вещѣхъ что зналъ».

Посошковъ требуетъ, чтобы были составлены инструкціи священникамъ, какъ спрашивать исповѣдающихся, какъ колеблющихся въ вѣрѣ направлять на истинное благовѣріе, и какое правоученіе читать своимъ прихожанамъ. При этомъ Посошковъ входитъ въ подробности, объясняя, какъ священникъ долженъ обращаться съ бѣдными и убогими, какія онъ долженъ давать наставленія о брачной жизни, о разныхъ добродѣтеляхъ и проч. И тутъ, какъ при другихъ случаяхъ, Посошковъ ожидаетъ успѣха отъ взаимнаго контроля священниковъ, другъ за другомъ наблюдающихъ, отъ бдительнаго надзора священниковъ надъ всѣми своими прихожанами.

Подробнѣе о томъ же предметѣ говорится въ другой запискѣ Посошкова, списокъ которой находится въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ. Обращаясь къ Яворскому, Посошковъ ссылается на свое прежнее посланіе. Онъ пишетъ:

«Се мочно разумѣть, что насадивый древо мзду пріиметъ, а возрастивый его тояжь мзды не лишится, понеже древо аще и добро посажено есть, а не будетъ кто о немъ пецися, то оно овое скривится, овожъ отъ вѣтра повредится, иноежъ участѣетъ множествомъ сучія и отраслей и отъ излишняго извращенія древо повреждается и плодъ свой добрый погубляетъ: аще и вѣра наша вельми подобна древу: аще она и добра суть насаждена обаче отъ неученія наипачежъ пастырскаго вельми она закоростелѣла и нахилила, ово отъ діавола, ово отъ еретическихъ ученій, яко отъ вѣтру сокрушилась, овожъ отъ своего многомыслія недознаннаго участилась и отъ того овіи отвратились въ Моисейскій законъ, овіижъ въ старой неисправной уставъ и держатъ потаенныхъ поповъ, овіижъ ни поповъ, ни иного духовнаго чина при себѣ не имѣютъ, но сами о себѣ мудрствуютъ, иніижъ Христомъ простого человѣка называютъ» и проч. Посошковъ корень злу видитъ въ неученіи священниковъ. Поэтому онъ предлагаетъ дѣйствовать осмотрительно при назначеніи священниковъ. Онъ говоритъ: «Древнее у насъ, государь, въ Россіи обыкновеніе посвящатися въ презвитерство изъ самаго простоумія, и кои главы своея инако прокормити не можетъ, той и тщится въ презвитеры, и у поставленія древне же обычай бывалъ, еже архіереи не разума въ ставленныхъ смотрѣли, но хотя бъ худенко по ученому могъ что пробрести, а не разума или борзостнаго чтенія въ чтеніи. И аще, государь, сего стараго обыкновенія всего не отринуть и порядковъ прежнихъ не измѣнить, то никогда намъ, россіянамъ, добра не видать» и т. д.

Прежде всего, какъ полагаетъ Посошковъ, было бы необходимо составить грамматику славянскаго языка. Онъ сожалѣетъ о чрезмѣрномъ количествѣ буквъ въ славянской азбукѣ, говоритъ о просодіи и замѣчаетъ, что «азбука не законъ», и что не слѣдуетъ обращать чрезмѣрнаго вниманія на принятое правописаніе. Онъ совѣтуетъ распространять такія грамматики въ большомъ числѣ экземпляровъ по дешевой цѣнѣ, чтобы не только священники, но и «всякіе люди» могли покупать такія книжки и «ко ученію поощрялись». «А затѣмъ не худо бы иныя философскія книги кои по грамматикѣ ко ученію книжнаго разума надлежитъ преводъ на славянскій языкъ такожде исправить добрымъ исправленіемъ и устроя напечатать же».

Затѣмъ Посошковъ предлагаетъ учрежденіе высшаго училища для духовнаго просвѣщенія. Онъ пишетъ: «и для россійской славы, наипачежъ ради духовныя пользы, довелось бы въ Россіи состроить академія великая, всѣхъ наукъ исполненная. И въ царствующемъ градѣ Москвѣ состроить бы академію великую, патріаршу и въ нее собрать учителей благочестивыхъ, высокоученыхъ отъ различныхъ странъ, а буде же въ Греціи и въ иныхъ православныхъ странахъ самыхъ высокоученыхъ людей не обрящется, то покужде хотя изъ лютерскія вѣры какова учителя достать, точію управленіе тоя академіи и въ начальствѣ былъ благочестивый христіанинъ и смотрѣлъ бы отъ того накрѣпко, дабы въ ученіе не прозябала какая ересь, и учить бы въ ней всякихъ чиновъ людей туне. Такожде и въ городѣхъ во всѣхъ епархіяхъ построить училища и въ тѣ училища разослать бы тѣ напечатанныя грамматики и изъ московскаго училища учениковъ выбрать добрыхъ, кои къ грамматическому разуму по-словенски научити могли, и повелѣть поповыхъ, діаконовыхъ и дьячковыхъ дѣтей малыхъ и возрастшихъ собрать всѣхъ и учить ихъ грамматическаго разума, а аще кои хотя едину орѳографію выучать, и правописаніе познаютъ, то въ новоисправленныхъ книгахъ могутъ исправленные рѣчи разумѣти, кои право исправлено или кои и неправо: и раскольникамъ упирающимся о новоисправленныхъ рѣчахъ будутъ разсуждать, и мало-по-малу станутъ и раскольники правость въ книгахъ познавать и отъ недознаннаго упорства обращатися будутъ. И не худо бъ грамматическіе школы построить и во обителяхъ нарочитыхъ, а у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ мочно быть и цѣлой академіи, а не то что грамматической одной школѣ и не было бъ безчестія аще бъ и иноки научились книжнаго разума, и не худо бъ и на степени возводить тѣхъ, кто книжный разумъ имѣетъ въ себѣ».

Здѣсь, какъ видимъ, Посошковъ стоитъ на одной почвѣ съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и Петромъ Великимъ. Точь въ точь тѣ же мысли встрѣчаются и въ «Духовномъ Регламентѣ»; въ немъ, напр. сказано объ училищахъ: «извѣстно есть всему міру, каковая скудость и немощь была воинства россійскаго, когда оное не имѣло правильнаго себѣ ученія, и какъ несравненно умножилась сила его и надчаяніе велика и страшна стала, когда державнѣйшій нашъ монархъ, его цар-

ское величество Петръ I, обучилъ оное изрядными регулами. То жъ разумѣть и объ архитектурѣ, и о врачествѣ и о политическомъ правительствѣ и о всѣхъ прочихъ дѣлахъ. И наипаче тое жъ разумѣть объ управленіи церкви: когда нѣтъ свѣта ученія, нельзя быть доброму церкве поведенію, нельзя быть не строенію и многимъ смѣха достойнымъ суевѣріямъ, еще же и раздорамъ и пребезумнымъ ересямъ... наши русскіе раскольники не отъ грубости да и невѣжества толь жестоко возбѣсновалися?... Если посмотримъ чрезъ исторіи, аки чрезъ зрительныя трубки, на мимошедшія вѣки, увидимъ все худшее въ темныхъ, нежели въ свѣтлыхъ ученіемъ временахъ... а то видимъ, что и учились вси древніе наши учители не токмо священнаго писанія, но и внѣшней философіи».

Мы не знаемъ, когда Посошковъ составилъ свою записку о школахъ. Есть основаніе думать, что она была составлена скоро послѣ первой о духовныхъ дѣлахъ вообще, относящейся къ 1704 году. Значитъ, Посошковъ гораздо раньше, чѣмъ Ѳеофанъ и Петръ, развивалъ мысль о необходимости ученія для кандидатовъ для занятія священническихъ мѣстъ. Вотъ нѣкоторыя частности этой записки, во многихъ отношеніяхъ сходныя съ позднѣйшими указами. Онъ пишетъ: «Для совершеннаго отсѣченія прежняго буйства достоитъ предѣлъ положить недвижимый, чтобъ попову и иныхъ церковниковъ дѣти хотя гораздо богати или велми убози, единаче во инъ чинъ кромѣ духовнаго не попущаемы бъ были... и такого ради предѣла, будутъ отцы о ученіи дѣтей своихъ со тщаніемъ пещися, а кои и дѣти въ смыслу будутъ, то тѣ и сами о себѣ радѣть станутъ, такожде естьли и иноковъ неученыхъ во власти не поставлять, то всячески и тіи похотятъ поучитися елико могутъ, дабы дураками не слыть и власти не отбыть. И во всякомъ училищѣ надобно устроить приставниковъ, избравъ изъ иноковъ или изъ церковныхъ причетниковъ; или и отъ простолюдиновъ добрыхъ и разумныхъ и Бога боящихся, и въ писаніи довольныхъ и о всякой пользѣ рачительныхъ, и чтобъ они тѣхъ отрочатъ, учащихся грамматическаго разума, между дѣлъ учили бъ книжному чтенію и всякому благонравію и страху Божію и кругу церковному и егда тіи ученики станутъ книги какія читать, то той бы предводитель ихъ вопрашивалъ чтомаго дѣла отвѣту и толкованія и буде кой чтецъ, а не разумѣетъ, что четъ, и тому бъ онъ

толковалъ, что коя рѣчь въ себѣ содержитъ, овогдажъ бы и доспытацыи отъ святаго писанія между собою они чинили, о той бы у нихъ слушалъ и буде кой прямо разсуждаетъ, того бъ имя памятовалъ и записывалъ въ тетрадь, а кой не можетъ право разсуждать, того бъ наставлялъ; а того бъ предводители накрѣпко звучащимися со вниманіемъ смотрѣли, кто каковъ нравомъ и къ чему склоненъ и буде кой отрокъ будетъ злонравенъ или кощуливъ или сребролюбивъ или гордъ или нахаловатъ или къ пьянству любителенъ или иная какая дурная признака въ немъ явится, иже къ духовному чину не свойственна, и таковыхъ бы отнюдь въ священный чинъ не посвящать, хотя бъ кой былъ и славнаго отца сынъ, и научился крѣпко...» Скорѣе можно, полагаетъ Посошковъ, «посвящать однихъ тѣхъ, кои хотя и не церковничьи дѣти, да кротки и благонравны и ученіе пріяли твердо, и писанія разсуждать могутъ. И това ради искушенія и науки, хотя бъ годъ другой или и больше посвящати въ презвитеры и поизмѣшкать, дондеже въ училищахъ ставленники научатся и во нравѣхъ искусятся».

«Мнѣ, государь, мнится, что подлежитъ и соборною клятвою подтвердить, чтобъ безъ училищнаго свидѣтельства отнюдь въ презвитеры и въ діаконы не посвящать на Москвѣ и въ городѣхъ, и естьли такой указъ у насъ состоится, то никакіе люди мочные о постановленіи негодныхъ ставленниковъ докуку архіереемъ чинить не будутъ, и на грѣхъ ихъ приводить не станутъ, и такъ же и иноковъ неученыхъ и отъ божественнаго писанія слова сказать не умѣющихъ и силы таинства вѣры не разумѣющихъ, на степени правленія духовнаго отнюдь бы не возводить и това ради поведенія и нехотя охоту по ученію имѣть будутъ и учиться съ прилежаніемъ станутъ и всякому благонравію навыкать будутъ» и т. д.

Далѣе Посошковъ предлагаетъ «собрать всѣ ереси съ самаго начала», въ томъ числѣ и «иноякія», и изучить спеціально ихъ сущность и ученіе, и «въ тонкость ихъ изслѣдя напечатать, чтобъ ихъ не то, что пастыри, но и простолюдины бъ знали въ конецъ что въ нихъ пороку»... «Ереси объявя объявить и нашу благочестивую вѣру, на чемъ она утверждается, и учинить ей твердую ограду еже единые диры не оставить, коя бъ неограждена была... такъ ее надлежитъ утвердить, что не то что благочестивому христіанину въ чемъ усумниться и

поколебатися, но еже бъ ни самый высокоученый еретикъ могъ его чѣмъ повредить или пороковать, а естьли бъ кто врагъ христіанскій и поблазнилъ бы чѣмъ инъ всякой бы священникъ отповѣдь имъ дать и уста ихъ хульныя заградить могъ».

Другое требованіе заключается въ томъ, чтобы «всякой ставленникъ зналъ то, какъ ему стадо свое духовное пасти и отъ волковъ пагубныхъ блюсти и ко спасенію наставлять и свою душу не потерять. И поставя во священный чинъ, отдавать тѣхъ новопоставленныхъ старымъ мѣстнымъ священникамъ, и велѣть имъ учить накрѣпко всякаго священнодѣйствія, а докихъ мѣстъ всѣхъ дѣйствій не научится и до тѣхъ мѣстъ отнюдь попрежнему изъ подначала новопоставленныхъ поповъ или діаконовъ не отпущать».

Подобныя же требованія встрѣчаются и въ «Духовномъ Регламентѣ»: «проповѣдника въ Духовномъ Коллегіумѣ испытать какъ искусенъ въ священномъ писаніи, и слово бы сказалъ о томъ, о чемъ ему повелитъ Коллегіумъ, и если искусенъ покажется, то дать ему свидѣтельство, что аще похощетъ быть въ чину священническомъ, мощно ему проповѣдать».

«Хорошо, государь», продолжаетъ Посошковъ, «такъ священный чинъ управить, чтобъ они были отъ мірскихъ людей вовсе отмѣнны, не то что однимъ платьемъ, но и во всякомъ пребываніи, чтобъ хожденіе ихъ было тихостно и ступаніе кротко, взоръ тихъ и слово гладко и умилительно, и аще тако научатся всякой благой поступкѣ, то будетъ ихъ не то что зрячіе, но и слѣпые за отмѣну ихъ познавать будутъ; такожде надобно имѣть и всѣмъ церковникамъ тихость и смиреніе во всякой поступкѣ, а отъ пьянства весьма всп церковнаго причта удалялись» и т. д.

Посошковъ замѣчаетъ, что если въ Россіи будетъ такое духовенство, и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи высоко стоящее, то «Россія наша яко отъ сна пробудится и просвѣтится яко солнце».

Нѣкоторыя мысли, изложенныя въ этой запискѣ, Посошковъ повторилъ впослѣдствіи въ своей «Книгѣ о скудости и богатствѣ».

И тутъ Посошковъ является обличителемъ. Онъ замѣчаетъ, между прочимъ: «наши пастыри въ книжномъ ученіи и разумѣніи не весьма довольны; и сего не вѣмъ, чего ради тако дѣется, токмо мню, аще и страшно ми изрещи, дабы архіе-

рейская клятва на мя не пала, а наипаче не вѣмъ, како ми восписати, понеже азъ призываю, еже отъ оплошки архіерейскія тако чинится: понеже полагаются на служебниковъ своихъ впоставленіи по повѣтѣмъ; тіи бо пріимутъ отъ новоставленника дары, и затвердятъ ему во псалтыри псалмы два, три и передъ архіереемъ заставятъ то твержемое читати, а той ставленникъ ясно и внятно и поспѣшно пробѣжитъ, а архіереи, того не вѣдая ухищреннаго подлога, посвящаютъ въ презвитеры, и отъ такого порядка у иныхъ и грамота плоха». Затѣмъ слѣдуютъ нѣкоторыя замѣчанія о необходимости строгихъ и тщательно производимыхъ экзаменовъ.

Глава «о духовности» представляетъ религіозный бытъ Россіи въ самомъ неутѣшительномъ видѣ. Посошковъ говоритъ, что отъ неученія священниковъ большая часть народа «склонилась въ погибельный путь, въ древнемъ же благочестіи уже малая часть остается, ибо въ великомъ Новѣгородѣ едва и сотая часть обрящется ли древняго благочестія держащихся». Тутъ онъ сильно жалуется на «презвитеровъ», которые не только «не пекутся о томъ, еже бы отъ погибели ихъ отвратити», но и потакаютъ имъ, и того ради церкви вcѣ уже запустѣли и тако было до нынѣшняго 723 года въ церквахъ пусто, что и въ недѣльный день человѣкъ двухъ-трехъ настоящихъ прихожанъ не обрѣталося. А нынѣ архіерейскимъ указомъ, слава Богу, мало-по-малу начинаютъ ходить ко святой церкви. Гдѣ бывало человѣка по два три въ церкви, а нынѣ и десятка по два-три бываетъ по воскреснымъ днямъ, а въ большіе праздники бываетъ и больше, и то страха ради, а не ради истиннаго обращенія. И впредь аще подкрѣпленія не будетъ, то вси попрежнему ходить по церквамъ не будутъ: вельми бо въ нихъ вкоренилась раскольницкая ересь».

«Вся сія гибель», продолжаетъ Посошковъ, «чинится отъ презвитеровъ».

Предложенія Посошкова въ «Книгѣ о скудости и богатствѣ» о принятіи мѣръ для воспитанія и приготовленія священниковъ въ значительной долѣ заключаютъ въ себѣ лишь повтореніе сказаннаго имъ въ вышеупомянутой запискѣ. И тутъ говорится о грамматикѣ и о филологическомъ образованіи священниковъ. При этомъ случаѣ Посошковъ оказывается строгимъ рецензентомъ, замѣчая: «нынѣ есть напечатано въ Москвѣ тысячъ пять, шесть грамматикъ, да Богъ вѣсть какія, на пе-

чатномъ дворѣ командиры напечатали ее толь просто, что безъ учителя и орѳографіи не можно растолковати и научитися, чтобы по ней православіе разумѣть. Къ тому жъ еще и бумагу положили самую плохую, коя никуда кромѣ черныхъ писемъ по нуждѣ, что развѣ на такой бумагѣ календари печатать, потому что они на одинъ только годъ печатаются, а грамматика дѣло высокое и прочное: и того ради и печатать ее надлежитъ на самой доброй бумагѣ, чтобы она прочна была».

Предлагая устраивать школы, Посошковъ требуетъ, чтобы «которые отцы добромъ дѣтей въ школы отпустить не похотятъ, то брать бы ихъ и неволею и учить грамматикѣ и всякаго книжнаго разума». Затѣмъ говорится о разныхъ предметахъ, въ которыхъ должны обучаться лица, желающія посвятить себя духовной карьерѣ: сюда относятся, кромѣ грамматики, и риторика и философія. Посошковъ считаетъ только начало всего этого дѣломъ труднымъ, «а тамо будетъ оно уже и само нравиться, понеже ученіе грамматическое и прочихъ наукъ умнымъ и острымъ людемъ вельми охотно и любезно бываетъ».

Довольно подробно Посошковъ объясняетъ, каково должно быть содержаніе книгъ, учебниковъ, для справокъ «о священнодѣйствіи», изданій, которыя должны быть доступны и простолюдинамъ по ясности изложенія. Онъ желаетъ принятія мѣръ для распространенія въ народѣ цѣлыхъ библіотекъ церковныхъ книгъ, библій, маргаритовъ, соборниковъ, евангеліевъ толковыхъ и апостольскихъ бесѣдъ, четіихъ-миней и прочее. Особенно же онъ желаетъ распространенія сочиненія Стефана Яворскаго «Камень вѣры», «Розыска» Димитрія Ростовскаго, его «Зерцала» и Питиримовской «Пращицы».

Соображенія Посошкова о техникѣ обученія школьниковъ походятъ на мысли, высказанныя имъ въ прежней запискѣ, а также на относящіяся къ этому предмету правила «Духовнаго Регламента». Способныхъ и прилежныхъ онъ предлагаетъ поощрять всячески. Далѣе онъ ссылается на свое «Отеческое Завѣщаніе», въ которомъ говорилось подробно объ обязанностяхъ священниковъ и о правилахъ, по которымъ слѣдовало, по его мнѣнію, подвергать испытанію желающихъ посвящать себя духовному поприщу.

Говоря объ обязанностяхъ презвитеровъ, Посошковъ требуетъ, между прочимъ, чтобъ они почаще посѣщали своихъ

духовныхъ дѣтей, буде возможно, не менѣе одного раза въ мѣсяцъ. «И въ тѣхъ посѣщеніяхъ отнюдь бы ничему не касался и вина бы не пилъ, что онъ ради надзиранія духовныя паствы ходитъ, а не ради потребы и чтобъ тѣ презвитеры уподобились святымъ апостоламъ: туне бы ихъ посѣщали и на спасеніе наставляли». Посошковъ желаетъ, чтобы духовныя лица занимались дома чтеніемъ и сочиненіемъ книгъ: отъ степени добросовѣстности пресвитеровъ, полагаетъ онъ, главнымъ образомъ, зависитъ «погибель и спасеніе» народа. «Нынѣшняя паства», замѣчаетъ онъ, «вельми неисправна». Онъ не понимаетъ, какъ пресвитеры не чувствуютъ лежащей на нихъ тяжелой предъ Богомъ отвѣтственности.

Всѣ эти соображенія встрѣчаются и въ указахъ правительства. Въ 1716 году были разосланы «копіи съ обѣщанія, чинимаго архіереями при поставленіи ихъ въ сей чинъ». Тутъ они обязывались посѣщать ввѣренную имъ паству два или три раза въ годъ и посѣщать не ради лихоиманія и чести, но апостольски и во Господѣ, и проч.»

Наконецъ, Посошковъ затрогиваетъ въ главѣ «о духовности» еще весьма важный вопросъ, относящійся къ экономическому состоянію священниковъ. Онъ пишетъ: «И аще уставлено будетъ еже попамъ сельскимъ и причетникамъ ихъ пашни попрежнему не пахать и сѣна не косить, но пещися имъ токмо о церковной службѣ, да о паствѣ духовной, а вмѣсто пашни давать имъ, дворянамъ и крестьянамъ, кои у нихъ въ приходѣ, отъ своего приплоду десятая доля, то презвитерамъ въ той же исповѣди и дѣтей своихъ духовныхъ твердо подтверждати, чтобы неизмѣнно отъ всякаго приплоду, колико себѣ отложатъ на пищу, то безъ утайки и жалѣнія отдѣлили бы десятую долю какъ изъ хлѣба, такъ изъ мяса и изъ яицъ и съ прочаго харчу, и отсылали бы въ церкви на пищу презвитерамъ съ причетники и нищимъ, кои при церкви живутъ»... «О семъ я не извѣстенъ, какъ дѣется въ прочихъ земляхъ, чѣмъ питаются сельскіе попы, а о семъ весьма извѣстенъ, что у насъ въ Россіи сельскіе попы питаются своею работою, и ни чѣмъ они отъ пахатныхъ мужиковъ не отмѣнны; мужикъ за соху и попъ за соху, мужикъ за косу и попъ за косу, а церковь святая и духовная паства остается въ сторонѣ. И отъ такова ихъ земледѣлія многіе христіане помираютъ не только не сподобившіеся пріятія тѣла Христова,

но и покаянія лишаются, и умираютъ яко скотъ. И сie, како бы исправити, не вѣмъ: жалованья государева имъ нѣтъ, отъ міру никакого подаянія имъ нѣтъ же и чѣмъ имъ питатися, Богъ вѣсть. А я мнѣніе свое предлагаю сицевое: аще возможно учинить тако, чтобы прихожанъ всѣхъ у всякія церкви одесятствовать, чтобъ отъ всякія своея пищи отдѣляли церковникамъ десятину или двадцатину, какъ о семъ царское и архіерейское произыдетъ изволеніе, то бы таковымъ порядкомъ были сыты и безъ пашни. А и правильно имъ безъ пашни быть: понеже они слуги есть Божіи, и подобаетъ имъ по Господню словеси питатися отъ церкви, а не отъ земледѣлія. А аще презвитеру землю пахать, то церкви святой будетъ солгать, и паства своя истерять. Презвитеру не токмо земли пахать, но и торгомъ ему никаковымъ не подобаетъ торговать, а мастерства ему художественнаго дѣлать не надлежитъ, дабы и отъ того помѣшательства церковной службѣ и паствѣ духовной не чинилось... У насъ сельскіе попы... самые люди простые: взрастетъ онъ въ деревнѣ, деревенскія дѣла и смышляетъ. А что Богъ взыщетъ всякія погибшія души на нихъ, того не смышляютъ, и коль у Бога душа человѣческа велика ничего того не знаютъ... и ради земледѣльства поповскаго стоятъ Божіи церкви, яко пустыя храмины безъ славословія Божія... и въ праздничный день, гдѣ было итти въ церковь на славословіе Божіе, а попъ съ мужиками пойдетъ овины сушить, и гдѣ было обѣдню служить, а попъ съ причетники хлѣбъ молотить, и въ таковыхъ суетахъ живуще, не токмо стадо Христово пасти, но и себя не упасти» и проч.

Посошковъ предлагаетъ земли, которыми владѣли попы, отдавать внаемъ и «тѣми деньгами строить церковное строеніе и нищимъ больницы». На содержаніе больницамъ и богадѣльнямъ, какъ полагаетъ Посошковъ, можно бы употребить тѣ припасы, которые послѣ обезпеченія поповъ и причетниковъ останутся отъ предлагаемой имъ десятой или двадцатой доли всѣхъ припасовъ.

Изъ всего этого видно, что Посошковъ предлагалъ относительно духовенства весьма важныя реформы, какія имѣло въ виду и само правительство. Соображенія Посошкова убѣждаютъ насъ, что онъ былъ весьма близко знакомъ со всѣми недостатками быта духовенства. Онъ рисуетъ намъ весьма мрачную картину этой стороны общественнаго строя въ Россіи.

Если вспомнить, сколь высокаго мнѣнія онъ былъ о духовенствѣ вообще, объ авторитетѣ и о власти священниковъ, нельзя не удивляться той смѣлости, съ которою онъ подвергаетъ своей строгой критикѣ священниковъ. Ему самому казалось дерзкимъ отваживаться на столь рѣзкіе отзывы о тѣхъ лицахъ, которымъ, какъ онъ самъ говорилъ, Богъ вручилъ ключи царства небеснаго и безъ которыхъ поэтому нельзя войти въ оное. Онъ замѣчаетъ однажды, порицая священниковъ за то, что они недостаточно пекутся о душевномъ благѣ своихъ прихожанъ: «аще сія моя изреченія возпещуетъ кто яко бы азъ написалъ сіе на осужденіе и на поруганіе пресвитерамъ и о семъ Богъ есть свидѣтель, что не поруганія ради написалъ сія, но ради исправленія, и самъ не безъ страха, что въ такое дѣло великое вступилъ, обаче буди Божія воля: Онъ вся вѣсть, чего ради тако дерзнухъ».

Мнѣнія Посошкова о церковномъ бытѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ взглядамъ просвѣщенныхъ и замѣчательныхъ дѣятелей того времени на этомъ поприщѣ. Отзывы «мизернаго крестьянина», фабриканта и купца Посошкова согласны со строгой критикой знаменитаго и высоко стоявшаго архимандрита Θеодосія, ученаго и остроумнаго Θеофана Прокоповича, самого Петра. Мы знаемъ изъ множества узаконеній и предписаній правительства, изъ «Духовнаго Регламента», изъ переписки царя съ Курбатовымъ, Питиримомъ и проч., что лучшіе люди того времени думали о реформахъ относительно духовенства въ томъ самомъ духѣ, какъ мечталъ о нихъ Посошковъ. Мѣткость и справедливость сужденій Посошкова на этотъ счетъ достойны вниманія особенно потому, что въ области догматики, въ вопросахъ о терпимости, о религіозномъ просвѣщеніи Посошковъ былъ ограниченнымъ, отсталымъ представителемъ домостроевскихъ понятій въ противоположность къ болѣе свѣтлымъ взглядамъ Петра и Θеофана. Но крайній консерваторъ въ области теоріи, Посошковъ порицалъ невѣжество въ духовномъ сословіи почти столь же строго, какъ дѣлали это иностранцы, напр., Маржере, Коллинсъ, Олеарій. Перри, Фоккеродтъ и др. Оставаясь, съ одной стороны, вѣрнымъ преданіямъ прежнихъ вѣковъ, Посошковъ, съ другой стороны, сознавалъ необходимость коренныхъ преобразованій въ области просвѣщенія духовныхъ лицъ и въ церковной администраціи. Не касаясь нѣкоторыхъ важнѣйшихъ сюда

относящихся вопросовъ, напр., отмѣны патріаршества, учрежденія Синода, онъ и тутъ былъ во многомъ единомышленникомъ Петра. *Брикнеръ.*

Ученые труды Татищева.

В. Н. Татищевъ (родился 19 апрѣля 1686 года, умеръ 15 іюля 1750 года) былъ однимъ изъ выразителей тѣхъ стремленій, какими жила Россія въ XVII и первой половинѣ XVIII вѣковъ, и однимъ изъ участниковъ въ разъясненіи и обсужденіи тѣхъ задачъ, около которыхъ вращались политическая и правительственная дѣятельность современнаго ему общества. Татищевъ началъ службу въ драгунскомъ Азовскомъ полку, былъ потомъ артиллеристомъ, горнымъ чиновникомъ, совѣтникомъ бергъ-коллегіи и монетной конторы, главнымъ правителемъ сибирскихъ и уральскихъ заводовъ, начальникомъ оренбургской экспедиціи и башкирскаго края и, наконецъ, астраханскимъ губернаторомъ, управлявшимъ въ то же время и дѣлами калмыцкаго народа. Вотъ рамка, въ которую укладывалась служебная дѣятельность Татищева и въ предѣлахъ которой видоизмѣнялись и постепенно расширялись его офиціальныя права и обязанности. Въ качествѣ военнаго человѣка онъ участвовалъ въ великой Сѣверной войнѣ, передавшей Россіи обладаніе берегами Балтійскаго моря, чего добивались московскіе цари еще со временъ Ивана Грознаго. Онъ сражался въ Полтавской битвѣ, давшей рѣшительный поворотъ Сѣверной войнѣ, и потомъ исполнялъ важныя порученія при русскихъ войскахъ, дѣйствовавшихъ противъ шведовъ за границей. Къ Петровскому же времени относится и первое вмѣшательство Россіи во внутреннія дѣла польской Рѣчи Посполитой, основывавшееся на томъ, что Петръ явился посредникомъ, закрѣпившимъ договоръ, заключенный въ 1716 году между королемъ Августомъ II и польской шляхтой: Татищевъ именно около этого времени дважды побывалъ въ Польшѣ и, ознакомившись съ ея тогдашнимъ устройствомъ, нашелъ нужнымъ заняться и ея прошлою исторіей. Онъ участвовалъ и въ той войнѣ съ турками, которою началось покровительство Россіи христіанамъ Балканскаго полуострова, а на склонѣ жизни своей руководилъ пограничными сношеніями

съ кавказскими горцами и охранялъ русскія владѣнія въ Прикавказьѣ и русскую торговлю на берегахъ Каспійскаго моря отъ замысловъ персидскаго шаха Надира. Наконецъ, большого труда и многихъ заботъ потребовали отъ него усмиреніе башкирскаго мятежа, управленіе калмыками, поселеніе принявшихъ между ними православіе въ построенномъ для нихъ Ставрополѣ на Волгѣ, переговоры и торговыя сношенія съ киргизами, а также столкновенія съ бухарцами, хивинцами и туркменами. Такимъ образомъ на глазахъ Татищева завязались тѣ вопросы внѣшней политики, которые характеризуютъ исторію Россіи за послѣдніе два вѣка: вопросъ о преобладаніи ея на сѣверѣ Европы, вопросы польскій и восточный и колонизаціонное движеніе русскаго народа въ Среднюю Азію. Но вся эта дѣятельность, обращенная на задачи, входившія въ кругъ внѣшней политики Россіи, равно какъ и дѣятельность административная, не выдвинула бы Татищева впередъ изъ ряда другихъ сотрудниковъ и учениковъ Петра, если бы онъ не представлялъ собою примѣръ правителя, изучившаго ввѣренныя имъ области съ ихъ населеніемъ во всѣхъ ихъ настоящихъ нуждахъ и прошлой жизни, старавшагося узнать поручаемыя ему дѣла не только съ практической ихъ стороны, но и съ точки зрѣнія исторической и юридической. Татищевъ на всѣхъ ступеняхъ своего служебнаго положенія былъ изслѣдователемъ, стремившимся уяснить себѣ происхожденіе подлежавшихъ его управленію дѣлъ для того, чтобы, овладѣвъ ими вполнѣ, стать потомъ распорядителемъ ихъ дальнѣйшей судьбы. Въ Татищевѣ всегда соединялся администраторъ съ ученымъ человѣкомъ, и этимъ онъ обязанъ былъ не только своимъ личнымъ дарованіямъ и наклонностямъ, но и характеру Петровской реформы. Путемъ самообразованія Татищевъ достигъ значительныхъ для своего времени познаній въ разныхъ отрасляхъ науки, но на первыхъ порахъ средства къ пріобрѣтенію ихъ даны были Петромъ, три раза посылавшимъ его за границу; а въ самомъ направленіи, которое приняли его ученыя занятія, отразились совѣты и указанія тѣхъ административныхъ и ученыхъ дѣятелей, съ коими онъ встрѣчался въ первой половинѣ своей жизни. Его свѣдѣнія имѣли почти энциклопедическій характеръ, но обращены были, преимущественно, на изученіе Россіи и ея населенія въ ихъ прошломъ и настоящемъ.

Изученіе русской исторіи и географіи могло итти въ началѣ XVIII столѣтія только одновременно, помогая взаимно другъ другу; работы Татищева и происходили въ такомъ направленіи, но для нихъ нужны были образцы и руководства.

Еще древняя Русь, столь любившая лѣтописное дѣло, была охотницей до чтенія географическихъ сочиненій. Существовало нѣсколько переводовъ, такъ называемыхъ космографій, сирѣчь всемірнаго описанія земель. Въ большихъ лѣтописныхъ сборникахъ и хронографахъ XVII вѣка встрѣчались отрывки географическаго содержанія и описанія отдѣльныхъ государствъ. Въ началѣ XVIII вѣка явился переводъ сочиненія Филиппа Клювера, знатока многихъ языковъ, жившаго въ молодости въ Польшѣ и потомъ издавшаго въ 1629 году «Introductio in universam geographiam tam veterem, quam novam». Несмотря на свое скромное заглавіе, это «введеніе во всю географію новую и древнюю» состояло изъ шести томовъ. Оно было первымъ географическимъ учебникомъ въ рукахъ образованныхъ русскихъ людей XVIII вѣка. Его зналъ и Татищевъ. Но главными для него пособіями по географической части были: лексиконъ Мартиньера въ нѣмецкомъ переводѣ Гейнсіуса и два руководства по общей географіи Бернарда Варенія и Іоганна Гибнера, пользовавшіяся большою извѣстностью въ то время и переведенныя при Петрѣ на русскій языкъ. Знаменитый авторъ «Космоса», Александръ фонъ Гумбольдтъ, считалъ «Генеральную Географію» Варенія замѣчательнымъ явленіемъ въ географической литературѣ. «Варенію, — говоритъ онъ въ своемъ «Космосѣ», — принадлежитъ неувядаемая слава за то, что онъ, исполненіемъ опыта всеобщей и сравнительной географіи, сильно привлекъ на эту науку вниманіе Ньютона; но при несовершенствѣ вспомогательныхъ наукъ, изъ которыхъ черпалъ Вареній, самая обработка не могла отвѣчать величію его предпріятія». Несмотря на эти недостатки, Гумбольдтъ называетъ книгу Варенія въ высшей степени важною; ибо, заключая въ себѣ физическое землеописаніе, она обнимаетъ въ общемъ и частью въ сравнительномъ очеркѣ всѣ теллурическія явленія, а касаясь народовъ, населяющихъ землю, предлагаетъ о нихъ такія подробности, которыя въ наше время составляютъ задачу этнографіи. Насколько географія обязана своими успѣхами Варенію, на это, между прочимъ, не разъ указываетъ въ своихъ сочиненіяхъ и

авторъ многотомной «Nouvelle Géographie universelle» Элизэ Реклю, замѣтившій, что Вареній съ успѣхомъ опровергъ Декартовское объясненіе приливовъ и отливовъ давленіемъ луны на атмосферу и первый описалъ гольфштремъ, хотя и не привелъ его названія. Книга Варенія представляла собою весьма объемистое сочиненіе (въ русскомъ переводѣ 1718 г. 647 страницъ, не считая чертежей и рисунковъ), и по изложенію своему требовала отъ читателя значительныхъ свѣдѣній въ математическихъ и физическихъ наукахъ, а также въ политической и культурной исторіи. Нѣтъ сомнѣнія, что сочиненіе Варенія принесло большую пользу Татищеву: оно давало ему въ руки богатый запасъ ученымъ образомъ изложенныхъ географическихъ свѣдѣній и знакомило съ теоретическими взглядами того времени на различные географическіе вопросы и съ пріемами ихъ изученія. Что касается «Краткаго описанія земноводнаго круга» Гибнера, изложеннаго въ вопросахъ и отвѣтахъ, то слѣдуетъ замѣтить, что оно богато было собственными именами: его номенклатура настолько обильна, что могла удовлетворять всѣмъ такого рода справкамъ, и, дѣйствительно, Татищевъ цитуетъ книгу Гибнера не однажды. Кромѣ того, Татищевъ имѣлъ подъ руками до двадцати описаній путешествій, совершонныхъ въ XVII и отчасти въ XVIII вѣкахъ по разнымъ странамъ свѣта и отчасти по Россіи, изъ коихъ черпалъ фактическія свѣдѣнія по землевѣдѣнію. Въ 43-й главѣ перваго тома своей «Исторіи Россійской» Татищевъ изложилъ усвоенныя имъ изъ тогдашней ученой литературы понятія о географіи и ея отношеніяхъ къ математикѣ, астрономіи и физикѣ: здѣсь онъ, между прочимъ, говоритъ, что занимающійся географіей хотя и не обязанъ производить самостоятельныя исчисленія въ области сферической тригонометріи и астрономическія наблюденія, но долженъ быть знакомъ съ ними, чтобы понимать математическую сторону земныхъ явленій; точно такъ же ему надо быть знакомымъ съ физикой, въ примѣръ чего приводилъ предисловіе къ географіи Христіана Вольфа. Упомянувъ затѣмъ о связи географіи съ исторіей, онъ останавливаетъ особое вниманіе на картографическихъ работахъ, произведенныхъ французской Академіей, и на такихъ же работахъ въ Швеціи, начатыхъ по повелѣнію Карла XI и поддержанныхъ государственнымъ сеймомъ, не пожалѣвшимъ на то никакихъ издержекъ.

Между тѣмъ географическими картами не только древняя Россія, но и первые годы царствованія Петра были не богаты. Петръ обратилъ вниманіе на эту часть только послѣ 1717 года, когда, ознакомившись съ членами французской Академіи Наукъ, онъ сталъ думать о составленіи картъ русскихъ земель и морей, и началъ съ Каспійскаго моря. Въ 1721 году, по его приказанію, разосланы были 30 учениковъ Морской Академіи въ разныя губерніи и провинціи въ званіи геодезистовъ для измѣренія земель, сниманія картъ и описанія внутреннихъ странъ Россіи. За сводъ этихъ частныхъ картъ въ генеральную взялся было извѣстный собиратель статистическихъ свѣдѣній о Россіи за то время, предшественникъ Татищева по управленію Оренбургскимъ краемъ, оберъ-секретарь сената Кирилловъ; но ему недоставало математическихъ познаній для составленія генеральнаго атласа Россіи, хотя онъ и сталъ издавать первый русскій атласъ подъ латинскимъ заглавіемъ. Въ то же время мысль о составленіи генеральной карты Россійской имперіи возбуждена была и въ Академіи Наукъ Іосифомъ Делилемъ де ла Круа: Татищевъ, думавшій о составленіи русской географіи еще со временъ своего знакомства съ Брюсомъ, долженъ былъ, такъ или иначе, примкнуть къ предпріятію, о которомъ заботились въ Петербургѣ. Онъ воспользовался разсылкою геодезистовъ по разнымъ краямъ Россіи для составленія мѣстныхъ картъ и въ 1735 году составилъ сборникъ краткихъ вопросовъ географическаго, статистическаго и этнографическаго содержанія (числомъ 81), который и былъ разосланъ по сибирскимъ канцеляріямъ, но на который не получено было удовлетворительныхъ отвѣтовъ: «многіе по тѣмъ пунктамъ отвѣтствовали не въ надлежащей силѣ, знатно, что отъ краткости тѣхъ пунктовъ погрѣшили». Послѣ этой неудачи, имѣя въ своемъ распоряженіи геодезистовъ для производства съемокъ и черченія картъ и убѣдившись, что имъ нужны точныя инструкціи, Татищевъ обратился въ Академію Наукъ 16 октября 1737 года, прося ее о составленіи такой инструкціи, чтобы геодезисты были въ состояніи не только хорошо наблюдать широту и долготу мѣстъ, но производить измѣреніе земель, а въ особенности чертить географическія карты. Делиль и Эйлеръ составили просимую инструкцію. Татищевъ съ своей стороны присоединилъ къ ней подробную программу по описательной географіи и этнографіи (198 вопросовъ). Къ первой

онъ отнесъ и историческія свѣдѣнія о древнихъ и новыхъ названіяхъ земель и урочищъ и о времени перехода ихъ подъ русское владычество; для этого совѣтовалъ онъ привести въ порядокъ всѣ мѣстные архивы и описать ихъ. На ряду съ подробными запросами чисто географическаго свойства онъ постановилъ и нѣсколько археологическихъ, совѣтуя распространять между мѣстными обывателями увѣренность, что за сохраненіе и находку древностей будетъ даваемо вознагражденіе. Свѣдѣнія о бытѣ, о правахъ, обычаяхъ и обрядахъ инородцевъ онъ совѣтовалъ собирать ласкою и разспросами многихъ людей, а не одного какого-либо человѣка. Въ это же самое время, отчасти чрезъ геодезистовъ, отчасти чрезъ губернскія и провинціальныя канцеляріи, отчасти, наконецъ, чрезъ своихъ сослуживцевъ и знакомыхъ, Татищевъ собралъ цѣлые сборники выписокъ изъ различныхъ архивовъ, такъ что въ описаніяхъ его библіотекъ встрѣчаются такія указанія: архива казанская, астраханская, томская, тарская; были также, рукописные сборники свѣдѣній о разныхъ губерніяхъ: архангельской, бѣлгородской, нижегородской, казанской, астраханской и сибирской, что, при существовавшемъ тогда дѣленіи Россіи, обнимало бóльшую часть ея.

Вообще, со времени пребыванія въ Оренбургскомъ краѣ Татищевъ посылаетъ въ Академію Наукъ образцы своихъ географическихъ работъ и нерѣдко сообщаетъ или въ письмахъ къ президенту, барону Корфу, и библіотекарю Шумахеру, или прямо въ промеморіяхъ на имя Академіи о различныхъ естественно-историческихъ рѣдкостяхъ и новостяхъ, а также и о своихъ занятіяхъ. Этимъ путемъ дошли до насъ: 1) «Замѣчанія» Татищева на донесеніе геодезиста Шишкова, который былъ посылаемъ имъ въ томскій и кузнецкій горныи округи для описанія рудныхъ мѣстъ и сочиненія обстоятельныхъ имъ ландкартъ; 2) «Отрывокъ» изъ собственноручныхъ записокъ Татищева «о живущихъ въ Сибири народахъ», частью заимствованныхъ изъ извѣстныхъ тогда книгъ: «Статъ сибирскій», путешествіе *Ланга* и описаніе сѣверо-восточныхъ частей Европы и Азіи *Страленберга*; 3) нѣсколько главъ изъ «Сибирской географіи» онъ послалъ въ 1736 году въ Академію Наукъ, и 4) обширныя «примѣчанія на книгу Страленберга», переданныя также въ Академію. Послѣднія заслуживаютъ, чтобъ мы остановили на нихъ свое вниманіе. Отозвавшись съ похвалой

о задачѣ, которую имѣлъ предъ собою Страленбергъ, и отчасти объ исполненіи ея, которымъ, по мнѣнію Татищева, онъ во многихъ обстоятельствахъ свѣта окно отворилъ, нашъ историкъ соглашается съ авторомъ, что знаніе восточныхъ языковъ, а въ томъ числѣ и сибирскихъ, можетъ объяснить многое въ вопросѣ о происхожденіи народовъ, и, одобряя нѣкоторые изъ его выводовъ, предлагаетъ 147 поправокъ неправильнаго написанія русскихъ названій въ сочиненіи Страленберга латинскими письменами. Затѣмъ онъ дѣлаетъ 225 замѣчаній на неправильное изложеніе или освѣщеніе разныхъ событій. Наконецъ, около того же времени Татищевъ выслалъ въ Академію Наукъ 13 картъ разныхъ мѣстностей Уфимскаго, Оренбургскаго, Пермскаго и Тобольскаго краевъ.

Когда Академіей былъ изданъ «Россійскій атласъ», то Шумахеръ, препроводивъ экземпляръ его Татищеву въ Астрахань, спрашивалъ мнѣнія объ этомъ атласѣ, а чрезъ годъ писалъ о томъ же Татищеву и президентъ Академіи, графъ Разумовскій. Татищевъ отвѣчалъ Шумахеру, между прочимъ: «весьма радуюся, что академическій трудъ въ россійской географіи такъ далеко произошелъ, что мы до полученія совершенныхъ провинціальныхъ и уѣздныхъ картъ сами довольствоваться съ пользою можемъ и трудившихся въ томъ всякъ благодарить причину имѣетъ». Но такъ какъ никакое дѣло не можетъ быть совершенно при его начинаніи, то Татищевъ и сообщаетъ свои замѣчанія на атласъ. Прежде всего онъ несогласенъ съ мыслью, высказанною въ предисловіи къ атласу: «яко бы у насъ о географіи прилежанія прежде не было; оное ошибка», говоритъ Татищевъ; «извольте посмотрѣть въ моемъ предъизвѣщеніи (въ Исторіи Россійской), которое списавъ въ запасъ, если прежнее не отыщется, при семъ посылаю». Далѣе онъ замѣчаетъ, что многіе рѣки, озера, острова и горы, весьма извѣстные по своимъ именамъ, не подписаны въ атласѣ, либо по винѣ геодезистовъ, либо при передѣлкѣ Кирилловымъ: для пополненія этихъ пропусковъ Татищевъ посылалъ въ Академію книгу «Большой Чертежъ», исправленную имъ самимъ по многимъ спискамъ и мѣстами снабженную примѣчаніями, прося Академію напечатать ее. Указывая на нѣкоторыя погрѣшности въ опредѣленіи границъ Кіевской губерніи съ Турціей и Астраханской съ Персіей, Татищевъ обѣщалъ выслать составляемую въ Астрахани подъ его руководствомъ карту

мѣстности отъ Яика къ Эмбѣ и далѣе до Мангышлака, и жалѣлъ, что Академія не прислала никакихъ замѣчаній на отправленныя къ ней прежде сообщенія: о прибыли и убыли воды въ Каспійскомъ морѣ въ тридцатилѣтній періодъ и о положеніи астраханскихъ буеровъ отъ запада къ востоку, какъ изображено было въ отправленномъ въ Академію чертежѣ. Далѣе онъ извѣщалъ, что ожидаетъ выписанный для него изъ Англіи квадрантъ, при помощи котораго надѣялся опредѣлить подлинную широту, а при случаѣ луннаго затменія и долготу Астрахани. Въ письмѣ къ Разумовскому, отправленномъ уже изъ села Болдина, гдѣ Татищеву пришлось провести послѣдніе годы жизни, указаны были изъ недостатковъ атласа отсутствіе на немъ нѣкоторыхъ изъ весьма извѣстныхъ населенныхъ мѣстъ. Но главное замѣчаніе касается того, что для отдѣльныхъ картъ атласа не выбрано какого-нибудь одного основанія. При этомъ Татищевъ посылалъ Разумовскому нѣсколько новыхъ сочиненій о народахъ, обитавшихъ въ Россіи.

Въ 1744 году Татищевъ выслалъ обѣщанную въ письмѣ къ Шумахеру карту астраханскихъ мѣстъ въ Сенатъ и Академію Наукъ. Къ тому же году относится обработка матеріаловъ, заготовленныхъ имъ для «географическаго, историческаго, политическаго и гражданскаго лексикона», и остановившихся предъ словомъ «Клязьма», хотя уже съ буквы *Г* начинаютъ попадаться слова, объясненія которыхъ или не докончены, или вовсе не начаты. Но что матеріалъ былъ собранъ на весь лексиконъ, это доказывается сохранившеюся въ академической библіотекѣ рукописью: «*званія* городовъ, урочищъ, рѣкъ, озеръ, чиновъ, фамилій, денегъ и обстоятельствъ, въ Россіи употребляемыхъ, собраны для обстоятельнаго описанія въ статскомъ историческомъ лексиконѣ, что куда принадлежитъ». Эта рукопись заключаетъ въ себѣ до 2000 словъ отъ Клязьмы до Яузы, съ самыми краткими замѣтками при нихъ, а часто и вовсе безъ замѣтокъ; матеріаловъ же для болѣе подробныхъ объясненій, какими сопровождаются въ печатномъ «Лексиконѣ» слова отъ А до *Клязьмы*, въ названной рукописи нѣтъ. Въ изданныхъ трехъ первыхъ частяхъ «Лексикона» (311, 210 и 217 стран.; С.-Пб. 1793 г.) считается до 1500 словъ. Наконецъ, Татищевымъ составлены были для «Исторіи Россійской» четыре ландкарты, не дошедшія однакожъ до насъ.

Послѣ такихъ спеціальныхъ работъ по русской географіи, произведенныхъ Татищевымъ въ теченіе десяти лѣтъ, онъ рѣшился приступить къ общему обозрѣнію Россіи. Хотя онъ и не успѣлъ вполнѣ достигнуть этой цѣли, но въ двухъ сочиненіяхъ, представляющихъ попытку самостоятельной обработки русской географіи въ видѣ краткаго руководства, собраны имъ всѣ данныя для того. Сочиненія эти 1) «Введеніе къ гисторическому и географическому описанію Велико-Россійской имперіи. Часть первая, въ которой какъ древнее и внѣшнее состояніе великаго государства и обитающихъ въ немъ народовъ, такъ и другія къ вѣдѣнію принадлежащія обстоятельства по возможности и на первый случай къ сочиненію исправнѣйшей исторіи вновь собраны и кратко описаны» (въ библіотекѣ Академіи Наукъ) и 2) «Россія или какъ нынѣ зовутъ Россія». Первая изъ названныхъ статей имѣетъ болѣе описательный характеръ, состоитъ изъ 14 главъ, заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о природѣ всей имперіи, ея произведеніяхъ по всѣмъ тремъ царствамъ естественно-историческимъ, и сообщаетъ даже извѣстія о школахъ, арміи и флотѣ. Во второй статьѣ преобладаетъ топографическая номенклатура. Изъ нѣкоторыхъ выраженій, встрѣчающихся въ названныхъ статьяхъ, видно, что такой географическій обзоръ Татищевъ считалъ полезнымъ пособіемъ при обработкѣ русской исторіи и, стало-быть, высказывалъ мысль обратную той, подъ вліяніемъ которой счелъ въ 1719 году необходимымъ заняться русскою исторіей прежде, чѣмъ приступить къ составленію географіи Россіи.

Всего сказаннаго совершенно достаточно для того, чтобы считать Татищева не только русскимъ историкомъ, но и географомъ. Переходимъ къ историческимъ трудамъ его.

Допетровская Русь знакомилась съ родною исторіей изъ лѣтописныхъ сборниковъ, въ которыхъ нуждались правительство и Церковь, родовитые и служилые люди, а какъ полезное чтеніе — любили всѣ грамотные; событія же всеобщей исторіи они узнавали изъ сборниковъ, носившихъ названіе хронографовъ. Никто однакожъ не думалъ не только о провѣркѣ извѣстій, заключавшихся въ лѣтописяхъ и хронографахъ, о пополненіи ихъ свѣдѣніями о народной и общественной жизни изъ актовъ историко-юридическаго содержанія, или на основаніи вещественныхъ памятниковъ, но даже о сводѣ лѣто-

ненныхъ извѣстій воедино и потомъ о составленіи краткаго извлеченія изъ него: ибо такъ называемый «Синопсисъ» Иннокентія Гизеля, появившійся въ Кіевѣ, не удовлетворялъ даже и послѣднему изъ названныхъ требованій. Потребность въ критической обработкѣ русской исторіи могла возникнуть только послѣ знакомства съ подобными же попытками относительно всеобщей исторіи, существовавшими въ западныхъ европейскихъ литературахъ. Но и тамъ большая часть историческихъ сочиненій, появившихся въ XVI и XVII столѣтіяхъ, написана была подъ вліяніемъ средневѣковой схоластики и богословскихъ воззрѣній, и несравненно меньшее число историческихъ сочиненій, появившихся уже во второй половинѣ XVII вѣка, написано было подъ вліяніемъ тѣхъ идей, которыя внесены въ политическія и государственныя науки ученіями Гуго Гроція и Гоббеса, а къ изученію исторіи примѣнены въ сочиненіяхъ Пуфендорфа. Любопытно, что при Петрѣ переведены были на русскій языкъ два многотомныхъ сочиненія, вышедшихъ изъ-подъ пера писателей богословскаго направленія: «Annales acclesiastici» кардинала Баронія подъ титуломъ «Дѣянія церковная и гражданская» въ сокращеніи противъ подлинника, и сочиненіе протестантскаго епископа Стратемана «Theatrum historicum» подъ титуломъ «Ѳеатронъ или позоръ историческій»; и въ то же время появилось въ двухъ послѣдовательныхъ изданіяхъ на русскомъ языкѣ «Введеніе въ европейскую исторію» Пуфендорфа, извѣстнаго своими лекціями по народному и естественному праву въ Гейдельбергскомъ университетѣ. И Бароній и Стратеманъ служили Татищеву для справокъ, но принципіальное вліяніе на политическіе и историческіе взгляды Татищева принадлежало Пуфендорфу. Онъ былъ изъ числа тѣхъ немногихъ писателей, къ которымъ Татищевъ относился съ особенною любовью и на мнѣнія которыхъ онъ опирался при оцѣнкѣ такихъ политическихъ событій, которыя были выдающимися въ исторіи народовъ, поворотными въ ихъ судьбѣ.

Заставляя переводить на русскій языкъ сочиненія по всеобщей исторіи, Петръ Великій думалъ и о составленіи исторіи русской. Сначала этимъ дѣломъ занимался, но неудачно, одинъ изъ наставниковъ царевича Алексѣя, баронъ Гюйсенъ, ограничившійся собираніемъ матеріаловъ «къ описанію Россійской Исторіи» и искавшій лѣтописей, родословій и раз-

ныхъ свѣдѣній изъ приказовъ и монастырей, а въ 1717 году приглашенъ былъ въ качествѣ историографа аббатъ Иванъ Крушала или Яганъ Крусала, родомъ словенецъ, проживавшій въ Венеціи. Этотъ славянинъ, получавшій по 300 рублей въ годъ, еще меньѣе сдѣлалъ, чѣмъ Гюйсенъ: онъ «имѣлъ приказанную ему исторію сочинять и къ совершенству приводить», для чего при немъ состояли пять переводчиковъ; однакожъ Крушала, по отзыву секретаря иностранной коллегіи, хотя и именованъ былъ исторіи описателемъ, но той исторіи не сочинялъ, и былъ отпущенъ въ Италію въ іюнѣ 1730 года. Пока тратились напрасно деньги на нѣмецкаго барона и на славянскаго аббата, Татищевъ, по собственному почину, изъ чистыхъ побужденій любознательности, сталъ заниматься изслѣдованіемъ русскихъ древностей и собираніемъ матеріаловъ для русской исторіи вообще. Ближайшимъ поводомъ къ этимъ занятіямъ было желаніе пріобрѣсти при ихъ помощи необходимую подготовку къ составленію русской географіи. Еще въ промежутокъ между первою и второю поѣздкою на Уралъ въ 1722 году Татищевъ, по собственному его признанію, уже показывалъ Брюсу и Ѳеофану Прокоповичу, конечно, только начатки своего труда, какіе только успѣлъ изготовить къ тому времени. Вернувшись въ Петербургъ изъ второй поѣздки на Уралъ въ концѣ 1723 года, онъ получилъ отъ графа Рагузинскаго извѣстную «Исторіографію славянскаго народа» Мавро-Урбина и уже былъ настолько свѣдущъ въ славянорусскихъ древностяхъ, что, прочитавъ половину этой книги, пожалѣлъ о бумагѣ и потерянномъ времени, найдя въ прочитанной книгѣ много басенъ и сущихъ лжей. Провѣряя указатель книгъ, прочитанныхъ будто бы Мавро-Урбинымъ, Татищевъ убѣдился, что авторъ многихъ изъ нихъ и не видалъ. Это замѣчаніе показываетъ, что Татищевъ уже тогда обладалъ большою начитанностью. Поѣздка въ Швецію много содѣйствовала расширенію историческихъ свѣдѣній Татищева и особенно помогла тѣмъ, что дала ему опредѣленную программу для изученія сѣверныхъ древностей. Знакомство съ княземъ В. М. Голицынымъ и другими дѣятелями того же времени обогатило историческія выписки Татищева многими матеріалами, извлеченными изъ рукописей, принадлежавшихъ этимъ лицамъ, на что и встрѣчаются довольно частыя ссылки въ его «Исторіи Россійской». Въ своей «Духовной», написанной

въ 1734 году, Татищевъ говоритъ сыну: «исторію русскую, хотя не въ совершенномъ порядкѣ, однакожъ довольную въ моихъ письмахъ найдешь и къ оной примѣчанія и дополнки изъ чужестранныхъ книгъ выписанныя на разныхъ бумагахъ, если охота будетъ, можешь въ порядокъ собрать». Но занятія отечественною исторіею, во времена Анны Іоанновны, были крайне затруднительны. Даже Академія Наукъ, учрежденная самимъ правительствомъ и обязанная распространять знанія въ Россіи, встрѣчала неодолимое препятствіе къ тому въ обстоятельствахъ времени. Особенно трудно было заниматься русскою исторіею: такъ, напримѣръ, коллегіямъ, имѣвшимъ при себѣ архивы старыхъ дѣлъ, запрещаемо было сообщать профессорамъ и адъюнктамъ Академіи какія-либо извѣстія, описанія или книги изъ страха, что эти извѣстія могутъ быть напечатаны за границей. Въ 1734 Академія представляла было Сенату о намѣреніи своемъ издать древния русскія лѣтописи и хронографы, не перемѣняя въ нихъ ни нарѣчія ни матеріи, исключая изъ нихъ только мѣста, касающіяся древности, и выражала надежду, что чрезъ то русская исторія будетъ приведена со временемъ въ лучшую ясность; Сенатъ передалъ представленіе Академіи Синоду и послѣдній отвѣчалъ: «разсуждаемо было, что въ академіи затѣваютъ исторіи печатать, въ чемъ бумагу и прочии кошть терять будутъ напрасно». Причиною своего опасения Синодъ выставлялъ нѣкоторыя ложныя извѣстія, встрѣчающіяся въ историческихъ памятникахъ, впрочемъ не особенно важныя, и полагалъ, что отъ такихъ извѣстій можетъ произойти соблазнъ въ народѣ, а кромѣ того, самый «штиль» лѣтописей будетъ «воспящать» охотѣ къ чтенію ихъ: «того ради не безопасно, дабы не принеслось оттого казенному капиталу какого ущерба». Невольно приходилось Татищеву тратить свои капиталы на собираніе матеріаловъ для русской исторіи. На немъ одномъ въ то время лежало дѣло, которое выполняли во времена Екатерины сама императрица, Академія Наукъ, типографская компанія Новикова, отчасти синодальная типографія и нѣсколько любителей отечественной исторіи въ родѣ князя Щербатова, генералъ-майора Болтина и другихъ. Но, собирая историческіе матеріалы, они могли тотчасъ же и печатать ихъ. У Татищева не было этого утѣшенія: онъ работалъ надъ русской исторіей почти безъ увѣренности видѣть свой трудъ напечатаннымъ.

Многосложныя служебныя занятія, державшія его вдали отъ Петербурга и Москвы, мѣшали ему обрабатывать русскую исторію. Онъ могъ только собирать матеріалъ и отдѣлывать свой трудъ по частямъ. Правда, пріѣхавъ въ Петербургъ въ 1739 году, онъ показывалъ многимъ составленную имъ «Исторію Россійскую», требуя совѣтовъ и замѣчаній, но встрѣтилъ порицаніе съ двухъ сторонъ. Одни, держась того же мнѣнія, какое высказалъ въ 1734 году Синодъ въ отвѣтъ на сообщенное ему Сенатомъ представленіе Академіи Наукъ, находили, что нѣтъ никакой надобности ни поправлять историческіе сборники, оставшіеся отъ древней Руси, ни пополнять ихъ, и потому считали трудъ Татищева отчасти напраснымъ, отчасти вольнодумнымъ. Другіе, напротивъ, ожидали отъ Татищевскаго труда краснорѣчиваго изложенія и философскихъ взглядовъ на русскую исторію, но, встрѣтивъ въ немъ простой сводъ лѣтописныхъ извѣстій, считали его трудъ ненаучнымъ. Чтобы избѣжать порицаній въ вольнодумствѣ, Татищевъ давалъ свою исторію на просмотръ Ѳеофану Прокоповичу, который сократилъ въ ней изложеніе нѣсколькихъ церковно-историческихъ событій, въ томъ числѣ и разсужденіе Татищева о монастыряхъ и училищахъ. Порицавшимъ отсутствіе философскихъ взглядовъ въ его исторіи Татищевъ могъ отвѣчать только приглашеніемъ самимъ испробовать свои силы и написать лучшее, если могутъ. Нельзя сомнѣваться однакожъ въ двухъ послѣдствіяхъ этой попытки Татищева подвергнуть свой трудъ на общее обсужденіе: имѣя съ разныхъ сторонъ указанія на необходимость пополнить его изложеніе новыми данными о нѣкоторыхъ событіяхъ, а иныя сопоставить съ событіями изъ жизни другихъ народовъ, Татищевъ получилъ новыя побужденія къ переработкѣ и пополненію своего труда; съ другой стороны, встрѣтивъ не одни только возраженія и порицанія, а частью и одобренія своему предпріятію, Татищевъ въ это же время роздалъ нѣкоторыя главы изъ первой книги своей Исторіи знакомымъ ему любителямъ отечественной исторіи. Этимъ объясняется существованіе такъ называемаго «Предъизвѣщенія къ Исторіи» въ нѣсколькихъ редакціяхъ: въ болѣе раннихъ рукописяхъ оно гораздо короче, ибо обнимаетъ собою меньшее число главъ, и стало-быть и объясняемыхъ въ нихъ вопросовъ, и, кромѣ того, внесенныя въ нихъ главы изложены мѣстами короче противъ позднѣйшихъ рукописей...

«Исторія Россійская» Татищева, составляющая сводъ лѣтописныхъ извѣстій о русской исторіи до смерти Ивана Грознаго, а въ неизданныхъ, впрочемъ, отрывочныхъ матеріалахъ захватывающая и событія XVII вѣка, такъ часто обращала на себя вниманіе русскихъ писателей, начиная съ Ломоносова, Миллера и Болтина до Соловьева и современныхъ намъ изслѣдователей, при чемъ о главныхъ ея сторонахъ такъ много говорилось въ нашей исторической литературѣ, что я позволяю себѣ не останавливаться на ея содержаніи.

Обращу вниманіе лишь на одно пожеланіе Татищева, какъ историка, высказанное въ разныхъ мѣстахъ его книги. Онъ просилъ, чтобы Синодъ повелѣлъ во всѣхъ монастыряхъ всякія древнія письменныя книги, тетради, грамоты и прочее обстоятельно описать, и подъ именемъ «Русской Библіотеки» напечатать, чтобы «желающіе въ исторіи церковной и гражданской трудиться — могли знать, гдѣ что сыскать могутъ, что и монастырямъ не малый доходъ и пользу принесетъ». Естественное желаніе, ибо начало русскихъ лѣтописей вышло изъ монастыря, въ продолженіи лѣтописнаго дѣла принимали участие монастыри, а учрежденіе типографій и распространеніе научныхъ знаній въ Россіи послѣ Петра давали русскимъ монастырямъ могущественное средство къ обнародованію и даже обработкѣ того обширнаго матеріала, который накопленъ былъ въ теченіе вѣковъ ихъ предшественниками. Съ такимъ же желаніемъ обращался Татищевъ и къ Академіи Наукъ, которая была тогда не только центральнымъ, но и единственнымъ учрежденіемъ, представлявшимъ науку въ Россіи.

Н. Поповъ.

Историко-политическія сочиненія Татищева.

Собирая матеріалы для сочиненія подробной русской географіи, Татищевъ пришелъ къ мысли о необходимости предварительно изучить подробно исторію Россіи. Въ дѣлѣ русской исторіи, какъ мы знаемъ, до Татищева существовали однѣ лишь лѣтописи, отдѣльные лѣтописные разсказы, записки и т. п. историческіе матеріалы, не собранные въ одно цѣлое, не приведенные въ порядокъ и не разработанные критически; а безъ подобной предварительной переработки историческихъ

матеріаловъ знакомство съ истинною русской исторіи было невозможно. И потому Татищевъ принялся самъ за собираніе и изслѣдованіе матеріаловъ по русской исторіи. Плодомъ этихъ историческихъ занятій былъ трудъ Татищева, извѣстный подъ именемъ «Исторіи Россійской», надъ сочиненіемъ которой авторъ трудился тридцать лѣтъ.

Трудъ Татищева не есть въ собственномъ смыслѣ исторія, да и самъ авторъ не имѣлъ въ виду написать русскую исторію. Онъ хотѣлъ только показать, въ чемъ собственно заключается русская исторія, и какіе существуютъ источники для ея изученія. «Исторія» Татищева собственно представляетъ сводъ русскихъ лѣтописей, снабженныя критическими примѣчаніями автора, и выписки изъ иностранныхъ книгъ, заключающихъ въ себѣ историческія извѣстія и свѣдѣнія о Россіи*). Какъ сводъ лѣтописей и критика историческихъ фактовъ, трудъ Татищева и теперь не утратилъ своего значенія. Татищевъ, по справедливости, можетъ быть названъ первымъ русскимъ историкомъ въ томъ отношеніи, что онъ первый представилъ опытъ наукообразной разработки источниковъ русской исторіи, первый указалъ на ихъ важность и значеніе не только для русской, но и для всеобщей исторіи. Свой взглядъ на исторію вообще и на русскую исторію въ особенности и свои научныя, нравственно-религіозныя и политическія идеи и понятія Татищевъ высказываетъ въ обширномъ предисловіи и въ многочисленныхъ примѣчаніяхъ къ «Исторіи Россійской». Изъ послѣднихъ особенно видны какъ обширная начитанность Татищева и его знакомство съ сочиненіями Гоббеса, Беля, Макіавелли и другихъ европейскихъ философовъ и политиковъ, такъ равно и его критическій талантъ. Подвергая критикѣ,

---

*) „Исторія Россійская, чрезъ тридцать лѣтъ собранная и описанная", Татищева, была издана уже послѣ смерти автора и состоитъ изъ 5 книгъ; изъ нихъ 3 книги были напечатаны академикомъ Миллеромъ, по повелѣнію Екатерины II (1768—1774), четвертая напечатана въ 1784 году, а пятая, открытая Погодинымъ, напечатана въ новѣйшее время. Въ напечатанныхъ книгахъ содержатся: извѣстіе о русскихъ лѣтописяхъ и извлеченія изъ иностранныхъ книгъ о первобытныхъ народахъ, населявшихъ Россію: скиѳахъ, сарматахъ, славянахъ и др., и наконецъ, сводъ лѣтописныхъ извѣстій, съ 860 года до царя Ѳеодора Ивановича. Разработанъ критически лишь первоначальный періодъ до нашествія татаръ. Кромѣ того, остались неизданными записки Татищева о времени царствованія остальныхъ царей русскихъ, — включительно до Алексѣя Михайловича.

доказывая достовѣрность или недостовѣрность извѣстнаго историческаго факта или явленія, стараясь объяснить ихъ внутренній смыслъ и значеніе, Татищевъ въ то же время бросаетъ критическій взглядъ на аналогическія явленія современной ему русской жизни. И при этомъ высказываются его собственные, политическіе и религіозные, взгляды и сужденія. Разсуждая, напримѣръ, о древнемъ правительствѣ русскомъ, и показавъ разницу между формами правленія: монархическою, аристократическою и демократическою, Татищевъ доказываетъ, что для русскаго государства «потребно единовластительство», т.-е. необходимо правленіе самодержавное. Разбирая и объясняя лѣтописныя извѣстія о древнихъ языческихъ вѣрованіяхъ на Руси, авторъ въ то же время нападаетъ на современное ему невѣжество, на нелюбовь къ наукамъ, на суевѣрія и религіозное лицемѣріе, на старовѣровъ, или — по его выраженію - «пустовѣровъ», на суевѣрныя бабьи басни», на «враки ханжей и пустосвятовъ» и т. п. Въ выраженіи подобныхъ взглядовъ и понятій Татищевъ является рѣшительнымъ последователемъ и писателемъ реформы: онъ, подобно Ѳеофану Прокоповичу и другимъ, нерѣдко дѣлаетъ намеки на современныхъ учителей вѣры, которые вмѣсто поученій народу объ «истинахъ вѣры Христовой и о благоправіи, преподаютъ ему преданія и узаконенія человѣческія, для своихъ лакомствъ вымышленныя». Такія рѣзкія сужденія Татищева, противорѣчащія мнѣнію современнаго большинства, были причиною, что его «Исторія» не встрѣтила сочувствія и заслуженной оцѣнки у современниковъ и была издана только чрезъ 30 -40 лѣтъ послѣ своего сочиненія. Самъ Татищевъ говоритъ въ духовной сыну, что за вышеприведенныя мнѣнія свои онъ навлекъ на себя подозрѣніе въ вольнодумствѣ и даже въ безбожіи: тогда какъ его наставленія сыну, выраженныя въ той же духовной, представляютъ намъ Татищева, какъ человѣка истинно-религіознаго.

Занимаясь разработкой источниковъ по русской исторіи, Татищевъ первый открылъ «Русскую Правду» и «Судебникъ» Ивана IV и составилъ къ нимъ историческія и юридическія примѣчанія. Изъ прочихъ историко-политическихъ сочиненій Татищева особенно интересна напечатанная недавно записка его, подъ заглавіемъ: «Произвольное и согласное разсужденіе и мнѣніе собравшагося шляхетства русскаго о правленіи го-

сударственномъ». Это «Разсужденіе» написано Татищевымъ по поводу олигархическихъ стремленій и незаконныхъ дѣйствіи «верховнаго тайнаго суда» (или «верховниковъ», какъ ихъ тогда называли). Верховники, какъ извѣстно, предложили русскій престолъ, послѣ смерти Петра II, дочери царя Ивана Алексѣевича, герцогинѣ курляндской, Аннѣ, подъ условіемъ ограниченія императорской власти властію «верховнаго тайнаго совѣта». Вотъ противъ этого-то намѣренія верховниковъ и была написана Татищевымъ названная выше записка, какъ выраженіе желаній большинства тогдашняго русскаго «шляхетства», или дворянства, представленное отъ его имени императрицѣ Аннѣ, во время ея коронаціи въ Москвѣ, съ просьбою о принятіи самодержавія, по примѣру ея предшественниковъ, и объ уничтоженіи верховнаго тайнаго совѣта. Императрица согласилась и разорвала условія, предписанныя ей верховниками.

Въ «Разсужденіи о правленіи государственномъ» Татищевъ, основываясь на понятіяхъ о государственномъ правѣ и на исторіи, доказываетъ незаконность и преступность дѣйствій тѣхъ изъ русскихъ вельможъ, которые «дерзнули собою (т.-е. собственною властью, безъ воли всего народа, или безъ «общенароднаго соизволенія», какъ говоритъ авторъ) «единовластительство отставить, а ввести аристократію». Развивая далѣе свои доказательства, Татищевъ разсуждаетъ подробно о трехъ формахъ правленія: о демократіи, аристократіи и монархіи, приводитъ примѣры разныхъ государствъ, обращается къ примѣрамъ изъ русской исторіи и приходитъ къ тому заключенію, что для Россіи необходимо и полезно лишь «единовластіе», въ такомъ видѣ, какъ оно установлено Петромъ Великимъ. Въ своихъ воззрѣніяхъ на политическія событія Татищевъ обнаруживаетъ здѣсь замѣчательную широту взгляда, а въ его выводахъ и въ доказательствахъ главной мысли сочиненія видна стройная, логическая послѣдовательность. *Карауловъ*.

„Исторія Россійская" Татищева.

Татищевъ и за границей, изучая горное дѣло, и въ Москвѣ, въ трудахъ по монетной канцеляріи, и въ Сибири, устраивая горное дѣло, и въ Самарѣ, будучи начальникомъ

оренбургской экспедиціи, не переставалъ заниматься русскою исторіею, собирать ея матеріалы и устраивать ихъ.

Что же заставило его употреблять столько времени и трудовъ на русскую исторію? Татищевъ самъ разсказываетъ, что графъ Брюсъ, подъ начальствомъ котораго онъ служилъ, занимался составленіемъ русской географіи; сперва Татищевъ только помогалъ Брюсу въ этомъ дѣлѣ, а потомъ долженъ былъ одинъ взять на себя географическіе труды. Ставши разбираться въ нихъ хозяиномъ, Татищевъ замѣтилъ, что безъ полной и вѣрной исторіи нельзя успѣть въ составленіи полной и вѣрной географіи — и вотъ онъ начинаетъ заниматься русскою исторіею, собираетъ лѣтописи, дѣлаетъ выписки изъ нѣмецкихъ и польскихъ историческихъ книгъ, потому что самъ знаетъ эти два языка; изъ книгъ же, написанныхъ на языкахъ ему неизвѣстныхъ, заставляетъ переводить все относящееся къ Россіи. Собравши матеріалы, онъ приступаетъ къ пользованію ими, хочетъ составить изъ нихъ обширный историческій трудъ. «Причина начатія сего моего труда, — говоритъ онъ, — хотя отъ графа Брюса; но въ продолженіе такъ многому сказанію и произведеній главнѣйшее было желаніе воздать должное благодареніе вѣчной славы и памяти достойному государю, его императорскому величеству Петру Великому за его высокую ко мнѣ показанную милость, яко же къ славѣ и чести моего любезнаго отечества».

Предложивъ во введеніи понятіе исторіи, подъ которою разумѣетъ *дѣяніе* въ смыслѣ всѣхъ явленій и приключеній, а не однихъ только дѣлъ человѣческихъ; предложивъ раздѣленіе исторіи на священную, церковную, политическую, ученую, Татищевъ переходитъ къ пользѣ исторіи, показать которую онъ считаетъ нужнымъ потому, что ему «не безъ прискорбности случалось слышать разсужденія о безполезности исторіи». По мнѣнію Татищева, богословъ, юристъ, медикъ, администраторъ, дипломатъ, полководецъ не могутъ съ успѣхомъ исполнять своихъ должностей безъ знанія исторіи. Для русскихъ знаніе своей исторіи нужнѣе, чѣмъ знаніе исторіи другихъ народовъ; но и для русскихъ нужно изученіе иностранной исторіи, а для иностранцевъ русской: одни отечественные источники недостаточны для составленія вполнѣ безпристрастной исторіи, потому что отечественные писатели, въ своихъ сужденіяхъ, могли руководствоваться любовью или страхомъ.

Западно-европейскіе историки безъ знанія русской исторіи никакъ не могутъ уяснить себѣ исторіи древнихъ народовъ, обитавшихъ въ областяхъ нынѣшней Россіи; притомъ иностранцы только чрезъ изученіе русской исторіи могутъ получить средство опровергнуть ложь, сочиненную нашими врагами. Но Татищевъ, заставляя и своихъ и чужихъ учиться русской исторіи, долженъ былъ и отъ тѣхъ и отъ другихъ встрѣтить сильное возраженіе: да какой интересъ и какая польза отъ изученія исторіи народа, который сталъ извѣстенъ, получилъ значеніе только со вчерашняго дня, и что̀ можетъ разсказать о своей исторіи народъ, который до вчерашняго дня пребывалъ въ невѣжествѣ, во тьмѣ; какіе историческіе памятники можно найти у такого народа? Разумѣется, Татищевъ, по средствамъ вѣка, не могъ научнымъ образомъ опровергнуть этого возраженія, показать невозможность знанія новой исторіи безъ знанія древней, невозможность писать исторію Россіи съ царя Михаила Ѳеодоровича, или выбрать изъ древне-русской исторіи какое-нибудь царствованіе поважнѣе, напримѣръ Іоанна Грознаго, какъ хотѣли дѣлать тогда въ Академіи; Татищевъ, какъ собиратель древнихъ памятниковъ, оскорблялся мнѣніемъ, что такихъ памятниковъ не можетъ быть много, не можетъ быть достойныхъ вниманія историческихъ памятниковъ у народа, погрязавшаго во тьмѣ невѣжества, и написалъ: «хотя насъ европейскіе историки тѣмъ порицаютъ, якобы мы исторій древнихъ не имѣли и о древности своей не знали, для того, что они о томъ, какія мы исторіи имѣемъ, неизвѣстны; а хотя нѣкоторые, сочиня выписки краткія или какое-либо обстоятельство перевели (указаніе на труды Миллера), то другіе, думая, что мы лучше оныхъ не имѣемъ, и для того оную презираютъ: *сему нѣкоторые наши невѣдущіе согласуютъ*, а нѣкоторые, не хотя въ древности трудиться и не разумѣя подлиннаго сказанія, якобы для лучшаго изъясненія, но паче для потемнѣнія истины, басни сложа, внесли, и сущую правость сказанія древнихъ закрыли». Второе печальное явленіе, на которое указываетъ Татищевъ, было необходимымъ слѣдствіемъ перваго: плохое знаніе русской исторіи по источникамъ не только въ XVII или XVIII, но и въ XIX вѣкѣ плодили людей, ученыхъ самозванцевъ, которые не хотѣли въ древности потрудиться и однако на все имѣли готовое объясненіе. Татищевъ своими словами, вѣроятно,

обозначилъ Крекшина, извѣстнаго выдавателя басенъ подъ именемъ исторіи.

Указавъ на то, что нужно для историка (обширная начитанность, логика и риторика), изложивъ правила исторической критики, Татищевъ перечисляетъ источники русской исторіи, которые раздѣляетъ на 1) общіе (Несторовъ Временникъ, Степенная книга, Хронографъ, Синопсисъ); 2) предѣльныя, т.-е. мѣстныя лѣтописи; 3) акты; 4) участные, т.-е. біографіи, описанія отдѣльныхъ событій, житія святыхъ. Краткіе отзывы о разныхъ перечисленныхъ источникахъ вообще правильны; между матеріаломъ Татищевъ упоминаетъ и о такихъ сочиненіяхъ, которыя были извѣстны ему только по имени и которыхъ, несмотря на всѣ старанія, онъ нигдѣ отыскать не могъ. Но если самъ Татищевъ откровенно говоритъ, какія книги у него были и какія онъ только знаетъ по имени, подробно разсказывая, какія изъ нихъ находились у кого изъ извѣстныхъ людей, то, видя такую добросовѣстность, имѣемъ ли право обвинять его въ искаженіяхъ, подлогахъ и т. п.? Если бъ онъ былъ писатель недобросовѣстный, то онъ написалъ бы, что все имѣлъ въ рукахъ, все читалъ, все знаетъ. Мы имѣемъ полное право въ его сводѣ лѣтописей принимать одно, отвергать другое, но не имѣемъ никакого права въ неправильности нѣкоторыхъ извѣстій обвинять самого Татищева.

Сперва Татищевъ началъ было сочинять «историческимъ порядкомъ, сводя изъ разныхъ мѣстъ къ одному дѣлу, и нарѣчіемъ такимъ, какъ нынѣ наиболѣе въ книгахъ употребляемъ». Но ясный смыслъ, къ счастью, заставилъ Татищева перемѣнить намѣреніе: онъ нашелъ въ спискахъ лѣтописи разногласія, при чемъ, сочиняя исторію, разумѣется, долженъ былъ выбирать; кромѣ того, списки находились въ разныхъ рукахъ, отчего могли затеряться, ссылаться на нихъ нельзя, «и если бъ, по словамъ Татищева, нарѣчіе и порядокъ ихъ перемѣнить, то опасно, чтобъ и вѣроятности не погубить». Это заставило Татищева свести всѣ списки «тѣмъ порядкомъ и нарѣчіемъ, каковые въ древнихъ находятся, собирая изъ всѣхъ полнѣйшее и обстоятельнѣйшее въ порядокъ лѣтъ, какъ они написали, не перемѣняя, не убавляя изъ нихъ ничего, кромѣ не надлежащаго къ свѣтской лѣтописи, яко житія святыхъ, чудеса, явленія и проч., которыя въ книгахъ церковныхъ обильнѣе находятся, но и тѣ по порядку нѣкоторыя на концѣ приложилъ.

также ничего не прибавливалъ, развѣ необходимо нужное для выразумѣнія слово положить, и то отличалъ вмѣстительною». Потомъ, думая, что такой сводъ будетъ невразумителенъ для большинства читателей, и особенно неудобенъ для перевода на иностранные языки, Татищевъ перевелъ его на употребительный въ его время языкъ.

Послѣ исчисленія матеріаловъ, Татищевъ предлагаетъ раздѣленіе своего труда на четыре части: первая заключаетъ извѣстія о лѣтописяхъ и описаніе трехъ главныхъ народовъ — скиѳовъ, сарматовъ и славянъ; вторая отъ 860 года до нашествія татаръ; третья отъ татаръ до Іоанна III; четвертая отъ Іоанна III до царя Михаила Ѳеодоровича. Татищевъ хотѣлъ остановиться на избраніи царя Михаила, во-первыхъ потому, что событія, начиная съ этого времени, еще въ свѣжей памяти, и писать исторію новой династіи никому не будетъ трудно; во-вторыхъ, потому, что въ «настоящей исторіи явятся многихъ знатныхъ родовъ великія пороки, которыя если писать, то ихъ самихъ или ихъ наслѣдниковъ подвигнуть на злобу, а обойти оныя — погубить истину и ясность исторіи, или вину ту на судившихъ обратить, еже было съ совѣстью несогласно». При этомъ Татищевъ говоритъ, что книгъ, могшихъ быть ему полезными, собралъ онъ болѣе 1000; жалуется на недостатокъ искусныхъ переводчиковъ, на неправильность польскихъ сочиненій, искажавшихъ древнія имена переводомъ ихъ на новыя; говоритъ, что принесли ему пользу лексиконы: Буддеевъ всеобщій историческій, Гефнеусовъ или Мартиньеровъ географическій, Бейлевъ исторіи критическій; но жалуется, что относительно русской исторіи въ нихъ нѣтъ ни одного вѣрнаго извѣстія, ибо иностранцы не знаютъ русской исторіи и географіи: «и они въ томъ невинны, — прибавляетъ Татищевъ, — когда того и у насъ нѣтъ».

Введеніе свое Татищевъ заключаетъ указаніемъ причины всѣхъ приключеній и дѣяній: эта причина, по его мнѣнію, есть умъ или отсутствіе его, глупость. Такой односторонній взглядъ соотвѣтствовалъ тому началу, которое было тогда на очереди въ преобразованной Россіи. Преобразованіе произошло вслѣдствіе того, что русскіе сознали необходимость просвѣщенія, науки, для продолженія своей исторической жизни. Отсюда развитіе ума на первомъ планѣ, тогда какъ въ древней Россіи, при недостаткѣ просвѣщенія, умственнаго развитія, го-

сподствовало чувство, другая «причина всѣхъ приключеній и дѣяній». Какъ всякая сила человѣческая, не умѣряясь другою, стремится къ крайности, производитъ неправильности и заблужденія, такъ и чувство, не умѣряемое развитіемъ умственнымъ, просвѣщеніемъ, вело въ древней Россіи къ извѣстнымъ печальнымъ явленіямъ, вѣру превращало въ суевѣріе. Произошелъ переворотъ, на очереди явилось другое начало, и мы также замѣчаемъ односторонность и слѣдствія ея, неправильности и заблужденія. Ревностные служители новаго начала, дѣти преобразованія, научившись и начитавшись въ своей враждѣ къ искаженію господствовавшаго въ древней Россіи начала, къ тому, что они называли суевѣріемъ, не поняли, что съ однимъ умомъ безъ чувства въ исторіи ничего не дѣлается, что чувство есть начало зиждительное, тогда какъ умъ, неумѣряемый чувствомъ, можетъ только сомнѣваться, отрицать и разрушать, но никогда ничего не создастъ и не спасетъ. Умники не поняли и не понимаютъ, что въ западной Европѣ такъ называемые Средніе Вѣка, вѣка варварства и невѣжества, были вѣками зиждительными для государства и общества, потому что тогда господствовало чувство; а когда наступило господство другого направленія, умственное развитіе, сомнѣніе, то зиждительства не видимъ; видимъ болѣе или менѣе правильное развитіе созданнаго, да и то только при помощи чувства, одушевленія, вѣры.

Но отъ увлеченіи Татищева, понятныхъ при такомъ ревностномъ служеніи новому началу, при сильной борьбѣ съ искаженіемъ начала, господствовавшаго въ древнеи Россіи, возвратимся къ заслугамъ его. Татищевъ положилъ начало изслѣдованіемъ о Несторѣ, первый утвердилъ за нимъ древнѣйшую южную лѣтопись, первый указалъ мѣсто, гдѣ Несторъ долженъ былъ остановиться; первый указалъ на позднѣйшія вставки, и хотя указанныя имъ мѣста болѣе принадлежатъ начальному лѣтописцу, чѣмъ другія, но здѣсь важны пріемы, взглядъ на дѣло, а не отдѣльныя замѣчанія, которыя могутъ быть невѣрны или спорны. Татищевъ съ презрѣніемъ отвергаетъ старанія выводить руссовъ отъ библейскаго Роса и т. п. Руссы, по мнѣнію Татищева, финны, но они же могутъ быть причислены и къ варягамъ вмѣстѣ съ скандинавами, потому что это названіе промысла (разбойничества), а не народное. Татищевъ высказалъ мысль о древности славянъ въ Европѣ

и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они теперь обитаютъ. Разсужденіе, гдѣ авторъ отвергаетъ обычное тогда производство Москвы отъ Мосоха и тому подобныя, можетъ служить, по тому времени, образцомъ здраваго смысла, яснаго взгляда на предметъ. Татищевъ отвергъ существованіе грамоты, данной славянамъ Александромъ Македонскимъ; но отстранено сомнѣніе насчетъ подлинности договора Олегова съ греками. Въ примѣчаніяхъ къ своду лѣтописей не оставлено безъ объясненія почти ни одного выпуклаго явленія древней русской жизни.

Таковъ трудъ Татищева, извѣстный подъ названіемъ, «Исторіи Россійской». Заслуга Татищева состоитъ въ томъ, что онъ началъ дѣло какъ слѣдовало начать: собралъ матеріалы, подвергъ ихъ критикѣ, свелъ лѣтописныя извѣстія, снабдилъ ихъ примѣчаніями географическими, этнографическими и хронологическими, указалъ на многіе важные вопросы, послужившіе темами для позднѣйшихъ изслѣдованій, собралъ извѣстія древнихъ и новыхъ писателей о древнѣйшемъ состояніи страны, получившей послѣ названіе Россіи; однимъ словомъ, указалъ путь и средства своимъ соотечественникамъ заниматься русскою исторіею; кто посвятилъ себя научнымъ изслѣдованіямъ, тотъ знаетъ, какъ важны первыя указанія на предметъ, на его различныя стороны; какъ бы мнѣнія перваго указателя ни были неправильны, тотъ оцѣнитъ важныя заслуги Татищева, какъ перваго указателя, не говоря уже о томъ, что мы обязаны Татищеву сохраненіемъ извѣстій изъ такихъ списковъ лѣтописей, которые, быть-можетъ, навсегда для насъ потеряны. *Соловьевъ.*

Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ, Татищева.

Въ своей «Духовной» Татищевъ писалъ сыну: «какъ я тебѣ уже ничего болѣе завѣщать не могу, но токмо для твоего о тебѣ самомъ и что тебѣ нужно къ разумѣнію слѣдующимъ *Разговоромъ* награждаю, который я прошлаго 1733 года, будучи здѣсь, по случаю разговора съ князь Сергіемъ Долгоруковымъ, *началъ;* потомъ чрезъ разговоры жъ съ архіепископомъ новгородскимъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и съ князь Алексѣемъ Михайловичемъ Черкасскимъ, якоже съ нѣкоторыми профессоры академіи разсуждая, *продолжилъ* и тебѣ для

памяти оставилъ, изъ котораго желаю тебѣ пользу пріобрѣсти; но притомъ хотя сіе по крайнему моему разумѣнію для пользы твоей истинное писалъ и ясно толковалъ, однакожъ все оное вѣрить и за истину непоколебимую принимать и содержать не принуждаю, для того что и другіе, о семь со мною разсуждающіе, хотя были люди умные и мнѣ, какъ благодѣтели и друзья, конечно умышленно худое бы не похвалили бы и неправедное за праведное не приняли, но какъ всѣ человѣки, по словамъ Давида и апостольскимъ, лжи и погрѣшности подвержены, и для того весьма бы я радъ, если бы ты что неправое въ ономъ *исправилъ*, а сумнительное, елико для своей, толико и для ближняго пользы, *изъяснилъ*, что оставляю на твое разсужденіе; и хотя сіе единственно для тебя, а не для другихъ писано, но можетъ кто-либо по случаю увидѣть и можетъ похвалить, однакожъ и то мнѣ не безызвѣстно, что сыщутся и тѣ, которые сіе мое данное тебѣ наставленіе и разсужденіе будутъ бранить и, выбирая слова, противно моего мнѣнія толковать, да мнѣ оное не дивно, для того что вижу довольно не токмо весьма преславныхъ мужей въ философіи, математикѣ, въ юриспруденціи и другихъ высокихъ наукахъ цвѣтущихъ, самыя науки дерзнули осуждать». Въ этихъ словахъ, помимо косвенныхъ указаній на характеръ и содержаніе «Разговора», что также можетъ быть принято за доказательство принадлежности Татищеву «Разговора», важно остановиться на свѣдѣніяхъ о времени его написанія. Если признавать вѣрнымъ ссылку на 1733 годъ, хотя можно выставить противъ него и нѣкоторыя сомнѣнія, то ничего нельзя возразить противъ выраженія: *продолжилъ*. Примѣнительно къ «Духовной» это выраженіе должно относиться, равно какъ и выраженіе: *началъ*, ко времени, обнимающему собою событія, сопровождавшія избраніе Анны Іоанновны на престолъ, движеніе шляхетства противъ верховниковъ, придворную службу Татищева и его сближеніе съ Академіей Наукъ, при содѣйствіи которой онъ велъ изданіе порученнаго ему описанія всѣхъ торжествъ, сопровождавшихъ коронованіе Анны Іоанновны. Въ эти года Татищевъ былъ участникомъ крупныхъ политическихъ событій, что и доставило ему обширный кругъ знакомствъ, постоянно увеличивавшійся до самаго отправленія его въ 1734 году въ Сибирь для управленія горными заводами. Однакожъ, изъ сличенія руко-

писей, въ коихъ дошелъ до насъ «Разговоръ», можно убѣдиться, что онъ былъ продолжаемъ и обрабатываемъ и въ позднѣйшіе годы. Такъ, въ отвѣтѣ на 41-й вопросъ есть свѣдѣнія о религіозныхъ обрядахъ сибирскихъ инородцевъ и калмыковъ, съ коими Татищевъ могъ лично познакомиться, скорѣе всего, во время означеннаго управленія сибирскими заводами, къ которому потомъ присоединилось управленіе башкирскимъ краемъ и Оренбургской экспедиціей, что сопровождалось сношеніями съ новокрещеными калмыками, для которыхъ въ 1737 году построено было небольшое укрѣпленіе, Ставрополь на Волгѣ. Объ этой новой калмыцкой крѣпости упоминается въ отвѣтѣ на 71-й вопросъ, а о немъ Татищевъ никакъ не могъ говорить ранѣе конца 1737 года, какъ о мѣстѣ, способномъ для ученія татарскому языку, а еще, вѣроятнѣе, въ 1738 или 1739 году, когда онъ былъ вызванъ въ Петербургъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія о калмыкахъ, встрѣчающіяся въ «Разговорѣ», отчасти могутъ быть объясняемы и службою Татищева въ званіи правителя Калмыцкой комиссіи и астраханскаго губернатора, что относилось уже къ 1741—1745 годамъ. Татищевъ вообще любилъ пополнять, а иногда и передѣлывать свои сочиненія, при чемъ нерѣдко сообщалъ своимъ знакомымъ рукописи своихъ произведеній то въ первоначальномъ видѣ, то въ исправленномъ. «Разговоръ» ни по своей цѣли ни по содержанію не можетъ быть названъ такимъ сочиненіемъ, текстъ коего не подлежалъ переработкѣ со стороны самого автора, т.-е. дополненіямъ и сокращеніямъ; написавъ въ «Духовной» сыну, что предоставляетъ ему поправлять и изъяснять «Разговоръ», Татищевъ, прожившій послѣ того 16 лѣтъ, могъ и самъ прибавить въ разныхъ мѣстахъ «Разговора» представившіяся ему поправки и изъясненія, какъ это дѣлалъ онъ и съ другими своими сочиненіями. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ и объясняется отчасти нѣкоторая разница между текстами «Разговора», сохранившимися, съ одной стороны, въ рукописи, принадлежащей нынѣ С.-Петербургской Публичной Библіотекѣ, а съ другой — въ рукописяхъ, находящихся теперь въ Москвѣ.

Изъ сказаннаго нами вытекаетъ выводъ, что 1) «Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ», хотя и былъ первоначально написанъ въ 1733 году, но обработка его текста продолжалась Татищевымъ и послѣ; 2) во всѣхъ извѣстныхъ намъ рукописяхъ текстъ «Разговора» въ большей части своей сохранилъ

тотъ видъ, какой данъ былъ ему авторомъ при первоначальной редакціи; 3) пространный и краткій тексты отвѣтовъ на вопросы 13, 14 и 26 одинаково принадлежатъ самому автору, и нѣтъ рѣшительныхъ основаній приписывать составленіе котораго-либо изъ нихъ постороннему лицу; 4) отвѣты на вопросы 45, 57 и 67 и нѣкоторыя изъ мелкихъ вставокъ въ другихъ вопросахъ носятъ признаки позднѣйшаго написанія ихъ Татищевымъ.

Что касается содержанія «Разговора», то, не входя въ подробное изслѣдованіе его источниковъ, его связи съ другими сочиненіями Татищева, а тѣмъ менѣе въ провѣрку изложенныхъ въ немъ свѣдѣній и мнѣній, при помощи другихъ данныхъ, современныхъ «Разговору», мы ограничимся очеркомъ той программы, которою руководился авторъ.

Исходною мыслію для Татищева при составленіи «Разговора» послужило убѣжденіе въ необходимости познанія самого себя для всякаго истинно разумнаго и просвѣщеннаго человѣка, каковое познаніе достигается, по его мнѣнію, только помощію науки (вопр. 1—4). Но какъ познаніе человѣка можетъ быть внутреннее, касающееся духовныхъ его свойствъ, и внѣшнее, касающееся свойствъ физическихъ, и оба одинаково ведутъ къ познанію, съ одной стороны, добра или блага, а съ другой — зла, то они равно необходимы для нашего будущаго и настоящаго благополучія (вв. 5—12). Такъ какъ предметомъ научнаго познанія служитъ самъ человѣкъ, то авторъ и долженъ былъ коснуться вопроса о составныхъ частяхъ человѣческаго организма (в. 13), о душѣ, ея свойствахъ и состояніи, и прежде всего разъяснить вопросъ о ея пребываніи въ тѣлѣ (в. 14). Подъ силами души Татищевъ разумѣетъ умъ и волю, коими и управляется человѣкъ точно такъ же, какъ его физическая жизнь руководится чувствами: зрѣніемъ, слышаніемъ, вкушеніемъ, обоняніемъ и ощущеніемъ (в. 15). Далѣе идетъ рѣчь о качествахъ и силахъ ума, которыя, впрочемъ, авторъ называетъ также свойствами и силами души (вв. 16—17). Эти свойства суть: поятность, память, догадка или смыслъ и сужденіе, изъ коихъ каждое разсматривается въ особомъ вопросѣ (вв. 18—21). Ученіе о волѣ и ея свойствахъ или склонностяхъ изложено еще съ большею подробностью (вв. 22—26). Изъ того, что свойства человѣческаго ума требуютъ постояннаго развитія для своего совершенство-

ванія, а склонности воли требуютъ для ихъ правильнаго примѣненія въ жизни извѣстнаго руководства и правилъ, Татищевъ выводитъ необходимость обученія (вв. 27—28). Но обученіе должно соотвѣтствовать возрастамъ человѣка, и потому онъ даетъ характеристику этихъ возрастовъ — младенчества, юношества, мужества и старости (вв. 29—33). Человѣкъ во всѣ свои возрасты такъ или иначе, изъ книгъ въ училищахъ или путемъ жизни, при помощи разныхъ обстоятельствъ, продолжаетъ свое обученіе, ибо никогда нельзя назвать его совершеннымъ (вв. 34—35). Подобно тому, какъ знанія каждаго человѣка совершенствуются съ переходомъ его изъ одного возраста въ другой, такъ и знанія, накоплявшіяся въ человѣчествѣ въ лицѣ различныхъ народовъ, совершенствовались постепенно, по мѣрѣ перехода человѣчества по своего рода возрастамъ (вв. 36—37). Возрасты человѣчества или міра Татищевъ дѣлитъ такъ: младенческій, или времена древнія, предшествовавшія изобрѣтенію письменъ (в. 38), второй возрастъ — отъ обрѣтенія письма до пришествія Христова (в.39—41), третій возрастъ — отъ пришествія Христа до изобрѣтенія книгопечатанія (в. 42), четвертый возрастъ — отъ обрѣтенія тисненія книгъ до послѣднихъ лѣтъ (в. 43). Такое дѣленіе принимаетъ онъ лишь относительно усовершенствованія научныхъ познаній. Такъ какъ при характеристикѣ этихъ возрастовъ ему приходилось говорить болѣе всего объ успѣхахъ наукъ математическихъ и философскихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ коснуться вопроса о вліяніи христіанства на ихъ развитіе, то прежде чѣмъ перейти къ доказательствамъ пользы, проистекающей для человѣка и человѣчества вообще отъ помянутыхъ наукъ, онъ долженъ былъ остановиться на мнѣніи, что науки могутъ быть вредны въ религіозномъ отношеніи и производить ереси. Доказавъ неосновательность такого мнѣнія и требуя возможно большей свободы для науки (в. 44), Татищевъ со всею силою высказывается противъ запрещенія читать народу Библію, которое ведетъ свое происхожденіе изъ римской Церкви: онъ считаетъ это запрещеніе одинаково вреднымъ какъ для успѣховъ христіанства, такъ и для успѣховъ науки (в. 45). Затѣмъ онъ доказываетъ необходимость ученія и пользу науки для государства вообще (в. 46) и для каждаго сословія въ частности (в. 47). Связавъ вопросъ объ успѣхахъ наукъ съ вопросомъ о религіи, Татищевъ долженъ былъ остано-

виться на мнѣніи, что разность вѣроисповѣданій въ одномъ и томъ же государствѣ наноситъ вредъ оному, и что если науки могутъ повести къ политическимъ ересямъ, то различіе вѣроисповѣданій — къ церковнымъ. Объяснивъ недоразумѣнія, послужившія основаніемъ для сего мнѣнія и опровергнувъ ихъ (в. 48), Татищевъ переходитъ къ самому разсужденію о наукахъ.

Вторая часть «Разговора» начинается дѣленіемъ наукъ на нужныя, полезныя, щегольскія или увеселяющія, любопытныя или тщетныя, и вредныя, при чемъ для каждаго изъ этихъ отдѣловъ предлагается особая характеристика (вв. 49—54). Изъ этихъ характеристикъ видно, что Татищевъ разумѣлъ подъ науками всякаго рода познанія, основанныя на какомъ бы то ни было ученіи и заключающія въ себѣ не только теоретическія или практическія свѣдѣнія, но такія, которыя возникли за предѣлами истинной науки, что отчасти объясняется утилитарнымъ взглядомъ, господствовавшимъ между его современниками на знанія вообще. Изъ того же побужденія вышло и его дальнѣйшее объясненіе о необходимости тѣхъ или другихъ наукъ только для нѣкоторыхъ сословій (в. 55). Такъ какъ главнымъ средствомъ для всякаго обученія является знаніе того или другого языка, то далѣе въ «Разговорѣ» представлена краткая исторія изобрѣтенія письменъ, въ особенности славянскихъ и русскихъ (вв. 56—57); затѣмъ идетъ разсужденіе о происхожденіи языковъ, о различіяхъ между ними и порчѣ ихъ (вв. 58—60); о порчѣ русскаго языка и о неизбѣжныхъ въ его составѣ измѣненіяхъ (вв. 61—65). При этомъ Татищевъ доказываетъ пользу отъ изученія чужихъ языковъ, въ особенности греческаго и латинскаго, и сѣтуетъ на нерасположеніе допетровской Россіи къ изученію латинскаго языка, что объясняетъ опасеніями, вызванными въ русскихъ людяхъ притязаніями католической Церкви (вв. 66—67); настаиваетъ на изученіи древнихъ и новыхъ языковъ русскимъ шляхетствомъ (вв. 68—69); говоритъ даже объ изученіи языковъ азіатскихъ народовъ, живущихъ въ Россіи, и могущей проистечь изъ того пользѣ (вв. 70—73). Имѣя цѣлію доказать въ своемъ «Разговорѣ» необходимость посылки молодыхъ людей за границу для обученія, онъ указываетъ на неудобства, проистекающія отъ обученія дѣтей новымъ языкамъ чрезъ домашнихъ учителей (в. 74). Предвидя возраженіе, что въ Россіи есть уже свои

училища, онъ останавливается на недостаточномъ ихъ числѣ и еще болѣе на ихъ неудовлетворительномъ состоянии, при чемъ говоритъ о недостаткахъ: Академіи Наукъ, какъ образовательнаго заведения (вв. 75—76), Шляхетскаго корпуса (в. 77), школъ адмиралтейской, артиллерийской, инженерной и математическихъ (в. 78), Заиконоспасской богословской школы въ Москвѣ и епархіальныхъ вообще (в. 79). Выводя отсюда необходимость отправления русской молодежи за границу, Татищевъ считаетъ однакожъ нужнымъ перечислить тѣ условия, какія надо соблюдать при этомъ для успѣшности обучения и народной пользы (в. 80). Затѣмъ успѣшность заграничнаго обученія доказывается характеристикой того состояния, какого науки достигли у разныхъ народовъ и въ разныхъ странахъ вообще (вв. 81—85), въ Англии и Франціи въ особенности (вв. 86—88), послѣ чего Татищевъ останавливается на причинахъ, по которымъ Польша и Испания не оказали особенныхъ успѣховъ въ наукахъ (в. 89).

Третья часть «Разговора» имѣетъ своимъ предметомъ политическую сторону научныхъ познаний и разъясняетъ пути къ приобрѣтению ихъ. Здѣсь прежде всего рѣчь идетъ о законахъ вообще, при чемъ доказывается, что всѣ виды ихъ основаны на любви и стремленіи къ благополучію (вв. 90—91). Совѣтуя изучать право естественное, Татищевъ говоритъ, что оно заключаетъ въ себѣ правила мудрости, благоговѣния, справедливости, содружества и благоразумія (вв. 92—96). Затѣмъ онъ говоритъ о путяхъ и средствахъ, при помощи коихъ познается право естественное (вв. 99—100), о различныхъ видахъ государственнаго правления (в. 101) и о необходимости для всѣхъ ихъ соотвѣтственныхъ властей и законовъ (в. 102). Опредѣливъ различіе между законами письменными и естественными, божественными, церковными и гражданскими (вв. 103—105), Татищевъ разъясняетъ вопросъ объ источникахъ письменнаго законодательства и объ условіяхъ, обезпечивающихъ его правильность и прочность (вв. 106—108). Перечисливъ извѣстнѣйшія законодательства, возникшія у другихъ народовъ (в. 109), Татищевъ изображаетъ движеніе законодательства въ России (110—111) и указываетъ, какъ необходимо, особенно для шляхетства, изучать законы (вв. 112—113).

Дальнѣйшіе шесть вопросовъ (114—119), представляющие собою выводъ, который Татищевъ долженъ былъ сдѣлать изъ

всего предшествовавшаго содержанія своего «Разговора», заключаетъ въ себѣ планъ преобразованія существовавшихъ въ Россіи въ то время училищъ и учрежденія нѣсколькихъ новыхъ, ибо при лучшемъ состояніи школъ уменьшится и потребность въ заграничномъ обученіи. Послѣдній (120) вопросъ заканчиваетъ весь «Разговоръ» мыслію, что онъ можетъ принести нѣкоторую пользу тѣмъ, кто внимательно прочтетъ его.

Такова программа, по которой написано Татищевымъ за полтораста лѣтъ до настоящаго времени сочиненіе его, въ коемъ онъ выразилъ свои взгляды на науку и просвѣщеніе, какъ на могущественное средство къ развитію народнаго и личнаго самопознанія. Во всякомъ случаѣ, «Разговоръ», съ точки зрѣнія историко-литературной, представляетъ очень любопытное и крупное произведеніе русскаго слова, которое нельзя обходить, говоря о судьбахъ русскаго просвѣщенія въ XVIII вѣкѣ.

Н. Поповъ.

Значеніе „Духовнаго Регламента".

Понимая, что народная нравственность зиждится на религіозномъ образованіи, на понятіяхъ и вѣрованіяхъ народа, Петръ Великій посвятилъ всѣ свои усилія, всю свою энергію этимъ основамъ духовнаго развитія, опираясь въ томъ на своего просвѣщеннѣйшаго сотрудника, Өеофана Прокоповича.

Памятникомъ ихъ совокупныхъ усилій въ этомъ дѣлѣ остается знаменитый «Духовный Регламентъ», составленный Өеофаномъ по мыслямъ Петра, — трудъ, достойный изученія въ самомъ отдаленномъ потомствѣ, показывающій, какъ высоко надъ своимъ вѣкомъ стояли и государь и святитель по своимъ понятіямъ. Извѣстно, что это указаніе издано по поводу учрежденія Синода. Поэтому въ книгѣ прежде всего подробно объясняется значеніе этой мѣры. Главною причиною откровенно представлена опасность двудержавія при патріаршествѣ: простой народъ не понимаетъ различія между высшей духовной и свѣтскою властью и, поражаясь великою честью верховнаго пастыря, считаетъ его равносильнымъ монарху или даже ставитъ выше; такимъ заблужденіемъ могутъ воспользоваться властолюбивые духовные лица и другіе коварные люди въ случаѣ столкновенія между обѣими властями. А что будетъ, если и

самъ пастырь захочетъ обратить себѣ въ пользу такое мнѣніе о своемъ санѣ?

Все остальное содержаніе «Регламента» направлено къ искорененію суевѣрій, ложныхъ понятій и вредныхъ обычаевъ, къ образованію народа ученіемъ, проповѣдью, возбужденіемъ къ труду и добрымъ примѣромъ. Послѣ объясненія цѣли учрежденія Синода, разсматриваются дѣла, ему подлежащія, и именно сперва дѣла, общія всѣмъ, какъ духовнымъ, такъ и міpянамъ, какъ высокопоставленнымъ лицамъ, такъ и простолюдинамъ. Здѣсь указываются разнаго рода заблужденія, напр. ложно-вымышленныя исторіи о святыхъ, либо противныя православному ученію, либо бездѣльныя, смѣха достойныя повѣсти, которымъ простой народъ однакоже вѣритъ, когда онъ «не можетъ между деснымъ и шуимъ разсуждать, но что-либо видитъ въ книгѣ написанное, того крѣпко и упрямо держится». Тутъ затронуты также нелѣпые повѣрья и обычаи, напр. празднованіе каждой пятницы или преданіе кіево-печерскаго монастыря, что погребенный тамъ человѣкъ, хотя бы онъ и безъ покаянія умеръ, непремѣнно будетъ спасенъ.

Далѣе разсуждается объ обязанностяхъ духовенства поучать народъ словомъ Божіимъ. Въ «Регламентѣ» разсѣяны многія черты, показывающія низкую степень образованія тогдашнихъ духовныхъ. Они по грубости нравовъ мало отличались отъ народа, и не всякій даже епископъ былъ въ состояніи сочинить слово, которое обязанъ былъ произносить во время объѣзда епархіи, и потому на такіе случаи предписывалось приготовить слово въ Синодѣ для прочтенія епископомъ въ посѣщаемыхъ имъ церквахъ. Но въ «Регламентѣ» выражена надежда, что «въ Россіи, помощію Божіею, скоро и отъ духовнаго чина грубость отпадетъ». Такъ какъ, при многочисленности православнаго люда, недостаетъ священниковъ, которые бы могли наизусть проповѣдывать «догматы и законы священнаго писанія», то признано необходимымъ издать небольшія общепонятныя книжки. Онѣ должны содержать все нужное къ народному наставленію и по частямъ читаться въ церкви. Ихъ нужно три: 1-я, о главнѣйшихъ спасительныхъ догматахъ вѣры и заповѣдяхъ; 2-я, объ особенныхъ всякаго сословія обязанностяхъ; 3-я будетъ состоять изъ собранія проповѣдей. Книги были и прежде, говорится въ «Духовномъ Регламентѣ», но онѣ писаны на эллинскомъ языкѣ, а славянскій переводъ

нихъ сталъ теменъ, и его съ трудомъ разумѣютъ даже люди обученные, а «простымъ невѣжамъ онъ и вовсе непостижимъ». Поэтому новыя книжки будутъ написаны просторѣчіемъ. Мысль эта была отчасти уже исполнена передъ появленіемъ «Регламента»: въ 1720 году Ѳеофанъ напечаталъ букварь съ молитвенникомъ подъ заглавіемъ: «Первое ученіе отрокомъ», которое и было потомъ употребляемо при преподаваніи грамоты не только духовнымъ, но и мірянамъ. Остальныя книжки не были изданы при Петрѣ. За годъ до своей смерти онъ собственноручной запиской напоминалъ Синоду о необходимости сдѣлать, т.-е. издать, «краткія поученія людямъ», между прочимъ, и катихизисъ.

Епископамъ «Духовный Регламентъ» вмѣняетъ въ обязанность имѣть при архіерейскихъ домахъ школы для священническихъ дѣтей, и только обученные въ этихъ школахъ могутъ быть допускаемы къ священству; за поставленіе же въ священники и въ монахи необученнаго епископъ подвергается наказанію. При правилахъ о новыхъ училищахъ помѣщена любопытная апологія ученія, гдѣ, между прочимъ, отрицается, чтобы отъ него могли происходить ереси: когда врачъ опоитъ отравою, нельзя винить въ томъ врачебную науку; а когда «ученый солдатъ хитро и сильно разбиваетъ, того виновно есть ученіе воинское». Въ доказательство пользы образованія приводятся примѣры изъ исторіи. Ученіе доброе и основательное названо корнемъ и сѣменемъ и основаніемъ всякой пользы, какъ отечества, такъ и Церкви. Дурное, мечтательное ученіе порождаетъ только высокомѣріе: вкусившіе его бываютъ глупѣе неученыхъ, считаютъ себя всезнающими, не хотятъ болѣе ни читать книгъ ни учиться, тогда какъ, напротивъ, «прямымъ ученіемъ просвѣщенный человѣкъ никогда сытости не имѣетъ въ познаніи своемъ, но не престанетъ никогда же учитися, хотя бы онъ и Маѳусаловъ вѣкъ пережилъ». Къ характеристикѣ «неосновательныхъ мудрецовъ» прибавлены еще слѣдующія черты: они подобострастны передъ властями, ненавидятъ равныхъ, завидуютъ истинно-образованнымъ, которыхъ при всякомъ случаѣ готовы обнесть, склонны къ возмущенію и проч.

Кромѣ училищъ при архіерейскихъ домахъ, предположено учредить духовную академію, въ которой могутъ учиться и дѣти мірянъ, а при академіи — семинарію. Послѣ подробнаго

изложенія правилъ объ ученіи и испытаніяхъ въ этихъ заведеніяхъ, слѣдуютъ правила о проповѣди, касающіяся не только самой сущности дѣла, но также наружныхъ пріемовъ на каѳедрѣ и поведенія проповѣдника внѣ церкви: ему предписывается простота, смиренномудріе, запрещается мстить противникамъ своимъ рѣзкими выходками и намеками въ проповѣдяхъ, хвалиться въ обществѣ своими успѣхами и т. п.

Въ начертаніи обязанностей духовныхъ начальниковъ особеннаго вниманія заслуживаетъ наставленіе о правильномъ вспоможеніи нищимъ: «многіе бездѣльники при совершенномъ здравіи за лѣность свою пускаются на прошеніе милостыни и по міру ходятъ безстудно и иныя же въ богадѣльни вселяются посулами у старостъ, что̀ есть богопротивное и всему отечеству вредное: отъ сего скудость и дорогъ бываетъ хлѣбъ». Законодатель напоминаетъ, сколько тысячъ въ Россіи такихъ тунеядцевъ, которые нахальствомъ и лукавымъ смиреніемъ чужіе труды поѣдаютъ, получая подаяніе въ ущербъ истинно нуждающимся. Яркими красками описывается вредъ, наносимый обществу этими порочными людьми, изъ которыхъ многіе дѣлаются разбойниками, зажигателями, возмутителями; другіе искажаютъ своихъ младенцевъ, чтобы обмануть милосердіе. Противъ подобныхъ нищихъ-бродягъ Петръ еще въ началѣ столѣтія (1705) издалъ строгій законъ, повелѣвающій ловить ихъ, отбирать деньги, а самихъ приводить въ монастырскій приказъ для наказанія, равно какъ и тѣхъ, которые будутъ подавать имъ милостыню: кто хочетъ помогать нищимъ, пусть даетъ въ богадѣльни. Теперь Синоду вмѣнено въ обязанность озаботиться о средствахъ къ искорененію этого зла.

Къ «Духовному Регламенту» присоединено изданное нѣсколько позже *прибавленіе* о духовенствѣ и монашествѣ. Здѣсь частію развиты подробнѣе прежнія правила, частію включены новыя. Такъ, напр., предписано испытывать ставленниковъ и не опредѣлять тѣхъ изъ нихъ, которые окажутся ханжами, лицемѣрами, разсказывающими сны и видѣнія. Чтобы священникъ зналъ, какъ въ разныхъ случаяхъ исполнять свои обязанности, должны быть написаны на каждый случай особыя статьи, которыя бы онъ могъ говорить наизусть или по книжкѣ читать больному, умирающему, ведомому на казнь и проч. Такія наставленія признаны нужными, «покамѣстъ подастъ Богъ увидѣть въ Россіи совершенное ученіе». Въ то же время за-

прещено приглашать священниковъ на домъ для службы, и всякое вымогательство, съ ихъ стороны, высокой платы за требы объявлено противозаконнымъ.

Особенно важны приложенныя къ «Регламенту» постановленія о монашествѣ. Давно уже Петръ Великій старался ограничить какъ число монастырей и монаховъ, такъ и вкравшіяся въ монастырскую жизнь злоупотребленія, предметъ общихъ жалобъ. Преобразованія въ этомъ смыслѣ начались съ учрежденія монастырскаго приказа въ 1701 году. Вскорѣ запрещено было постригать кого бы ни было безъ царскаго указа; для лучшаго исполненія иноческаго обѣта отобраны у монашествующихъ вотчины и угодья; взамѣнъ того каждому монаху назначено вознагражденіе частью деньгами, частью въ натурѣ. Съ изданіемъ «Духовнаго Регламента» опредѣленъ возрастъ, ранѣе котораго нельзя постригаться, — для мужчинъ 30 лѣтъ, для женщинъ 50; служащіе военные люди вовсе не допускаются къ монастырскому житію и т. д. Всякому постриженію долженъ предшествовать трехлѣтній искусъ или послушничество. Настоятели не должны позволять монахамъ оставаться праздными, но всегда занимають ихъ какимъ-нибудь дѣломъ. При этомъ замѣчено, что хорошо бы завести въ монастыряхъ ремесла, напр. столярное и иконописное. По всѣмъ обителямъ опредѣлено учить иноковъ чтенію и объяснять имъ священное писаніе; вообще установлены правила для честнаго монашескаго житія. Впослѣдствіи предписано, чтобъ число вновь принимаемыхъ не превышало числа выбывающихъ и чтобъ отставные солдаты были въ этомъ случаѣ предпочитаемы всякому другому.

Заботы объ очищеніи религіозныхъ понятій и о преобразованіи монастырей занимали Петра и послѣ изданія «Духовнаго Регламента», въ остальные годы его жизни, особенно послѣ возвращенія изъ персидскаго похода. Въ народѣ было распространено лицемѣріе и ханжество. Петръ давно намѣревался издать обличительную книгу противъ ханжей, и, наконецъ, самъ составилъ для такого сочиненія программу, въ которой, указавъ порознь грѣхи противъ каждой заповѣди, вывелъ заключеніе, что всѣми ими вмѣстѣ осуждается и лицемѣріе, хотя оно ни въ одной изъ нихъ не названо по имени: «сей грѣхъ всѣ вышеписанные въ себѣ содержитъ», говоритъ Петръ и развиваетъ эту мысль въ примѣненіи къ каждой заповѣди.

По этой программ Ѳеофанъ написалъ задуманную государемъ книгу о блаженствахъ, которая и была напечатана. Замѣчательно, что ненависть къ ханжамъ проявилась уже въ шестнадцатилѣтнемъ Петрѣ: видя при дворѣ своей невѣстки, царицы Прасковьи Ѳедоровны, юродивыхъ и пустосвятовъ, которымъ оказывали уваженіе, какъ святымъ и пророкамъ, молодой царь назвалъ этотъ дворъ госпиталемъ уродовъ и лицемѣровъ. Во всю жизнь онъ любилъ разоблачать обманы, подлоги и ложныя чудеса, которыми корыстолюбивые святоши старались выманивать деньги у легковѣрныхъ.

Къ монашеству Петръ относился все болѣе и болѣе неблагосклонно: въ особой запискѣ, разсмотрѣвъ происхожденіе его и значеніе, онъ замѣтилъ, что монахи, большею частью, тунеядцы. Поэтому монастырямъ поставлялась на будущее время двоякая общеполезная цѣль: исполнять человѣколюбивыя обязанности и замѣщать изъ среды братіи церковныя должности. Ровно за годъ до своей кончины Петръ подписалъ указъ, составленный имъ по этой мысли при участіи Ѳеофана: тутъ монастырямъ дается, между прочимъ, назначеніе пристанищъ для подкидываемыхъ младенцевъ, для престарѣлыхъ, больныхъ и увѣчныхъ; наконецъ, въ монастыряхъ же должны быть учреждаемы школы. Вскорѣ приняты были и мѣры къ исполненію этихъ предположеній; но смерть монарха разстроила дѣло въ самомъ началѣ, и «все оное, — по словамъ историка Татищева, — въ забвеніи осталось».

Я позволилъ себѣ остановиться особенно на «Духовномъ Регламентѣ» и послѣдующемъ развитіи выраженныхъ въ немъ идей, чтобъ показать, какое глубокое значеніе имѣла просвѣтительная дѣятельность Петра Великаго. *Гротъ.*

Практическое приложеніе правилъ „Духовнаго Регламента" относительно духовныхъ школъ.

Обращаясь къ практическому приложенію правилъ «Регламента», мы прежде всего видимъ, что принципъ спеціальности и сословнаго значенія духовныхъ школъ оказался достаточно сильнымъ на первыхъ же порахъ и успѣшно сталъ развиваться на практикѣ при самомъ же Петрѣ. Какъ бы ни желательно

было правительству извлечь изъ духовныхъ школъ побольше выгодъ для своей собственной службы, специальное назначеніе ихъ воспитывать людей для службы церковной должно было необходимо стоять на первомъ планѣ уже по одному тому, что это были школы архіерейскія, церковныя, и содержались исключительно на церковныя же средства, на сборы съ духовенства, безъ помощи со стороны правительства. Церковному вѣдомству очевидно было невыгодно употреблять эти средства на образованіе постороннихъ людей и на «иныя» службы, не выгодно ему было также выпускать на такія иныя службы и своихъ питомцевъ, составлявшихъ его лучшія и, по малочисленности своей, чрезвычайно нужныя силы.

Св. Синодъ съ самаго же начала своего существованія прямо высказался въ пользу специальной и сословной постановки духовнаго образованія. Первый поводъ къ этому подалъ известный уже намъ вопросъ о вызовѣ дѣтей духовенства въ цыфирныя школы. Въ началѣ іюня 1721 года адмиралтейская коллегія въ своемъ доношеніи Св. Синоду изъяснила, что въ цыфирныя школы учениковъ доселѣ въ присылкѣ находится малое число, и что пусть бы Св. Синодъ распорядился объ отсылкѣ годныхъ къ ариѳметическому ученію дѣтей по своему вѣдомству, нимало не медля, чтобы опредѣленные уже въ губерніяхъ и провинціяхъ учителя, за неприсылкою оныхъ дѣтей, безъ дѣла не были и даромъ жалованья не брали. По поводу этого доношенія Св. Синодъ опредѣлилъ высылать въ цыфирныя школы только такихъ дѣтей своего вѣдомства, которыя не обучаются въ духовныхъ школахъ и не потребуются къ поступленію въ семинарію, а другихъ, которыя потребны для самой церкви, для ея собственныхъ школъ, не высылать. Въ ноябрѣ того же года онъ почелъ нужнымъ сдѣлать государю особый докладъ, въ которомъ просилъ освободить отъ посылки въ ариѳметическія школы всѣхъ вообще священно- и церковнослужительскихъ дѣтей, и получилъ на то утвердительную резолюцію. Дѣло, впрочемъ, этимъ не окончилось, потому что безъ духовныхъ дѣтей ариѳметическія школы почти совсѣмъ опустѣли, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ еще не успѣли открыться, стало вовсе невозможно и заводить ихъ. Такъ, напр., одинъ энергичный воевода въ Вяткѣ Чаадаевъ, какъ разъ въ 1721 году, вздумалъ возревновать объ открытіи цыфирной школы и началъ о томъ переписку съ архіерейскимъ прика-

зомъ, но обученіе духовныхъ дѣтей въ свѣтской цыфирной школѣ оказалось и здѣсь непріятнымъ для духовенства, какъ вездѣ; дѣтей въ школу не высылали, несмотря на то, что требованіе Чаадаева повторено было три раза. Воевода, наконецъ, рѣшился устроить школу собственными средствами при провинціальной канцеляріи, помимо епархіальной власти, для чего и разослалъ по уѣзду собственныхъ провинціальныхъ солдатъ и приставовъ съ порученіемъ забирать всѣхъ годныхъ для школы и доставлять ихъ въ Вятку. Но къ этому времени успѣлъ уже выйти указъ Св. Синода о непосылкѣ духовныхъ дѣтей въ свѣтскія школы, и дѣло объ открытіи вятской школы остановилось. Мѣстныя власти, завѣдывавшія цыфирными школами, и учителя ариѳметики, проживавшіе по губерніямъ безъ дѣла, забезпокоились и обратились въ 1722 году съ жалобами на духовное вѣдомство въ адмиралтейскую коллегію и канцелярію Академіи Наукъ. Московская губернская канцелярія доносила, что въ Москвѣ открыта цыфирная школа на нижегородскомъ подворьѣ, но духовенство дѣтей своихъ, по многимъ посылкамъ, въ нее не ведетъ. Изъ Коломны комиссаръ Новиковъ писалъ, что коломенскій митрополитъ Іоанникій высылать духовныхъ дѣтей въ школу безъ послушнаго синодальнаго указа прямо запретилъ, а такого послушнаго указа изъ Синода доселѣ не прислано. Изъ Новгорода писалъ учитель Залуцкій, что прежде школа ему была отведена при архіерейскомъ домѣ, были въ ней и ученики изъ духовнаго вѣдомства, а нынѣ по приказу преосвященнаго Ѳеодосія «въ тое школу его учить учениковъ не пускаютъ и учитъ де онъ на квартирѣ своей съ великою нуждою, также де и учениковъ изъ духовнаго вѣдомства къ нему не опредѣляютъ, а которые де и опредѣлены были въ ученіе, многіе безъ отпусковъ отлучились». Калужскій учитель Губинъ и рязанскій Павловъ донесли, что мѣстныя епархіальныя власти безъ послушнаго указа Синода ни учениковъ къ нимъ не посылаютъ ни даже мѣстъ для школъ не отводятъ. Академическая канцелярія представила обо всѣхъ этихъ доношеніяхъ Св. Синоду, прося его сдѣлать надлежащее опредѣленіе. Выслушавъ ея бумагу, Св. Синодъ повторилъ о духовныхъ дѣтяхъ прежніе указы 1721 года и, кромѣ того, рѣшительно отказалъ канцеляріи въ отводѣ для цыфирныхъ школъ мѣстъ при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ, потому что, писалъ онъ, хотя указы о такомъ отводѣ и дѣи-

ствительно были прежде изданы, но это было еще до изданія «Д. Регламента», а теперь при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ положено заводить духовныя школы, поэтому цыфирные учителя пусть и обращаются съ своими просьбами о мѣстахъ для школъ къ свѣтскимъ командирамъ, а не къ духовнымъ. Требованія и даже насильственные наборы духовныхъ дѣтей въ цыфирныя школы въ разныхъ мѣстахъ долго не прекращались и послѣ этихъ рѣшительныхъ распоряженій Синода, такъ что приведенные указы Синоду пришлось повторить еще нѣсколько разъ; онъ все-таки достигъ своей цѣли и успѣшно отстоялъ свой принципъ, что духовныя дѣти не должны быть требуемы въ свѣтскія школы.

Но едва только покончился этотъ вопросъ, какъ изъ него возникъ другой, не менѣе опасный для интересовъ духовнаго вѣдомства. Цыфирныя школы стали пустѣть; изъ губерній и провинцій писали, что «въ тѣхъ школахъ сначала въ присылкѣ было учениковъ по 722 годъ 1389, изъ того числа выучено 93 человѣка (только), а затѣмъ остальные едва не всѣ синодальной команды бѣжали», т.-е. вѣроятно, уволились отъ цыфирнаго ученія, воспользовавшись приведенными указами Синода; учителей изъ Москвы и Петербурга было отправлено въ губерніи 47 человѣкъ, изъ нихъ 18 воротились назадъ за неимѣніемъ учениковъ. Въ ученіи цыфирномъ обязательно оставались лишь дѣти приказнаго чина и монастырскихъ слугъ, такъ что цыфирныя школы оказывалось не изъ-за чего содержать. Между тѣмъ Св. Синодъ въ своихъ веденіяхъ и указахъ по вопросу о посылкѣ въ нихъ дѣтей духовенства заявлялъ, что особое цыфирное обученіе для его вѣдомства не нужно, что въ школахъ при архіерейскихъ домахъ между другими предметами будетъ преподаваться также и цыфирное обученіе, такъ что воспитанники ихъ въ одно и то же время удовлетворятъ и требованію указовъ 1714 -1716 гг. о цыфирной наукѣ и требованію «Д. Регламента» относительно свойственнаго ихъ происхожденію духовнаго образованія. Послѣ этого у правительства, естественно, возникала мысль: оставлять ли цыфирныя школы въ самостоятельномъ видѣ на казенномъ содержаніи, или для сокращенія издержекъ присоединить ихъ къ школамъ архіерейскимъ? Въ маѣ 1723 года, присутствуя въ адмиралтейской коллегіи, государь на докладъ коллегіи о школахъ поставилъ именно этотъ самый вопросъ и указалъ

заняться обсужденіемъ его Сенату. Св. Синодъ едва ли ожидалъ такого оборота дѣла; духовныя школы, о сословномъ значеніи которыхъ онъ такъ много заботился, въ случаѣ присоединенія къ нимъ ариѳметическихъ школъ, кромѣ воспитанія духовныхъ дѣтей въ надежду священства, очевидно, должны были принять на себя еще нелегкую повинность обучать ариѳметикѣ разныхъ юношей постороннихъ вѣдомствъ и для цѣлей вовсе нецерковныхъ. Конференція его съ Сенатомъ по этому предмету состоялась уже въ половинѣ сентября того же года. Сенатъ прямо потребовалъ присоединенія цыфирныхъ школъ вмѣстѣ съ учителями къ архіерейскимъ. Св. Синодъ сталъ уклоняться отъ этого рѣшенія и возразилъ, что этого сдѣлать нельзя, потому что архіерейскія школы еще нигдѣ и не открыты, кромѣ Новгорода. Можно замѣтить здѣсь кстати, что прежде при рѣшеніи вопроса о посылкѣ въ цыфирныя школы дѣтей духовенства онъ этого не говорилъ, а упиралъ исключительно на то, что школы при архіерейскихъ домахъ непремѣнно будутъ открыты по требованію «Д. Регламента». Сенатъ отвѣчалъ, что требуемое соединеніе школъ можно пока и ограничить однимъ Новгородомъ. Синоду, разумѣется, пришлось на это согласиться, но онъ все-таки успѣлъ выговорить два весьма выгодныя условія, чтобы новгородская цыфирная школа и учителя ея поступили подъ общую съ архіерейской школой дирекцію епархіальную, а расходы на нее и на жалованье учителямъ покрывались не изъ церковныхъ суммъ, а на счетъ прежняго источника, т.-е. губернскихъ доходовъ. Общій вопросъ, такимъ образомъ, сведенъ былъ пока къ частному рѣшенію и притомъ далеко не въ томъ смыслѣ, какой первоначально имѣло правительство; но и въ этомъ видѣ рѣшеніе конференціи 1723 года не приводилось въ исполненіе во все время царствованія Петра. Послѣ него при Екатеринѣ въ октябрѣ 1726 года, вслѣдствіе новыхъ представленій о цыфирныхъ школахъ изъ адмиралтейской коллегіи, вышелъ именной указъ уже объ общемъ ихъ сліяніи съ архіерейскими школами; побужденіемъ къ этому распоряженію выставлено то, что въ нихъ было по прежнему очень мало учениковъ, что при означенномъ сліяніи онѣ не потребуютъ лишнихъ издержекъ, что, наконецъ, и учатся въ нихъ доселѣ все больше дѣти духовнаго вѣдомства. На этотъ разъ школы эти должны были поступить на общее содержаніе съ архіерейскими и

въ полное вѣдѣніе Св. Синода. Но и этотъ указъ тоже остался безъ исполненія: Синодъ не принялъ ихъ въ свое вѣдомство, какъ до духовнаго правительства не подлежащія. Судьба назначила имъ сліяніе не съ духовными школами, а съ гарнизонными, каковое и послѣдовало въ 1744 году уже при императрицѣ Елизаветѣ (по указу 26-го октября).

Посылка для образованія въ духовныя школы разныхъ людей свѣтскаго вѣдомства, въ родѣ дворянскихъ недорослей, дьячковскихъ и подьяческихъ дѣтей, посадскихъ и др., при Петрѣ практиковалась въ довольно широкихъ размѣрахъ, такъ что, напр., въ Петербургской семинаріи такихъ свѣтскихъ учениковъ было даже больше, чѣмъ духовныхъ. Но какъ ни очевидно доказывали законы Петра его любимую мысль, что для излишка огромныхъ церковныхъ доходовъ самое лучшее употребленіе будетъ, если на счетъ ихъ заводить школы для образованія народа и хорошихъ слугъ для государства, сословный и финансовый интересы оказались сильнѣе всякихъ доказательствъ. Св. Синодъ въ своихъ указахъ постоянно настаивалъ на той мысли, что духовныя школы назначены для образованія духовныхъ дѣтей въ надеждѣ лучшаго священства. Въ первый же годъ по смерти Петра въ Петербургской семинаріи всѣ ненужные для духовной службы свѣтскіе ученики были переведены съ монастырскаго на свое содержаніе, а многіе и вовсе высланы изъ заведенія для избранія рода жизни. Въ Московской академіи ректоръ Гедеонъ въ 1725 году отказалъ въ пріемѣ присланнымъ въ нее по старой памяти дворянскимъ недорослямъ на томъ основаніи, что «въ той школѣ происходятъ во ученіе токмо духовныхъ персонъ дѣти, которыя бъ могли въ духовный чинъ происходить».

Въ тѣхъ же видахъ духовное начальство чрезвычайно дорожило каждымъ ученикомъ, котораго успѣло или только имѣло еще въ виду завербовать въ школу изъ своего вѣдомства, и употребляло всѣ мѣры, чтобы удержать его у себя и не выпустить въ свѣтскую службу или науку. Отъ записи въ податное состояніе и отъ опредѣленія въ военную службу ученики духовныхъ школъ были освобождены самимъ правительствомъ. Потомъ, тѣмъ же докладомъ 1721 года, которымъ дѣти духовенства освобождались отъ цыфирныхъ школъ, Св. Синодъ исходатайствовалъ для нихъ свободу отъ посылки «и къ прочимъ свѣтскимъ наукамъ», такъ какъ они нужны для откры-

вающихся духовныхъ школъ. При крайней нуждѣ въ образованныхъ людяхъ, по всѣмъ вѣдомствамъ, Св. Синодъ долженъ былъ бдительно беречь свои школы отъ постороннихъ покушеній на ихъ учениковъ. Въ іюлѣ 1721 года, по докладу изъ Московской академіи «о защитѣ пребывающихъ во ученіи, чтобъ никто не имѣлъ власти отнимать ихъ, по различнымъ приказамъ таскать и къ инымъ дѣламъ и ученіямъ опредѣлять», онъ опредѣлилъ безъ синодальнаго указа учениковъ никуда не отдавать и ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять. Но нарушенія подобныхъ распоряженій въ тогдашнее время были почти неизбѣжны, и приведеніе ихъ въ исполненіе стоило не мало хлопотъ. Въ слѣдующемъ, напр., году префектъ московскихъ славяно-латинскихъ школъ Гедеонъ Грембецкій жаловался Синоду на доктора Бидло, что онъ, докторъ Быдловъ, презрѣвъ запретительный государевъ указъ, «не вѣдомо, какою властью, потаенно, славяно-латинскихъ школъ что ни лучшихъ учениковъ къ себѣ призываетъ и записуетъ въ анатомическое ученіе безъ ректорскаго и префектовскаго вѣдома; и буде помянутому доктору таковый умыселъ хитрый указомъ изъ Св. Прав. Синода не заградится, то весьма школамъ славяно-латинскимъ быть въ разореніи, якоже и прежде бывало, покамѣстъ ему Быдлову указомъ его императорскаго величества не запрещено было». Бидло съ своей стороны доносилъ, что брать учениковъ славяно-латинскихъ школъ, знающихъ латинскій языкъ, ему необходимо для пополненія комплекта хирургическихъ школъ, что, кромѣ того, ученики поступаютъ къ нему доброхотно, сами желая быть въ хирургической наукѣ. Не знаемъ, чѣмъ кончилось это дѣло, но по справкѣ въ Св. Синодѣ оказалось, что съ 1719 по 1722 годъ Бидло успѣлъ перетянуть къ себѣ изъ славяно-латинскихъ школъ 108 человѣкъ духовныхъ воспитанниковъ. Были случаи, что духовныхъ воспитанниковъ забирали даже въ солдаты и матросы, хотя это было положительно запрещено правительствомъ. Такъ, въ 1723 году тотъ же ректоръ Гедеонъ донесъ, что изъ Академіи взято 5 учениковъ въ матросы, да еще одного ученика, солдатскаго сына, потребовали въ солдаты. Св. Синодъ вступился въ это дѣло и потребовалъ отъ Сената, чтобы взятые ученики были возвращены назадъ «и чтобъ впредь такія дѣйства были пресѣчены, и ученію школьному препятія не чинилось», причемъ въ подкрѣпленіе своего требованія привелъ распоряже-

ніе «Регламента» и упомянутый указъ 1721 года о томъ, чтобы безъ вѣдома Синода ученики никуда не были увольняемы изъ духовно-учебныхъ заведеній. Нельзя не обратить въ этомъ дѣлѣ вниманія на весьма важное обстоятельство: одинъ изъ учениковъ, о которыхъ говорилось въ донесеніи, былъ не духовнаго происхожденія, по всей вѣроятности, и другіе пятеро были такіе же, иначе довольно мудрено представить, какъ ихъ могли забрать въ матросы. Въ своемъ опредѣленіи Св. Синодъ не даромъ потребовалъ отъ Гедеона справки: «о пріемѣ всякаго чина людей къ наукамъ въ школы, какіе гдѣ съ состоянія тѣхъ школъ указы обрѣтаются ль, и буде гдѣ такіе указы есть, выписавъ обстоятельно, прислать въ Св. Синодъ копіи». Кромѣ того, что духовное вѣдомство, какъ мы уже говорили, само не совсѣмъ благосклонно смотрѣло на обученіе въ своихъ школахъ постороннихъ людей, за пріемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ духовныя школы можно было опасаться неудовольствія и отъ правительства, которое очень ревниво стояло за интересы своей службы и тягла и не могло смотрѣть сквозь пальцы на то, какъ его служилые и податные люди чрезъ поступленіе въ школы будутъ выходить изъ служилаго и податного состоянія въ духовное. Мы не имѣемъ свѣдѣній, какія справки представилъ Гедеонъ на требованіе Св. Синода, продолжалось ли это дѣло далѣе, и вообще возникалъ ли вопросъ о пріемѣ въ духовныя школы учениковъ изъ податного класса и изъ солдатскихъ дѣтей при Петрѣ. Но послѣ него вскорѣ такой вопросъ дѣйствительно былъ поднятъ, и указомъ Св. Синода 1728 года рѣшенъ былъ въ отрицательномъ смыслѣ.

Для дѣтей духовенства обученіе въ духовныхъ школахъ послѣ изданія «Д. Регламента» получило обязательный характеръ; равнымъ образомъ, для епархіальныхъ начальствъ стало обязательнымъ заведеніе этихъ школъ. Требованія представлять духовныхъ дѣтей въ школы сдѣлались чаще и настойчивѣе. Прежде всего эти требованія коснулись, разумѣется, духовенства московской епархіи, гдѣ было уже готовое учебное заведеніе, — Академія. Въ первый же годъ своего существованія предъ открытіемъ годичнаго курса въ Академіи (отъ 28-го августа) Св. Синодъ издалъ строгій указъ, чтобы всѣ священно- и церковно-служители московской епархіи приводили своихъ дѣтей отъ 13 до 20 лѣтъ въ славяно-латинскія школы безъ всякаго отлагательства, съ поручными записями, чтобы быть

этимъ дѣтямъ въ школахъ неотъемлемо до самаго окончанія курса. «А ежели, — угрожалъ указъ, — изъ оныхъ кто дѣтей своихъ въ школы для наукъ не объявитъ, или по отдачѣ въ оныя школы, не окончивъ, паки отлучитъ, или изъ оныхъ ихъ дѣтей который сбѣжитъ, то отцы, не точію каждый отъ своей церкви отлученъ будетъ, но и нигдѣ служить допущенъ не будетъ. А таковыхъ священническихъ и діаконскихъ дѣтей, которыя въ школахъ наукъ не пріимутъ, въ священники не производить; а ежели дьячковскія и пономарскія дѣти науки примутъ, и таковыхъ и въ священники производить, несмотря и на священническихъ дѣтей». По поводу вопроса объ освобожденіи духовныхъ дѣтей отъ цыфирныхъ школъ сила этого частнаго указа была потомъ въ томъ же 1721 и въ слѣдующихъ годахъ распространена на всѣ епархіи, потому что, согласно ходатайству Синода, освобождаясь отъ обученія въ цыфирныхъ школахъ, дѣти духовенства тѣмъ самымъ обязывались къ поступленію въ духовныя школы. Въ то же время въ Синодѣ и Сенатѣ шло рѣшеніе другого весьма важнаго для духовенства вопроса о томъ, записывать ли духовныхъ дѣтей въ подушный окладъ. Первоначальное рѣшеніе этого вопроса въ свѣтскомъ вѣдомствѣ направлялось въ томъ смыслѣ, что отъ подушнаго оклада слѣдуетъ освободить лишь однихъ священнослужителей самихъ лично, а всѣхъ церковниковъ и всѣхъ дѣтей какъ ихъ, такъ и священнослужительскихъ записать въ податное состояніе. Св. Синодъ энергично возсталъ противъ такого рѣшенія и неоднократными представленіями правительству въ теченіе почти двухъ лѣтъ въ 1722 году успѣлъ исходатайствовать свободу отъ подушнаго оклада для всѣхъ штатныхъ или дѣйствительно служащихъ духовныхъ лицъ вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми; но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣтей этихъ уже непремѣнно велѣно учить въ школахъ для приготовленія къ церковнымъ должностямъ, а не учившихся или лѣниво учившихся «пріобщить къ числу такихъ церковническихъ дѣтей, которыя, яко излишнія и свыше потребы подъ именемъ церковнаго причта бывшія, во оной подушный окладъ выключены». Такимъ образомъ сынъ духовнаго лица, уклоняясь отъ обязательной для него школы, тѣмъ самымъ долженъ былъ лишаться своего званія и поступать въ податное состояніе. Правило это имѣло потомъ важное практическое значеніе во время частыхъ разборовъ духовенства какъ при Петрѣ, такъ и послѣ него въ теченіе всего XVIII столѣтія.

Въ то же время для привлеченія духовныхъ дѣтей въ школы Св. Синодъ въ своихъ указахъ настойчиво развивалъ мысль «Регламента» объ опредѣленіи на церковныя мѣста лишь ученыхъ кандидатовъ. Приведеніе этой мысли въ исполненіе тоже началось съ Москвы, гдѣ ко всѣмъ лучшимъ церквамъ въ священники и діаконы велѣно было поставлять только учениковъ славяно-латинскихъ школъ, потомъ, по возможности, распространялось по всѣмъ епархіямъ. Въ епархіяхъ, гдѣ не было школъ или гдѣ изъ однихъ школьныхъ учениковъ невозможно было получать достаточнаго числа кандидатовъ священства по малости школы, руководствовались распоряженіями объ обязательномъ изученіи для всѣхъ ставлениковъ, по крайней мѣрѣ, букваря Ѳеофана Прокоповича. Постановленіе объ экзаменѣ ставлениковъ 1711 года было подтверждено съ особенною подробностью въ прибавленіи къ «Регламенту». «Каждый ставленикъ обязанъ былъ прожить нѣсколько времени при архіерейскомъ домѣ для изученія своихъ обязанностей, а между тѣмъ архіерей долженъ былъ испытывать его, кромѣ того, знаетъ ли онъ книжицу о вѣрѣ, еще въ томъ, «не ханжа ли онъ и не притворяетъ ли смиренія, что умному человѣку не трудно узнать; такожде не сказуетъ ли своихъ о себѣ или и о иномъ сновъ и видѣній: ибо отъ таковыхъ каковаго добра надѣятися, развѣ бабьихъ басенъ и иныхъ вредныхъ въ народѣ плевелъ вмѣсто здраваго ученія». Изъ описанія ставленическихъ экзаменовъ у Посошкова видно, что архіереи первоначально сами производили эти экзамены; но потомъ при архіерейскихъ каѳедрахъ возникла особая должность экзаминаторовъ, которая постепенно получала все болѣе и болѣе важное значеніе въ ставленическомъ дѣлопроизводствѣ...

Но пока еще школы заводились, пока шло въ нихъ образованіе новыхъ кандидатовъ на церковныя мѣста, пока число этихъ кандидатовъ возросло до того, что неученому человѣку, дѣйствительно, становилось трудно поступать на церковную службу, прошло много времени, въ теченіе котораго въ средѣ духовенства шла упрямая оппозиція противъ обязательности школьнаго образованія. Нужды въ этомъ образованіи, котораго не знали ни отцы ни дѣды, благополучно служившіе при церквахъ и безъ него, не понимали, видѣли въ немъ только потерю времени и лишнія тяжести. Прежде сынъ духовнаго лица выучивался часослову и псалтирю у своего отца или ма-

стера, спокойно оставаясь при своей семьѣ, и не только не требовалъ расходовъ на свое содержаніе въ школьномъ городѣ, а еще самъ приносилъ семьѣ доходъ, съ раннихъ лѣтъ служа при родной церкви въ низшихъ должностяхъ клира и при этомъ практически готовясь на отцовское или другое наслѣдное мѣсто; теперь нужно стало лѣтъ съ 10 или 13 ѣхать въ епархіальный городъ, съ чувствительными издержками, далеко отъ семьи, мѣнять свободную жизнь у себя въ деревнѣ на монастырское заключеніе въ школѣ, на жизнь, стѣсненную съ утра до вечера формами, на глазахъ строгихъ префектовъ съ лозами въ рукахъ; кромѣ того, учиться тамъ какой-то новой наукѣ, латинской, едва ли даже не еретической, во всякомъ случаѣ совершенно ненужной съ тогдашней привычной точки зрѣнія на подготовку къ духовному служенію. Воображая всѣ трудности мудреной науки и всѣ строгости школьной жизни, тогдашнее духовенство составило о школахъ понятіе, какъ о мѣстѣ мученія, и съ величайшею скорбью отдавало туда своихъ дѣтей. Не даромъ «Д. Регламентъ» сравнивалъ наборъ дѣтей въ школы съ наборомъ въ солдаты. Въ одной интермедіи начала XVIII вѣка до насъ сохранился горькій плачъ дьячка, у котораго отобрали «на муку въ проклятую серимарію (sic)» дѣтей:

> О, мои дѣтушки сердечные!
> Не на ученье васъ берутъ, но на мученье безконечное...
> Лучше бъ васъ своими руками въ землю закопалъ,
> Нежели къ серимарію на муку отдалъ.

Ни угрозы ни привилегіи не могли подѣйствовать на сердобольныхъ отцовъ, и наборъ въ школы шелъ чрезвычайно туго. Кромѣ того, не мало было хлопотъ съ духовными дѣтьми и послѣ того, какъ ихъ удавалось заманить въ науку; вкусивъ сладости школьной жизни, о которой говорилъ «Д. Регламентъ», ученикъ, улучивъ время, бѣжалъ изъ школы домой къ роднымъ пенатамъ, гдѣ посыльные изъ школы или изъ монастырскаго приказа съ трудомъ могли его отыскать, чтобы препроводить его обратно въ кандалахъ для продолженія ученія: сами же отцы укрывали своихъ бѣглыхъ дѣтей, несмотря на то, что за это Синодъ угрожалъ лишеніемъ должности.

Однихъ указовъ объ отдачѣ дѣтей въ школы оказывалось мало; поэтому для поддержанія требованій объ обязательности школьнаго ученія пришлось прибѣгнуть къ болѣе рѣшитель-

нымъ мѣрамъ. Осенью 1722 года, вѣроятно, вслѣдствіе полученныхъ тогда свѣдѣній о маломъ числѣ поступающихъ въ школы, Св. Синодъ издалъ указъ переписать всѣхъ священнослужительскихъ дѣтей, годныхъ по лѣтамъ въ ученье, какъ въ московской, такъ и въ другихъ епархіяхъ, и по переписи «производить ихъ по вышеобъявленному въ «Д. Регламентѣ» опредѣленію въ школы». Осенью слѣдующаго 1723 года на духовныя школы обратилъ вниманіе самъ государь и, при свиданіи съ архіепископомъ Ѳеодосіемъ Яновскимъ, вице-президентомъ Синода, объявилъ ему свою волю, чтобы духовныхъ дѣтей, которыя учиться могутъ, духовныя начальства непремѣнно набирали въ школы; «а которыя, — прибавилъ онъ къ этому, — въ ученіи быть не похотятъ, тѣхъ имать въ школы и неволею и учить ихъ въ надеждѣ лучшаго священства, какъ Д. Регламентомъ опредѣлено». Ѳеодосій объявилъ этотъ словесный указъ Синоду, а Синодъ «безъ всякаго медленія» разослалъ его по епархіямъ, опредѣливъ, чтобы учениковъ для школьнаго ученія имали между дѣтьми духовенства отъ 7 до 18 лѣтъ. Съ этихъ поръ въ епархіяхъ, гдѣ были заведены школы, стали каждогодно предъ началомъ ученія дѣлать нѣчто въ родѣ смотра духовныхъ недорослей, для чего ихъ или привозили въ епархіальный городъ, или собирали у окружныхъ духовныхъ управителей и заказчиковъ; здѣсь производился имъ разборъ по лѣтамъ и отчасти по способностямъ, послѣ чего годные записывались въ школу и ввѣрялись школьному начальству. Для наблюденія за успѣхами школьнаго ученія указомъ отъ 14 февраля 1724 года школьнымъ начальствамъ велѣно подавать Синоду рапорты ежегодно два раза (въ январѣ и іюлѣ) съ обозначеніемъ, кто въ какихъ наукахъ и съ котораго времени обучается, съ какимъ прилежаніемъ и совершенствомъ, на манеръ такихъ же рапортовъ, заведенныхъ по свѣтскимъ школамъ для подачи въ Сенатъ.

Вводя обязательное школьное ученіе среди духовенства, Св. Синодъ въ то же время торопилъ заведеніемъ школъ самихъ архіереевъ, постоянно напоминая имъ въ своихъ указахъ извѣстное распоряженіе «Д. Регламента» и отличая тѣхъ изъ нихъ, которые показывали наибольшую ревность къ распространенію школьнаго образованія. Самыми ранними школами, явившимися въ первый же годъ по открытіи Синода, были школы петербургскія и нижегородскія...

Въ теченіе четырехъ лѣтъ послѣ учрежденія Синода успѣло возникнуть до 13 школъ въ разныхъ епархіяхъ. Школьное обученіе распространялось довольно поспѣшно, но, несмотря на всѣ побужденія, какія шли сверху къ епархіальнымъ начальствамъ, непремѣнно и какъ можно скорѣе заводить школы по всѣмъ епархіямъ, оно все-таки не успѣло сдѣлаться при Петрѣ повсемѣстнымъ, да и тамъ, гдѣ уже было заведено, большею частью, не успѣло утвердиться на прочномъ основаніи и подвержено было въ своемъ существованіи разнымъ случайностямъ. Современники приписывали замедленіе въ открытіи школъ при нѣкоторыхъ архіерейскихъ каѳедрахъ не одному отвращенію отъ ученія со стороны низшаго духовенства, но и самимъ архіереямъ. «И сего не вѣмъ, чего ради тако дѣется, — писалъ Посошковъ, — токмо мню, аще и страшно ми изрещи, дабы архіерейская клятва на мя не пала, а наипаче не вѣмъ, како ми восписати, понеже азъ признаваю, еже отъ оплошки архіерейскія тако чинится». Нѣкоторые изъ великорусскихъ архіереевъ, дѣйствительно, показали большое нерасположеніе къ кіевскимъ нововведеніямъ, къ числу которыхъ относили и учрежденіе школъ, принимались за это дѣло неохотно, тянули его, а послѣ смерти грознаго царя, «вмѣняя себѣ въ добродѣтель все прежде небывалое въ Россіи истреблять безъ остатку», немедленно распускали собранныхъ учениковъ по домамъ, а школы закрывали. Но одну архіерейскую оплошку все-таки никакъ нельзя считать единственною причиною не столь быстраго и прочнаго заведенія школъ, какое бы желалось. Припомнимъ, что даже такіе архіереи-ревнители образованія, какъ св. Димитрій Ростовскій, принуждены были иногда почти вовсе отступаться отъ тяжелаго школьнаго дѣла и горько жаловались на неблагопріятныя для него условія. Какъ только началось устроеніе школъ по «Д. Регламенту», такъ и архіереи и самъ Св. Синодъ встрѣтились при этомъ съ непреодолимыми на первый разъ препятствіями, какія представляла крайняя скудость какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ средствъ по епархіямъ.

Правда, нѣкоторые архіерейскіе дома были богаты, но другіе никакъ не могли покрыть тѣхъ расходовъ, какіе сопряжены были съ заведеніемъ и содержаніемъ школы. Хлѣбный сборъ съ церковныхъ и монастырскихъ земель, положенный «Регламентомъ» въ самую основу школьной экономіи, кромѣ того,

что требовалъ для своей организаціи времени, самъ по себѣ былъ источникомъ непостояннымъ, вполнѣ завися отъ степени мѣстнаго урожая хлѣбовъ въ тотъ или другой годъ, и, кромѣ того, сопровождался большими затрудненіями при его доставкѣ въ школу, особенно изъ отдаленныхъ отъ нея приходовъ и монастырей тогдашнихъ огромныхъ епархій.

Не менѣе матеріальной скудости развитію духовныхъ школъ мѣшала скудость въ средствахъ духовныхъ. Какъ только въ епархіяхъ приступили къ практическому осуществленію плановъ «Д. Регламента», такъ прежде всего возникъ вопросъ о томъ, откуда взять нужное число способныхъ учителей новыхъ латинскихъ ученій... Московскую академію еще кое-какъ удалось наполнить ими изъ Кіева. Но удовлетворить такому огромному запросу на нихъ, какой единовременно и почти неожиданно явился на нихъ въ разныхъ концахъ Россіи, одинъ Кіевъ удовлетворить оказывался не въ состояніи, а еще взять ихъ было неоткуда. Со временемъ Московская академія должна была оказать въ этомъ случаѣ большую подмогу для Кіевской, но ждать этого было долго. Сами кіевляне не совсѣмъ охотно отправлялись въ великорусскія епархіи, зная, что ихъ тамъ не особенно жалуютъ въ народѣ и духовенствѣ, и что единственной поддержки можно тамъ ждать отъ одного развѣ архіерея, если, впрочемъ, онъ тоже изъ малороссовъ и если его не скоро переведутъ куда-нибудь на другую каѳедру. Неохотно отпускали ихъ туда и ихъ собственныя кіевскія начальства, академическое и епархіальное, сами имѣя до нихъ не малую нужду. На требованія изъ Москвы присылать въ академію такихъ-то и такихъ-то ученыхъ монаховъ изъ Кіева неоднократно отвѣчали просьбами, нельзя ли оставить ихъ при Кіевской академіи или каѳедрѣ, которыя тоже крайне въ нихъ нуждаются.

Нѣкоторые архіереи-малороссы, отправляясь на великорусскія каѳедры, успѣвали заранѣе запастись учителями въ Малороссіи, которыхъ и привозили съ собою на мѣсто своего служенія; другіе вызывали желающихъ, уже поступивъ на каѳедру и исправившись съ ея средствами для заведенія школъ. Но и эти учителя были, большею частью, изъ неокончившихъ академическій курсъ въ Кіевѣ. Въ вѣдомости Св. Синода 1727 года упоминаются даже учителя польской породы, можетъ-быть, даже неправославные, которыми архіереи, за неимѣніемъ луч-

шихъ, спѣшили воспользоваться для введенія въ свои школы латинскаго языка, каковы: въ Казани шляхтичъ Свѣнцицкій или въ Тобольскѣ нѣкто Michaylo Lukaszewicz. Затѣмъ въ большинствѣ школъ видимъ все учителей изъ мѣстнаго духовенства, изрѣдка изъ іеромонаховъ и іеродіаконовъ архіерейскаго дома, а большею частью изъ мѣстныхъ діаконовъ, дьяковъ, пономарей, поповыхъ дѣтей, не пристроившихся къ мѣсту, и архіерейскихъ пѣвчихъ. Съ помощью такихъ людей обученіе, разумѣется, не могло далеко уйти, и курсы архіерейскихъ школъ должны были постоянно держаться на уровнѣ почти одного элементарнаго обученія.

Вслѣдствіе такого недостатка въ просвѣтительныхъ средствахъ Св. Синодъ на другой же годъ долженъ былъ значительно спустить тонъ просвѣтительныхъ требованій, слишкомъ высоко настроенный «Д. Регламентомъ». Въ указѣ 31 мая 1722 года о заведеніи школъ было сказано: «а понеже совершеннѣйшихъ ученій, богословскаго и философскаго, такожде и нужднѣйшихъ языковъ искусства, еще за скудость довольныхъ къ сему учителей, предавать невозможно, того ради учить нынѣ въ архіерейскихъ школахъ церковническихъ дѣтей, въ надежду священства опредѣленныхъ, по недавно изданнымъ перваго отроковъ ученія книжицамъ, букварями именуемымъ (сочиненія Ѳеофана Прокоповича)... И къ тому ученію во оныя школы, коемуждо архіерею въ своемъ домѣ, опредѣлить умныхъ и честныхъ учителей, которые въ книжномъ чтеніи были бы остры и разумны, и правоглаголаніе добрѣ произносить, и удареніе просодіи, и препинаніе строчное безпогрѣшно соблюдать знали и другихъ научить были довольны, и могли бъ оныхъ учить не только чисто, ясно и точно по книгамъ читать, но и разумѣть, а наипаче такъ тщались бы имъ оные буквари въ твердую память вложить, дабы изустно читать могли. И какъ уже тѣхъ букварей они изучатся и писать понавыкнутъ, тогда начинать имъ во обученіе славянскую грамматику, какъ уже въ новгородской епархіи такое букварное въ школахъ твержение и грамматическое ученіе, не точію при архіерейскомъ домѣ въ В. Новгородѣ, но и въ прочихъ городѣхъ и уѣздѣхъ дѣйствительно является. А къ тому грамматическому ученію коемуждо архіерею ученыхъ людей получать, откуду кто возможетъ, и о томъ грамматическомъ ученіи всеприлежное имѣть тщаніе, дабы тое во общую пользу вездѣ размножалося».

Кромѣ этого, какъ мы видѣли выше, при разсматриваніи тогдашняго вопроса объ ариѳметическихъ школахъ, въ архіерейскія школы рекомендовалось ввести еще ариѳметическое ученіе. Такъ какъ въ епархіяхъ ощущался большой недостатокъ въ книгахъ, то Св. Синодъ распорядился о немедленномъ напечатаніи потребнаго числа букварей и о разсылкѣ какъ ихъ, такъ и славянскихъ грамматикъ (славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго, изданная Поликарповымъ въ 1721 г.) по всѣмъ епархіямъ по настоящей цѣнѣ, какову и взять съ архіерейскихъ домовъ. Такимъ образомъ Св. Синоду послѣ широкихъ проектовъ «Д. Регламента» волей-неволей пришлось поворотить назадъ, чуть не къ старому допетровскому идеалу обученнаго человѣка, ограничивъ свои требованія въ дѣлѣ подготовки кандидатовъ на церковное пастырство одною грамотностью, да изученіемъ начатковъ православнаго ученія и ариѳметики. Что касается до самой практики духовныхъ школъ, то она отставала даже и отъ этихъ, болѣе чѣмъ скромныхъ, требованій. *Знаменскій.*

Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель.

Въ то время, когда жилъ и дѣйствовалъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, русское общество переживало эпоху тяжелаго кризиса, трудной внутренней борьбы, вызванной крутымъ поворотомъ отъ стараго, освященнаго вѣками византійско-московскаго склада жизни къ новому, европейскому. Въ подобныя эпохи особенное значеніе и вліяніе въ обществѣ и литературѣ всегда выпадаетъ на долю тѣхъ людей, которые, благодаря своимъ личнымъ качествамъ — степени умственнаго развитія, энергіи характера и т. п., могутъ сразу и безъ сожалѣнія порвать всякую связь съ преданіями старины и, всецѣло усвоивъ себѣ интересы новаго порядка, сдѣлаться его убѣжденными и послѣдовательными защитниками. Такіе люди являются въ своей теоретической и практической дѣятельности выразителями назрѣвшихъ въ лучшей части общества прогрессивныхъ стремленій; имъ принадлежатъ первые рѣшительные шаги въ новомъ направленіи; имъ приходится выносить на своихъ плечахъ всю тяжесть борьбы между разнородными общественными элементами.

Такимъ именно человѣкомъ представляется намъ Ѳеофанъ Прокоповичъ въ продолженіе всей своей литературной дѣятельности. Молодой, безвѣстный сирота, воспитавшійся въ монастырской кельѣ и рано надѣвшій монашескую рясу, не удовлетворяется тѣми образовательными средствами, какія даетъ ему единственное высшее учебное заведеніе его родины; въ душѣ его пробуждается неудержимая жажда знанія, страстное желаніе расширить свой умственный кругозоръ, и онъ рѣшается на опасный въ то время шагъ — идти въ далекую, чужую, иновѣрную страну, рѣшается даже отречься отъ своей вѣры, лишь бы только получить доступъ туда, гдѣ находится, по его мнѣнію, источникъ высшей мудрости, въ римскую іезуитскую коллегію. Стойкій, энергичный характеръ и сильный умъ Ѳеофана одержали блестящую побѣду надъ схоластическою іезуитскою педагогикой: изъ школы ультра-католической онъ вынесъ ожесточенную, непримиримую ненависть къ католицизму, — изъ школы, въ которой прежде всего внушалась безусловная покорность авторитету и слѣпая вѣра въ него; изъ круга, въ которомъ строго преслѣдовалось всякое проявленіе свободной мысли, онъ вынесъ сильно развитой критическій взглядъ на вопросы вѣры и знанія. Возвратившись на родину съ богатымъ запасомъ знаній не только богословскихъ, но и философскихъ, историческихъ и литературныхъ, онъ занимаетъ скромное мѣсто преподавателя въ Кіевской академіи и сразу обнаруживаетъ твердое намѣреніе покинуть торную дорогу своихъ предшественниковъ и проложить новый путь, очистить преподаваніе отъ загромождавшихъ его и мѣшавшихъ его успѣшности схоластическихъ мудростей и простымъ, яснымъ, практичнымъ изложеніемъ предмета возбудить въ своихъ слушателяхъ интересъ къ наукѣ и знанію. Основательное знакомство съ протестантскою наукою, провозгласившею принципъ свободы и прогресса, съ трудами родоначальниковъ новой науки — Декарта и Бэкона, тонкая наблюдательность, природный юморъ, умѣнье ловко примѣчать слабости противниковъ, искусная и язвительная аргументація, соединенная съ убѣдительностью и живостію рѣчи, — все это очень скоро дѣлаетъ проповѣдника «новаго ученія» предметомъ особеннаго вниманія и уваженія со стороны молодыхъ слушателей, создаетъ ему популярность. Съ другой стороны, у него уже очень рано являются завистники и непріятели, которые начинаютъ

его преслѣдовать, справедливо видя въ его нововведеніяхъ опасность для той традиціонной учености, которая процвѣтала до тѣхъ поръ въ Кіевской академіи. Смѣло разрушая авторитеты, считавшіеся прежде непреложными, Θеофанъ выставилъ новое, необычайное для того времени, требованіе свободной критики, какъ единственнаго могучаго рычага прогресса и не отступилъ передъ борьбой за свои убѣжденія съ защитниками старины. Одаренный умомъ, по преимуществу, практическимъ, способнымъ быстро примѣнять отвлеченные принципы къ реальнымъ житейскимъ отношеніямъ, онъ, при самомъ же началѣ своей литературной дѣятельности, самымъ опредѣленнымъ образомъ заявилъ свои симпатіи и свои антипатіи. Какъ человѣкъ, преданный интересамъ науки и просвѣщенія, онъ не могъ не сочувствовать преобразовательной дѣятельности Петра Великаго, не могъ не относиться враждебно къ врагамъ новаго движенія, начавшагося по почину царя. Петръ, всюду искавшій себѣ дѣятельныхъ помощниковъ, скоро замѣтилъ эти качества ученаго кіевлянина, понялъ, какую услугу можетъ оказать содѣйствіе этого человѣка дѣлу преобразованія прежнихъ отношеній государства къ Церкви, сдѣлавшихся теперь невозможными, съ какимъ успѣхомъ можетъ онъ проводить идеи реформы въ общественное сознаніе, и приблизилъ его къ себѣ.

Съ переходомъ изъ монастырской школы на поприще практической дѣятельности, Θеофанъ быстро освоился со своимъ новымъ положеніемъ и скоро принялъ активное участіе въ борьбѣ за утвержденіе новаго порядка. Эту борьбу онъ понималъ, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія церковно-общественной. Церковь была руководительницей допетровской Россіи въ просвѣщеніи и въ общественной жизни; она строго хранила преданія византійско-московской старины и строго карала за всякое отступленіе отъ нихъ; ей принадлежалъ высшій контроль надъ развитіемъ и направленіемъ русской мысли. Сознательное отношеніе къ религіозному вопросу и стремленіе къ про вѣщенію, пробудившееся въ русскомъ обществѣ въ половинѣ XVII столѣтія, встрѣтило сильный отпоръ со стороны охранителей стариннаго «нелюбопытательнаго» благочестія; борьба между московскими начетчиками и кіевскими учеными, кончившаяся отчужденіемъ послѣднихъ, какъ еретиковъ, показала, однакоже, полную несостоятельность того принципа,

который взяли подъ свою защиту московскіе охранители въ союзѣ съ греками. Подъ вліяніемъ энергическаго толчка, даннаго Петромъ Великимъ, событія начинаютъ развиваться очень быстро: кіевскіе ученые скоро возвращаются въ Великороссію, но ихъ идеалы являются уже, съ точки зрѣнія реформы, отсталыми, изжитыми. Воспитавшись на католической доктринѣ о значеніи духовной власти, являясь представителями науки схоластической, не примѣнимой къ жизни, кіевскіе богословы по своимъ убѣжденіямъ идутъ въ разрѣзъ съ стремленіями царя-преобразователя. Реформа выдвигаетъ на мѣсто стараго церковнаго авторитета новый авторитетъ - государственный, которому, по мысли Петра, все должно было быть принесено въ жертву; интересы религіозные отодвигаются на задній планъ: первостепенную важность пріобрѣтаютъ интересы политическіе. Кіевскіе ученые, со своими католико-схоластическими тенденціями, точно такъ же не могли сочувствовать этому новому движенію, какъ и представители стариннаго православія; и тѣ и другіе скоро сплотились въ одинъ оппозиціонный лагерь, который мы назвали староцерковною партіей; стараясь отстоять прежнее вліяніе духовенства, они опирались на народную массу и поддерживали въ ней недовольство тягостями новой государственной работы. Но изъ этой недовольной массы выдѣлилась еще своя, особая оппозиціонная партія — расколъ, равно отрицательно относившійся какъ къ староцерковникамъ, такъ и къ реформаторамъ.

Таковы были тѣ общественные элементы, съ которыми приходилось бороться Петру Великому, какъ представителю новаго государственнаго строя, и Ѳеофану Прокоповичу, какъ ближайшему сотруднику царя въ дѣлѣ утвержденія этого новаго порядка.

Всецѣло преданный интересамъ просвѣщенія и видя въ немъ единственный залогъ блага Россіи, Ѳеофанъ посвятилъ защитѣ реформы всѣ свои силы, всѣ свои дарованія. Какъ и Петръ Великій, онъ на первомъ планѣ поставилъ требованіе строгаго государственнаго порядка, безусловной подчиненности и благоговѣнія передъ государствомъ, провозглашавшимъ необходимость науки и образованія. Выступая, такимъ образомъ, на защиту «просвѣщеннаго деспотизма», Ѳеофанъ относится къ людямъ, не признающимъ благодѣтельности новаго порядка, съ презрѣніемъ и враждою, видя въ нихъ предста-

вителей ненавистныхъ ему католическихъ стремленій, враговъ просвѣщенія и, слѣдовательно, враговъ Россіи. Народную оппозицію реформы, выразившуюся въ расколѣ, онъ считаетъ проявленіемъ прискорбнаго и досаднаго невѣжества, противъ котораго видитъ одно средство просвѣщеніе и увѣщаніе; оппозицію клерикальную онъ считаетъ необходимымъ гнать безъ пощады, гнать всѣми средствами, какія только признавались дозволительными въ то не особенно разборчивое время. Съ людьми этого лагеря онъ всю жизнь ведетъ энергичную, неутомимую борьбу, то преслѣдуя ихъ язвительными насмѣшками, какъ невѣждъ и пустосвятовъ, то обличая ихъ въ своекорыстномъ обскурантизмѣ, то, наконецъ, отвѣчая на ихъ доносы застѣнкомъ. Личныя отношенія Ѳеофана дѣлали эту борьбу еще ожесточеннѣе, еще непримиримѣе, потому что онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые могутъ прощать и забывать наносимыя имъ обиды; къ защитѣ принципа присоединялась и месть личнымъ врагамъ... Въ этомъ — объясненіе всѣхъ преувеличеній и крайностей страстной борьбы.

Разъясняя и оправдывая законодательныя мѣропріятія Петра Великаго, Ѳеофанъ имѣетъ въ виду интересы государственные и связанные съ ними интересы науки и образованія; идеаломъ его является человѣкъ истинно просвѣщенный, который, изъ любви къ знанію, «никогда не перестанетъ учиться, хотя бы и Маѳусаиловъ вѣкъ прожилъ». Направленіе, преобладающее въ его литературно-публицистической дѣятельности и придающее ей особый характеръ, — направленіе критическое, обличительное. Исходя изъ понятій современнаго ему научнаго раціонализма и протестантской теологіи, онъ относится отрицательно къ старымъ формамъ церковной и общественной жизни, которыя считаетъ особенно благопріятствующими процвѣтанію невѣжества, или показной псевдоучености, ханжества и суевѣрія; во имя выставляемаго имъ идеала просвѣщеннаго человѣка и сильнаго просвѣщеніемъ государства онъ сатирически изображаетъ современную ему русскую дѣятельность. Въ этомъ смыслѣ онъ можетъ быть названъ первымъ русскимъ сатирикомъ, первымъ представителемъ того направленія, къ которому примкнули впослѣдствіи наши лучшія литературныя силы, и въ которомъ выразились стремленія лучшей, прогрессивной части русскаго общества; этою стороною своей дѣятельности онъ имѣлъ вліяніе на дальнѣйшее

развитіе нашей литературы и заслужилъ уваженіе со стороны подвижниковъ русскаго просвѣщенія.

Но между Ѳеофаномъ и позднѣйшими представителями того же направленія въ литературѣ есть значительная разница. Возставая противъ всего, что шло, такъ или иначе, въ разрѣзъ съ требованіями реформы, Ѳеофанъ является публицистомъ правительственнымъ, офиціальнымъ; разрушая старый авторитетъ, онъ воздвигаетъ на его мѣсто другой, требующій себѣ столь же безпрекословнаго, пассивнаго повиновенія, какъ и первый; онъ возвышаетъ голосъ не отъ имени общества, которое въ то время не имѣло еще голоса, а отъ имени власти, стремленія которой въ лицѣ Петра совпадали съ интересами просвѣщенія: на вопросъ: кто далъ тебѣ право судить насъ? Ѳеофанъ отвѣчаетъ не словами Кантемира: «долгъ гражданина и любовь къ истинѣ», а простымъ указаніемъ на волю правительства, верховнаго судьи всѣхъ подданныхъ; въ глазахъ Ѳеофана этотъ авторитетъ не подлежалъ никакой критикѣ, что было равносильно отрицанію общественнаго роста. До тѣхъ поръ, пока между намѣреніями правительства и стремленіями лучшей, прогрессивной части общества не было никакого разлада, Ѳеофанъ былъ передовымъ мыслителемъ и дѣятелемъ; но какъ только по смерти Петра Великаго, этотъ разладъ началъ проявляться, какъ только Ѳеофану пришлось обратиться въ консерватора, охраняющаго результаты реформы отъ посягательства реакціи, онъ долженъ былъ сузиться, сдѣлаться почти исключительно панегиристомъ, оправдывающимъ существующіе факты, хотя бы они и противорѣчили его высокому идеалу; принципъ, защитникомъ котораго онъ выступилъ, какъ дѣятель прогрессивный, поставилъ его, какъ консерватора, въ нѣсколько фальшивое положеніе. Но и въ эту, тяжелую для него пору, Ѳеофанъ все-таки оставался человѣкомъ высоко цѣнившимъ и, по возможности, всегда отстаивавшимъ науку и просвѣщеніе. Литературные дѣятели, усвоившіе его идеи, сдѣлали дальнѣйшій шагъ впередъ, и въ ихъ произведеніяхъ слышится уже голосъ — правда, еще робкій и слабый, голосъ общественнаго самосознанія...

Съ вступленіемъ на престолъ Елизаветы Петровны, вмѣстѣ съ реакціей противъ бироновскаго режима, снова беретъ верхъ реакція и противъ того направленія въ церковной и общественной жизни, представителемъ котораго былъ Ѳеофанъ

Прокоповичъ. Староцерковная партія одерживаетъ побѣду и послѣ продолжительнаго, вынужденнаго молчанія, возвышаетъ голосъ въ осужденіе недавняго прошлаго. Проповѣдники привѣтствуютъ новую императрицу, какъ Юдифь, Эсѳирь или Пульхерію, какъ освободительницу отъ ига египетскаго, какъ возстановительницу попранныхъ правъ Церкви. Начинается гоненіе на либеральную въ церковномъ смыслѣ литературу: книги Арндта, Фонтенелля, «Ѳеатронъ» Стратемана и другія сочиненія, интересовавшія просвѣщенныхъ людей прежняго времени, уничтожаются; вводится строгая цензура; «Камень Вѣры» — эта основная книга церковной реакціи — издается вновь, и Арсеній Мацѣевичъ пишетъ пространное возраженіе на «Молотокъ»; «Духовный Регламентъ» находится въ полномъ пренебреженіи. Но прежняго, преобладающаго вліянія на русскую жизнь духовенство уже не могло пріобрѣсти: принципы староцерковной партіи уже отжили свой вѣкъ; просвѣтительныя стремленія, внесенныя въ русское общество реформою Петра Великаго, не отступаютъ передъ реакціей и постепенно усиливаются; интересъ и уваженіе къ наукѣ, къ образованію выражается въ развитіи литературы, въ основаніи университета.

Послѣдній представитель стараго учительнаго сословія, стоявшій на высотѣ своего призванія — Ѳеофанъ Прокоповичъ, въ дѣятельности котораго преобразовательная эпоха отразилась во всей полнотѣ, былъ въ то же время и первымъ представителемъ новаго движенія — *секуляризаціи русской мысли*.

Морозовъ.

Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ выразитель стремленій, вызванныхъ реформою Петра.

Послѣдствія Петровской реформы въ умственной дѣятельности Россіи, т.-е. обращеніе отъ религіозныхъ интересовъ къ человѣческимъ и обличительное направленіе противъ всего отжившаго, нашли себѣ блистательнаго защитника и истолкователя въ лицѣ Ѳеофана Прокоповича. Какими судьбами духовное лицо, архіепископъ, писавшій проповѣди и трактаты о церковныхъ дѣлахъ, можетъ имѣть значеніе въ исторіи нашей свѣтской литературы?

Вопросъ этотъ разъясняется тѣми особенностями, которыми отличается жизнь дѣйствительно только одного русскаго народа. Не подлежитъ сомнѣнію, что тотъ писатель можетъ имѣть вліяніе на современниковъ и остается въ памяти потомства, который, кромѣ врожденнаго дарованія и геніальности, владѣетъ многостороннимъ образованіемъ, безъ котораго невозможно быть самостоятельнымъ и понимать требованія вѣка. У насъ, при безграмотности массъ, духовенство (малороссійское) имѣло еще возможность и даже право учиться въ заграничныхъ школахъ, получать, слѣдовательно, обширное образованіе. Прокоповичъ воспользовался этимъ, и не даромъ считался ученѣйшимъ человѣкомъ между своими современниками. Направленіе, которымъ отличаются всѣ произведенія, достойныя упоминанія въ исторіи русской литературы послѣднихъ двухъ вѣковъ, высказалось опредѣлительно и ясно въ произведеніяхъ Ѳеофана, хотя эти произведенія и относились по формѣ своей скорѣе къ духовной, нежели къ свѣтской литературѣ. Въ его время не было у насъ журналистики, не существовалъ обычай высказывать печатно мнѣнія о состояніи страны, администраціи и т. п. — однимъ словомъ, у Прокоповича не было тѣхъ средствъ, которыми пользуется писатель въ другихъ государствахъ. Отъ него требовали и ожидали словъ на торжественные случаи, ему приказывали сочинять уставы, онъ и исполнялъ все это, но такъ, что часто вмѣсто проповѣди выходилъ у него политическій памфлетъ, а изъ законодательнаго памятника — сатира. И это явленіе также историческое въ нашей литературѣ: оно повторяется и донынѣ; въ доказательство напомнимъ только, что есть проповѣди и разсказы, въ которыхъ такъ же неожиданно, какъ и въ проповѣдяхъ Прокоповича встрѣчается то, что было бы приличнѣе въ Gazette des tribunaux или въ другомъ юридическомъ журналѣ.

Ѳеофанъ, безспорно, принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ и наиболѣе выдающимся личностямъ русской исторіи первой половины XVIII столѣтія. Въ своей сферѣ это былъ такой же новаторъ, какъ и Петръ Великій въ сферѣ государственной. Превосходя всѣхъ современниковъ своего сословія умомъ, знаніями и дарованіями, Прокоповичъ, подобно Петру, не скрывалъ своего недовольства, переходившаго часто въ презрѣніе, къ всему, что напоминало ему старое и что станови-

лось преградою для осуществленія его любимыхъ идей; подобно Петру, онъ также шелъ къ своей цѣли, не задумываясь надъ средствами, съ тѣмъ же неумолимымъ постоянствомъ и удивительною послѣдовательностью. Напрасно говорятъ, что Прокоповичъ являлся въ своихъ сочиненіяхъ обличителемъ и гонителемъ старыхъ порядковъ единственно изъ угожденія Петру: еще будучи безвѣстнымъ преподавателемъ философіи и богословія въ Кіевѣ, Ѳеофанъ читалъ лекціи, которыя потомъ враги его ославили опасными, говоря, что въ нихъ заключается «новое» ученіе. Кромѣ того, Ѳеофанъ, не бывъ призванъ еще къ осуществленію разныхъ реформъ царя, не щадилъ въ своихъ насмѣшкахъ невѣжества, прикрытаго внѣшнимъ глубокомысліемъ, ханжества, лицемѣрія и проч. Конечно, Петръ Великій имѣлъ вліяніе на Прокоповича въ томъ отношеніи, что далъ ему возможность высказать многое такое, чего бы онъ не смѣлъ высказать въ тѣ времена, не имѣя сильной поддержки въ царѣ. Со смертію Петра, Прокоповичъ остался въ изолированномъ положеніи, и его многочисленные враги (они были у него съ первыхъ минутъ его возвышенія до самой кончины, какъ Ѳеофанъ самъ жалуется въ одномъ письмѣ 1736 года; въ этомъ же году онъ и умеръ) не преминули возобновить съ большею настойчивостію свои нападки на него, — нападки, которыя могли имѣть важныя послѣдствія, потому что Ѳеофана обвиняли ни болѣе ни менѣе какъ въ неправославіи.

Прокоповичъ понялъ, что послѣ Петра настало такое время, когда ему уже не могли помочь ни его знанія ни дарованія, и онъ кинулся въ дрязги интригъ и происковъ, которыми такъ богата наша исторія той эпохи. Должно сознаться, что онъ на этомъ поприщѣ представлялся уже не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ являлся, какъ сподвижникъ Петра, и въ настоящее время многіе останавливаются на дѣятельности Ѳеофана этого рода и по ней только произносятъ строгій приговоръ ему. Мы далеки отъ того, чтобы писать апологію кому бы то ни было, тѣмъ не менѣе однако долгъ справедливости требуетъ напомнить, что Прокоповичъ, послѣ 1725 года, жилъ въ такую эпоху, когда каждый мало-мальски значительный человѣкъ считалъ благоразуміемъ, въ видахъ собственнаго самосохраненія, слѣдовать правилу: губи другихъ, иначе эти другіе тебя погубятъ (что это не преувеличено, напомнимъ общеизвѣстныя записки современниковъ Манштейна, Миниха и особенно Шаховского)

Никто изъ обвинителей Прокоповича не взялъ на себя трудъ разсмотрѣть безпристрастно: кто были враги его? Главнѣйшее направленіе, которому слѣдовали эти враги, состояло въ требованіяхъ возврата къ старинѣ, къ прежнимъ распорядкамъ, которые необходимо долженствовали ограничить правительственную власть, увеличенную Петромъ послѣ уничтоженія патріаршества. Слѣдовательно, всякая попытка въ этомъ родѣ, и безъ вмѣшательства Прокоповича, почиталась преступленіемъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ, такъ что при Елизаветѣ, напримѣръ, когда уже Ѳеофана не было, а при дворѣ находилась въ силѣ чисто русская партія, на подобныя попытки (какъ представимъ разительный примѣръ ниже) смотрѣли точно такъ же.

Ѳеофанъ былъ сынъ бѣдныхъ людей, и, послѣ смерти отца, первые годы дѣтства провелъ у строгой матери, жившей въ крайней нищетѣ. Съ малыхъ лѣтъ онъ былъ крѣпкаго сложенія, имѣлъ проницательный взглядъ, темпераментъ холерико-сангвиническій. Въ юности попалъ въ Кіевскую академію, гдѣ скоро превзошелъ товарищей и сверстниковъ особеннымъ прилежаніемъ, отличною памятью, умомъ, любезнымъ и элегантнымъ. Одаренный пылкимъ и рѣшительнымъ умомъ, онъ не довольствовался пріобрѣтенными въ Малороссіи знаніями и отправился учиться за границу. Сначала побывалъ во Львовѣ, потомъ въ Краковѣ, наконецъ — чрезъ Вѣну, славянскія земли, Тироль, Павію, Феррару, Бононію, Флоренцію и Пизу — достигнулъ отчизны наукъ и искуствъ, Рима. Здѣсь Ѳеофанъ вступилъ въ коллегіумъ св. Аѳанасія, нарочно учрежденный папою Григоріемъ XIII для грековъ и славянъ. Преподаваніе наукъ тамъ находилось въ рукахъ іезуитовъ, и они чрезвычайно полюбили Прокоповича за его склонность къ наукамъ и привлекательный характеръ; даже находили въ лицѣ и умѣ его сходство съ папою Урбаномъ VIII (извѣстнымъ своею ученостью и покровительствомъ наукамъ и искуствамъ 1623—1644). Все это было причиною, что Ѳеофанъ получилъ свободный доступъ въ библіотеки и вообще пользовался предъ всѣми товарищами особеннымъ вниманіемъ іезуитовъ, которые не разъ дѣлали ему выгодныя предложенія, если бы онъ вступилъ въ ихъ семинарію или въ духовное званіе. Прокоповичъ ежедневно слушалъ лекціи философіи по Аристотелю и схоластическаго богословія; но онѣ ему не очень нравились: онъ болѣе при-

лежно изучалъ ученіе отцовъ греческой и римской церкви и любилъ неподдѣльныя и неизувѣченныя красоты классическихъ писателей. Въ то же время Ѳеофанъ внимательно осматривалъ древніе памятники, вникалъ въ папское правленіе духовное и свѣтское и, наконецъ, тщательно замѣчалъ все, происходившее и при избраніи новаго папы Климента XI (въ 1700 году). Такимъ образомъ, Прокоповичъ въ самой столицѣ католическаго міра собиралъ матеріалы для будущихъ своихъ нападеній на «папежскій», какъ онъ говорилъ, «духъ»; и пропагандисты-католики, надѣявшіеся имѣть вліяніе въ Россіи, съ горечью вспоминали, что Ѳеофанъ — обязанный своимъ классическимъ образованіемъ и огромною ученостью Риму — сдѣлался первымъ и опаснѣйшимъ антагонистомъ его. Возвратный путь въ Россію Прокоповичъ предпринялъ чрезъ Швейцарію, всходилъ на Сенъ-Готардъ, испытывалъ всевозможныя лишенія въ странахъ, опустошенныхъ французскими и австрійскими войсками (въ войну за наслѣдство испанскимъ престоломъ), наконецъ, въ 1702 году достигнулъ Малороссіи и вскорѣ затѣмъ вступилъ преподавателемъ въ Кіевскую академію.

Прокоповичъ сдѣлался въ первый разъ извѣстенъ царю въ Кіевѣ въ 1706 году; во время пребыванія тамъ Петра Великаго имъ произнесено было въ церкви Св. Софіи привѣтственное слово царю на текстъ: «сынове Сіони возрадуются о царѣ своемъ». Это слово получаетъ особенное значеніе, когда вспомнишь, какъ писались въ тѣ времена сочиненія подобнаго рода: наполненныя реторическими словоизвитіями, съ длинными сравненіями и уподобленіями, они, обыкновенно, не имѣли ни малѣйшаго отношенія къ дѣйствительности и были только крайнимъ выраженіемъ того схоластическаго метода, который такъ процвѣталъ въ тогдашнихъ нашихъ школахъ. Въ помянутомъ словѣ Прокоповичъ сначала не могъ не заплатить дани современному вкусу, и его приступъ написанъ по всѣмъ правиламъ школьной реторики; потомъ проповѣдникъ обращается къ историческимъ воспоминаніямъ, но не объ Александрѣ Македонскомъ, Цезарѣ или Траянѣ, что еще допускалось и въ старинныхъ словахъ, а о событіяхъ и лицахъ, о которыхъ преданія сохранились въ самомъ Кіевѣ. «Воистину, пресвѣтлый нашъ монархъ, — говоритъ Ѳеофанъ, — горы сія, аще бы глаголати возмогли, хвалили бы ся предъ

тобою древними вашими благочестія знаменіями. Гдѣ бо здѣ и ступити можеши, идѣ же бы не узрѣлъ еси родства твоего слѣдовъ? Мимо шелъ еси въ церковь Богородичну, Десятинную прозываемую: то зданіе есть благочестиваго и великаго князя, родоначальника твоего Владимира и святого его тѣлесе сокровище. Храмъ сей, въ немъ же стоиши, отъ Ярослава созданный есть и его тѣло погребенное въ себѣ кроетъ. Пойдеши ли во обитель, во святую и чудотворную лавру Печерскую? Тую созда великій князь Святославъ. Пойдеши ли въ монастырь Выдубицкій? Той воздвигнулъ великій князь Всеволодъ. Пойдеши въ церковь св. Михаила Архангела? Тую воздвиже Святополкъ и неоцѣненнымъ сокровищемъ, тѣломъ мученическимъ, обогати. Пойдеши въ домъ троицкій Кирилловскій? То зданіе княжны кіевской, королевы польской Маріи Всеволодовны. Пойдешь на Вышьградъ? Тутъ Борисъ и Глѣбъ почиваютъ. Пойдешь во обитель Межегорскую? Ту иждевеніе великаго князя Боголюбскаго. Что подробну исчисляти дерзаю? Воззри на вся страны кіевскія — все то есть царскаго вашего благородія и пресловутыхъ его памятей, аки единая сосудовъ хранительница»... Затѣмъ идутъ похвалы царю, при чемъ Өеофанъ ловко напомнилъ о неслыханной до Петра простотѣ его въ образѣ жизни, въ одеждѣ, объ отвращеніи его къ пышности: «Обаче, пресвѣтлый монархъ нашъ, множае удивляемся величеству твоему, видяще тя въ общей одеждѣ, нежели аще бы виденъ былъ еси въ царскомъ украшеніи: величество бо царское не въ порфирѣ свѣтлой, не въ златой діадемѣ зрится, но въ силѣ, крѣпости, мужествѣ, въ храбрыхъ и удивленія достойныхъ дѣлѣхъ... Сія же азъ не къ похваленію твоему — не моей бо силы похвалы твои исчисляти, но къ явленію радости нашей воспомянухъ».

Въ 1709 году, чрезъ двѣ недѣли послѣ Полтавской побѣды, Прокоповичъ встрѣтилъ Петра въ Кіевѣ поздравительною рѣчью, которая, по приказанію царя, была тогда же напечатана на славянскомъ и латинскомъ языкахъ, вмѣстѣ съ русскимъ, польскимъ и латинскимъ стихомъ. Здѣсь описаны всѣ прежнія побѣды надъ шведами; приведено свидѣтельство Герберштейна, на котораго любилъ ссылаться Өеофанъ, о могуществѣ Россіи; говорится о силѣ непріятеля. При разсказѣ о Полтавскомъ сраженіи не забыта и прострѣленная шляпа Петра, названная ораторомъ шлемомъ; далѣе сближеніе, что

битва происходила въ день св. Сампсона, который растерзалъ льва: «отъ ядущаго ядомое изыде и отъ крѣпкаго изыде сладкое». Это сближеніе вошло тогда въ моду и повторялось не разъ и другими современными писателями. Въ числѣ послѣдствіи побѣды Ѳеофанъ ожидалъ уничтоженіи уніи «проклятой».

Въ 1709 же году Прокоповичъ произнесъ похвальное слово Меншикову, и съ той поры до 1716 года его труды не являлись въ печати. Въ этотъ промежутокъ времени, кромѣ преподаванія въ Кіевской академіи философіи и математики, Ѳеофанъ сопровождалъ царя въ турецкій походъ 1711 года, окончившійся несчастливо для насъ на берегахъ Прута, и занимался сказываніемъ проповѣдей; подтвежденіемъ этому служитъ замѣтка въ походномъ журналѣ 1711 года подъ 27-мъ іюня: «при артиллеріи въ церкви (въ Молдавіи) служилъ яссовскій митрополитъ и, по благодарственномъ молебнѣ, Прокоповичъ читалъ казанье, и была изъ пушекъ стрѣльба, потому и вся пѣхота бѣглымъ огнемъ стрѣляла».

Петръ, видимо, благоволилъ къ Ѳеофану: въ 1716 году онъ былъ вызванъ въ Петербургъ. По пріѣздѣ туда, онъ не засталъ царя, который былъ за границей, и, въ ожиданіи его, произнесъ нѣсколько словъ, изъ которыхъ только одно чисто богословскаго содержанія (на Рождество Христово, 25 декабря 1716 года): всѣ же прочія написаны на разныя политическія событія съ цѣлію уяснить, сдѣлать доступными для большинства намѣренія и виды царя. Едва Прокоповичъ прибылъ въ Петербургъ, какъ сторонники царевича Алексѣя были уже предупреждены противъ него. Учитель его Вяземскій, 2 ноября 1716 года, писалъ царевичу: «еще же доношу» — «Прокоповичъ сюда пріѣхалъ и сказываетъ здѣсь казанья, и велѣно ему вѣдать во Псковѣ, въ Нарвѣ, въ Дерптѣ, въ Ревелѣ духовныя дѣла, только какъ неблагоденно съ нимъ обойдется».

Въ 1718 году начался судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ: извѣстно, что при томъ было открыто сочувствіе многихъ духовныхъ лицъ, даже изъ высокопоставленныхъ въ іерархіи (митрополиты: Стефанъ Яворскій, Іоасафъ Краковскій, епископъ Досифей и мн. друг.). По этому именно поводу было произнесено слово о власти и чести царской (6 апрѣля того года), въ которомъ доказывалось, что воля царская должна свято исполняться и его подданными, при чемъ есть много намековъ на современниковъ. Такъ, напр., говоря о не покоряю-

щихся царю. Ѳеофанъ замѣчаетъ: «что же первѣе речемъ. Суть нынѣшніе, были и древніе настоящему ученію противницы, которые не невѣжды себѣ мнятся быти, но богословствуютъ писанія, да такъ какъ то летаютъ прузи, животное окрылатѣлое, но что чревище великое, а крыльца малыя и не по мѣрѣ тѣла: вздоимется полетѣть, да тотчасъ и на землю падаетъ. Тако — и они сущи книгочіи, аки бы крылатые, покушаются богословствовати, аки бы летати, да за грубостью мозга буесловцами являются, не разумѣюще писанія, ни силы Божія...» Приводятся примѣры изъ первыхъ вѣковъ христіанства о не повинующихся царю и потомъ: «И се о древнихъ продерзателяхъ. Суть же и въ нынѣшнія времена онымъ послѣдующіе, яко же папа себѣ и клиръ свой отъ властей державныхъ изымающій, но и мечтающій, данную себѣ власть даровати и отымати скипетры царскія... Еще точію о нашихъ нѣкіихъ мудрецахъ нѣчто воспомянемъ: суть нѣціи (и далъ бы Богъ, дабы не были многіе), или тайнымъ бѣсомъ льстимін, или меланхоліею помрачаемы, которые таковаго нѣкоего въ мысли своей имѣютъ урода, что все имъ грѣшно и скверно мнится быти, что-либо увидятъ чудно, весело, велико и славно, аще и праведно, и правильно и не богопротивно; напримѣръ: лучше любятъ день ненастливый, нежели ведро, лучше радуются вѣдомостьми скорбными, нежели добрыми; самаго счастья не любятъ и не вѣмъ, какъ то о самихъ себѣ думаютъ, а о прочихъ такъ: «аще кого видятъ здрава и въ добромъ поведеніи — то, конечно, не святъ; хотѣли бы всѣмъ человѣкомъ быти злообразнымъ, горбатымъ, темнымъ, неблагополучнымъ, и развѣ въ таковомъ состояніи любили бы ихъ... Остается едино сумнительство, которое аки тернъ; въ совѣсти можетъ быти: тое исторгнемъ вкратцѣ и окончаемъ слово. Помыслитъ бо кто, и многіе мыслятъ, что не вси весьма людіе симъ долженствомъ (повиновеніемъ властямъ) обязаны суть, но нѣкіи выключаются, именно же священство и монашество. Се тернъ или паче рещи жало, но жало се зміино есть, папежскій се духъ, но не вѣмъ, какъ-то досягающій и касающійся насъ: священство бо иное дѣло, иный чинъ есть въ народѣ, а не иное государство... До того пришло, что уже и самые бездѣльные въ дѣло! да въ дѣло и мерзкое, и дерзкое! уже и дрождіе народа, души деньвыя, человѣки ни къ чему иному, точію къ поядению чуждихъ тру-

довъ родившіеся, и тѣ на государя своего, и тѣ на Христа Господня! Да вамъ, когда хлѣбъ ясте, подобало бы удивлятися и глаголати: откуду ми сіе?... Два человѣка вошли въ церковь — не помолитися, но красти. Одинъ былъ въ честномъ платьѣ, а другой въ рубищѣ и лаптяхъ; а договоръ былъ у нихъ не во общую корысть сбирать, но что кто захватитъ, то его. Лапотникъ искуснѣйшій былъ и тотчасъ во алтарь, да на престолъ, и обираючи заграбилъ, что̀ было тамъ. Взяла зависть другого и аки бы съ ревности: ни ли ты, рече, боишися Бога въ лаптяхъ на престолъ святый схватился? а онъ ему: не кричи, братъ, Богъ не зритъ на платье — на совѣсть зритъ! Се совѣсти вашей зерцало, о безгрѣшники! полагати совѣсть на языцѣ, и тогда совѣстію хвалитися, когда плакати и стенати подобаетъ. Да еще треба и сны видѣти людемъ на бѣду, себѣ спите волхвы!!!...»

Говорено выше, что сочиненія Прокоповича надѣлали ему много враговъ: дѣйствительно, не проходило ни одного его произведенія безъ того, чтобы на него не писалось опроверженій, но всѣ они при Петрѣ оставались безъ всякихъ послѣдствій. Самое замѣчательное нападеніе на Ѳеофана было сдѣлано въ 1718 году, когда стало извѣстнымъ, что царь приказалъ посвятить его во епископа. Тогда было написано посланіе, въ которомъ настоятельно требовалось «донести благочестивѣйшему государю, что пречестный отецъ іеромонахъ Прокоповичъ имать препятіе, которое самъ на себя наложилъ, ко святому великому архіерейскому сану. Препятіе же сіе есть ученіе новое, несогласное святѣй нашей апостольской, православной каѳолической Церквѣ. Которое ученіе преподавалъ онъ подъ именемъ богословіи въ Кіевѣ явно въ училищахъ, якоже о томъ свидѣтельствуютъ кіевскіе ученики его и прочіе, а наипаче письма его, богословскими нареченныя...» Отъ обвиненій Ѳеофана, въ этомъ посланіи высказанныхъ, отказались сами обвинители, — и, по приказанію царя, Ѳеофанъ былъ нареченъ во епископа псковскаго и новогородскаго и хиротонисанъ съ облаченіемъ въ саккосъ, что почиталось тогда особеннымъ отличіемъ, та́къ какъ у насъ при патріархахъ епископы служили только въ фелони съ омофоромъ.

Вскорѣ послѣ того, 6 августа 1718 года, Прокоповичъ писалъ въ Кіевъ о своихъ непріятностяхъ съ Яворскимъ и объяснялъ, что главною причиною ихъ былъ преподаватель Мо-

сковской академіи Гедеонъ Вишневскій: «въ Москвѣ Гедеонъ увидалъ, что рязанскій первостоятель (Яворскій) и его эмиссарій Лопатинскій (также преподаватель Московской академіи), по сильной зависти негодуютъ на меня и выискиваютъ способы отклонить отъ меня санъ, назначенный благочестивѣйшимъ императоромъ, почему и сталъ выставлять имъ мое ученіе неправославнымъ и легко увѣрилъ бѣдныхъ людей, что онъ можетъ доказать неправославіе богословскихъ моихъ сочиненій. Кратко и ясно показалъ я, что нѣкоторые пункты ложно выдуманы, а иные хотя составляютъ мое ученіе, но ученіе православное, противное же тому ученію — ересь... Между тѣмъ прибылъ въ Петербургъ рязанскій, вызванный, какъ и другіе, для нѣкотораго дѣла. Здѣсь онъ узналъ, какъ мало имѣли успѣха замыслы моихъ враговъ, и читалъ мои отвѣты. Пораженный и пристыженный, онъ и на словахъ и на бумагѣ сознался, что вовсе не читалъ моихъ сочиненій, и что онъ вовлеченъ въ обманъ доносомъ Ѳеофилакта Лопатинскаго и Гедеона. Императоръ приказалъ сенатору Ивану Алексѣевичу (Муссину-Пушкину), чтобы свелъ рязанскаго со мною для бесѣды. Послѣ долгаго разсужденія, рязанскій архипастырь призналъ догматы, которые точно были мои, за православные и говорилъ, что онъ самъ то же думаетъ, но принималъ слова въ другомъ смыслѣ... Знаменитѣйшій рязанскій всталъ и униженно просилъ у меня прощенія, что̀ и получилъ при взаимномъ лобзаніи».

Имѣя непріятелей, Ѳеофанъ въ то же время имѣлъ и почитателей; особенно онъ пользовался извѣстностью между современными германскими учеными. Фонъ Гавенъ, въ бытность свою въ Петербургѣ, имѣлъ случай видѣться съ нимъ и оставилъ о томъ нѣсколько замѣтокъ. Путешественникъ пріѣхалъ въ Петербургъ лѣтомъ 1736 года, слѣдовательно, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти новгородскаго архіепископа, и остановился у знакомыхъ нѣмцевъ на Аптекарскомъ островѣ, на которомъ въ лѣсу Ѳеофанъ приказалъ прорубить нѣсколько проспектовъ, которые придавали острову прекрасный видъ. «Я, продолжаетъ фонъ Гавенъ, познакомился съ епископомъ новгородскимъ. Онъ былъ споспѣшествователемъ предпринятыхъ Петромъ преобразованій въ духовенствѣ. Послѣ кончины императрицы Екатерины I составилъ онъ предположеніе, какъ наставлять въ законѣ Божіемъ Петра II, и хотя оно написано и напеча-

тано только на одномъ листѣ, однако, по основательности содержанія, дѣлаетъ величайшую честь составителю его». Въ юности Ѳеофанъ перебывалъ во многихъ странахъ Европы и Азіи. По знаніямъ своимъ, у него мало или почти нѣтъ никого равныхъ, особенно между русскими духовными. Кромѣ исторіи, богословіи и философіи, у него глубокія свѣдѣнія въ математикѣ и неописанная охота къ этой наукѣ. Онъ знаетъ разные европейскіе языки, изъ которыхъ на двухъ говоритъ, хотя въ Россіи не хочетъ никакого употреблять, кромѣ русскаго, и только въ крайнихъ случаяхъ объясняется на латинскомъ, въ которомъ не уступитъ любому академику. По-гречески и еврейски онъ также хорошо понимаетъ и въ самой глубокой старости прилежитъ къ нимъ, оказывая особенное предпочтеніе тѣмъ, кто знакомъ съ этими языками. Много полезныхъ книгъ изданы по-русски при его содѣйствіи и поощреніи, какъ, напр.: Арндта «Объ истинномъ христіанствѣ» и др. (книга эта напечатана была за границей въ 1735 году и при Елизаветѣ запрещена). Кромѣ того, очень надѣялись одно время, что, при помощи Ѳеофана, будетъ издана вся Библія на русскомъ и славянскомъ языкахъ, и съ примѣчаніями. Ѳеофанъ былъ особенно вѣжливъ и услужливъ со всѣми иностранными литераторами и вообще иноземцами. Его ежегодный доходъ составляетъ значительныя суммы, и такъ какъ онъ одинъ, не имѣлъ вовсе друзей, а родителей (незнатнаго происхожденія изъ Смоленска) лишился въ ранней юности, то, и думаютъ, что у него должно быть огромное состояніе. Впрочемъ, въ дѣйствительности оно не такъ велико: кромѣ щедрости, у него сильная страсть къ постройкамъ, которыя хотя опустошаютъ его казну, зато очень кстати въ Петербургѣ, гдѣ такъ много незастроенныхъ мѣстъ. Этотъ превосходный человѣкъ умеръ послѣ кратковременнаго страданья отъ колотья, 1 августа 1736 года, завѣщавъ свое имѣніе на богоугодныя дѣла и въ высшей степени полезныя учрежденія. Еще за нѣсколько дней передъ смертью, онъ, показывая одному лицу проектъ и чертежъ дома, который предполагалъ строить, просилъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія и замѣчанія. Однако, какъ это, такъ и множество другихъ въ высшей степени полезныхъ дѣлъ, должно, къ величайшему сожалѣнію почти всѣхъ здравомыслящихъ людей, прекратиться со смертію Ѳеофана.

Съ переселеніемъ въ Петербургъ, до самой смерти Петра, Ѳео-

фанъ написалъ множество сочиненій, изъ которыхъ многія были тогда же напечатаны, такъ какъ именно предназначались для распространенія въ русскихъ читателяхъ понятій о цѣли предпринятыхъ преобразованій. Если у насъ, въ началѣ XVIII столѣтія, эти послѣднія предпринимались не иначе, какъ при пособіи крутыхъ средствъ, то въ сочиненіяхъ, по крайней мѣрѣ, Прокоповича реформа проповѣдывалась не съ помощію матеріальныхъ понужденій, но посредствомъ убѣжденій и печатнаго слова. Какъ геній, Петръ уже провидѣлъ вліяніе печатнаго станка на массы и во всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ не забывалъ обращаться къ народу съ разъясненіями и толкованіями въ формѣ трактатовъ, поученій и манифестовъ.

Прокоповичъ былъ въ этомъ случаѣ главнѣйшимъ пособникомъ Петра и оставался до кончины царя проникнутымъ тѣми началами, которыя были положены въ основаніе реформы. Ради нихъ онъ не останавливался, какъ писатель, ни передъ какими личными расчетами. Такъ, напримѣръ, Ѳеофанъ зналъ, что открытое сознаніе недостатковъ и преданіе ихъ всеобщему порицанію есть уже половина исправленія этихъ недостатковъ, и потому никогда не прикрывалъ лицемѣрнымъ покровомъ наружнаго смиренія и ханжества тѣхъ или другихъ дѣйствительныхъ недостатковъ, даже въ томъ сословіи, къ которому принадлежалъ самъ. Такое безпристрастіе надѣлало ему много враговъ не только между современниками, но и потомками. Не такъ, однако, судитъ исторія нелицемѣрная и чуждая сословныхъ предразсудковъ, и это подтверждается тѣмъ, что нѣтъ ни одного историческаго изслѣдованія изъ русской исторіи конца XVII или начала XVIII вѣка, въ которомъ, если только изслѣдователь человѣкъ добросовѣстный, не приводились бы свидѣтельства изъ произведеній Прокоповича.

Пекарскій.

Первые годы жизни и ученія Ѳеофана Прокоповича, до его учительства въ Кіевской академіи.

Ѳеофанъ родился въ Кіевѣ 8 іюня 1681 года и при крещеніи названъ Элеазаромъ. Отецъ его былъ кіевскимъ купцомъ или, просто, торговымъ человѣкомъ (mercator), и умеръ вскорѣ послѣ рожденія своего сына. Мать, оставшаяся въ крайней

нищетѣ, бѣдствовала вмѣстѣ съ сыномъ и также вскорѣ скончалась. Элеазара взялъ на воспитаніе родной его дядя, намѣстникъ кіевобратскаго монастыря и ректоръ Кіевской академіи, Ѳеофанъ Прокоповичъ. Дядя записалъ Элеазара въ Академію, гдѣ онъ обучался русской грамотѣ и латинскому языку. Но послѣдовавшая въ 1692 году смерть дяди въ другой разъ осиротила Элеазара. Добрая судьба послала ему благодѣтеля въ одномъ кіевскомъ гражданинѣ, съ помощію котораго онъ продолжалъ посѣщать школу до 1698 года. Элеазаръ былъ лучшимъ ученикомъ въ школѣ. Съ богатыми дарованіями, съ живымъ и острымъ умомъ, съ отличною памятью въ немъ соединялись прекрасная наружность, живой и привлекательный взглядъ и звонкій голосъ. За это послѣднее преимущество онъ выбранъ былъ въ регенты пѣвческаго хора.

Знакомымъ съ состояніемъ Кіевской академіи въ концѣ XVII вѣка извѣстно, что она, при своемъ схоластическомъ направленіи, не могла дать многаго своимъ воспитанникамъ. Однакожъ въ ней были наставники, способные возбудить любовь къ наукѣ и образованію въ своихъ слушателяхъ. Со времени Петра Могилы въ ней вѣяло свѣжимъ духомъ. Нѣкоторые наставники посѣщали польскіе университеты. Борьба съ католиками и іезуитами вносила въ сухую, схоластическую науку живой элементъ, безъ сомнѣнія, благотворно дѣйствовавшій на образованіе.

Элеазаръ усвоилъ себѣ лучшее, что могъ найти въ Академіи — любовь къ образованію; но такъ какъ его любознательность не находила тамъ себѣ полнаго удовлетворенія, то онъ, по окончаніи философскаго курса, вслѣдъ за другими лучшими воспитанниками Академіи, отправился, для продолженія своего образованія, за рубежъ - въ польскія училища.

Элеазаръ вступилъ въ братство Битевскаго базиліанскаго монастыря, сдѣлался уніатомъ и постриженъ въ монашество съ именемъ Елисея.

Чрезъ нѣсколько времени потомъ, какъ отлично даровитый и дѣятельнѣйшій изъ товарищей, онъ посланъ былъ провинціаломъ базиліанскаго ордена въ римскую академію, куда, обыкновенно, посылались молодые и способные монахи, для усовершенствованія въ богословскихъ и философскихъ наукахъ.

Елисей Прокоповичъ отправился чрезъ Вѣну, Штирію, славянскія земли — Кроацію, Славонію, чрезъ Тироль, Павію,

Феррару, Анкону, Бону, Флоренцію и Пизу, и, наконецъ, прибылъ въ Римъ, гдѣ принятъ былъ въ коллегію св. Аѳанасія, учрежденную въ концѣ XVI вѣка папою Григоріемъ XIII, собственно для грековъ и славянъ, съ цѣлью католической пропаганды.

Въ коллегіи ежедневно совершалось богослуженіе на греческомъ и славянскомъ языкахъ. Питомцы имѣли отъ папы все необходимое для жизни и безплатно пользовались науками. Главнымъ начальникомъ коллегіи былъ іезуитъ. Молодые люди, по окончаніи курса наукъ, посылаемы были въ разныя страны римско-католической Церкви и въ такъ называемыя partes infidelium, чтобы заботиться, по мѣрѣ силъ, о соединеніи греческой Церкви съ латинскою, къ чему обязывались клятвою.

Прокоповичъ обучался краснорѣчію, поэзіи, философіи и изучалъ римскія древности, какъ христіанскія, такъ и языческія. Впослѣдствіи онъ отзывался съ большою похвалою объ іезуитѣ, начальникѣ коллегіи, отдавая справедливость какъ прекраснымъ свойствамъ его ума, такъ и его благодѣяніямъ. Этотъ отецъ полюбилъ его за веселость нрава, живость и игривость ума, и взялъ къ себѣ жить, отличая его особеннымъ довѣріемъ. Любопытно, что онъ находилъ въ молодомъ Прокоповичѣ по внѣшности и уму сходство съ папою УрбаномъVIII. Сверхъ общихъ уроковъ, онъ занимался съ нимъ приватно, лаская его съ отеческою любовью, и открылъ ему доступъ какъ въ ватиканскую, такъ и въ другія городскія библіотеки. Но почтенный отецъ безуспѣшно старался вовлечь его въ общество іезуитовъ, воспитателей юношества въ іезуитскихъ семинаріяхъ, или склонить къ принятію какой-либо другой духовной должности. Прокоповичъ выслушалъ полный курсъ аристотелической философіи и схоластическаго богословія, и полную систему такъ называемыхъ у іезуитовъ casuum conscientiae. Послѣднихъ онъ не одобрялъ. Съ большею охотою онъ изучалъ творенія отцовъ восточной и западной Церкви и классическихъ писателей, которыя все имѣлъ неиспорченными (geminos, non castratos)*). Онъ изучалъ въ краснорѣчіи Демосѳена, Цицерона и Квинтиліана; въ героической поэзіи — Виргилія; въ элегической — Овидія; въ сатирахъ — Ювенала; въ одахъ — Го-

*) Всѣ, читавшіяся въ іезуитскихъ школахъ, изданія классическихъ авторовъ были изданія очищенныя (castigatae).

рація, Катулла, Сарбевія*); въ эпиграммахъ — Марціала; въ исторіи — Ливія, Светонія, Саллюстія, Тацита; изъ новыхъ — Бембо, Содалета, Аонія, Палеарія, Латина-Латиніума и другихъ. Ѳеофанъ говорилъ впослѣдствіи, что вышеупомянутый отецъ совѣтовалъ ему, какими писателями прилежнѣе заниматься, и изъ нихъ почерпать противоядіе противъ пустыхъ знаній. Занимаясь этими сочиненіями денно и нощно, онъ отказывался нерѣдко отъ пищи, и до такой степени превратилъ ихъ въ свою плоть и кровь, что, казалось, овладѣлъ ихъ геніемъ. Слыша въ Римѣ изъ устъ папы Иннокентія XII публичныя проклятія на лютеранъ, кальвинистовъ и прочихъ схизматиковъ, подъ которыми разумѣются русскіе, не принявшіе уніи, онъ тайно смѣялся надъ ними, какъ надъ пустымъ громомъ. А впослѣдствіи, говоритъ его біографъ, онъ открыто объявлялъ ихъ незаконными и, по праву возмездія, въ Москвѣ и Петербургѣ, въ Великій постъ, часто громилъ анаѳемою противниковъ греческой Церкви. Онъ говорилъ, что нигдѣ нѣтъ столько сомнѣвающихся въ истинѣ христіанской религіи, какъ въ Италіи. Между тѣмъ онъ внимательно осматривалъ древній и новый Римъ, священные и свѣтскіе памятники новаго и прежняго времени; изучалъ форму папскаго управленія въ церковныхъ, гражданскихъ и военныхъ дѣлахъ и тонко примѣчалъ, что происходило при избраніи новаго папы Климента XI.

Вышедши изъ вѣчнаго города, онъ посѣтилъ Лавретанскій дворецъ, откуда опять прошелъ чрезъ Бонону и прочіе, на пути лежащіе, города. Но такъ какъ австрійскія и французскія войска (по случаю войны за испанское наслѣдство) сдѣлали дороги не безопасными, то онъ принужденъ былъ проходить окольными путями, испытывая, особенно въ зимнее время, разныя лишенія, оставаясь безъ пищи и сна; но все это онъ переносилъ безропотно съ бодростью духа и тѣла. Прошедши чрезъ С.-Готардъ, онъ прибылъ къ гризонамъ въ Ретіи и швейцарцамъ, познакомился съ извѣстными въ наукѣ му-

*) *Казимиръ Сарбевскій*, польскій іезуитъ, родомъ изъ Мазовіи (1595—1640), образовавшійся на изученіи классиковъ, преподавалъ съ блестящимъ успѣхомъ въ виленской іезуитской академіи словесныя науки, философію и богословіе. Папа Урбанъ VIII возложилъ на него лавровый вѣнокъ въ Римѣ и приказалъ включить нѣкоторые изъ его гимновъ въ бревіарій. Его лирическія стихотворенія читались, объяснялись и заучивались наизусть во всѣхъ европейскихъ школахъ XVII столѣтія, наравнѣ съ одами Горація.

жами и повсюду, какъ у католиковъ, такъ и у некатоликовъ, находилъ радушный пріемъ, привлекая къ себѣ своею умною, гуманною рѣчью, знаніемъ иностранныхъ языковъ, и особенно своимъ образованіемъ, и такъ плѣнялъ всѣхъ, что они, всячески его одаривши, отпускали отъ себя съ сожалѣніемъ.

Прибывши въ 1702 году въ Малороссію, Елисей, по свидѣтельству м. Евгенія, остановился въ Почаевскомъ монастырѣ, лежащемъ почти на самой границѣ Малороссіи съ Галиціей, и тамошнимъ игуменомъ Исаевичемъ постриженъ въ православные монахи, и при этомъ постриженіи названъ Самуиломъ.

Дамаскинъ Рудневъ, авторъ латинской біографіи Θеофана (готской), разсказываетъ, что онъ, послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Римѣ, возвратился въ Кіевъ, и принятъ въ Академію учителемъ поэзіи, а въ 1705 году постриженъ въ монашество и названъ Θеофаномъ. Но м. Евгеній, сказавши о постриженіи его въ Почаевской лаврѣ, говоритъ, что въ 1705 году онъ только перемѣнилъ имя, назвавшись, въ честь покойнаго дяди, Θеофаномъ. *Чистовичъ.*

Θеофанъ Прокоповичъ какъ преподаватель-новаторъ.

Свою учительскую дѣятельность Прокоповичъ началъ въ 1704 году преподаваніемъ піитики. «Наука стихотворства», процвѣтавшая въ XVII вѣкѣ въ іезуитскихъ коллегіяхъ и въ Кіевской академіи, представляла собраніе правилъ, составленныхъ чрезвычайно тщательно и относившихся почти исключительно къ формѣ, а не къ содержанію поэтическихъ произведеній. Вслѣдствіе такого преобладанія формы надъ содержаніемъ, обусловленнаго извращенностью вкуса, а отчасти и общимъ направленіемъ схоластики, формальнымъ по преимуществу, піиты XVII вѣка съ особенною любовью занимались версификаціею, придумывая для своихъ стиховъ самыя причудливыя формы и мало заботясь о содержаніи. Такимъ образомъ возникли всевозможные акростихи, анаграммы, стихи «раковидные», которые можно было читать со всѣхъ сторонъ и снизу вверхъ, привѣтствія въ формѣ креста, звѣзды, сердца и т. п.

Правила для составленія такихъ «стиховныхъ штукъ», стоившихъ нерѣдко огромнаго труда, занимали въ школьныхъ руководствахъ піитики самое важное мѣсто, вмѣстѣ съ ученіемъ о различныхъ символахъ и аллегоріяхъ, которые были въ такомъ ходу въ періодъ господства схоластики и ложнаго классицизма. Образцами для изученія и подражанія ставились, зачастую, бездарнѣйшіе версификаторы, удостоившіеся этой чести только на томъ основаніи, что ихъ стихи начинались и оканчивались одною и той же буквою; правиламъ аристотелевской піитики придавалось въ руководствахъ только второстепенное значеніе. Однимъ изъ важнѣйшихъ видовъ «поэзіи» сдѣлался стихотворный панегирикъ, развившійся впослѣдствіи въ оду, и чѣмъ преувеличеннѣе были расточаемыя въ немъ похвалы, чѣмъ изысканнѣе сравненія и чѣмъ замысловатѣе форма, тѣмъ выше цѣнилось его достоинство. Въ прозѣ этому виду произведеній вполнѣ соотвѣтствовала похвальная проповѣдь, также доводившая лесть до крайностей, подъ вліяніемъ однородныхъ произведеній польской литературы XVII вѣка. Это направленіе, со временъ Симеона Полоцкаго надолго утвердившееся въ нашей литературѣ, выработало до мелочей опредѣленную реторическую и піитическую теорію, которая, можно сказать, слѣдила за каждымъ словомъ писателя, подчиняя каждую его фразу извѣстному правилу, поминутно заставляя его припоминать тотъ или другой параграфъ учебника. Результаты этого деспотизма формы достаточно извѣстны.

Ѳеофанъ Прокоповичъ, въ своемъ курсѣ піитики, старался, по возможности, очистить теорію поэзіи отъ схоластическихъ измышленій, хотя при составленіи этого курса пользовался іезуитскими руководствами Понтана и Фаміана Страды. Главнымъ его руководствомъ и авторитетомъ былъ *Скалигеръ*, котораго піитика имѣла значительное вліяніе на развитіе поэтическихъ произведеній во Франціи, Англіи и Германіи XVI вѣка. Ѳеофанъ обращаетъ особенное вниманіе на практическія упражненія въ сочиненіяхъ и подробно излагаетъ правила, которыми слѣдуетъ при этомъ руководиться, при чемъ рѣзко высказывается противъ разнаго рода стихотворныхъ фокусовъ, на которые мы указывали выше, называя ихъ пустяками и ребяческими побрякушками, которыя могли привлекать людей только въ вѣкъ грубый и варварскій. Далѣе, онъ рекомендуетъ своимъ ученикамъ внимательно читать и изучать образцовыхъ

писателей въ каждомъ родѣ поэзіи. Выборъ этихъ писателей довольно строгъ. Въ эпической поэзіи Θеофанъ указываетъ Гомера, Виргилія, Тасса (послѣдняго онъ цитуетъ въ переводѣ Кохановскаго, котораго также причисляетъ къ образцовымъ писателямъ и называетъ «rarus poeta polonus»); въ лирикѣ — Горація, Овидія, Катулла, Санназара и Сарбѣвскаго; въ драмѣ — Сенеку (подъ непосредственнымъ вліяніемъ котораго составилась піитика Скалигера), въ комедіи — Плавта и Теренція.

Излагая ученіе о родахъ и видахъ поэтическихъ произведеній, Θеофанъ особенное вниманіе обращаетъ на условія поэтическаго творчества, и въ вопросахъ, касающихся формы, старается удѣлять какъ можно менѣе мѣста схоластическимъ опредѣленіямъ различныхъ «украшеній» стихотворнаго слога. Онъ возстаетъ противъ злоупотребленія символами и аллегоріями и въ произведеніяхъ христіанскихъ писателей находитъ даже неприличнымъ обращеніе къ языческимъ божествамъ или обозначеніе ихъ именами различныхъ явленій природы, а также различныхъ нравственныхъ качествъ, приписываемыхъ лицамъ поэмы или драмы. Взамѣнъ этого «языческаго обычая» онъ рекомендуетъ употреблять символы и сравненія, заимствуемыя изъ свящ. писанія.

Вообще, Θеофанъ въ своемъ курсѣ піитики не былъ новаторомъ, потому что не предлагалъ никакихъ новыхъ теорій и слѣдовалъ только тому, что̀ было уже выработано до него; но, оставаясь на этой старой дорогѣ, онъ все-таки старался, насколько могъ, отрѣшиться отъ многихъ предразсудковъ схоластическаго метода, внести въ эту область побол̀е здраваго смысла и естественности. Впрочемъ, «духъ времени» былъ еще настолько силенъ, что эта скромная попытка не могла имѣть значительнаго вліянія на дальнѣйшій ходъ преподаванія въ Кіевской академіи. Мы знаемъ, какъ отнесся преемникъ Θеофана, Лаврентій Горка, къ своей преподавательской задачѣ. О Московской славяно-греко-латинской академіи нечего и говорить: тамъ, по позднѣйшему выраженію Θеофана, всѣ стихотворствовали до тошноты (ad nauseam).

Гораздо болѣе смѣлымъ новаторомъ явился Θеофанъ въ практическомъ примѣненіи той науки, которую онъ преподавалъ въ Академіи. По издавна заведенному академическому обычаю, преподавателю піитики вмѣнялось въ обязанность сочинять

для лѣтнихъ рекреацій драматическія «дѣйства» и діалоги, точно такъ же какъ преподаватель реторики долженъ былъ говорить проповѣди и сочинять привѣтствія отъ имени Академіи разнымъ высокимъ особамъ и покровителямъ. Исполняя эту обязанность, Прокоповичъ, въ 1705 году, написалъ «трагедокомедію», подъ заглавіемъ: «Владиміръ, славянороссійскихъ странъ князь и повелитель, отъ невѣрія тмы въ свѣтъ евангельскій приведенный Духомъ Святымъ». Въ этомъ произведеніи почти все представляетъ новость для того времени: и самая форма, въ которой комическій элементъ не выдѣленъ, какъ тогда, обыкновенно, дѣлалось, въ отдѣльныя интермедіи, и проникаетъ собою всю пьесу, воплощаясь въ лицѣ жрецовъ противниковъ христіанства, и выборъ сюжета изъ русской исторіи, вмѣсто отвлеченнаго аллегорическаго разсужденія въ разговорной формѣ, или событія, взятаго изъ Библіи или изъ житій святыхъ. Но самая важная и неожиданная новость заключалась, конечно, въ томъ страстномъ отношеніи къ самымъ живымъ вопросамъ современности, которое сквозитъ почти въ каждой сценѣ «трагедокомедіи», *повидимому*, имѣющей предметомъ событіе отдаленное и не стоящее въ прямой связи съ событіями начала XVIII вѣка. Говоримъ — *повидимому*, потому что фабула пьесы и имена дѣйствующихъ лицъ до нѣкоторой степени скрываютъ отъ читателя ту идею, которая положена въ ея основаніе. Это общая идея, которой Ѳеофанъ остался вѣренъ во все продолженіе своей литературно-общественной дѣятельности, и которую онъ передалъ своимъ послѣдователямъ, — идея борьбы новаго порядка съ старымъ, прогресса съ застоемъ и обскурантизмомъ, причемъ прогрессивною силою, на сторонѣ которой лежатъ всѣ симпатіи автора, является правительство, власть свѣтская, а силой, задерживающей развитіе — духовенство. Другими словами, это — идея борьбы между свѣтскою и духовною властью за просвѣщеніе. Гнѣдичъ, разсматривая трагедокомедію Ѳеофана, справедливо замѣтилъ, что, «свобода мыслей въ сочинителѣ показываетъ человѣка, котораго идеи были выше круга идей того времени, человѣка, который имѣлъ довольно надѣянности на себя, чтобъ выражать мысли, *какія въ тотъ вѣкъ и на ухо говорить страшились...*»

Въ слѣдующемъ (1706) году Ѳеофанъ началъ преподавать реторику и составилъ учебникъ ея на латинскомъ языкѣ, за-

мѣчательный во многихъ отношеніяхъ. Какъ въ пиитикѣ онъ порицалъ схоластическую извращенность вкуса, такъ и здѣсь среди правилъ о тропахъ и фигурахъ, среди разсужденій о формѣ и содержаніи «украшенной» ораторской рѣчи, онъ самымъ рѣзкимъ образомъ высказывается противъ авторитетовъ, которымъ такъ долго и слѣпо слѣдовало южнорусское проповѣдничество, противъ самыхъ выдающихся представителей католической церковной каѳедры, а затѣмъ вообще противъ католическаго духовенства. Ѳеофанъ не находитъ достаточно сильныхъ словъ, чтобы выразить свое презрѣніе къ католическому духовенству, особенно же къ іезуитамъ и ихъ учености: въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ писемъ онъ называетъ іезуитскій докторскій беретъ — тотъ самый «вѣнецъ на главу», который для большинства кіевскихъ ученыхъ того времени былъ высшимъ идеаломъ, — «ослинымъ украшеніемъ».

Какъ въ польскихъ коллегіяхъ, такъ и въ Кіево-Могилянской академіи реторика служила, преимущественно, для цѣлей церковнаго краснорѣчія, такъ что была, въ сущности, тѣмъ, что теперь называется гомилетикой. Главные пріемы латино-польской проповѣди служили для кіевскихъ духовныхъ ораторовъ единственнымъ образцомъ.

Ѳеофанъ Прокоповичъ отзывался объ этихъ пріемахъ (oratorii conceptus) такъ: «Весьма ложное обуяло насъ мнѣніе, — говоритъ онъ въ своей реторикѣ. — «ибо мы нелѣпѣйшимъ образомъ думаемъ, что если не пойдемъ въ польскія школы, то-есть въ фабрики испорченнаго краснорѣчія, то будто бы не можемъ изучить ораторскаго краснорѣчія». Для того, чтобы наглядно показать всѣ недостатки этого «испорченнаго краснорѣчія», онъ подробно разбираетъ произведения одного изъ самыхъ видныхъ польскихъ проповѣдниковъ того времени — іезуита Томаса Млодзяновскаго.

Въ самыхъ старыхъ реторическихъ руководствахъ Кіевской академіи говорилось, большею частью, только о такъ называемыхъ «эпидиктическихъ» рѣчахъ», содержавшихъ въ себѣ похвалу или порицаніе лицъ, въ особенности же похвалу, такъ какъ, подъ вліяніемъ іезуитской школы, панегирическое направленіе въ концѣ XVII вѣка въ Польшѣ и южной Руси развилось до крайней степени. Ѳеофанъ Прокоповичъ замѣчаетъ, что въ его время «многіе все свое краснорѣчіе и всѣ труды свои въ изученіи его назначаютъ только для того,

чтобы поздравлять пріятелей, говорить за столомъ благожелательныя рѣчи друзьямъ и торжественнымъ образомъ встрѣчать извѣстные годовые праздники». Этого рода рѣчамъ онъ отводитъ въ своей реторикѣ очень скромное мѣсто, «такъ какъ въ числѣ предметовъ, входящихъ въ составъ этой науки, есть гораздо болѣе важные». Говоря о задачахъ и пользѣ ораторскаго искусства, Ѳеофанъ указываетъ на слѣдующіе примѣры практическаго примѣненія реторики: 1) восхваленіе мудрыхъ правителей, «дабы и доблесть ихъ не оставалась въ неизвѣстности, и другіе люди примѣромъ ихъ побуждались къ подобнымъ дѣяніямъ»; 2) воодушевленіе войскъ предъ битвою; 3) возможность мудрою и своевременною рѣчью остановить волненіе въ войскѣ; 4) письма, особенно о важныхъ общественныхъ дѣлахъ; 5) посольства; 6) историческія сочиненія; 7) обличеніе еретиковъ; 8) хвала Богу; 9) церковная исторія и житія святыхъ; 10) проповѣдь. «Нельзя и выразить, — говоритъ онъ, — сколько опасности причиняютъ своему и чужому спасенію тѣ, которые достигаютъ священства, не ознакомившись съ этою наукою (реторикою). Эту должность именно считаютъ не иначе, какъ промышленною, назначенною для плотской выгоды и гнуснѣйшаго прибытка. Какая слѣпота, о, безсмертный Боже! какой мракъ обуялъ умы этихъ людей!»

Разсматривая въ подробности задачи и виды церковнаго красноречія, Ѳеофанъ дѣлитъ его на три рода: изъяснительное, совѣщательное и обличительное. Изъяснительный родъ красноречія заключаетъ въ себѣ похвалы (или порицанія) и примѣняется какъ къ панегирикамъ, такъ и къ рѣчамъ на разные торжественные случаи и на праздники. Ѳеофанъ считаетъ нужнымъ восхвалять знаменитыхъ граждань и правителей, въ особенности же святыхъ, чтобы выставить въ яркомъ свѣтѣ доблести русской земли, которыхъ не хотѣли примѣчать ея противники. Совѣщательное краснорѣчіе заключаетъ въ себѣ доказательства и убѣжденія — слѣдовать добродѣтели и избѣгать пороковъ. Это проповѣдь христіанской морали. Наконецъ, обличительное краснорѣчіе имѣетъ предметомъ обличеніе и осуждение пороковъ, грѣховъ и ересей. Говоря объ этомъ родѣ краснорѣчія, Ѳеоѳанъ возбуждаетъ два вопроса, очень характерные для послѣдующей его дѣятельности: 1) можно ли въ церковной проповѣди употреблять противъ еретиковъ зложеланія и проклятія? и 2) какие грѣхи слѣдуетъ ис-

коренять смѣхомъ, а какіе — строгимъ обличеніемъ? На первый вопросъ онъ отвѣчаетъ утвердительно, требуя однако умѣренности; относительно второго говоритъ, что, напримѣръ, на роскошь нельзя нападать шутками, ибо такимъ образомъ болѣе воспламенишь, нежели погасишь этотъ пламень; гордость, напротивъ, усиливается отъ строгаго обличенія, ибо человѣкъ, признающій себя такимъ, что нужны великія силы, чтобы раздавить его, всегда внутренно торжествуетъ. «Поэтому, думаю,— говоритъ онъ, — что противъ роскоши нужно призывать громы гнѣва небеснаго, суда, смерти, адскаго огня, — гордость же нужно поражать презрѣніемъ, шутками и ѣдкимъ смѣхомъ».

Область шутливости у него, въ противоположность другимъ южнорусскимъ проповѣдникамъ, чрезвычайно стѣснена. «Чтобы шутить благовременно и не переступать въ этомъ мѣры, — говоритъ онъ, — постоянно имѣй въ виду слѣдующее: 1) когда замѣтишь, что слушатели утомлены нѣкоторою строгостью рѣчи, продолжающейся довольно долго, тогда можно сказать что-нибудь шутливое, чтобы возбудить и освѣжить ихъ; 2) шутить можно, когда порицаются чьи-либо слова, напримѣръ еретика; 3) никогда не должно извлекать шутки изъ свящ. писанія и никакихъ шутокъ не должно бросать на святыхъ, развѣ только — когда разсматриваемъ ихъ прежнее состояніе, когда они еще не были святыми; 4) вообще, шутить надо какъ можно рѣже».

О судебномъ краснорѣчіи Ѳеофанъ говоритъ довольно подробно, хотя для него въ реторикахъ на этотъ отдѣлъ почти не обращали вниманія, замѣчая, что онъ «мало употребителенъ въ настоящій вѣкъ».

При изложеніи ученія о судебномъ краснорѣчіи Ѳеофанъ руководствовался, главнымъ образомъ, второю книгою сочиненія Цицерона «De oratore». Онъ подробно разсматриваетъ условія и средства обвиненія и защиты и приводитъ примѣры для подтвержденія своихъ положеній. По его теоріи, постановка судебныхъ вопросовъ можетъ быть троякая: предположительная — когда вина подсудимаго не представляется очевидною, а только подтверждается предположеніями, заимствуемыми изъ побочныхъ обстоятельствъ; положительная, когда фактъ преступленія очевиденъ, и качественная, когда рѣчь идетъ о качествѣ совершившагося факта, о томъ, справедливъ ли, законенъ ли, полезенъ ли онъ, или наоборотъ. Въ первомъ

случаѣ слѣдуетъ обращать вниманіе на то, что было причиною поступка — простое ли побужденіе (impulsio) или заранѣе обдуманное намѣреніе (ratiocinatio); далѣе, нужно имѣть въ виду свойства лица — его характеръ, умъ, обстановку, душевныя качества, образъ жизни, воспитаніе, матеріальное положеніе, наконецъ — внѣшность: лицо и очертаніе губъ, тѣлодвиженія, поступь, рѣчь и т. п. Второй и третій случаи, въ сущности сводятся къ задачамъ краснорѣчія созерцательнаго.

Важнымъ нововведеніемъ въ реторикѣ Ѳеофана и только въ его реторикѣ — былъ особый трактатъ объ *исторіографіи*. «Не проситъ ли помощи у краснорѣчія, — говоритъ онъ, — наше отечество, когда столько славныхъ дѣяній его совершенно забыты? Едва что передано памяти потомства изъ того, что совершило оно (отечество) до сихъ поръ: и это оттого, что не было письменности, не было такого человѣка, который бы занесъ ихъ въ историческіе памятники. Поэтому, съ какою скорбью мы жалуемся на то, что не дошли до насъ примѣры предковъ, столько же намъ нужно стараться о томъ, чтобы хоть современныя дѣянія не оставались, по нашему нерадѣнію и невѣжеству, въ темнотѣ и неизвѣстности», тѣмъ болѣе, что въ сосѣдней Польшѣ есть много людей, которые «съ величайшимъ усиліемъ и трудомъ потѣютъ, зябнутъ, безъ покоя, безъ скуки и досады лгутъ дни и ночи», и ихъ измышленія нерѣдко даже и православнымъ кажутся достойными вѣры, и «немало причиняютъ сомнѣнія касательно святѣйшей религіи нашей, а иныхъ и совершенно отклоняютъ отъ нея». Въ виду этого, Прокоповичъ задался двойною цѣлью: во-первыхъ, указать правила и пріемы исторіографіи и, во-вторыхъ, обличить отступленія отъ этихъ правилъ и различные вымыслы, которые позволяли себѣ католическіе историки. Главнымъ пособіемъ для этого служило ему остроумное сочиненіе Лукіана объ исторіографіи; кромѣ того, онъ цитуетъ Іосифа Флавія, Цицерона, Діонисія Галикарнасскаго, Квинтиліана, Фаміана Страду, Бодэна, Кохановскаго и др.

Исторію Ѳеофанъ опредѣляетъ, какъ изложеніе фактовъ происшедшихъ. Цѣль ея заключается въ томъ, чтобы приносить пользу — чтобъ изъ чужихъ примѣровъ, какъ бы по собственному опыту, мы поняли, что нужно дѣлать и чего избѣгать. Свойства исторіи — достовѣрность, краткость и ясность. Исто-

рикъ долженъ служить только истинѣ; онъ долженъ быть вполнѣ безпристрастенъ, не долженъ искать благосклонности, увлекаться какою-нибудь страстью или духомъ партіи. Ѳеофанъ осуждаетъ баснословные разсказы о древнихъ временахъ, въ родѣ преданія о родоначальникѣ польскаго народа — Лехѣ, или производства имени Москвы отъ Мосоха, сына Ноева (въ «Синопсисѣ» Гизеля, который такъ долго былъ единственнымъ у насъ учебникомъ исторіи). По этому поводу онъ подробно говоритъ о вымышленныхъ чудесахъ, на разсказы о которыхъ особенно щедры католическіе писатели, и на примѣрахъ показываетъ пріемы исторической критики.

Говоря о слогѣ, который въ старой Кіевской академіи дѣлился на множество родовъ (между прочимъ — цвѣтущій, остроумный, удивительный и т.п.), принимаетъ только три вида слога: высокій, средній и низшій, — дѣленіе, принятое впослѣдствіи Ломоносовымъ въ примѣненіи къ церковно-славянскому и русскому языку.

Таковы реторическія правила Ѳеофана Прокоповича. Здѣсь гораздо замѣтнѣе, чѣмъ въ піитикѣ, проявляются стремленіе къ самостоятельности, независимость отъ школьныхъ авторитетовъ и критическій духъ, которымъ онъ всегда отличался. Онъ выступилъ съ этимъ оружіемъ противъ непріятелей, находившихся въ цвѣтѣ силъ, и его идеи, дѣйствительно, были на столько выше идеи того времени, что, несмотря на все превосходство своихъ курсовъ надъ прежними, несмотря на всѣ старанія повернуть на новую дорогу, онъ не имѣлъ успѣха. Его преемники снова пошли избитой тропой схоластики.

Ѳеофанъ преподавалъ реторику въ продолженіе двухъ лѣтъ (1706 и 1707), а затѣмъ, съ 1708 года, началъ преподавать философію. Схоластическая философія раздѣлялась, обыкновенно, на три курса (Trivium Aristotelis): логику, физику и метафизику; иногда къ нимъ присоединялся еще и четвертый курсъ — практической философіи, въ составъ котораго входила этика и политика. По словамъ біографа, Прокоповичъ преподавалъ логику, метафизику, этику, физику, ариѳметику и геометрію, и преподавалъ съ большимъ успѣхомъ, такъ что его курсъ, по всей вѣроятности, былъ очищенъ отъ всякихъ схоластическихъ тонкостей и нелѣпыхъ вопросовъ, какими изобиловали прежніе курсы философіи...

Въ 1711 году, во время турецкаго похода, Петръ вызвалъ Прокоповича къ себѣ въ лагерь.

Возвратившись изъ турецкаго похода, Ѳеофанъ сдѣлался игуменомъ Братскаго монастыря, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и ректоромъ Академіи; съ слѣдующаго же года сталъ преподавать богословіе. По словамъ своего біографа, Ѳеофанъ преподавалъ этотъ предметъ такимъ образомъ, что внесъ въ эту область новый свѣтъ и сумѣлъ до такой степени заинтересовать своихъ учениковъ, что они съ необыкновеннымъ усердіемъ записывали его лекціи.

Эти лекціи, читанныя въ продолженіе четырехъ лѣтъ (до 1716 г.), составили обширный курсъ, впрочемъ, не только не законченный, но даже не доведенный и до половины. Ѳеофанъ излагалъ свой предметъ чрезвычайно подробно, въ видѣ отдѣльныхъ трактатовъ (или «книгъ»), которые, однакоже, тѣсно связаны одинъ съ другимъ въ общую систему, такъ что всякій послѣдующій трактатъ служитъ непосредственнымъ продолженіемъ предыдущаго. Этимъ изложеніе Ѳеофана съ перваго же взгляда рѣзко отличается отъ прежнихъ курсовъ богословія, которые составлялись, преимущественно, по образцу «Суммы» (Summa Theologiae) Ѳомы Аквината, и въ которыхъ отдѣльныя части не имѣли между собою никакой внутренней связи и располагались совершенно произвольно. По содержанію своему этотъ курсъ представляетъ, можно сказать, совершенную противоположность прежнимъ схоластическимъ курсамъ богословія. Ѳеофанъ, постоянный и сильный противникъ католической науки, отвелъ въ своей богословской системѣ очень видное мѣсто полемикѣ съ главнѣйшими представителями схоластическаго богословія, и въ особенности — съ Беллярминомъ, котораго онъ называетъ Ахилломъ непріятельскаго лагеря, и съ Ѳомой Аквинатомъ; подробно опровергая доводы этихъ главныхъ своихъ противниковъ, онъ относится къ нимъ съ презрѣніемъ и всегда старается выставить ихъ въ смѣшномъ видѣ; называетъ ихъ «стадомъ ословъ», «докторишками» (doctorastros), глупцами и т. п., и издѣвается надъ ихъ учеными пріемами. Взглядъ его на схоластическую ученость особенно ярко высказывается въ письмѣ къ преподавателямъ Кіевской академіи (изъ Нарвы), въ которомъ онъ даетъ совѣты относительно преподаванія. «Въ особенности, — говоритъ онъ въ этомъ письмѣ, — не должно слѣдовать примѣру недоученыхъ хвасту-

нишекъ; но каждый долженъ итти путемъ просвѣщенія и держаться тѣхъ научныхъ пріемовъ, которые, являясь плодомъ солидной эрудиціи, вырабатываютъ людей истинно-ученыхъ, а не пустыхъ крикуновъ. Въ нашъ болѣе благоразумный вѣкъ уже до тошноты надоѣла та эрудиція, которая (если можно такъ выразиться) проистекаетъ не изъ чистыхъ источниковъ уважаемыхъ писателей, а течетъ по каплѣ, сквозь нечистую бумагу, изъ грязныхъ лужъ негодныхъ шарлатановъ, и не производитъ въ человѣческихъ умахъ ничего, кромѣ глупаго убѣжденія въ своей учености, кромѣ какой-то тѣни знанія, какихъ-то призраковъ и сновидѣній. Отсюда происходитъ и это смѣшное чванство quasi-ученыхъ крикуновъ, ихъ вранье и споры, зависть и раздоры, и взаимная ненависть, и, наконецъ, то достойное величайшаго сожалѣнія безуміе, одержимый которымъ человѣкъ, ничему почти не выучиваясь, считаетъ себя чуть не всезнающимъ, и благодаря этому убѣжденію, постоянно возится въ грязи, принимая ее за золото». Объ отечественныхъ богословахъ онъ отзывался еще рѣзче: «Что сказать, — пишетъ онъ близкому человѣку, — о попахъ и монахахъ или о нашихъ латинщикахъ? Если, по милости Божіей, въ ихъ головахъ найдется нѣсколько богословскихъ трактатовъ и отдѣловъ, выхваченныхъ нѣкогда тѣмъ или инымъ ученымъ іезуитомъ изъ какихъ-нибудь твореній схоластическихъ, епископскихъ, языческихъ, сшитыхъ на живую нитку, попавшихъ въ ихъ потѣшную кладовую, можетъ-быть, изъ сотаго источника, неудовлетворительныхъ и плохихъ самихъ по себѣ, и еще хуже искаженныхъ, — то наши латынщики воображаютъ себя такими высоко-учеными людьми, какъ-будто бы больше имъ уже нечему и учиться. Дѣйствительно, они знаютъ все, готовы отвѣчать на всякій вопросъ и отвѣчаютъ такъ самоувѣренно и такъ нахально, что ни на волосъ не хотятъ подумать о томъ, что говорятъ. При наблюденіяхъ надъ этими личностями мнѣ, къ крайнему сожалѣнію, приходится сознаться, что есть люди глупѣе римскаго папы. Тотъ воображаетъ, что не можетъ ошибаться, потому что ему присущъ Духъ Святый, и уча съ каѳедры, вполнѣ (какъ говорятъ) убѣжденъ, что изрекаетъ догматы; наши же латынщики чрезвычайно высоко о себѣ думаютъ и не сомнѣваются, что проглотили цѣлый океанъ премудрости... учить хотятъ всѣ, а учиться почти ни одинъ не хочетъ».

Какъ бы въ противоположность этому докторальному тону представителей схоластической науки, Ѳеофанъ въ предисловіи къ своему курсу богословія, говоритъ: «Если бы пришлось мнѣ сказать что-либо такое, что не будетъ подтверждено свидѣтельствомъ Слова Божія, или будетъ доказываться аргументами не вполнѣ понятными и не идущими къ дѣлу, то я заранѣе заявляю свое желаніе и требованіе, чтобы все подобное не только не принималось учениками на вѣру, но прямо отвергалось, какъ неудовлетворительное и ложное. И я желалъ бы, чтобы слушатели указывали мнѣ на подобные промахи, давая мнѣ возможность исправлять и опровергать мои неправильныя мнѣнія. Ибо я знаю, что нельзя назвать здоровымъ того человѣка, который, подражая безумію папы, считаетъ себя непогрѣшимымъ». Въ этихъ словахъ прямо выражается требованіе сознательнаго, критическаго отношенія слушателей къ преподаваемому предмету, требованіе, для того времени совершенно новое и необычное, такъ какъ схоластическая наука, основанная на безусловномъ подчиненіи авторитету — книгѣ или словамъ учителя, — изгоняла всякую самостоятельную мысль, обязывая слушателей безпрекословно iurare in verba magistri. Аргументація прежнихъ богослововъ, какъ на Западѣ, такъ и въ нашихъ школахъ, основывалась на свидѣтельствахъ, взятыхъ изъ свящ. писанія и твореній отцовъ Церкви, а наравнѣ съ ними, и на доказательствахъ «отъ разума» (ratio), на такъ называемомъ богословскомъ силлогизмѣ» и на мнѣніяхъ авторитетныхъ ученыхъ, преимущественно Ѳомы Аквината, которыя не подвергались никакой критической провѣркѣ. Ѳеофанъ какъ это уже видно изъ того определенія, какое онъ даетъ своему предмету, признаетъ безусловную авторитетность только за свящ. писаніемъ; къ твореніямъ св. отцовъ онъ считаетъ необходимымъ прилагать пріемы исторической критики на томъ основаніи, что дошедшіе до насъ списки и изданія этихъ твореній нерѣдко подвергались неумышленной или умышленной порчѣ. Что касается до аргументовъ, основанныхъ на «разумѣ» и на «согласіи богослововъ», то о первыхъ онъ говоритъ какъ о пустякахъ, не заслуживающихъ никакого вниманія, заниматься которыми могутъ только или «талмудисты», или люди совершенно праздные, а о вторыхъ выражается такъ: «Вотъ какой вздоръ приводятъ намъ вмѣсто всякаго доказательства: *такъ де учатъ богословы* — и противъ этого аргумента

не даютъ даже и пикнуть. Такъ могутъ поступать не здравомыслящіе люди, а только схоластики-паписты, въ особенности же іезуиты, столь глубоко увѣренные въ своей премудрости... только у нихъ однихъ, какъ у негодныхъ бабъ, есть привычка съ остервенѣніемъ защищать разъ высказанное слово или мнѣніе и въ аргументаціи ставить свои глупыя рѣчи выше словъ божественнаго писанія».

Доказательства отъ «разума» и злоупотребленія силлогизмами породили въ старыхъ курсахъ богословія множество куріозныхъ и крайне нелѣпыхъ вопросовъ, на рѣшеніе которыхъ схоластическіе ученые, по примѣру Ѳомы Аквината, тратили много усилій. Таковы, напримѣръ, вопросы: есть ли Богъ причина грѣха? нуждался ли человѣкъ, будучи въ невинномъ состояніи, въ пищѣ? что дѣлалъ Богъ до сотворенія міра? можетъ ли Онъ произвести слѣдствіе безъ основанія или дѣйствіе безъ причины?

Большую часть подобныхъ вопросовъ Ѳеофанъ исключаетъ изъ своего курса, какъ нелѣпые и совершенно безполезные; однакоже и онъ, при всемъ своемъ раціонализмѣ, при всей ненависти къ схоластикѣ, удерживая старыя формы изложенія, не могъ вполнѣ отрѣшиться отъ школьной рутины и построить свой курсъ на совершенно новыхъ основаніяхъ; видно, что онъ старался, насколько возможно, избавиться отъ привычекъ старой школы, и, вообще говоря, это ему и удалось, хотя въ частностяхъ, можетъ-быть, и самъ того не замѣчая, онъ иногда близко подходитъ къ пріемамъ своихъ учителей-іезуитовъ. Но это можно сказать только о частностяхъ.

Критическое отношеніе къ вопросамъ науки и религіи и отрицаніе авторитетности такихъ столповъ схоластики, какъ Ѳома Аквинатъ, Іоаннъ, Дунсъ, Скоттъ и др., сблизило Ѳеофана — по направленію — съ протестантскими богословами, сочиненіями которыхъ (особенно въ полемикѣ противъ католическихъ ученыхъ) онъ пользовался въ своемъ курсѣ. Такъ, онъ часто ссылается на Квенштедта (Systema theologiae, Wittenb. 1685), Цвейфера (Hermeneutica sacra, 1694), Гергарда и др. Послѣднему онъ слѣдовалъ и въ самомъ расположеніи отдѣловъ своего курса.

Излагая богословскую систему, Ѳеофанъ успѣлъ за четыре года (1712—1716) написать только семь трактатовъ: 1) введеніе — о задачахъ богословія и о свящ. писаніи; 2) о Богѣ и

о Его свойствахъ; 3) о Троицѣ; 4) объ исхожденіи Св. Духа; 5) о твореніи и провидѣніи; 6) о состояніи человѣка до грѣхопаденія, и 7) о состояніи человѣка послѣ грѣхопаденія. Къ нимъ присоединяется небольшой трактатъ «объ оправданіи», написанный Ѳеофаномъ по просьбѣ его друга, извѣстнаго Якова Марковича, малороссійскаго генеральнаго подскарбія, съ которымъ кіевскій ректоръ любилъ разсуждать о богословскихъ вопросахъ и читать Декарта и Бэкона. Всѣ эти трактаты, за исключеніемъ послѣдняго (который Ѳеофанъ думалъ впослѣдствіи передѣлать и изложить подробнѣе), находятся, какъ мы уже замѣтили выше, въ тѣсной связи одинъ съ другимъ. Расположеніе матеріала и аргументація въ нихъ вездѣ одинаковы: сначала предлагается какой-нибудь вопросъ (quaestio), и дается на него отвѣтъ (thesis); затѣмъ, въ доказательство правильности этого отвѣта приводятся доводы (argumenta), преимущественно изъ свящ. писанія, далѣе перечисляются возможныя возраженія (Objici tamen potest...), и доказывается ихъ неосновательность (respondeo). Почти такого же плана держались и схоластическіе богословы въ изложеніи своего предмета; такой же порядокъ соблюдался при диспутахъ и указанъ самимъ Ѳеофаномъ въ трактатѣ о правилахъ и пріемахъ ученаго спора.

Изложеніе Ѳеофана, несмотря на важность предмета, которая, по понятіямъ ученыхъ старой школы, требовала особенныхъ, необыкновенныхъ и труднопонимаемыхъ терминовъ и выраженій, очень ясно, просто и удобопонятно; его латинскій языкъ и слогъ можетъ быть названъ недосягаемообразцовымъ въ сравненіи съ варварскою латынью схоластической философіи и богословія. Онъ очень остроумно смѣется надъ этою старою школьною мудростью съ ея особенными словами, спеціально изобрѣтенными для затемнѣнія предмета; всю эту терминологію онъ называетъ школьнымъ соромъ и нигдѣ не позволяетъ себѣ употреблять такія неестественныя выраженія, которыя въ то время были въ сильномъ ходу у преподавателей Кіевской и Московской академій.

Ѳеофанъ, по самому складу своего ума, живого и подвижного, не могъ постоянно оставаться на отвлеченной высотѣ и говорить со своими слушателями сухою рѣчью безстрастнаго ученаго; напротивъ, онъ относится къ своему предмету какъ живой человѣкъ, постоянно подбираетъ практическія,

конкретныя сравненія, нерѣдко очень остроумныя, иногда цитуетъ классическихъ поэтовъ (особенно Овидія); на противниковъ нападаетъ горячо, страстно и не всегда сдержанно; тонъ его въ такихъ случаяхъ часто звучитъ очень рѣзко — какъ мы это отчасти уже и видѣли выше, и полемика иногда близко подходитъ къ сатирѣ и памфлету. Личность талантливаго и остроумнаго автора сквозитъ на каждой страницѣ, со всѣми своими достоинствами и недостатками, съ громадною начитанностью, мастерскою аргументаціею и умѣніемъ искусно пользоваться своимъ матеріаломъ.

Въ богословскомъ курсѣ Ѳеофана Прокоповича яснѣе и систематичнѣе, чѣмъ во всѣхъ прочихъ его сочиненіяхъ, высказываются его понятія, не только спеціально-богословскія, но и обще-научныя, отражается весь оригинальный складъ его ума; съ первыхъ же страницъ объемистаго курса читатель видитъ, что передъ нимъ — трудъ человѣка убѣжденнаго и умѣющаго отстаивать свои убѣжденія, итти за нихъ, что называется, напроломъ. Несмотря на всю отвлеченность излагаемаго имъ предмета, личность автора сквозитъ на каждой страницѣ и обрисовывается въ очень опредѣленныхъ чертахъ. Не даромъ лекціи Ѳеофана имѣли такое сильное вліяніе на слушателей. Направленіе его — преимущественно практическое; метафизическихъ тонкостей онъ не любитъ и старается избѣгать; тамъ же, гдѣ по ходу изложенія требуется философская отвлеченность, онъ является всего менѣе самостоятельнымъ мыслителемъ и всего болѣе придерживается старой школьной рутины. По складу ума своего Ѳеофанъ не былъ философомъ и не могъ оставаться кабинетнымъ ученымъ; онъ былъ созданъ для практической дѣятельности въ духѣ тѣхъ преобразовательныхъ идей, которыя рано сложились въ его умѣ въ опредѣленное міросозерцаніе; онъ самъ отлично понималъ это, къ этому стремился, и, наконецъ, достигъ своей цѣли.

Морозовъ.

Ѳеофанъ Прокоповичъ какъ проповѣдникъ.

Какъ преподаватель реторики, Ѳеофанъ обращалъ особенное вниманіе на гомилетику и былъ ex officio проповѣдникомъ. Проповѣди, произнесенныя имъ въ Кіевѣ, служатъ практиче-

ческимъ подтвержденіемъ его теоріи. По справедливому замѣчанію Самарина, онѣ значительно разнятся отъ произведеній прежней школы и во многихъ отношеніяхъ гораздо ихъ выше: «въ развитіи основной мысли нѣтъ натяжки; нѣтъ усилія отыскать что-нибудь неожиданнаго, новаго и труднаго; рѣже попадаются неумѣстныя повѣствованія и цитаты; описаній, аллегорій, символическихъ образовъ и реторическихъ фигуръ гораздо менѣе; драматизма и элемента комическаго почти вовсе не встрѣчается. Наконецъ, изложеніе очищено отъ всего грубаго, рѣзкаго, оскорбительнаго».

Обычный пріемъ Ѳеофана въ проповѣди заключается въ томъ, что у него почти нѣтъ требуемаго схоластическою реторикою «приступа»; онъ прямо, безъ лишнихъ разсужденій, входитъ in medias res и начинаетъ разъяснять текстъ, служащій темой проповѣди, не уклоняясь въ посторонніе «прилоги».

Въ 1706 году 5-го іюля Ѳеофанъ впервые увидалъ въ Софійскомъ соборѣ государя, съ которымъ впослѣдствіи такъ тѣсно сблизился и которому посвятилъ лучшія свои силы. «Привѣтствительное» слово, которымъ Прокоповичъ встрѣтилъ Петра, было не похоже на тѣ витіеватые панегирики, съ какими обращались къ нему проповѣдники старой школы. Здѣсь не было рутинныхъ сравненій съ лицами библейскими или съ героями древности, какія требовались въ то время проповѣдническою практикой; не было текстовъ, подобранныхъ по конкорданціямъ на слово «Петръ», какими любилъ украшать свои привѣтствія Стефанъ Яворскій; историческія воспоминанія были пріурочены къ Кіеву, и въ панегирикѣ были ловко подобраны указанія на реальные факты. «Видитъ въ тебѣ Кіевъ, — говорилъ Ѳеофанъ, обращаясь къ царю, — побѣды и ревность Владимирову: той многія народы мечемъ плѣнилъ, и Россію евангеліемъ просвѣтилъ; ты многія грады отеческіе отъ ига отоманскаго и отъ узъ еретическихъ мечемъ освободилъ еси. Видитъ любомудріе Ярославово: той писанія божественная и иныя многія книги отъ языка еллинскаго на словенскій преведе; ты академію въ царственномъ твоемъ градѣ воздвиглъ еси, и вездѣ людьми учительными разширяти мудрость не престаеши», и т. д. Далѣе, онъ указываетъ на дѣятельность Петра въ мирное и военное время и превозноситъ его сначала за «правду и смотрѣніе въ правленіи отечества», припоминая его указы и распоряженія:

«Правосудіе толикое есть, яко на престолѣ россійскомъ не человѣкъ, но самая правда сидѣти мнится. Кто нынѣ боится смерти или раны, защиту имѣя неподвижную? кто, немощенъ и убогъ сый, трепещетъ сильныхъ крѣпости или богатыхъ навожденія? Кому, аще и мудрѣйшему, страшно есть и ужасно благородіе, преуспѣваніе или достоинство? Не много воистину въ иныхъ народѣхъ или государствахъ такихъ прикладовъ обрящеши, якіе въ отечествѣ нашемъ видимъ нынѣ; видимъ различіе людей въ одеждахъ, въ домовыхъ зданіяхъ и именахъ, на судѣ различія не видимъ, — вси равни суть: не побѣждаетъ неповинности злого нападенія, не погубляетъ никого нищета и убожество, но грѣхъ единый. О семъ же что рещи, яко чины, достоинства, чести градскія и рыцарскія не благородію, не богатству, но добродѣтелямъ, искусству и разуму подаются... Въ краткомъ времени толь добрѣ устроися все царство, елико чрезъ многіе вѣки не чаяли бѣхомъ».

Затѣмъ Ѳеофанъ восхваляетъ Петра за «непреодолѣнное мужество во брани», и особенно за то, что онъ «трудами, службами, бдѣніемъ, дѣлами съ простымъ воиномъ равна себе творитъ... самъ прежде творитъ вся, яже инымъ повелѣвати хощетъ, и толикій повелитель прочихъ повелѣнію подчиняется»; говоритъ о его простотѣ въ образѣ жизни и въ одеждѣ, и въ заключеніе замѣчаетъ, что все это было говорено не ради похвалы, — «не моей бо есть силы похвалы твоя исчисляти, но къ явленію радости нашей воспомянухъ...»

Въ 1709 году, чрезъ двѣ недѣли послѣ Полтавскаго сраженія, Ѳеофану, бывшему уже префектомъ кіевскихъ училищъ, снова пришлось привѣтствовать Петра въ Кіевѣ. На этотъ разъ онъ произнесъ длинное похвальное слово, въ которомъ указывалъ на важность побѣды надъ сильнымъ и страшнымъ непріятелемъ, «отъ яковаго непобѣжденну токмо быти великая была бы слава; что жъ таковаго побѣдити, и побѣдити тако преславно и тако совершенно? Между иными бо народы нѣмецкими онъ яко сильнѣйши воинъ славится и доселѣ прочимъ всѣмъ бяше страшенъ». Далѣе Ѳеофанъ перечисляетъ прежнія побѣды надъ шведами, и въ доказательство силы и храбрости русскихъ войскъ ссылается на Герберштейна («великое воистину свидѣтельство, и едино вмѣсто всѣхъ»), воспоминаетъ о «лукавыхъ запорожцахъ» и о «нечаянномъ и благодарномъ раба проклятаго (Мазепы) отступствѣ», указывая на

опасность его для Россіи, положеніе которой было очень невыгодно. «Псн не угрызають господій своихъ, звѣри свирѣпыя писателей своихъ не вредятъ; лютѣйшій же всѣхъ звѣрей рабъ пожела угрызти руку, ею же на толь высокое достоинство вознесенъ, и на томъ крѣпцѣ держимъ бяше... лжетъ бо, сыномъ себе россійскимъ нарицая, врагъ сый и ляхолюбецъ». Шведскую войну онъ сравниваетъ со второю Пуническою, а Полтавскую побѣду — съ побѣдою Сципіона надъ Аннибаломъ; обращаясь къ побѣдѣ, онъ восхваляетъ сначала храбрость и мужество русскихъ войскъ, а затѣмъ — личную храбрость Петра, не забывая упомянуть и о его прострѣленной шляпѣ («желѣзный желудь пройде сквозѣ шлемъ твой»). Шведскаго короля онъ сравниваетъ съ Голіаѳомъ, со львомъ (сравненіе въ то же время обычное, потому что въ шведскомъ гербѣ изображается левъ), и указываетъ на то, что Полтавская побѣда, по всей вѣроятности, «не безъ смотрѣнія Божія» случилась въ день Сампсона, ибо Сампсонъ растерзалъ льва. Проповѣдь заключается перечисленіемъ результатовъ побѣды: «наши супостаты со всѣмъ воевъ и вождовъ множествомъ ово плѣненны, ово убіенны суть; а и немного избѣгшихъ занесе страхъ не въ домы ихъ, но въ безвѣстная имъ мѣста... вси странныи роды трепещутъ отъ страха и различными помыслы колеблются... Кія бо плоды отъ побѣды сей родишася намъ? Превеликая слава народа нашего, здравіе, безпечаліе, мира возвращеніе, всякое изобиліе, церкви благосостояніе». Обращаясь затѣмъ къ будущему, онъ говоритъ: «мнитъ ми ся, яко свѣтаетъ уже день той, воньже *проклятая унія*, имѣвшая во отечество наше вторгнутися, и отъ своихъ гнѣздилищъ извержена будетъ; святая же православно-католическая вѣра, даже отъ Малой Россіи служители діавольскіи изгнати хотяху, и во иныя страны благополучнѣ простреется».

Панегирикъ нѣсколько страдаетъ растянутостью и повтореніями; но отсутствіе схоластическихъ пріемовъ и отвлеченныхъ похвалъ, конечно, произвело на царя благопріятное впечатлѣніе. Здѣсь онъ слышалъ не реторическую только, но реальную оцѣнку важнаго событія въ жизни Россіи...

Этимъ панегирикомъ молодой проповѣдникъ обратилъ на себя вниманіе царя, который еще ранѣе получилъ о немъ благопріятный отзывъ отъ кіевскаго губернатора, князя Д. М Голицына. Петръ относился къ кіевскимъ ученымъ съ уваже-

ніемъ и Кіевскую академію ставилъ гораздо выше Московской: понятно, поэтому, его вниманіе къ Өеофану, преподавателю и префекту, который, къ тому же, успѣлъ уже заявить свою преданность царю. Петръ нерѣдко поручалъ Голицыну отдавать въ братскую семинарію, для перевода, разныя книги; вѣроятно, въ то время (то-есть въ 1709 г.) онъ поручилъ и Прокоповичу перевести съ латинскаго одно изъ сочиненій, рекомендованныхъ барономъ Гюйсеномъ для чтенія царевичу Алексѣю: «Изображеніе христіано-политическаго властелина, символами объясненное отъ Дидака Саведры Факсадра». Переводъ, сдѣланный Өеофаномъ, не былъ однакоже напечатанъ.

Въ томъ же 1709 году Өеофанъ произнесъ похвальное слово Меншикову. Въ этомъ словѣ онъ «ищетъ источника всѣхъ толь славныхъ его превосходительства добродѣтелей», и находитъ этотъ источникъ въ вѣрности и любви къ царю, а слѣдовательно, и ко всему русскому народу: «аще бо любитъ главу, любитъ все тѣло». Обращаясь, затѣмъ, къ добродѣтелямъ Меншикова, проповѣдникъ говоритъ о его «премудрыхъ совѣтахъ» и о «изслѣдованіи коварныхъ измѣнническихъ умышленій», вспоминаетъ его побѣды — кашинскую, батуринскую «и верхъ благополучія нашего подъ Переволочнымъ»; далѣе, обращаясь къ Меншикову, говоритъ о его добротѣ: «мнози твоимъ предстательствомъ отъ гноища воздвигошася; мнози твоимъ заступленіемъ въ наваждеціяхъ, аки въ морскомъ обуреваніи, цѣлы сохранишася; мнози уже и низриновенны суще твоимъ ходатайствомъ возсташа». Наконецъ, онъ указываетъ еще на одно намѣреніе Меншикова, которое ставитъ выше всякихъ другихъ заслугъ: «съ коликою сладостію сами слышахомъ, егда явѣ предъ всѣми бесѣдовалъ еси, еже бы истребити вторгшуюся въ церкви святыя въ державѣ Польской *треклятую унію*, и возвратити въ мѣста своя изгнанное оттуду благочестіе, изгнати волки, въ кожахъ овчіихъ ходящія, и ввести истинныхъ и добрыхъ пастырей». При ненависти ко всему католическому, мысль объ уничтоженіи уніи, вѣроятно, сильно занимала Өеофана, и онъ воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобъ упомянуть объ этомъ въ своихъ привѣтствіяхъ какъ царю, такъ и его любимцу, который, какъ видно, и самъ раздѣлялъ то же мнѣніе. Слово заключается просьбою, чтобы Меншиковъ принялъ Кіевскую академію подъ свое покровительство, отчего и «всей Россіи не малая прибудетъ

слава: пронесется бо въ народѣхъ, въ коликой цѣнѣ и чести Россія имѣетъ любомудріе, егда толикій ея вельможа своимъ попеченіемъ благодѣтельствуетъ». Это былъ уже обычный схоластическій пріемъ — поручать себя вниманію восхваляемаго милостивца.

Въ другой, небольшой привѣтственной рѣчи Өеофанъ называетъ Меншикова «истиннымъ изображеніемъ» самого Петра: «въ лицѣ бо твоемъ лице монаршеское, аки въ живомъ зерцалѣ, ясно является».

Такимъ образомъ Өеофану удалось обратить на себя особенное вниманіе Меншикова, который въ 1710 году рекомендовалъ его новгородскому митрополиту Іову въ архимандриты Юрьева монастыря. Но это назначеніе почему-то не состоялось...

Образъ мыслей Өеофана, сказывавшійся въ его раціонализмѣ, въ его стремленіи и сочувствіи къ просвѣщенію и къ реформамъ въ жизни церковной и общественной, а также въ ненависти къ лицемѣрію и ханжеству, прикрывавшимися «вѣрою» для цѣлей вовсе нерелигіозныхъ, — этотъ образъ мыслей пришелся какъ нельзя болѣе по душѣ государю, который самъ вполнѣ раздѣлялъ тѣ же возрѣнія. Со свойственнымъ ему умѣньемъ угадывать людей, Петръ отличилъ кіевскаго учителя и, замѣтивъ его блестящія дарованія, а главное — его преданность новому направленію, рѣшился сдѣлать его однимъ изъ своихъ совѣтниковъ и помощниковъ въ трудномъ дѣлѣ преобразованія отношеній государственной власти къ духовенству.

Первыя впечатлѣнія Өеофана Прокоповича въ Петербургѣ были очень неблагопріятны для тѣхъ лицъ, съ которыми ему вскорѣ пришлось начать борьбу. Еще въ Кіевѣ, готовясь къ отъѣзду, онъ писалъ своему другу Марковичу: «ты, можетъ-быть, уже слышалъ, что меня вызываютъ для епископства? Эта почесть меня также привлекаетъ и прельщаетъ, какъ если бы меня приговорили бросить на съѣденіе дикимъ звѣрямъ... Я люблю дѣло епископства, и хотѣлъ бы быть епископомъ, если бы вмѣсто того не пришлось быть комедіантомъ, ибо къ тому влечетъ епископская, въ высшей степени благопріятная, обстановка, если не исправитъ ее божественная мудрость. Съ своей стороны я употребилъ бы всѣ усилія, чтобъ отклонить отъ себя эту честь»... Но по пріѣздѣ въ Пе-

тербургъ Ѳеофанъ тотчасъ же увидѣлъ, во-первыхъ, что объ отклоненіи этой чести нечего и думать, во-вторыхъ — что «дикіе звѣри» не такъ страшны, какъ это казалось ему издали, и что борьба съ ними хотя и опасна, но, при извѣстной ловкости и умѣньи пользоваться расположеніемъ сильныхъ людей, есть много надежды на успѣхъ.

Съ своей стороны, и эти непріятели Ѳеофана, при первомъ же появленіи его въ Петербургѣ, замѣтно встревожились и, стали придумывать средства, какъ бы отъ него избавиться. «Прокоповичъ сюда пріѣхалъ — доносилъ учитель царевича Алексѣя, Вяземскій, своему питомцу, — и сказываетъ здѣсь казанья, и велѣно ему вѣдать во Псковѣ, Нарвѣ, Дерптѣ и Ревелѣ духовныя дѣла; *только какъ неблагодеянно съ нимъ обойдется*». Изъ этого видно, что Ѳеофанъ успѣлъ уже обратить на себя вниманіе тѣхъ, кого называлъ впослѣдствіи «хорошими людьми и отличными ревнителями церкви». Въ ожиданіи возвращенія царя изъ-за границы, Ѳеофанъ, «одинъ и какъ бы единственный», началъ говорить поученія. Первыя двѣ проповѣди, произнесенныя имъ въ Петербургѣ, могли подать поводъ къ различнымъ толкованіямъ: въ одной изъ нихъ (въ день Рождества Христова, 1716 г.) онъ изложилъ, въ популярной формѣ, то самое богословское ученіе объ оправданіи, которое подробно развито имъ въ трактатѣ, написанномъ для Марковича, и въ сочиненіи «Объ игѣ неудобоносимомъ», и которое уже вызвало рѣзкое опроверженіе со стороны Ѳеофилакта Лопатинскаго; въ другой проповѣди (въ день рожденія царевича Петра Петровича, 28 октября 1716 г.) Ѳеофанъ выступилъ уже свѣтскимъ ораторомъ и политическимъ публицистомъ, хотя, на первый разъ, и не рѣшился вдаваться въ критическія разсужденія о противникахъ реформы, а ограничился только панегирикомъ. Эта проповѣдь замѣчательна въ томъ отношеніи, что здѣсь Ѳеофанъ впервые намѣтилъ двѣ главныя идеи, подробному развитію которыхъ посвящена вся его дальнѣйшая литературная дѣятельность, и которыя составляли, такъ сказать, логическое основаніе всѣхъ его дѣйствій. Въ этой проповѣди Ѳеофанъ является, во-первыхъ, безусловнымъ защитникомъ божественнаго права и пассивнаго повиновенія, во-вторыхъ, столь же безусловнымъ, горячимъ поклонникомъ и панегиристомъ реформы. Съ этихъ поръ и до самой своей смерти Ѳеофанъ не сходилъ съ однажды

избраннаго имъ пути; въ началѣ своей проповѣдническо-публицистической дѣятельности онъ посвящаетъ свои труды, преимущественно, оправданію и разъясненію реформы, а впослѣдствіи, подъ вліяніемъ окружающихъ обстоятельствъ, становится все болѣе и болѣе исключительнымъ проповѣдникомъ повиновенія властямъ и защитникомъ правительственныхъ дѣйствій, хотя бы эти дѣйствія и не имѣли уже преобразовательно-прогрессивнаго характера... *Морозовъ.*

Значеніе Θеофана Прокоповича, какъ проповѣдника.

Какъ проповѣдникъ, Θеофанъ имѣетъ огромную заслугу. Онъ преобразовалъ русскую церковную проповѣдь, выведши ее изъ схоластической отвлеченности и сблизивши съ жизнью, съ нуждами народа, съ потребностями времени и обстоятельствъ. Онъ произвелъ эту реформу научно и практически: научно — посредствомъ наставленій и правилъ; практически — своимъ примѣромъ и вліяніемъ на современныхъ проповѣдниковъ.

Схоластическая проповѣдь есть ученая диссертація на избранную тему. Всѣ ея положенія и доказательства раскрываются по внутренней связи и логическому соотношенію мыслей, безъ вниманія къ той средѣ, для которой назначается проповѣдь, ко времени, мѣсту, лицамъ и обстоятельствамъ, въ которыхъ и среди которыхъ она произносится. Такая проповѣдь могла быть сказана и выслушана съ равнымъ интересомъ во время Кирилла Туровскаго, Іоанна Грознаго, въ Петровское и во всякое время. Она можетъ быть прекрасною въ смыслѣ художественнаго построенія, но безплодна для жизни. Она не затронетъ сердца и ничего не прибавитъ къ нравственному улучшенію народа.

Понимая значеніе церковной проповѣди для народа, Θеофанъ старался вывесть ее изъ школьной замкнутости и обратить къ жизни, къ народу. Къ этому направлены его «Наставленія проповѣднику» — во введеніи къ богословской системѣ — въ статьѣ «Регламента» «о проповѣдникахъ слова Божія» и — въ отдѣльномъ сочиненіи: «Вещи и дѣла, о ко-

торыхъ духовный учитель народу христіанскому проповѣдывать долженъ».

«Проповѣдали бы проповѣдники твердо, съ доводовъ священнаго писанія, о покаяніи, о исправленіи житія, о почитаніи властей, паче же самой высочайшей власти царской, о должностяхъ всякаго чина. Истребляли бъ суевѣріе, вкореняли бъ въ сердца людскія страхъ Божіи. Словомъ рещи: испытывали бъ отъ свящ. писанія, что есть воля Божія, святая, угодная и совершенная, и то говорили бъ».

Регламентъ вмѣняетъ проповѣднику въ обязанность имѣть у себя и прилежно читать книги св. Іоанна Златоустаго, лучшаго истолкователя свящ. писанія и самаго практическаго изъ отцовъ греческой Церкви и предостерегаетъ отъ польскихъ проповѣдниковъ, называя ихъ «легкомысленными козноденшками».

Измѣняя направленіе проповѣди, Ѳеофанъ въ то же время старался измѣнить манеру сказыванья проповѣдей, освободить ее — или, лучше, проповѣдника — отъ неумѣренныхъ жестовъ, кривляній и вообще всякой аффектаціи. «Безумно творятъ проповѣдницы, которые брови свои поднимаютъ и движеніемъ раменъ являютъ гордое, и въ словѣ нѣчто такое проговариваютъ, отъ чего можно познать, что они сами себѣ удивляются. Не надобно проповѣднику шататься вельми, будто въ суднѣ весломъ гребетъ. Не надобно руками всплескивать, въ боки упираться, смѣятися, да не надобѣ и рыдать; но хотя бы и возмутился духъ, надобѣ елико мощно унимать слезы. Вся бо сія лишняя и неблагообразна суть и слышателей возмущаютъ».

Наставленія о внѣшнихъ качествахъ проповѣдника, безъ сомнѣнія, основаны были на личныхъ наблюденіяхъ Ѳеофана надъ современными ему проповѣдниками. Даже лучшіе проповѣдники Петровскаго времени страдали этими недостатками въ сочиненіи о сказываніи проповѣдей. Стефану Яворскому нельзя отказать ни въ силѣ воображенія, ни въ глубинѣ чувства, ни въ легкости и нѣкоторой граціи языка: но всѣ его проповѣди суть школьныя сочиненія на избранную тему, не имѣющія отношенія къ жизни; а въ сказываньи проповѣди онъ позволялъ себѣ движенія, именно осуждаемыя въ «Регламентѣ».

Вводя проповѣдь въ связь въ жизнью, Ѳеофанъ вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ ее современною. Онъ старался ввести въ на-

родное сознаніе дѣла Петровы, объяснить народу пользу и необходимость предпринимаемыхъ имъ преобразовательныхъ мѣръ, значеніе и цѣну его побѣдъ, пробудить въ немъ сочувствіе къ великимъ дѣламъ государя.

Петръ, съ первой встрѣчи съ Θеофаномъ, съ первой его проповѣди, оцѣнилъ его талантъ и угадалъ, чѣмъ онъ можетъ быть дяя него и для народа, какъ проповѣдникъ. И ни одно изъ событій Петровскаго царствованія, ни одна изъ одержанныхъ имъ побѣдъ, ни одна изъ важныхъ реформъ его правленія, не прошли безъ того, чтобы Θеофанъ не отозвался на нихъ словомъ съ церковной каѳедры. Конечно, эти слова похожи иногда на панегирики; но не забудемъ, что они произносились и составлялись подъ свѣжимъ вліяніемъ совершившихся событій, въ виду лицъ, которыя принимали въ нихъ непосредственное участіе, и въ виду, съ одной стороны, всѣхъ трудностей, съ которыми соединено было каждое такое событіе, а съ другой — всѣхъ напряженнѣйшихъ усилій, употребленныхъ для его совершенія. По крайней мѣрѣ, одушевленіе, которое проникало всѣ его проповѣди Петровскаго времени, нельзя относить къ лести придворнаго проповѣдника: въ этомъ нельзя упрекнуть Θеофана. Онъ только переводилъ на языкъ словъ то, что говорили самыя дѣла, понятныя небольшому кругу передовыхъ людей эпохи и непонятныя для большинства, частію предубѣжденнаго противъ Петра, частію неразвитаго и тупо относившагося ко всему, что выходило за предѣлы ихъ узкаго пониманія, замкнутаго въ кругу привычной обрядности.

Можно сказать, что Θеофанъ стоялъ во главѣ проповѣднической школы Петровскаго времени. Вокругъ него группировались духовные ученые, которые и въ проповѣди усвоили его направленіе и его пріемы. Это были: Гавріилъ Бужинскій, Θеофилъ Кроликъ и Симонъ Кохановскій. Они также были провозвѣстниками дѣлъ государя и новыхъ понятій, хотя не съ такой силой дарованія, какъ Θеофанъ. Бужинскій, еще бывши оберъ-іеромонахомъ во флотѣ и сопутствуя государю въ походахъ, говорилъ много проповѣдей въ его присутствіи по случаю разныхъ событій, бывшихъ въ его царствованіе: на побѣды при Полтавѣ и Гангудѣ, на взятіе Шлиссельбурга, на основаніе новой столицы и прочее. *Чистовичъ.*

Ученый кружокъ Өеофана Прокоповича.

Өеофанъ былъ душою небольшого кружка лицъ, которыя вводили въ общество новыя образовательныя начала и прокладывали ему новые пути.

Еще въ Кіевѣ Өеофанъ познакомился *съ княземъ Д. М. Голицынымъ*, «разумнѣйшимъ человѣкомъ своего времени», по выраженію кн. Щербатова. Поводомъ къ этому сближенію было, вѣроятно, то, что Голицынъ давалъ академическимъ ученымъ книги для перевода съ иностранныхъ языковъ на русскій. Өеофанъ перевелъ также одну книгу съ латинскаго языка. Впослѣдствіи они разошлись съ Голицынымъ въ убѣжденіяхъ и во взглядахъ на вещи и лица. Голицынъ былъ почитателемъ Стефана Яворскаго до конца его жизни и содѣйствовалъ изданію «Камня вѣры», конечно противъ желаній Өеофана. Въ событіяхъ 1730 года Голицынъ и Өеофанъ принимали равное участіе, но шли къ разнымъ цѣлямъ. Успѣхъ оправдалъ дѣло Өеофана, а Голицынъ погибъ въ шлиссельбургской крѣпости.

Въ 1729 году молодой князь *Антіохъ Кантемиръ* написалъ первую сатиру: «На хулящихъ ученіе». Одинъ изъ пріятелей князя выпросилъ ее прочитать и показалъ Өеофану, считая его, по убѣжденіямъ и по степени образованія, лучшимъ судьею и цѣнителемъ подобныхъ произведеній. Өеофану очень понравилась сатира. Онъ привѣтствовалъ начинающій талантъ извѣстнымъ одобрительнымъ посланіемъ:

Не знаю, кто ты, пророче рогатый,
Знаю, коликой достоинъ ты славы.
Да почто жъ было имя укрывати?
Знать тебѣ страшны сильныхъ глупцовъ нравы.
Плюнь на ихъ грозы. Ты блаженъ трикраты,
Благо, что Богъ далъ умъ тебѣ здравый.
Пусть весь міръ будетъ на тебя голосливый.
Ты и безъ счастья довольно счастливый.
Объемлетъ тебя Аполлонъ великій,
Любитъ всякъ, кто есть таинствъ его зритель.
О тебѣ поютъ парнасскіе лики.
Всѣмъ честнымъ сладка твоя добродѣтель.
И будетъ сладка въ будущіе вѣки,
А я нынѣ сущій твой любитель.
Но сіе за верхъ славы твоей буди,
Что тебя злые ненавидятъ люди.

А ты какъ началъ тещи путь преславный,
Коимъ книжные текли исполины,
И перомъ смѣлымъ мещи порокъ явный
На нелюбящихъ ученой дружины,
И разрушай всякъ обычай злонравный,
Желая доброй въ людяхъ перемѣны,
Кой плодъ ученый не единъ искуситъ,
А дураковъ злость языкъ свой прикуситъ.

Благодарный поэтъ посвятилъ Ѳеофану одну изъ своихъ сатиръ—3-ю, написанную имъ въ 1730 году и посвященную изображенію человѣческихъ страстей. Къ сатирѣ присоединены были стихи, выражающіе чувства поэта къ Ѳеофану:

Устами ты обязалъ меня и рукою,
Далъ хвалу мнѣ свыше мѣры, заступилъ не мало.
Сатирику то забыть никакъ не пристало,
Иже неблагодарства страсть хулить трубою.
Нѣтъ, но силы воздавать дани равномѣрны
Въ знакъ благодаренія увы запрещаютъ.
Пріими убо сія: хоть и не блистаютъ
Дары изяществомъ, однакъ знаки воли вѣрны.

Сатира начинается и оканчивается обращеніемъ къ Ѳеофану и разсыпаетъ ему похвалы щедрою рукою.

Дивный первосвященникъ, которому сила
Высшей мудрости тайны всѣ открыла,
И всѣ твари, что міръ сей отъ вѣкъ наполняютъ,
Показала, изъяснивъ, отъ чего бываютъ, —
Ѳеофанъ, которому все то далось знати,
Здрава человѣка умъ что̀ можетъ понятн.
Скажи мнѣ, можешь бо ты: всѣмъ всякаго рода
Людямъ, давши тѣло тожъ и въ немъ духъ природа,
Она имъ разныя дѣлила страсти,
Которыя одолѣть уже не въ ихъ власти,
Или другой ключъ тому ручью искать нужно?

Потомъ, частію подъ вымышленными, частію подъ собственными именами, сатирикъ описываетъ разныя людскія страсти и, наконецъ, заключаетъ свою сатиру:

Да не пора ль, муза моя, губы
Прижавъ кончить нашу рѣчь? Сколь наши ни любы
Намъ рѣчи, мѣру въ нихъ знать здравый смыслъ насъ учитъ.
Всякому лишно — долга рѣчь уху наскучитъ.
И должно помнить тебѣ, съ кѣмъ идетъ мнѣ слово:
Ѳеофана чаешь ли не имѣть много

Дѣла, развѣ выспаться, досыта покушать
И, поджавъ руки, стихи мои слушать.
Пастырь о стадѣ своемъ прилежный радѣетъ
Недремно, спасенія сѣмя чисто сѣетъ
И растить примѣромъ онъ такъ, какъ словомъ, тщится.
Главный надъ церковью правитель садится
Не напрасно близъ царя. Церковныя славы
Пристойно защитникъ онъ, изнѣженны правы
Исправляетъ пастырей и хвальный чинъ вводитъ.
Воля намъ Всевышняго ясна ужъ исходитъ
Изъ его устъ и ведетъ въ истинну дорогу,
Неусыпно черпаетъ въ источникахъ многу
Чистыхъ мудрость; потекутъ прелестны
Намъ струи; труды его безъ конца различны...

Кантемиръ такъ же, какъ Өеофанъ, принималъ участіе въ событіяхъ 1730 года. Онъ присталъ къ партіи консерваторовъ существующаго порядка, во главѣ которой были Өеофанъ, князь Черкасскій и князь И. Ю. Трубецкой. Ему, какъ литератору, поручена была редакція прошенія къ императрицѣ о принятіи самодержавія. Императрица приняла прошеніе и пожаловала Черкасскому и Трубецкому андреевскіе ордена, а Кантемиру съ братьями тысячу тридцать крестьянскихъ дворовъ.

Какъ Өеофанъ въ проповѣдяхъ, такъ Кантемиръ въ сатирахъ вооружаются противъ недостатковъ современнаго общества, такъ что между проповѣдями и сатирами можно провесть довольно полную параллель. Тотъ и другой показывали народу необходимость и пользу разныхъ отраслей знанія, осмѣивали ханжество и суевѣрія, изъясняли пользу путешествій и внушали религіозную терпимость въ отношеніи къ иноземцамъ и выгоду отъ обращенія съ ними. Переходное время ихъ представляло два типа враговъ просвѣщенія и совершаемыхъ въ духѣ его преобразованій: упорныхъ невѣждъ и недоученыхъ прогрессистовъ и цивилизаторовъ, считавшихъ за существенное одну лишь внѣшность, одинъ лоскъ европейца. Первыхъ, разумѣется, было несравненно больше по численности и силѣ, нежели послѣднихъ, и на нихъ-то направляютъ Өеофанъ свои поученія, Кантемиръ — свою сатиру. Но и другой классъ враговъ просвѣщенія также подпалъ подъ ихъ перо.

Къ этому же кругу образованныхъ лицъ принадлежалъ *В. Н. Татищевъ*. Русскій душою, складомъ ума и характера,

онъ расходился съ Ѳеофаномъ во многихъ убѣжденіяхъ, но тяготѣлъ къ нему, какъ человѣкъ образованный къ человѣку высшаго ума и образованія. Умъ и образованность сближаютъ людей, имѣющихъ не только различныя, но и противоположныя убѣжденія, если только они честно слѣдуютъ своимъ убѣжденіямъ, не выставляя ихъ напоказъ и не скрывая за ними какихъ-нибудь эгоистическихъ стремленій. Напротивъ, это столкновеніе различныхъ взглядовъ и убѣжденій полезно и благотворно тѣмъ, что возбуждаетъ новые вопросы, открываетъ въ предметѣ новыя стороны, выясняетъ и упрочиваетъ самыя убѣжденія и образуетъ между ними точки соприкосновенія и сближенія.

Одинъ изъ разговоровъ съ Татищевымъ былъ поводомъ Ѳеофану къ сочиненію разсужденія: «О книгѣ Соломоновой нарицаемой Пѣсни пѣсней».

Въ свою очередь и Татищевъ не оставался безучастнымъ къ бесѣдамъ Ѳеофана. Въ своей исторіи онъ часто и съ большою похвалою ссылается на указанія и замѣтки Ѳеофана. «Нашъ архіепископъ Прокоповичъ, — пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, — какъ былъ въ наукѣ философіи новой и богословіи толико ученъ, что въ Руси прежде равнаго ему не было. По природѣ острымъ сужденіемъ и удивительно твердою памятью былъ одаренъ». Подъ вліяніемъ одной бесѣды съ нимъ, Татищевъ написалъ «Разговоръ о пользѣ наукъ», который завѣщалъ, какъ дорогое наслѣдіе, своему сыну. Въ заключеніе своей замѣчательной «Духовной» сыну, онъ говоритъ: «Наконецъ, какъ я тебѣ уже ничего завѣщать не имѣю болѣе, но токмо для тебя о тебѣ самомъ и что тебѣ нужно къ разумѣнію, слѣдующимъ «Разговоромъ» награждаю, который прошлаго 733 года будучи здѣсь, по случаю разговора съ князь Сергіемъ Долгоруковымъ началъ, чрезъ разговоръ съ архіепископомъ новгородскимъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и съ князь Алексѣй Михайловичемъ Черкасскимъ, якоже съ нѣкоторыми профессоры академіи, разсуждалъ, продолжая и тебѣ тѣмъ пользу принести». Въ этой «Духовной» онъ совѣтуетъ сыну читать на ряду съ твореніями знаменитыхъ отцовъ и учителей Церкви сочиненія Ѳеофана Прокоповича — истолкованіе десяти заповѣдей и блаженствъ, которое за Катихизисъ, а малый Букварь — за лучшее правоученіе служить могутъ.

Во взглядахъ у него много сходнаго съ Ѳеофаномъ. Совер-

шенно согласно съ его образомъ мыслей Татищевъ пишетъ въ «Духовной», что «прологи и житія святыхъ въ Минеяхъ-Четьихъ надобно читать такому, кто довольно въ письмѣ святомъ искусился и могъ бы довольно разсуждать; ибо хотя въ нихъ многія исторіи въ истинѣ оскудѣваютъ и неразсуднымъ соблазны къ мнительству о всѣхъ, въ нихъ положенныхъ, подать могутъ: однакожъ тѣмъ не огорчевайся, но разумѣй, что все оное къ благоуханному наставленію предписано и тщися подражать дѣламъ ихъ благимъ». Между прочимъ, онъ совѣтуетъ сыну, послѣ достаточнаго ознакомленія со своимъ (православнымъ) закономъ, изучать творенія писателей католическихъ, лютеранскихъ и кальвинскихъ, чтобы, встрѣчаясь въ обществѣ съ людьми этихъ вѣроисповѣданій и вступая въ разговоры съ ними, не быть ими обманутымъ; но не совѣтуетъ вступать въ споры съ единовѣрцами, чтобъ не подать людямъ о себѣ злого мнѣнія. Въ примѣръ онъ указываетъ на самого себя. «Я хотя о Богѣ и правости божественнаго закона никогда сомнѣнія не имѣлъ, ниже о томъ съ кѣмъ въ разговоръ или преніе вступалъ; но потому, что я нѣкогда о убыткахъ, законами человѣческими въ тягость положенныхъ, говаривалъ, отъ несмысленныхъ и безразсудныхъ, невѣдущихъ Божьяго закона и токмо человѣческіе уставы противу заповѣданія Христова чтущихъ, не только за еретика, но и за безбожника почитанъ и не мало невиннаго поношенія и бѣдъ претерпѣлъ». «Съ хвалящими вольности другихъ государствъ и ищущими власть монарха уменьшить никогда не согласуйся, понеже оное государству крайнюю бѣду нанести можетъ, о чемъ тебѣ исторіи нашего государства ясные приклады показать могутъ, какъ то нѣкоторые и предъ немногими лѣты безумно начинали».

Извѣстно, что Татищевъ участвовалъ въ событіяхъ 1730 года. Когда Верховный Совѣтъ предложилъ дворянству представить свои соображенія о лучшемъ образѣ правленія, составилось много кружковъ. Въ одномъ изъ нихъ дѣйствовалъ Татищевъ. Въ духѣ политики, внушаемой своему сыну, онъ составилъ и подалъ мнѣніе о несправедливомъ присвоеніи верховниками власти избирать государя и издавать законы и о неприкосновенности монархической самодержавной власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представилъ соображенія, принятыя наибольшимъ числомъ дворянства, объ устройствѣ Сената и изданіи новыхъ законовъ,

объ учрежденіи народныхъ училищъ, объ улучшеніи быта духовенства и купечества и объ учрежденіи правильнаго престолонаслѣдія. Наконецъ, Татищевъ принималъ участіе въ поднесеніи императрицѣ адреса о принятіи ею самодержавія. Императрица была довольна образомъ его дѣйствій и назначила его церемоніймейстеромъ при своей коронаціи.

Такъ всѣ перечисленныя нами передовыя лица своей эпохи принимали участіе въ смутныхъ событіяхъ 1730 года, но каждый по-своему. *Чистовичъ.*

Ѳеофанъ и его враги.

Ѳеофанъ, умный, хитрый, многосторонне образованный, честолюбивый, дѣятельный, принадлежитъ къ числу тѣхъ страстныхъ натуръ, которыя ищутъ жизни въ движеніи впередъ, которыя создаютъ себѣ лучшіе идеалы для будущаго и, увлекаясь ими, стремятся къ нимъ всѣми силами своей души. Изъ такихъ натуръ выходятъ всегда реформаторы; во времена революцій они быстро возвышаются и дѣлаются передовыми людьми, предводителями.

Еще въ юности безвѣстнымъ, бѣднымъ ученикомъ на пути въ Римъ, Ѳеофанъ познакомился съ жизнью нѣсколькихъ чужеземныхъ странъ, съ которою могъ сравнить русскую одностороннюю жизнь, лишенную многихъ интересовъ европейской жизни. Въ Римѣ своимъ умомъ, любознательностью, остротою, настойчивостью въ трудѣ, онъ обратилъ на себя вниманіе образованнѣйшихъ іезуитовъ, которые истощили много убѣжденій, чтобы привлечь юнаго ученика на свою сторону. Но умъ его былъ не таковъ, чтобы поддаться этимъ убѣжденіямъ: ища жизни, а не схоластики, ее сковывающей, онъ уже не полюбилъ всѣхъ схоластическихъ мудрствованій и занялся изученіемъ писателей древнихъ и христіанскихъ. На ряду съ отцами Церкви греческой и римской онъ знакомился съ Демосѳеномъ, Цицерономъ, Виргиліемъ, Овидіемъ и со многими другими классическими поэтами, сатириками, ораторами, историками; внимательно разсматривалъ памятники древности, и не только не увлекся «папежскимъ духомъ» (какъ онъ называетъ католичество), которымъ его хотѣли увлечь, но, напротивъ, развилъ въ себѣ сатирическій духъ, и, наконецъ, явился

въ Кіевскую Академію самостоятельнымъ дѣятелемъ. Реформаторскія стремленія онъ сначала выказалъ безъ всякой связи съ Петровой реформою. Пока Петръ боролся со шведскимъ королемъ, онъ занималъ скромную каѳедру преподавателя философіи и богословія въ Кіевской Академіи. И скоро слушатели Ѳеофана съ восторгомъ стали разносить по всему юго-западному краю вѣсти о новомъ изложеніи богословія. Дошло это и до Москвы, и ужаснулись московскіе схоластики смѣлости кіевскаго іеромонаха и единогласно осудили его въ отступничествѣ отъ православія. Въ другое время, конечно, онъ былъ бы задавленъ, несмотря на всю свою энергію; но реформаторскій духъ Петра далъ ему опору въ борьбѣ и направленіе его наклонностямъ. Уже въ то время сатирической и презрительной насмѣшкой поражалъ онъ ханжество и невѣжество поповъ и монаховъ. Даже и характеромъ онъ былъ сходенъ съ Петромъ: холерико-сангвиническаго темперамента, съ сатирическимъ взглядомъ, развившимся вслѣдствіе противорѣчія узкой дѣйствительности съ его живымъ идеаломъ, онъ любилъ, подобно Петру, веселую и разнообразную жизнь, ни на мигъ не забывая дѣла. Первая встрѣча этихъ двухъ личностей, столь родныхъ по духу, была въ 1706 году, когда Ѳеофанъ въ качествѣ префекта Академіи встрѣчалъ царя въ кіевскомъ Софійскомъ соборѣ привѣтственною рѣчью. Въ ней ораторъ уже во многомъ отступаетъ отъ прежнихъ безжизненныхъ пріемовъ и вноситъ въ нее то, что дѣйствительно могло имѣть интересъ для Петра, посѣтившаго Кіевъ. Петръ, умѣвшій такъ хорошо угадывать способныхъ людей, не могъ и тогда не замѣтить такой личности, какъ Ѳеофанъ. Чрезъ двѣ недѣли послѣ Полтавской битвы Прокоповичъ снова встрѣчаетъ царя поздравительною рѣчью, которая, по царскому приказу, тогда же и была напечатана вмѣстѣ съ латинскимъ переводомъ. Затѣмъ чрезъ два года царь беретъ его съ собою въ прутскій походъ, и въ это-то время, конечно, слушая его проповѣди, могъ узнать ближе его стремленія. Но по мѣрѣ того, какъ проповѣдникъ сближался съ Петромъ, все болѣе и болѣе расходился съ высшими представителями своего сословія. Въ 1712 году онъ написалъ книгу «Объ игѣ неудобоносимымъ», которая сталкиваетъ его съ прежнимъ его школьнымъ товарищемъ, Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, и ставитъ обоихъ во взаимныя враждебныя отношенія. Эта враждебность потомъ обращается

въ борьбу на смерть, когда оба сходятся на одной дорогѣ во главѣ русскаго духовенства, какъ первые члены Синода. Они учились вмѣстѣ въ Кіевѣ и за границей, потомъ вмѣстѣ учили въ Кіевской Академіи, но совершенно расходились въ своихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ. Ѳеофилактъ такъ же былъ человѣкъ умный и ученый, но не имѣлъ той страстности, той изворотливости, какими былъ одаренъ Прокоповичъ, а главное, былъ чуждъ всякихъ реформаторскихъ стремленій, держался и старыхъ порядковъ, признавая авторитетъ старины. И нечуждый честолюбивыхъ увлеченій, онъ былъ и въ то же время кротокъ, довѣрчивъ, простъ и считалъ своимъ священнымъ долгомъ защищать православіе отъ всякихъ нападокъ и искаженій. Явившись дѣятелемъ въ эпоху революціонную, когда иностранцы разныхъ вѣроисповѣданій наполняли войска и исправляли разныя гражданскія и государственныя должности, когда раскольники предъявляли свои толки, когда между самими православными получали силу нѣкоторыя мнѣнія, не совсѣмъ согласныя съ тогдашнею богословскою наукою, когда самъ царь показывалъ полную религіозную терпимость, Ѳеофилактъ съ совершенною добросовѣстностью, безъ всякой задней мысли хотѣлъ быть стражемъ Церкви. Но онъ не запятналъ себя доносами, обычными въ то время, а вооружался литературнымъ оружіемъ, думая сочиненіями остановить разливъ ложныхъ, по его мнѣнію, ученій. И въ предѣлахъ литературныхъ онъ въ самомъ дѣлѣ былъ силенъ; но онъ по своей простотѣ не предвидѣлъ, что въ то время литературная полемика легко доводила до тайной канцеляріи. Внѣ литературы Ѳеофилактъ былъ неспособенъ на борьбу, по своей прямотѣ и недальновидности. Въ этомъ случаѣ онъ и Ѳеофанъ Прокоповичъ были совершенною противоположностью одинъ другому. Прокоповичъ, по словамъ Бантышъ-Каменскаго, соединялъ съ даромъ слова искусство утонченнаго политика, тогда какъ Лопатинскій терялся въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Онъ возвысился, пока подъ защитою Петра могъ дѣйствовать въ литературной сферѣ. Петръ, пользуясь его богословскою ученостью, поручалъ ему писать нѣкоторыя религіозныя сочиненія и хладнокровно смотрѣлъ на полемическія выходки архипастырей, если онѣ не касались политики. Но со смертью Петра, когда эти религіозныя страсти, а съ ними и честолюбивыя стремленія удерживать было некому, когда Ѳеофилактъ

волей-неволей должен былъ выйти изъ ограниченной сферы литературной полемики, онъ не могъ устоять передъ искусными политиками, обнаруживъ безхитростно свои симпатіи къ старому порядку.

Еще бывъ ректоромъ Московской Академіи, Ѳеофилактъ считалъ не совсѣмъ православнымъ богословское ученіе Прокоповича, которое раздавалось съ кіевской академической каѳедры. Онъ ждалъ случая, чтобы приняться за перо противъ такого ученія, и случай не замедлилъ представить самъ Ѳеофанъ своею книгою «Объ игѣ неудобоносимомъ». Она вызвала сочиненіе Лопатинскаго «Иго Господне — благо», которое ясно показало Ѳеофану враждебное отношеніе къ нему ученаго московскаго духовенства за его реформаторскія стремленія. Оно еще сильнѣе обнаружилось, когда чрезъ четыре года Ѳеофанъ былъ вызванъ въ Петербургъ, чтобы вѣдать духовными дѣлами псковской епархіи. Взволновалось не только духовенство, но вся партія стараго порядка, всѣ сторонники царевича, какъ-будто предугадывая новую силу, которая шла въ союзъ съ Петромъ. И они не обманулись. Прокоповичъ сразу понялъ, гдѣ ему нужно искать точку опоры. Онъ не задумался стать на сторону Петра и слилъ съ его стремленіями свои реформаторскія стремленія: небольшой ручеекъ нашелъ себѣ исходъ въ большомъ потокѣ, и раздѣленіе сдѣлалось невозможнымъ. Попавъ въ эту струю, Прокоповичъ долженъ былъ отстаивать всѣ ея интересы, понявъ очень хорошо, что съ ними тѣсно соединяется его собственное «быть или не быть». И вотъ, въ Петербургѣ, въ ожиданіи царя, который былъ тогда за границею, Ѳеофанъ говоритъ рѣчь за рѣчью, объясняя благодѣтельное значеніе царевой реформы. Онъ сравниваетъ новую Россію со старою, отдавая первой преимущество во всемъ; доказываетъ пользу путешествій по образованнымъ землямъ, выставляя важное значеніе путешествія самого царя; враждебно относится ко всѣмъ старымъ идеаламъ жизни и съ увлеченіемъ рисуетъ новые, возникшіе на европейской почвѣ, приносящіе съ собой интересы науки и искусства. Дѣйствительно новымъ словомъ, новымъ духомъ вѣетъ отъ всѣхъ этихъ проповѣдей, несмотря на ихъ искусственную, реторическую оболочку. Свои доказательства, логическіе выводы ораторъ нерѣдко смѣняетъ насмѣшкой, сатирой, не стѣсняясь никакими картинами, никакими выра

женіями. Онъ сразу заявилъ въ себѣ энергическую силу, о которой только по слухамъ до тѣхъ поръ знали приверженцы старины, такъ сухо принявшіе его въ Москвѣ и Петербургѣ.

Нельзя было мѣшкать: нужно было какъ-нибудь подавить эту силу. И вотъ почти все высшее духовенство, и во главѣ его самъ блюститель патріаршаго престола, старикъ Стефанъ Яворскій, заговорили вслухъ, что богословское ученіе Прокоповича не православное, а лютеранское, что онъ хочетъ внести въ нашу Церковь ересь. Составилось донесеніе самому царю, которому выставлялось на видъ, что Ѳеофанъ самъ «наложилъ на себя препятствіе ко святому, великому архіерейскому сану, проповѣдуя въ Кіевѣ ученіе, не согласное съ православною Церковью». Но уже этимъ донесеніемъ они выказали себя не въ благопріятномъ свѣтѣ: зачѣмъ же они молчали прежде, если ученіе Ѳеофана было вредно? зачѣмъ возстали только тогда, когда увидѣли силу, грозящую ихъ собственнымъ интересамъ? Ѳеофанъ былъ поставленъ въ затруднительное положеніе; но съ помощью царя обвинители его офиціально отказались отъ своихъ обвиненій, и въ 1718 году онъ былъ посвященъ въ санъ псковскаго епископа. Враги его явно обнаружились; онъ затаилъ свою злобу, которой впослѣдствіи далъ широкій просторъ. Теперь онъ только воспользовался начавшимся судомъ надъ царевичемъ, въ дѣлѣ котораго оказались замѣшанными Стефанъ Яворскій и многіе изъ высшаго духовенства. Онъ написалъ Слово о власти и чести царской, которымъ поразилъ противниковъ своихъ и Петровыхъ, съ явными намеками на личности.

Петръ хорошо понялъ реформаторскій духъ Ѳеофана Прокоповича, и никому другому, а ему поручилъ составить духовный регламентъ, который долженъ былъ преобразовать церковное управленіе.

Можно себѣ представить, какое озлобленіе противъ него копилось во всѣхъ духовныхъ лицахъ, во всѣхъ врагахъ новыхъ порядковъ. Прежнее обвиненіе его въ лютеранствѣ ходило изъ устъ въ уста и переходило въ народъ; стали являться тайныя сочиненія и пасквили, направленные противъ его личности. Но Прокоповичъ не безпокоился о своей защитѣ: онъ былъ безопасенъ подъ сѣнью Петра, который умѣлъ сдерживать эту церковную вражду въ строгихъ предѣлахъ.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи оказался Ѳеофанъ со смертію Петра, когда нужно было самому заботиться о своей безопасности. Онъ увидѣлъ себя совершенно одинокимъ въ средѣ духовенства, передъ которымъ сдѣлался отвѣтственнымъ въ церковной реформѣ. Онъ увидѣлъ, что ему теперь нужна вся энергія его души, чтобы отстаивать новые порядки, что борьба должна быть на смерть, что малѣйшая уступка съ его стороны повлечетъ за собою собственную его гибель. Положеніе, дѣйствительно, трагическое, изъ котораго можно было выйти только по кровавой дорогѣ. Еще при Петрѣ охотно сближаясь съ иностранцами, какъ представителями новоевропейской жизни, интересовъ науки, Ѳеофанъ теперь окончательно примкнулъ къ нимъ, разсчитывая на ихъ положеніе въ Россіи, которое обязывало поддерживать новые порядки, такъ какъ они сами были выдвинуты въ государствѣ тѣмъ же движеніемъ. Они такъ же должны были употребить всѣ силы, чтобы поддержать созданіе Петра, иначе усилившаяся реакція должна была поглотить ихъ.

Конечно, это сближеніе съ иностранцами, преимущественно съ лютеранами, еще болѣе раздуло молву, что псковскій (а потомъ новгородскій) архіепископъ зараженъ лютерскою ересью. Католики, разсчитывая на возможность соединенія церквей въ пользу папы и зная въ Ѳеофанѣ явнаго противника этому, примкнули къ старорусской партіи, и такимъ образомъ снова смѣшались и политическіе и религіозные интересы. Сообщительный Ѳеофанъ своимъ веселымъ нравомъ нравился иностранцамъ-лютеранамъ, которые въ своихъ запискахъ отзываются о немъ съ самой выгодной стороны: они называютъ его умнѣйшимъ и образованнѣйшимъ въ средѣ русскаго духовенства.

Итакъ, со смертью Петра Ѳеофанъ быстро разсчиталъ, какую позицію нужно занять ему. Первое время онъ находилъ нѣкоторую опору въ Екатеринѣ, которая знала объ его дѣятельномъ участіи при ея избраніи и оказывала ему довѣренность. Для своего обезпеченія ему прежде всего нужно было занять первое мѣсто въ Синодѣ, которое при смерти Петра занималъ новгородскій архіепископъ Ѳеодосій, человѣкъ вспыльчивый и честолюбивый. Ему казалось возможнымъ возобновить патріаршество и самому стать патріархомъ. Ужъ одно это ставило его въ недружелюбныя отношенія къ Ѳеофану,

который неусыпно слѣдилъ за всѣмъ и зорко стоялъ на стражѣ. Неумѣренныя домогательства, раздражительность, вспыльчивость и грубость Ѳеодосія помогли Ѳеофану. По приказанію императрицы, Ѳеодосій преданъ суду, и при участіи Ѳеофана написанъ указъ объ его ссылкѣ съ лишеніемъ архіерейства за оскорбленіе величества. Ѳеофанъ сдѣлался первымъ, имѣя товарищемъ Ѳеофилакта Лопатинскаго, который стоялъ на стражѣ православія съ перомъ въ рукахъ, замышляя и теперь на Ѳеофана литературную атаку. Другихъ замысловъ у него не было: кротость, прямодушіе, честность — вотъ тѣ качества, за которыя всѣ его уважали. Реакція новымъ порядкамъ готовилась втайнѣ, такъ какъ Екатерина считала своимъ долгомъ поддерживать дѣло Петра, а Меншиковъ, ставшій во главѣ правительства, иначе не могъ и думать, не противорѣча даже своимъ личнымъ интересамъ. Но тайная подземная борьба сдѣлалась ощутительнѣе, чѣмъ при Петрѣ Великомъ. Противники его, видимо, усиливались, питая надежду восторжествовать. Понемногу стали возвышаться и получать значеніе лица, бывшія въ немилости въ предшествовавшее царствованіе, а въ Синодъ входили новыми членами прежніе опальные и явные враги Ѳеофана Прокоповича. Между послѣдними Георгій Дашковъ, епископъ ростовскій, сдѣлался третьимъ членомъ. Онъ былъ изъ не ученыхъ, а потому и на ученость смотрѣлъ съ подозрѣніемъ; не любилъ ученыхъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ простиралъ свою нелюбовь и на всѣхъ *малороссійцевъ*, т.-е. тѣхъ, которые получили образованіе въ Кіевской Академіи. Понятно, что уже по одному этому онъ смотрѣлъ недружелюбно на Ѳеофана Прокоповича. Человѣкъ честолюбивый и завистливый, съ природнымъ умомъ, съ энергической настойчивостью, способный къ интригамъ всякаго рода, въ связи съ партіею Лопухиныхъ, Долгорукихъ, Голицыныхъ, Трубецкихъ — всѣхъ тѣхъ, у которыхъ были политическія цѣли встать въ оппозицію правительству, онъ могъ быть очень опаснымъ врагомъ Ѳеофана.

Въ Синодѣ былъ только одинъ членъ, который понималъ истинное значеніе реформы и могъ сочувствовать Ѳеофану. Это былъ Ѳеофилъ Кроликъ, человѣкъ умный, европейски образованный. Онъ въ 1716 году былъ посланъ за границу, въ Прагу, вмѣсто учителя Кантемирова, Ильинскаго. Тамъ онъ занимался переводами съ чешскаго и нѣмецкаго язы-

ковъ; съ этимъ послѣднимъ онъ былъ нѣсколько знакомъ еще въ Москвѣ. Когда онъ возвратился на родину, неизвѣстно; но въ 1722 году онъ, уже іеромонахомъ, является въ Синодъ асессоромъ, а чрезъ годъ чудовскимъ архимандритомъ и синодальнымъ совѣтникомъ.

Повидимому, звѣзда его ярко заблистала, но не надолго. Приверженцы старины на него смотрѣли какъ на своего заклятого врага, и въ концѣ 1726 года успѣли удалить его изъ Синода. Өеофанъ не могъ не замѣтить, что подкапываются и подъ него. Внѣ Синода самымъ фанатическимъ противникомъ Өеофана Прокоповича является монахъ Маркеллъ Родышевскій со своимъ другомъ Михаиломъ Аврамовымъ. Родышевскій и Аврамовъ были самые ожесточенные ненавистники всякой новизны, считая, что она подкапываетъ православіе; поэтому и на всѣхъ приверженцевъ Петра они смотрѣли почти какъ на антихристовъ.

Вращаясь около монаховъ и разныхъ странниковъ, они распространяли о Өеофанѣ самые нелѣпые толки, обвиняя его въ лютеранствѣ, и особенно нападали на его «Духовный Регламентъ» и монашескій уставъ. Не довольствуясь этимъ, они составляли разные доносы, пасквили и брань на сочиненія Прокоповича, наполняя ихъ самыми грубыми и непристойными выраженіями, и все это съ намѣреніемъ распространяли въ средѣ грамотныхъ людей, разжигая фанатическое воображеніе толпы. «Өеофанъ — ересіархъ, Кроликъ — зловѣрный и иные симъ подобные — сборище суще злочестивое», вотъ выраженія самыя умѣренныя изъ устъ Родышевскаго.

Цѣль его была, во что бы то ни стало, сломить новую силу и утвердить всѣ прежніе порядки, будто бы основанные на православіи. Хотя впослѣдствіи Өеофану и удалось его вмѣстѣ съ Аврамовымъ и многими ихъ соучастниками привлечь въ тайную канцелярію, но все это стоило ему много заботъ, безпокойствъ и хлопотъ. Въ послѣдніе дни царствованія Екатерины положеніе его сдѣлалось очень затруднительнымъ, а съ воцареніемъ Петра II оно было рѣшительно шатко, двусмысленно и даже опасно. Видя на престолѣ сына пострадавшаго царевича, старая политическая партія сдѣлала послѣднія усилія, и восторжествовала; съ нею вмѣстѣ почувствовала свою силу и партія религіозная. Она также не осталась въ бездѣйствіи. Изъ тайнаго совѣта стали выходить

указъ за указомъ въ отмѣну множества постановленій Петровскаго времени по церковнымъ дѣламъ. Наложено запрещеніе на всѣ книги, въ которыхъ писано было противъ царевича и его сторонниковъ, въ томъ числѣ, слѣдственно, и на нѣкоторыя сочиненія Прокоповича. Наконецъ, закрыта и ненавистная для старой партіи Невская типографія, откуда выходили почти всѣ сочиненія Ѳеофана, которыя уже громогласно обвинялись въ лютеранствѣ и въ распространеніи ереси. Дѣлами Синода завладѣлъ Георгій Дашковъ, и тутъ-то пошли новые толки о патріаршествѣ. Синоду, казалось, трудно было устоять. Вопросъ о возстановленіи прежняго церковнаго устройства предполагался почти поконченнымъ. Изъ вельможескихъ круговъ стали переходить въ народъ имена кандидатовъ на патріаршескій престолъ. Имени Ѳеофана между ними не было. Только въ средѣ монашеской былъ разговоръ: «желили бъ, чего Боже сохрани, да произвели въ патріархи новгородскаго архіерея, то живыхъ насъ поглотаетъ». Самыя сильныя партіи были у его враговъ, Ѳеофилакта Лопатинскаго и Дашкова. Только нѣкоторые ставили Лопатинскому въ упрекъ любовь его къ музыкѣ: «быть бы ему давно патріархомъ, — говорилъ о немъ князь Д. М. Голицынъ, — только скрипочки ему да дудочки помѣшали». Ученые изъ малороссіянъ боялись назначенія Дашкова, такъ какъ онъ ненавидѣлъ ученость и, слѣдственно, постарался бы на нихъ очень чувствительно выместить свою ненависть. Но онъ интриговалъ болѣе всѣхъ и питалъ болѣе прочихъ надежду достигнуть цѣли. Ходили слухи, что ростовскій епископъ склонялъ въ свою пользу сильныя и вліятельныя лица подарками, преимущественно лошадьми, отъ которыхъ не отказывались даже сильные временщики Алексѣй и Иванъ Долгорукіе. Въ народѣ же о такомъ кандидатѣ говорили: «увидимъ, что будетъ, когда ростовскій архіерей на патріаршій престолъ въѣдетъ на лошадяхъ».

Въ 1728 году, къ величайшей досадѣ Прокоповича, Ѳеофилактъ Лопатинскій напечаталъ «Камень вѣры» Стефана Яворскаго, книгу, написанную въ обличеніе лютеранъ, кальвинистовъ и разныхъ религіозныхъ толковъ. Хотя автора ея давно уже не было въ живыхъ, но книга его оставалась ненапечатанною, такъ какъ она казалась оскорбительною для иностранцевъ-лютеранъ и кальвинистовъ, бывшихъ въ русской

службѣ. Она и въ рукописи навлекла автору много непріятностей. Ѳеофилактъ Лопатинскій, думая только о чистотѣ православія, нашелъ, что это время реакціи очень удобно для изданія книги и для окончательнаго пораженія лютеранства. Взволновались снова протестанты. Но старая русская партія настолько усилилась, что они ужъ не могли силою и правительственными мѣрами остановить книгу. Даже за границею узнали о ней, и въ Лейпцигѣ въ «ученыхъ актахъ» былъ напечатанъ разборъ ея. Вслѣдъ за тѣмъ въ Москвѣ явилось сочиненіе подъ именемъ письма іенскаго богослова Буддея «къ нѣкоему московскому другу», гдѣ всѣ доводы были направлены противъ автора «Камня вѣры». Стали толковать, что письмо это подложное, и что авторъ его самъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Въ это же время сталъ ходить по рукамъ пасквиль «Молотокъ на камень вѣры», написанный, какъ видно, человѣкомъ, весьма близко знавшимъ Стефана Яворскаго; его-то авторъ и обвиняетъ въ іезуитскомъ намѣреніи подчинить русскую Церковь папѣ и ввести въ нее латинство. Это же подозрѣніе распространяли и на Ѳеофилакта Лопатинскаго враги его. Еще недавно онъ чувствовалъ свое положеніе слишкомъ шаткимъ, когда вопросъ о монастырскихъ имѣніяхъ рѣшался не въ пользу его партіи. Но теперь, кандидатъ на патріаршій престолъ, онъ былъ силенъ, и враги его пока ничего не могли сдѣлать ему. Теперь, напротивъ, пришлось призадуматься надъ своимъ положеніемъ самому Ѳеофану Прокоповичу и сильно пріуныть въ виду возстановленія патріаршества, на которое ему нельзя было разсчитывать.

Стоюнинъ.

Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ богословы.

Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ явились въ ту эпоху, когда Россія выдерживала напоръ двухъ направленій, на которыя распадалась религіозная жизнь западной Европы. Это было тяжкое время. Католицизмъ и протестантизмъ, окрѣпнувъ въ продолжительной борьбѣ между собою, вооруженные всѣми средствами, какія давала имъ наука, испытанные въ спорахъ и — что всего важнѣе — сильные соблаз-

номъ односторонности, съ двухъ противоположныхъ сторонъ проникаютъ въ Россію, не приготовленную къ такой страшной борьбѣ. Въ ея предѣлахъ подымается этотъ великій западный споръ.

Въ одно время католики и протестанты обращаются къ православной Церкви, изъявляютъ готовность сблизиться и доносятъ на общаго врага: католики на протестантовъ, протестанты на католиковъ. Они потеряли надежду когда-нибудь примириться; они поняли, что требованія ихъ противоположны, что начала, за которыя они стоятъ, взаимно исключаются,— и между тѣмъ они сходятся въ надеждѣ обратить православныхъ: обѣ стороны видятъ въ нихъ будущихъ союзниковъ.

Это явленіе глубоко поучительно: въ немъ открывается намъ существо православной Церкви и отношеніе ея къ вѣроисповѣданіямъ западнымъ.

Церковь выражаетъ свое сознаніе, опредѣляя себя, какъ духовное тѣло. Глава этого тѣла — Христосъ, всѣ вѣрующіе — его члены, одушевляетъ его Духъ Святой. Въ этихъ словахъ выражено все существо Церкви. Итакъ, совокупность вѣрующихъ, христіанское человѣчество, которое, при взглядѣ на него извнѣ, представляется множествомъ разъединенныхъ лицъ, возводится на степень живого, органическаго цѣлаго. Множество становится единствомъ. И это не внѣшнее единство, обусловленное подчиненіемъ каждаго лица внѣшнему закону необходимости, даже не единство стремленій, а внутреннее осуществленное единство благодатной жизни. Каждое отдѣльно взятое лицо принадлежитъ Церкви, получаетъ опредѣленіе члена, когда, поработивъ свою личность, переставъ служить себѣ и жить для одного себя, оно становится живымъ сосудомъ благодати, одушевляющей цѣлое.

Этимъ опредѣленіемъ Церкви отграняются двѣ крайности, два ложныхъ ея пониманія. Духъ Божій живетъ въ совокупности христіанскаго человѣчества, слѣдовательно, не въ одномъ какомъ-либо избранномъ лицѣ, и не въ каждомъ лицѣ, взятомъ отдѣльно, въ разобщеніи съ цѣлымъ.

Опредѣливъ эти двѣ крайности, мы назвали католицизмъ и протестантизмъ. Въ католицизмѣ и протестантизмѣ мы не находимъ осуществленія идеи Церкви во всей ея полнотѣ. Мы не видимъ ни въ томъ ни въ другомъ примиренія единства жизни со множествомъ феноменовъ, этого условія всего орга

ническаго, живого: напротивъ, мы видимъ умерщвленіе живого организма. Два начала, изъ которыхъ онъ слагается, разорваны, удержаны въ ихъ отвлеченности, они противопоставлены одно другому, какъ взаимно исключающіяся, они безпрестанно притягиваются и безпрестанно отталкиваются, и нѣтъ выхода ихъ вѣчной враждѣ.

Католицизмъ въ фактѣ Церкви понялъ и удержалъ моментъ единства: это единство не осуществляется во множествѣ, не воплощается въ немъ; оно носится надъ нимъ, какъ отвлеченное отъ него. Идея отвлеченнаго единства можетъ быть удержана только посредствомъ символа. Живой символъ единства — единое лицо, папа. Папа представляетъ собою символъ Церкви. Духъ Божій прикованъ къ каѳедрѣ св. Петра и въ равной степени полноты передается его намѣстникамъ. Такая привилегія, данная лицу, такое освобожденіе его отъ собственнаго произвола и отъ законовъ, тяготѣющихъ на другихъ, разобщило его съ остальнымъ человѣчествомъ. Ничѣмъ ненаполненная бездна открылась между папою, представлявшимъ собою Церковь, и совокупностью частныхъ лицъ. Въ строгомъ смыслѣ они получили значеніе не членовъ Церкви, а подданныхъ ея: мѣсто отведено имъ не въ ней, а подъ нею.

Нарушеніе живого отношенія Церкви къ членамъ само собою замѣнилось другимъ. Въ области теоріи отношеніе лицъ къ Церкви стало отношеніемъ познающихъ къ познаваемому, въ области практической — отношеніемъ подданныхъ къ государственной власти. Вмѣсто царства вѣры и любви явилось царство знанія и права.

Разумныя требованія личности, непризнанныя католицизмомъ, подняли за себя голосъ. Противъ односторонне понятой идеи единства возстала столь же односторонне понятая идея множества. Первая односторонность вызвала вторую. Въ католицизмѣ символъ Церкви разлучалъ человѣка съ Божествомъ. Сильно восчувствованная потребность соединенія положила начало реформаціи. Протестанты оторвались отъ западной Церкви, отрицая ее; вмѣстѣ съ нею они отрицали идею объективной Церкви вообще. Требованіе непосредственнаго примиренія всякой изолированной личности съ Богомъ привело къ полному разобщенію лицъ. Духъ Божій живетъ въ каждомъ отдѣльно взятомъ лицѣ; слѣдовательно, каждое лицо само себѣ Церковь, и нѣтъ единой, объективной Церкви, есть множество

лицъ, связанныхъ между собою только единствомъ стремленій. Совершивъ свой подвигъ разрушенія, сокрушивъ римскую Церковь, протестантизмъ развязалъ личный произволъ и распался на множество сектъ, безсильный замѣнить разрушенное.

Теперь, я думаю, должно быть понятно опредѣленіе католицизма и протестантизма и ихъ отношеніе къ Церкви. Католицизмъ и протестантизмъ представляютъ двѣ разорванныя и въ ихъ отвлеченности удержанныя стороны Церкви. Ни въ томъ ни въ другомъ, ни въ обоихъ вмѣстѣ формально соединенныхъ мы не видимъ осуществленія идеи Церкви, какъ полнаго и живого организма.

Мы опредѣлили вѣроисповѣданія западныя, какъ уклоненія отъ Церкви православной; но мы только опредѣлили ихъ, а не вывели изъ историческихъ условій всего западнаго развитія. Такое изученіе могло бы представить много интереснаго. Если бы время мнѣ позволяло, я постарался бы провести ту мысль, что все развитіе западное условлено встрѣчею и вѣчною борьбою двухъ одностороннихъ началъ: идеи отвлеченно-общаго и идеи отвлеченной личности, субстанціи римской и субстанціи германской; что все органически живое, подпадая подъ разлагающее дѣйствіе этихъ двухъ враждебныхъ силъ, дробилось на два полюса, изъ которыхъ одинъ доставался въ удѣлъ міру римскому, а другой міру германскому. Это явленіе повторяется во всѣхъ сферахъ. Въ области религіи оно выразилось антагонизмомъ двухъ вѣроисповѣданій. Въ представленіи римскомъ христіанство отразилось католицизмомъ, въ представленіи германскомъ — протестантизмомъ. Немного нужно проницательности, чтобы связать эти два явленія съ другими однородными. Идея всемірнаго государства ясно воскресаетъ въ идеи католицизма; юридическое отношеніе лица къ власти — въ отношеніи члена Церкви къ папѣ, въ процессѣ внѣшняго оправданія. Точно такъ же понятно, что протестантизмъ есть религіозный феодализмъ, что рыцарь и протестантъ — одинъ человѣкъ въ двухъ разныхъ сферахъ.

Но изученіе католицизма и протестантизма съ этой стороны, какъ явленій исторіи западной, отклонило бы насъ отъ нашего предмета. Намъ нужно было только опредѣлить отношеніе вѣроисповѣданій западныхъ къ Церкви православной. Изъ него, какъ прямой выводъ, вытекаетъ оправданіе одновременныхъ надеждъ и усилій католиковъ и протестантовъ. Тѣ и другіе

никогда не отвергали православія безусловно; но, пребывая въ ограниченности своего представленія, они видѣли и понимали въ нашей Церкви только ту сторону, которая была къ нимъ ближе, съ которою, такъ сказать, они граничили. Понятно, что наша Церковь представлялась имъ какою-то неопредѣленною, безразличною сферою, какимъ-то беззаконнымъ совмѣщеніемъ двухъ противорѣчій. Доказать это противорѣчіе, освободить начало, по ихъ мнѣнію, истинное отъ ложнаго, двинуть православіе на одинъ шагъ впередъ, въ этомъ заключалась ихъ общая цѣль, въ этомъ — ихъ притязанія, по ихъ мнѣнію, законныя.

Теперь понятно, какое всемірно-историческое значеніе имѣла религіозная борьба XVII стол. Провидѣніе послало православной Церкви тяжелое искушеніе. Тутъ дѣло шло о томъ, останется ли она безотвѣтною на требованія католицизма и протестантизма, распадется ли она на два полюса, или устоитъ въ своей цѣлости и этимъ самымъ обличитъ въ односторонности вѣроисповѣданія западныя.

И въ самую трудную минуту для Россіи, въ самый разгаръ этой борьбы явились Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ. Не они первые призваны были на защиту святого дѣла. Много было совершено подвиговъ и до нихъ; много прославилось именъ. Но никогда великій нашъ споръ съ ученіями западными не представлялся въ такой полнотѣ, въ такомъ широкомъ объемѣ, никогда такъ опредѣлительно не были поставлены всѣ вопросы, никто не понялъ ихъ такъ глубоко, какъ они. Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ совмѣстили въ себѣ все то, что было совершено другими на томъ же поприщѣ; лучше и полнѣе другихъ они представляютъ собою стремленіе и степень религіознаго сознанія своего времени; они были героями той великой борьбы.

Какъ же поняли они и какъ исполнили свое призваніе? Мы сказали, что католики и протестанты въ одно время обратили свои усилія на православную Церковь. Односторонность нападенія отозвалась въ односторонности защиты. Стефанъ Яворскій обратился лицомъ къ протестантизму, Ѳеофанъ Прокоповичъ — лицомъ къ католицизму. Они стали спиною другъ къ другу, они пошли по двумъ расходившимся путямъ, и никогда не могли встрѣтиться. Оба были православные, оба были преданы Церкви, оба защищали ее, но противъ разныхъ враговъ; они оберегали ея предѣлы съ двухъ противоположныхъ

сторонъ. Стефанъ Яворскій понялъ въ православіи и выразилъ начало антипротестантское; Ѳеофанъ Прокоповичъ понялъ и выразилъ начало антикатолическое, и на того и на другого палъ слабый отблескъ односторонности, противоположной той, съ которою онъ имѣлъ дѣло.

Въ настоящее время, когда миновалась опасность, когда улеглись страсти, взволнованныя споромъ, когда торжествуетъ наша Церковь, было бы грѣшно, забывъ заслуги Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича, осуждать ихъ за односторонность. Но, съ другой стороны, безполезно было бы и отрицать ее, доказывать, что Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ были во всемъ согласны, когда сами они и всѣ современники сознавали несогласіе. Мы сказали, что органическое отношеніе Церкви къ членамъ въ католицизмѣ было нарушено. Церковь, понятая какъ отвлеченное начало единства, поставлена была внѣ человѣчества. Отсюда родилось требованіе постигнуть ее, будучи внѣ ея — опредѣлить ее извнѣ, доказать. Здѣсь точка отправленія науки. Католицизмъ не могъ не допустить ея; она вытекала изъ существа самого католицизма. Наукою восполнялся разрывъ между лицами и Церковью, она связывала эти двѣ разлученныя стороны. Въ настоящую минуту намъ нѣтъ дѣла до того, какое значеніе имѣетъ схоластика въ развитіи философіи. Намъ нужно только опредѣлить ея значеніе въ исторіи Церкви. Она была вызвана требованіемъ возсоединенія двухъ началъ, понятыхъ въ ихъ разлученіи другъ отъ друга, — догматовъ Церкви и мысли человѣческой. Возвести конечный разумъ по ступенямъ логическихъ заключеній до вѣчной, свыше повѣданной истины, — вотъ въ чемъ заключалась ея задача. Но никакими искусственными средствами органическая связь жизни замѣнена быть не могла. Расторженіе, двойство удержалось въ самой наукѣ: вопреки Церкви, авторитетъ и разсудокъ не были и не могли быть примирены. Они оставались чужды другъ другу, и это отчужденіе ясно выражается въ единственно для нихъ возможной формѣ сочетанія — въ формѣ логическаго заключенія. Вся католическая церковная система и каждый отдѣльно взятый ея догматъ представляются правильнымъ силлогизмомъ. Мѣсто первой посылки занимаетъ общая мысль, истина очевидная (lumine ratione nata); мѣсто второй — текстъ изъ Писанія. Заключеніе даетъ доказанное положеніе, логически оправданный догматъ.

Очевидно, этимъ не могли удовлетвориться ни разумъ ни Церковь. Основныя данныя берутся на вѣру и не доказываются; мысль насильственно стѣснена въ своемъ развитіи; ея требованіямъ положены искусственные предѣлы. Съ другой стороны, что выигрываетъ Церковь? Какъ будто утративъ довѣріе къ себѣ, она ищетъ оправданія внѣ себя и зоветъ на помощь конечный разумъ. Ея догматы теряютъ характеръ свободнаго откровенія и низводятся на степень правильныхъ выводовъ, всегда условныхъ, всегда подозрительныхъ.

Итакъ, мысль о церковной системѣ, стремленіе доказать догматы, возникли изъ условій католицизма и принадлежатъ ему исключительно. Схоластика есть явленіе исключительно западное.

Въ XVI столѣтіи схоластика проникла въ Россію. Южное духовенство наше, видя, какую силу давала католической пропагандѣ формальная строгость и соблазнительная ясность наукообразнаго изложенія, прибѣгло къ тому же средству. Въ Кіевской Академіи открыты были курсы богословія; руководства заимствованы были изъ училищъ западныхъ; въ готовыя формы западной науки вставлены были догматы нашей Церкви. Между тѣмъ, въ сѣверной Россіи начали обнаруживаться признаки сильнаго протестантскаго вліянія. Потребность скорой защиты еще болѣе сблизила наше духовенство съ католическими ученіями. Мы взяли у нихъ готовое оружіе, испытанное ими въ той же борьбѣ съ протестантизмомъ.

Съ этимъ словомъ мы переходимъ къ Стефану Яворскому, къ его колоссальному труду, извѣстному подъ названіемъ «Камня вѣры». Эта книга, какъ извѣстно, была написана противъ протестантовъ, начавшихъ вербовать себѣ послѣдователей въ Москвѣ и ея окрестностяхъ между ремесленниками и стрѣльцами. Долго ея не допускали къ печати. Противная партія боялась смѣлаго, иногда даже бранчиваго обличенія. Не менѣе того, книга расходилась въ рукописяхъ, читалась съ жадностью и производила свое дѣйствіе. Она представляетъ двѣ стороны — отрицательную и положительную: опроверженіе ученія протестантскаго и утвержденіе на доказательствахъ догматовъ нашей Церкви. Вся отрицательная, полемическая часть имѣетъ, безспорно, высокое достоинство. Неосновательность протестантскаго ученія доказана. Положительная сторона слабѣе и носитъ слѣды вліянія католическихъ писателей.

Книгу Стефана Яворскаго іезуитская пропаганда приняла подъ свое покровительство, велѣла перевести на латинскій языкъ, разумѣется, съ нѣкоторыми выпусками, и распустила по землямъ протестантскимъ. Доминиканецъ Францискъ Рибера написалъ на нее защиту. Это одно доказываетъ, что Стефанъ Яворскій выразилъ антипротестантское начало.

Противодѣйствіе не замедлило явиться. Всякое одностороннее развитіе вызываетъ противоположно одностороннее. Въ этомъ смыслѣ необходимость протестантизма лежала въ самомъ католицизмѣ. Разсудокъ, не примиренный съ авторитетомъ, наконецъ, прорвалъ искусственныя формы, на него наложенныя, и сокрушилъ ученіе западной Церкви, основанное на мнимомъ примиреніи разсудка и авторитета. Первымъ моментомъ реформы было разложеніе римско-католической системы съ точки зрѣнія самой католической Церкви. Протестанты провели далѣе дѣло, начатое Римомъ. Они не оспаривали возможности системы, не отвергали необходимости доказывать догматы; допустивъ основныя начала католической системы, они приступили къ ея повѣркѣ. Ясные тексты они выставили противъ умозрительнаго ученія католиковъ и обличили ихъ въ уклоненіи отъ Писанія. Такъ ведены были первые споры. Этотъ образъ дѣйствій, гибельный для католиковъ, увѣнчался полнымъ успѣхомъ протестантовъ. Догматы западной Церкви были основаны на доказательствахъ. Протестанты опровергли эти доказательства и вывели заключеніе о ложности самыхъ догматовъ. Послѣднимъ выводомъ они пріобщались основному заблужденію католиковъ. Изъ того, что положеніе не доказано, слѣдуетъ, что тотъ, кто принималъ это за доказанное, не обладалъ даромъ непогрѣшимости, но никакъ не слѣдуетъ, чтобы самое положеніе было ложно. Протестанты были правы передъ католиками, но неправы передъ Церковью, какъ равно ограниченные въ своемъ воззрѣніи. Удержавъ мысль о системѣ, положивъ ей въ основаніе Писаніе и личный разсудокъ, они, для оправданія своихъ притязаній, должны были на развалинахъ католической системы создать свою. Второй моментъ протестантизма представляетъ рядъ усилій остановиться на пути отрицанія и основать положительную доктрину. Но чисто отрицательный характеръ протестантизма дѣлалъ его неспособнымъ на творчество. Единой протестантской доктрины нѣтъ; есть множество ученій, изъ которыхъ каждое выдаетъ себя

за истинное; общаго, существеннаго въ нихъ — одна отрицательная сторона: отрицаніе преданій, отрицаніе возможности оправданія личными заслугами. Около этихъ двухъ пунктовъ вертятся первые споры католиковъ съ протестантами.

Подъ вліяніемъ потребности противодѣйствія католическому вліянію, образовалась у насъ новая школа, имѣвшая свое значеніе, какъ противодѣйствіе вліянію Церкви западной. Начинателемъ и главнымъ представителемъ этого новаго направленія, исключительно антикатолическаго, былъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Характеръ реформатора ясно отпечатлѣлся на ученыхъ трудахъ, на практической дѣятельности, на всей личности Ѳеофана Прокоповича. Онъ самъ говоритъ о себѣ, что главнымъ, постояннымъ побужденіемъ всей его жизни было сильное желаніе очистить церковное ученіе отъ латинской примѣси, вошедшей въ него вслѣдствіе продолжительнаго вліянія западной школы на образованіе нашего духовенства. Вмѣсто слова Божія и духовныхъ писателей нашей Церкви въ то время изучали схоластиковъ и іезуитовъ, пристращались къ ихъ искусственнымъ, натянутымъ толкованіямъ и безплоднымъ подраздѣленіямъ; ихъ творенія наводняли наши школы. Ѳеофанъ Прокоповичъ первый понялъ и глубоко почувствовалъ это зло; еще въ дѣтствѣ, говорилъ онъ, въ него запала мысль, никогда его не оставлявшая, обратиться къ чистѣйшимъ источникамъ и, принявъ за норму священное Писаніе, очистить современное ученіе отъ всего ложнаго и суетнаго. Съ этою мыслію въ этомъ духѣ началъ Ѳеофанъ Прокоповичъ преподавать богословіе въ Кіевской Академіи, и онъ совершилъ переворотъ въ современной наукѣ. Мысль всей его жизни исполнилась. Въ своей богословской системѣ онъ явился блистательнымъ антагонистомъ католиковъ. Онъ разбилъ ихъ въ ученіи о преданіи, объ исхожденіи Святого Духа и въ ученіи объ оправданіи личными заслугами, которое такъ глубоко проникло въ Россію въ XVII вѣкѣ.

Теперь должны быть понятны и взаимныя отношенія Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича. Могли ли они дѣйствовать заодно и жить въ согласіи, когда такъ существенно расходились они въ своихъ стремленіяхъ; когда въ различныя стороны влекли ихъ сочувствія; когда противники и союзники у нихъ были разные; когда цѣлые отрывки изъ писателей западныхъ, повторяющіеся въ «Камнѣ вѣры», въ «Богословской системѣ»

Өеофана выставлены какъ nugae, ineptae opiniones papistarum, и, наоборотъ, въ «Камнѣ вѣры» мнѣнія Өеофана опровергаются, какъ нарекания противниковъ нашей Церкви? И не даромъ были ихъ споры. Рѣшительный ударъ нанесенъ былъ католицизму; преграда была поставлена вліянію протестантизма, и Церковь торжествовала въ двойной борьбѣ. *Самаринъ.*

„Камень вѣры" Стефана Яворскаго.

Отъ Стефана Яворскаго осталось только одно твореніе, собственно догматическаго содержанія, «Камень вѣры». Эта книга была имъ написана, преимущественно, для русскихъ, которыхъ поколебала протестантская проповѣдь; для убѣжденія ихъ онъ изложилъ всѣ православные догматы, оспариваемые протестантами (о почитаніи иконъ, креста, мощей, о евхаристіи, о призываніи святыхъ, о душахъ святыхъ, о благотвореніи представльшимся, о преданіяхъ, о святѣйшей литургіи, о постахъ, о благихъ дѣлахъ и о наказаніи еретиковъ), представилъ на нихъ доказательства и опроверженія на возраженія противниковъ. Поэтому вся книга представляетъ двѣ стороны — положительную и отрицательную. Въ первой содержится изложеніе догматовъ православной Церкви съ доказательствами: 1) изъ свящ. Писанія, 2) соборныхъ правилъ, 3) св. отцовъ, 4) доводныхъ показаній, на свящ. Писаніи основанныхъ. Во второй — опроверженія протестантскаго ученія, расположенныя въ томъ же порядкѣ. Вслѣдствіе этой двойственной цѣли книга названа: «Камень вѣры, православнымъ Церкве святыя сыномъ — на утвержденіе и духовное созиданіе, претыкающимся же о камень претыканія и соблазна — на востаніе и исправленіе».

Подъ камнемъ разумѣется Писаніе, которое (по словамъ апостола) вѣрующимъ — честь, противящимся же — камень претыканія и соблазна.

Итакъ, «Камень вѣры» состоитъ изъ отдѣльныхъ разсужденій и не представляетъ внѣшняго единства; но изъ отрывковъ, особенно же изъ доводныхъ показаній, сведенныхъ вмѣстѣ, создается цѣлая готовая система. Мы выпишемъ эти мѣста въ томъ порядкѣ, въ какомъ они должны стоять.

Ученіе Стефана Яворскаго о преданіяхъ. Прежде всего должно определить, какую цѣль предположилъ себѣ Стефанъ Яворскій. Онъ хочетъ доказать протестантамъ, что преданіе необходимо.

«Не вся, яже къ вѣрѣ предлежатъ, въ священномъ Писаніи писана суть, но многа имамы преданія, отъ нихъ же иная суть божественная, яже Христосъ апостоломъ, иная апостольская, яже апостоли ученикомъ своимъ, тіи же намъ ово живымъ гласомъ, ово же писаніемъ предаша. Тѣмже убо преданія къ вѣрѣ тако суть потребна, яко единѣмъ преданіемъ можетъ быти вѣра, а безъ преданія священное Писаніе нѣсть къ вѣрѣ довольно».

Это положеніе доказывается: 1) тѣмъ, что до Моисея не было Писанія, и послѣ Моисея даже до Христа преданіе было въ большомъ употребленіи; точно такъ и послѣ Христа его ученіе нѣсколько времени передавалось живою проповѣдью; 2) въ самомъ Писаніи новозавѣтномъ упоминается о поученіяхъ и дѣлахъ Спасителя, которыя не вошли въ составъ Писанія и, слѣдовательно, вѣрны были преданію, предписывается хранить и уважать преданіе и слѣдовать ему; 3) примѣрами перваго вселенскаго Никейскаго собора, осудившаго Арія изъ преданія, уставами второго Никейскаго собора; 4) многими мѣстами изъ св. отцовъ; 5) доводными показаніями. Іудеи хранили много преданій неписанныхъ, напримѣръ, вѣрили въ божественность книгъ свящ. Писанія, вѣрили въ очистительныя жертвы и т. п. Кто отвергаетъ преданіе, тотъ лишаетъ себя возможности доказать божественность Писанія, его чистоту, цѣлость и правое пониманіе. Обращаясь къ протестанту, Стефанъ Яворскій говоритъ: «рцы ми, противниче, гдѣ то есть написано: и аще что о семъ речеши «отъ священныхъ Писаній», паки тожде вопросъ о твоемъ реченіи предлежитъ. Аще убо преданія пріемлющія удобно отвѣщаемъ: яко все священное Ветхаго и Новаго Завѣта Писаніе есть слово Божіе. Но чесо ради? Того ради: ибо вся святая апостольская каѳолическая Церковь тако содержитъ, тако вѣруетъ, тако научаетъ».

Далѣе не можетъ быть доказана изъ священнаго Писанія подлинность символа вѣры, крещеніе младенцевъ, форма крещенія и т. д.

Изъ всего этого выводится, что «свящ. Писаніе судія быти не можетъ, сомнѣнія разрѣшающъ, и всякія распри въ догматѣхъ вѣры бываемыя опредѣляющъ, развѣ едина святая, собор-

ная апостольская Церковь, соборами и отцы богодухновенными, въ догматѣхъ вѣры премирно согласующими, священнымъ же Писаніемъ, по правому разуму толкованымъ, и преданіемъ апостольскимъ наставляемыми, присущіемъ и силою Св. Духа, сіе божественное дѣло исправляетъ, установляетъ, опредѣляетъ, совершаетъ».

Доказывается многими случаями изъ исторіи ветхозавѣтной и новозавѣтной Церкви, что такъ бывало искони.

Далѣе, Стефанъ Яворскій доказываетъ непогрѣшимость Церкви изъ свящ. Писанія обѣтованіемъ Спасителя. Проявленіе Церкви, какъ непогрѣшительной, представляютъ вселенскіе соборы: «Соборы Вселенскія, во имя Господне собранныя, въ членахъ вѣры заблужденію не подлежатъ».

«Соборы точію суть толкователи священнаго Писанія: поелику въ немъ словеса покровена уясняютъ, сомнительна разрѣшаютъ, неудобовразумительна толкуютъ, обоятна и аки обѣма странамъ служити мнящаяся опредѣляютъ».

Рѣшеніемъ нѣкоторыхъ вопросовъ о вселенскихъ соборахъ оканчивается первая половина разсужденія.

Вторая содержитъ опредѣленіе противнаго ученія. На вопросъ, «чесо ради примрачно есть священное Писаніе», авторъ даетъ слѣдующіе отвѣты: «Богъ, якоже во иной твари, тако и въ Церкви святѣй своей благоизволилъ есть устроити чинъ, овѣмъ убо инѣмъ учити, инѣмъ же учитися. Сей же чинъ не бы хранящеся, аще бы священное Писаніе ясно, откровенно и всякому удобопроницательно и толковательно бяше было.

«Аще бы Писаніе было откровенно, ясно и удобно всякому, то не токмо отъ вѣрныхъ, иже суть внутрь церкве, но и отъ невѣрныхъ, иже суть внѣ церкве, было бы совершенно познано и сквозѣ уразумѣнно. Что же симъ послѣдствуетъ? То, яко честь, цѣна, преизящество же и величество священнаго Писанія въ малой чести и оцѣненіи было бы...»

Въ заключеніи Стефанъ повторяетъ всѣ свои доводы, обличаетъ протестантовъ во многихъ непослѣдовательностяхъ и говоритъ: «кое есть сіе игралище, преданія отъ вѣры отметати, а отъ преданій само священное Писаніе, на немъ же вѣра лежитъ, держати? Не сіе ли есть неистовство подобное тѣмъ, иже въ палатѣ жительствуютъ, а основаніе ея разоряютъ».

Стефанъ Яворскій правъ въ отношеніи къ протестантамъ, но онъ неправъ въ отношеніи къ самому себѣ, — неправъ.

какъ раціоналистъ. Вотъ его разсужденіе: авторитетъ Писанія доказывается преданіемъ; слѣдовательно, протестанты, отвергая преданіе, не имѣютъ права принимать Писаніе. Какъ возраженіе противъ протестантовъ, этотъ выводъ имѣетъ силу; но если провести его далѣе, то онъ неминуемо введетъ въ безвыходный кругъ. Писаніе доказывается преданіемъ, но и преданіе, по словамъ самого Стефана Яворскаго, доказывается изъ Писанія. Поэтому, ни съ того ни съ другого начинать нельзя, — и потому то и другое должно находить свое оправданіе въ третьемъ болѣе общемъ фактѣ — въ Церкви. Но чѣмъ же доказывается Церковь? Писаніемъ и преданіемъ, слѣдовательно, доказывается изъ самой себя, иными словами — не доказывается. Вотъ кругъ, въ которомъ безвыходно вертятся католики и протестанты и вообще всѣ раціоналисты. Дѣло въ томъ, что Церковь, сознавая въ себѣ живое откровеніе, котораго Писаніе и преданіе суть только два проявленія, не допускаетъ взгляда на себя извнѣ, не доказываетъ, а полагаетъ себя. Ея оправданіе въ ея бытіи, въ безсиліи всякаго возраженія противъ нея.

Мы пропустили мелкія доказательства Стефановы, изъ которыхъ очень многія цѣликомъ выписаны изъ Беллармина и другихъ католическихъ писателей.

Ученіе Стефана Яворскаго о благихъ дѣлахъ, объ оправданіи и о другихъ вопросахъ, находящихся въ прямой связи съ первыми. Вотъ положеніе, которое слѣдуетъ доказать: «Человѣку умъ совершенъ имущу (этимъ исключаются младенцы и взрослые, немедленно послѣ крещенія умирающіе и получающіе животъ вѣчный *единымъ усыновленіемъ по благодати, а не по дѣломъ*), благолюбиву же и праведну (т.-е. отрожденному Духомъ, Сыну по благодати Божіей сущу), благая дѣла суть потребна ко спасенію, и безъ тѣхъ вѣра едина спасенія вѣчнаго не содѣловаетъ. Послѣдніе воспріемлютъ животъ вѣчный сугубымъ титломъ, и яко наслѣдіе и яко мздовоздаяніе: первое убо воспріемлютъ силою усыновленія, второе же силою заслугъ и благихъ дѣлъ своихъ».

Доказывается: a) текстами изъ посланій апостольскихъ, въ которыхъ предписываются дѣла, осуждается вѣра безъ дѣлъ, царство небесное называется мздовоздаяніемъ, вѣнцомъ правды и т. д.; b) выписками изъ св. отцовъ, въ которыхъ развита та же мысль; c) во многихъ мѣстахъ Спаситель и апостолы

обѣщаютъ царство небесное подъ извѣстными условіями храненія заповѣдей, любви къ Богу и ближнимъ и т. д. На этомъ основаніи Стефанъ Яворскій строитъ силлогизмъ:

«А) Обѣщаніе съ прилогомъ требуетъ исполненія тѣхъ, яже подъ прилогомъ полагаются, якоже выше рекохомъ».

«Б) Но обѣщаніе живота вѣчнаго есть обѣщаніе съ прилогомъ благихъ дѣлъ, и сіе выше видѣхомъ».

«В) Убо обѣщаніе живота вѣчнаго исполненія благихъ дѣлъ требуетъ».

Другой силлогизмъ:

«А) Еже есть вина спасенія, то всячески творити подобаетъ хотящему спасенія».

«Б) Благая дѣла съ вѣрою суть вина спасенія».

«В) Убо благая дѣла съ вѣрою всячески творити подобаетъ».

Третій силлогизмъ:

«А) Мзда безъ дѣланія и трудовъ не бываетъ».

«Б) Животъ вѣчный есть мзда».

«В) Убо безъ дѣланія и трудовъ животъ вѣчный не дается».

Пятый силлогизмъ:

«А) Лицезрѣніе есть правдѣ противное, аще судія или кой либо начальникъ даетъ почести безъ заслуженія, безъ трудовъ, безъ дѣлъ, но ча едино точію лице взираетъ».

«Б) У Бога нѣсть лицезрѣнія».

«В) Убо Богъ даетъ почести небесныя, не на лице смотря, но на дѣла, на трудъ и заслуженіе».

Седьмой силлогизмъ:

«А) Аще есть истинное противниковъ нашихъ ученіе, глаголющихъ, яко едина вѣра спасаетъ, благая же дѣла къ спасенію силы не имутъ, точію [illegible] ко укрѣпленію вѣры, сицевому ученію то послѣдствуетъ, яко вѣра спасти не можетъ, аще и всякихъ благихъ дѣлъ лишится».

«Б) Но сіе ученіе и яже отъ ученія послѣдствуютъ суть безмѣстна, священному же Писанію и уму здравому суть противна».

«В) Убо вѣра едина не спасаетъ, но всяко потребна суть благая дѣла спасенія ради».

На возраженіе приводящихъ тексты изъ свящ. Писанія, въ которыхъ [illegible] спасеніе одною милостію Божіею, Стефанъ Яворскій отвѣчаетъ, [illegible] совокупляются обоя, и тожде есть вѣнецъ милости, тожде и вѣнецъ правды, аще тыя право

разсудимъ. Блаженство убо вѣчное, поелику дается за благая дѣла, есть вѣнецъ правды. Поелику же та самая дѣла происходятъ отъ милости Божія и благодати его, возбуждающія насъ къ благому дѣланію, наставляющія же и пособствующія намъ: сея ради вины, тое же ублаженіе вѣчное, даемое за дѣла, есть милость Божія и вѣнецъ милости. Единъ убо и тойже животъ вѣчный, въ различномъ разсужденіи, есть и вѣнецъ милости, есть и вѣнецъ правды».

Всѣ тексты изъ апостола Павла, въ которыхъ противополагается оправданіе дѣлами оправданію вѣрою, Стефанъ Яворскій относитъ къ дѣламъ закона обрядоваго и къ дѣламъ безъ благодати Божіей, естественными силами совершаемымъ.

Слѣдуетъ истолкованіе слова *туне (оправдаеми туне благодатію Его.* Рим. III, 24). «*Туне* оправданіе и спасеніе глаголется быти сихъ ради винъ»:

«Первая: яко временное въ сравненіи вѣчнаго есть аки ничтоже, того ради слава небесная дается *аки бы туне*, ибо дается за временное — вѣчное».

«Вторая вина: яко ни Іудее, ниже Еллини, по своимъ дѣламъ прежде вѣры Христовы бывшимъ, достойни суть оправданія и спасенія».

«Третія: якоже вся, яже надлежатъ ко оправданію и спасенію, дары суть Божія, *туне* даемыя, и самая вѣра въ томъ же числѣ обрѣтается».

На вопросъ: «чесо ради убо апостолъ частѣе воспоминаетъ вѣру, нежели иныя добродѣтели, яже ко оправданію и спасенію надлежатъ», Стефанъ Яворскій отвѣчаетъ опредѣленіемъ вѣры, какъ перваго по времени условія оправданія: «яко вѣра есть начало и основаніе оправданія и спасенія... аще не бы вѣра предварила, никаяже бы добродѣтель подвигъ воспріяла... вѣрою мы пріемлемъ отъ Христа *силу, во еже всякому могли заслужити себѣ животъ вѣчный...*»

На возраженіе о невозможности выполнить въ совершенствѣ законъ Стефанъ Яворскій отвѣчаетъ слѣдующимъ тезисомъ:

«Всякъ человѣкъ праведный, въ житіи семъ не своими силами, но Божіею благодатью укрѣпляемый, можетъ сохранити законъ десятословія».

Выраженіе: *иго неудобоносимое* Стефанъ Яворскій относитъ къ закону внѣшнему, обрядовому. «Петръ св. апостолъ не глаголетъ здѣ о законѣ правоправительномъ, сирѣчь о де-

сятословии, о немъ же здѣ намъ рѣчь есть, но глаголетъ о законѣ чиновъ ветхозавѣтныхъ, якоже о обрѣзаніи и прочіихъ подобныхъ... и того ради, аки бы отнюдь было неодержимое, но яко съ трудомъ бываше...»

Догматъ *объ оправданіи*, слѣдующій за ученіемъ о спасеніи, изложенъ довольно кратко: ибо, по мнѣнію Стефана, «оправданіе и спасеніе согласна суть».

Въ отношеніи къ самому слову — *оправданіе* — Стефанъ Яворскій отрицаетъ толкованіе въ смыслѣ судейскаго разрѣшительнаго приговора и принимаетъ его вмѣсто «стать изъ грѣшника праведнымъ». Слѣдовательно, онъ держится ученія католиковъ de justitia inhaerente, противоположной justitiae imputativae.

Оправданіе относится къ спасенію, какъ стремленіе, путь къ цѣли. «Спасеніе есть неотъемлемо, оправданіе же можетъ кто получити и паки грѣхами погубити, и паки получити и паки погибнути. Спасеніе имать славу небесную, оправданіе же благодать Божію. Спасеніе бываетъ по смерти, а оправданіе въ житіи семъ привременномъ».

«Оправданіе есть путь къ спасенію, и идѣже есть спасеніе, тамо и оправданіе, но не вопреки: идѣже есть оправданіе, тамо и спасеніе. Сія суть разнствія оправданія и спасенія. Обаче въ семъ согласна суть обоя, и оправданіе и спасеніе, яко единою вѣрою не бываютъ».

Главныя положенія Стефана Яворскаго суть слѣдующія: 1) «Ко оправданію надлежитъ не едина вѣра, но и прочія добродѣтели: страхъ Божій, надежда, любы и т. д.» 2) «Въ самомъ оправданіи грѣхи въ человѣцѣ не пребываютъ и не точію покрываются правдою Христовою, но весьма потребляются и отъ человѣка отъемлются». 3) «Въ оправданіи человѣкъ оправдаемый внутрь на души воспріемлетъ измѣну, и праведникъ бываетъ правдою внутреннею, не внѣшнею. Противная противными прогоняются: тма прогонится свѣтомъ, хладъ теплотою, недугъ здравіемъ, печаль радостью и проч. Тако и здѣ подобаетъ рещи: яко грѣхи отъ человѣка, прогонятся противными, сирѣчь гнѣвъ Божій благодатью Божіею, отвращеніе отъ Бога обращеніемъ къ Богу, нечестіе святынею, неправда оправданіемъ, скверна грѣховная красотою небесною и т. д. Поэтому мы глаголемъ и вѣруемъ, яко праведницы или оправданіи человѣцы изъ грѣшниковъ бываютъ праведни и святы внут-

реніею правдою и святынею, якоже самъ Христосъ въ себѣ святъ есть и праведенъ». Вмѣненіе правды Христовой Стефанъ Яворскій объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «Христосъ своимъ страданіемъ за насъ довлетворилъ есть Богу Отцу и неходатаиствовалъ есть намъ отпущеніе грѣховъ и всякие дары благодати же и правды, внутрь насъ обновляющія и оправдающія. И симъ образомъ страданіе Христово за насъ бывшее намъ вмѣняется, яко вина творительная и дѣйствительная, понеже дѣйствіемъ тоя дается намъ благодать, святость и правда, внутрь на души пріемлемая, насъ освящающая... и праведныхъ насъ составляющая».

Итакъ, явился Искупитель всѣхъ для того, чтобы могъ каждый искупать самъ себя.

Съ ученіемъ объ оправданіи дѣлами находится въ прямой связи догматъ о *призываніи святыхъ*, выраженный въ «Камнѣ вѣры» слѣдующимъ образомъ:

«Твердо и кромѣ всякаго сомнѣнія вѣровати надлежитъ, яко ангели Божіи и прочіи святіи, отъ сея жизни изшедшіи, за насъ ходатаиствуютъ, и намъ помоществуютъ ово заслугами своими, *яже здѣ преизобильно имѣяша*, ово же молитвами своими богоугодными, яко друзи Божіи; того ради призывати ихъ благочестно есть».

Книга «Камень вѣры» имѣетъ неоспоримыя достоинства. Вся полемическая часть ея вполнѣ сильна и дѣйствительна противъ лютеранизма въ томъ видѣ, въ какомъ онъ являлся въ Россіи въ эпоху Стефана Яворскаго. Многія отдѣльно взятыя мѣста прекрасны. Наконецъ, самая полнота сочиненія и ясное изложеніе должны были произвести сильное впечатлѣніе. Если смотрѣть только на ближайшую цѣль, которую предположилъ себѣ авторъ, остановить распространеніе протестантизма: можно сказать, что онъ ее достигнулъ, и самый успѣхъ его книги ручается за ея достоинство.

Объ этомъ сообщаетъ намъ интересное извѣстіе Ѳеофилактъ Лопатинскій въ первой части своего «Апокризиса». Онъ говоритъ о «Камнѣ вѣры»: «юже вси отъ мала до велика зѣло любятъ и днемъ и нощію читаютъ, юже многіе господіе прежде печатнаго тисненія преписанную имѣяху и съ великою пользою и сладостью и похвалами автора чтяху, юже Высочайшіи власти повелѣніемъ напечатанну не въ многихъ днѣхъ раскупиша, и которые не возмогли обрѣсти ея, молиша, да паки

напечатана будетъ. Вторицею тожде Высочайшія власти маніемъ напечатася, и виждь, много ли книгъ остается? Воеже бы всѣхъ удовольствовати потребно есть еще многажды ту книгу печатати; и друкари не могутъ только книгъ сихъ изобразити, колико ихъ требуетъ ищущихъ желаніе» и т. д.

Ю. Самаринъ.

Борьба, вызванная изданіемъ „Камня вѣры".

Между Стефаномъ Яворскимъ и Ѳеофаномъ Прокоповичемъ вспыхнула вражда, при чемъ первый упрекалъ второго въ еретичествѣ. Петръ Великій старался тушить эту вражду, зная, что обвиненіе въ ереси есть обыкновенное оружіе, которое употребляютъ духовныя лица въ борьбѣ другъ съ другомъ, что самъ Стефанъ былъ обвиняемъ въ ереси константинопольскимъ патріархомъ, не выдавши Яворскаго византійскому патріарху. Петръ былъ послѣдователенъ, не выдавши Прокоповича Яворскому. Послѣдній умеръ, не видавши изданія своей книги «Камень вѣры», написанной въ укрѣпленіе православія среди опасностей, которыя грозили ему отъ иноязычныхъ иновѣрныхъ наставниковъ съ Запада: «приходятъ къ намъ въ овчихъ кожахъ, а внутри волки хищные, отворяюще подъ видомъ благочестія двери всѣмъ порокамъ. Ибо что проповѣдуетъ ихъ легкого нечестиваго ученія? Убивай, кради, любодѣйствуй, дѣлай что угодно, будь равенъ самому сатанѣ по злобѣ, но только вѣруй во Христа, и едина вѣра спасетъ тя. Такъ учатъ оні хищные волки». Говорятъ, что подобныя выходки противъ протестантовъ въ «Камнѣ вѣры» заставили Петра запретить его изданіе, чтобъ не возбудить религіозной вражды, несоотвѣтствовавшей цѣлямъ преобразованія. Но по смерти Петра все перемѣнилось. Ѳеофанъ подвергся опасности по обвиненіямъ въ неправославіи; поднялся вопросъ о возстановленіи патріаршества, и если бы живъ былъ Стефанъ Яворскій, то, по всѣмъ вѣроятностямъ, патріаршество было бы возстановлено хотя бы на такое короткое время. Какъ к несчастію для сторонниковъ: неимѣніе достойнаго лица служило важнымъ препятствіемъ возстановленію патріаршества. Георгій Дашковъ былъ архіерей не ученый и не монашеской жизни. Ѳеофилактъ Лопатинскій былъ архіерей ученый, но также не монашеской жизни безъ силы и серіозности въ характерѣ.

человѣкъ близкій къ Яворскому, поклонникъ его и вмѣстѣ пріятель Прокоповича, хотя и былъ убѣжденъ въ его неправославіи. На Ѳеофилакта вмѣсто патріаршества возложили тяжкое порученіе, послужившее для него источникомъ бѣдъ, поручили издать книгу Яворскаго — «Камень вѣры», и дѣло шло чрезъ Верховный Тайный Совѣтъ, и долго Ѳеофилактъ приготовлялъ книгу къ изданію. Наконецъ, книга была издана въ 1728 году, а въ слѣдующемъ году явился разборъ ея въ лейпцигскихъ ученыхъ актахъ (acta eruditorum). Протестанты не могли равнодушно отнестись къ этой книгѣ: на восточную Церковь они смотрѣли какъ на союзную себѣ, разсчитывая на одинакія враждебныя отношенія къ католицизму: протестанты въ польскихъ областяхъ обращались постоянно къ русскому правительству съ просьбою о помощи, выставляя единство своихъ интересовъ съ интересами православнаго народонаселенія въ Польшѣ. Преобразованіе, привлеченіе множества протестантовъ въ русскую службу, церковныя перемѣны могли возбудить самыя сильныя надежды, по крайней мѣрѣ, на постепенное усиленіе протестантскаго направленія въ Россіи, на постепенное исчезновеніе того, что въ глазахъ протестантовъ было суевѣріемъ и человѣческимъ вымысломъ. И вдругъ въ Россіи выходитъ книга, направленная противъ протестантизма, и, что всего хуже, авторъ ея мирволилъ католицизму, умолчалъ о различіи между русскою и римскою Церковію и бралъ противъ протестантовъ оружіе у католическихъ полемистовъ. Значитъ, отношенія извратились: русскіе духовные вступаютъ въ союзъ съ Западною Церковію противъ протестантизма. Вслѣдъ за лейпцигскою рецензіею появилась противъ «Камня вѣры» цѣлая книга, приписанная извѣстному ученому Буддею; въ 1731 году богословъ Мосгеймъ издалъ диссертацію противъ одной главы изъ «Камня вѣры»: о наказаніи еретиковъ. Протестантское движеніе вызвало католическое: если протестанты вооружились противъ книги Яворскаго, какъ полезной католицизму, то католики должны были вооружиться для поддержанія союзницы, и доминиканецъ Рибейра, находившійся въ Россіи при испанскомъ посланникѣ герцогѣ Лиріа, написалъ сочиненіе противъ книги Яворскаго.

Но если книга Яворскаго возбудила такой интересъ между протестантами и католиками, то понятно, что полемика, завязавшаяся по ея поводу, должна была возбудить сильное

вниманіе въ Россіи, гдѣ къ общему интересу присоединялся еще интересъ личный. Стефанъ Яворскій былъ обруганъ въ книгѣ Буддея, а имя Стефана было теперь священнымъ именемъ для извѣстнаго кружка людей, противоположнаго той «ученой дружинѣ», которая считала своимъ главою Ѳеофана. Рецензентъ лейпцигскихъ актовъ противопоставилъ Лопатинскому, рѣшившемуся издать такую нелѣпую книгу, архіерея новгородскаго, мужа ученаго, благоразумнаго и умѣреннаго, который не одобрилъ книги. Лопатинскій разсердился, рѣшился отвѣчать на книгу Буддея и высказывалъ подозрѣніе, что эта книга вовсе не принадлежитъ Буддею, а написана Прокоповичемъ. Но время препираться съ протестантами и ссориться съ преосвященнымъ новгородскимъ было выбрано самое дурное. Анна воцарилась и самодержавствовала; люди, не любившіе Ѳеофана и уже по этому самому сочувствовавшіе направленію Яворскаго, были въ опалѣ, не имѣли никакой силы; русскіе люди, получившіе теперь значеніе, какъ главные виновники уничтоженія Голицынскаго замысла, князь Черкасскій съ товарищами должны поддерживать своего ревностнаго союзника, Ѳеофана, который имѣетъ еще другихъ, болѣе сильныхъ защитниковъ: Биронъ, Остерманъ, Левенвольды, Минихъ — все протестанты, и потому, конечно, будутъ противъ книги Яворскаго; но они должны дѣйствовать хитро: императрица религіозна и предана вѣрѣ отцовъ; манифестъ 17-го марта не былъ дѣломъ притворства съ ея стороны; нѣмцы не пойдутъ прямо сами затрогивать эту сильную струну, они могутъ легко дѣйствовать чрезъ русскихъ, которыхъ заступничество за Ѳеофана и совѣты потушить дѣло, могущее волновать вѣрноподданныхъ разныхъ вѣръ и націй, Анна не могла заподозрить.

Ѳеофилактъ написалъ «Апокрисисъ или возраженіе на письмо Буддея». Но для изданія книги нужно было Высочайшее соизволеніе. Къ кому же Ѳеофилактъ обратился изъ Твери въ Москву для исходатайствованія? Къ князю Д. М. Голицыну! Князь отговаривался болѣзнью; тяжело было для его самолюбія признаться, что не можетъ исходатайствовать ничего при дворѣ, особенно въ самомъ скользкомъ дѣлѣ, и онъ говорилъ посланному отъ Ѳеофилакта, зачѣмъ тотъ спѣшитъ съ своимъ сочиненіемъ, если написалъ, то пусть исправляетъ: ученымъ есть приводить въ примѣръ св. отцовъ, которые, написавши книги, по сту разъ ихъ исправляли, и преосвященный Сте-

фанъ долго исправлялъ «Камень вѣры», и напечатана она послѣ его смерти. Ѳеофилактъ обратился къ извѣстному архимандриту троицкому, Варлааму, духовнику императрицы. Ѳеофилакта вызвали въ Москву: онъ былъ во дворцѣ и получилъ позволеніе писать на Буддея; но потомъ его снова потребовали во дворецъ и обязали подъ смертнымъ страхомъ не писать на Буддея. Самъ Ѳеофилактъ такъ объяснялъ дѣло: «въ бытность его во дворцѣ пріѣхалъ другъ новгородскаго преосвященнаго, князь А. М. Черкасскій, и знатно, что по наговору онаго архіепископа, князь о томъ разговорилъ ея императорскому величеству. И все это препятствіе учинилось стараніемъ преосвященнаго новгородскаго».

Лопатинскому запретили писать въ защиту Яворскаго; но какой-то протестантъ написалъ противъ него и пустилъ рукопись подъ заглавіемъ: «Молотокъ на Камень вѣры», гдѣ Яворскій выставленъ католикомъ, іезуитомъ, и вся его дѣятельность представлена въ черномъ свѣтѣ. Автора Молотка не отыскивали; но отыскали людей, участвовавшихъ въ переводѣ книги Рибейры на русскій языкъ, двоихъ архимандритовъ и членовъ Синода — новоспасскаго Евфимія Колетти и ипатьевскаго Платона Малиновскаго. Ѳеофанъ Прокоповичъ, раздраженный тѣмъ, что въ книгѣ Рибейры было указаніе на его склонность къ протестантизму, считалъ, что люди, рѣшившіеся перевести такую книгу и посвятить ее императрицѣ, принадлежали къ партіи его заклятыхъ враговъ, не дававшихъ ему покоя доносами, пасквилями и подметными письмами; съ своей стороны онъ рѣшился употребить послѣднія усилія, чтобъ вырвать и низложить эту партію, и для этого воспользовался выходками въ книгѣ Рибейры противъ сильныхъ въ Россіи иностранцевъ лютеранъ, чтобъ связать свои интересы съ ихъ интересами и заставить ихъ помогать себѣ. Онъ донесъ императрицѣ, что дѣйствуютъ все люди одной партіи: нѣкоторыхъ сослали, но другіе того же гнѣзда сверчки сидятъ въ щеляхъ и посвистываютъ, и далъ бы Богъ выискать ихъ и прогнать». О книгѣ Рибейры Ѳеофанъ доносилъ: «иностранныхъ въ Россіи мужей ругательнѣ нарицаетъ человѣчками или людишками и придаетъ, что русское государство ихъ питаетъ, а церковный законъ оными гнушается. Видно *на кого* онъ за пропитаніе иностранныхъ въ россійскомъ государствѣ нарекаетъ! Вѣдь сильнѣе протестантовъ, и изъ которыхъ многіе чиновные и честныя особы и при дворѣ, и въ [illegible]

скомъ и гражданскомъ чинахъ рангами высокими почтены служатъ, — неправдою и невѣрностью помаралъ, изъ чего великопочтеннымъ особамъ немалое учинилъ огорченіе. Ѳеофана, архіепископа новгородскаго, почтивъ титлою премудрѣйшаго, коварно порицаетъ склонностью къ протестантамъ за то, что онъ въ нѣкоемъ словѣ своемъ назвалъ Буддея зѣло ученымъ человѣкомъ. А Ѳеофилакту, тверскому архіепископу, сочинилъ похвалы слѣдующія: Ѳеофилактъ Лопатинскій, тверской архіепископъ, премудрѣйшій въ школахъ и, по моему извѣстію, преострѣйшій богословъ, въ епархіи предобрѣйшій пастырь, въ синодѣ правдивѣйшій судья, во всей Россіи изъ духовныхъ властей прелюбезнѣйшій. Необычайная похвала, — продолжаетъ Ѳеофанъ, — да еще тому, съ которымъ Рибеира, сколько мы вѣдаемъ, рѣдко когда и видался. Во утвержденіе того, что будто восточнаго исповѣданія люди благосклонны къ исповѣданію римскому, пишетъ слѣдующее: въ Россіи случалось мнѣ и съ премудрѣйшими не мало число имѣть бесѣды, между которыми едва одного могъ бы я познать, что католикамъ онъ весьма противенъ. Мудріи греки не гнушаются латинами, но еще священнослуженіе ихъ почитаютъ, якоже когда и самую я отправлялъ св. литургію въ великомъ монастырѣ Троицкомъ, когда тамъ благоговѣйнѣйше предстоялъ архимандритъ со многими, о чемъ тысящекратно свидѣтельствовать буду. Подлинно се не рядовое вранье, — замѣчаетъ Ѳеофанъ: — и по моему извѣстію является, что Рибейра своимъ или чужимъ намѣреніемъ, подъ видомъ доброхотной къ исповѣданію нашему защиты, насѣялъ многое число вредныхъ плевелъ, къ раздраженію иностранныхъ народовъ на россійскій народъ и къ междоусобной внутренней въ народѣ россійскомъ смутѣ».

Коллети и Малиновскій посажены были въ петербургскую крѣпость. По дѣлу о пасквилѣ на Ѳеофана привлечены были въ тайную канцелярію два монаха — Іосифъ Рѣшиловъ и Іоасафъ Маевскій, находившіеся въ сношеніяхъ съ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, державшіеся около него въ надеждѣ, что онъ будетъ патріархомъ. Теперь они оговорили Ѳеофилакта, пересказали его разговоры съ ними. Такъ, однажды, въ минуту досады, онъ сказалъ: «вотъ здѣсь житье: всего бойся. Когда бъ можно гдѣ укрыться или хоть въ Польшу уѣхать, если бъ то можно было. И бы радъ былъ и этому». Ѳеофилактъ проговорился, что у него есть тысяча рублей своихъ денегъ,

занималъ у купца Корыхалова: «у меня они положены на свою нужду», говорилъ онъ, «не дай Богъ какой на меня бѣды и не сошлютъ въ ссылку — Корыхаловъ не оставитъ». По поводу Стефана Яворскаго Феофилактъ говорилъ: «много претерпѣлъ онъ отъ Федоса (Яновскаго), и когда бъ та змія больше на своемъ престолѣ посидѣла, то бъ больше скорпіи высидѣла. И новгородскій архіерей Феофанъ, хотя мнѣ и другъ, ихъ же лютеранскую сторону держитъ». По поводу рѣчи о дурномъ воспитаніи Петра II Феофилактъ хвалилъ стараго учителя Зейкина, какъ человѣка благочестиваго: «а нынѣ имѣется учитель Остерманъ, да и того Долгорукіе, чтобъ не часто ему съ его величествомъ видѣться, устранили. А хотя бъ онъ, Остерманъ, и всегда былъ при государѣ, однако въ наставленіи благочестія нечего добраго надѣяться, потому что онъ лютеранской вѣры. Надобно бы его величеству о томъ совѣтывать, да некому. Я бъ и радъ, да не смѣю. А св. Синоду согласиться невозможно, затѣмъ, что преосвященный новгородскій и самъ лютеранскій защитникъ, и съ ними жъ только знается». Съ поднятія тревоги по поводу «Камня вѣры» робкій Феофилактъ былъ въ постоянномъ страхѣ: «спать не могу», говорилъ онъ: «во снѣ пугаюсь и наяву всегда боюсь: боюсь, чтобъ кто заочно не обнесъ императрицѣ: знаю, что императрица милостива, только женское сердце пуще мужского». Страхъ не былъ напрасенъ: въ 1735 году его вытребовали въ Петербургъ и начали томить допросами

Черезъ годъ съ чѣмъ-нибудь послѣ пріѣзда Феофилакта въ Петербургъ, умеръ Феофанъ, 8 сентября 1736 года, только 55 лѣтъ отъ роду. Феофанъ не признавался своимъ, что «во снѣ пугался и наяву всегда боялся»; но сильныя тревоги въ борьбѣ, которыя могли кончиться низверженіемъ и заточеніемъ, сильное умственное напряженіе въ отыскиваніи средствъ къ защитѣ и къ предупрежденію враговъ, должны были истощить его, тѣмъ болѣе, что эти треволненія начались и продолжались безостановочно, когда Феофану было уже 45 лѣтъ — возрастъ, въ который для продленія жизни нужно увеличеніе спокойствія, а не тревогъ; притомъ надобно замѣтить, что Феофанъ не отличался умѣренностью, любилъ хорошо пожить, и потому такъ вооружался противъ «ига неудобоносимаго», которому подлежалъ по своимъ обѣтамъ. Говорятъ, что, почувствовавъ приближеніе смерти, Феофанъ приставилъ ко лбу указательный палецъ и сказалъ: «о, глава, глава! разума упившись, куда ся

приклонишь?» Слова знаменательныя въ устахъ вождя «ученой дружины, которая съ такимъ страстнымъ увлеченіемъ бросилась упиваться разумомъ; но вотъ вождь дружины, «дивный первосвященникъ», въ страшную предсмертную минуту, задаетъ себѣ вопросъ: куда приклонится голова, упившаяся разума, достаточно ли этого упиванія для человѣка?

По смерти Өеофана объявленъ былъ Высочайшій указъ, «чтобы которыя были служителями новгородскаго архіерейскаго дома, то оные бъ не разошлись никуды, а были бы всѣ при томъ домѣ; а особливо тѣ ребята, которыя въ домѣ его учились, чтобъ оные учились попрежнему и были бъ содержимы въ таковомъ же довольствѣ, какъ и при живомъ архіереѣ. А учителю или надзирателю, который къ нимъ приставленъ, приказать, чтобъ онъ ихъ обучалъ и смотрѣлъ за ними неотмѣнно». Впослѣдствіи кабинетъ представилъ объ этой школѣ императрицѣ, что Өеофанъ «при жизни своей, особливымъ своимъ тщаніемъ, собирая сиротъ, учредилъ семинарію и содержалъ оную въ весьма добромъ порядкѣ со многимъ иждивеніемъ своего персональнаго имѣнія; при кончинѣ же жизни своей во всемъ оставшемся по немъ имѣніи учредилъ наслѣдниками вышеозначенныхъ изъ сиротъ семинаристовъ въ разсужденіи томъ, что когда изъ тѣхъ семинаристовъ кто, по окончаніи наукъ, опредѣлится куды къ дѣламъ, дабы оный тѣмъ даннымъ ему награжденіемъ могъ себѣ обзаводиться постройкою двора и завестись домомъ, чтобъ отъ скудности не оставилъ своей науки». Кабинетъ ходатайствовалъ объ исполненіи желанія покойнаго Өеофана «въ разсужденіи его вѣрной и ревностной службы, и особливо, что онъ такъ добропорядочно изъ сиротъ семинаріи содержалъ и не мало ихъ обучалъ въ пользу государственную». Императрица согласилась и поручила исполненіе дѣла князю А. М. Черкасскому, *пріятелю* покойнаго.

Судьба лицъ, страдавшихъ изъ-за Өеофана, не облегчилась по его смерти, потому что съ Өеофаномъ стояли другія, болѣе сильныя лица, считавшія вредными для себя стремленія враговъ Өеофановыхъ. Въ 1738 году Өеофилактъ Лопатинскій за «злоумышленныя непристойныя и продерзостныя разсужденія и нареканія», лишенъ архіерейства, священства и монашества и заточенъ въ выборгскій замокъ, куда никого къ нему не пускали, бумаги и чернилъ не давали; на содержаніе его отпускалось по гривнѣ на день. Коптеви умеръ, какъ видно,

въ крѣпости; Платонъ Малиновскій лишенъ архимандритства, священства и монашества и, подъ именемъ Павла Малиновскаго, сосланъ въ Сибирь. *Соловьевъ.*

Проповѣди Стефана Яворскаго и Дмитрія въ ихъ отношеніи къ южнорусской проповѣди.

Плодъ схоластической учености, — южнорусская проповѣдь, принесенная кіевскими учеными въ Великороссію (въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка), на новой почвѣ быстро измѣнила свой характеръ. Изъ отрѣшенной отъ жизни и непрактичной она сдѣлалась въ высшей степени практичною и тенденціозною, такъ что замѣняла собою современную свѣтскую публицистику. Многое содѣйствовало этому перерожденію проповѣди: и практическій духъ великороссовъ, и практическій геній Петра, и горячее время реформы, не позволявшее вдаваться въ отвлеченныя отъ жизни разсужденія. Но это перерожденіе проповѣдничества совершилось не вдругъ; изъ четырехъ знаменитыхъ проповѣдниковъ Петровскаго времени два первые — св. Димитрій Ростовскій и Стефанъ Яворскій — стоятъ, такъ сказать, на рубежѣ между старыми преданіями южнорусской гомилетики и новыми требованіями духа времени; и только два послѣдніе проповѣдника — Ѳеофанъ Прокоповичъ и Гавріилъ Бужинскій — вывели проповѣдничество на новую дорогу и заставили его звучать въ ладъ съ общимъ тономъ Петровской реформы.

Проповѣдничество св. Димитрія Ростовскаго и Стефана Яворскаго, носящее на себѣ, такъ сказать, переходный характеръ, будетъ предметомъ нашего ближайшаго разсмотрѣнія.

Типическія черты южнорусской проповѣди, знакомыя намъ по казаньямъ Голятовскаго, Барановича и Радивиловскаго, рѣзко обозначаются и въ проповѣдяхъ св. Димитрія Ростовскаго и Стефана Яворскаго.

Обратимъ вниманіе на *составленіе плана и изобрѣтеніе мыслей*, какъ для цѣлой проповѣди, такъ и для отдѣльныхъ частей ея. Въ проповѣдяхъ м. Стефана и св. Димитрія мы встрѣчаемъ ту же наклонность къ *аллегоріямъ*, какою отличалось южнорусское проповѣдничество. Самыя заглавія торжественныхъ проповѣдей м. Стефана указываютъ на ихъ

построеніе, основанное на аллегоріи, напр.: *колесница торжественная, отъ Іезекіиля пророка видѣнная. Три сѣни, Петромъ святымъ созданныя: рука Христова, Петру Россійскому простираемая* и т. д. Изложимъ вкратцѣ построеніе хотя послѣдней проповѣди, тѣмъ болѣе, что она доселѣ нигдѣ еще не напечатана. Проповѣдникъ изображаетъ руку Господню, подобно рукѣ человѣческой, состоящей изъ пяти перстовъ. «Вѣдаете, что рука человѣческая пять имѣетъ перстовъ. Первый перстъ нарицается *крѣпкимъ* того ради, яко паче всѣхъ инѣхъ перстовъ крѣпчайшимъ есть, яко мощно всякому отъ искусства знати. Вторый перстъ нарицается *показательнымъ* того ради, яко тѣмъ перстомъ показуютъ путь или иное что-нибудь. Третій нарицается *среднимъ*, яко между инѣми перстами. Четвертый называется *перстеноносный*, яко обычно на немъ перстени носятъ. Пятый нарицается самый меньшой уховой, яко тѣмъ люди уши вычищаютъ». Понятно отсюда, что проповѣдь будетъ состоять изъ пяти частей. Переводя представленіе о перстахъ руки Господней въ міръ отвлеченныхъ понятій, проповѣдникъ считаетъ эти персты символами вѣры, крѣпости, терпѣнія, любви къ ближнимъ и смиренія, и раскрываетъ проявленія этихъ доблестей въ дѣятельности Петра I и его сподвижниковъ. Подобное построеніе проповѣди на аллегоріи нерѣдко находимъ и у св. Димитрія Ростовскаго. Въ словѣ на Обрѣзаніе Господне (1 января) проповѣдникъ, положивъ въ основаніе текстъ: *нарекоша имя ему Іисусъ* (Лук. 2, 21), говоритъ: «се убо преславное имя новое Іисусъ нынѣ хотѣлъ быхъ и азъ грѣшный на новое лѣто, не токмо въ моей сердца книгѣ, но и во всѣхъ сердцахъ, аки въ книгахъ, мірскихъ и духовныхъ написати; написати же не единымъ каковымъ простымъ черниломъ, но различными шарами, красками и цвѣтами». И затѣмъ въ самой проповѣди аллегорически изображаетъ, что имя Іисусово на сердцѣ царя должно быть написано *златомъ*; на сердцѣ царскаго синклита — *письмены серебряными*; на сердцѣ христіанскаго воинства — *киноваремъ*; на сердцѣ духовнаго чина — простымъ *черниломъ*; на сердцѣ всѣхъ обще-христіанъ — *бѣлиломъ*. Въ поученіи на недѣлю 15-ю св. Димитрій путешествуетъ въ лѣсъ или садъ божественныхъ писаній собирать дрова, воспламеняющія огонь сердечный, и въ концѣ проповѣди такъ изображаетъ итогъ своего путешествія: «се, слышателю мой, собрахъ по силѣ моей три благо-

вонныхъ древесъ полѣнца, аки бы отъ Христова креста, егда кого дѣлаху, оставшіеся во имя Св. Троицы. Первое *кедровое* въ любовь Бога Отца, еже *любити* его всѣмъ сердцемъ мудрѣ. Другое *кипарисное* въ любовь Бога Сына, еже любити его всѣмъ сердцемъ сладцѣ. Третье *финиковое* въ любовь Духа Святаго, еже любити его всею мыслію и крѣпостію, се есть выну, постояннѣ и целѣ». Этимъ заключеніемъ достаточно обозначается аллегорическій составъ проповѣди. Сходство аллегорическихъ проповѣдей Петровскаго времени съ болѣе ранними аллегорическими южнорусскими проповѣдями простирается иногда до буквальнаго заимствованія. Такъ, напр., проповѣдь Стефана Яворскаго въ день Пятидесятницы, раскрывающая символическое значеніе образовъ, въ которыхъ являлся Духъ Святый (голубя, елея, вина, вѣтра, огня, дуновенія Христова, воды), представляетъ собою почти дословное повтореніе проповѣди на тотъ же день и на ту же тему о. Іоанникія Голятовскаго. Другой пріемъ, употребительный при составленіи южнорусскихъ проповѣдей, и состоявшій въ измышленіи затѣйливыхъ вопросовъ и не менѣе затѣйливыхъ отвѣтовъ, также нашелъ себѣ мѣсто въ проповѣдяхъ св. Димитрія Ростовскаго и Стефана Яворскаго. Такъ, Стефанъ Яворскій въ проповѣди на Срѣтеніе занимается такимъ вопросомъ: «о Іовѣ глаголется въ самомъ началѣ книги Іовлевы: *бысть мужъ нѣкій именемъ Іовъ*; а о Симеонѣ инако сказуетъ Евангеліе: *бысть человѣкъ во Іерусалимѣ, ему же имя Симеонъ*, а для чего такъ? Для чего Іова мужемъ, а Симеона человѣкъ Писаніе нарицаетъ? Оба два святы, оба праведни, оба непорочни и Духа Святаго полни: однако одинъ изъ нихъ мужъ, а другой человѣкъ. Тайна немалая по только сія. Симеонъ хотя святъ, хотя благо дѣлалъ, однако человѣкъ, а не мужъ: ибо ничтоже претерпѣлъ злаго, никакова не понесъ страдательства. А Іовъ толикая злая претерпѣлъ доблественнѣ, того ради мужъ въ Писаніяхъ нарицается. Кто доблественнѣ терпитъ злая, то мужъ; кто не имать терпѣнія, то человѣкъ». Такъ, св. Димитрій, приводя слова псалмопѣвца: *путь неправды отстави отъ мене* (Пс. 118, 29), задается такимъ вопросомъ: «Давиде святый! тако ли восчаловалъ еси о грѣсѣ твоемъ, яко едва ума не изступилъ еси. Вѣси ли, что глаголеши? Не добрѣ глаголеши, Давиде святый. Всякъ человѣкъ разумный, камо идый, аще увѣсть на коемъ пути разбой великъ, обходитъ его, минуетъ его издалеча, а не

о томъ просить, дабы той путь на иное мѣсто съ разбойниками былъ пренесенъ? Самъ разсуди, Давиде святый, какъ лучше, путь ли злый издалеча минути, обыти, или просити дабы той путь съ разбойниками былъ на иное перенесенъ мѣсто? воистинну лучше есть злое мѣсто минути. А Давидъ глаголя сіе: *путь неправды отстави отъ мене*, словесъ тыхъ своихъ разумѣніе подаетъ намъ сицевое: уже я, Господи, не могу отставитися отъ пути неправды, не могу обычая моего злаго грѣховнаго аки естества нѣкоего премѣнити, развѣ Самъ Ты, Господи, не мене, но путь той злый нѣкакимъ образомъ отъ мене отстависши и воздвигнеши мя къ покаянію». У разбираемыхъ нами проповѣдниковъ встрѣчается не мало и другихъ подобныхъ и еще болѣе изысканныхъ вопросовъ, напр., по поводу словъ Іоанна Предтечи: *азъ семь гласъ*, проповѣдникъ спрашиваетъ: «а каковъ же еси гласъ? первый, или вторый, или третій, или четвертый? у насъ въ православной Церкви семь гласовъ обрѣтается, имиже, яко сладкогласнымъ мусикійскимъ пѣніемъ, Бога прославляемъ. Ты убо, Іоанне, который еси гласъ, рцы намъ». Приводя слова Спасителя: *поминайте жену Лотову*, проповѣдникъ вопрошаетъ: «Какъ же ю, Спасителю мой, поминати? Не вѣдаемъ какъ ей имя. *Поминайте жену Лотову*: а для чего не Сарру, не Ревекку, не Есфирь, ни Іудифь? и т. д. Или еще: проповѣдникъ желаетъ знать, какую рыбу поймалъ Товія подъ руководствомъ ангела, — кита, крокодила или каллонимоса небозрителя, — и рѣшаетъ въ пользу послѣдняго. Также: почему Іуда не могъ сказать Христу: Господи, а сказалъ: равви! «Почему по курогласеніи Петръ плачетъ? не можно ли бяше плакати и безъ курогласенія?» Должно замѣтить, впрочемъ, что подобные вопросы съ отвѣтами на нихъ у св. Димитрія Ростовскаго и Стефана Яворскаго служатъ только къ расширенію отдѣльныхъ частей проповѣди, но нигдѣ не захватываютъ собою всей проповѣди.

Обратимъ вниманіе на источники, какими пользовались м. Стефанъ и св. Димитрій при составленіи своихъ проповѣдей. И здѣсь найдемъ тоже сходство съ южнорусскою проповѣдью какъ въ выборѣ источниковъ, такъ и въ способѣ пользованія ими.

Первый источникъ — *Библія*. При употребленіи библейскихъ текстовъ въ проповѣди м. Стефанъ Яворскій и св. Димитрій, подобно южнорусскимъ проповѣдникамъ XVII вѣка, руководились, повидимому, не столько изученіемъ самой Библіи,

сколько такъ называемыми симфоніями или конкорданціями, въ которыхъ собраны всѣ библейскія параллели и расположены въ азбучномъ порядкѣ. Полагая въ основаніе проповѣди какой-либо текстъ, проповѣдникъ при помощи конкорданціи приискивалъ параллельныя мѣста Писанія, — и сопоставленіе разнородныхъ текстовъ, имѣвшихъ общимъ только одно слово, наводило проповѣдника на неожиданныя для него самого и нерѣдко странныя сближенія и соображенія. Приведемъ примѣры. Проповѣдникъ (м. Стефанъ) беретъ текстъ: «Петре, ты еси камень», и затѣмъ въ вопросительной формѣ проводитъ рядъ библейскихъ параллелей, какъ бы цѣликомъ взятыхъ изъ конкорданціи. «Камнемъ Христосъ Петра нарицаетъ; но какимъ камнемъ? Онымъ ли камнемъ, его же Іаковъ патріархъ ветхозавѣтный положи въ возглавіе себѣ? Или инымъ камнемъ, его же пророкъ Захарія видѣ седмь очесъ имущь? Онымъ ли камнемъ, имъ же Давидъ порази Голіаѳа? Или онымъ камнемъ его же пророкъ Даніилъ видѣ отъ горы отторженна и идола потирающа? Всѣхъ тѣхъ камней образъ въ себѣ являше камень церковный, Петръ святый. Но азъ, минувши тыя камени, хощу вамъ явити Петра святаго во образъ камня пустыннаго, велие угодие людямъ творящаго, и покажу слышателемъ моимъ три источника, отъ сего камене происходящие: единъ горькій: *порази камень и потекоша воды* (т.-е. горькія покаянія); другой сладкій: *напита ихъ отъ тука пшенична и отъ камене меда насыти ихъ* (Пс. 80); третій лѣкарственный: *ссаша медъ изъ камене и елей отъ тверда камене* (Втор. 30).

Другой не менѣе замѣчательный способъ отношенія разбираемыхъ нами проповѣдниковъ къ Библіи состоитъ въ составленіи изъ разныхъ мѣстъ Писанія, такъ сказать, мозаической картины, представляющей въ ясныхъ и живыхъ образахъ то, что хочетъ сказать проповѣдникъ, но чего тѣмъ не менѣе нѣтъ въ самой Библіи. Объяснимъ это примѣромъ. Объясняя текстъ Писанія: *подобно есть царствие небесное сокровищу, сокровену на селѣ* (Мѳ. 13, 14), св. Димитрій такъ изображаетъ причину, почему царство небесное сокрыто именно на селѣ. «Было то царствія небеснаго сокровище во градѣ внутрь насъ, и знать ему не понравилось гражданство, изыде изъ града на село: а для чего не понравилось? Давидъ сказуетъ, яко *беззаконие и пререкание во градѣ, и не оскудѣ отъ стогнъ его лихва* (Пс. 54, 10 и 12); а идѣже беззаконіе и пререканіе, лихва и лесть, тамо царствію

небесному тѣло. Не любитъ беззаконія и прочихъ небогоугодныхъ дѣлъ, достойныхъ ада, а не небеснаго царствія и знать обходило небесное царство во градѣ всѣ мѣста, ища себѣ покоя, и не обрѣте». Проповѣдникъ изображаетъ, какъ царство небесное приходило въ сокровища царскія, въ торговые ряды, въ приказы и ратуши, въ палаты вельможъ и т. д. и, гдѣ возможно, подкрѣпляетъ свою рѣчь текстами Писанія.

Весь разсказъ составленъ, повидимому, для объясненія евангельскаго изреченія и скрѣпленъ мѣстами Писанія: но кто не видитъ, что первенствующее участіе въ немъ принимала фантазія проповѣдника? И въ результатѣ этого, какъ бы основаннаго на библейскихъ текстахъ, разсказа о странствіи царства Божія дается мысль, требующая ограниченія; такъ какъ, принятая во всей широтѣ, она была бы не согласна съ словами Спасителя: «не придетъ царство Божіе примѣтнымъ образомъ; и не скажутъ: вотъ здѣсь оно или вотъ тамъ, ибо царствіе Божіе внутрь васъ» (Лук. 17, 20—21).

Подобное же нѣсколько произвольное отношеніе къ свящ. Писанію замѣчается и у м. Стефана Яворскаго. Напр., м. Стефанъ говоритъ проповѣдь въ Петербургѣ въ первое время послѣ его основанія и желаетъ похвалить приморское мѣстоположеніе города. Для этого проповѣдникъ пользуется всевозможными текстами Писанія, которые, повидимому, подтверждаютъ его мысли о превосходствѣ низменныхъ мѣстъ и водной стихіи, но только *повидимому*. «Христе, Спасителю нашъ (говоритъ проповѣдникъ), Петръ тебѣ хощетъ создать сѣнь, гдѣ изволишь? на горѣ ли, или на долинѣ? На Ѳаворѣ ли, или на приморіи? Смиренный Іисусъ не хощетъ на высокихъ горахъ имѣти жилище. Сатана любитъ горы: на горахъ ставитъ престолъ свой, на гору восхитилъ было и самого Іисуса: *поятъ Его на гору высоку, и показа Ему вся царствія*. А Христосъ, смиренія образъ, горы не любитъ. Того ради, мню, и Петру святому не пришло до дѣла, что на горѣ хотѣлъ сѣнь созидати. Долину любитъ Той, Который съ небесной горы на сегосвѣтную спустился долину: *азъ есмь*, рече, *цвѣтъ сельный и кринъ удольный*. Той, Который самарянскую жену, то-есть всяку душу грѣшную, водами живыми напоялъ, при водахъ благоволитъ имѣти жилище, Той, Который утрудився отъ пути, сѣдяше на источницѣ, при водахъ, при источникахъ любитъ имѣти упокоеніе. Водоносную любитъ землю, а не безводную. Здѣ можно вопро-

сти. рците ми слышателие, почему познати Духа Божия и духа сатанина?... Мощно, слышателие, по семъ познати: Духъ Божии носится надъ водами, любимое жилище Духу Святому при водахъ, надъ водами. Не я то глаголю, но Писание святое: *Искони Богъ сотвори небо и землю. Земля же бѣ невидима и не устроена, и тьма верху бездны и Духъ Божии ношашеся верху воды.* Духъ лукавый вопреки не любитъ водъ упокоения и жилища себѣ ищетъ на мѣстахъ безводныхъ. Слушайте, что Христосъ о семъ глаголетъ. *Егда нечистый духъ изыдетъ отъ человѣка, проходитъ сквозь безводная мѣста, ищущи покоя.* Се имате различіе Духа Божія и духа лестча. Духу Святому надъ водами, любо и Христу Спасителю нашему при водахъ. Читайте Евангеліе, увидите тамо, какъ часто Христосъ Спаситель нашъ ходилъ при морѣ Галилейстѣмъ, при морѣ Тиверіадстѣмъ, при озерѣ Геннисаретстѣмъ, отъ воды избралъ учениковъ, по водамъ ходилъ морскимъ, водамъ повелѣвалъ, на водѣ первое чудо сотворилъ, егда въ Канѣ Галилейстѣй воду въ вино претворилъ. Кратко рекше: и Духу Святому, и Христу Спасителю нашему, и всей Святой Троицѣ любимое при водахъ обиталище». Проповѣдникъ обильно подтвердилъ библейскими текстами свою мысль о превосходствѣ и особенной близости къ Богу водной стихіи. Но для разумнаго и не пропитаннаго схоластикою читателя ясно неправильное отношеніе проповѣдника къ свящ. Писанію. Тексты подобраны до такой степени произвольно, что проповѣдникъ безъ труда могъ бы тѣмъ же способомъ хвалить огонь, воздухъ, горы и т. д. и, наоборотъ, порицать воду, если бы того пожелалъ (доказательство чего можно найти въ другихъ его проповѣдяхъ). Сама основная мысль, что вода есть стихія, преимущественно любимая Богомъ, — не согласна ни съ здравымъ разумомъ, ни со свящ. Писаніемъ, которое говоритъ, что *Богъ любитъ сущая вся и ничесого же гнушается*, что *всякое созданіе Божіе добро и ничтоже отметно.*

Другимъ источникомъ для проповѣдей м. Стефана и св. Димитрія служили творенія отцовъ Церкви не только восточныхъ, но и западныхъ, въ особенности Августина, *аще и западна, обаче полезнаго учителя.* Начитанность м. Стефана и св. Димитрія достойна полнаго уваженія и — можно сказать — изумительна. Такъ, одна проповѣдь св. Димитрія почти вся состоитъ изъ свода различныхъ мнѣній церковныхъ учителей.

между которыми является и «гость съ западныхъ странъ, чужiи человѣкъ, но не съ худымъ товаромъ, Ѳома именуемый, съ своею книжицею *О подражании Христу*». Еще болѣе, чѣмъ знакомство съ церковными учителями, отразилось въ проповѣдяхъ м. Стефана и св. Димитрия знакомство съ позднѣйшими католическими богословами и проповѣдниками...

Митрополитъ Стефанъ и св. Димитрiи пользовались для расширения своихъ проповѣдеи и такими матерiалами, которые въ настоящее время почти совсѣмъ закрыты гомилетикою. Сюда принадлежатъ: а) *католическiя легенды*, часто неправдоподобныя или, по крайней мѣрѣ, не имѣющiя твердаго историческаго основания; б) *изречении древнихъ философовъ* или другихъ умныхъ людей, заключавшия въ себѣ какую-либо мудрую и поучительную мысль; в) *разсказы изъ древней или новѣйшей истории*, носившiе, большею частью, анекдотический характеръ; г) *басни, притчи, анекдоты о занимательныхъ приключенiяхъ изъ жизни частныхъ людей*; д) *выдержки изъ естественной истории и вообще изъ науки о природѣ* по источникамъ, употреблявшимся въ средневѣковыхъ школахъ.

Переходимъ теперь къ изображению внѣшнихъ прiемовъ проповѣднической рѣчи м. Стефана и св. Димитрiя. Подобно латино-польскимъ и южнорусскимъ проповѣдникамъ м. Стефанъ и св. Димитрiй старались оживить и украсить свою проповѣдническую рѣчь драматизмомъ, популярностью, шутливостью.

Драматизмъ состоялъ въ томъ, что проповѣдникъ нерѣдко обращался съ вопросами и замѣчанiями ко Христу, апостоламъ, празднуемому святому и т. д., иногда олицетворялъ и заставлялъ спорить между собою даже отвлеченныя понятия. Вотъ примѣры драматизма у св. Димитрiя. Приводя слова Спасителя: *блажени кротцыи, яко тии наслѣдятъ землю*, проповѣдникъ говоритъ: «о Господи милостивый! вси у тебе рабы твои счастливы, вси на небеси ублажени, едини токмо несчастливи кротцыи, земнымъ точию дарствованы отъ тебе блаженствомъ. Еда ли блаженство земное сравнится небесному блаженству? Пожалуи, Господи, помилуй и кроткихъ, и ихъ возьми на небо въ блаженство горнее, рцы: *блажени кротцыи, яко и тѣхъ есть царство небесное*. Но Господь нашъ моего ради непотребнаго моления словеси своего святаго, въ Евангелiи написаннаго, не премѣнитъ». Вотъ еще обращенiе къ ангелу и св. Iоанну Богослову: «Видитъ Богословъ святый во от-

кровении ангела велика... Той имѣяше въ руцѣ своей книгу разгибену, юже Богослову подаетъ, глаголя: *приими и снѣждь ю*. «О ангеле Божии! не вели книги той небесной Богослову снѣсти, пожалуй первѣе дай намъ прочести ю, да увѣмы, что въ ней написано, и да научимся нѣчто отъ ней на пользу нашу, или поне тое устно намъ скажи, что въ ней написано». Не слушаетъ насъ ангелъ, ни книги прочести даетъ, ни устно, что въ ней написано, сказуетъ; а конечнѣ Богослову велитъ: *приими и снѣждь ю*. Богослове святый! отвѣщай ангелу, яко никогдаже книги ядохъ, ни бо на то пишутся книги, дабы ясти я, но чести. Аще книгу снѣмъ, а снѣмъ, не прочетши, то кая ми будетъ польза не увѣдавши, что въ ней написано?» Молитъ Богословъ святый, ангелу не прекословитъ, но до книги оныя руку простираетъ, вземлетъ, во уста кладетъ, ястъ и поглощаетъ. Скажи убо, Богослове святый, намъ поне сіе: есть ли нѣкій вкусъ въ книгѣ той, юже яси? горька ли или сладка книга та? Здѣ отвѣщаетъ намъ Богословъ святый, яко есть въ книгѣ той вкусъ и сладкій и горькій: *снѣдохъ ю*, рече, *и бысть во устѣхъ моихъ яко медъ сладка, во чревѣ же горька*». Подобнаго рода драматизмъ не рѣдкость и въ проповѣдяхъ м. Стефана.

Другая внѣшняя особенность проповѣдей м. Стефана и св. Димитрія состояла въ стремленіи къ популярности. У нихъ точно такъ же, какъ у польскихъ и южнорусскихъ проповѣдниковъ, эта особенность выражалась, главнымъ образомъ, такъ сказать, въ *переложеніи* библейскихъ и древнихъ церковныхъ событій на *современные нравы*. У св. Димитрія является *протопопъ* Елеазаръ, *мужикъ* Семен, дьявольская *гвардія*, адъ представляется чѣмъ-то въ родѣ мѣшка, наполненнаго деньгами, или бочки, полной рыбами и т. д. У Стефана Яворскаго также является Павелъ *казначей* небесный, *тлумачь* персидскій, нѣкто приноситъ Богу *челобитную: возврати, Господи, плѣненіе наше*.

Третья особенность проповѣднической рѣчи м. Стефана и св. Димитрія, бывшая плодомъ подражанія южнорусскимъ и латино-польскимъ образцамъ, — это *шутливый тонъ* изложенія, при чемъ шутливость направляется то на слушателей, то на проповѣдника, то на самый предметъ проповѣди. Вотъ примѣры того, какъ проповѣдникъ подшучиваетъ надъ слушателями. Св. Димитрій, поспѣшая закончить проповѣдь въ недѣлю сыропустную, говоритъ такъ: «хотѣлъ быхъ еще лучшее вкушеніе любви вашей предложити, манну... но жалѣю тѣхъ,

иже къ капустнымъ нынѣшнимъ грядамъ сѣвать, да не продолжится время моимъ убогимъ подчиваньемъ, обаче краткими словесы совѣтую: аще кто во св. четыредесятницу начнетъ поститься до захожденія солнечнаго, то и сухій хлѣбъ будетъ ему, яко манна. Ибо постъ и худую пищу сладитъ, и горькую рѣдьку съ хрѣномъ въ медъ и сахаръ вмѣняетъ». Но тутъ же, укоряя сердитыхъ постниковъ, проповѣдникъ замѣчаетъ: «иные обыкоша въ пощеніяхъ своихъ гнѣватися, и яритися, и роптати по подобію медвѣдя, иже во время зимнее въ ложищи своемъ лежа, ничесоже ястъ, токмо лапу свою ссетъ, а мурчитъ непрестанно». Митр. Стефанъ, разсуждая, что мы всѣ любимъ слушать о чужихъ грѣхахъ, въ шутливомъ тонѣ выражается такъ: «весело мужемъ, егда женскіе грѣхи обличаются, что иже прилѣжать своимъ украшеніямъ, нежели домоправительству... Сія егда проповѣдникъ глаголетъ, весело мужемъ, обаче имъ самимъ не любо, егда ихъ раны коснется, егда начнетъ глаголати, коль нелѣпо добра своя всегдашними пирушками терять! коль нелѣпо проигрывать въ карты вотчины и здравіе пропивать! не мило сіе мужемъ, а женъ, егда сія глаголетъ, будто сахаромъ услаждаетъ... Егда же сицевое случится слово идѣже коснется проповѣдникъ всѣхъ чиновъ, всѣхъ статей, будетъ тамъ духовнымъ, достанется и мірскимъ, мужемъ и женамъ, начальникамъ и подданнымъ, то вси не любятъ, вси не слушаютъ, вси ругаются. Случается сіе проповѣднику, что нѣкогда единой хозяйкѣ: спросилась госпожа слугъ своихъ что бы имъ приказать стряпать на кушаніе, какихъ плодовъ изготовить, капусты ли, или моркови, или рѣпы. Всякъ слуга сказалъ по своей ему охотѣ» и проч.

Мы видимъ изъ предыдущаго, что вся внѣшняя, такъ сказать, техническая сторона проповѣдничества у м. Стефана и св. Димитрія была почти та же, что и у предшествовавшихъ имъ южнорусскихъ проповѣдниковъ. Но новое время начинало уже наполнять старые мѣхи новымъ виномъ.

Терновскій.

Проповѣди Стефана Яворскаго и Димитрія Ростовскаго въ ихъ отношеніи къ современности.

Проповѣди митрополита Стефана Яворскаго и св. Димитрія Ростовскаго, будучи сходны со старинными южнорусскими

проповѣдями по своему построенію, источникамъ и изложенію отличаются отъ своихъ первообразовъ болѣе живымъ и близкимъ отношеніемъ къ современности. Читая проповѣди м. Стефана и св. Димитрія, мы можемъ понять, что онѣ писаны въ трезвую эпоху Петра I, можемъ видѣть, что восхваляли и что осуждали проповѣдники, можно отчасти воскресить въ своемъ сознаніи тогдашнюю дѣятельность русскаго правительства и нравственную жизнь русскаго общества.

Имѣющія отношенія къ тогдашней современности проповѣди м. Стефана носятъ, по преимуществу, характеръ *панегирическій*, а проповѣди св. Димитрія — характеръ *обличительный*. Это весьма естественно. Митр. Стефанъ былъ первенствующимъ русскимъ іерархомъ, — мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола, былъ близокъ къ государю и имѣлъ, такъ сказать, офиціальную обязанность говорить торжественныя проповѣди по случаю объявленія войны, побѣды, открытія государственной измѣны и при другихъ важныхъ для государства событіяхъ. Естественно, что, будучи близокъ къ государю и говоря проповѣди нерѣдко въ присутствіи Петра, м. Стефанъ долженъ былъ излагать проповѣдуемыя событія, по возможности, въ благопріятнѣйшемъ для правительства и, слѣдовательно, въ панегирическомъ духѣ. Совсѣмъ иное было положеніе св. Димитрія. Живя вдали отъ дворца царскаго, среди грубой паствы, неученыхъ священниковъ, закоренѣлыхъ раскольниковъ, св. Димитрій не могъ не обличать въ своихъ пасомыхъ уклоненія отъ высокихъ требованій христіанскаго идеала. Неблагопріятно относился св. Димитрій и ко многимъ явленіямъ жизни, вызываемымъ Петровскою реформою. Подобное же недовольство духомъ Петровскаго времени раздѣлялъ отчасти и м. Стефанъ, и иногда осторожно высказывалъ это недовольство въ немногихъ проповѣдяхъ, которыхъ, конечно, нельзя отнести къ разряду панегирическихъ.

Въ панегирическихъ проповѣдяхъ м. Стефана можно различать слѣдующія благопріятныя для правительства положенія: а) о важности и святости царской власти и грѣховности неповиновенія ей, б) о высокихъ личныхъ качествахъ Петра Великаго, в) о блескѣ его внѣшнихъ дѣлъ и благотворности внутреннихъ реформъ.

а) О необходимости покоряться царской власти нужно было проповѣдывать потому, что самодержавная царская власть су-

жила источникомъ всѣхъ реформъ Петровской эпохи, а между тѣмъ эти реформы были крайне тяжелы для народа, и польза ихъ для большинства была нисколько не очевидна. Бунты при Петрѣ были явленіемъ обычнымъ: они имѣли свое оправданіе въ тягости навязываемыхъ народу новыхъ формъ жизни; говорить противъ народнаго недовольства можно было только во имя того убѣжденія, что волѣ царя противиться *грѣхъ*. Это убѣжденіе и старался раскрыть въ своихъ проповѣдяхъ м. Стефанъ. Въ одной проповѣди, сравнивая Петра I съ библейскимъ праотцемъ Ноемъ, м. Стефанъ говоритъ: «мы, слышателіе, что воздамы своему Ноеви за толикое къ намъ благодѣяніе? Воздамы то единое, о чесомъ читаемъ въ Библіи о Ноѣ и о флотѣ его корабельномъ. *Внидоша въ корабль Ноевъ вельи звѣріе по роду, овое и овое*. Были тамъ рыкающіе львы, были дикіе леопарды, были медвѣди рыкающіе, волки хищные, собаки угрызливыя и прочіи дикіи звѣріе: то дивна вещь, что ни одинъ отъ сихъ лютыхъ звѣрей на Ноя не кинулся... левъ предъ Ноемъ, что овча незлобивое; медвѣдь такожде ни маленько воркнуть не дерзаетъ, волкъ тихимъ и незлобливымъ сталъся агнцемъ... А о васъ что возглаголю, мятежницы, бунтовщики проклятые, паче собакъ лютѣйшіе? Идите за мною, заведу васъ въ корабль Ноевъ,... идите, глаголю, въ корабль Ноевъ, аки въ школу нѣкую, и тамо отъ звѣрей богословесныхъ учитеся мудрости... Како васъ нареку, мятежницы? Нарекъ быхъ васъ звѣрями, но недостойни есте того имене; не имате бо сицевыя добродѣтели, якоже имутъ звѣріе Ноеви въ ковчезѣ. Державнѣйшъ нашъ Ное россійскій въ корабли своемъ, въ царствіи своемъ, поитъ, кормитъ, одѣваетъ и всякими довольствы расчительствуетъ. А хотя бъ иногда и скудость какая была и нужда, довлѣетъ то едино, что Богъ такъ хотѣлъ и жестоко завѣщалъ, да быете были подъ началомъ у Ноя своего, его единаго знати за начальника, отъ Бога даннаго, ему всячески покорятися и повиноватися». Затѣмъ проповѣдникъ приводитъ общеизвѣстные тексты о необходимости покоренія власти, перечисляетъ примѣры пагубныхъ послѣдствій бунта въ лицѣ сатаны, Дафана и Авирона, Іуды, Авессалома и т. д., и жестоко бранитъ русскихъ бунтовщиковъ, называя ихъ сынами дьявольскими, іудами, рожденіемъ ехиднымъ и т. д.

б) Въ личности Петра I были привлекательныя стороны, которыя могли мирить народъ съ его крупными мѣропріятіями

На эти привлекательныя стороны не преминулъ указать въ своихъ проповѣдяхъ м. Стефанъ Яворскій. На день рожденія государя проповѣдникъ, между прочимъ, говоритъ: «Бываютъ многіе такіе, которые себѣ родятся: иной уродится дармоѣдъ, напрасно хлѣбъ портитъ, напрасно мѣсто упражняетъ; пользы отъ него никакой: ни Богу свѣча ни людямъ пишка; ни его на войну, ни его въ посольство, ни его въ приказъ: куда кинь, туда клинъ, бо родился Климъ... А о монархѣ нашемъ, нынѣшнемъ рожденнику, что возглаголемъ? Се благовѣствую вамъ радость велію, яко родися вамъ спасъ. Вамъ родися, а не себѣ. А каково его спасеніе? Видѣсте очи наши спасеніе его. О велие то спасеніе земнаго спаса нашего!» Въ личности Петра I всего болѣе выдавалась необыкновенная, многосторонняя даровитость и воспріемлемость и неустанное, ко всему прилагаемое, трудолюбіе. На эти стороны личности Петра I всего болѣе обращалъ вниманіе и проповѣдникъ. Вотъ похвала даровитости Петра: «Великъ есть (Петръ) остроуміемъ и мудростью. Христу Спасителю нашему удивляхуся іудее *како сей свѣсть книги не учився?* Тако и о монархѣ нашемъ глаголати можно: *како сей свѣсть книги не учився?* Все житіе свое въ воинскихъ дѣлахъ изнуряетъ, еще отрокомъ будучи, строити крѣпости и тыя добывати, строити корабли и на тѣхъ же водныхъ бранемъ поучатися, полки строити, пушечными громами тѣшитися — то его бываше воинское игралище. Въ мужа совершенна пришедши, вси видимъ, яко вся его утѣха, вся мысль, вся упражненія — воинство устроити. Книги читать, кромѣ чтенія церковнаго, нѣтъ на то времени. Откуда убо сей вѣсть книги не учився? Вопроси его въ чемъ-нибудь отъ писаній божественныхъ, дастъ отвѣтъ изрядный: правила соборовъ вселенскихъ: онъ тое наизусть умѣетъ. Дай ему какую-нибудь матерію философскую, такъ изрядно о ней станетъ глаголати, будто истинный ученикъ самаго философовъ начальника Платона. Дай ему какую-либо матерію богословскую, такъ изрядно о ней станетъ проповѣдевати, будто истинный ученикъ Григорія Богослова. Математика, ариөметика, геометрія, космографія у него наизусть. *Како убо сей свѣсть книги не учився?* Но не дивитеся сему. Вся сія Духъ во своемъ помазанникѣ дѣйствуетъ».

Трудолюбіе и неустанная дѣятельность Петра, соединенныя съ простотою дѣлового человѣка, заботящагося только о дѣлѣ,

и не объ этикетѣ, также по достоинству были восхвалены м. Стефаномъ. Въ одной проповѣди проповѣдникъ изображаетъ добродѣтели государя, сравнивая, хотя довольно натянуто, его жизнь съ жизнью Спасителя. «Петръ нашъ россійскій, по подобію Христа, ставши рабомъ государству своему, толикія тяжести, толикія работы, рабомъ прикладныя, на себѣ носитъ. Христосъ ходилъ путемъ непрестанной чрезъ все житіе волокиты, изъ неба на землю, изъ Виѳлеема въ Египетъ, и т. д. Тѣмъ же путемъ безпрестанной волокиты умѣетъ гораздо за Христомъ шествовати и Петръ нашъ россійскій. Аще бы прилично исчисляти, сколь много верстъ перешелъ, отнѣлеже началъ царствовати, не стало бы и ариѳметики, и числа цифирнаго. Христосъ ходилъ путемъ воднымъ, многащи по водамъ шествующи. А нашему Петру россійскому шумъ водный, что едина утѣха, шумы волнующагося моря — едина сладка музика. Сами видѣхомъ и ужасахомся, зряще оныя страшныя водныя горы, погрязновеніемъ претящія; онъ же, посмѣвающися нашему малодушію, безбоязненъ пребываше... Христосъ ходилъ иногда путемъ воинскимъ. Помните, что въ Евангеліи глаголетъ:... *не пріидохъ воврещи миръ, но мечъ*. Тѣмъ же путемъ воинскимъ, како шествуетъ Петръ нашъ россійскій, видитъ и удивляется вся вселенная. И есть поистинѣ чему удивлятися, — такой охотѣ воинской и великодушію. Ибо въ арміи, въ полкахъ, на бранѣхъ быти не всякому монарху обычно... Леопольдъ цесарь никогда на войнѣ не бывалъ; такожде рещи и о прочихъ. Нашъ монархъ инако. Самъ на войнѣ, самъ въ полкахъ и арміи, самъ и царь, и вождь, и генералъ; самъ же солдатъ и воинъ. Свидѣтелемъ есть шляпа его, на главѣ царской пулею пронзенная».

Простоту дѣлового человѣка въ Петрѣ I м. Стефанъ восхваляетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «паче всѣхъ насъ смирившися и забывши себѣ міродержца быти, дивное смиреніе и ко всѣмъ снисходительство и преклонность имѣеши. Ни кимъ же не гнушаешися, всякаго, кто проситъ и требуетъ посѣщенія, убогія хатки не презираеши, царскихъ своихъ неоцѣненныхъ порфиръ и вѣнцевъ никогдаже употребляеши. Воинская дѣла, аки единъ отъ воиновъ, управляеши, дѣломъ работнымъ скиптроносныя руцѣ своя труждаеши, и прочими несчетными трудами, рабомъ своимъ приличными, здравія себѣ умаляеши».

Восхваляя государя, проповѣдникъ не забылъ упомянуть и о его высокомъ ростѣ: «Станетъ между нами, яко солнце между звѣздами, яко кедръ ливанскій между древесами, яко орелъ между птицами, не только властію и почестію, но и возрастомъ честнѣйшій. Кто бы не зналъ его быти царемъ, отъ самаго благолѣпнаго возраста можетъ познавати». Для характеристики Петра любопытны особенно тѣ мѣста въ проповѣдяхъ м. Стефана, гдѣ проповѣдникъ приводитъ подлинныя слова изъ своихъ личныхъ бесѣдъ съ государемъ.

в) О блескѣ внѣшнихъ дѣлъ Петра Великаго не совсѣмъ удобно было говорить проповѣднику. Внѣшнія дѣла Петра состояли почти исключительно въ войнахъ съ Швеціею и Турціею. Служитель религіи любви и мира, естественно, былъ поставленъ въ ложное положеніе, когда ему приходилось восхвалять войну, хотя бы и удачную. Поэтому м. Стефанъ восхваляетъ военные успѣхи, большею частію, метафорами, например̀ъ подъ образомъ жатвы, подъ образомъ грызенія орѣховъ и т. д. На первую метафору указываетъ самое заглавіе одной викторіальной проповѣди: «Жатва торжественная, мечными серпами россійскихъ побѣдоносцевъ, на марсовыхъ ливонскихъ поляхъ въ самое жатвенное время т. е. въ мѣсяцѣ іуліи и августѣ 1704 г., егда преславнии городы Нарва и Дерптъ крѣпкаго россійскаго воинства рукою измѣнени быша, — собрана» и проч. Ко второй метафорѣ подало поводъ названіе завоеванной крѣпости: *Орѣшекъ*. «О, Орѣшекъ претвердый!» восклицаетъ проповѣдникъ, «добрые то зубы были, которые сокрушили тотъ твердый Орѣшекъ». Болѣе удобный для проповѣдничества предметъ представился м. Стефану въ 1711 году по поводу турецкой войны, которой могъ быть приданъ религіозный характеръ. «Боже мой! нищъ и убогъ есмь азъ, недостойный архіерей», взывалъ м. Стефанъ съ церковной каѳедры, «а готовъ есмь не пощадити до послѣдней денежки на толикое богоугодное дѣло. Сребро мое и злато буди ми въ погибель, аще бы его мнилъ щадити на избаву и освобожденіе гроба Христова, идѣже неоцѣненное спасенія моего сокровище бяше сокровенно».

Доступный также для панегирика предметъ нашелъ м. Стефанъ въ изображеніи трудовъ и подвиговъ побѣдоносныхъ русскихъ солдатъ, житіе которыхъ при Петрѣ со введеніемъ регулярнаго устройства арміи было дѣйствительно тягостное и

многобѣдственное. «Воинская школа», разсуждаетъ м. Стефанъ, «едина токмо горесть, меду тамъ не найдешь; едина только полынь. Есть въ другихъ чинахъ многотрудство и бѣдство не малое. Но вся сія далече отстоятъ отъ трудовъ, отъ бѣдства и горести воинскія. Доводовъ на сіе не много надобѣ. Само видится явственно, что земледѣльцы, художники и иныхъ чиновъ люди всякимъ образомъ уклоняются и бѣгаютъ службы воинскія. Лучше мнится своею работою хлѣбъ ясти, нежели сухарями воинскими зубы ломати. И хотя то они творятъ отъ дурачества, но довлѣетъ то, что всякую горесть ощущаютъ въ житіи воинскомъ, и лучшее мнится нѣкіимъ дуракамъ быти разбойниками, нежели воинами. Что наши духовные артикулы, что̀ наши монастырскія правила противъ правилъ воинскихъ? Перо легкое противъ тяжкаго камене. Согрѣшилъ старецъ, то его на цѣпь, либо въ поварню посуду чистити, либо подъ началъ дрова рубить и черную работу дѣлать. Въ артикулахъ воинскихъ наказанія съ нещаднымъ біеніемъ, съ кровію, съ безчестіемъ и шельмованіемъ, съ утратою имѣнія и жалованья, а наипаче съ утратою житія». Въ другой проповѣди: «гдѣ наипаче живетъ недостатокъ, гдѣ живетъ алчба и жажда? Въ полкахъ она живетъ, въ полкахъ она имѣетъ свое сѣдалище. Добро въ дому, въ жары нынѣшнія, напиться чего холоднаго со льду, либо со льдомъ. Въ полкахъ тое не живетъ. Что̀ Богъ далъ, часомъ съ квасомъ, порою съ водою, лишь бы только и тое было, а не все тепло, мерзко и въ губу взяти. А упокоеніе какое, Богъ то вѣдаетъ. Подушка — земля, одѣяло — небо, а комары — пѣвчіи, которые припѣваютъ, чтобъ гораздо спати, а съ тѣмъ всѣмъ смерть за плечима».

Побѣды надъ врагами для м. Стефана представляются слѣдствіемъ трудовой жизни русскихъ воиновъ. «Ваши труды и подвиги», говорилъ Стефанъ, обращаясь къ воинамъ, «родиша намъ упокоеніе: ваши алчбы и жажды родиша намъ пированія», и т. д. «Что̀ вы нареку, прехрабріи подвижницы?» говоритъ м. Стефанъ въ другой проповѣди о павшихъ на брани воинахъ. «Нареку вы звѣздою утреннею и денницею. Родисте намъ день пресвѣтлый, день торжественный, но тѣмъ рожденіемъ, яко денница, угасосте. Что вы нареку, неустрашеннііи побориицы? Нареку вы облаками. Источисте бо и излисте кровные дожди, на благоплодіе, на тріумфальную жатву, а сами, яко облацы водоточнии, растаясте. А наипаче нареку вы, доблии

страдальцы, зернами, въ землю посѣянными, которіи, аще не умрутъ, не могутъ плода сотворити; аще ли умрутъ, плодъ многъ сотворятъ, по неложному словеси Господню... Сорадуйтеся, умерщвленная зерна, въ житницахъ уже небесныхъ душами водворяющаяся», и проч.

Въ пользу внутреннихъ реформъ Петра Великаго мы находимъ мало панегирическихъ отзывовъ въ проповѣдяхъ м. Стефана Яворскаго. Это объясняется тѣмъ, что а) въ первое десятилѣтіе XVIII вѣка, когда особенно процвѣтала проповѣдническая дѣятельность м. Стефана, Петръ, озабоченный шведскою войною, мало занимался внутренними реформами; б) а тѣ реформы, какія успѣвалъ совершать Петръ, мало пользовались сочувствіемъ м. Стефана, слѣдовательно мало представляли пищи для его панегирическихъ отзывовъ. Довольно обширный панегирикъ м. Стефанъ произнесъ въ похвалу новой столицы С.-Петербурга. Не малая часть этого панегирика посвящена восхваленію водной стихіи, которая будто бы преимущественно любима Богомъ. Возвращаясь къ тому же предмету въ другой проповѣди, м. Стефанъ говоритъ: «сей одинъ градъ всѣ убыли, въ военное время бываемыя, кораблями и пристанью своею въ краткое время можетъ наверетати». Есть также двѣ обширныя, но неособенно изобразительныя проповѣди м. Стефана *во похвалу флота и арміи*. Объ остальныхъ же реформахъ Петра м. Стефанъ упоминаетъ только мимоходомъ...

Св. Димитрій, м. Ростовскій, жившій вдали отъ двора, менѣе м. Стефана имѣлъ побужденія восхвалять дѣла Петрова царствованія. Въ одномъ только мѣстѣ мы встрѣчаемъ нѣчто похожее на случайное хвалебное упоминаніе о современномъ явленіи. «Хвалю добрый той нынѣшнихъ временъ обычай», говоритъ св. Димитрій, «что многіе люди въ иныя государства ходятъ ученія ради: изъ-за морей бо умудреніи возвращаются».

При отсутствіи панегиризма отношеніе къ современности въ проповѣдяхъ св. Димитрія выступаетъ въ обличеніяхъ. Св. Димитрій вообще довольно печально смотрѣлъ на современную эпоху. «О окаянныя времена наши, или, паче рещи, окаянные нравы наши!» восклицаетъ онъ въ одной проповѣди. Характеризуя нравственное состояніе современнаго общества, св. Димитрій разбираетъ его по сословіямъ. Мы уже видѣли, какъ, въ одной проповѣди св. Димитрія, царство небесное искало себѣ приближенія во всѣхъ сословіяхъ и классахъ об-

щества, и едва нашло себѣ мѣсто водвориться среди бѣдныхъ, оскорбляемыхъ и притѣсняемыхъ поселянъ. Подобная же мысль съ большею подробностью и безъ аллегорій изображается въ другихъ проповѣдяхъ св. Димитрія.

Изображая распущенные нравы разныхъ классовъ русскаго общества, св. Димитрій особенно отличалъ священниковъ и дворянъ: «Оле окаянному времени нашему!» говоритъ проповѣдникъ, «яко отнюдь пренебрежеся сѣяние, весьма оставися слово Божіе, ниже радитъ кто-либо о души своей и о ближняго... Сѣятели не сѣютъ, а земля не пріемлетъ; іереи небрегутъ, а людіе заблуждаютъ; іереи не учатъ, а людіи невѣжествуютъ; іереи слова Божія не проповѣдуютъ, а людіе не слушаютъ, ниже хотятъ слушати. Отъ обою страну худо: іереи глупы, а люди неразумны. Пастыри заблуждаютъ, а овцы за ними не вѣдаютъ, камо бредутъ: слѣпые слѣпыхъ водятъ и купно въ яму впадаютъ...» Еще въ одной проповѣди св. Димитрій упоминаетъ о такихъ пастыряхъ, «иже весьма въ разумѣ книжномъ неискусни суще, едва точію что прочести могуще, ниже чтомаго разумѣюще и отнюдь учительствовати не вѣдуще, со многимъ тщаніемъ ищутъ и купуютъ себѣ санъ священства, не да души человѣческія упасутъ и спасутъ, но да сами пасутся и почитаемы прославляются». По поводу евангельской исторіи о пирѣ Иродовомъ св. Димитрій переходитъ къ обличенію современныхъ дворянъ: «смотри како пиръ совершается немилосердныхъ владѣтелей: но и нынѣ во многихъ господахъ чуть не также: поядаютъ и пьютъ кровавые труды человѣческіе, а бѣдныхъ крестьянъ своихъ немилосердно мучатъ: снѣдаютъ то люди Божія вмѣсто хлѣба. Господамъ и до пресыщения всего довольно есть: а крестьянамъ бѣднымъ и укруха худаго хлѣба не стаетъ. Сіи объядаются, а тіи алчутъ; сіи упиваются, а тіи развѣ водою жажду свою утоляютъ; сіи веселятся, а тіи плачутъ на правежахъ. Таковъ пиръ господскъ, снѣдаютъ люди вмѣсто хлѣба».

Въ числѣ пороковъ, общихъ всѣмъ сословіямъ, св. Димитрій и м. Стефанъ обличаютъ особенно рѣдкое посѣщеніе храма, неблагочинное стояніе въ немъ и неохотное слушаніе проповѣди. Мы не думаемъ, чтобы обличаемые проповѣдниками пороки были исключительнымъ достояніемъ Петровскаго времени; во всѣ времена бывали люди лѣнивые къ богослуженію и слушанію слова Божія и неблагочинно въ храмахъ стоящіе; но

нужно замѣтить, что при Петрѣ безчиніе въ храмахъ было до того сильно, что самъ государь счелъ нужнымъ взять противъ него мѣры. Въ одномъ московскомъ храмѣ доселѣ хранится тяжелая гиря, которую Петръ приказывалъ вѣшать на шею разговаривавшимъ во время богослуженія.

Кромѣ нравственныхъ недуговъ заслуживали проповѣдническаго обличенія и догматическія заблужденія, угрожавшія русскому народу съ двухъ сторонъ: со стороны нѣмцевъ-лютеранъ, во множествѣ перебиравшихся въ Россію, и со стороны русскихъ раскольниковъ. Противъ лютеранъ и лютераиствующихъ особенно вооружался въ своихъ проповѣдяхъ м. Стефанъ, такъ какъ онъ въ самой Москвѣ нашелъ секту лютераиствующихъ вольнодумцевъ. Св. Димитрій въ своихъ проповѣдяхъ многократно обличалъ раскольниковъ, жившихъ въ его епархіи. Такъ, въ одной проповѣди онъ называетъ ихъ птицами, позобающими слово Божіе. «Доброе сѣмя — слово Божіе, еже учитъ не удалятися отъ св. Церкве...; но птицы бѣсовскія раскольники, излетѣвши отъ гнѣзда своего Брынскаго, позобаша то сѣмя, научивше многихъ бѣгати св. Церкве и гнушатися святынь Божіихъ, лжуще и прельщающе простыхъ мужиковъ и бабъ, и глаголюще, яко нынѣ уже церковь не церковь, попы не попы. Но окаянніи бѣсовскіи птицы!... Не пребудетъ ли Церковь до дне суднаго, и врата адова, по глаголу Господню, не одолѣютъ ей?... Кому лучше вѣру яти? вамъ ли или Христу Господу?»

Для уясненія дальнѣйшаго хода русской проповѣди весьма важно опредѣлить отношеніе двухъ разобранныхъ нами знаменитыхъ проповѣдниковъ Петрова царствованія (м. Стефана Яворскаго и св. Димитрія Ростовскаго) къ духу Петровской эпохи и къ личнымъ намѣреніямъ самого преобразователя.

Для цѣлей Петра Великаго могли служить съ пользою какъ панегирическія, такъ и обличительныя проповѣди. Панегирическія проповѣди должны были, по идеѣ Петра, разъяснять пользу его преобразованій, мирить народъ со временными тягостями и неудобствами реформъ во имя ихъ разумности и грядущаго отъ нихъ блага; услуга весьма важная и незамѣнимая при отсутствіи въ то время газетной публицистики. Обличительныя проповѣди могли и должны были по мыслямъ Петра, громить тѣ стороны нравовъ, откуда Петръ могъ ожидать противодѣйствія своей реформы, — громить невѣжество,

суевѣріе, отвращеніе отъ наукъ, отвращеніе отъ иноземцевъ и т. д.

Соотвѣтствовали ли этой программѣ панегирическія и обличительныя проповѣди м. Стефана и св. Димитрія?

Панегирическія проповѣди м. Стефана пытались съ усердіемъ разъяснить и восхвалять дѣла Петра, но далеко не всѣ. Многимъ дѣламъ Петра м. Стефанъ не сочувствовалъ и хвалить ихъ не могъ. Да и въ похвальныхъ рѣчахъ своихъ м. Стефанъ слишкомъ много руководился устарѣлыми пріемами южнорусской гомилетики, и потому, представляя замысловатыя аллегоріи и пышный наборъ фразъ, не въ состояніи былъ понять и выяснить самую сущность дѣла. Хотя Петръ и нашелъ предику Яворскаго при заложеніи Петровской крѣпости *зѣло изрядною*, но, какъ человѣкъ практически-умный и положительный, конечно, не могъ удовлетвориться мистическою похвалою Петербургу, которая основывалась, главнымъ образомъ, на томъ, что *Духъ Божій ношашеся верху воды* и на подобныхъ тому библейскихъ текстахъ. Можемъ думать вообще, что Петръ хотя и щедро дарилъ м. Стефана Яворскаго, но считалъ его не столько серіознымъ, сколько эффектнымъ проповѣдникомъ; можемъ думать такъ потому, что ни одной проповѣди м. Стефана Петръ не назначилъ къ печатанію.

Еще менѣе гармонировали съ общимъ духомъ Петровскаго царствованія обличительныя проповѣди м. Стефана и св. Димитрія. Обличенія ихъ падали не на то, что препятствовало успѣху Петровской реформы, но, скорѣе, на то, что стояло въ связи съ нею и было естественнымъ ея слѣдствіемъ. Они обличали не столько невѣжество и суевѣріе, сколько увлеченіе, напр., лютеранскимъ вольнодумствомъ, несоблюденіе постовъ, пиры, танцы и многоразличную поблажку чувственности. Сознательно или безсознательно, но постоянно и довольно твердо м. Стефанъ и св. Димитрій въ своихъ обличительныхъ проповѣдяхъ шли наперекоръ духу Петровской реформы и личнымъ взглядамъ государя. Не говоримъ уже о нападкахъ на *адскаго червя* Кальвина и на *мерзкое козлище* Лютера: хотя эти нападки не могли не нравиться государю, который, какъ извѣстно, былъ раздраженъ на м. Стефана именно за горячее преслѣдованіе еретиковъ, неумѣстное, по мнѣнію Петра, при сближеніи Россіи съ Западомъ. Есть въ проповѣдяхъ м. Стефана мѣста, болѣе прямо отрицательныя по отношенію къ Петровской реформѣ.

Петръ, какъ извѣстно, вводилъ брадобритіе и преслѣдовалъ брадоношеніе. Послушайте же, какъ затѣйливо м. Стефанъ въ одной, впрочемъ, не произнесенной, проповѣди подсмѣивается надъ брадобритіемъ. «Многихъ я ту знаю, которымъ служатъ оная псаломская словеса: *яко бритва изощренна сотворилъ еси лесть*. Но вопросите: како бритва лесть творитъ? Въ нынѣшнія времена сіе наипаче видимъ. Обрыетъ кто усъ и браду, наложитъ накладные волосы, мнится были повидимому молодъ, а онъ старъ. Видите, каку лесть брытва сотворила. Глянешь на иного безъ усы, безъ бороды, въ накладныхъ власахъ; мнится быти нѣмчинъ, а онъ русакъ. А кто сію лесть сотворилъ? Брытва».

Петръ I любилъ ночные пиры съ многократнымъ питьемъ за здравіе и впослѣдствіи ввелъ *ассамблеи*, куда обязательно приглашались и женщины для танцевъ. Между тѣмъ вотъ что читаемъ въ проповѣдяхъ св. Димитрія: «уже нынѣ вымыслиша люди за другихъ и заочно много о здравіи пити, а себе презмѣрно губити; злие отъ того пьянаго человѣка желанія нѣсть никому ни единыя пользы, яко не имутъ поднесенного сердца въ любовь Божію». Въ другой проповѣди св. Димитрій говоритъ, что адскую «тоску будутъ имѣть человѣцы, которые нынѣ непрестанно пребываютъ въ веселіяхъ и пьянствахъ и всякихъ роскошахъ, веселящеся съ музыкою и пляшуще съ танцованіемъ».

Петръ I передалъ управленіе церковными имѣніями въ руки монастырскаго приказа, состоящаго изъ свѣтскихъ лицъ, употреблялъ значительную часть монастырскихъ имуществъ на государственныя надобности, и, вообще, считая монаховъ людьми мало полезными, поставилъ ихъ въ очень стѣснительныя экономическія и специальныя условія. Св. Димитрій, какъ видно, не раздѣлялъ воззрѣній государя на монашество. «На чемъ содержится лоза виноградная?» говоритъ св. Димитрій. «На единомъ колѣ, сухомъ и безплодномъ; тѣмъ содержится: отъими отъ винограда колъ, лоза на землю падетъ и неплодствуетъ, и въ попраніе бываетъ. Отъими отъ міра христіанскаго чинъ иноческій яко сухій и неплодный колъ, что міръ будетъ! сами судите». «Хощеши ли грабити церковныя?» говоритъ св. Димитрій въ другой проповѣди. «Спроси сія Иліодора, казначея царя сирійскаго Селевка, иже пришелъ бѣ въ Іерусалимъ грабити церковь и біенъ бысть ангельскими руками».

Петръ I считалъ нищихъ тунеядцами и неоднократно давалъ указы, запрещавшіе подавать милостыню, повелѣвалъ даже брать штрафъ съ подавателей милостыни. Св. Димитрій смотрѣлъ на нищихъ совсѣмъ другими глазами и норму отношеніи къ нимъ устанавливалъ совсѣмъ иначе. «Обычай имуть нынѣшняго вѣка нищіе, егда хотятъ у кого испросити удобнѣе милостыню, то въ прошеніи своемъ воспоминаютъ то Христа Спасителя, то Пречистую Дѣву Марію, то святителя Христова Николая, или иного святаго имя воспоминаютъ, глаголюще: за имя Христово дайте и проч., но ни тѣмъ преклонити возмогутъ къ милосердію. Воистину о таковыхъ жестокосердыхъ прилично рещи оное слово пр. Исаіи: *одебелѣ сердце людей сихъ и ушима тяжко слышаша*». Еще: помысли, человѣче, коль кратъ... озлобилъ еси ближняго твоего? Не токмо самъ милостыни не подаеши, но и прочимъ велиши съ запрещеніемъ, да не подаютъ. Не токмо самъ не милосердъ еси, но и прочая на немилосердія возставляеши. Вся та немилосердная и озлобительная дѣла, яже ближнему твориши, не самому ли еси Христу твориши».

Видя значительное несочувствіе къ своимъ мѣропріятіямъ, Петръ, чтобы противодѣйствовать непослушанію и заговорамъ противъ себя, учредилъ должность фискаловъ съ обязанностью доносить на противниковъ воли царской и съ правомъ не терпѣть отвѣтственности, если даже доносъ окажется неосновательнымъ. Противъ фискальства м. Стефанъ говорилъ въ проповѣди 17 марта 1712 года: «Законъ Господень непороченъ, а законы человѣческіе часто бываютъ порочны. А какой ми то законъ напримѣръ: поставити надзирателя надъ судами и дати ему волю, какъ хощетъ обличити, да обличитъ, кого хощетъ обезчестити, да обезчеститъ; поклепъ сложити на ближняго судію, вольно то ему; а хотя того не доведетъ, что на ближняго своего клевещетъ, то ему за вину не ставить, о томъ ему ни слова ни говорить, вольно то ему. Не тако подобаетъ симъ быти: искалъ онъ моей главы, поклепъ на меня сложилъ, пусть самъ вязнетъ въ узкую; ровъ мнѣ ископалъ, пусть самъ впадетъ въ онь, сынъ погибельный». Послѣ этой проповѣди м. Стефану на нѣкоторое время запрещено было проповѣдывать. «И оттолѣ умолчахъ и впредь молчати готовъ есмь», писалъ м. Стефанъ государю. «Говорити казанье трудно, а молчати вельми легко». Впослѣдствіи, впрочемъ, м. Стефанъ снова является на проповѣднической каѳедрѣ.

Какъ бы то ни было, но ясно было, что проповѣдники, подобные м. Стефану и св. Димитрію, не соотвѣтствовали духу Петровской эпохи. Для Петра Великаго нужны были проповѣдники болѣе ему сочувственные, менѣе консервативные, болѣе отрѣшенные отъ пріемовъ стариннаго южнорусскаго проповѣдничества. *Терновскій.*

Протестъ Яворскаго противъ реформы Петра Великаго.

Яворскій, послѣ систематическаго умаленія церковной власти Петромъ, начинаетъ раздражаться противъ него и склоняться на сторону противниковъ реформы. Прежнія свѣтскія представленія о царѣ-покровителѣ, — о царѣ даровитомъ, трудолюбивомъ и доступномъ, — смѣняются позднѣйшими представленіями о царѣ, похитителѣ правъ и имуществъ церковныхъ, о царѣ-иконоборцѣ, другѣ лютеранъ, о царѣ, нарушителѣ святости брачнаго союза. Та же самая проповѣдь, которая прежде служила для восхваленія Петра, должна была послужить орудіемъ для его униженія. Но Стефанъ былъ слишкомъ уменъ и осторожепъ для того, чтобы съ опасностью собственной гибели подвергнуть Петра открытому всенародному обличенію. Въ этомъ собственно не было и надобности. Практикуемая Стефаномъ гомилетика снабдила его множествомъ аллегорій, сравненій, свидѣтельствъ и разныхъ — какъ говорили тогда — *вымышленныхъ примѣровъ*, съ помощью которыхъ проповѣдникъ могъ давать слушателямъ очень прозрачные намеки, — и притомъ такъ, чтобы въ случаѣ нужды можно было придать имъ совершенно невинное толкованіе. И вотъ Стефанъ начинаетъ вмѣшивать въ свою проповѣдь обличительные намеки, сначала, впрочемъ, только на бумагѣ. Дѣлается въ рукописной проповѣди выходка противъ брадобритія, и тутъ же прибавляется: non dictum. На день Іоанна Златоустаго (13 ноября 1708 г.) Стефанъ приготовилъ весьма сильную обличительную проповѣдь на тему: *Veritas ubique exul, ubique exosa*. Здѣсь есть сильная выходка противъ отбиранія имуществъ церковныхъ. Въ ней картина пира Валтасарова списана съ ассамблей Петровыхъ. Но и на этой проповѣди помѣчено: *non dictum*. Многое изъ задуманныхъ обличеній оставалось *non dictum*; но кое-что было и говорено. Наконецъ, въ извѣстной проповѣди

на 17-е марта 1712 года м. Стефанъ выступилъ противъ государя почти съ открытыми обличеніями. Сенаторы, бывшіе на проповѣди (въ числѣ которыхъ былъ нелюбившій Стефана князь Яковъ Долгорукій) нашли предику возмутительною и отправили ее къ государю. Испугавшійся проповѣдникъ отправилъ вслѣдъ за симъ оправдательное письмо, гдѣ причиною доноса ставитъ зависть къ себѣ сенаторовъ и желаніе ихъ воспользоваться его имуществомъ. «Будетъ имъ глаза милость ко мнѣ вашего царскаго величества и дворъ мой, построенный на Прѣснѣ отъ царскихъ щедротъ; да Богъ имъ въ помощь и со дворомъ!» Дѣйствительно, въ старой Руси былъ обычай отбирать въ казну имущество опальнаго сановника и раздавать оное лицамъ, бывшимъ причиною его паденія. Но въ настоящемъ случаѣ проповѣдь Стефана была въ рукахъ у Петра, и государь самъ могъ разсудить, клевещутъ ли сенаторы на Стефана, или дѣйствительно проповѣдникъ имѣлъ злой умыселъ. Петръ рѣшилъ послѣднее и на рукописной предикѣ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ отмѣтилъ: *о фискалѣхъ, объ Алексѣѣ*, а противъ тирады о законопреступномъ мужѣ, въ изображеніи котораго узнавалъ себя самъ Петръ, написалъ: *перѣве одному, потомъ же со свидѣтели*, то-есть Петръ хотѣлъ поставить на видъ, что проповѣдникъ не исполнилъ евангельской заповѣди, повелѣвавшей обличать грѣшника сначала наединѣ, потомъ при свидѣтеляхъ, — а прямо перешелъ къ публичному обличенію. Должно полагать, что Стефанъ, по натурѣ человѣкъ скрытный и застѣнчивый, дѣйствительно никогда не осмѣливался лично сдѣлать царю внушеніе или замѣчаніе. Петръ для этого былъ слишкомъ страшенъ, и Стефанъ боялся встрѣтиться съ его грознымъ взглядомъ. Но накопившееся чувство раздраженія противъ Петра искало себѣ выхода, и находило его въ болѣе сообразной съ натурою Стефана формѣ заглазнаго и нѣсколько прикровеннаго обличенія. Народная молва предвѣщала Стефану паденіе; но государь не хотѣлъ дѣлать изъ Яворскаго мученика и показывать видъ, что придаетъ большое значеніе его предикѣ. Стефанъ сохранилъ всѣ прежнія должности и титулъ, но послѣдніе слѣды царской къ нему милости изгладились совершенно, и на всю послѣдующую жизнь онъ остался *въ сильномъ подозрѣніи*. Нѣкоторое время — впрочемъ, очень недолго — ему запрещено было говорить предики, потомъ онъ началъ проповѣдывать

снова, но, наученный опытомъ, твердо зналъ, гдѣ находится край, до котораго можетъ доходить проповѣдническая смѣлость, и болѣе уже не падалъ.

Въ связи съ судебнымъ дѣломъ объ еретикахъ стоитъ исторія «Камня вѣры» полемическаго сочиненія, написаннаго Стефаномъ Яворскимъ противъ лютеранствующихъ, — сочиненіе, которое, по отзыву приверженцевъ Стефана, такъ же нужно для пастыря Церкви, какъ ружье для солдата. «Камень вѣры» — трудъ, безспорно, большой и солидный, хотя и весьма мало самостоятельный. Католическіе богословы, въ особенности Белярминъ, своею полемикою противъ лютеранъ, доставили много матеріала м. Стефану, и, зная духъ Стефана, творческій только относительно формы, мы можемъ сказать, что ему принадлежитъ только систематическое построеніе «Камня вѣры», жаръ и эффектность изложенія и нѣсколько современныхъ намековъ. Большая часть «Камня вѣры» была написана еще до начала суда надъ еретиками; такъ можно думать потому, что въ сентябрѣ 1714 года графъ Мусинъ-Пушкинъ уже возвращалъ автору «Камень вѣры» съ своими замѣчаніями. Толстѣйшій фоліантъ «Камня вѣры» былъ необходимъ Яворскому, чтобы показать, что, преслѣдуя еретиковъ, онъ дѣйствуетъ не по личному раздраженію, а во имя резонныхъ, глубокихъ и твердѣйшихъ основаній. Яворскій зналъ, что не найдется въ тогдашней Россіи человѣка, который могъ бы подорвать литературное значеніе «Камня вѣры», представлявшаго собою не только сборникъ большой учености, но вмѣстѣ съ тѣмъ и научное обоснованіе того, что лежало въ духѣ и нравахъ древнерусскаго благочестія. Сочиненіе, повидимому, занимается раскрытіемъ чистой истины Христовой помимо всякихъ временныхъ и мѣстныхъ условій; о московскихъ еретикахъ почти не упоминается. Но тонъ полемики рѣзкій и раздражительный; между строками попадаются по мѣстамъ злые намеки на современность. Въ этихъ намекахъ вся соль сочиненія, но они затеряны въ массѣ писаннаго матеріала. Отыскать ихъ было не легко, подвергнуть цензурѣ еще труднѣе. Тѣмъ не менѣе, будучи изложены аподектическимъ тономъ, они представляли сильный протестъ противъ реформы Петра съ богословской точки зрѣнія. Едва ли Петръ имѣлъ время прочесть всю массу писанныхъ листовъ «Камня вѣры», но и бѣглаго просмотра было достаточно, чтобы убѣдиться, что сочиненіе совершенно соотвѣтствуетъ

духу автора. Впрочемъ, какъ любитель свободнаго высказыванія мыслей, Петръ разрѣшилъ было печатаніе «Камня вѣры», съ тѣмъ, чтобы были сглажены рѣзкія полемическія выходки. Стефанъ началъ было хлопотать о печатаніи книги въ Черниговѣ, подальше отъ подозрительныхъ глазъ, — но опять вышла какая-то задержка (по свидѣтельству Арсенія Мацѣевича, *отъ соперника первѣйнаго Ѳедоса)*, и книга при жизни м. Стефана осталась ненапечатанною. Тѣмъ не менѣе о существованіи книги знали, съ нея снимали копіи; были горячіе поклонники «Камня вѣры» (напр. Аврамовъ), прозрѣвавшіе въ книгѣ силу великую. И самъ м. Стефанъ съ особою торжественностью завѣщалъ рукопись «Камня вѣры», какъ посмертный даръ, своей рязанской каѳедрѣ.

Терновскій.

Очеркъ жизни св. Димитрія Ростовскаго.

Св. Димитрій (по происхожденію малороссіянинъ) занимаетъ одно изъ самыхъ блестящихъ мѣстъ въ кругу кіевскихъ ученыхъ, распространявшихъ по русской землѣ начатое Петромъ Могилою дѣло русскаго просвѣщенія. Онъ родился въ мѣстечкѣ Макаровѣ, верстахъ въ пятидесяти отъ Кіева, на правой сторонѣ Днѣпра, въ декабрѣ 1651 года. Отецъ его былъ казацкій сотникъ по имени Савва Григорьевичъ Туптало, мать называлась Марья, ребенокъ названъ былъ въ крещеніи Даніиломъ. Когда онъ достигъ отроческаго возраста, родители отдали его учиться въ Кіевъ. Отецъ Данила былъ ктиторомъ Кирилловскаго монастыря и, вѣроятно, проживалъ въ самомъ Кіевѣ. Одаренный отъ природы живымъ воображеніемъ и глубиною чувства, Данило предался религіозной созерцательности и рѣшился постричься. Печальная судьба Малороссіи, какъ видно, содѣйствовала такому настроенію: кругомъ себя онъ видѣлъ кровь, слезы, нищету: одна бѣда влекла за собою другую бѣду, и не предвидѣлось исхода плачевному состоянію края. Въ Кіевѣ даже ученіе не могло итти своимъ обычнымъ порядкомъ. Естественно было предаться мысли о непрочности земныхъ благъ и искать пристанища въ иноческой жизни. Въ 1668 году Данило былъ постриженъ въ Кіевскомъ Кирилловскомъ монастырѣ игуменомъ Мелетіемъ Дзикомъ и нареченъ Димитріемъ. Несмотря на молодость, онъ скоро обратилъ на себя вниманіе своимъ необыкновеннымъ

даромъ слова; 25 лѣтъ отъ роду, въ 1675 году, онъ былъ посвященъ въ Густынскомъ монастырѣ Лазаремъ Барановичемъ въ іеромонахи. Съ этихъ поръ начались странствованія Димитрія изъ монастыря въ монастырь, изъ края въ край. Гдѣ только онъ ни поселялся, тамъ начиналъ говорить поученія, и къ нему стекались толпы народа; слава о новопоявившемся знаменитомъ проповѣдникѣ переходила изъ города въ городъ. Архіепископъ Лазарь Барановичъ перевелъ его изъ Густынскаго монастыря къ себѣ въ Черниговъ, и Димитрій пробылъ около двухъ лѣтъ проповѣдникомъ при Лазарѣ Барановичѣ. Отправившись въ Литву, для поклоненія чудотворной иконѣ, находившейся въ Новодворскомъ монастырѣ, Димитрій былъ сначала приглашенъ на короткое время для проповѣдничества въ Вильно, а потомъ бѣлорусскій епископъ Ѳеодосій Василевичь убѣдилъ его переселиться въ Слуцкъ; Димитрій проповѣдовалъ тамъ въ Преображенскомъ монастырѣ. Но въ концѣ 1679 года скончался его покровитель Ѳеодосій, а вслѣдъ за нимъ окончилъ жизнь другой его благопріятель, ктиторъ Преображенскаго монастыря Скочкевичъ. Проговоривши надъ послѣднимъ надгробное слово, Димитрій черезъ мѣсяцъ уѣхалъ изъ Слуцка на родину. Молодого проповѣдника наперерывъ приглашали изъ разныхъ мѣстъ Малороссіи. Гетманъ Самойловичъ убѣдилъ его поселиться въ Батуринѣ, а затѣмъ, по его ходатайству, Лазарь Барановичъ въ 1681 году назначилъ Димитрія игуменомъ Максаковскаго монастыря. Лазарь, любившій, какъ извѣстно, играть словами, сказалъ Димитрію при этомъ такую любезность: «Вы называетесь Димитріемъ, и потому я желаю вамъ не только игуменства, но и митры. Пусть Димитрій получитъ митру». На слѣдующій годъ Димитрій былъ сдѣланъ Батуринскимъ игуменомъ. Но пребываніе въ Батуринѣ было ему не совсѣмъ по душѣ; въ слѣдующемъ же году онъ оставилъ игуменство и удалился въ Кіево-Печерскую лавру, гдѣ былъ принятъ радушно архимандритомъ Варлаамомъ Ясинскимъ. Здѣсь Димитрій началъ составлять сборникъ житій святыхъ — Четьи Минеи. Трудъ этотъ былъ намѣченъ Петромъ Могилою, но остался безъ исполненія. Чрезъ два года мы застаемъ Димитрія снова въ Батуринѣ игуменомъ Николаевскаго монастыря. Не знаемъ, какъ отнесся Димитрій къ паденію Самойловича, но оно не имѣло на него дурного вліянія. Преемникъ Самойловича, Мазепа былъ также благосклоненъ

къ Димитрію. Окончивши половину своихъ Миней, Димитрій возвратилъ въ Москву бывшія у него Макарьевскія Минеи, извѣщая объ окончаніи труда своего, и просилъ благословенія патріарха Іоакима на печатаніе, но такъ какъ благословеніе долго не получалось, то Димитрій, не дожидаясь его, отдалъ свои Минеи въ печать въ Кіево-Печерскую лавру, подъ надзоромъ архимандрита Варлаама. Патріархъ, узнавши объ этомъ, былъ очень недоволенъ, придирался, требовалъ перепечатки нѣкоторыхъ мѣстъ, запрещалъ печатать далѣе безъ своего разрѣшенія; однако Димитрій отклонилъ отъ себя дальнѣйшія преслѣдованія. Онъ, вмѣстѣ съ Мазепой, побывалъ въ Москвѣ въ самое смутное время паденія Софьи (въ 1689 г.), и успѣлъ понравиться Іоакиму, который далъ ему благословеніе продолжать свой трудъ. По возвращеніи на родину, Димитрій проживалъ въ Батуринѣ и трудился надъ своими Минеями. Преемникъ Іоакима, патріархъ Адріанъ, не только не придирался къ печатанію, но, поставивши на кіевскую митрополію печерскаго архимандрита Варлаама, особенно просилъ его содѣйствовать печатанію Димитріевыхъ Миней.

Въ 1692 году Димитрій опять оставилъ игуменство, чтобы исключительно заняться Минеями; но въ 1694 году его заставили принять игуменство въ Глуховскомъ монастырѣ, а въ 1697 году преемникъ Лазаря Барановича, Іоаннъ Максимовичъ, вызвалъ его въ Черниговъ и сдѣлалъ архимандритомъ Елецкаго монастыря. Занимаясь Минеями, Димитрій не переставалъ писать и говорить проповѣди. Чрезъ два года его перевели въ Новгородъ-Сѣверскій Спасскій монастырь, и здѣсь въ 1700 году онъ окончилъ три чети (четверти) своихъ Миней и напечаталъ въ Лаврѣ; вслѣдъ за тѣмъ судьба нежданно призвала его въ далекій край.

Петръ Великій искалъ достойное духовное лицо для замѣщенія каѳедры сибирскаго митрополита и приказалъ кіевскому митрополиту Варлааму прислать къ нему въ Москву такого архимандрита, который бы годился на это мѣсто. Варлаамъ указалъ на Димитрія. Въ февралѣ 1701 года Димитрій, по царскому приказанію, пріѣхалъ въ Москву, а марта 23-го былъ рукоположенъ въ архіерейскій санъ.

Но Димитрій, достигши уже 50 лѣтъ отъ роду, былъ слабъ здоровьемъ: тяжело было бы ему ѣхать въ далекую невѣдомую и притомъ суровую страну. Онъ впалъ въ недугъ. Петръ, узнавши

объ этомъ, самъ пріѣхалъ къ нему и замѣтилъ, что Димитрій болѣе печаленъ, чѣмъ боленъ, и приказалъ сказать ему откровенно причину своей тоски. «Меня, — сказалъ Димитрій, посылаютъ въ суровый край, вредный для моего здоровья, а на мнѣ лежитъ послушаніе — окончить Житія святыхъ». — «Оставайся въ Москвѣ», сказалъ ему на это Петръ.

Димитрій остался въ Москвѣ, сблизился и подружился со своимъ землякомъ Стефаномъ Яворскимъ, занимавшимъ тогда мѣсто блюстителя патріаршаго престола, и продолжалъ заниматься своими Минеями.

Въ январѣ 1702 года, по смерти ростовскаго митрополита Іоасафа, Петръ назначилъ Димитрія въ Ростовъ. Это было послѣднее мѣстопребываніе Димитрія. Пріѣхавши въ свою епархію, онъ тотчасъ же указалъ въ соборной церкви мѣсто для своего погребенія и сказалъ: «се покой мой, здѣ вселюся во вѣкъ вѣка».

Здѣсь окончилъ онъ свой многолѣтній трудъ «Житія святыхъ», которыя были напечатаны вполнѣ въ 1705 году въ типографіи Кіево-Печерской лавры. По своему обыкновенію, Димитрій и въ Ростовѣ говорилъ постоянно проповѣди; въ Ростовѣ, какъ и въ Малороссіи, полюбили его и стекались къ нему слушатели. Но въ великорусскомъ краѣ потребовалась отъ него еще иного рода дѣятельность. Димитрій, познакомившись съ великорусскимъ духовенствомъ, ужаснулся крайняго невѣжества и отсутствія внутренняго благочестія. «Нерадивые іереи, говорилъ онъ въ своемъ увѣщаніи къ священникамъ, — лѣнятся ходить къ убогимъ больнымъ для исповѣди и причастія, а ходятъ только къ богатымъ, и многіе бѣдняки умираютъ безъ св. тайнъ... Случилось намъ на пути въ Ярославль заѣхать въ одну деревню и спросить тамошняго попа: «гдѣ у тебя животворящія Христовы тайны?» Попъ неразумѣлъ моего слова. Я спросилъ: «гдѣ тѣло Христово?» — Попъ опять не понялъ моего слова. Тогда одинъ изъ бывшихъ со мною священниковъ спросилъ его: «Гдѣ запасъ?» Тогда попъ взялъ «неопрятный» (зѣло гнусный) сосудецъ и показалъ въ немъ хранимую въ небреженіи великую святыню... Удивляся о семъ, неба и земли ужаснитеся концы. Пречистыя Христовы тайны держитъ священникъ не въ церкви на престолѣ, а у себя между тараканами и сверчками, съ которыми и онъ самъ и домашніе его живутъ и почиваютъ». Чтобы пресѣчь такія злоупотребле-

нія. Димитрій писалъ нѣсколько увѣщаній духовнымъ съ наставленіемъ, какъ вести себя, и видѣлъ необходимость положить начало книжному просвѣщенію. Онъ завелъ въ Ростовѣ духовное училище, или семинарію, которая раздѣлялась на три класса и имѣла при Димитріи до 200 учениковъ. Онъ содержалъ это училище изъ собственныхъ доходовъ, занимался имъ съ большою любовью, самъ повѣрялъ успѣхи учениковъ, наблюдалъ за ихъ нравственностью и благочестіемъ, а лѣтомъ собиралъ ихъ у себя въ загородной своей дачѣ, объяснялъ имъ самъ лично мѣста изъ свящ. писанія, обращался съ ними чрезвычайно кротко, по-отечески, и былъ очень любимъ ими. Это былъ первый образчикъ великорусскихъ семинарій. Кромѣ общаго невѣжества, надъ великорусскимъ краемъ тяготѣло еще другое зло — расколъ и противъ этого зла счелъ обязанностью выступить Димитрій. Онъ написалъ большое сочиненіе противъ раскола — «Розыскъ о раскольничьей брынской вѣрѣ», а когда отъ Петра послѣдовалъ указъ о томъ, чтобы всѣ брили бороды, то Димитрій написалъ сочиненіе о брадобритіи, въ которомъ доказывалъ, что бритье бородъ не составляетъ грѣха. Самъ Димитрій разсказываетъ, какъ двое нестарые великорусса остановили архіерея при выходѣ изъ церкви послѣ литургіи и спрашивали его: какъ онъ думаетъ? Они готовы лучше положить голову на плаху для отсѣченія, чѣмъ бороды. — А что отрастетъ, — спросилъ Димитрій — борода или голова? — Борода, сказали ему. — Такъ лучше вамъ отдать бороду, чѣмъ голову; борода будетъ отрастать столько разъ, сколько ее будутъ брить, а отсѣченная голова не пристанетъ къ тѣлу, развѣ въ воскресеніе мертвыхъ! — Димитрій говоритъ бородолюбцамъ, что напрасно они боятся брить бороду, воображая себѣ, будто этимъ исказятъ образъ и подобіе Божіе; доказывалъ, что образъ и подобіе Божіе совсѣмъ не въ тѣлѣ, не въ зримомъ образѣ человѣка, а въ его душѣ. Петръ нашелъ въ ростовскомъ митрополитѣ поддержку своимъ преобразовательнымъ планамъ въ этомъ отношеніи. Димитрій, при своемъ строгомъ благочестіи, не могъ раздѣлять уваженія великоруссовъ къ бородамъ, такъ какъ родился въ Малороссіи, гдѣ казаки давно уже брили бороды и гдѣ этотъ обычай дѣлался всенароднымъ.

Димитрій былъ большой постникъ, и какъ разсказываютъ, ѣлъ въ Великую четыредесятницу только разъ въ недѣлю. Онъ вообще отличался умѣренностью въ жизни, былъ кротокъ,

простодушенъ и охотно помогалъ бѣднякамъ. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи, написанномъ за два года до смерти, Димитрій выразился о себѣ такъ: «съ восемнадцатилѣтняго возраста до приближенія моего къ гробу я не собиралъ ничего, кромѣ книгъ; у меня не было ни золота, ни серебра, ни излишнихъ одеждъ... пусть никто не трудится искать послѣ меня какихъ-нибудь складовъ». Качества Димитрія еще при жизни возвышали его въ глазахъ благочестивыхъ людей.

Не даромъ боялся Димитрій Сибири: и менѣе суровый климатъ ростовскаго края зловредно подѣйствовалъ на его здоровье, ослабленное многолѣтними трудами и строгимъ постничествомъ. Уже въ 1708 году Димитрій жаловался, что не въ состояніи работать: глаза ослабѣли, очки уже не могли ему помогать, рука при писаніи дрожала... Въ 1709 году Димитрій сталъ страдать удушливымъ кашлемъ, и 27-го ноября скончался. Его нашли въ кельѣ мертвымъ, стоящимъ на колѣняхъ для молитвы. Другъ Димитрія, Стефанъ Яворскій, похоронилъ его въ мѣстѣ, указанномъ самимъ Димитріемъ по пріѣздѣ въ Ростовъ. Послѣ покойнаго Стефанъ взялъ его многочисленныя книги, перешедшія въ библіотеку московской синодальной типографіи. *Костомаровъ.*

„Розыскъ о брынской вѣрѣ" Димитрія Ростовскаго.

По значенію для исторіи своего вѣка самое важнѣйшее сочиненіе Димитрія есть, безспорно, «Розыскъ о брынской вѣрѣ» (брынскою назвалъ онъ раскольничью вѣру оттого, что раскольники гнѣздились въ Брянскихъ или Брынскихъ лѣсахъ), раздѣленный на три части: 1) о раскольничьей вѣрѣ, 2) о раскольничьемъ ученіи и 3) о раскольничьихъ дѣлахъ. Въ первой части, доказавши несправедливость раскольничьихъ обвиненій на православную Церковь, Димитрій обличаетъ раскольничьихъ учителей въ томъ, что они по своему невѣжеству писали такъ, что изъ ихъ словъ невольно выходятъ еретическія мнѣнія. Замѣчательно, что расколъ во времена Димитрія раздробился до того, что насчитывали до 22 толковъ. Во второй части «Розыска» авторъ критически доказываетъ ложность разныхъ ученій. Главное зло, по мнѣнію Димитрія, въ томъ, что раскольники, «чуть только умѣютъ читать и писать, тотчасъ считаютъ себя великими богословами и учителями вѣры». Ди-

митрій подробно распространяется о брадобритіи, доказываетъ, что борода не имѣетъ никакого значенія въ дѣлѣ религіи, и даже тѣ правила, какія существовали о небритіи бороды, считаетъ происходящими отъ временъ господства иконоборства. Димитрій отвергаетъ раскольничьи бредни объ антихристѣ, о приближеніи послѣднихъ временъ, когда храмы должны сдѣлаться хлѣвами и истинные христіане будутъ спасаться въ пустыняхъ, доказываетъ неправильное примѣненіе раскольниками словъ свящ. писанія о нерукотворенныхъ храмахъ, которые раскольники приводили для того, чтобы не ходить въ церковь. Димитрій вооружается при этомъ противъ иконоборцевъ и отвергающихъ поклоненіе св. мощамъ и, повидимому, имѣетъ здѣсь въ виду уже не старообрядцевъ, а такихъ отщепенцевъ отъ Церкви, которые не стояли подобно старообрядцамъ за букву, а, напротивъ, думали оторваться отъ буквы. Отщепенцы этого рода, какъ оказывается, не переставали существовать въ Россіи съ XVI вѣка, а можетъ-быть, и съ болѣе ранняго времени. Такимъ образомъ мы узнаемъ, что въ Ростовѣ одинъ посадскій человѣкъ по имени Трофимъ, призванный Димитріемъ, по доносу одного попа, не только не сталъ кланяться иконамъ, но началъ приводить противъ иконопоклоненія такіе доводы, которые, обыкновенно, приводились лютеранами и кальвинистами. Подобное говоритъ Димитрій и относительно поклоненія мощамъ: «я слышалъ недавно объ одномъ лжеучителѣ и развратителѣ людей божіихъ, который тайно училъ не почитать мощей». Въ опровержение такихъ ученій, противныхъ православной Церкви, Димитрій въ своемъ «Розыскѣ» подробно распространяется о законности почитанія того и другого. Замѣчательно, что Димитрій встрѣчалъ такихъ раскольниковъ, которые исторію евангельскую считали только притчею, а не дѣйствительно происходившимъ событіемъ, и всему хотѣли давать только аллегорическое значеніе: «Никогда не происходило того, — говорили они, — чтобы Христосъ пятью хлѣбами и двумя рыбами накормилъ пять тысячъ народа въ пустынѣ. Это одна притча. Пустыня — это жилище язычниковъ, къ которымъ Христосъ пришелъ, оставивши іудеевъ. Пять хлѣбовъ — пять чувствъ, двѣ рыбы — двѣ книги: Евангеліе и Апостолъ. Лазарево воскрешеніе не было на дѣлѣ; это одна притча. Болящій Лазарь — это умъ, побѣждаемый немощью человѣческою; смерть Лазаря — грѣхи; сестры Лазаревы,

Мароа — плоть, Марія — душа; гробъ — житейскія заботы; камень на гробѣ — сердечная окаменѣлость; воскресеніе Лазарево — раскаяніе въ грѣхахъ. Входъ Христа въ Іерусалимъ тоже одна притча. Ослица — жидовскій родъ; жеребенокъ — язычники; Христосъ оставляетъ жидовъ и переходитъ къ язычникамъ» и проч. И другія чудесныя Христовы дѣянія, — говоритъ Димитрій, — описанныя въ евангельской исторіи, безумные раскольничьи мудрецы считаютъ притчею, а не дѣйствительными событіями; они разсѣваютъ между простымъ народомъ свои плевелы и облыгаютъ евангельскую повѣсть. Все это едва ли можетъ относиться къ старообрядчеству, а напротивъ, свидѣтельствуетъ, что рядомъ со старообрядствомъ развивались въ русскомъ народѣ гораздо ранѣе возникшія раціональныя умствованія, приведшія къ явленію такихъ сектъ, какъ молокане, духоборцы и проч.

Третья часть «Розыска» въ особенности замѣчательна тѣмъ, что въ ней собраны разныя извѣстія изъ исторіи раскола и, между прочимъ, о раскольничьихъ самосожженіяхъ. Нѣкоторыя событія были извѣстны Димитрію ближайшимъ образомъ. «Доносилъ мнѣ, — пишетъ Димитрій, — одинъ старый іеромонахъ Игнатій, что въ Пошехонскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ былъ прежде попомъ, сожглось разомъ 1920 человѣкъ, по наученію боярскаго крестьянина Ивана Десятины. Сожигатели устраиваютъ въ лѣсахъ большія избы и засадятъ въ нихъ душъ по сту, по двѣсти, а маленькимъ дѣтямъ прибьютъ гвоздями одежду къ лавкѣ, на которой ихъ усадятъ, потомъ обложатъ избу соломой, хворостомъ, и зажгутъ. Другая подобная страшная секта называется морильщики; сожигатели подговариваютъ людей къ самосожженію, а морильщики проповѣдуютъ такое ученіе: какая польза оставаться въ этой жизни? Вѣры правой на землѣ уже нѣтъ. Отцовъ духовныхъ нѣтъ. Архіереи и священники — волки; церкви — хлѣвы; антихристъ уже царствуетъ въ мірѣ; страшный судъ наступаетъ. Кто хочетъ истинно спастись, тотъ долженъ подражать мученикамъ и исповѣдникамъ и скончаться отъ голода и жажды, чтобы, избавившись отъ вѣчныхъ мукъ, воцариться со Христомъ. Пострадаемъ же здѣсь недолго, чтобы не пріобщиться къ тѣмъ, которые, оставивши истинную вѣру, гонятъ и мучатъ насъ за нее. Есть у этихъ морильщиковъ въ лѣсахъ избы съ маленькими дверцами, а иногда и вовсе безъ дверецъ, и землянки; уговорятъ проста-

18*

ковъ и засадятъ иногда одного, а иногда двухъ или трехъ и болѣе — на голодную смерть. Бѣдняки посидятъ два-три дня, потомъ кричатъ, умоляютъ, чтобы ихъ выпустили, но никто ихъ не слушаетъ; они въ безуміи бросаются другъ на друга, и кто кого одолѣетъ, тотъ того загрызетъ».

Во времена Димитрія вполнѣ существовало главное развѣтвленіе раскола на поповщину и безпоповщину: *поповщина* — послѣдователи Аввакума; они принимали только тѣхъ священниковъ, которые или были посвящены до исправленія книгъ, или, будучи священниками, отвергались въ поповщинѣ православной Церкви; перекрещивали тѣхъ, которые къ нимъ приставали; *безпоповщина* — уже и тогда раздѣлявшаяся на разные оттѣнки (волосатовщина, андреевщина, илларіоновщина, стефановщина, козминщина, серапіоновщина и проч.). Всѣ безпоповцы соглашались въ томъ, что не считали возможнымъ какое-нибудь священство на землѣ послѣ исправленія книгъ, предоставляя мірянамъ самимъ совершать такіе обряды и богослуженія, какие по кормчей позволялись въ крайнемъ случаѣ мірскимъ лицамъ. Они отвергали бракъ и учили, что лучше жить безъ вѣнчанья, чѣмъ вѣнчаться по-еретически. Изъ нихъ-то являлись сожигатели. Замѣчательнымъ толкомъ по своей уродливости является такъ называемая *христовщина*, возникшая на Окѣ въ селѣ Павловѣ-Перевозѣ: нѣкто назвалъ себя Христомъ, подобралъ красивую дѣвицу изъ села Ландюха, назвалъ ее Богородицею, и ходилъ съ нею по селамъ и деревнямъ. Одинъ монахъ Пахомій видѣлъ его и разсказывалъ Димитрію, какъ въ селѣ Работки на Волгѣ, сорокъ верстъ ниже Нижняго Новгорода, собралось множество народа въ пустой и ветхой церкви. Мнимый Христосъ вышелъ изъ алтаря къ людямъ; на головѣ у него было обверчено что-то наподобіе вѣнца, какъ пишутъ на иконахъ, а къ вѣнцу прицѣплены клочки бумаги съ изображеніемъ херувимовъ. Люди падали предъ нимъ на землю и вопили: «Господи, помилуй насъ! Создатель нашъ, помилуй!» «Недавно, — говоритъ далѣе Димитрій, — появились какіе-то *рогожники* или *рябинщики*, шатавшіеся по міру въ рогожахъ и выдававшие себя за святыхъ...» «Наконецъ, — замѣчаетъ Димитрій, — есть такіе толки, которые не пристаютъ ни къ поповщинѣ, ни къ безпоповщинѣ, и не принимаютъ никакого крещенія, живутъ безъ вѣнчанія и чужды христіанства: какое уже тамъ христіанство, когда крещенія нѣтъ!»

Кромѣ нихъ, по словамъ Димитрія, существовали еще *субботники*, постившіеся въ субботу. Димитрій приводитъ, какъ догадку, что это возобновленіе секты жидовствующихъ, открытыхъ въ Новгородѣ при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ.

«Знайте, правовѣрные, — говоритъ Димитрій въ заключеніи «Розыска», — что всякій, ведущій дружбу съ раскольниками и дающій имъ подаяніе, есть врагъ самому Христу... Сынъ, любящій врага отца своего, не любитъ самого отца и за то недостоинъ, чтобы отецъ любилъ его. Такъ и христіанинъ если любитъ враговъ Христовыхъ, раскольниковъ и еретиковъ, то значитъ не любитъ истинно Христа и самъ Христосъ его не любитъ... Если ты Христа истинно любишь, удаляйся отъ тѣхъ, которые хулятъ церковь, лаютъ на нее, какъ псы, воютъ, какъ волки, и на части терзаютъ ее...» *Костомаровъ.*

Ѳеодосій Яновскій, какъ сторонникъ реформы Петра Великаго.

Въ 1719 году Ѳеодосій, по церковной администраціи, стоялъ выше всѣхъ архіереевъ. Довольно указать на одинъ докладъ его государю въ этомъ году, чтобы понять его могущество, а вмѣстѣ съ тѣмъ и направленіе его понятій. Это — докладъ о крестовыхъ (или домовыхъ) священникахъ и волочащихся монахахъ. Тогда еще продолжалось обыкновеніе у дворянъ, купцовъ и посадскихъ людей имѣть крестоваго попа. Эти попы были весьма часто бѣглые, а большею частью удаленные отъ мѣстъ — бродящіе. Они приставали нерѣдко къ расколу и были самыми ревностными его распространителями. О нихъ-то и поданъ былъ докладъ Ѳеодосіемъ государю. «О священникахъ крестовыхъ учинить бы предѣлъ, кому держать, кому не держать; понеже отъ оныхъ многое безчиніе и унять ихъ невозможно. И ежели кому позволится крестоваго попа держать, дабы той господинъ повиненъ былъ приходскимъ своимъ священникамъ дать такой же трактаментъ, какой оному крестовому на годъ данъ будетъ, и за всякое его безчиніе обязанъ бы былъ отвѣтствовать. А ежели никому не позволится, штрафовать бы оныхъ волочащихъ поповъ чѣмъ тяжкимъ, хотя на время и до каторжной работы, дабы прочіе страхъ имѣли и безъ отпусковъ своихъ архіереевъ не волочились. На заставахъ заказать бы накрѣпко, дабы поповъ и чернецовъ, хотя

и начальныхъ, которые не позваны будутъ и отъ своихъ архіереевъ не явятъ пропусковъ, къ С.-Петербургу не пропускать, такожде и нищихъ волочагъ, понеже и отъ тѣхъ не малое зло въ людяхъ бываетъ. Изъ сената послать бы указы ко всѣмъ архіереямъ, дабы они по своимъ епархіямъ заказали накрѣпко, чтобъ безъ ихъ вѣдома и собственной руки, всякаго духовнаго чина, какъ подначальные, такъ и начальные, въ С.-Петербургъ приходить не дерзали; а ежели не такъ, то отъ волочагъ обворониться не возможно».

Всѣ подобнаго рода рѣзкія мѣры, говоритъ Г. В. Есиповъ, были въ духѣ того времени, и Ѳеодосій былъ въ полной милости Петра во все время его царствованія.

Ѳеодосій дѣйствовалъ рѣшительно и въ духѣ Петра не только надъ попами и прочими церковными служителями, но и надъ раскольниками. Онъ предлагалъ Петру всегда мѣры рѣзкія и сильныя. Сохранилась его записка о знаменитыхъ выгорѣцкихъ раскольникахъ Андреѣ и Семенѣ Денисовыхъ: «учитель злый и главный раскольщиковъ, Андрей Денисовъ, которому въ его ученіи послѣдуютъ народа многія тысячи, а именно, въ городахъ и уѣздахъ Юрьевца Поволъскаго, многие и въ Москвѣ, который и въ своемъ богомерзкомъ ученіи весьма не исцѣленъ, а водворяется оный въ Заонежье и приходитъ на Олонецъ ради своихъ потребъ и до коменданта Вилима Геника небоязненно. Да братъ того жъ права и ученія, Семенъ Денисовъ, который былъ пойманъ у новгородскаго митрополита Іова, да ушелъ изъ-за караула, тамъ же живетъ и разсѣеваетъ свое прелестное ученіе». Резолюция на сію записку Ѳеодосія послѣдовала такая: «сіе дѣлать тогда, когда его царское величество будетъ у Геника на заводахъ...»

Ѳеодосій былъ солидаренъ въ своихъ дѣйствіяхъ противъ раскольниковъ съ нижегородскимъ епископомъ Питиримомъ, съ которымъ онъ былъ въ перепискѣ. Ѳеодосій самъ извѣстилъ Питирима о своей хиротоніи въ архіепископа новгородскаго, и Питиримъ отвѣчалъ ему, что онъ радуется всею душою, что Ѳеодосій сдѣланъ архіепископомъ новгородскимъ. Питиримъ обращается къ Ѳеодосію по дѣламъ раскольническимъ, и Ѳеодосій хлопочетъ о приведеніи въ исполненіе его ходатайствъ предъ Синодомъ и предъ государемъ чрезъ кабинетъ-секретаря Макарова. Питиримъ, очевидно, былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Ѳеодосіемъ, и сходился Питиримовъ взглядъ

на раскольниковъ со взглядомъ на послѣднихъ самого Θеодосія. А каковъ былъ взглядъ Θеодосія на раскольниковъ, мы уже видѣли изъ его записки, представленной государю о братьяхъ Денисовыхъ.

По учрежденію Святѣйшаго Синода (1721 г.), Стефанъ Яворскій хотя и былъ назначенъ президентомъ Синода, но дѣйствующими и вліятельными лицами въ немъ уже были Θеодосіи и Θеофанъ Прокоповичъ, какъ вице-президенты Синода. Θеодосіи и Θеофанъ въ Синодѣ дѣйствовали согласно въ одномъ направленіи и въ этомъ направленіи сходились съ государемъ. Съ Θеодосіемъ Θеофанъ первые годы синодальнаго правленія былъ уклончивъ, уступалъ Θеодосію повсюду первенство и во всемъ преимущество, какъ младшій архіепископъ. Стефанъ же былъ уже слабъ и хворъ и не могъ даже аккуратно посѣщать синодальныя засѣданія.

Θеодосію Яновскому Петръ I объявляетъ въ 1721 году, отъ 16-го ноября, о необходимости воспитанія дѣтей духовенства въ учреждаемыхъ школахъ при архіерейскихъ домахъ. Такимъ образомъ, по волѣ государя, при Θеодосіи Яновскомъ въ 1721 г. основано въ С.-Петербургѣ духовное училище при Александро-Невскомъ монастырѣ. Первое духовное училище (съ 1721 по 1725 г.) носило названіе: Александро-Невская Словенская школа. Вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, указомъ преосвященнаго Θеодосія, архіепископа велико-новгородскаго и архимандрита Александро-Невскаго монастыря, отъ 11 іюля 1721 г., предписано было: «учредить въ общую пользу при Александро-Невскомъ монастырѣ, для обученія юныхъ дѣтей чтенію и писанію, словенскую школу, въ которой какъ того монастыря служительскихъ дѣтей, такъ и сиротъ, не имѣющихъ родителей и своего пропитанія, и постороннихъ, кто кого отдать похочетъ, принимая отъ 5 до 13 лѣтъ, учить словенскаго чтенія и писанія, по новопечатнымъ букварямъ... И содержать ту школу изъ обыкновенныхъ того монастыря доходовъ». Въ то же время приказано было: «для содержанія при Невскомъ монастырѣ въ ученіи словено-россійской грамматики школьниковъ убрать при канцеляріи свѣтлицу совсѣмъ, какъ надлежитъ». Рапортомъ отъ 4-го ноября монастырская канцелярія доносила преосвященному Θеодосію, что вышеписанная свѣтлица убрана совсѣмъ, какъ можно школьниковъ учить.

Первые воспитанники Словенской школы были изъ всѣхъ

сословій, но большею частью служительскія дѣти изъ монастырскихъ вотчинъ, дьяческіе, подьяческіе, посадскіе и монастырскіе келейники. Церковническихъ дѣтей до 1725 года было очень не много. Для пріема и выпуска воспитанниковъ не было опредѣленныхъ сроковъ: поступали въ разныя времена и продолжали ученіе столько времени, во сколько кто успѣвалъ пройти всѣ хитрости грамоты и цыфири. Впрочемъ, главный начальникъ школы, преосвященный Ѳеодосій, наблюдалъ, чтобы безъ указу не окончившіе грамматики и не обучавшіеся ариѳметикѣ и не свидѣтельствованные имъ самимъ изъ школы не выходили и ни въ какія службы не опредѣлялись. Отцовъ обязывали не брать изъ школы дѣтей до совершеннаго обученія ихъ. Сироты получали отъ монастыря пищу и одежду; прочіе состояли на содержаніи своихъ отцовъ, которые платили за нихъ въ монастырь по три четверти ржи и по три рубля денегъ въ годъ. Въ Александро-Невской школѣ учились азбукѣ, письму, ариѳметикѣ, псалтири, грамматикѣ и толкованію евангельскихъ блаженствъ. Въ свободное время воспитанники обучались, по силѣ духовнаго регламента, игрѣ на мусикійскихъ инструментахъ и живописи, для чего приглашены были особые мастера изъ города. Сначала былъ одинъ учитель, но когда число воспитанниковъ увеличилось и одному учителю стало трудно управляться со всѣми, то преосвященный Ѳеодосій, въ августѣ 1723 года, вызвалъ изъ новгородской школы другого учителя, Андрея Тишина, который помогалъ подьяку Иродіону Тихонову, по должности наставника, обучая, кромѣ того, желающихъ и греческому языку. Канцелярія Невскаго монастыря возложила на него обязанность, сверхъ занятій по школѣ, обучать ороографіи подьячихъ Невской канцеляріи. Вмѣстѣ съ ними келейный іеромонахъ Веніаминъ обучалъ старшихъ школьниковъ ариѳметикѣ.

Чтобы не было недостатка въ учителяхъ, способныхъ для епархіальныхъ школъ, приказано было выбрать остроумнѣйшихъ изъ подьяковъ, или изъ поповскихъ дѣтей, возрастныхъ отъ 15 до 20 лѣтъ, и прислать ихъ въ домъ преосвященнаго новгородскаго Ѳеодосія, и съ каждой епархіи по три человѣка, и по обученіи ихъ въ томъ домѣ преосвященнаго Ѳеодосія выслать ихъ для обученія священно-служительскихъ дѣтей въ тѣ епархіи, изъ которыхъ они присланы будутъ, чтобы неимуществомъ тѣхъ учителей впредь никто не извинялся.

Весь курсъ ученія въ архіерейскихъ школахъ того времени ограничивался умѣньемъ читать по часослову и псалтири и знаніемъ заповѣдей, и обыкновенно распредѣлялся такъ: 1) азбука, 2) часословъ, 3) псалтирь, 4) заповѣди. Исключеніе изъ этого составляли школы: Эллино-Греческая, подвѣдомая Московской типографіи, Славяно-Латинская и Кіевская школы, гдѣ преподавались науки: грамматика, піитика, реторика, философія, богословія, и гдѣ существовало раздѣленіе учениковъ на фаристовъ, инфимистовъ, грамматиковъ, синтактовъ, піитовъ, риторовъ, философовъ и богослововъ.

Образцовая или учительская школа Ѳеодосія Яновскаго ограничивала свой кругъ образованія грамматикою, но и ту могли побѣдить не всѣ, а только нѣкоторые.

Ѳеодосій въ 1722 году предложилъ Святѣйшему Синоду, что въ С.-Петербургѣ «люди духовнаго и мірского чиновъ обучаютъ дѣтей с.-петербургскихъ жителей словесной грамотѣ, которая въ детскомъ возрастѣ требуетъ отъ учащаго весьма правильно грамматичнаго отъ фундамента къ чтенію и письму наученіемъ вкорененія. А они, учащіе, всѣ ли таковаго находятся искусства, о томъ Святѣйшему Правительствующему Синоду неизвѣстно». Вслѣдствіе этого предложенія Ѳеодосія, Святѣйшій Синодъ возложилъ на учителя Тихонова порученіе проэкзаменовать всѣхъ учителей со стороны ихъ познаній и способностей къ учительству и представить въ Святѣйшій Синодъ вѣдомость съ отмѣткою, кому можно дозволить обученіе дѣтей и кого слѣдуетъ отстранить. Такимъ образомъ неспособнымъ запрещено было принимать на себя учительское званіе. Ѳеодосій учредилъ также надзоръ за учителями въ частныхъ домахъ и школахъ.

Петръ, безъ сомнѣнія, по словамъ г. Чистовича, не все зналъ о Ѳеодосіи; а то, что видѣлъ и зналъ, не казалось ему ни дурнымъ ни предосудительнымъ для духовнаго лица. У него идея всегда шла впереди факта и заслоняла собою фактъ. Ему нравились понятія Ѳеодосія: что нужды, что онъ живетъ не какъ подвижникъ? Зато разумѣетъ дѣло и проводитъ хорошія понятія въ церковномъ направленіи. Петръ радъ былъ встрѣтить человѣка съ свѣтлою мыслію и живымъ взглядомъ на вещи, и держалъ и цѣнилъ его, несмотря на недостатки и неровности его личнаго поведенія, такъ какъ онъ цѣнилъ Меншикова и другихъ.

Екатерина смотрѣла на Ѳеодосія глазами Петра и уважала его, какъ вѣрнаго исполнителя государевой воли. Изъ писемъ къ ней Ѳеодосія видно, что онъ пользовался ея милостью и прибѣгалъ къ ея покровительству, когда замѣчалъ, что навлекъ на себя гнѣвъ государя. Но и тутъ Ѳеодосій не могъ сдержать своей заносчивости. Въ 1721 году государыня пожаловала ему на панагію алмазовъ, съ тѣмъ, чтобы украсить ими на одной сторонѣ распятіе, а на другой портретъ государя. Пожалованныхъ алмазовъ недостало на это украшеніе. Ѳеодосій обратился къ кабинетъ-секретарю Макарову и просилъ его доложить государынѣ, чтобъ она не поскупилась на прибавку алмазовъ, потому что онъ (Ѳеодосій) въ гробъ съ собою панагіи не положитъ, а по смерти его она возвратится въ кабинетъ.

Подобное требованіе Ѳеодосія не могло произвести хорошаго впечатлѣнія на Екатерину. Но за прежнею близостью, въ продолженіе многихъ лѣтъ, еще стушевывались черты грубости и заносчивости зазнавшагося монаха. Алмазы были присланы; панагія сдѣлана, и Ѳеодосій носилъ ее, какъ драгоцѣнный даръ государя, на груди на голубой лентѣ. *Морошкинъ.*

Гавріилъ Бужинскій, какъ панегиристъ реформы Петра Великаго.

Гавріилъ Бужинскій всѣ подвиги Петра Великаго представлялъ, какъ проявленіе евангельской любви къ ближнимъ. «*Больше сея любве никтоже иматъ, да кто душу свою положитъ за други своя.* Въ сей любви Петръ, истинный подражатель Христа Господа, не щадяше дражайшія души своея за отечество свое, за други по вѣрѣ христіанской, а по богодарованному скипетру за подданныя своя, не щадяше души своея въ трудахъ и подвизѣхъ, въ мразѣ и зноѣ, въ путешествіи и мореплаваніи, въ бѣдственныхъ на земли странствованіяхъ и въ многомятежнѣйшихъ и бѣдственнѣйшихъ морскихъ обуреваніяхъ; не щадяше души своея въ баталіяхъ, егда въ толикомъ былъ случаѣ, яко на дрожайшей главѣ его шляпа пулею бысть пробита; не щадяше жизни своея въ мореплаваніи, яко единою въ толикомъ былъ на Балтійскомъ морѣ обуреваніи, идѣже уже всякая надежда спасенія пресѣчена бысть; вся же сія презирпѣваль за отечество, полагаль душу свою за други своя».

Такія похвалы Петру, даже и послѣ его смерти, имѣли значеніе для русскихъ, потому что убѣждали ихъ беречь дѣло Петрово, итти по тому же пути, который пролагалъ онъ среди такихъ затрудненій и опасностей.

Дѣла Петра Великаго, естественно, распадались на два рода: воинскія и гражданскія; и тѣ и другія не имѣли недостатка въ панегирическихъ проповѣдяхъ.

Случаи къ произнесенію проповѣди въ похвалу воинскихъ дѣлъ представлялись нерѣдко; то русское оружіе украшалось новыми успѣхами, то прежніе успѣхи были до такой степени громки, что чествовались ежегоднымъ воспоминаніемъ и празднованіемъ. Такъ были ежегодные праздники въ память Полтавской побѣды (27 іюня); взятія Шлиссельбурга (11 октября); взятія шведской флотиліи у Ангута (27 іюля). Необходимою составною частью такихъ праздниковъ были торжественныя проповѣди.

Чтобы отстранить разъ навсегда возраженіе о неприличіи христіанскому проповѣднику восхвалять военные подвиги, Гавріилъ Бужинскій цѣлую проповѣдь посвящаетъ доказательству того, что правильно веденная война не есть что-либо противное христіанству. «Всѣмъ любовни суть побѣды, всѣмъ пріятны торжества, всѣмъ сладостное есть надъ врагами одолѣніе, тако вси доброхотствуютъ къ чадамъ и плодамъ брани; противнымъ же образомъ едва сицеваго обрящеши, иже бы о матери побѣды и торжества *брани* доброе произнесъ слово; вси на сію порицаютъ, воздыхаютъ, и что чудно и между самими воинствующими вездѣ ея укоризны слышатся». Перечисливъ затѣмъ древнихъ и новыхъ противниковъ войны и смертной казни — манихеевъ, анабаптистовъ, социніанъ и т. д., проповѣдникъ опровергаетъ главный ихъ доводъ противъ войны. «*Христосъ*, глаголютъ, *возбранилъ христіяномъ брани творити: понеже повелѣлъ враговъ своихъ любити*. Но не тако, кривотолки, не тако... брани властителей христіанскихъ правильныя не суть противныя любленію враговъ, но паче согласныя, симъ бо самимъ тщатся враговъ своихъ отъ насильствія отвратити, и призвати ихъ къ миру послѣдовательно и къ дружбѣ». Далѣе проповѣдникъ говоритъ, что слова Спасителя о прощеніи обидъ относятся только до приватныхъ людей и ихъ приватныхъ обидъ и вовсе не опредѣляютъ собою хода общественной жизни, что совершенно справедливо. Подоб-

нымъ же образомъ проповѣдникъ разбиваетъ и другія основанныя на текстахъ Писанія возраженія противниковъ войны, и затѣмъ показываетъ, какая война можетъ быть названа правильною и законною.

Естественно первою заботою церковныхъ ораторовъ было доказать, что шведская война, тянувшаяся 21 годъ и чрезвычайно дорого стоившая Россіи, была война праведная, славная и полезная. Первое было не особенно легко для церковнаго оратора, потому что шведская война вовсе не носила религіознаго характера, была война *не о вѣрѣ, а о мѣрѣ*, какъ выражался самъ Петръ. Тѣмъ не менѣе государь заботился оправдать шведскую войну съ политической точки зрѣнія и въ 1717 году издалъ книгу подъ заглавіемъ: *Разсужденіе, какіе законные причины Е. Ц. В. Петръ I... къ начатію войны противъ короля Карла 12 шведскаго 1700 г. имѣлъ* и проч. Значительная часть этой книги составлена самимъ государемъ. Проповѣдникамъ оставалось приводить съ церковной каѳедры доводы въ пользу законности войны, предъявленные самимъ государемъ, окрашивая ихъ легкимъ религіознымъ колоритомъ. «Праведная сія брань (говоритъ Бужинскій) и на зѣло правильныхъ причинахъ основана и начата бысть; за поруганіе чести царственней, за восхищенную неправедно и вѣроломно землю Ижерскую, за разореніе храмовъ и обителей Божіихъ, за разграбленіе многихъ провинцій и градовъ». Основаніе въ пользу правильности шведской войны проповѣдники приводили и такое, какимъ на взглядъ современнаго большинства только и можетъ оправдываться всякое смѣлое предпріятіе, именно *успѣхъ*. «Начата праведная брань (говоритъ Г. Бужинскій) и Богъ отмщеній, Господь, Богъ отмщенія, Россіи дѣло пріялъ въ свое защищеніе, пріялъ въ свое покровеніе. Явствуетъ сія не тако чистыя, но да тако реку всегдашнія побѣды, отъ руки Божія подаваемыя, всегдашнія торжества, въ Россію дѣйствуемыя».

Шведская война была, безспорно, славная для Россіи, потому что была украшена такими знаменитыми побѣдами, какова, напр., полтавская. Но успѣхи не дешево стоили Россіи; для достиженія ихъ нужно было преодолѣть громадныя трудности. Проповѣдники не только не скрывали этихъ трудностей, но даже старались съ возможною ясностью изобразить ихъ, разсуждая весьма основательно, что чѣмъ больше трудностей,

тѣмъ болѣе славы въ ихъ преодолѣніи. «Праведна бысть брань (разсуждаетъ Гавріилъ Бужинскій), но зѣло трудна, зѣло тяжка! Супостатъ бѣ силенъ отъ древле, въ воинскихъ регулахъ искусенъ, здѣже не тако: къ тому дерзокъ, европіаномъ страшенъ, богатъ, иже умножилъ богатства своя въ Польшѣ и въ Литвѣ и въ Силезіи, потомъ же въ Саксоніи, вездѣ грады и храмы святые обдирая и разграбляя, тяжкая вездѣ дани взимая. Тяжкая же и отсюду Россіи тая брань бяше, яко въ самое тое время нужда бяше раздѣляти воинство россійское ово въ Саксонію, ово на бунтовщиковъ донцовъ: къ сему же кую тяжесть содѣла треклятый Мазепа, который едва не всю Украйну съ собою отторже... Вниде въ малую Россію непріятель; едва не вси ему пріятни, едва не вси доброхотни: прельщенніи измѣнникомъ внидоша въ полки россійскіе, и трудно было, аки въ нощи темной, познати, кто другъ, кто недругъ... Таковыя премногія трудности обстояху Россію; но елико множайшія бяху, толикую множайшую и приснопребывающую помощію Божіею содѣлаша славу... Елико въ Россіи возможе врагъ, елико умножишася трудности, толико избыточествова благодать и милосердіе Божіе. День сей іюня 27 (день полтавской побѣды) вся трудности опроверже... И аще бы не сицевыя трудности обременили Россію, не сицевая бы присноцвѣтущая воспослѣдовала слава. Что? толикая ли честная была бы побѣда, аще бы въ самомъ первоначальствѣ брани побѣжденъ былъ супостатъ, аще бы не продолжалась брань оная? Никакоже. Моглъ бы всякъ думати и глаголати: *еще непріятель не собрался, нечаянно на него напали, малолюденъ былъ*. Равнымъ образомъ, аще бы союзницы, яко то король польскій, не отпали бы, то на части могла бы раздѣлиться слава: всякъ бы сію хотѣлъ себѣ присвоити. Аще бы и со аггеломъ тьмы Мазепою часть малороссійскаго не отпала воинства, великороссійское мужество и подвиги не тако явственны бы были. Аще же бы и въ часть государства россійскаго, въ малую Россію не вшелъ непріятель, но въ Польшѣ или Литвѣ сія совершилася побѣда, чуждыя бы мѣста сею прославлялися побѣдою: но сіе (т.-е. вторженіе враговъ въ Россію) сдѣлала, яко твое имя, Полтаво, всего міра концы и гласять и со удивленіемъ воспоминаютъ, и донелѣже міръ сей вѣчновати имать, историческія тя имутъ гласити книги!...»

Такъ какъ построеніе кораблей обходилось народу очень

дорого, то проповѣдники старались объяснить народу пользу флота, пріобрѣтаемаго цѣною такихъ усилій. Гавріилъ Бужинскій въ своихъ объясненіяхъ стоитъ, большею частью, на почвѣ исторіи. Онъ сравниваетъ государство, владѣющее сухопутными военными силами безъ морскихъ, съ птицею, пытающеюся летѣть на одномъ крылѣ; припоминаетъ изреченіе Космы Медициса о значеніи флота и примѣры, свидѣтельствующіе о важности морскихъ силъ, изъ исторіи Аѳинъ и Спарты, Рима и Карѳагена. «Единымъ симъ подобіемъ» (т.-е. флотомъ), заключаетъ проповѣдникъ, «далечайшія страны покоряются, воинству помощь ко пропитанію преподается, и куда чрезъ многія сухопутныя воиска достигнути не въ состояніи, то въ короткое время корабельныя силы содѣлати могутъ».

Построеніе Петербурга, того, по выраженію Петра, *парадиза* или *рая Божьяго*, также было любимымъ дѣломъ государя, также было обременительно для его подданныхъ, и также нужны были хвалебныя проповѣди для примиренія русскихъ людей съ ихъ новою столицею.

Переселенцы тяжко страдали отъ непривычнаго климата, сырости, недостатка съѣстныхъ припасовъ. Трудно было не роптать имъ: «зане ради многаго отстоянія и далекости отъ Россіи всякая скудость происходитъ; якоже и многихъ ради людей въ работахъ умирающихъ». Что же отвѣчалъ на этотъ ропотъ проповѣдникъ? Вотъ что: «Общему благу завидящіи звѣріе! воспріимите на ся образъ человѣческій, и аще имате что разума разсудите, кое начало не есть трудное, кій путь первый не есть затруднительный?... Здѣ (т.-е. при построеніи Петербурга) всякій трудъ услаждаетъ возрастающая слава, здѣ всякимъ скудостямъ наполненіе обѣщаваютъ начинающіеся уже прибытки. Речеши убо, якоже обыклъ еси: *кто оные узритъ? кто того дождати возможетъ*. Не твориши ли еще въ домѣ твоемъ? Не насаждаеши ли вертограды, не разсѣеваеши ли древеса плодоносныя, ихъ же плоды развѣ чада чадъ твоихъ имутъ употребляти? Аще ли о смерти многихъ людей болѣзнуеши, возри на грады величайшіе: сія въ нихъ кромѣ всякихъ нуждъ бываемая обрящеши: аще въ нуждахъ, аще въ благополучіи, аще въ трудахъ, аще въ праздности всякаго свой конецъ ожидаетъ. Егда кому премилосердый Богъ своими непостижимыми судьбами кую опредѣлилъ смерть, сея никтоже когда можетъ убѣгнути. Суть посредѣ многихъ на браніи, въ обуре-

ваніи морскомъ, въ страшныхъ пожарахъ спасшіися отъ смерти; обрѣтаются же многіе посредѣ пировъ и во всякомъ безопаствѣ житіе свое окаянно скончевающіе». Конечно, для проповѣдника, стоявшаго на высотѣ общихъ воззрѣній, легко было утверждать, что смерть неизбѣжна, и что умереть нѣсколькими годами раньше или позже не составляетъ большого расчета; но для петербургскихъ переселенцевъ, конечно, не было большой охоты спѣшить навстрѣчу смерти, и едва ли они успокоивались подобными разсужденіями. Болѣе значенія могли имѣть тѣ рѣчи проповѣдника, гдѣ онъ доказывалъ пользу и преимущества новой столицы. Красота мѣстоположенія, удобство для внѣшней торговли и стратегическая важность—вотъ тѣ стороны, съ которыхъ проповѣдникъ находилъ хвалить Петербургъ. «Не токмо всю Россію расположеніемъ и красотою превосходитъ мѣсто (Петербурга), — говоритъ Г. Бужинскій, — но и въ иныхъ европейскихъ странахъ не токмо равное, но ниже подобное обрѣтется можетъ». Конечно, эта чрезмѣрная похвала для туманнаго и болотистаго Петербурга, хотя изображаемая даже проповѣдникомъ многоводная Нева и образуемые ею острова, дѣйствительно, заслуживаютъ похвалы. Торговое значеніе Петербурга проповѣдникъ изображаетъ такъ: «Купечество нигдѣ лучше не процвѣтаетъ, какъ въ мѣстахъ приморскихъ. Какое видится тамъ всего изобиліе, гдѣ находятся пристани морскія, и какой напротиву того примѣчается во всѣхъ даже и нужныхъ вещахъ недостатокъ въ тѣхъ селеніяхъ, которыя отдалены отъ моря, или паче лишены пристанищъ морскихъ! Провидѣлъ сіе мудрый и великій въ христіанѣхъ Константинъ, новый Римъ при исходищахъ морскихъ воздвигнувшій и градъ оный своимъ именемъ нарекшій. Сія предзрѣвъ и россійскій обладатель... градъ сей въ превеликую Россіи создалъ помощь... безбѣдное отъ всего міра въ Россію купеческимъ кораблямъ содѣлалъ пришествіе, не токмо испанскими, французскими, аглинскими, голландскими и проч. европейскихъ странъ богатствы исполненнымъ, но и самыхъ новаго міра жителей изобильно сокровища посылщимъ». О стратегическомъ значеніи Петербурга проповѣдникъ говоритъ: «подъ островомъ Котлинымъ нѣдро (морское) единъ только глубочайшій узкій имать въ море проходъ, идѣже на самыхъ водахъ сооружена знатная крѣпость, именуемая *Кроншлотъ*, непріятельскіе корабли воспящающая и ко граду приходити не до-

пущающая, россійскому же флоту къ защищенію и стоянію благопотребная... Брань толь лютая, чрезъ многая лѣта въ Европѣ безпрестанно палящая, паче же въ Россіи съ ненавистнымъ львомъ свейскимъ горящая не иныя ради вины ничтоже вредити толь расширенному государству можетъ, токмо градъ сей единъ все величество брани на себѣ единомъ содержитъ... сей единъ столпъ крѣпости отъ лица вражія».

Нельзя не признать, что, несмотря на многія преувеличенныя похвалы Петру и его реформѣ, проповѣдникъ высказывалъ много умныхъ и справедливыхъ сужденій. Въ его рѣчахъ слышится не голосъ лести, а голосъ искренняго убѣжденія. Онъ не поддѣлывался только подъ вкусъ государя, но дѣйствительно входилъ въ духъ его преобразовательныхъ стремленій, искренно имъ сочувствовалъ и твердо вѣрилъ въ пользу ихъ для Россіи. При тогдашнихъ условіяхъ общественной жизни церковный проповѣдникъ былъ единственнымъ публицистомъ, и притомъ публицистомъ ревностнымъ и даровитымъ. Поэтому-то нерѣдко Петръ, по выслушаніи проповѣдей, приказывалъ немедленно печатать ихъ для всеобщаго свѣдѣнія.

Терновскій.

Дипломатическая дѣятельность Кантемира въ Англіи.

Въ концѣ 1731 года князь Антіохъ Кантемиръ былъ назначенъ резидентомъ въ Лондонъ для возстановленія добраго согласія между дворами русскимъ и великобританскимъ, какъ говоритъ Бантышъ-Каменскій. Въ этомъ фактѣ намъ не ясно дошедшее до насъ объясненіе причинъ дипломатической карьеры нашего сатирика. Говорятъ, что милости, оказанныя императрицею Анною юному Кантемиру, будто бы встревожили князя Димитрія Михайловича Голицына (одного изъ членовъ бывшаго верховнаго совѣта), который сталъ опасаться, чтобы Кантемиръ не затѣялъ дѣла о своемъ потерянномъ наслѣдствѣ*). Желая устранить эту непріятность, Голицынъ при

*) По завѣщанію молдавскаго господаря Димитрія Кантемира, наслѣдство отъ него должно было перейти къ тому изъ троихъ его сыновей, который окажется искуснѣйшимъ въ наукахъ, что исполнить и предоставлялось монаршей власти. Но сильнѣйшій изъ членовъ верховнаго совѣта, князь Д. М. Голицынъ, въ пат-

думалъ средство лишить князя Антіоха возможности начать опасный для его зятя искъ — удалить его почетнымъ образомъ изъ Россіи. Для этого будто бы онъ сталъ хлопотать, чтобы Кантемира отправили къ какому-нибудь европейскому двору въ качествѣ министра. Но дѣло будто бы не вдругъ устроилось. Голицыну возражали, что Кантемиръ еще слишкомъ молодъ, и что такой постъ ему не по силамъ. Однако сторону Голицына взялъ графъ Биронъ, въ то время уже начинавшій играть важную роль при дворѣ. Онъ замѣтилъ, что знаетъ князя Антіоха и отвѣчаетъ за его способности. За этимъ ручательствомъ и послѣдовало назначеніе, къ величайшему удовольствію Голицына.

Въ это время положеніе самого Голицына при дворѣ было весьма шатко: онъ едва-едва уцѣлѣлъ, ожидая себѣ участи Долгорукихъ; слѣдственно, интриговать противъ кого бы то ни было ему было крайне опасно, тѣмъ болѣе противъ человѣка, которому высказывали такъ много расположенія всѣ сильные тогдашняго двора. Всѣ знали его отношеніе къ Антіоху Кантемиру: какимъ же образомъ онъ могъ хлопотать за обиженнаго имъ князя безъ его вѣдома? а если бы Кантемиру самому захотѣлось получить это мѣсто, то вѣрно бы онъ обратился съ просьбою не къ нему, а къ тѣмъ, кто былъ и посильнѣе его и по своимъ чувствамъ ближе къ молодому писателю. Зная ненависть Бирона къ Голицыну, мы не можемъ себѣ объяснить, какимъ образомъ тотъ могъ взять сторону этого послѣдняго и способствовать его планамъ. Намъ кажется, онъ долженъ былъ скорѣе помѣшать дѣлу для того только, чтобы досадить Голицыну. Съ другой стороны, во главѣ иностранной коллегіи стояли князь Черкасскій и графъ Остерманъ, политическіе враги Голицына: отъ нихъ, главнымъ образомъ, зависѣли дипломатическія назначенія. Могъ ли Голицынъ тутъ что-нибудь сдѣлать со своими хлопотами и просьбами? Вѣроятнѣе всего, что покровители Кантемира сами задумали ему устроить хорошую карьеру и съ его согласія выбрали ему видный постъ, такъ какъ назначеніе на посольскія мѣста было въ ихъ рукахъ. Очень можетъ быть, что при этомъ былъ вопросъ о молодости

ствованіе малолѣтняго Петра II, съумѣлъ устроить все дѣло такъ, что наслѣдство перешло въ руки его зятя, князя Константина Кантемира, женатаго на его дочери, а не въ руки искуснѣйшаго въ наукахъ, которымъ, по справедливости, былъ нашъ сатирикъ.

кандидата-не годился, потому что ему въ самомъ дѣлѣ было только двадцать два года; очень не мудрено, что Биронъ, покровительствуя юному князю, ручался за его зрѣлость и сказалъ тѣ слова, которыя ему приписываютъ; но подозрѣвать князя Голицына въ этомъ дѣлѣ едва ли возможно.

Аббатъ Венути, въ біографіи Кантемира, пишетъ по этому случаю слѣдующее: «Князь Кантемиръ съ радостью принялъ свое назначение, понимая, какую пользу можетъ ему принести путешествие въ чужие страны, гдѣ онъ надѣялся обогатиться новыми познаніями; въ разговорѣ объ этомъ онъ признавался мнѣ, что убѣдился собственнымъ опытомъ, при какихъ условіяхъ можно извлечь изъ путешествія какую-либо пользу; непремѣнно нужно чрезъ хорошее воспитание и образованіе прежде познакомиться съ науками и принять извѣстные принципы, иначе путешествіе скорѣе принесетъ вредъ какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, — вотъ отчего столько молодыхъ людей, путешествовавшихъ за границею, привозили въ свое отечество одни пороки, которыхъ довольно въ другихъ странахъ».

Что нашъ сатирикъ былъ съ большими научными познаніями и успѣлъ уже выработать себѣ опредѣленные взгляды и твердыя убѣжденія, это доказываютъ его литературные труды, — и очень понятно, что путешествіе и заграничная жизнь привлекали его не тѣмъ, на что бросались другіе русскіе, оставившіе за собою свое отечество: онъ дѣйствительно думалъ удовлетворить своей благородной страсти къ наукамъ.

1 января 1732 года Кантемиръ выѣхалъ изъ Москвы по дорогѣ къ прусской границѣ, прожилъ нѣсколько дней въ Берлинѣ у русскаго посла, графа Ягужинскаго, который сдѣлалъ ему весьма радушный пріемъ, и затѣмъ отправился въ Гагу; тамъ ему нужно было условиться въ дѣйствіяхъ съ опытнымъ русскимъ посломъ, графомъ Головкинымъ, который своими совѣтами могъ ему быть очень полезенъ. Аббатъ Венути, говоря о переѣздѣ Кантемира изъ Россіи въ Англію, замѣчаетъ, что дорогою онъ не пропускалъ ничего, что сколько-нибудь могло привлечь глазъ наблюдателя. Въ Голландіи прежде всего онъ позаботился сдѣлать хорошій выборъ книгъ и въ то же время поручить книгопродавцу Гойэ напечатать книгу его отца: «Историческое и географическое описание Молдавии». Другия подробности объ его путешествіи намъ неизвѣстны.

Чтобы живѣе представить ту сферу, гдѣ пришлось тогда дѣйствовать еще неопытному юношѣ-посланнику, намъ нужно сдѣлать небольшое отступленіе. Всего любопытнѣе при этомъ вопросъ: какой долженъ былъ образоваться взглядъ у государственныхъ людей Англіи того времени на государство, которое употребляло всѣ силы, чтобы стать на ряду съ могущественными европейскими землями, и которое ничего не щадило, лишь бы только убѣдить ихъ въ своей способности къ европейской цивилизаціи?

Англійскій резидентъ при русскомъ дворѣ той эпохи, Рондо, нѣсколько лѣтъ сряду сообщалъ въ своихъ депешахъ въ Лондонъ извѣстія о всѣхъ политическихъ событіяхъ и придворныхъ переворотахъ, бывшихъ въ его время въ Россіи. Онъ подробно описываетъ и личности, игравшія какую-либо роль при русскомъ дворѣ. По этимъ донесеніямъ и описаніямъ, русское государство, въ глазахъ англійскихъ министровъ, могло представляться лишь неустроеннымъ, невѣжественнымъ, полуазіатскимъ царствомъ; русское правительство — собраніемъ нѣмецкихъ выходцевъ, изъ которыхъ каждый заботился болѣе всего о своихъ личныхъ выгодахъ, а не объ интересахъ государственныхъ и народныхъ; русское дворянство — нисколько неразвитое политически и издавна привыкшее къ рабству; русскій народъ — безсловесною массой, которая существуетъ только для потребностей казны и обогащенія нѣсколькихъ личностей. Какъ политическое тѣло, Россія, по этимъ донесеніямъ, должна была казаться Англіи ничтожнымъ и непрочнымъ, жертвою интригъ разныхъ честолюбцевъ: сегодня управляютъ ею одни, завтра берутъ верхъ другіе и ссылаютъ въ Сибирь первыхъ; все это не предвѣщало и въ будущемъ важнаго европейскаго значенія, которое могло бы привлекать вниманіе государственныхъ людей. Изъ всѣхъ русскихъ дѣятелей англійское министерство могло имѣть въ виду только одного, какъ болѣе талантливаго, въ сношеніяхъ съ которымъ нужна была нѣкоторая осторожность. Это былъ Остерманъ.

Донесенія Рондо могли внушать мысль, что не далека новая придворная революція, въ которой, можетъ-быть, придется поплатиться очень дорого иностранцамъ, торжествующимъ при русскомъ дворѣ.

Извѣстія изъ другихъ источниковъ также могли наводить мысль о скорой гибели иностранцевъ въ Россіи.

Принимая все это въ соображеніе, Англія уже не имѣла причинъ такъ опасаться Россіи, какъ опасалась было еще недавно, когда Петръ I сталъ впервые заявлять въ Европѣ рускую силу. Англія всегда была не прочь извлекать изъ невѣжественнаго московскаго государства коммерческія выгоды, но въ то же время всегда старалась вредить ей въ политическомъ ростѣ. Послѣ 1720 года, когда англійскій флотъ стоялъ въ Финскомъ заливѣ, безуспѣшно угрожая рускому царю, между Россіей и Англіей не было дружескаго сближенія до 1726 года, когда была составлена декларація о дозволеніи великобританскимъ купцамъ производить въ Россіи свободную торговлю. Выгода Англіи заключалась не въ привозѣ англійскихъ, а въ вывозѣ рускихъ товаровъ, которые ей были необходимы какъ для собственнаго флота, такъ и для обширной торговли съ Индіей и съ Италіей. Изъ привоза своихъ товаровъ она пока еще не извлекала большихъ выгодъ, такъ какъ этихъ товаровъ требовалось не слишкомъ много. Это очень не нравилось англичанамъ: имъ казалось, что они обогащаютъ Россію, покупая у нея товары, вмѣсто того, чтобы исключительно обогащаться самимъ на счетъ рускихъ. Они говорили, что только по необходимости, а не изъ выгоды должны поддерживать коммерческія сношенія съ Россіей.

При такомъ отношеніи Англіи къ государству, стремившемуся поставить себя на ряду съ другими европейскими державами, рускій резидентъ при лондонскомъ дворѣ не могъ имѣть большого значенія. Здѣсь все зависѣло болѣе отъ личности того, кто будетъ исполнять эту должность. Выгода Россіи отчасти заключалась въ личной дружбѣ ея резидента съ англійскими министрами, чтобы черезъ нее поддерживать согласіе между правительствами: другихъ особенныхъ политическихъ дѣлъ пока еще не представлялось между обоими государствами. Рускому резиденту нужно было только удерживать англійское правительство отъ союза съ явными врагами Россіи, а это возможно было при благопріятныхъ личныхъ отношеніяхъ между нимъ и англійскими министрами. Ему нужно было утвердить въ нихъ вѣру въ прочность рускаго правительства, безъ чего невозможно было добиться признанія императорскаго титула за Россіей со стороны Англіи; а этого-то именно очень настойчиво добивался тогда рускій дворъ у всѣхъ европейскихъ дворовъ.

Что касается русскихъ личностей, съ которыми до сихъ поръ приходилось англійскому правительству имѣть непосредственное сношеніе, то первое мѣсто между ними занимаетъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ, впослѣдствіи графъ и канцлеръ, игравшій весьма важную роль въ правительственной средѣ императрицы Елизаветы. Двадцатилѣтнимъ юношею онъ обратилъ на себя вниманіе ганноверскаго курфирста въ то время, когда былъ за границею, состоя при посольствѣ на Утрехтскомъ конгрессѣ. Замѣтивъ въ немъ большія дипломатическія способности, курфирстъ предложилъ ему службу при ганноверскомъ дворѣ. Такое предложеніе было лестно какъ юношѣ, такъ и Петру Великому, который много старался, чтобы подданные его выказывали себя съ лучшей стороны передъ Европою.

Съ его согласія Бестужевъ-Рюминъ въ 1713 году вступилъ въ ганноверскую службу, получивъ чинъ старшаго подполковника и тысячу талеровъ ежегоднаго жалованья. Провозглашенный чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ англійскимъ королемъ, подъ именемъ Георга I, курфирстъ взялъ его съ собою въ Лондонъ въ качествѣ своего камеръ-юнкера, и вслѣдъ за тѣмъ отправилъ его въ Петербургъ уполномоченнымъ посломъ извѣстить русскаго царя о своемъ вступленіи на англійскій престолъ. Петръ Великій былъ очень доволенъ такимъ посольствомъ и писалъ королю: «Вашему величеству я дружелюбно братски благодарствую, что вы особливымъ отправленіемъ помянутаго вашего камеръ-юнкера о томъ (о восшествіи на престолъ) объявить изволили». Въ знакъ своего особеннаго расположенія царь подарилъ юному послу свой миніатюрный портретъ, украшенный брильянтами, и послѣ аудіенціи отправилъ его обратно въ Лондонъ съ поздравительною грамотою къ королю. Около трехъ лѣтъ прослужилъ Бестужевъ-Рюминъ при лондонскомъ дворѣ, и, заявивъ себя, какъ русскій, съ самой лучшей стороны, возвратился снова на службу къ Петру, который и не замедлилъ употребить въ дѣло его способности. Молодому дипломату скоро представился случай доказать той же Англіи, что онъ не напрасно провелъ время между ея умными министрами и искусными дипломатами. Въ 1720 году Англія, боясь возрастающаго могущества Россіи въ борьбѣ со Швеціей и не довѣряя Петру, отстала отъ союза съ нимъ и начала ссорить съ нимъ другихъ его союзниковъ, распространяя разныя подозрѣнія на русскаго царя.

Чтобы уладить все это дѣло, царь послалъ сперва въ Копенгагенъ, потомъ въ Лондонъ Бестужева-Рюмина, который лучше чѣмъ кто-либо изъ русскихъ дипломатовъ зналъ Англію и потому смѣлѣе и успѣшнѣе могъ дѣйствовать противъ замысловъ англійскаго короля и его министровъ. Въ Копенгагенѣ онъ передъ всѣми раскрывалъ тайныя стремленія Англіи, которая добивалась владычества, опаснаго для Европы; доказывалъ, что Англія, подъ видомъ защиты правъ ганноверскаго курфирста, хлопочетъ о своихъ собственныхъ выгодахъ, простирая свои виды на другія нѣмецкія земли. Копенгагенскій дворъ убѣдился представленіями русскаго посла и, къ неудовольствію Англіи, снова вступилъ въ союзъ съ Петромъ.

Явившись въ Лондонъ, Бестужевъ-Рюминъ сталъ открыто опровергать всѣ козни англійскихъ дипломатовъ, несмотря на свои недавнія близкія отношенія къ королю и его министрамъ. Съ другой стороны, онъ доказывалъ честность поступковъ русскаго царя и поставилъ лондонскій кабинетъ въ такое положеніе, что тотъ ничего не могъ возразить ему. Бестужева-Рюмина только обвинили, будто онъ оскорбилъ англійскихъ министровъ и ихъ государя, за что предписали ему оставить Лондонъ въ теченіе восьми дней. Русскій посланникъ съ своей стороны, представилъ, что дѣйствія англійскихъ министровъ оскорбительны для русскаго кабинета, поступавшаго прямодушно, поспѣшилъ оставить Лондонъ раньше назначеннаго срока.

Все это было памятно въ Лондонѣ, когда Кантемиръ явился туда русскимъ резидентомъ. Если англійскіе министры не могли сомнѣваться въ дипломатическихъ способностяхъ русскихъ сановниковъ, то и не могли, изъ прежнихъ же опытовъ, не заключать объ ихъ настойчивости и рѣзкости, какія выказалъ Бестужевъ-Рюминъ.

Въ это время во главѣ англійскаго правительства стояли братья Вальполи — Робертъ и Горацій. Первый отличался довольно скуднымъ научнымъ образованіемъ, но зато лучше всѣхъ былъ знакомъ съ собственною націею, съ дворомъ, съ палатою общинъ и съ казначействомъ. Объ иностранныхъ дѣлахъ онъ зналъ мало, но зато былъ превосходный парламентскій боецъ и дѣловой человѣкъ. На его памяти не лежитъ ни одного пятна измѣны или жестокости, что для того времени было рѣдкимъ почетнымъ отличіемъ въ сферѣ государственной дѣя-

тельности, тѣмъ болѣе, что борьба партій въ Англіи долго велась съ свирѣпостью, недостойною образованнаго народа. Робертъ Вальполь далъ правительству тотъ характеръ кротости, который оно съ тѣхъ поръ стало сохранять. Его нельзя было подкупить деньгами, но, съ другой стороны, самъ онъ управлялъ парламентомъ подкупами въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ; за это, впрочемъ, строго нельзя судить его: онъ не могъ стоять выше своего вѣка, когда и невозможно было управлять иначе. Властолюбіе было господствующею его страстью: съ нею онъ соединялъ свое любимое правило: «не нарушай покоя». Но онъ заботился о мирѣ собственнаго управленія, а не о мирѣ страны. Хотя онъ отлично понималъ интересы Англіи, но преслѣдовалъ ихъ только тогда, когда они согласовались съ интересами его собственнаго властолюбія. Онъ ревностно отстаивалъ свою власть и хотѣлъ имѣть или все, или ничего. Щедрый во всемъ другомъ, онъ былъ скупъ только на власть. Онъ не хотѣлъ уступить ни одной частички власти, чтобы получить защитниковъ для всего остальнаго. И онъ бодро боролся съ возрастающимъ строемъ своихъ враговъ, находя гораздо лучшимъ, чтобы они нападали на его власть, нежели раздѣляли ее.

Братъ его, Горацій, былъ самымъ эксцентричнымъ, самымъ брюзгливымъ и самымъ капризнымъ изъ людей. Его черты были покрыты маскою подъ маскою, и никогда нельзя было сказать, что вы видите передъ собою настоящаго человѣка. Онъ игралъ безчисленныя роли и всегда преувеличивалъ ихъ. Складъ его ума былъ таковъ, что все мелочное ему казалось великимъ, а все великое — мелочнымъ. Дѣла, которыя онъ называлъ политическими и въ которыхъ принималъ самое живое участіе, едва ли заслуживаютъ названія политическихъ: ворчанье Георга II, кокетничанье принцессы Эмиліи, несогласія между наставниками принца Георга — вотъ предметы, которые занимали его вниманіе. Борьбу партій, по его собственнымъ словамъ, онъ любилъ какъ развлеченіе. Любя ссору, онъ любилъ и покой, и постоянно подстерегалъ удобные случаи, чтобы разомъ удовлетворить своему двоякому вкусу. Онъ успѣвалъ иногда, не показываясь лично, разсматривать ходъ министерскихъ переговоровъ и распространять смятеніе въ политическихъ кругахъ. О политикѣ же, въ высокомъ значеніи слова, онъ ничего не зналъ и нисколько не заботился. Даже любовь его къ францу-

скому языку была совершенно особаго рода. Онъ любилъ этотъ языкъ, какъ языкъ насмѣшки, анекдота, корреспонденціи. Высшимъ значеніемъ его онъ совершенно пренебрегалъ, и напряженно изучалъ сплетни стараго французскаго двора.

Братья Вальполи тѣсно были связаны съ государственнымъ секретаремъ, герцогомъ Нью-Кэстлемъ. Въ немъ было такъ сильно развито честолюбіе, что замѣняло ему таланты и даже глупость перерождало въ хитрость. Онъ можетъ служить рѣзкимъ примѣромъ того, что можетъ быть сдѣлано человѣкомъ, который все свое сердце и душу безъ остатка посвящаетъ одной цѣли, хотя бы онъ не отличался ни умомъ, ни образованіемъ, никакими талантами. О невѣжествѣ Нью-Кэстля осталось много анекдотовъ. И несмотря на все это, онъ былъ почти тридцать лѣтъ государственнымъ секретаремъ, и почти десять лѣтъ — первымъ лордомъ казначейства. Огромное состояніе, сильныя наслѣдственныя связи и большое парламентское вліяніе только отчасти могутъ объяснить этотъ фактъ. Всѣ способные люди его времени смѣялись надъ нимъ, какъ надъ неучемъ, какъ надъ простякомъ, какъ надъ ребенкомъ, который никогда не зналъ чего хочетъ, а онъ перехитрялъ всѣхъ ихъ, подъ личиною легкомыслія у него была бездна вѣроломства и зависти: онъ завидовалъ всѣмъ сотоварищамъ, даже своему брату. И этому человѣку и его капризамъ должны были подчиняться такіе люди, какъ Робертъ Вальполь, потому-что безъ него не могли бы удержать своей власти.

Что касается самого короля Георга II, то онъ былъ человѣкъ довольно ограниченный и довольно капризный.

Вотъ, въ какой сферѣ очутился Кантемиръ, и вотъ съ какими людьми ему нужно было поладить. Намъ неизвѣстно, какими словами описывалъ Кантемира въ своихъ депешахъ англійскій резидентъ Рондо при назначеніи юнаго князя въ Лондонъ, но едва ли онъ могъ сказать что-нибудь опредѣленное объ его характерѣ, хотя и долженъ былъ повторить общую молву объ его талантахъ и образованіи. Намъ только неизвѣстна инструкція, данная Кантемиру при его отправленіи, но, соображая дальнѣйшія обстоятельства, мы можемъ сказать, что ему не было поручено никакого важнаго дѣла, для чего выбрали бы не столь юнаго и болѣе испытаннаго дипломата. Главное его назначеніе, какъ мы уже замѣтили, было — поддерживать согласіе между двумя дворами, что много зависѣло отъ осторож-

наго его поведенія и искуснаго обращенія съ министрами. Здѣсь для него была первая дипломатическая школа, гдѣ онъ долженъ былъ сдѣлаться дипломатомъ и въ то же время сохранить прямоту характера и честность въ поступкахъ, а эти качества въ то время не считались достоинствами дипломатовъ. Кантемиръ же не могъ отступить отъ нихъ, такъ какъ онъ уже выработалъ себѣ разумныя убѣжденія и нравственныя основанія жизни, которыя и были имъ заявлены въ его литературныхъ опытахъ.

Вотъ тотъ очеркъ характера государственныхъ людей Англіи, равно какъ и всего правительства, сдѣланный Кантемиромъ, который писалъ донесенія русскому двору послѣ шестилѣтняго знакомства съ страною, оставляя въ 1738 году Лондонъ и переселяясь въ Парижъ.

«Его королевское величество, какъ я многажды вашему императорскому величеству имѣлъ честь доносить, государь весьма честнаго характера и въ словѣ своемъ примѣтнаго постоянства, если бы нужда здѣшнихъ законовъ и часто совѣты министровъ къ противному его величество не понуждали. Вспыльчивый его величества правъ причину подалъ къ несогласію съ сыномъ, который, съ своей стороны, можетъ-быть, болѣе, нежели прилично, съ противниками его величества сообщается, и пока его высочества поступокъ въ семъ не отмѣнится, мало согласія съ отцомъ въ семъ ожидать можно. Господа Вальполи безсумнительно всю силу здѣшняго правленія въ своихъ рукахъ имѣютъ. Большой братъ Робертъ, человѣкъ весьма добрый и остраго ума, и по своему ауторитету въ парламентѣ видно, что къ внутреннимъ дѣламъ много искусства имѣетъ, и, зная совершенно склонность своей націи, куда хочетъ ихъ влечетъ, наипаче употребляя къ тому *золотую* узду. Въ дѣлахъ чужестранныхъ, какъ всѣ генерально здѣсь признаютъ, немного знания имѣетъ, и потому особливо брата своего почитаетъ, чая, что многія посольства, въ которыхъ онъ обрѣтался, дали ему способъ въ томъ искуситься. Я не могу сказать, праведно ли то его мнѣніе или нѣтъ, понеже за многословіемъ, которое господинъ Горасъ (Вальполь) въ своихъ разговорахъ употребляетъ, основательное разсужденіе почти оными подавлено, и удача въ его негоціаціяхъ мало въ его пользу показываетъ, хотя, впрочемъ, и онъ не лишается остроты ума и пріятнаго обхожденія. Оба брата, опасаяся отъ войны приум

ноженія непріятелей своихъ или раздѣленія власти своей во многія руки, тишину любитъ, и потому многіе аванталіи потерять лучше склонятся, чѣмъ навесть себѣ оное опаство; потому при правленіи ихъ трудно ожидать отсюду какого смѣлаго дѣйства. Дюкъ Ньюкэстль, статскій секретарь полуденныхъ дѣлъ, имѣетъ великую понятность и память, но весьма мало атенціи къ чужестраннымъ дѣламъ даетъ. Будучи непрестанно въ своей деревнѣ и упражняяся пріумножать себѣ въ провинціяхъ друзей, которыми и мѣсто свое сохраняетъ. Великія его вотчины, число друзей и родни даютъ ему нѣсколько голосовъ въ парламентѣ, что понуждаетъ господъ Вальполевъ не учинить себѣ его пріятелемъ, а инако давно бы свой чинъ потерялъ. Милорда Гаринтона, статскаго секретаря сѣверныхъ дѣлъ, можно взять образцомъ честнаго и добраго человѣка, который снабденъ природными основательными разсужденіями и многимъ искусствомъ. Обѣ здѣшнія противныя стороны равно его любятъ и почитаютъ; нѣтъ такого, чтобъ былъ имъ недоволенъ: нраву весьма тихаго, малорѣчивъ, не лукавъ, и столько недругъ всякихъ замѣшательствъ и высокомыслія, что хотя его королевское величество къ нему гораздо милостивъ, кавалеръ Вальполь ему не ревнуетъ, и, подлинно, способнѣйшаго онъ, Вальполь, себѣ пріискать не могъ бы. Понеже милордъ, кромѣ своей должности, ни въ какія дѣла не вступаетъ, зачѣмъ я надѣюсь, что онъ мѣсто свое сохранитъ, со всѣмъ тѣмъ, что Горасъ Вальполь горячо желалъ бы оное себѣ присвоить. О членахъ тайнаго совѣта не упоминаю, понеже ни силы никакой не имѣютъ, ни господину Вальполю противиться отважны. Ничего также примѣчать можно прочихъ придворныхъ, которые ни въ какія дѣла не вступаются, развѣ когда господинъ Вальполь кому что позволитъ и его величество ни которому изъ нихъ отмѣнную милость не являетъ».

Всѣ эти отзывы, какъ мы сказали — плодъ шестилѣтнихъ наблюденій Кантемира. Здѣсь особенное вниманіе обращаетъ на себя отношеніе его къ Горасу Вальполю: «за многословіемъ, которое онъ въ своихъ разговорахъ употребляетъ, основательное разсужденіе почти оными подавлено»; онъ, видимо, не одобряетъ въ немъ такого качества, хотя въ то время оно считалось однимъ изъ важныхъ и необходимыхъ въ личности истиннаго дипломата. Эта преднамѣренная запутанность и

часто лживость въ рѣчахъ были въ высшей степени развиты и у Остермана, котораго всѣ иностранцы того времени называютъ умнѣйшимъ и искуснѣйшимъ дипломатомъ. Манштейнъ говоритъ о немъ: «онъ такъ странно изъяснялся, что очень немногіе могли похвалиться, что понимаютъ его. Часто иностранные министры въ теченіе двухъ часовъ проговорятъ съ нимъ, и по выходѣ изъ его кабинета знаютъ не больше того, сколько знали, входя туда. Что онъ ни писалъ, что ни говорилъ, могло пониматься двояко. Тонкій и притворный, онъ умѣлъ владѣть своими страстями и въ случаѣ нужды даже разнѣжиться до слезъ. Онъ никогда не смотрѣлъ никому въ глаза и изъ страха, чтобъ его глаза не измѣнили ему, онъ умѣлъ держать ихъ неподвижно».

Вѣроятно, съ улыбкой Остерманъ читалъ депешу Кантемира, въ которой дипломатъ описывалъ Гораса Вальполя. Въ немъ онъ не могъ не видѣть своего собственнаго отраженія. Особенное сочувствіе Кантемиръ высказываетъ къ Гаринтгону: съ нимъ онъ чаще чѣмъ съ кѣмъ-нибудь имѣлъ сношенія какъ съ статсъ-секретаремъ, въ вѣдѣніи котораго находились иностранныя дѣла сѣверныхъ государствъ. Открытый умъ, честность, прямота, трудолюбіе безъ лишнихъ словъ, тихость нрава — вотъ качества, которыя особенно уважалъ Кантемиръ въ человѣкѣ, и которыя старался развивать въ себѣ. Поэтому очень естественно, что онъ сразу сошелся съ лордомъ Гаринтгономъ, который также не могъ не оцѣнить нравственныхъ достоинствъ молодого русскаго резидента.

30 марта 1732 года Кантемиръ прибылъ въ Лондонъ и на другой же день послалъ депешу въ Петербургъ съ извѣстіемъ о своемъ благополучномъ прибытіи, сообщая при этомъ, что на будущей недѣлѣ намѣренъ требовать аудіенцій у короля, «а между тѣмъ буду стараться о пріуготовленіи моего экипажа и наипаче, чтобъ прилежно извѣститься о здѣшнихъ обычаяхъ при дворѣ».

Съ этихъ поръ Кантемиръ начинаетъ описывать въ своихъ депешахъ все, что находитъ достойнымъ вниманія русскаго двора, касаясь, преимущественно, политическихъ слуховъ, своихъ отношеній къ разнымъ министрамъ, и давая отчеты въ исполненіи тѣхъ порученій, какія ему присылались изъ Петербурга. Извѣстія, болѣе важныя и секретныя, передавались шифрованнымъ письмомъ. Но и оно, какъ видно, не всегда

могло сохранить тайну. Распечатывать и читать чужія письма въ дипломатіи не считалось постыднымъ дѣломъ. На второй годъ своего пребыванія въ Лондонѣ, Кантемиръ узнаетъ, что англійское министерство имѣетъ обыкновеніе «всѣхъ чужестранныхъ министровъ письма распечатывать» и для этого содержитъ искусныхъ людей, чтобы разбирать «цыфири на всякомъ языкѣ». Вслѣдствіе этого, въ депешѣ отъ 1 мая 1733 года, онъ пишетъ: «прошу прислать мнѣ новый цыфирный ключъ, въ которомъ бы одной литеры разныя были фигуры и много пустыхъ». Иногда онъ получалъ выговоры отъ петербургскаго кабинета за отступленіе отъ нѣкоторыхъ формъ, какъ, напр., выговоръ за то, что на конвертѣ депешъ не написалъ *въ собственныя руки*, «чѣмъ пренебрегъ высочайшіи указъ» (19 іюня 1733 г.).

На первыхъ же порахъ по своемъ пріѣздѣ въ Лондонъ, Кантемиръ увидѣлъ, что назначеннаго ему жалованья будетъ слишкомъ недостаточно для приличнаго содержанія. «Изъ 3000 руб. жалованья, писалъ онъ, отъ 6-го іюня, по векселю имѣлось утраты 500 руб.; за карету плачу слишкомъ 600 руб., большое жалованіе людямъ, чрезмѣрная дороговизна пищи; на всякій королевскій и королевы праздникъ долженъ вновь дѣлать платье, понеже таковъ здѣсь обычаи: въ старомъ платьѣ въ тѣ дни ко двору показаться не можно; на письма приходится около 500 руб.; данныя деньги на экипажъ половину издержалъ на худую дорогу, изъ другой сдѣлалъ себѣ платье и прочія малыя въ домѣ нужды».

Въ поясненіе къ этому прибавимъ, что на пересылку депешъ и писемъ было ассигновано Кантемиру 300 руб. въ годъ, а на проѣздъ изъ Москвы въ Лондонъ и на покупку экипажа 2000 руб. Эта сумма оказалась слишкомъ недостаточною, что привело русскаго резидента въ затруднительное положеніе. Уже въ первой депешѣ онъ просилъ прислать ему денегъ, если петербургскій кабинетъ найдетъ нужнымъ, чтобы онъ сопутствовалъ королю вмѣстѣ съ другими министрами въ Ганноверъ, куда король намѣревался отправиться. Но приказъ, чтобы онъ оставался въ Лондонѣ, не успокоилъ его, такъ какъ ему приходилось прибѣгать къ займу для удовлетворенія текущихъ расходовъ. Представляя счетъ расходамъ, онъ просилъ императрицу удвоить ему жалованье хоть на первый годъ, высказывая боязнь впасть въ долги, и затѣмъ рѣдкій мѣсяцъ проходилъ безъ того, чтобы въ своихъ депешахъ онъ не присоеди-

нялъ особаго прошенія о прибавкѣ жалованья, умоляя обратить вниманіе на его стѣснительное положеніе; но никогда не получаль отвѣта на свои прошенія. «Посланникъ долженъ давать обѣды, — пишетъ онъ. отъ 29 декабря того же года. — такъ какъ самъ бываетъ у другихъ, а у меня даже нѣтъ серебряной посуды, тогда какъ безъ нея знатнымъ людямъ обойтися нельзя. Я не въ состояніи никакое здѣсь обходительство завести, признавая быть весьма неприлично, когда всѣ прочіе чужестранные министры и малѣйшихъ государствъ серебряные сервизы имѣютъ, чтобъ я, имѣя счастье служить столь великой государынѣ, употреблялъ олово на столѣ своемъ». Чтобы не уронить чести императорскаго имени, онъ просилъ прислать ему 700 ф. стерл. на посуду для 12 персонъ, и въ то же время, желая удалить отъ себя подозрѣніе въ корысти, обѣщаетъ, по возвращеніи въ отечество, возвратить въ казну купленное серебро.

Не получая прямыхъ отвѣтовъ изъ иностранной коллегіи, Кантемиръ обращался въ частныхъ письмахъ къ разнымъ вліятельнымъ личностямъ въ Петербургѣ, чтобы чрезъ нихъ получить удовлетвореніе своимъ офиціальнымъ просьбамъ, и, между прочимъ, къ графу Михаилу Головкину, отецъ котораго былъ государственнымъ канцлеромъ. Молодой Головкинъ, дѣлая Кантемиру мелочныя порученія — выслать изъ Лондона разныя необходимыя ему вещицы, прибавляетъ, что «просилъ батюшку о прибавкѣ ему жалованья и тотъ обѣщалъ въ томъ помочь»; но помощи никакой ниоткуда не являлось.

Такимъ образомъ Кантемиръ не могъ выйти изъ матеріальнаго стѣсненія и устроить свое хозяйство. Конечно, ему много помогали доходы съ собственнаго его имѣнія, хотя и не очень большіе; но безъ нихъ ему рѣшительно было бы невозможно исполнять свою посольскую должность.

Помня совѣтъ русскаго посла въ Голландіи, графа Ивана Головкина, при личномъ ихъ свиданіи въ Гагѣ, сойтись съ цезарскимъ посломъ въ Англіи, графомъ Кинскимъ, Кантемиръ поспѣшилъ, на другой же день по своемъ прибытіи въ Лондонъ, сдѣлать ему визитъ «партикулярно», имѣя къ нему письмо отъ его брата. Графъ Кинскій на слѣдующій же день отдалъ ему визитъ и затѣмъ постоянно былъ съ нимъ въ дружеской связи, чего требовали и политическіе виды обѣихъ имперій. Но не такъ скоро произошло сближеніе Кантемира съ другими

иностранными послами. Они требовали отъ него перваго визита, онъ же находилъ это предосудительнымъ для русскаго имени и выжидалъ ихъ визитовъ; однимъ словомъ, и здѣсь повторилось то же самое, что случалось и прежде съ русскими послами. Пустой вопросъ о визитахъ всегда былъ первымъ вопросомъ, какъ какое-нибудь важное политическое дѣло, и возбуждалъ многіе споры.

Первые переговоры русскаго резидента съ англійскимъ министерствомъ касались императорскаго титула, котораго Англія не признавала за русскими государями, и назначенія знатной особы со стороны Англіи посломъ въ Петербургъ. Вопросъ о «титулатурѣ» безпрестанно отклонялся англійскими министрами, несмотря на то, что Кантемиръ часто возобновлялъ его, побуждаемый къ тому русскимъ дворомъ. Что же касается назначенія посла, то, послѣ долгихъ переговоровъ и обѣщаній, которыми наполнялись депеши Кантемира, наконецъ, онъ могъ объявить, 13 октября 1732 года, что назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ къ русскому двору милордъ Форбесъ (Forbes), капитанъ морского флота, но съ условіемъ, чтобы и въ Лондонъ со стороны Россіи былъ назначенъ также чрезвычайный посолъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ того (10 ноября), Кантемиръ, описывая свое отношеніе къ лондонскому двору, замѣчаетъ: «съ самаго моего пріѣзду до сегодни какъ отъ короля, такъ и отъ всей королевской фамиліи получаю всегда благосклонный пріемъ». Тогда послѣдовалъ къ нему вопросъ изъ Петербурга: будетъ ли пріятно лондонскому двору назначеніе Антіоха чрезвычайнымъ посланникомъ? На это Кантемиръ поспѣшилъ отвѣтить слѣдующее: «Гаринтонъ и Горасъ Вальполь сказывали, что король писалъ къ Рондау, своему министру (въ Петербургѣ), чтобы представить императрицѣ, что онъ отправленіемъ Кантемира къ англійскому двору весьма доволенъ, и что ему будетъ пріятно, если онъ же будетъ и чрезвычайнымъ посланникомъ». При этомъ Кантемиръ объявляетъ, что онъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Горасомъ Вальполемъ, что они часто посѣщаютъ другъ друга; «то же самое можно бъ дѣлать и съ его братомъ, — прибавляетъ онъ, — если бы тотъ зналъ по-французски». Другими словами: у нихъ не было общаго языка, на которомъ они могли бы свободно говорить, такъ какъ Кантемиръ еще не успѣлъ научиться по-англійски. Скоро послѣ того Кантемиръ былъ объявленъ чрезвычайнымъ

русскимъ посломъ при лондонскомъ дворѣ; но объ увеличеніи содержанія при этомъ не было и рѣчи. Хотя чести прибыло, но матеріальное положеніе русскаго посланника нисколько не улучшилось. Милордъ Форбесъ долго медлилъ явиться къ русскому двору, за что Кантемиру приходилось оттуда получать выговоры.

Въ 1733 году начинаются въ Европѣ споры за польскій престолъ. Россія становится во враждебныя отношенія къ Франціи, которая вооруженною рукою поддерживала Станислава Лещинскаго. Русскому правительству нужно было вступить съ Англіей въ болѣе тѣсныя отношенія, чтобы привлечь ее на свою сторону противъ Франціи и въ случаѣ нужды воспользоваться ея помощью. Объ этомъ Кантемиру пришлось вести длинные переговоры, но такъ какъ для Англіи не было никакой выгоды приставать къ той или другой сторонѣ (ей только нужно было держать во враждебныхъ отношеніяхъ Францію съ Россіей), то лондонскій кабинетъ ограничивался неясными отвѣтами и двусмысленными обѣщаніями, и, увѣряя русскаго посланника въ расположеніи и дружбѣ, не принималъ въ дѣлѣ такого участія, какого хотѣлось русскимъ министрамъ. Имъ было нужно пособіе въ англійскомъ флотѣ въ то время, когда Франція выслала свою эскадру въ Балтійское море. Петербургскій флотъ оказался въ такомъ упадкѣ и въ такой неисправности, что нужно было много трудовъ и усилій, чтобы привести его въ удовлетворительное состояніе и дать ему возможность выйти изъ Кронштадта. А между тѣмъ время не терпѣло замедленія. Кантемиръ не разъ начиналъ рѣчь съ Вальполемъ и Гарингтономъ о томъ, чтобы Англія съ своей стороны поспѣшила выслать эскадру въ Балтійское море, представляя тѣ выгоды, которыя Англія могла бы извлечь, вмѣшавшись въ дѣло. Ему какъ-будто обѣщали, но въ то же время медлили и чего-то выжидали. Русское правительство раздражалось въ нетерпѣливомъ ожиданіи, посылало своему послу депеши за депешами, но онъ болѣе ничего не могъ сдѣлать.

7 мая 1734 года Остерманъ писалъ Кантемиру: «мы получили черезъ нарочнаго извѣстіе, что французскіе корабли на Гданскомъ рейдѣ уже показались, и потому рекомендую вашей свѣтлости свои домогательства объ отправленіи аглинской эскадры въ море Балтическое какъ возможно возобновить; и подлинно есть, что ежели намѣреніе есть противъ Франціи

себя декларовать, то имѣется нынѣ случай — съ великимъ авантажемъ вдругъ дѣло въ Сѣверѣ окончать и Франціи знатный ущербъ учинить разореніемъ сей эскадры, которая будто въ мѣшкѣ имѣется и спастись не можетъ, а наша эскадра къ выходу совсѣмъ готова».

Эти послѣднія слова о нашей эскадрѣ должны были имѣть значеніе въ домогательствѣ Кантемира передъ англійскими министрами, но на самомъ дѣлѣ они не представляли никакой силы. Въ какомъ несчастномъ положеніи былъ въ это время русскій флотъ, сообщаетъ намъ Манштейнъ въ своихъ «Запискахъ». «Въ царствованіе Екатерины I, — говоритъ онъ, — флотъ сталъ падать, а при Петрѣ II онъ былъ совсѣмъ заброшенъ. Анна по воцареніи хотѣла привести его въ лучшее состояніе и съ этою цѣлью назначила особую коммиссію. Но дѣло такъ мало подвинулось впередъ, что, когда въ 1734 году хотѣли запереть Данцигъ со стороны моря, адмиралтейство во всемъ увидѣло недостатокъ и только съ большимъ трудомъ въ состояніи было вооружить пятнадцать линейныхъ кораблей, которые адмиралъ Гордонъ повелъ къ Данцигу, да и эти корабли были еще въ такой неисправности, что если бы Франція имѣла въ морѣ съ этой стороны восемь или девять кораблей, то, по всей вѣроятности, русскій флотъ не посмѣлъ бы выйти изъ Кронштадтскаго порта».

Когда адмиралтейство въ 1733 году приступило къ исправленію флота, то оказался крайній недостатокъ въ капитанахъ, знающихъ свое дѣло, такъ что оно принуждено было обратиться къ Кантемиру съ порученіемъ ангажировать въ русскую морскую службу иностранцевъ, предлагая жалованья сверхъ штата по сорока рублей въ мѣсяцъ. Штатное жалованье капитанамъ кораблей было три тысячи рублей. Но вдругъ трудно было найти нужное число даже при выгодныхъ предложеніяхъ.

Кантемиръ, видя малый успѣхъ переговоровъ съ англійскимъ министерствомъ, выражалъ петербургскому кабинету сомнѣніе въ возможности извлечь какую-либо существенную пользу и полагаться на неопредѣленныя обѣщанія. «Я одного съ вашей свѣтлостью въ томъ мнѣніи, — писалъ ему Остерманъ, отъ 4 іюня 1734 года, — и по всѣмъ происхожденіямъ видно, что пока Англія прямо противъ Франціи въ войнѣ участія не восприметъ, то до тѣхъ мѣстъ о ближайшемъ соединеніи съ нами вовсе уповать невозможно».

Скоро Россія кончила войну безъ постороннихъ пособій взятіемъ Данцига. Англія принесла ей ту пользу, что не мѣшала ей и не пугала союзомъ съ ея врагами. Но польское дѣло совершенно еще не кончилось. Между Австріей и Франціей возгорѣлась война, въ которой Станиславъ Лещинскій могъ надѣяться на нѣкоторый успѣхъ. Россія продолжаетъ опасаться, чтобы морскія державы (Англія, Голландія, Швеція) не приняли въ этомъ дѣлѣ какого-либо вреднаго для нея участія, что̀ и выразилось въ рескриптѣ Кантемиру отъ 18 января 1735 года: «Станислава Лещинскаго, яко древняго и явнаго нашего непріятеля, возведеніе на польскій престолъ никогда допустить не можемъ, но паче законно-избраннаго короля Августа III со всею силою на польскомъ престолѣ содержать должны, и отъ такого своего твердаго намѣренія никогда не отступимъ. Но понеже морскія державы до сего времени не токмо при своихъ добрыхъ офиціяхъ остаются, но сколь видно, и съ немалою горячностью оныя въ дѣло и въ дѣйство производить стараются, о польскихъ дѣлахъ къ министрамъ нашимъ отозваться и объ нихъ будто о такихъ, которыя возстановленію покоя главнымъ препятствіемъ быть могутъ, толковать начинаютъ и едва ли не о какомъ мирномъ планѣ между собою согласуются; и съ другой стороны, Франція, можетъ-быть, всякія неосновательныя внушенія обыкновенными своими интригами о нашихъ въ тѣхъ польскихъ дѣлахъ намѣреніяхъ учинить не оставляетъ, и для того только и паче потребно со всякимъ прилежаніемъ и ревностью предостерегать, чтобъ оныя державы особливо въ польскихъ дѣлахъ ни къ чему себя склонить не допустили, ниже сами чего постановили, еже бъ вышеписанному нашему намѣренію противно быть могло».

Далѣе объявляется Кантемиру, что приказано графу Головкину, русскому послу въ Голландіи, «гдѣ нынѣ негоціяція» происходитъ, чтобы обо всѣхъ дѣлахъ, касающихся до тамошняго двора, «съ вами всегда надлежащее сношеніе имѣлъ». Въ другихъ рескриптахъ отъ 5-го и 15-го апрѣля повторяются подобныя же объявленія, что графу Головкину посланы «изъясненія мнѣнія о поступкахъ съ нашей стороны, касающихся до предложеннаго отъ морскихъ державъ извѣстнаго примирительнаго плана», и что повелѣно послу переслать Кантемиру копіи съ подробнѣйшими при томъ наставленіями, «какъ онъ

самъ въ Голландіи, а вамъ при англійскомъ дворѣ, въ томъ поступать заблагоразсудитъ, дабы въ обоихъ мѣстахъ поступки ваши сходны и согласны быть могли».

Такимъ образомъ главный интересъ польскаго вопроса теперь сосредоточился въ Голландіи. Русскому послу при лондонскомъ дворѣ оставалось еще одно дѣло: добиться того, чтобы получить отъ англійскаго короля обѣщаніе не противиться участію русскихъ министровъ «въ генеральной мирной негоціаціи и конгрессѣ», на которомъ предполагалось, между прочимъ, устроить и польскія дѣла. Король обѣщалъ Кантемиру свое содѣйствіе.

Другое дѣло, занимавшее въ это время русское правительство, было -стремленіе разорвать союзъ Швеціи съ Франціею, союзъ, который казался опаснымъ для Россіи, такъ какъ Франція была болѣе всего извѣстна русскому кабинету со стороны своихъ интригъ, направленныхъ противъ выгодъ русскаго государства: она легко могла подбить Швецію къ войнѣ съ Россіею, чего никакъ не могло желать русское правительство. Оно боялось движенія со стороны Швеціи во время польскаго дѣла, такъ какъ шведскій флотъ могъ бы сильно повредить ему. Теперь намѣреніе его было склонить Швецію къ заключенію союза съ Англіей, которой и совѣтывало умножить шведскія субсидіи. Англія была не прочь отъ союза, но дѣйствовала такъ нерѣшительно, что Россія одна заключила оборонительный союзъ съ Швеціей и, сдѣлавъ Англіи въ родѣ упрека, прекратила съ нею объ этомъ дѣло.

Несмотря на то, что нѣкоторыя дѣла съ Англіею не удавались такъ, какъ хотѣлось бы русскому правительству, Кантемира не обвиняли въ этомъ; имъ были, повидимому, довольны. Съ другой стороны, и въ Лондонѣ къ нему относились съ уваженіемъ, особенно въ королевскомъ семействѣ, гдѣ онъ принималъ участіе въ собраніяхъ и бесѣдахъ. Каждый разъ онъ передавалъ въ своихъ депешахъ тѣ рѣчи, которыя касались русской императрицы...

Положеніе тогдашней русской политики было необходимымъ слѣдствіемъ владычества нѣмецкой партіи. Нѣмцы, составившіе русское правительство, иначе не могли и дѣйствовать, какъ въ нѣмецкихъ интересахъ. Выборъ здѣсь могъ быть только между двумя сосѣдними нѣмецкими державами — Пруссіей и Австріей. Конечно, при другихъ обстоятельствахъ, петербург-

скій дворъ, можетъ-быть, подчинился бы и прусскому вліянію; но такъ какъ между всѣми нѣмцами сильнѣе всѣхъ былъ курляндецъ Биронъ, который мечталъ о курляндскомъ герцогствѣ то, разумѣется, его интересы должны были направлять и русскую политику. Само собою, онъ болѣе всѣхъ тутъ и выигрывалъ. 21 апрѣля 1737 года умеръ курляндскій герцогъ Фердинандъ, послѣдній изъ дома Кетлеровъ. Вожделѣнная минута для Бирона настала. Чрезъ сорокъ дней онъ уже могъ назваться владѣтельнымъ герцогомъ Курляндіи. Объ этомъ событіи русскій дворъ поспѣшилъ сообщить и дружественнымъ дворамъ.

Достигнувъ цѣли своихъ желаній, Биронъ уже не имѣлъ нужды угождать Австріи, въ союзѣ съ которою Россія истощалась войною. Теперь ему былъ необходимъ миръ для того, чтобы привести въ исполненіе свои другіе замыслы.

Честолюбивый, надменный и дерзкій, онъ въ то же время не умѣлъ быть скрытнымъ, такъ что въ планы его проникали посторонніе наблюдатели. Тотъ же Лалли писалъ кардиналу Флери: «теперь сынъ его — наслѣдный принцъ герцогства, смежнаго съ русскими предѣлами, и не сомнѣваются, чтобы виды герцога не простирались на доставленіе русской короны своему роду, и чтобы онъ не успѣлъ въ томъ, если царица проживетъ еще нѣсколько лѣтъ. Въ случаѣ ея кончины прежде исполненія этого плана, выгоды герцога потребуютъ устроить себѣ безопасное удаленіе въ свои владѣнія, гдѣ онъ займется освобожденіемъ ихъ отъ долговъ и закладовъ, которыми они обременены. Въ противномъ случаѣ, миръ необходимъ для его плановъ: армія занята, деньги русскія истощены въ войнѣ. Императоръ (германскій) не въ состояніи ссужать его, а по герцогству онъ долженъ десять милліоновъ, и двѣ трети его владѣній заложены. Выкупя ихъ, у него было бы дохода 150.000 ливровъ, а теперь онъ только получаетъ 50.

Около того же времени сообщалъ и Рондо англійскому двору: «говорятъ, что герцогъ курляндскій имѣетъ намѣреніе женить своего сына на юной принцессѣ Аннѣ (Леопольдовнѣ) мекленбургской, племянницѣ императрицы. Надо признаться, что это предпріятіе было весьма смѣлымъ за нѣсколько лѣтъ назадъ, но теперь послѣ того какъ онъ сдѣлался владѣтельнымъ принцемъ и всемогущимъ по милости ея величества, никто не можетъ предвидѣть, куда поведетъ его безграничное честолюбіе, если онъ будетъ продолжать нравиться государынѣ...»

Что у Бирона дѣйствительно были такія намѣренія, это вполнѣ объяснилось въ скоромъ времени. Чтобъ привести ихъ въ исполненіе, нужно было удалить принца Антона-Ульриха Беверна, жениха Анны Леопольдовны, который нѣсколько лѣтъ воспитывался при русскомъ дворѣ. Такъ какъ онъ былъ племянникъ германской императрицы, то, разумѣется, нельзя было сдѣлать этого дѣла, не придя въ столкновеніе съ вѣнскимъ дворомъ. Поэтому русская политика должна была измѣниться. Представлялась выгода войти въ сношеніе съ Франціей, которая до сихъ поръ возбуждала противъ Россіи и Турцію и Швецію и сильно тревожила русское правительство своими враждебными замыслами. Миръ казался возможнымъ только при посредствѣ Франціи и въ союзѣ съ нею. Рѣшено было сдѣлать первый приступъ чрезъ Кантемира и притомъ какъ можно искуснѣе, чтобы французскіе министры не могли и замѣтить, будто Россія нуждается во Франціи. 31 мая 1737 года къ Кантемиру былъ посланъ приказъ вступить въ корреспонденцію съ французскимъ министромъ Шавиньи по дѣлу о возобновленіи съ французскимъ дворомъ дружбы. «Наше намѣреніе есть, какъ всегда было, по счастливомъ окончаніи польскихъ дѣлъ, съ Франціею добрую дружбу и корреспонденцію содержать, а нашъ интересъ есть, чтобъ Францію при нынѣшнихъ случаяхъ отъ всякихъ въ пользу Оттоманской порты служащихъ поступковъ сколько можно отвращать, и къ тому клонятся всѣ о семъ дѣлѣ отправленныя къ вамъ наставленія».

Въ наставленіяхъ заключаются указанія, какъ Кантемиръ долженъ вести себя съ французскимъ министромъ.

Кантемиру давался прекрасный случай выказать свои дипломатическія способности, которыя, по понятіямъ вѣка, составляли только хитрость, притворство, умѣнье провести другого въ свою пользу. Всѣ эти качества, какъ мы видѣли, не были въ характерѣ Кантемира; ему по душѣ была дѣятельность открытая, прямая. Онъ могъ буквально исполнять всѣ предписанія нашего двора, но собственной изобрѣтательности отъ него нельзя было ожидать тамъ, гдѣ требовались особенныя качества. Онъ вступилъ въ сношенія съ французскимъ посломъ въ Лондонѣ такъ, какъ ему было приказано. Посолъ передалъ свой разговоръ парижскому кабинету; завязались сношенія, но дѣло долго не подвигалось впередъ. Наконецъ, Кантемиръ получаетъ увѣдомленіе изъ Петербурга, отъ 20 де-

кабря 1737 года, что «извѣстное дѣло о французской медіаціи къ возстановленію съ турками мира происходило, и оная медіація дѣйствительно отъ насъ безъ всякаго затрудненія принята, то уповательно, что такой нашъ поступокъ французскому двору не инако какъ пріятенъ былъ и къ довольному знаку нашихъ къ оному добрыхъ намѣреній служить можетъ».

Первые переговоры съ Турціею о мирѣ, какъ извѣстно, кончились ничѣмъ. Война продолжалась. Франція дѣйствовала попрежнему, поддерживая Турцію и возбуждая противъ Россіи Швецію. Кантемиръ снабжалъ рекомендательными письмами къ Остерману тѣхъ англійскихъ офицеровъ, которые являлись къ нему, выражая желаніе сражаться въ русскихъ войскахъ съ невѣрными. Отыскивать же адмираловъ въ русскую морскую службу лежало на его посольской обязанности по слѣдующему предписанію изъ Петербурга: «имѣете вы послѣ прежнихъ нашихъ указовъ трудиться пріискивать и призывать въ службу нашу въ контръ-адмиралы изъ англійскихъ морскихъ капитановъ искусныхъ съ обыкновенною платою нашего годового жалованья». Между прочимъ, Кантемиръ уговаривалъ перейти на службу въ Россію капитана Обріэна, который скоро получилъ тамъ чинъ вице-адмирала, и, какъ опытный и искусный въ своемъ дѣлѣ, занялъ почетное мѣсто.

Между тѣмъ Бирону хотѣлось ускорить ходъ дѣлъ. Недовольный медленностью, съ какою шли переговоры, онъ рѣшился самъ войти въ сношеніе съ кардиналомъ Флери и выбралъ для этого посредникомъ французскаго агента Лалли, уполномочивая его писать къ кардиналу даже «отъ имени царицы», отъ чего осторожный Лалли отказался. Увѣдомляя о всемъ этомъ перваго французскаго министра, Лалли замѣчаетъ: «Россія только и мечтаетъ о мирѣ, и въ Петербургѣ обычное присловье, что графъ Остерманъ прозрѣетъ и получитъ способность ходить только при заключеніи мира: съ самаго начала послѣдней войны этотъ министръ не являлся при дворѣ и не выходилъ изъ своей комнаты».

При этомъ письмѣ Лалли сообщаетъ записку о состояніи Россіи, касаясь ея правительства, финансовъ, доходовъ, расходовъ, сухопутныхъ и морскихъ силъ. «Обо всѣхъ дѣлахъ докладывается герцогу (Бирону), — замѣчаетъ онъ, — царица только черезъ него и видитъ, и слышитъ, и говоритъ. Его приказанія и предположенія сообщаются графу Остерману, а этотъ

долженъ придумывать средства и изыскивать способы къ осуществленію ихъ... Трудно, чтобъ не сказать невозможно, знать настоящее количество обращающихся въ Россіи денегъ, потому что въ странѣ, гдѣ не существуетъ собственности, господа и крестьяне одинаково хлопочутъ скрывать отъ своихъ властей имѣющіяся у нихъ деньги, такъ какъ эти власти въ правѣ отнять ихъ. Такимъ образомъ, крестьянинъ старается закопать свои деньги въ землю, а баринъ передаетъ ихъ въ иностранные банки». Указавъ на дурное управленіе финансами и на незначительность доходовъ, онъ продолжаетъ: «удивляются, что Россія, при такихъ скромныхъ доходахъ, въ состояніи покрывать издержки, которыхъ требуютъ, повидимому, ея огромныя предпріятія. Царь Петръ I велъ 23 года непрерывныя войны противъ Турціи, Персіи, Швеціи, татаръ и калмыковъ, которыхъ онъ подчинилъ своей власти, создалъ въ то же время огромный флотъ, строилъ порты и города, заводилъ училища для усовершенствованія искусствъ и наукъ, и привлекалъ въ свое государство изумительное множество иностранцевъ, которымъ платилъ огромное жалованье. При всемъ томъ, умирая, онъ оставилъ значительныя суммы, достаточныя для окончанія задуманныхъ имъ предположеній. Кажется, что послѣдующія три царствованія употребляли всѣ усилія, чтобы уничтожить даже слѣды основанныхъ Петромъ учрежденій: морскія силы совершенно уничтожены, мануфактуры въ упадкѣ, искусства и науки въ небреженіи, кредитъ потрясенъ, казна истощена — вотъ доказательства моихъ словъ. Правда, Россія всегда вела войны со временъ Петра I, но не война истощила государство, такъ какъ деньги, которыми снабжаетъ царица армію, опять скоро къ ней возвращаются: она даетъ одною рукою, а другою получаетъ большую часть ихъ чрезъ кабаки; государство истощено роскошью, введенною при дворѣ, дурнымъ управленіемъ министерствъ, переводами за границу суммъ, которые дѣлали и дѣлаютъ иностранцы и даже высшее дворянство; наконецъ, безплодная распущенность, тщеславіе и суетность разоряютъ государство. Необходимые расходы, которые должна дѣлать Россія, соразмѣрны съ ея доходами...»

Въ заключеніе Лалли указываетъ на выгоды Франціи отъ союза съ Россіею.

Представленія Лалли были взяты во вниманіе парижскимъ кабинетомъ, въ которомъ выразилась мысль, что Россія, въ от-

ношеніи къ равновѣсію на сѣверѣ, достигла слишкомъ высокой степени могущества, —мысль, названная давнишнею мыслью его величества (короля французскаго или, вѣрнѣе, его министровъ), и что, въ отношеніи настоящихъ и будущихъ дѣлъ Австріи, союзъ Россіи съ австрійскимъ домомъ чрезвычайно опасенъ (въ виду брака принцессы Анны съ принцемъ Беверномъ). Видѣли, по дѣламъ Польши, какъ злоупотреблялъ вѣнскій дворъ этимъ союзомъ. Если онъ могъ въ недавнее время привести на Рейнъ корпусъ московскихъ войскъ въ 10-тысячъ, то, когда ему понадобится подчинить своему произволу всю имперію, онъ будетъ въ состояніи запрудить всю Германію толпами «варваровъ». Германскіе владѣтели слишкомъ разъединены и слишкомъ слабы, чтобы можно было отъ нихъ однихъ ожидать твердой рѣшимости предотвратить такое великое несчастіе.

Въ виду такой грозы французскому кабинету нужно было обдумать способы удалить ее. Разорвать связи между русскимъ и вѣнскимъ дворами ему казалось невозможно безъ прямыхъ сношеній съ Россіею; но, съ другой стороны, по его мнѣнію, эти сношенія должны еще болѣе увеличить значеніе Россіи, а это было бы противно видамъ его. Необходимость французскому двору имѣть своего посланника при русскомъ дворѣ вызывалась еще слѣдующими соображеніями: «состояніе Россіи еще не обезпечено настолько, чтобы не опасаться внутреннихъ переворотовъ. Иноземное правительство, чтобы утвердиться, ничѣмъ не пренебрегало для притѣсненія старинныхъ русскихъ фамилій; но, несмотря на всѣ усилія, все еще остаются недовольные иноземнымъ игомъ — они, вѣроятно, прервутъ молчаніе и оставятъ бездѣйствіе, когда будутъ въ возможности сдѣлать это съ безопасностью и успѣхомъ. Не имѣя своего посланника при русскомъ дворѣ, король не можетъ, по справедливости, имѣть важныя подробности объ этомъ положеніи; но, вспоминая незначительность права, которое возвело на русскій тронъ герцогиню курляндскую, когда была принцесса Елисавета и сынъ герцогини голштейнской, трудно предполагать, чтобы за смертью царствующей государыни не послѣдовали волненія... Различныя донесенія, которыя послѣдовательно представлялись о состояніи финансовъ и войскъ сухопутныхъ и морскихъ въ Россіи, такъ разнорѣчивы между собою, что король не можетъ составить о нихъ точнаго понятія. Велико-

лѣніе и роскошь, которыя приписываются русскому двору, мало согласуются съ мнѣніемъ объ истощеніи тамошнихъ финансовъ съ издержками во всѣхъ родахъ, которыя съ давнихъ временъ дѣлаетъ Россія. Извѣстія о томъ необходимы, чтобы можно было судить о помощи, которую можетъ оказать Россія императору (германскому) въ новой войнѣ противъ имперіи Оттоманской, и о пожертвованіяхъ, болѣе или менѣе значительныхъ, которыхъ король, какъ посредникъ, можетъ требовать отъ той или другой стороны для достиженія мира».

Всѣ эти соображенія взяли перевѣсъ надъ другими, которыя могли удерживать Францію отъ союза съ Россіей. Вслѣдствіе этого, поручено было французскому посланнику въ Лондонѣ, де Камби (de Cambis), передать Кантемиру, что король не прочь завязать прямыя сношенія съ Россіей и послать туда своего посла, если и русскій дворъ сдѣлаетъ то же. Кантемиръ поспѣшилъ передать это заявленіе въ Петербургъ, откуда въ скоромъ времени пришло приказаніе: «сказать французскому министру, что императрица никакой трудности не имѣетъ поступить къ назначенію своего министра и всемилостивѣйше дѣйствительно назначаетъ къ тому его, Кантемира, въ такомъ характерѣ, каковъ и король французскій своему отправляемому въ Петербургъ дать соизволитъ».

Кантемиръ совсѣмъ не ожидалъ такого назначенія, и такъ какъ оно служило доказательствомъ, что службой его были довольны, то онъ, пользуясь случаемъ въ отвѣтномъ письмѣ и благодаря императрицу за милость, просилъ заплатить за него «небольшіе долги въ Англіи съ небольшимъ пятьсотъ фунтовъ или по крайней мѣрѣ выдать эту сумму въ зачетъ жалованья»; такъ какъ, не расплатившись, онъ не можетъ выѣхать изъ Лондона. Въ этотъ же годъ пришлось дѣлать особенныя издержки по причинѣ смерти англійской королевы.

Затѣмъ онъ прибавляетъ, что «во Франціи ему должно будетъ жить по образцу другихъ, пространнѣе, хотя всѣ вещи тамъ и дешевле, поэтому необходимо увеличить жалованье и ассигновать на экипажъ, иначе съ перваго же начала придется войти въ долги». Въ заключеніе Кантемиръ проситъ, «отправить будущею весною черезъ Голландію священника съ нужною походною церковью и съ принадлежащими церковными приборами и книгами».

Между тѣмъ де Камби сообщилъ Кантемиру письмо французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, Амелота, который писалъ, что король очень доволенъ назначеніемъ къ его двору Кантемира, какъ «особы высокаго происхожденія и со многими достоинствами». Все это было передано и русскому двору.

Русское правительство хотѣло, чтобы Кантемиръ отправился въ Парижъ тогда, когда оттуда поѣдетъ посланникъ, назначенный въ Петербургъ. Это требованіе протянуло переговоры. Французскій король требовалъ, чтобъ Россія сдѣлала первый шагъ, и что онъ объявитъ о назначеніи своего посла тогда, когда русскій посолъ пріѣдетъ въ Парижъ. При этомъ выказано было такое упорство, что Кантемиръ уже началъ сомнѣваться въ успѣхѣ переговоровъ, и въ своей депешѣ поспѣшилъ оговориться, что не онъ тому причина.

Наконецъ, кое-какъ произошло соглашеніе. Россія должна была объявить, что она назначаетъ во Францію своего посла въ лицѣ Кантемира, послѣ чего уже Франція объявитъ, что она также отправитъ въ Петербургъ своего посла; тогда Кантемиръ оставитъ Англію и переѣдетъ въ Парижъ, а по его пріѣздѣ, и французскій посолъ отправится въ Россію.

Эпизодомъ этихъ переговоровъ служитъ строжайшій выговоръ, полученный Кантемиромъ изъ Петербурга. Ему ставили въ вину, будто онъ сказалъ французскому посланнику въ Лондонѣ, что германскій императоръ совѣтовалъ нашей императрицѣ «не принимать христіанѣйшаго (французскаго) короля посредства въ примиреніи (съ Турціею), къ которому противу ихъ воли онъ воюющія державы принудить ищетъ; но что императрица, не внимая тому совѣту, хочетъ принять помянутаго короля добрыя официи для споспѣшествованія сею зимою мира».

Много листовъ пришлось исписать Кантемиру, чтобъ оправдаться отъ такого обвиненія, которое было не что иное, какъ клевета. Онъ вызвался даже на присягу; наконецъ, вытребовалъ отъ французскаго посланника въ Лондонѣ письмо, въ которомъ тотъ удостовѣрялъ, что никогда не слыхалъ отъ Кантемира такой рѣчи. Послѣ нѣсколькихъ депешъ, наполненныхъ разными оправданіями, ему, наконецъ, удалось убѣдить русское правительство въ своей невинности. Оправданіе его было принято благосклонно, и, какъ бы въ вознагражденіе за несправедливый выговоръ, на него посыпались царскія милости.

Не получая до сихъ поръ никакихъ наградъ, ни повышеній, онъ вдругъ произведенъ былъ въ камергеры, жалованье его увеличено, и опредѣлено выдать ему на проѣздъ въ Парижъ и на экипажъ пять тысячъ рублей.

Въ послѣдніе мѣсяцы своего пребыванія въ Англіи Кантемиръ обратилъ вниманіе на русскую торговлю, и по этому случаю писалъ на имя императрицы свои соображенія.

Тогда же Кантемиръ узналъ, что въ парламентѣ намѣрены внести билль объ увеличеніи пошлины на иностранныя полотна. Это сильно могло бы повредить русской коммерціи. Кантемиръ поспѣшилъ о томъ увѣдомить русское правительство и представилъ Вальполю, что увеличеніе пошлины во вредъ русской торговлѣ можетъ повредить всей англійской торговлѣ въ Россіи, потому что никто изъ иноземцевъ не пользуется въ русскомъ государствѣ такими торговыми привилегіями, какъ англичане, которые своимъ биллемъ хотятъ теперь уничтожить прежніе торговые трактаты. Вальполь на это отвѣчалъ Кантемиру уклончиво. Англійскіе купцы, производившіе торговлю съ Россіей, также были противъ билля. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ съ Вальполемъ и нѣкоторыми депутатами, Кантемиръ, наконецъ, обратился къ королю, хотя и выразился въ депешѣ, что на подобныя представленія всегда получается отъ короля одинъ отвѣтъ: онъ не въ силахъ противиться тому, что англійскій народъ находитъ для себя полезнымъ. За многими дѣлами въ парламентѣ разсужденіе о биллѣ было отложено. Кантемиръ оставилъ Англію, не дождавшись, чѣмъ кончится дѣло.

Думая облегчить труды русскаго посланника, который будетъ послѣ него назначенъ въ Лондонъ, онъ и написалъ ту краткую характеристику государственныхъ лицъ, имѣвшихъ въ Англіи вліяніе на ходъ политическихъ дѣлъ, которою мы уже воспользовались въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь же онъ сообщаетъ, что «французскаго двора нынѣшнее доброе согласіе съ цесарскимъ нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ господъ безпокоитъ, но министры рѣдко когда о томъ думаютъ, довольствуясь тѣмъ, что, въ такомъ состояніи дѣлъ, цесарскій дворъ помощи отсюду не требуетъ, и что нѣкакимъ образомъ продолжается тишина европейская, ничего не ищутъ, только чтобъ оная тянулась во все ихъ правленіе, мало печалуяся, что потомъ случиться имѣетъ. Въ негоціаціи турецкой, для примиренія ва-

шего императорскаго величества и высокаго вашего союзника съ Портою, участіе всякое здѣсь охотно бы приняли, и хотя во всѣхъ своихъ разговорахъ недовольства никакого не оказали, однакожъ не безревностны, что французскій дворъ одну оную отъ большей части производитъ, и чаю, что мой туды отъѣздъ не совсѣмъ нравенъ». *Стоюнинъ.*)

Дипломатическая дѣятельность Кантемира во Франціи.

Кантемиру приказано было передать лондонскому двору, что ему назначенъ другой постъ — «въ разсужденіи того, что онъ находится въ близости отъ Франціи и при французскомъ дворѣ нѣкоторыя знакомства имѣетъ». Дѣйствительно, Кантемиру приходилось уже второй разъ отправляться изъ Лондона въ Парижъ. За два года онъ ѣздилъ туда совѣтоваться съ извѣстнымъ окулистомъ Жандрономъ о своемъ слабомъ зрѣніи, поврежденномъ непрестанными занятіями. Тогда-то онъ и познакомился здѣсь съ нѣсколькими лицами, но скорѣе въ сферѣ ученой и литературной, чѣмъ въ дипломатической и административной. Въ то время писали въ газетахъ, что онъ жилъ въ Парижѣ incognito, ни къ кому изъ министровъ не ѣздилъ и ихъ визитовъ не принималъ. Но это нисколько не мѣшало разойтись молвѣ въ парижскихъ кружкахъ объ его умѣ, образованіи и учености, несмотря на его молодые годы: тогда ему было двадцать-девять лѣтъ. О прямомъ же, честномъ и ровномъ характерѣ французскіе министры могли знать отъ своего посланника въ Лондонѣ. Отсюда понятно, что парижскій дворъ съ удовольствіемъ узналъ объ его назначеніи.

Въ это время политическими дѣлами Франціи управлялъ кардиналъ Флери, самый хитрый дипломатъ, у котораго было много общаго съ русскимъ вице-канцлеромъ Остерманомъ. Но этотъ долженъ былъ постоянно хитрить со всѣми царедворцами и болѣе или менѣе согласоваться съ видами всесильнаго Бирона; Флери же былъ вполнѣ самовластенъ, подчиняя своимъ видамъ и короля Людовика XV. Всѣ другіе министры были предъ нимъ безгласны.

Хотя Кантемиръ былъ уже не новичокъ въ дипломатической сферѣ, но ему съ прямымъ и честнымъ характеромъ предстояло

не мало затрудненій устоять между двухъ огней — угадывать настоящія намѣренія Флери и исполнять приказанія Остермана. Въ инструкціи отъ русскаго двора, присланной ему передъ отъѣздомъ въ Парижъ, было объявлено, что на первыхъ порахъ онъ будетъ состоять при французскомъ дворѣ полномочнымъ министромъ, а не чрезвычайнымъ посломъ, какимъ онъ былъ при дворѣ англійскомъ. Ему поручалось заявить, кромѣ дружбы со стороны русской императрицы, еще и готовность ея принять посредничество Франціи въ мирѣ русскихъ и ихъ союзницы Австріи съ турками. Здѣсь же Кантемиру предписывалось объявить, что, принимая французскую *медіацію*, императрица никакъ не можетъ отречься и отъ медіаціи морскихъ державъ изъ опасенія, чтобъ не озлобить ихъ и чтобъ они не вздумали препятствовать успѣшному заключенію выгоднаго мира.

Кромѣ этого порученія, Кантемиру давалось еще и другое, по которому онъ много и безуспѣшно хлопоталъ и при лондонскомъ дворѣ: признаніе императорскаго титула за русскою царицею. Точно такъ же, какъ и въ Лондонѣ, ему совѣтовалось имѣть откровенное и *конфидентное* обхожденіе съ римско-цезарскимъ министромъ.

Съ этою инструкціею Кантемиръ явился въ Парижъ 8 сентября 1738 года. На другой же день кардиналъ Флери и его помощникъ по дипломатическимъ сношеніямъ съ сѣверными государствами, статсъ-секретарь Амелотъ, приняли русскаго посланника ласково и учтиво, какъ выражается самъ Кантемиръ. Французскій министръ много разсчитывалъ на прямыя сношенія съ петербургскимъ дворомъ. Его сильно озабочивала мысль, что на сѣверѣ Россія достигла слишкомъ высокой степени могущества, отчего колеблется въ Европѣ политическое равновѣсіе, что союзъ Россіи съ австрійскимъ домомъ чрезвычайно опасенъ.

Ему предстояли двѣ задачи: разорвать тѣсный союзъ двухъ имперій и связать Россіи руки страхомъ войны съ Швеціею, но такъ, чтобы во всемъ этомъ она и не подозрѣвала участія Франціи. Хотя кардиналъ и получалъ нѣкоторыя извѣстія изъ Россіи, что ей въ тягость война съ Турціей и что миръ ей необходимъ; но, съ другой стороны, получались извѣстія и объ успѣхахъ русскихъ войскъ, о ставучанской битвѣ, о взятіи крѣпости Хотина. Правда, непріятное впечатлѣніе отъ рус-

скихъ побѣдъ нѣсколько смягчалось извѣстіемъ о неудачахъ цесарскихъ войскъ и о мирныхъ переговорахъ, начатыхъ Вѣною отдѣльно отъ союзниковъ. Это подавало надежду на охлажденіе между вѣнскимъ и петербургскимъ дворами. Самое лучшее, что теперь представлялось хитрому кардиналу — воспользоваться случаемъ и взять мирные переговоры въ свои руки, если правда, что Россія также желаетъ мира, а тамъ можно будетъ настоять на томъ, что будетъ выгодно для Франціи.

Съ такими намѣреніями кардиналъ Флери принялъ Кантемира и заявилъ, что онъ находитъ пристойнѣе послать къ русскому двору представителя Франціи съ посольскимъ характеромъ, т.-е. степенью выше полномочнаго министра, какимъ явился Кантемиръ къ французскому двору. Такъ какъ этимъ назначеніемъ выказывалась особенная честь русскому государству, куда прежде Франція посылала только своихъ повѣренныхъ и резидентовъ, то полагалось само собою, что и представитель русскаго двора во Франціи будетъ съ такимъ же характеромъ. Это обстоятельство привело Кантемира въ большое затрудненіе: по данной ему инструкціи онъ долженъ былъ тотчасъ же представиться королю и вручить ему кредитивную грамоту; а по совѣтамъ кардинала ему нужно было выждать извѣстія отъ русскаго двора, согласенъ ли онъ облечь его въ посольскій характеръ, и уже потомъ представиться къ королю. Кардиналъ изъ какихъ-то видовъ хотѣлъ оттянуть представленіе, можетъ-быть, выжидая новыхъ извѣстій изъ Вѣны или Константинополя, и въ то же время, чтобы не быть обязаннымъ спѣшить отправленіемъ своего посла въ Россію. Но при этомъ онъ очень любезно обнадеживалъ Кантемира, что употребитъ свое вліяніе въ Турціи и Швеціи въ нашу пользу. Чтобы не испортить дѣла, Кантемиръ рѣшился слѣдовать его совѣтамъ и спокойно выжидать извѣстія отъ петербургскаго двора. Но тамъ это рѣшеніе было принято съ большимъ неудовольствіемъ. Торопясь миромъ и разсчитывая на французское содѣйствіе, Остерманъ посмотрѣлъ на бездѣйствіе посла какъ на вредную проволочку въ дѣлѣ мирныхъ переговоровъ и прислалъ ему строжайшій выговоръ отъ имени самой императрицы.

Русскому вице-канцлеру представлялась здѣсь интрига со стороны самого Кантемира, чтобы добиться отъ русскаго двора высшаго посольскаго званія. Прибыть во французскую столицу

въ качествѣ посланника и жить тамъ нѣсколько дней инкогнито казалось ему непристойнымъ и предосудительнымъ, что могло произвести неблагопріятные толки въ политическомъ мірѣ. Кантемиру предписывалось немедленно настоять на представленіи къ королю и вступить въ публичное отправленіе своей должности, но такъ, чтобы никто не могъ узнать, будто онъ дѣлаетъ это по присланному указу, а не по своимъ соображеніямъ, согласно съ прежнимъ рескриптомъ. Остерманъ, видимо, боялся, чтобы французскій дворъ не вздумалъ возобновить переговоровъ о степени посла, котораго онъ назначилъ въ Петербургъ, чрезъ что оттянулось бы настоящее дѣло еще на нѣсколько недѣль.

Кантемиръ принялъ къ сердцу выговоръ, писалъ оправданіе и извиненіе. Но домогательство его представиться королю не сразу имѣло успѣхъ: онъ могъ добиться представленія только 23-го декабря. А вскорѣ послѣ этого ему прислана была изъ Петербурга новая кредитивная грамота на званіе чрезвычайнаго посла. Потребовалось новое представленіе уже болѣе торжественное. Настоянія Кантемира были не совсѣмъ пріятны кардиналу, на что онъ намекнулъ въ письмѣ къ Остерману, который и замѣтилъ нашему послу: «кардиналъ будто какое неудовольство имѣетъ, отъ чего со всякимъ крайнимъ прилежаніемъ убѣгать надобно». Флери, видимо, чего-то выжидалъ, задерживая отправленіе и французскаго посла къ русскому двору. Конечно, до него доходили изъ Россіи извѣстія объ озлобляющемъ господствѣ нѣмцевъ при русскомъ дворѣ, объ открываемыхъ заговорахъ, объ ожиданіи близкаго переворота въ пользу Елизаветы Петровны или голштинскаго герцога. Только этимъ и можетъ оправдаться выжиданіе осторожнаго, хитраго и дальновиднаго кардинала. Въ первое же съ нимъ свиданіе Кантемиръ узналъ, что посломъ въ Петербургъ назначается графъ Вогренанъ, бывшій испанскій посланникъ, которому приказано выѣхать какъ можно скорѣе. А между тѣмъ онъ и не думалъ выѣзжать, оправдываясь передъ Кантемиромъ разными причинами: то позднимъ осеннимъ временемъ, то трудностью отправить моремъ экипажъ, котораго, по словамъ Кантемира, никогда у него и не было. А въ сущности ему и не съ чѣмъ было ѣхать: кардиналъ не назначалъ ему ни жалованья ни денегъ на подъемъ, такъ что онъ не могъ дѣлать никакихъ приготовленій къ отъѣзду. Всѣ усиленныя пред-

ставленія и настоянія Кантемира не производили никакого дѣйствія: все сваливали на зиму и указывали на весну. Остерманъ былъ недоволенъ, писалъ Кантемиру замѣчанія, и, наконецъ, въ упрекъ ему прислалъ письмо, которое онъ получилъ отъ самого кардинала. Оказалось, что Флери въ свое оправданіе свалилъ всю вину на русскаго посла, который будто напугалъ Вогренана недоступностью русскихъ портовъ съ самой осени, что̀ и заставило отложить его отъѣздъ до весны. Кантемиръ долженъ былъ посмотрѣть на себя какъ на жертву дипломатіи и убѣдиться, что посолъ долженъ исполнять только волю пославшаго его, любезно улыбаться передъ тѣмъ, кто взводилъ на него напраслину, и подавлять въ себѣ чувство обиды и неудовольствія.

Личныхъ неудовольствій между кардиналомъ и русскимъ посломъ не было; но дипломатія, какъ картежная игра, допускала всякія лукавыя измышленія, лишь бы подсидѣть своего партнера. Такая игра оказалась не совсѣмъ подъ силу ученому Кантемиру съ его характеромъ. Онъ пользовался каждымъ случаемъ, чтобы скорѣе покончить съ посольскимъ вопросомъ, но съ каждымъ разомъ больше убѣждался, что съ нимъ хитрятъ, не могъ угадать цѣли всѣхъ этихъ хитростей, не смѣлъ выказать даже малѣйшихъ подозрѣній, которыя могли бы навести на мысль о недовѣріи къ французской дипломатіи. Такимъ образомъ протянулось время до весны. Вогренанъ уже успѣлъ выспросить у русскаго посла все, что̀ ему нужно было знать объ удобствахъ петербургской жизни; узналъ, что въ новой русской столицѣ найдется довольно большихъ домовъ для помѣщенія, что тамъ безъ всякаго труда можно найти всякіе уборы, и китайскіе и европейскіе, что есть тамъ довольно и мастеровъ для дѣланія каретъ, стульевъ, столовъ и проч.; заходилъ, наконецъ, разговоръ о католической капеллѣ даже съ самимъ кардиналомъ. Кантемиръ увѣрялъ, что во всей Россіи можно свободно имѣть капеллу, легко даже найти и священника. Но всѣ эти увѣренія не подвигали дѣла. Наконецъ, Вогренанъ уже самъ подалъ смѣту: по его вычисленію, чтобы поддерживать съ нѣкоторымъ приличіемъ достоинство французскаго посла при такомъ дворѣ, который отличается особенной роскошью, ему необходимо получать ежегоднаго жалованья 20.000 рублей, да на подъемъ, на путевыя издержки, на обзаведеніе въ Петербургѣ, ограничиваясь только самымъ

необходимымъ и неизбѣжнымъ, 119.000 франковъ. Этотъ огромный счетъ не былъ принятъ кардиналомъ. Въ мысляхъ его произошла перемѣна. Кантемиру объявили уже въ началѣ апрѣля, что въ Петербургъ назначается французскимъ посломъ маркизъ Шетарди, который съ 1731 года былъ посланникомъ при берлинскомъ дворѣ. Ему было съ небольшимъ тридцать лѣтъ, но онъ уже успѣлъ выказать въ себѣ идеальныя качества дипломата: вкрадчивый, двуличный, лукавый, гдѣ нужно — дерзкій, онъ въ то же время былъ стройный, красивый, остроумный, любезный, краснорѣчивый и умѣлъ нравиться женщинамъ. Надо полагать, что кардиналъ Флери, зная, съ какимъ тонкимъ дипломатомъ придется имѣть дѣло въ Россіи французскому посланнику, съ самаго начала намѣтилъ туда маркиза; но такъ какъ онъ нуженъ былъ нѣкоторое время въ Берлинѣ, то, чтобы не возбуждать лишняго безпокойства въ русскомъ дворѣ, поспѣшившемъ прислать въ Парижъ своего посла, кардиналъ сыгралъ комедію съ Вогренаномъ, который нѣсколько мѣсяцевъ слылъ за французскаго посла, сидя въ Парижѣ и безъ денегъ, не имѣя возможности дѣлать какія-либо приготовленія къ своему отъѣзду. Онъ только выспрашивалъ Кантемира о петербургской жизни и вольно или невольно поддерживалъ кардинальскій обманъ. Наконецъ, когда обстоятельства потребовали ускорить отъѣздъ посла, Вогренанъ былъ оставленъ подъ тѣмъ предлогомъ, что ему необходимо назначить большое жалованье по незначительности его собственныхъ доходовъ. Этотъ предлогъ Кантемиру показался страннымъ, потому что «Шетарди, — писалъ онъ, — не богатѣй графа Вогренана и, сверхъ того, долженъ въ Берлинѣ 8000 франковъ, которые прилично, не отъѣзжая оттуда, уплатить». Нашъ посолъ высказывалъ въ своей депешѣ опасеніе, чтобъ изъ-за этого долга не вышло новой задержки и новыхъ затрудненій. Онъ въ самомъ дѣлѣ полагалъ, что хитрый кардиналъ думалъ выиграть нѣсколько тысячъ франковъ, замѣняя одного другимъ. Конечно, не эти расчеты были у того на умѣ. Маркизъ Шетарди получилъ возможность заплатить берлинскій долгъ и въ широкихъ размѣрахъ заняться въ Парижѣ приготовленіемъ къ своему отъѣзду: у него на умѣ было «показать русскимъ варварамъ во всѣхъ отношеніяхъ, что̀ значитъ Франція».

Впрочемъ, русскому вице-канцлеру Остерману было не-

пріятно такое назначеніе. Онъ, конечно, зналъ о всѣхъ дипломатическихъ достоинствахъ маркиза Шетарди чрезъ русскаго посланника въ Берлинѣ и не могъ не опасаться, что коса найдетъ на камень. Чтобы устранить его, русскій дипломатъ, придумалъ не совсѣмъ ловкій предлогъ: онъ ссылался на то, что русскій посолъ при французскомъ дворѣ весьма знатнаго происхожденія, а маркизъ Шетарди въ этомъ случаѣ не можетъ равняться съ нимъ. Но кардиналъ Флери умѣлъ настаивать на своемъ. Остерманъ долженъ былъ уступить.

Между тѣмъ настоящія дѣла почти не двигались впередъ. Кардиналъ безпрестанно обнадеживалъ нашего посла, что французскій посолъ въ Константинополѣ Вильневъ всѣми силами хлопочетъ о выгодномъ заключеніи мира: что посолъ въ Стокгольмѣ Сентъ-Северинъ держится партіи русскихъ и сдерживаетъ другую партію, воинственно настроенную противъ Россіи; но во всѣхъ этихъ увѣреніяхъ французскаго министра Кантемиръ видѣлъ столько противорѣчій и въ словахъ и въ фактахъ, что часто не зналъ, какъ ему поступать и что отвѣчать. Его депеши къ русскому двору наполнялись жалобами на кардинала Флери и описаніемъ своего затруднительнаго положенія.

Кантемиръ не разъ просилъ императрицу остерегаться хитростей кардинала: «одно съ другимъ сличая, трудно съ основательствомъ судить — онъ, кардиналъ, прямо ли или коварно поступаетъ... Изъясняется онъ обыкновенно темными экспрессіями, и часто двухъ дней разговоры одинъ другому противенъ; желалъ бы онъ такъ въ словахъ, какъ въ поступкахъ своихъ являться чистосердечнымъ; но часто къ тому такой способъ употребляетъ, что хитрость весьма гола становится». Въ подтвержденіе своихъ словъ Кантемиръ ссылается на цесарскихъ пословъ, съ которыми ему было приказано быть откровеннымъ: «часто они со мною признаютъ, что не знаютъ, что заключать отъ его кардинальскихъ рѣчей и поступковъ, повсядневно отмѣнныхъ и межъ собою не сходныхъ. Князь Лихтенштейнъ (австрійскій посолъ) иногда чрезъ мѣру всѣмъ кардинальскимъ рѣчамъ довѣряетъ, разсуждая, что трудно честному человѣку грубо обманывать; иногда о всѣхъ его кардинальскихъ рѣчахъ сомнѣвается, разсуждая, сколь одного дня рѣчи съ другого дня рѣчьми не сходны: въ такихъ околичностяхъ трудно не ошибиться».

Какъ дипломатъ, кардиналъ Флери дѣлается любопытнымъ предметомъ наблюденія для нашего сатирика. Ему хочется разгадать, что это за человѣкъ, что понуждаетъ его дѣйствовать вопреки всѣмъ нравственнымъ принципамъ.

Въ своихъ депешахъ онъ не разъ принимается за характеристику, но всегда оказывается безсильнымъ понять французскаго идеальнаго дипломата. Иногда Кантемиру хотѣлось обнаружить явный обманъ и коварство, которые ему говорили въ глаза; но онъ долженъ былъ притворяться, что вѣритъ всему, и терпѣть страшную нравственную пытку.

Кардиналъ, конечно, не могъ быть недоволенъ поведеніемъ русскаго посла, который умѣлъ прикрывать свою досаду мнимою довѣрчивостью. Хитрый дипломатъ думалъ, что онъ искусно проводитъ простодушнаго посла, который употребляетъ во всѣхъ разговорахъ «столь умѣренныя и столь чистосердечныя экспрессіи». И вотъ онъ ставитъ Кантемира въ примѣръ другимъ иностраннымъ посламъ, зная, конечно, что такая похвала будетъ ему передана. А между тѣмъ онъ продолжалъ вести свою политику. Чтобы отстранить отъ себя подозрѣнія со стороны другихъ, онъ самъ безпрестанно высказывалъ несправедливыя подозрѣнія къ иностраннымъ дворамъ и заставлялъ ихъ оправдываться и извиняться. Онъ вызывалъ всѣхъ на откровенность, выставляя часто безъ всякаго повода свою правдивость и чистосердечіе и гдѣ нужно ссылался на короля, котораго нисколько не занимала политика. «Весьма не пристойно, — говорилъ онъ Кантемиру, — великому государю, каковъ его величество (Людовикъ XV), меньше жъ христіанину употреблять коварные поступки противъ другого государя, съ которымъ дружбу свою возобновилъ и который ему свои интересы препоручилъ». И это онъ говорилъ въ то время, когда въ рукахъ у русскаго посла были доказательства французскихъ интригъ въ Швеціи противъ русскихъ интересовъ, и когда въ Брестѣ снаряжалась французская эскадра изъ четырехъ военныхъ кораблей въ Балтійское море. Сообщая объ этомъ, Кантемиръ прибавляетъ, что приказано офицерамъ и гардемаринамъ по своей возможности лучшій себѣ уборъ приготовить, чтобы могли при шведскомъ дворѣ въ богатомъ платьѣ явиться. Неблаговидно было и то, что эти приготовленія скрывались отъ русскаго посла, а онъ даже не смѣлъ свести о томъ разговора, связанный при[illegible]емъ — и[illegible]го, что можетъ дать мысль о подозрѣніи.

Не довольствуясь своими вымышленными подозрѣніями и безпрестанными увѣреніями въ своей правдивости, кардиналъ употреблялъ еще и другой маневръ, полагая, что посолъ можетъ сообщать своему двору заключенія объ его кардинальной двуличности, онъ самъ посылалъ къ тому двору письма съ легкими жалобами, которыя давали видъ неудовольствія. «Примѣчено въ немъ, — пишетъ Кантемиръ, — что когда опасается отъ кого жалобъ на себя, оныя своими жалобами предупреждаетъ». Такъ и Остерманъ получалъ письма, изъ которыхъ заключалъ, что французскій министръ былъ не совсѣмъ доволенъ русскимъ посломъ. А Кантемиръ не зналъ, какъ согласовать это съ тѣми личными любезностями, которыя выказывалъ ему кардиналъ, и съ тѣми похвалами, которыя онъ высказывалъ о немъ другимъ. Эта тонкая политика не сразу была понята молодымъ русскимъ дипломатомъ. Не могъ понять Кантемиръ и Остермана, который такъ боялся показать Флери малѣйшее недовѣріе даже и тогда, когда подтверждалось подозрѣніе русскаго посла. Самъ Остерманъ нисколько не довѣрялъ кардиналу Флери.

Несмотря на то, онъ постоянно убѣждалъ Кантемира выказывать кардиналу полное довѣріе, хотя бы и притворное, думая этимъ вызвать откровенность французскаго министра. Но тотъ былъ себѣ на умѣ. Онъ самъ постоянно твердилъ о своей откровенности и правдивости и продолжалъ безсовѣстно хитрить, убѣжденный, что вся дипломатія основана на хитрости.

Кантемиръ видѣлъ, что ему не подъ силу вести переговоры съ такимъ дипломатомъ, передъ которымъ онъ казался начинающимъ ученикомъ. Ему были крайне тяжелы постоянныя опасенія, что его перехитрятъ, подведутъ, незамѣтно для него нанесутъ ущербъ русскимъ интересамъ или достоинству русскаго двора, на него же нажалуются, введутъ въ отвѣтственность. Онъ уже думалъ отказаться отъ своего поста и писалъ Остерману въ началѣ мая 1739 года: «должность (долгъ) моя принуждаетъ меня объявить, что для нынѣшнихъ деликатныхъ негоціацiи и для *здѣшнихъ не гораздо простыхъ министровъ* требуется больше искусства и искусу (опыта), нежели во мнѣ самъ нахожу; *трудно...*» На это заявленіе не послѣдовало отвѣта, а было присылано приказаніе чтобъ «въ исполненіи указовъ поступать по нраву министровъ и по околичностямъ (обстоятельствамъ)».

Все это ясно показываетъ, какъ трудна была дипломатическая служба человѣка, склоннаго по своему характеру къ занятіямъ другого рода, и въ какомъ непріятномъ настроеніи духа часто приходилось бывать русскому сатирику. Онъ долженъ былъ писать множество разныхъ депешъ, подробно описывая свои свиданія съ кардиналомъ и статсъ-секретаремъ, свои разговоры съ ними, и въ то же время хлопотать о многихъ мелочахъ, упущеніе которыхъ грозило выговорами со стороны взыскательнаго Остермана.

Извѣстное злодѣйское убійство шведскаго майора Синклера, надѣлавшее столько шума въ Европѣ и приписанное распоряженіямъ русскихъ министровъ, поставило Кантемира въ крайне непріятное положеніе: онъ долженъ былъ всѣми силами оправдывать Россію, не зная въ то же время настоящей правды. А двусмысленное поведеніе маркиза де-ла-Шетарди въ Петербургѣ, въ качествѣ чрезвычайнаго посла, заставляло его безпрестанно обращаться къ кардиналу или статсъ-секретарю Амелоту за разъясненіями и жалобами, которыя присылались къ нему отъ русскаго двора и на которыя онъ получалъ самыя неудовлетворительныя объясненія и обѣщанія. Въ это время французская политика, ожидая правительственнаго переворота въ Петербургѣ, вела тамъ чрезъ своего посла тайныя интриги и, слѣдственно, должна была передъ нашимъ посломъ особенно маскироваться.

Кромѣ подобныхъ политическихъ затрудненій, русскому послу приходилось быть крайне осторожнымъ въ самыхъ мелочахъ, чтобы какъ-нибудь не затронуть щекотливости русскаго двора, который много заботился о томъ, чтобы не уронить своего достоинства при иностранныхъ дворахъ. Для примѣра мы приведемъ одинъ случай. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Парижъ Кантемиръ извѣщаетъ, что король назначилъ балъ *съ масками*. Посланникамъ были присланы пригласительные билеты съ увѣдомленіемъ, что для нихъ будетъ особая посольская скамья съ правой стороны королевскаго кресла. Въ то же время посланники узнали, что для принцевъ крови приготовлены табуреты. Между ними возникъ вопросъ, слѣдуетъ ли имъ ѣхать на балъ, такъ какъ принцы передъ ними поставлены выше. Рѣшили обратиться къ гофмаршалу и спросить, какія мѣста назначены принцамъ крови. Получили отвѣтъ уклончивый и неудовлетворительный; но рѣшили ѣхать на балъ.

Между посланниками было условіе — на этотъ разъ мѣстами не считаться, кто пріѣдетъ раньше, тотъ и займетъ мѣсто выше. Посланники цесарскій и испанскій нарочно пріѣхали какъ можно раньше, чтобы занять первыя мѣста. Явились и принцы крови и сѣли на табуреты за королевскимъ кресломъ, а двое изъ нихъ со смѣхомъ и шутками такъ помѣстились, что закрыли собою посланниковъ отъ королевскихъ взоровъ. Испанскій посолъ вспыхнулъ и громко обратился къ цесарскому, какъ старшему изъ всѣхъ, предоставляя ему вступиться за общую посольскую честь. Но цесарскій разсудилъ, что не слѣдуетъ горячиться и дѣлать шумъ, смолчалъ, а за нимъ смолчали и всѣ другіе, хотя испанскій объявилъ, что если бъ дѣло касалось его лично, то онъ сумѣлъ бы за себя вступиться. Впрочемъ, на другой день они объявили о своемъ неудовольствіи статсъ-секретарямъ для того, чтобы подобныя распоряженія не послужили примѣромъ для будущихъ баловъ. Описавъ все это съ большими подробностями, чѣмъ мы представили, Кантемиръ заключаетъ свое письмо выраженіемъ удовольствія, что ему не пришлось быть на балу, а слѣдственно и быть участникомъ въ скандалѣ, за который, можетъ-быть, пришлось бы отвѣчать передъ своимъ дворомъ.

Всѣ подобныя мелочи, ничтожныя сами по себѣ, могли навлекать на посланника большія неудовольствія и потому требовали крайней осторожности и осмотрительности.

Смерть царицы Анны, говоритъ французскій біографъ Кантемира, поставила его въ очень критическое положеніе. Удаленный отъ двора и не зная обстоятельно, что тамъ дѣлается, онъ чувствовалъ, что путь его былъ скользокъ; но онъ явился здѣсь и честнымъ человѣкомъ и ловкимъ политикомъ. Герцогъ Биронъ поспѣшилъ сообщить русскому послу о своемъ регентствѣ при малолѣтнемъ императорѣ. Этого сообщенія нельзя было оставить безъ приличнаго отвѣта, но Кантемиръ понималъ, что подобное регентство нѣмецкаго выходца столькомъ оскорбительно какъ для русскаго народа, такъ и для двора; онъ предугадывалъ, что [illegible] не крѣпко. Потому онъ послалъ свои поздравительныя отвѣты Бирону съ письмомъ къ одному изъ своихъ друзей, прося послать его по адресу, если *[illegible]* императрицы будетъ [illegible], въ противномъ же случаѣ сжечь письмо. Догадка его оправдалась: герцогъ Курляндскій былъ арестованъ прежде, чѣмъ письмо Кантемира

перешло въ его руки: почему и новое правительство не имѣло повода считать его въ числѣ приверженцевъ Бирона. Осторожность не была излишнею, прибавляетъ біографъ. Впрочемъ, нѣкоторое время онъ не надѣялся сохранить свой посольскій постъ, что видно изъ письма его: «По договору съ хозяйкою моею о наймѣ дому», пишетъ онъ, «я долженъ за шесть мѣсяцевъ платить, потому всеподданнѣйше прошу, чтобъ заранѣе о томъ отзывѣ, если оный случиться имѣетъ, указать меня увѣдомить, столь наипаче, что и кромѣ того мои долги и другія домашнія дѣла такое заранее извѣстіе требуютъ, и понеже къ немалой моей остудѣ нѣкакимъ образомъ къ предосужденію высочайшей вашей славы было бы, если бъ я, не уплатя тѣ свои долги и не удовольствовавъ всѣхъ, съ коими дѣла здѣсь имѣлъ, отсюда принужденъ былъ отъѣхать».

Въ отвѣтъ на это Кантемиръ былъ пожалованъ чиномъ тайнаго совѣтника и оставленъ на своемъ постѣ. По свидѣтельству того же біографа, Анна Леопольдовна имѣла намѣреніе сдѣлать Кантемира воспитателемъ своего сына-императора, что уже выказываетъ ея особое уваженіе и довѣріе. И дѣйствительно, замѣчаетъ біографъ, никто болѣе не былъ способенъ образовать умъ и сердце великаго монарха, какъ этотъ вельможа, соединявшій въ себѣ съ глубокимъ умомъ большое знаніе людей, благородство, любовь къ общественному благу и непоколебимую честность, подкрѣпляемую религіей. Но происшедшій новый переворотъ избавилъ его отъ опасенія принять на себя обязанность, тяжесть которой онъ заранѣе чувствовалъ и которой боялся какъ могилы своей свободы.

Во время регентства Анны Леопольдовны французская дипломатія тайно чрезъ Шетарди поддерживала надежды Елизаветы Петровны на престолъ, возбуждая къ тому же и Швецію, съ намѣреніемъ возвратить ей если не всѣ, то часть завоеваній Петра Великаго. При такихъ тайныхъ подкопахъ дипломатіи положеніе русскаго посла въ Парижѣ было крайне затруднительно. Не зная и не угадывая тайныхъ переговоровъ, онъ только видѣлъ, что съ нимъ хитрятъ, что на всѣ его представленія и протесты обращаютъ очень мало вниманія. Не улучшилось это положеніе и при Елизаветѣ Петровнѣ. Франція увидѣла, что она ошиблась въ своихъ расчетахъ. Съ восшествіемъ на престолъ дочери Петра, послѣ господства нѣмцевъ, сильно былъ возбужденъ русскій патріотизмъ. Нечего было и

думать объ уступкѣ какихъ-либо русскихъ областей. Напротивъ, русскій дворъ потребовалъ отъ Франціи полнаго признанія императорскаго титула за новою царицей и безъ него не хотѣлъ принимать никакихъ грамотъ, ни давать французскимъ посламъ аудіенціи. Кантемиръ долженъ былъ употреблять самые энергическіе настоянія и протесты. Французскіе министры дѣлали разныя обѣщанія, но медлили исполнить ихъ, видимо, желая выторговать разныя условія въ пользу своего двора. Кантемиръ старается вывести на видъ передъ своимъ дворомъ хитрости, коварство, недоброжелательство и недобросовѣстность французской политики, равно какъ и двуличное недостойное поведеніе маркиза Шетарди, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ почти постояннымъ предметомъ его депешъ, жилъ ли маркизъ въ Петербургѣ, или въ Парижѣ.

Въ концѣ 1742 года умеръ канцлеръ, князь Черкасскій, умѣвшій удержаться на высотѣ своей во время всѣхъ переворотовъ, которые приносили съ собою гибель многимъ министрамъ и придворнымъ. Въ немъ Кантемиръ находилъ себѣ сильную опору при дворѣ, считаясь женихомъ его дочери. Французскій его біографъ, въ качествѣ его же друга и повѣреннаго, сообщаетъ, что онъ не прочь былъ бы жениться на ней, но его смущало то, что другого заставило бы поторопиться свадьбой, т.-е. высокое положеніе князя Черкасскаго. Онъ говорилъ одному изъ своихъ друзей, что близкое родство съ первымъ министромъ въ государствѣ помѣшало бы тому спокойствію, котораго онъ добивался. Онъ боялся втянуться противъ воли въ государственныя дѣла, думая только о томъ, какъ бы удалиться отъ нихъ, чтобы вполнѣ посвятить себя распространенію наукъ и искусствъ въ своемъ отечествѣ. Такимъ образомъ свадьба отсрочивалась съ года на годъ; а по смерти князя Черкасскаго, вдова его, не желавшая также этого союза, поспѣшила выдать дочь за графа Шереметева. Смерть стараго князя была для Кантемира, дѣйствительно, потерею, которую нечѣмъ было замѣнить ему при дворѣ, и это онъ тѣмъ скорѣе почувствовалъ, что мѣсто сосланнаго Остермана занималъ Бестужевъ-Рюминъ, не расположенный къ Кантемиру. Говорятъ, что онъ опасался его, какъ соперника въ дипломатіи, и боялся, что тотъ рано или поздно сядетъ на его мѣсто.

Изъ многихъ непріятностей въ это время самою чувствительною для него было приказаніе отъ русскаго двора уволить

отъ службы секретаря его Гросса, который былъ самымъ дѣятельнымъ его помощникомъ и другомъ. Кантемиръ принялъ его въ посольскую службу еще въ Лондонѣ по просьбѣ старшаго его брата, бывшаго своего учителя, академика Гросса. Младшій Гроссъ оказался весьма дѣятельнымъ и способнымъ дипломатомъ, такъ что Кантемиръ, довольный имъ, взялъ его съ собою въ Парижъ. Мы не знаемъ, вслѣдствіе какихъ поводовъ русскій дворъ сталъ его подозрѣвать въ какой-то тайной предосудительной перепискѣ съ его братомъ-академикомъ, приказалъ Кантемиру опечатать всѣ его письма и его самого отстранить отъ службы. Кантемиръ немедля долженъ былъ исполнить это, но не могъ не отозваться объ осужденномъ съ самой лучшей стороны, и только послѣ усиленной просьбы получилъ позволеніе вновь принять Гросса на ту же службу.

Кромѣ хлопотливыхъ и часто очень непріятныхъ дипломатическихъ дѣлъ, Кантемиръ, какъ и въ Лондонѣ, долженъ былъ исполнять разнообразныя порученія, присылаемыя изъ Петербурга, какъ офиціальныя, такъ и частныя. *Стоюнинъ*.

Кантемиръ, какъ сатирикъ.

Всецѣло преданный, какъ и Татищевъ, интересамъ новаго времени, какъ они были указаны преобразователемъ, человѣкъ образованный, жадный къ знанію, сулившій себѣ блестящую будущность при Петрѣ, благодаря именно своей образованности, молодой Кантемиръ долженъ былъ начать свое служебное поприще съ обманутыми надеждами: Петръ былъ уже во гробѣ, его дѣло останавливалось, даже обнаруживалась реакція; преемниками Петра были — сначала женщина, обманувшая во многомъ надежды своихъ приверженцевъ, потомъ испорченный дурнымъ воспитаніемъ ребенокъ; частные интересы сильныхъ людей были на первомъ планѣ. Среди борьбы честолюбій молодой Кантемиръ явился одинокъ и былъ затертъ съ своими личными достоинствами и съ своею наукою, которыя при Петрѣ такъ легко прокладывали путь человѣку къ высшей дѣятельности. У Кантемира было нѣсколько братьевъ; по уставу майората, отецъ имѣлъ право изъ нѣсколькихъ сыновей выбрать одного, хотя бы и младшаго, и оставить ему все недви-

жимое имѣніе. Старый князь Димитрій Кантемиръ, умирая, предоставилъ назначеніе майората императору, при чемъ однако указывалъ на младшаго сына Антіоха, какъ на «лучшаго въ умѣ и наукахъ». Конечно, при жизни Петра Великаго Антіохъ на этомъ основаніи и получилъ бы майоратъ; но Петра не было, и Верховный Тайный Совѣтъ распорядился иначе, отдалъ майоратъ брату его Константину, разумѣется, не безъ помощи князя Д. М. Голицына, на дочери котораго былъ женатъ Константинъ Кантемиръ. Отсюда сильное раздраженіе Антіоха противъ существующаго порядка вещей, мрачный взглядъ, усиливаемый болѣзненнымъ состояніемъ, хотя, въ свою очередь, удары судьбы усиливали болѣзненное состояніе и были не безъ вліянія на преждевременную смерть; отсюда молодой человѣкъ, начавшій пробовать свой талантъ въ нѣжныхъ любовныхъ стихахъ, призналъ въ себѣ исключительную способность къ сатирѣ:

> Въ сатирахъ хочу состарѣти,
> А не писать мнѣ нельзя—не могу стерпѣти...
> Хоть муза моя всѣмъ сплошь имать досаждати,
> Богатъ, нищъ, веселъ, скорбенъ — буду стихи ткати;
> И понежѣ ни хвалить ни молчать не знаю,
> Одно благонравіе вездѣ почитаю,
> Проче въ сатиру писать въ вѣки не престану.

Будучи такъ сильно недоволенъ настоящимъ положеніемъ дѣлъ, т.-е. положеніемъ ихъ въ царствованіе Петра II, Кантемиръ естественно и необходимо примыкалъ къ тому немногочисленному кружку, который своею главою считалъ Ѳеофана Прокоповича, ученѣйшаго изъ русскихъ людей, за свою ученость подпавшаго гоненію отъ исчадій стараго мрака. Личныя достоинства и знанія, пролагавшія при Петрѣ путь къ чести, теперь «не въ авантажѣ обрѣтались», и вотъ по смерти Петра II это печальное положеніе дѣлъ хотятъ увѣковѣчить: двѣ знатнѣйшія фамиліи хотятъ сосредоточить всю власть въ своихъ рукахъ, свобода для очень немногихъ, вмѣсто самодержавія олигархія! Легко понять, почему Прокоповичъ, Татищевъ и Кантемиръ принимаютъ такое дѣятельное участіе въ движеніи, направленномъ противъ ограниченія самодержавія Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, т.-е. Голицыными и Долгорукими, ибо остальные члены Совѣта сами трепетали за свое будущее, никакъ не надѣясь удер-

жать своихъ мѣстъ подлѣ Голицыныхъ и Долгорукихъ. Дѣло шло не о томъ собственно, чтобы возвратить Россію къ допетровскому времени, какъ мы обыкновенно понимаемъ это время въ противоположность эпохѣ преобразованія; не во власти Долгорукихъ и Голицыныхъ было заставить Россію отказаться отъ европейскихъ условій жизни, если бы даже они этого и хотѣли: дѣло шло о противодѣйствіи стремленіямъ Петра Великаго въ извѣстныхъ частностяхъ, выгодныхъ или невыгодныхъ тѣмъ или другимъ лицамъ, тому или другому сословію, тому или другому кружку. Отсюда и могущественныя побужденія къ борьбѣ. Способности и знанія обрѣтались въ авантажѣ при Петрѣ; послѣ него обрѣлись не въ авантажѣ; напротивъ, люди, обрѣтавшіеся при Петрѣ не въ авантажѣ, подняли головы и чуть-чуть не погубили Ѳеофана; теперь предстоитъ переворотъ, затѣянный въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ; но этотъ переворотъ могъ ли быть выгоденъ Ѳеофану съ товарищи, могъ ли возвратить имъ авантажъ? Надежды на это не было никакой: захватывали власть въ свои руки люди, считавшіе главнымъ правомъ своимъ на власть происхожденіе, — люди, которые враждебно относились къ дѣятельности преобразователя именно за то только, что онъ вывелъ и далъ преимущественное значеніе худороднымъ людямъ за таланты знанія. Для однихъ время Петра было райскимъ, золотымъ вѣкомъ, потому что они тогда обрѣтались въ авантажѣ; для другихъ это время вовсе не было желаннымъ, потому что они тогда обрѣтались не въ авантажѣ или, по крайней мѣрѣ, не въ такомъ, на какой считали себя въ правѣ. Послѣдніе брали рѣшительный верхъ; первые должны были употребить всѣ усилія, чтобъ не дать имъ господства.

Усилія увѣнчались успѣхомъ; Голицынскій замыселъ рушился; но вначалѣ правительство считало нужнымъ соблюдать большую осторожность относительно враговъ и друзей; изданъ былъ манифестъ, направленный противъ архіереевъ-нововводителей, пренебрегавшихъ крестными ходами, а главою архіереевъ-нововводителей считался Ѳеофанъ; въ манифестѣ заключалась даже выходка противъ преобразователя, объявлялось, что относительно вѣры все будетъ по старинѣ, какъ было при дѣдѣ и отцѣ Анны. Должно-быть, къ этому времени относятся жалобные стихи Ѳеофана:

Коли дождусь я весела ведра
И дней красныхъ,
Коли явится милость прещедра
Небесъ ясныхъ?
Ни съ какихъ странъ свѣта не видно, —
Все ненастье;
Нѣтъ и надежды. О многобѣдно
Мое счастье!

Кантемиръ счелъ своею обязанностію написать Ѳеофану утѣшительные стихи (epodos consolatoria), въ которыхъ говоритъ, что по яснымъ примѣтамъ наступаетъ весна, явилась благодатная Діана (Анна); она скоро затравитъ дикихъ звѣрей, раздѣлитъ добычу (кожи этихъ звѣрей), и охранитъ стадо Ѳеофана, который представляется сѣдымъ пастухомъ, воспѣвающимъ Діану. Въ заключеніе Кантемиръ указываетъ на собственный примѣръ: его также постигло несчастье, но онъ не унываетъ:

У меня было мало козлятокъ,
Ты извѣстенъ,
Но и сихъ Егоръ и его други
Отогнали*).
Ужъ трижды солнце вкругъ обѣжало
Путь свой бѣлый,
А я не имѣю льготы ни мало,
Весь унылый,
Лишенъ и стадца, лишенъ хижины,
Лишенъ нивы,
Межъ пастушками брожу единый
Несчастный.

Кантемиръ надѣялся не понапрасну. Молодой человѣкъ былъ отправленъ министромъ въ Лондонъ на основаніи способностей и знаній, какъ дѣлывалось при Петрѣ; бѣдный пастушокъ получилъ также стадце и ниву (деревни въ Нижегородскомъ и Брянскомъ уѣздахъ) и воспѣлъ за это благодатной Діанѣ громкую оду. Но если обычаемъ времени, господствующими въ немъ отношеніями объясняется вообще привычка поэтовъ XVIII вѣка сочинять высокопарныя оды въ честь сильныхъ земли, то тѣмъ болѣе понятны похвальные стихи Аннѣ Ѳеофана и Кантемира, ибо они были диктованы благодар-

---

*) Георгій Дашковъ и его друзья, между которыми главный, разумѣется, князь Д. М. Голицынъ.

ностью. Сказавши, что Аполлонъ запретилъ ему писать похвалы императрицѣ по неимѣнію достаточнаго для того таланта, Кантемиръ заканчиваетъ свою оду такъ:

> **Молчу убо, но молча сильно почитаю**
> **Тую, отъ нея же честь и жизнь признаваю.**

Но для похвальной оды Кантемиръ не призналъ въ себѣ способностей; ему больше всего нравилась сатира: что же онъ осмѣивалъ въ ней?

По отношенію нашего автора ко времени Петра Великаго и послѣдующему за нимъ уже можно догадаться, кому больше всего достанется въ его сатирѣ; поклонникъ новаго начала умственнаго развитія посредствомъ науки, онъ прежде всего схватится съ старыми учителями, старыми руководителями общества, будетъ обвинять ихъ въ своекорыстномъ поклоненіи господствовавшему прежде началу, въ его искаженіи, раздражаясь тѣмъ, что старые руководители упрекали его злоупотребленіями, крайностями того начала, которому онъ служилъ; онъ упрекалъ ихъ въ суевѣріи, они упрекали его въ невѣріи. Борьба велась давно: началась она съ тѣхъ поръ какъ въ Москву явились новые учители изъ Кіева и Бѣлоруссіи и уличали старыхъ учителей въ невѣжествѣ, съ тѣхъ поръ какъ молодые люди стали ѣздить въ Кіевъ для науки и пренебрегать старыми духовниками; наплывъ новыхъ учителей усиливался все болѣе и болѣе, молодые люди стали ѣздить подалѣе Кіева за наукою и возвращались еще болѣе холодными къ своимъ духовнымъ отцамъ. Но и не одни ѣздившіе за границу для науки обнаруживали эту холодность: примѣръ Тверитинова съ товарищами показывалъ, какія могутъ быть слѣдствія того, что русскіе люди пошли въ науку къ иностраннымъ, иновѣрнымъ учителямъ. И старые учителя, которыхъ величаютъ невѣждами, оплачиваютъ своимъ порицателямъ, указывая въ наукѣ источникъ ереси, невѣрія. Это производило сильное впечатлѣніе; чтобы ослабить его, приверженцамъ новаго нужно было выставить обличителя въ смѣшномъ видѣ, показать, что онъ смѣшиваетъ существенное съ несущественнымъ, что онъ полагаетъ религію только въ одной внѣшности, въ одномъ обрядѣ, и дѣлаетъ это не по одному невѣжеству, но изъ самыхъ недостойныхъ побужденій, изъ честолюбія и корыстолюбія:

Расколы и ереси науки суть дѣти,
Больше вретъ, кому далось больше разумѣти,
Приходитъ въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ —
Критонъ съ четками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ,
И проситъ свята душа съ горькими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя паукъ вредно между нами:
Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
Праотческимъ шли слѣдомъ къ Божіей проворны
Службѣ, съ страхомъ слушая, что сами не знали,
Теперь къ церкви соблазну Библію честь стали;
Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину,
Мало вѣры подая священному чину;
Потеряли добрый нравъ, забыли пить квасу,
Не прибьешь ихъ палкою къ соленому мясу.
Уже свѣчекъ не кладутъ, постныхъ дней не знаютъ,
Мірскую въ церковныхъ власть рукахъ лишну чаютъ,
Шепча, что тѣмъ, что мірской жизни ужъ отстали,
Помѣстья и вотчины весьма не пристали.

Сухой прозаикъ Татищевъ, вооружаясь противъ излишнихъ доходовъ высшаго чернаго духовенства, требовалъ усиленія матеріальныхъ средствъ низшаго, бѣлаго духовенства, указывалъ, что крайняя бѣдность дѣлаетъ его неспособнымъ исполнять обязанности своего званія. Сатирикъ Кантемиръ не даетъ себѣ этого труда указывать причину явленія; онъ хватаетъ смѣшныя и ненравственныя черты, чтобъ только поглумиться надъ попомъ, и глумленіемъ своимъ еще ниже погрузить несчастнаго въ ту тину, изъ которой Татищеву хотѣлось бы его вытянуть для общей пользы. Говоря о зависти, Кантемиръ непремѣнно выставитъ зависть поповъ соборныхъ; описывая, какъ онъ весело и скоро пишетъ сатиры, дѣлаетъ такое сравненіе:

Проворенъ, веселъ спѣшу, какъ вождь на побѣду,
Или какъ попъ съ похоронъ къ жирному обѣду.

Кантемиръ не пропуститъ укорить попа и за то, что онъ «молитвы ворчитъ, спѣша сумасбродно, самъ не зная, что поетъ». Посмѣется и надъ аппетитомъ поповской семьи:

Пространный столъ, что семьи поповской съѣсть трудно,
Въ тридцать блюдъ, еще ему мнилось яство скудно.

Татищевъ указываетъ причину, почему священникъ не учитъ своихъ прихожанъ, а бражничаетъ съ ними; Кантемиръ глу-

мится надъ явленіемъ, и хотя выставляетъ бѣдность священника, но не съ тѣмъ, чтобы возбудить сочувствіе къ бѣдствующему:

Вонъ на пастырей взглянемъ,
Такъ тутъ-то ужъ развѣ дивиться устанемъ.
Хочетъ ли кто Божьихъ словъ въ церкви поучиться
Отъ пастыря, то я въ томъ готовъ поручиться,
Что, ходя въ церковь, не разъ потомъ обольется,
А чуть ли о томъ отъ нихъ и слова добьется.
Если жъ бы онъ подошелъ къ попу на кружало,
То ужъ тамъ однихъ ушей будетъ ему мало.
Не переслушаешь рѣчь его медоточну:
Опишетъ онъ тамъ кругомъ церковь всю восточну.
Да какъ? Не ученіемъ вѣдь здравымъ и умнымъ.
Но суевѣрнымъ и мозгомъ своимъ съ вина шумнымъ:
Плететъ тутъ безъ разсмотру и безъ стыда враки,
Въ первыхъ, какъ онъ искусенъ все свершать браки,
Сколько разъ коло стола обводити знаетъ
И какой стихъ за всякимъ ходомъ припѣваетъ.
То все это разсказавъ, станетъ поучати,
Какъ съ честью его руку должно цѣловати.
Не знаю, говоритъ, какъ тѣ люди спасутся,
Что давать намъ на церковь и съ деньгами жмутся.
Вѣдь не съ добра моя въ заплатахъ де ряса;
Вонъ дома назавтрѣ нѣтъ на что купить мяса,
Все де чортъ склонилъ людей и съ нѣмцами знаться.

Говоря о трудномъ дѣлѣ, Кантемиръ не преминетъ сказать: «труднѣй то — нежели попу не славить святую недѣлю». Смѣшно — и довольно, а почему — сатирикъ не обязанъ этого объяснять.

Не щадя духовенства, Кантемиръ, разумѣется, предполагалъ, что и оно его щадить не будетъ; такъ, въ сатирѣ на человѣка онъ говоритъ:

Здѣсь пора бы ужъ кончить, но зрю предъ собою
Толпу людей брадатыхъ, черною главою
Киваюшихъ, и слышу съ ярости вопити,
Временной, вѣчной казни мя достойна быти —
За то, что тварь изящну, чудну, несказанну,
На подобіе Творца премудро созданну,
Такъ охулить дерзнуло перо неучтиво.

Мы видѣли, что Кантемиръ приписывалъ свою бѣду Георгію Дашкову и друзьямъ его. Мы не имѣемъ права отвергать этого свидѣтельства: Дашковъ, архіерей неученый и стремившійся однако къ первенству, къ патріаршеству, враждовавшій съ Ѳео-

фаномъ Прокоповичемъ, старавшійся показать, что Өеофанъ не имѣетъ права на первенство, потому что основаніе этого права, ученость, ведетъ къ неправославному образу мыслей, какъ это и видно въ Өеофанѣ,—такой архіерей не могъ сочувствовать молодому человѣку, жаркому поклоннику науки и ученѣйшаго архіерея — Өеофана; враждебно столкнуться имъ было гдѣ, и устная сатира Кантемира относительно Дашкова, вѣроятно, предупредила писанную. Въ началѣ второй сатиры прямо выводится ростовскій архіепископъ, опечаленный тѣмъ, что не могъ достигнуть патріаршества.

Что такъ смутенъ, дружокъ мой? Щеки внутрь опали,
Блѣденъ и глаза красны, какъ бы ночь не спали!
Задумчивъ какъ тотъ, что чинъ патріаршъ достати
Ища, конный свой заводъ раздарилъ некстати.

И въ первой сатирѣ, конечно, имѣлся въ виду тотъ же Дашковъ:

Епископомъ хочешь быть? уберися въ рясу,
Сверхъ той тѣло съ гордостью риза полосата
Пусть прикроетъ, повѣсь цѣпь на шею отъ злата,
Клобукомъ покрой главу, брюхо бородою,
Клюку пышно повели везти предъ тобою.
Въ каретѣ раздувшися, когда сердце съ гнѣву
Трещитъ, всѣхъ благословлять нудь праву и лѣву;
Долженъ архипастыремъ всякъ тя въ сихъ познати
Знакахъ, благоговѣйно отцомъ называти.
Что въ наукѣ? что съ нея пользы церкви будетъ?
Иной, пиша проповѣдь, выпись позабудетъ,
Отъ чего доходамъ вредъ, а въ нихъ церкви права
Лучшія основаны, и вся церкви слава.

Георгій Дашковъ не отличался монашескимъ образомъ жизни: не отличалось имъ другое духовное лицо, также враждебное Өеофану, а слѣдовательно, и друзьямъ его, троицкій архимандритъ Варлаамъ, котораго нѣкоторые прочили въ патріархи за благочестіе. Благочестіе! но это лицемѣріе, по словамъ друзей Өеофана, и вотъ сатирикъ рисуетъ Варлаама:

Варлаамъ смиренъ, молчаливъ, какъ въ палату войдетъ
Всѣмъ низко поклонится, къ всякому подойдетъ,
Въ уголъ свернувшись потомъ, глаза въ землю вткнитъ;
Чуть слыхать, что говоритъ, чуть, какъ ходитъ, ступитъ.
Безпрестанно четки въ рукахъ, на всякое слово
Страшное имя Христа въ устахъ тѣхъ готово.

Молебны пѣть и свѣчи класть склоненъ безъ мѣру,
Умильно десятью въ часъ выхваляетъ вѣру
Тѣхъ, кои церковную славу расширили
И великолѣпенъ храмъ Божій учинили;
Души де ихъ подлинно будутъ наслаждаться
Вѣчныхъ благъ. Слово къ чему, можешь догадаться:
О доходахъ говорить церковныхъ склоняетъ,
Кто далъ, чѣмъ жирѣетъ онъ, того похваляетъ,
Другое всякo не столь дѣло годно Богу,
Тѣмъ однимъ легку сыскать можемъ въ рай дорогу.
Когда въ гостяхъ за столомъ — и мясо противно
И вина не хочетъ пить, да то и не дивно:
Дома съѣлъ цѣлый каплунъ, и на жиръ и сало
Бутылки венгерскаго съ нуждой запить стало.
Безперечь совѣтуетъ гнѣва удаляться
И досады забывать; но ищетъ въ прахъ стерти
Тайно недруга, не дастъ покой и по смерти.

Но среди этихъ невѣждъ, честолюбцевъ, корыстолюбцевъ и лицемѣровъ поднимается одинъ достойный пастырь, осыпаемый похвалами: это Өеофанъ Прокоповичъ. Өеофанъ стихами привѣтствовалъ первую сатиру девятнадцатилѣтняго Кантемира, озаглавленную: «На хулящихъ ученія». Өеофанъ уговаривалъ молодого сатирика плюнуть на угрозы сильныхъ глупцовъ и продолжать свое дѣло, нападать на «нелюбящихъ ученой дружины». Кантемиръ въ 3-й сатирѣ называетъ Өеофана «дивнымъ первосвященникомъ, которому сила высшей мудрости открыла всѣ свои тайны; пастыремъ, недремно радѣющимъ о своемъ стадѣ, часто сѣющимъ сѣмя спасенія и растящимъ его словомъ и примѣромъ, защитникомъ церковной славы, исправителемъ испорченныхъ нравовъ пастырскихъ; воля Всевышняго исходитъ изъ его устъ ясною и проч.

Изъ свѣтскихъ современниковъ Кантемира въ сатирахъ его замѣтно выдается фаворитъ Петра II, молодой князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій. У автора могли быть съ нимъ и личныя столкновенія; но и кромѣ того, Кантемира могла раздражить противоположность судьбы Долгорукаго и его самого: оба были очень молоды, оба были знатнаго происхожденія, но одинъ, богатый дарованіями и знаніями, былъ бѣденъ и занималъ ничтожное положеніе; другой, не имѣя ни талантовъ ни образованія, былъ на верху почестей. Вотъ что говоритъ Кантемиръ о Долгорукомъ:

Сей новый Менандровъ другъ Ксеновъ назывался,
Коему и власть и чинъ высокій достался

Въ двадцать лѣтъ, юность тесна и въ уздѣ ретива,
Сего уже разуздавъ богиня плѣшива,
Ты самъ суди, какъ съ одной рыскалъ на другую
Пропасть, потерявъ совсѣмъ дорогу прямую.
Часто смотря на него, я лопался со смѣху,
Хоть меня шутомъ Менандръ ему далъ въ утѣху.
Неумѣренъ въ похоти, самолюбивъ, тщетной
Славы рабъ, невѣжествомъ наипаче примѣтной,
На ловли съ младенчества воспитанъ съ псарями,
Какъ ничему не учась, смѣлыми словами
И дерзкимъ лицомъ о всемъ хотѣлъ разсуждати,
(Какъ бы знанье съ властью раздѣльно бывати
Не могло), надъ всѣми свой совѣтъ почитати,
И чтительныхъ сѣдиной молчать заставляя,
Хотя искусъ требуетъ и труды и лѣта.

Кромѣ выходокъ противъ пороковъ духовенства, въ сатирахъ Кантемира встрѣчаемъ слѣдующія темныя стороны тогдашняго общества: судья бѣжитъ осторожно отъ просителя, у котораго карманъ пустъ. Цѣловальникъ, давши взятку судьѣ, прикрываетъ свое казнокрадство. Купецъ при продажѣ безпрестанно божится. Въ высшемъ обществѣ авторъ нападаетъ на щегольство, картежничество; упрекаетъ за дурное обращеніе съ крѣпостными:

Каменный душою
Бьешь холопа до крови, что махнулъ рукою
Вмѣсто правой лѣвою: звѣрямъ лишь прилична
Жадность крови, плоть въ слугѣ твоемъ одналична.

Цѣлую сатиру Кантемиръ посвятилъ «безстыдной нахальчивости». Это явленіе особенно свойственно обществамъ незрѣлымъ, каково было русское, и причиняетъ страшный вредъ. По отсутствію достаточнаго образованія въ лицахъ правительственныхъ и въ массѣ, нѣтъ способности и привычки критически и спокойно относиться къ явленіямъ и людямъ, подвергать ихъ строгой оцѣнкѣ; вслѣдствіе умственной неразвитости человѣкъ привыкъ увлекаться первымъ впечатлѣніемъ, внѣшностью, уступать силѣ, натиску, считать громкую и быструю рѣчь признакомъ сильнаго ума и обширныхъ знаній. Отсюда люди дѣйствительно способные, знающіе и трудолюбивые, но скромные, добросовѣстные и занятые, слѣдовательно не имѣющіе времени бѣгать ко всѣмъ и всюду трубить о себѣ, остаются въ тѣни, забытые, не имѣютъ достойнаго для ихъ способностей и знаній поприща, а выходятъ наверхъ люди,

способные выставляться, говорить и громко говорить сами о себѣ, мозолить глаза другихъ своимъ присутствіемъ всюду и такимъ образомъ пріобрѣтать памятованіе о себѣ, извѣстность. Человѣкъ дѣйствительно способный и знающій работаетъ гдѣ-нибудь въ углу; кто его знаетъ, кто его помнитъ? Да если и вспомнятъ и спросятъ о чемъ-нибудь, то чудакъ отвѣтитъ: «не знаю, надобно подумать, справиться», а это скучно; тогда какъ нахалъ всегда тутъ и все знаетъ, отвѣтъ на все готовъ; придумаетъ что-нибудь, всѣмъ разскажетъ по двадцати разъ, напишетъ три строки — объѣздитъ всѣхъ сильныхъ земли и прочтетъ. Нужды нѣтъ, что эти строки по напечатаніи сейчасъ забываются; нужды нѣтъ, что и слушающіе скучаютъ чтеніемъ неугомоннаго автора, но очень пріятно, что человѣкъ пришелъ, прочелъ, значитъ уважаетъ, дорожитъ мнѣніемъ, считаетъ способнымъ оцѣнить произведеніе, помнитъ, и его за это помнятъ и напоминаютъ объ немъ когда нужно. Поднимается важный вопросъ, начнется общее дѣло — нашъ молодецъ тутъ первый, суетится и кричитъ громче всѣхъ. Кантемиръ не могъ не отозваться съ горечью объ этомъ явленіи.

Другой, кому боги благосклонны,
Дали мѣдное лицо, дабы всѣ законны
Стыда чувства презирать, не рдясь, не блѣднѣя,
У всякихъ стучитъ дверей, предъ всякимъ и шея
И спина гнется его; въ отказѣ зазору
Не знаетъ, скучая всѣмъ, дерзокъ безъ разбору.
Заслуги свои, родъ, умъ съ устъ онъ не спускаетъ,
Чужія щиплетъ дѣла, о всемъ дерзко судитъ,
Себя слушать и нѣмѣть всѣхъ въ бесѣдѣ нудитъ,
И дивиться наконецъ себѣ заставляетъ.
Рѣдко кто рѣчи людей право вносить знаетъ,
И склоненъ, испытавъ словъ силу всѣхъ подробно,
Судить потомъ, каковъ мозгъ, кой родитъ удобно
Легко тѣ слова; больша часть въ насъ по числу мѣритъ
Словъ разумъ, и глупцами молчаливыхъ вѣритъ.

Разумѣется, Кантемиръ въ своихъ сатирахъ не могъ не коснуться того унизительнаго порока, который былъ такъ силенъ въ древней Россіи и отъ котораго не отставала новая ни въ одномъ слоѣ общества, — именно пьянства; не могъ онъ не коснуться и того печальнаго взгляда, что финансовыя выгоды правительства связаны съ поддержаніемъ этого порока. Выставляя опасность, которую могутъ навлечь на автора его сатиры, Кантемиръ говоритъ:

Вонъ Кондратъ съ товарищи, сказываютъ, дышитъ
Гнѣвомъ, и стряпчихъ собравъ челобитну пишетъ,
Имѣя скоро меня ужъ на судъ позвати,
Что хуля Клитесовъ правъ, тщуся умаляти
Пьяницъ добрыхъ, и съ ними кружальны доходы.

Отвратительная картина пьянства представлена въ пятой сатирѣ; сатиръ разсказываетъ:

Прибылъ я въ городъ вашъ въ день нѣкой знаменитый;
Пришедъ къ воротамъ, нашелъ, что снитъ какъ убитой
Мужикъ съ ружьемъ, который, какъ потомъ провѣдалъ,
Поставленъ былъ входъ стеречь; еще не обѣдалъ
Было народъ, и солнце полкруга небесна
Не пробѣгло, а почти ужъ улица тѣсна
Была отъ лежащихъ тѣлъ. При взглядѣ я первомъ
Чаялъ, что моръ у васъ былъ; да не пахнетъ стервомъ,
И вижу, что прочіе тѣхъ не отбѣгаютъ
Тамъ люди, и съ нихъ самыхъ иные подымаютъ
Руки, или головы тяжки и румяны;
И слабость ногъ лишь не даетъ встать; словомъ, всѣ пьяны.
Пьяны тѣ, кои лежатъ, прочи не потрезвѣе,
Не обильнѣе умомъ, ногами сильнѣе.

Мы видѣли, въ какихъ отношеніяхъ находились Ѳеофанъ, Кантемиръ и Татищевъ и имъ подобные ко времени Петра и къ послѣдовавшему за нимъ, въ какихъ надеждахъ воспитались они, утвердились при Петрѣ, и какъ обманулись въ нихъ по его смерти: отсюда тоска о золотомъ вѣкѣ минувшемъ, жалобы на настоящее, стараніе показать, что лучшее будущее возможно только тогда, когда возвратятся назадъ, къ началамъ и стремленіямъ, господствовавшимъ при Петрѣ. Положеніе *ученой дружины* послѣ Петра рѣзко выражено въ слѣдующихъ стихахъ Кантемира:

Къ намъ не дошло время то, въ коемъ предсѣдала
Надъ всѣмъ мудрость, и вѣнцы одна раздѣляла,
Будучи способъ одна къ высшему восходу,
Златой вѣкъ до нашего не дотянулся роду;
Гордость, лѣность, богатство мудрость одолѣло,
Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло.
Подъ митрой гордится то, въ шитомъ платьѣ ходитъ,
Судитъ за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ.
Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ страдавши на морѣ корабельной службы.

22*

Что эти стихи вылились прямо изъ сердца, переполненнаго тоскою по свѣтломъ прошедшемъ, смѣненномъ мрачнымъ настоящимъ, доказываетъ поэтическое достоинство ихъ. Превосходно выраженіе, взятое изъ знакомаго тогда всѣмъ мѣстничества: «науку невѣжество мѣстомъ уже посѣло». Превосходно сравненіе «съ страдавшими на морѣ корабельной службы». Дѣйствительно, многихъ во время качки преобразовательной эпохи сильно тошнило отъ науки, требуемой преобразователемъ; пріятно имъ было теперь отдохнуть, и, разумѣется, враждебно смотрѣли они на тѣхъ, которые приглашали ихъ опять въ море.

По убѣжденіямъ Кантемира, посредствомъ «мудрыхъ указовъ Петровыхъ, русскіе стали новымъ народомъ». Петръ есть отецъ новыхъ русскихъ людей, отецъ «ученой дружины» (въ смыслѣ древнегреческаго героя, родоначальника):

> Большую часть всего того, что въ насъ приписуемъ
> Природѣ, если хотимъ изслѣдовать зрѣло,
> Найдемъ воспитанія одного быть дѣло,
> И зналъ то, высшимъ умомъ монархъ одаренный,
> Петръ, отецъ нашъ, никакимъ трудомъ утомленный,
> Когда труды его намъ въ пользу были нужны.
> Училища основалъ, гдѣ промыслъ услужный
> Въ пути добродѣтелей умѣлъ бы наставить
> Младенцевъ, осмѣлился и престолъ оставить
> И покой: самъ странствовалъ, чтобъ подать собою
> Примѣръ въ чужихъ брать краяхъ то, что подъ Москвою
> Сыскать нельзя: сличные человѣку нравы
> И искусство. Былъ тотъ трудъ корень нашей славы.
> Мужи вышли годные къ мирнымъ и военнымъ
> Дѣламъ, внукамъ памятны нашимъ отдаленнымъ.

Послѣ Петра все пошло дурно; даже и въ стараніи исполнить его предначертанія относительно просвѣщенія не умѣли вести дѣло какъ слѣдуетъ. Такъ, нашъ ученый сатирикъ недоволенъ Академіею Наукъ:

> Вонъ дивись, какъ ученія заводятъ заводы:
> Строятъ безмѣрнымъ коштомъ тутъ палаты славы:
> Славятъ, что ученія будутъ тамо главны;
> Тщатся хоть именемъ умножить къ нимъ чести
> (Коли не дѣломъ): пишутъ печатныя вѣсти:
> Вотъ завтра ученія высоки начнутся,
> Вотъ ужъ и учители заморски сберутся:
> Пусть какъ можно всякъ скоро о себѣ радѣетъ,
> Кто оныхъ обучаться охоту имѣетъ.

Иной бѣдный, кто сердцемъ учиться желаетъ,
Всѣми силами къ тому скоро поспѣшаетъ,
А пришедъ, комплиментовъ увидитъ не мало,
Высокихъ же наукъ тамъ стѣни не бывало.

Кантемиръ имѣлъ одинакую участь съ Татищевымъ: и его сочиненія не были изданы при его жизни; сатиры ходили по рукамъ въ рукописяхъ, и легко понять, что однимъ изъ главныхъ распространителей ихъ былъ «дивный первосвященникъ», Θеофанъ Прокоповичъ. Для него очень важно было распространять сочиненія, въ которыхъ осмѣивались его враги и въ которыхъ онъ выставлялся единственнымъ достойнымъ пастыремъ Христова стада; здѣсь дѣло шло не объ одномъ удовлетвореніи самолюбія: сатиру Кантемира Θеофанъ выставлялъ какъ щитъ отъ враговъ, которые достойнѣйшаго изъ пастырей, дивнаго первосвященника, не переставали выставлять еретикомъ, волкомъ, а не пастыремъ. Въ собраніяхъ, на вечеринкахъ, люди, относившіеся къ Θеофану и врагамъ его одинаково съ Кантемиромъ, читали сатиры послѣдняго.

Соловьевъ.

Содержаніе, форма и стихъ сатиръ Кантемира.

Содержаніемъ сатиръ Кантемира служитъ выраженіе негодованія или насмѣшки, вызванныхъ врагами Петровой реформы. Враговъ этихъ было два рода: приверженцы старины, не хотѣвшіе вовсе принять идеи великаго преобразователя, и безсмысленные послѣдователи новизны, плохо или даже превратно понимавшіе характеръ преобразованіи. Кантемиръ преимущественно вооружается противъ первыхъ; однако есть у него злыя выходки и противъ вторыхъ.

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытны стихи второй сатиры отъ 135 до 187 ст.: они содержатъ въ себѣ яркое описаніе современнаго щеголя, вѣрную копію тѣхъ верхоглядовъ, которые, посѣтивъ чужіе краи, усвоили себѣ одинъ внѣшній блескъ европейской жизни, выучились только умѣнью одѣваться по модѣ да искусству пировать.

Но большая часть негодованія и насмѣшекъ обращена Кантемиромъ на упорство старины. Бичомъ своей сатиры преслѣдуетъ онъ въ особенности тѣхъ, которые, по словамъ Θеофана, «не любили ученой дружины». Онъ зналъ, что пе-

редовое зло времени гнѣздилось въ невѣжествѣ, и потому первая сатира его, написанная въ 1729 году, на двадцатомъ году возраста, преслѣдуетъ обскурантовъ, т.-е. поклонниковъ умственной тьмы. Въ хронологическомъ порядкѣ появленія сатиръ есть разумная послѣдовательность: она объясняется состояніемъ общества, его пороками, болѣе или менѣе важными. Вражда къ просвѣщенію была главнымъ чувствомъ старой жизни, и Кантемиръ прежде всего осмѣиваетъ тѣхъ своихъ согражданъ, которые проповѣдовали безполезность наукъ. Даже внутреннее достоинство его произведеній совпадаетъ съ важностію общественнаго блага, во имя котораго онъ ратовалъ, съ силою общественнаго зла, противъ котораго ратовалъ: сатира его, первая по времени, есть въ то же время первая и по литературному значенію, она беретъ преимущество надъ прочими силою правдивыхъ укоризнъ. За невѣжествомъ шло ближайшее непосредственное его слѣдствіе — превратное понятіе о достоинствѣ человѣка: внѣшнее предпочиталось внутреннему, случайное — существенному. При завязавшейся послѣ Петра борьбѣ стараго съ новымъ, рѣзко обнаружилось различіе понятій объ истинномъ достоинствѣ человѣка: эти понятія выражены второю сатирою «Объ истинномъ благородствѣ».

Разсмотримъ обѣ сатиры по содержанію и формѣ, сохраняя тотъ же порядокъ и при анализѣ остальныхъ.

Первая направлена противъ невѣждъ и нелюбящихъ науки, почему Кантемиръ и назвалъ ее сначала: «На хулящихъ ученіе». Но это названіе, заимствованное изъ содержанія пьесы, замѣнено потомъ другимъ: «Къ уму моему», взятымъ отъ формы изложенія. Во внѣшнемъ отношеніи Кантемиръ, видимо, подражалъ девятой сатирѣ Буало: «A son ésprit», въ которой французскій стихотворецъ, подъ видомъ нападокъ на самого себя, написалъ злую сатиру на другихъ. Подобные сатирическіе пріемы сообщаютъ автору ловкій способъ изображать людскіе пороки и глупость. Димитріевъ употреблялъ подобный пріемъ въ «Чужомъ толкѣ», а князь Вяземскій въ сатирѣ «Къ перу моему» — очевидномъ подражаніи или переводѣ седьмой сатиры Буало (Muse, changeons de style, et quittons la satire).

Сатира начинается обращеніемъ къ «недозрѣлому уму, плоду недолгой науки». Авторъ проситъ его успокоиться, не пону-

ждать къ перу руки: ибо авторство — самый непріятный путь къ славѣ, которой можно достигнуть въ нашъ вѣкъ многими «нетрудными» путями.

За введеніемъ слѣдуютъ рѣчи противниковъ просвѣщенія. Каждый изъ нихъ исчисляетъ вредныя слѣдствія наукъ. Прежде всѣхъ говоритъ ханжа Критонъ, невѣжа и суевѣрный. Онъ вооружается противъ науки подъ видомъ религіозной ревности. У Сильвана, «стариннаго скупого дворянина, который объ одномъ своемъ помѣстьѣ радѣетъ, осуждая все то, что умноженію его доходовъ не служитъ», другое неудовольствіе на науку:

Ученіе, говоритъ, намъ голодъ наводитъ. Мнѣніе Сильвана, который вооружается противъ науки, какъ предмета, не дающаго денегъ, имѣло между разными невѣжественными доводами одно достаточное основаніе въ его время: науками занимались отвлеченно, въ тиши кабинета, *прилежа къ нимъ, какъ* самъ Кантемиръ прилежалъ къ стихотворству, *въ лишніе часы.* Теперь науки приносятъ не одно удовольствіе, нужное себялюбивымъ дилетантамъ, но и деньги, необходимыя всѣмъ, и потому современный Сильванъ пошелъ бы на нихъ не съ аргументомъ безденежья, а съ новымъ упрекомъ. По различію эпохъ различаются и гоненія на ученость. Въ «Горѣ отъ ума» для пресѣченія зла совѣтуютъ сжечь книги, потому что человѣкъ начитанный, подобно Чацкому, можетъ сойти съ ума въ общественномъ мнѣніи...

Третій хулитель ученія, румяный Лука, «трижды рыгнувъ», подпѣваетъ:

Наука содружество людей разрушаетъ. Конечно, люди созданы для сообщества, и человѣкъ остается безплодной тварью, когда онъ запрется въ чуланъ, забывъ весь свѣтъ для чернилъ и бумаги. Въ свѣтѣ есть нѣчто лучшее чернилъ и бумаги. Въ свѣтѣ есть нѣчто лучшее хорошей книги — это хорошій человѣкъ, и есть нѣчто лучше чтенія хорошей книги — это жизнь съ хорошимъ человѣкомъ. Во времена Кантемира ученые удалялись въ кабинетъ: онъ самъ любилъ уединеніе для наукъ. Ложное понятіе объ учености, которая будто бы не должна знать общества, было тогда въ большомъ обращеніи. Сатира вооружается противъ мнѣнія Луки потому, что подъ сообществомъ разумѣетъ веселье и пиры, провожденіе времени съ кубкомъ въ рукахъ. Похвала пьянству, воспѣвае-

мая Лукою, есть подражаніе Горацію, который въ пятомъ посланіи славитъ вино. Вотъ гимнъ латинскаго поэта дарамъ Бахуса: «Чего не производитъ вино? Оно разоблачаетъ тайны, осуществляетъ надежды, устремляетъ въ бои труса, снимаетъ съ души бремя безпокойствъ, учитъ всѣмъ искусствамъ. Кого полная чаша не дѣлала краснорѣчивымъ? Есть ли хоть одно сердце, стѣсненное бѣдностію, которое оно не растворило бы радостію?» Горацій, поклонникъ изящнаго эпикуреизма, смотритъ на вино глазами поэта и видитъ эстетическую его сторону; его похвалы упоенію искренни, и эта искренность, выраженная поэтически, миритъ читателя съ тѣмъ мнѣніемъ, которое онъ, быть-можетъ, осуждаетъ, какъ противное добропорядочному поведенію. Лука же искренно хвалитъ вино, исчисляя добрыя его качества, тогда какъ цѣль автора была возвысить книги надъ чашей. Такая несоотвѣтственность между намѣреніемъ сатирика и его словами не объясняется даже ироніей, потому что Лука говоритъ вовсе не иронически: она объясняется только чистымъ подражаніемъ Горацію. Напротивъ, въ стихахъ отъ 167—107 видимъ черту русской жизни, современной Кантемиру: въ седьмой элегіи Овидія, изъ которой они взяты, нѣтъ и, разумѣется, не могло быть и помина о чернецѣ.

Наконецъ, четвертый хулитель просвѣщенія—щеголь Медоръ — представитель того класса людей, которые, какъ сказано выше, по внѣшности только усвоили себѣ образованіе, а въ сущности остались невѣждами. Послѣ такихъ сужденій, который автору приходится слышать повседневно, онъ совѣтуетъ уму молчать. У нашихъ дѣйствій, говоритъ онъ, двѣ побудительныя причины: польза и слава. Если нѣтъ пользы, одобряетъ похвала, а если вмѣсто того и другого терпишь хулу — что тогда?

> Труднѣе то, нежъ пьяницѣ вина не имѣти?
>
> . . . .
>
> Нежьли купцу пиво пить не въ три пуда хмѣлю.
>
> (Ст. 118—120).

Предметы для сравненія, какъ всякій видитъ, взяты не изъ-за моря и представлены не гиперболически, хотя стихотворная вольность и разрѣшаетъ тропы и фигуры. Въ примѣчаніи объяснено, что купцы «наши» не только въ три, но часто въ пять пудъ хмелю варятъ варю. Изображеніе «нашихъ»,

т.-е. современныхъ Кантемиру, типовъ составляетъ самую важную, драгоцѣнную сторону его сатиръ.

Возраженіе ума, какъ дѣйствующаго лица въ сатирѣ, что щеголь, скупецъ, ханжа, пьяница и подобные имъ люди должны хулить науку, но что рѣчь ихъ не уставъ умнымъ, авторъ находитъ неутѣшительнымъ, потому что слова злобныхъ владѣютъ умными. Притомъ же, четыре лица, представленныя сатирикомъ, составляютъ только малую часть враговъ просвѣщенія, которыхъ легіоны. Между ними видишь (сказано въ примѣчаніи) и тѣхъ, кому Өемида ввѣрила золотые вѣсы. Они не любятъ истиннаго украшенія жизни — науки; они знаютъ, что безъ науки можно быть судьею (ст. 147—157). Въ заключеніе авторъ, снова обращаясь къ уму, совѣтуетъ ему хранить молчаніе, скучать и знать про себя пользу наукъ, чтобы гласнымъ указаніемъ не нажить себѣ, вмѣсто похвалъ, злого порицанія.

Вторая сатира, писанная вскорѣ послѣ первой, имѣетъ форму разговорную. Разговоръ происходитъ между Филаретомъ (что значитъ на греческомъ языкѣ — любитель добродѣтели) и Евгеніемъ (дворянинъ). Цѣль ея — осмѣять тѣхъ изъ дворянъ тогдашней эпохи, которые, не имѣя благонравія, тщеславятся однимъ знаніемъ и завидуютъ, сверхъ того, счастію другихъ, которые своими заслугами восходятъ въ знать. Она — подражаніе восьмой сатирѣ Ювенала, которая признается лучшею, или пятой сатирѣ Буало, который подражалъ Ювеналу. «Истинное благородство», говоритъ Ювеналъ, «происходитъ отъ добродѣтели: заслуживаютъ ли уваженія тѣ, которые, имѣя знаменитыхъ предковъ, добровольно становятся возницами, скоморохами, гладіаторами?» Подобно ему, Кантемиръ выражаетъ содержаніе своей сатиры отъ стиха 69-го до 83-го.

Вѣроятно, по этой причинѣ одно изъ разговаривающихъ лицъ, получило названіе Филарета. У Горація есть также сатира объ истинномъ благородствѣ (шестая первой книги), но его снисходительная философія не имѣетъ ничего общаго съ желчнымъ негодованіемъ Ювенала, бичующаго злоупотребленія.

Разговорную форму Кантемиръ заимствовалъ изъ девятой сатиры Ювенала или изъ третьей сатиры Буало. Начало у всѣхъ троихъ одинаковое по внѣшнему виду; но изъ сличенія содержанія и обстоятельствъ разговора открывается особенность каждаго сатирика. У Ювенала съ первыхъ строкъ ви-

дишь картину римской жизни тогдашняго времени — расточительность, пиры: «Что значитъ, Неволій, твой печальный видъ, подобный виду побѣжденнаго Марсія! Полліонъ, шатающійся цѣлые дни, чтобы занять денегъ за тройные проценты, и не находящій простака, который бы ссудилъ ему, меньше тебя озабоченъ. Откуда столько внезапныхъ морщинъ? Довольный малымъ, ты увеселялъ наши ужины своими устроумными выходками. Теперь совершенно противное: лицо твое уныло, волосы сухи и не причесаны, кожа потеряла блескъ. Тѣло обнаруживаетъ душу: на немъ выказывается радость или печаль, и лицо есть зеркало попеременныхъ ощущеній. По всему видно, что жизнь твоя пошла въ противную сторону. А прежде, я помню, ты оскверняль храмы Изиды, Юпитера, Мира, ты осквернялъ и тайное убѣжище матери боговъ». Въ сатирѣ Буало черта иного общества, указаніе другихъ обычаевъ и событій.

D'où vient cet air sombre et sevère
Et ce visage plus pâle qu'*un rentier*
A l'aspect d'un arrêt qui retranche un quartier?

Въ это время вышелъ королевскій указъ, опечалившій многихъ: Le roi a supprimé un quartier des rentes — вотъ какія слова безпрерывно вертѣлись на языкѣ и въ умѣ людей, получающихъ доходы.

Qu'est devenu ce teint dont la couleur fleurie
Semblait d'ortolans seuls et de bisques nourrie,
Où la joie en son lustre attirait les regards,
Où le vin en rubis brillait de toutes parts?

Вопросъ, относящійся къ одному изъ разговаривающихъ лицъ: Буало изобразилъ въ немъ знаменитаго тогда гастронома, который серіозно смотрѣлъ на обѣды и ужины.

Qui vous a pu plonger dans cette humeur chagrine?
A-t-on par quelque édit *réformé la cuisine?*

То-есть преобразованія послѣдняго времени не коснулись ли кухни — предмета, для тебя священнаго?

Въ стихахъ нашего сатирика совершенно иная, русская современность. Филаретъ спрашиваетъ Евгенія: Что такъ

Задумчивъ, какъ тотъ, что ..
...Конныи свой заводъ раздарилъ некстати?
Цугомъ ли запрещено ѣздить, иль богато
Платье носить, иль своихъ слугъ пеленать въ злато?
Картъ ли не стало въ рядахъ, вина ль дорогого?

Обратившись къ примѣчаніямъ, читаемъ, между прочимъ, что въ Санктпетербургѣ цугомъ ѣздить «отъ императора Петра Великаго всѣмъ запрещено было, кромѣ придворныхъ»; что «золотые узоры, коими обыкновенно платье слугъ выкладываютъ, много на пеленанье походитъ»; что «вина дорогія разумѣются, и венгерское, шампанское и бургонское, которыя подлинно въ Москвѣ дороги, и затѣмъ больше другихъ винъ въ почтеніи».

Предложивъ рядъ вопросовъ, Филаретъ самъ дознается причины задумчивости:

Дамонъ на сихъ дняхъ досталъ перемѣну чина,
. . . .
...ты съ пышными презрѣнъ именами.

Такимъ образомъ каждый изъ трехъ сатириковъ въ одной и той же формѣ выразилъ особенныя черты нравовъ. По формѣ и Буало и Кантемиръ — подражатели, по содержанію — они писатели своенародные. Форма — дѣло общее, мѣстныя отличія характеровъ — принадлежность единаго народа. Критика, обольщенная сходствомъ литературныхъ пріемовъ, безразличіемъ внѣшняго, произнесла строгій приговоръ Кантемиру; но теперь, когда, при разборѣ словесныхъ произведеній, всего важнѣе ихъ отношеніе къ обществу, Кантемиръ восходитъ на почетное мѣсто въ исторіи нашей словесности, потому что въ сатирахъ его выражается не идеальное, отвлеченное отъ мѣста и времени, а дѣйствительно русское, ему современное общество. Продолжимъ сравненіе трехъ сатириковъ.

Отвѣтъ Евгенія Филарету внушенъ первой сатирой Ювенала, который тоже сѣтуетъ на возвышеніе людей изъ низкаго званія. Но тамъ и здѣсь какіе люди и какъ они возвысились? У Ювенала читаемъ: «Можно ли отказаться отъ сатиры, когда цырюльникъ, брившій меня въ юности, споритъ теперь въ богатствѣ съ нашими патриціями, когда Кристинъ (фаворитъ Домиціана, который осыпалъ его богатствами и почестями), бѣжавшій изъ египетскихъ топей, прежде канопскій невольникъ, небрежно набрасываетъ на плеча тирскій пурпуръ, и пальцы, покрытые потомъ, украшаетъ лѣтними кольцами, считая себя, по своей деликатности, неспособнымъ носить болѣе тяжелыхъ колецъ»*).

*) Римляне прежде носили по одному кольцу, потомъ по кольцу на каждомъ

У Кантемира на высокую степень вспрыгнулъ недавній продавецъ соли, тотъ, кто кричалъ: «сальныя свѣчи ясно горятъ, кто черезъ плечи горшкомъ подовыхъ» Указаніе чрезвычайно ясное, не требующее комментарія: кто не узнаетъ въ немъ Меншикова?

Итакъ, оба сатирика, сходные по формѣ, различаются предметами, которые они изобразили, и цѣлью, которую имѣли при этомъ изображеніи. Ювеналъ желчно негодуетъ на недостойныхъ любимцевъ фортуны: у него и брадобрей и невольникъ возвысились нечистымъ способомъ, не путемъ заслуги. Кантемиръ заставляетъ тщеславнаго дворянина вооружаться противъ Меншикова, что нисколько не унижаетъ тѣхъ качествъ послѣдняго, которыми онъ снискалъ любовь Петра. Меншиковъ былъ живой обидой для многихъ: на него смотрѣли злобно всѣ тѣ, которые могли что-нибудь значить при мѣстничествѣ.

Послушайте, какъ Евгеній описываетъ своего отца: это не римскій патрицій, волновавшій кровь Ювенала, не французскій маркизъ, которому Буало адресовалъ свою сатиру: «Объ истинномъ благородствѣ». Въ словахъ Евгенія вы видите вѣрную картину временщика Кантемирова вѣка и его угодниковъ (ст. 45—60).

Въ исчисленіи правъ на истинное благородство Кантемиръ полнѣе Буало. Конечно, логическая полнота не входитъ въ расчетъ поэзіи, но она много значитъ въ отношеніи къ мыслямъ автора и къ понятіямъ современнаго общества. У Кантемира прибавлена, противъ Буало, одна черта, изъ которой видно было, что онъ ближе держался Ювенала.

Мы не хотимъ сказать, чтобы стихи Кантемира были копіей латинскихъ: нѣтъ, они указываютъ на дѣйствительные нравы тогдашняго русскаго общества. Имена Гектора, Ахилла, Цезаря и Александра, употребительныя въ то время, брались какъ loci topica. Кантемиръ, при всей своей современности, конечно, платилъ дань подражательному направленію. Но зато схоластическую замашку пользоваться именами, освященными древностію, выкупилъ онъ фамиліей своего пріятеля, генералъ-майора Нейбуша, великаго охотника до пива, хотя честнаго человѣка и храбраго воина (ст. 103—107.)

пальцѣ, наконецъ на каждомъ суставѣ пальцевъ. Мало-по-малу роскошь до того возросла, что для каждой недѣли имѣли они особенныя кольца. Были, сверхъ того, кольца лѣтнія и зимнія.

Такъ въ заимствованіяхъ своихъ Кантемиръ вѣренъ современности. Отношеніемъ къ дѣйствительной жизни тогдашняго общества онъ не уступаетъ ни латинскому ни французскому стихотворцу. Когда же подражаніе или, просто, переводъ касается поэтическихъ образовъ, тогда Кантемиръ, по слабости творческаго таланта, становится ниже не только Ювенала, но и Буало. Беремъ примѣръ изъ той же сатиры. Ювеналъ двумя сравненіями доказываетъ ничтожность наслѣдственнаго достоинства безъ собственной полезной дѣятельности. «Какъ грустно не имѣть другой опоры, кромѣ чужихъ заслугъ? Уничтожьте столбы, здание рушится. Виноградная же лоза упадетъ безъ вяза, который она обнимала!» У Кантемира тоже два сравненія, чтобы показать непрочность опоры на почетное имя дѣдовъ, но въ этихъ сравненіяхъ нѣтъ ни краткости, нужной для силы, ни поэтическаго колорита.

> Знаю, что неправедно забыта бываетъ
> Дѣдовъ служба, когда внукъ въ правахъ успѣваетъ,
> Но блѣдно блудитъ нашъ умъ, буде опираться
> Станемъ мы на нихъ однихъ. Столпы сокрушатся
> Подъ излишнимъ бременемъ, если сами въ силу
> Нужную не приведемъ ту подпору хвилу.
>
> (Ст. 115—121.)

Здѣсь нѣтъ даже и вѣрнаго соотвѣтствія съ мыслію. Кого изображаютъ столбы: достойныхъ предковъ, или недостойныхъ потомковъ? Предыдущіе стихи заставляютъ разумѣть первыхъ, но почему же они сокрушатся, и какое это излишнее бремя?

Другое сравненіе, точное по внутреннему значенію, растянуто и представлено въ грубомъ видѣ:

> Свѣтлой воды ихъ труды ключъ тебѣ открыли
> И черпать вольно тебѣ: но нужно, чтобы были
> И чаши чисты твои, и нужно сгорбиться
> Къ ключу; сама вода въ ротъ твой не станетъ литься.
>
> (Ст. 121—125).

Такое переложеніе граціозныхъ образовъ въ образы неграціозные доказываетъ только, какъ мы сказали выше, отсутствіе тонкаго, изящнаго вкуса, слабость поэтическаго такта въ нашемъ сатирикѣ, но, съ другой стороны, оно полезнѣе, какъ болѣе приспособленное къ состоянію тогдашнихъ читателей. Кантемиръ не претендовалъ на званіе поэта: ему нужно было исправленіе нравовъ. Онъ хотѣлъ быть морали-

стомъ, а моралистъ, какъ и проповѣдникъ, выражается языкомъ, соотвѣтственнымъ образованію тѣхъ, кого онъ хочетъ поучать.

Исчисливъ дѣянія предковъ, которымъ справедливо гордится отечество, но которые не даютъ права на гордость глупому потомку, Филаретъ рисуетъ картины тогдашняго щеголя, побывавшаго въ чужихъ краяхъ безъ пользы для себя и для согражданъ. Мы приводили все это мѣсто для показанія другой стороны сатирическаго направленія Кантемира. Въ немъ, какъ было замѣчено, онъ осмѣялъ новыхъ невѣждъ, т.-е. толпу людей, принявшихъ преобразованіе Петра внѣшнимъ образомъ, но не претворившихъ его въ жизнь духа. Сатирикъ начинаетъ свое описаніе заимствованіемъ у Ювенала тамъ, гдѣ говорится о трудахъ военныхъ. «Къ чему тебѣ», спрашиваетъ Ювеналъ недостойнаго наслѣдника заслуженныхъ титловъ: «образы столькихъ героевъ, если ты засыпаешь на зарѣ, въ тотъ часъ, когда наши полководцы развивали знамя и шли на врага». Кантемиръ говоритъ то же:

> Пѣтухъ пѣлъ, встала заря, лучи освѣтили
> Солнца верхи горъ; тогда войско выводили
> На поле предки твои; а ты подъ парчею
> Углубленъ мягко въ пуху тѣломъ и душею,
> Грозно сопешь.
>
> (Ст. 135—139).

Слова: «Не столько стоитъ народъ римляновъ пристойно основать», взяты изъ «Энеиды». И однакожъ, на ряду съ подражаніями классикамъ, — подражаніями въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ объ общихъ мысляхъ, о прикрасахъ реторическихъ, о поэтическихъ образахъ, видишь изображеніе дѣйствительныхъ нравовъ русскаго общества — а въ этомъ изображеніи и заключается главный матеріалъ сатиръ, ихъ содержаніе. Цвѣтъ платья, выборъ матеріи, твердость и прямизна фалдъ, мѣра таліи, кафтанъ, стоившій цѣлой деревни — все это не Виргиліево и не Ювеналово, а наше собственное прежнихъ временъ, требующее иногда комментарія. «Видали мы такихъ», говоритъ примѣчаніе къ стиху 156-му. «которые деревни свои продавали, чтобы себѣ сшить нарядный кафтанъ».

Этотъ щеголь, что вывезъ изъ-за границы одну страсть къ модамъ, обжорству и пьянству, остался такимъ же неучемъ,

какимъ былъ до путешествія: ему не малый трудъ прочесть тѣ надписи, которыя онъ видитъ на картинахъ, украшающихъ его большую залу; понять, что множество знаній можетъ помѣщаться въ мозгу смертныхъ, ему такъ же трудно, какъ не красть дворецкому, или скудно жить судьѣ. Ты хочешь быть полководцемъ, мореплавателемъ, судьею, придворнымъ? говоритъ Филаретъ Евгенію: узнай же, каковы они должны быть. И Филаретъ исчисляетъ обязанности каждаго изъ четырехъ званій. Эти обязанности относятся къ предметамъ двухъ родовъ — знаніямъ и нравственному достоинству. Уважая то и другое, Кантемиръ не раздѣляетъ ихъ. Чинъ воеводы, говоритъ Филаретъ Евгенію, требуетъ много высшихъ свойствъ (т.-е. нравственныхъ) и много разныхъ искусствъ. А ты едва слышалъ имя тѣхъ добродѣтелей и знаній... Достойный судья не обращаетъ вниманія на лица: предъ нимъ мудрецъ и невѣжда, богачъ и нищій съ сумой, безобразная бабья рожа и цвѣтъ краснаго лица равны въ судѣ: одна правда выше всего. А ты что? (ст. 288—193).

Но странное дѣло! Требуя отъ предводителя войскъ, отъ мореплавателя и судьи строгой нравственности и большихъ познаній, Кантемиръ является снисходительнымъ, когда рѣчь коснулась Клита-куртизана. Въ изображеніи обязанностей придворной особы вы видите не строгое требованіе нравственнаго долга, а какой-то нравственный эклектизмъ, подозрительную снисходительность. Стоицизмъ Персія доходитъ до неистовой неумолимости; Кантемиръ, болѣе наклонный къ Горацію, въ нравственности держится средины между откровенностію правды и ея молчаніемъ, нужнымъ по времени. Блаженная средина, ведущая къ счастію!

> Лучшую дорогу
> Избралъ, кто правду говорить всегда принялся,
> Но и кто правду молчитъ, виновенъ не стался,
> Буде ложью утаитъ правду не посмѣетъ.
> Счастливъ, кто средины той держаться умѣетъ;
> Умъ свѣтлый нуженъ къ тому, разговоръ пріятный,
> Учтивость приличная, что даетъ родъ знатный.
> Ползать не совѣтую, хотя спеси и гнушаюсь.
>
> (Ст. 324—333).

Какимъ образомъ сатирикъ и вслѣдъ за нимъ примѣчанія могли согласить искусство Клита съ добрыми свойствами,

приличнѣйшіе поступки его съ нравственностію, и въ беззлобномъ притворствѣ, т.-е. въ умѣньи примѣнять лицо къ тѣмъ людямъ, съ которыми говоримъ, видѣть добродѣтель, называемую по-латыни simulatio и dissimulatio? Тѣмъ болѣе странною кажется подобная философія, что образъ Клита вовсе не принадлежитъ къ плѣнительнымъ, и что перейти отъ него къ блаженной срединѣ — иначе, къ счастію — не слѣдовало ни по законамъ логики ни по внушеніямъ поэзіи.

Клита въ постелѣ застать не можетъ день новый,
Не отступенъ сохнетъ онъ, зѣвая въ крестотой.
Спины своей не жалѣлъ кланяясь и мухамъ,
Коимъ доступъ дозволенъ къ временщичьимъ ухамъ.
Льститъ всякому, никому почти онъ не вѣритъ,
Съ холопомъ новыхъ людей дружбу весть не рдится:
Истинная мысль его прилежно таится
Въ дѣлахъ его. О трудахъ своихъ онъ не тужитъ
Идучи упрямо въ цѣль. Клиту счастье служитъ,
Иныхъ свойствъ не требуетъ, кому оно дружно.
А у Клита безъ того нѣчто занять нужно.
. . . .
Короткій языкъ, лицо и радость удобно
И печаль изображать, какъ больше способно
Къ пользѣ себѣ, по другихъ лицу примѣняясь.

Но мы объяснимъ снисходительность Кантемировой морали изъ его характера, образованія и положенія въ обществѣ, о чемъ будемъ говорить ниже. Въ заключеніе Филаретъ совѣтуетъ Евгенію излѣчиться отъ барской спеси, оставить безсмысленную гордость чужими заслугами и не завидовать тѣмъ, которые хотя и не были думными и намѣстниками въ царствованіе Ольги, но своимъ собственнымъ достоинствомъ заслуживаютъ истинное уваженіе:

Они вѣдь собою
Начинаютъ знатный родъ.

(Ст. 360).

Въ этихъ стихахъ включенъ отвѣтъ Ификрата тщеславному потомку Армидія, который упрекалъ его низкимъ происхожденіемъ: «Мой знатный родъ начинается мною, а твой тобою оканчивается».

Достоинство Кантемира, какъ писателя, выразившаго современность, открывается еще яснѣе, когда мы сравнимъ его произведенія съ сатирами ближайшаго къ намъ времени.

Въ нихъ мы нерѣдко встрѣтимъ или неловкое переложеніе чужого образца на отечественные нравы, или недозволенныя критикою перемѣны въ оригиналѣ. Возьмемъ для примѣра сатиру Воейкова: «Объ истинномъ благородствѣ» и переводъ Ювеналовой сатиры: О благородствѣ же, принадлежащій И. И. Дмитріеву. Нѣтъ спора, что тотъ и другой обладали замѣчательнымъ сатирическимъ талантомъ: у Воейкова есть сила, искренность, умѣнье рѣзко и колко выставить позоръ или глупость; а Дмитріевъ отличается тонкимъ аттическимъ остроуміемъ, язвительнымъ при всей своей наружной полировкѣ. Однакожъ, посмотрите, какъ Воейковъ передѣлалъ сатиру Буало. Вмѣсто Евгенія, онъ подставилъ дурака, воспитаннаго французами, который, дѣйствительно, былъ извѣстное время въ нравахъ русскихъ; но въ противоположность ему созданъ Эмилій — имя, не находящееся въ нашихъ святцахъ. Въ образцы для подражанія авторъ ставитъ Миниха, Суворова, Орлова, Державина — и рядомъ съ ними Сюлли, Кольбера: забавная смѣсь русскаго съ французскимъ, Буало такъ и выглядываетъ изъ-за русскаго сатирика. О переводѣ Ювеналовой сатиры и говорить почти нечего: это жалкое искаженіе подлинника. Переводчикъ распространилъ безъ нужды стихи римскаго писателя, сжатые и сильные, а въ другихъ мѣстахъ сокращалъ характеристическія указанія. Нельзя безъ досады и улыбки читать собственныя прибавленія, въ которыхъ выражается забота поставить классическое въ соотвѣтствіе съ новою жизнію. Выпишемъ нѣсколько мѣстъ.

Скажи мнѣ Понтикусъ. какая польза въ томъ,
Что ты, обиженный и сердцемъ и умомъ,
Богатъ лишь прадѣдовъ и предковъ *образами* (!),
Прославившихъ себя великими дѣлами?

У Ювенала нѣтъ ни обиды сердцемъ и умомъ ни страннаго различія между «предками и прадѣдами» — различія, въ которомъ нуждался переводчикъ для наполненія стиха.

Что прибыли, что ты, указывая мнѣ
Шестомъ (!!) иль хлыстикомъ (!!) на ветхіе портреты,
Которы у тебя коптятся многи лѣты,
Надувшись говоришь: «Смотри, вотъ предокъ мой,
Начальникъ римскихъ войскъ — великій былъ герой!
А это прадѣдъ мой, разумный былъ диктаторъ!
А это дѣдушка: вотъ прямо былъ сенаторъ.

Ненужная фигура распространенія, реторическая прикраса, поставленная въ ущербъ оригинальности выраженія. У Ювенала просто сказано: «Развѣ благородство состоитъ въ томъ, чтобы имѣть возможность указывать палочкой на закоптѣлыя изображенія диктатора начальниковъ войскъ?»

Гдѣ же тутъ разглагольствіе гордаго потомка? Къ чему слово «римскихъ», когда авторъ говоритъ о предкахъ римлянина? другихъ войскъ и быть не могло. И что за странный способъ указывать портретъ шестомъ? Вмѣсто прибавочныхъ словъ, надлежало бы сохранить значительныя слова: Si coram Lepides male vivitur.

Выставляя тщеславіе и ничтожность Фабія, переводъ утверждаетъ, что ему не слѣдуетъ гордиться.

Когда онъ дряблостію прапрадѣдовъ безславитъ,
Когда его ихъ шлемъ обыкновенный давитъ,
Коль тѣни самыя дрожатъ героевъ сихъ
Съ досады, видя ликъ его между своихъ?

Здѣсь что слово, то новое собственное сочиненіе, въ которомъ не узнаешь подлинника. Нѣтъ въ подлинникѣ ни «обыкновеннаго шлема», ни тѣней, ни «дрожанія тѣней».

Выпишемъ еще одно мѣсто:

Достоинство другихъ намъ блеска не даетъ:
Отъ здавья отними столпы — ово падетъ,
А скромный плющъ растетъ безъ страха и не гнется,
Хотя и срубишь вязъ, вкругъ коего онъ вьется.

Сентиментальное направленіе заставило переводчика замѣнить виноградную лозу «скромнымъ плющомъ», а незнаніе подлинника превратить смыслъ его. У Ювенала наоборотъ: «виноградная лоза упадетъ на землю безъ вяза» — вѣрный природѣ образъ, тогда какъ плющъ, самъ по себѣ растущій, есть произведеніе фантазіи.

Подробный разборъ двухъ первыхъ сатиръ Кантемира показываетъ намъ ясно ихъ строеніе. Оно не измѣняется и въ остальныхъ шести: содержаніе ихъ оригинальное, форма заимствованная. Собственный матеріалъ въ нихъ располагается по чужому образцу. Самобытность автора видна и въ выборѣ предметовъ и въ характеристическомъ ихъ изображеніи, по которому узнаешь народныя мѣстныя и временныя отличія изображаемаго; подражательность же въ способѣ представлять избранный предметъ въ тѣхъ пріемахъ, которыми развивается

главная мысль сочиненія. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ черпаетъ изъ классическихъ писателей, этого достоянія всѣхъ временъ и народовъ, большею частію, видишь на взятомъ печать собственности, на общемъ русское, ему современное. Нельзя сказать, чтобъ, пользуясь чужимъ добромъ, онъ всегда ловко примѣнялъ его къ добру благопріобрѣтенному; иногда переложеніе иноземнаго на отечественное неудачно, иногда первое красуется послѣ второго безъ малѣйшаго измѣненія. Но скоро ли, и послѣ Кантемира, исчезла эта странная смѣсь древнеклассическаго съ національнымъ? Стихотворцы, отдѣленные отъ насъ небольшимъ промежуткомъ времени, пестрили свои изданія ненужною вставкою латинскихъ и греческихъ предметовъ. Тѣмъ понятнѣе, тѣмъ извинительнѣе привычка Кантемира «все время провождать между греки и латины».

Два элемента Кантемировыхъ сатиръ: самобытный (по содержанію) и подражательный (по формѣ), чистосердечно указаны авторомъ въ предисловіи, гдѣ онъ говоритъ, что «въ сочиненіяхъ своихъ» онъ наипаче Горацію и Буалу-французу послѣдовалъ, отъ которыхъ много *занялъ, къ нашимъ обычаямъ присвоилъ*, и въ четьертой сатирѣ, гдѣ къ Буало и Горацію присоединены еще Ювеналъ и Персій. *Я топчу ихъ слѣды*, откровенно объявляетъ нашъ сатирикъ, не считая для себя обиднымъ усыновленіе классическою древностью. Наслѣдство ума и поэзіи ставитъ онъ выше генеалогій, всегда готовый воскликнуть подобно Ювеналу: stemmata quid faciunt?

Отъ содержанія, въ которомъ выразилось отношеніе сатирика къ временному обществу, и формы, въ которой выразилось его отношеніе къ литературнымъ произведеніямъ того же рода у другихъ народовъ, перейдемъ къ оцѣнкѣ поэтическаго достоинства Кантемира. Такъ какъ намъ извѣстны образцы, выбранные имъ для подражанія, то сужденіе о немъ, какъ о поэтѣ, всего ближе вывесть изъ сравненія его съ этими образцами. Здѣсь представляются для опредѣленія два предмета: во-первыхъ, тонъ, проникающій Кантемировы сатиры, во-вторыхъ, эстетическое ихъ значеніе.

Буало нѣсколькими стихами седьмой сатиры рѣзко обозначилъ различіе между Гораціемъ и Ювеналомъ. Что дѣлалъ первый? — въ острыхъ словахъ испарялъ свою рѣчь (exhalait en bons mots les vapeurs de sa bile), тогда какъ второй лилъ

потоки желчи и горечи съ язвительнаго пера своего и гнѣвно каралъ римлянъ. Въ самомъ дѣлѣ, безобидный тонъ одного, невзыскательность требованій и снисходительная нравственная философія совершенно противоположна строгимъ приговорамъ, желчному негодованію второго: это несходящіяся крайности. Несовершенства людей не заставляютъ Горація выходить изъ себя: онъ только смѣется надъ ними. Горацій (такъ отзывается о немъ Персій), рисуя нравственное образованіе друзей, заставляетъ ихъ улыбаться; онъ издѣвается надъ людьми, не тревожа ихъ сердца, и остроумно смѣется въ глаза римскому народу. Это сатирико-филантропъ. Изображая пошлости человѣческой жизни, оплакивая слабость ближнихъ, обвиняя себя самого за несостоятельность нравственную, онъ всегда представляетъ читателю нѣчто утѣшительное. Философія Горація всегда граціозна: ея заключительное слово — слово одобренія, сердечной веселости. Она не любитъ стоиковъ, этихъ квакеровъ древности; она знаетъ, что передъ суровымъ судомъ безусловной нравственности нѣтъ оправданія; а ей хочется жить съ оправданными. Она держится средины вещей, той блаженной средины, которая отвращается столько же отъ крайностей Эпикура, сколько и отъ крайностей Зенона. Такая философія — не философія теоретика, который приноситъ все въ жертву истинѣ, а философія практической жизни, понимающая различіе между тѣмъ, что быть должно, и тѣмъ, что есть, и не желающая погубить живую дѣятельность ради отвлеченной истины.

Не таковъ Ювеналъ, получившій названіе «нравственнаго». Негодованіе было его вдохновеньемъ. Стихи его — бичъ фурій или мечъ Немезиды. Онъ изобличаетъ злодѣевъ, избѣгнувшихъ законной кары. Онъ указываетъ на Кристина, чудовище болѣе отвратительное, чѣмъ самый порокъ. Онъ смѣется сардоническимъ смѣхомъ, исчисляя позорныя дѣйствія Неволія. Отъ него не скрывается ни безстыдство Мессалины ни нравственная низость сенаторовъ, разсуждающихъ съ тираномъ о приготовленіи любимаго его блюда. Онъ до того рѣзокъ и открытъ въ своихъ обличеніяхъ, что Буало заподозрилъ его въ страсти къ гиперболамъ. Справедливѣе шелъ бы къ нему упрекъ въ однообразіи картинъ, всегда почти мрачныхъ, въ чувствѣ мизантропіи, которое набрасываетъ нѣкоторую тѣнь на чистоту его цѣли, на искренность добрыхъ пожеланій.

Бичуя порокъ, онъ какъ бы не находилъ времени привѣтствовать улыбкой добродѣтель, воспѣть красоту невинности. Но онъ писалъ въ то время, когда не было ни невинности ни добродѣтели, и не умѣлъ лгать. Сама исторія не въ силахъ сдержать мудраго безстрастія, когда идетъ дѣло о царствованіяхъ Нерона и Домиціана.

Всѣ обстоятельства соединились дружно, чтобы изъ такого лица выработать такого сатирика. Онъ былъ характера стоическаго, готовый страдать, но не готовый умѣрять негодованіе добродѣтели. Криками гнѣва облегчалъ онъ свою душу, потрясенную общимъ развратомъ. Судьба отказала ему въ ранней смерти, и въ теченіе долгой своей жизни онъ видѣлъ постепенное возрастаніе общественной порчи. Древнія добродѣтели сдѣлались преданіемъ, и хотя риторы съ учениками своими толковали о вѣчномъ градѣ, но люди умные не вѣрили напыщеннымъ рѣчамъ ихъ или смѣялись надъ ними. Вѣра угасла; остался одинъ внѣшній блескъ религіозныхъ обрядовъ и пошлость суевѣрія, этой болѣзни выродившихся народовъ. Были философскія секты, но не было практической философіи. Стоики отличались длинной бородой, нахмуренными бровями, дырявыми плащами и пустотою сердца. Чувственность ослабляла тѣло и душу, и не дала возможности предаться серіознымъ занятіямъ. Краснорѣчіе, лишенное важности, растлѣвалось въ презрѣнныхъ панегирикахъ или истощалось въ доводахъ *pro* и *contra*. Посреди такого-то нравственнаго упадка римлянъ жилъ Ювеналъ, принужденный съ юности хранить молчаніе при смутѣ общественныхъ безпорядковъ, онъ тѣмъ съ большимъ жаромъ выразился въ возрастѣ зрѣломъ: скопившееся въ душѣ его негодованіе вылилось, какъ сказалъ Буало, потоками желчи. Вотъ почему его шутки всегда невеселы: его смѣхъ — смѣхъ человѣка, отвыкшаго смѣяться. Крайнему разливу нравственной порчи противопоставляетъ онъ единственное средство, крайнюю добродѣтель добродѣтель чистую, безусловную, которая «тяжкимъ путемъ приводитъ къ безмятежной жизни». Этотъ героизмъ нравственности выражался въ эпоху Ювенала или безмолвнымъ протестомъ благонамѣренныхъ людей, которые заключались въ своемъ молчаніи, какъ въ святилищѣ, и тамъ съ надеждою взирали на падшее божество, или примѣрною смертію во имя улучшенія общественныхъ нравовъ: умирая, они своею кровью совершали возліяніе Юпитеру.

Поэтическое достоинство Ювеналовыхъ сатиръ несомнѣнно. Они отличаются силою выраженія, напитаны неостывающимъ жаромъ, въ нихъ слышишь біеніе пылкаго сердца, — то, что французы означаютъ словомъ verve, и что животворитъ всѣ части поэтическаго созданія. Чувствуешь, что оно, это созданіе, вылилось какъ бы за разъ изъ вдохновенной души, вышло во всеоружіи, подобно Минервѣ, что плодотворная мысль ни на одно мгновеніе не оставляла творца, который не успокоился до тѣхъ поръ, пока не освободился отъ нея мощнымъ усиліемъ неохлаждаемой работы. Не должно, впрочемъ, принимать въ буквальномъ смыслѣ слово «вдохновеніе» и объяснять состояніе вдохновеннаго поэта миѳологическимъ образомъ: подобное объясненіе хорошо, какъ поэтическій образъ, не больше. У Ювенала, какъ и у всякаго сильно потрясеннаго поэта, были, конечно, промежутки между началомъ и концомъ труда, между зачатіемъ мысли и первымъ ея выраженіемъ; но онъ такъ искусно умѣлъ связать части каждой сатиры, написанныя, безъ сомнѣнія, въ разныя времена, что перерывъ не замѣтенъ, вдохновеніе вчерашняго дня не утрачиваетъ своей напряженности въ послѣдующій день, поэтическій восторгъ, не ослабляясь, проникаетъ всю пьесу и сообщаетъ ей то очарованіе, которымъ увлекается читатель. Въ сатирахъ Ювенала нѣтъ длиннотъ и отступленій; онъ не подготовляетъ васъ вступительною рѣчью, иногда нужною разсѣянному уму и подобною потрясенію колокола при первомъ ударѣ, или его дрожанію при ударѣ заключительномъ. Онъ прямо и быстро входитъ въ предметъ; мысль его, при самомъ началѣ, распускаетъ полные паруса; надобно слѣдовать за нимъ, спѣшить за нимъ, читать не останавливаясь. Вамъ некогда останавливаться на произведенномъ въ душѣ вашей впечатлѣніи, собраться съ духомъ, подумать о томъ, что вы прочитали: смѣйтесь какъ можно скорѣе, волнуйтесь, негодуйте на бѣгу, увлекайтесь потокомъ гнѣва или презрѣнія, не спрашивая, куда онъ васъ увлекаетъ. Это безостановочная сила вдохновеннаго писателя, это избытокъ поэтическаго жара, господствующій надъ читателями страстными, не нравятся тѣмъ читателямъ, которые любятъ покой и льготу, и которые не хотятъ измѣнить свой шагъ, чтобы слѣдовать за быстрымъ бѣгомъ сильно потрясеннаго чувства.

Совершенное отсутствіе поэтическаго пыла — великій не-

достатокъ. Если у Ювенала его слишкомъ много, то у Буало почти нѣтъ вовсе, и въ этомъ его главный недостатокъ. Каждая сатира его состоитъ изъ нѣсколькихъ параграфовъ, которые написаны съ приличнымъ жаромъ, но между которыми видишь пустыя пространства. Вдохновенія у него достаетъ на стихи и фразы, но недостаетъ на цѣлость созданія. Видишь по мѣстамъ вспышки, не видишь огня, охватившаго общность. Искусство, работа не скрываются изъ виду, а такъ какъ искусство представляетъ меньше разнообразія, чѣмъ природа, то у Буало есть пять, шесть запасныхъ пріемовъ, которыми онъ поддерживаетъ движеніе пьесы. По его собственному сознанію, онъ могъ оставлять на полдорогѣ начатую фразу, совершить прогулку между стихами, заняться чѣмъ-нибудь въ промежуткѣ двухъ риѳмъ, и если потребное слово не являлось на призывъ, итти за нимъ au coin d'un bois и приносить его побѣдоносно домой. Буало — образецъ поэта, который обзавелся извѣстными способами своего искусства, который призываетъ и отпускаетъ свою музу, когда ему заблагоразсудится. Посмотрите его сатиры: въ нихъ вы не увидите поэтической связи частей: переходы отъ однѣхъ частей къ другимъ тяжелы, отзываются догматическимъ тономъ и разрушаютъ очарованіе. Тонкій наблюдатель, точный и энергическій писатель, онъ мало былъ способенъ къ сильнымъ движеніямъ и долговременному вдохновенію; онъ любилъ небольшія картины, безсильный пополнять поэтическимъ содержаніемъ картины большія. Прежняя критика превознесла его до небесъ: Лагарпъ назвалъ его «законодателемъ Парнаса», Шенье — «образцомъ — въ четырехъ родахъ, законодателемъ во всѣхъ». Наша критика свела его на землю; на основаніи современныхъ понятій объ искусствѣ, она составила о немъ слѣдующее сужденіе: Буало не былъ поэтомъ — разумѣя подъ этимъ словомъ человѣка, одареннаго сильнымъ воображеніемъ и глубокимъ чувствомъ; онъ былъ писатель здравомыслящій и остроумный, вѣжливый и вмѣстѣ язвительный, тонкій наблюдатель смѣшного, но мало плодовитый, пріятно-рѣзкій, умно-веселый, тщательно наблюдавшій истину вкуса и правильность языка, восходившій иногда отъ чувства литературной правды къ понятію нравственнаго долга. Онъ не могъ быть ни авторомъ одъ ни авторомъ элегій, будучи не способенъ ни къ возвышеннымъ звукамъ ни къ плачевнымъ тонамъ: ничто не пѣло

въ его душѣ, ничто не плакало въ его сердцѣ. Но онъ имѣлъ въ высокой степени талантъ такъ называемой поэзіи дидактической, черпающей свое вдохновеніе изъ разсудка, если можно такъ выразиться; сила сатиръ его не въ пылу негодованія, а въ ѣдкости дурного расположенія духа.

Обращаемся къ нашему сатирику. Подражая Горацію, Ювеналу, Буало, онъ заимствуетъ у нихъ, какъ замѣчено выше, не содержаніе, которое не можетъ оставаться однимъ и тѣмъ же на разстояніи многихъ вѣковъ, а планъ и поэтическіе пріемы, не сущность мыслей, а матеріалъ слога. Это — чуждая канва, на которой онъ выводилъ свои узоры; въ готовыя формы вставлялъ онъ изображенія современной жизни, наполнялъ ихъ подробностями собственнаго изобрѣтенія. Писалъ онъ по влеченію чувства, по наклонности внутренней; слѣдовательно, можетъ назваться истиннымъ творцомъ своихъ произведеній, несмотря на всѣ заимствованія у иноземныхъ образцовъ. Кто обрабатывалъ старый предметъ по своему воззрѣнію, тотъ, конечно, не изъятъ изъ числа оригинальныхъ писателей. Взять готовыя идеи не для того, чтобы слѣдовать имъ рабски, но чтобы преобразовать ихъ, усвоить себѣ анализомъ или развитіемъ, подражать другимъ потому единственно, что чувствуешь влеченіе къ тому же разряду мыслей, чрезъ которыя нѣкогда пришли другіе, и что благотворная природа, на извѣстномъ разстояніи временъ, создаетъ съ одинаковымъ вкусомъ стремящихся къ разработкѣ однѣхъ и тѣхъ же нравственныхъ истинъ, не значитъ ли это быть въ нѣкоторомъ отношеніи писателемъ самостоятельнымъ, хотя начало труда въ той же сферѣ принадлежитъ не намъ. Подражая, мы, такъ сказать, видимъ себя въ прежнихъ авторахъ, изъ которыхъ беремъ то, что идетъ къ нашему дѣлу. Подобныхъ подражателей можно назвать двойными экземплярами одного и того же рода: природа любитъ иногда воспроизводить себя. Притомъ же, Кантемиръ скромно сознается въ подражаніи, а исповѣданное заимствованіе не есть похищеніе.

Какое же мѣсто занималъ Кантемиръ между тѣми, которымъ онъ подражалъ? Чувство справедливости, не одной только скромности, заставило самого автора поставить себя ниже избранныхъ имъ образцовъ. Сказавъ, что сатиры его — «топтаніе слѣдовъ Ювенала, Горація, Буало», онъ продолжаетъ:

Истая Зевсова дочь перо ихъ водила.
Тебя чуть ли не съ другимъ кѣмъ память родила.
Въ нихъ шутки вмѣстѣ съ умомъ цвѣтутъ превосходнымъ.
И слова гладко текутъ, какъ рѣка природнымъ
Токомъ, и что въ рѣчахъ кто зритъ себѣ досадно,
Но въ досаду себѣ мнитъ, что складно.
А въ тебѣ что таково?

Мы уже видѣли, при сравненіи нѣкоторыхъ мѣстъ Кантемира съ образцами, что его подражанія въ поэтическомъ отношеніи всегда ниже оригинальнаго. Сжатое и сильное становится у него растянутымъ и ослабленнымъ, нѣжное теряетъ свою нѣжность, граціозные образы переходятъ въ неизящный видъ. Ясное доказательство, что онъ не былъ поэтъ. Онъ не былъ надѣленъ отъ природы даромъ творчества, художественнымъ талантомъ. Но онъ былъ человѣкъ умный и благородный, а всѣ качества, отличающія смыслъ и нравственное достоинство, отразились въ его стихотвореніяхъ, которыя хотя и не поэзія, но, съ другой стороны, выше, т.-е. полезнѣе поэзіи. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, изъ которыхъ будетъ видно, что Кантемиръ отступалъ отъ образцовъ не въ свою пользу.

Въ первой сатирѣ второй книги Горацій говоритъ: «Суждена ли мнѣ спокойная старость, или смерть уже покрываетъ меня своими мрачными крыльями, богатый или бѣдный, въ Римѣ или въ ссылкѣ, какого бы цвѣта ни была нить моей жизни — я долженъ писать». Сокращеный переводъ Кантемира, обнаженный отъ поэтическихъ образовъ, сжался въ два прозаическіе стиха:

Какой бы мой ни былъ рокъ, смѣлою рукою
Злой правъ станемъ мы пятнать вездѣ неостудно.

Иногда, наоборотъ, у Кантемира является образъ, котораго нѣтъ въ оригиналѣ, но этотъ образъ не изященъ: такъ два ловкіе, правильно построенные стиха седьмой сатиры Буало:

Et tel mot, pour avoir réjoui le lecteur,
A coûté bien souvent des larmes à l'auteur.

перешли въ слѣдующіе, довольно грубые:

И стихи, что чтецамъ *смѣхъ на губы сажаютъ*,
Часто слезъ издателю причиной бываютъ.

Стихи 663—674 пятой сатиры выражаютъ самымъ простымъ и сокращеннымъ образомъ граціозно выраженныя мысли фран-

цузскаго сатирика, который говоритъ о владычествѣ страстей надъ человѣкомъ и о непостоянствѣ его желаній. Представляемъ въ параллели оба мѣста:

Несчетныхъ страстей рабы отъ дѣтства до гроба
Гордость, зависть мучитъ, лакомство и злоба,
Съ самолюбіемъ вещей тщетныхъ гнусна воля;
Къ свободѣ охотники, впилась въ васъ неволя.
Такъ какъ легкое перо, коимъ вѣтръ играетъ,
Летуча и различна мысль ваша бываетъ.
То богатства ищете, то деньги мѣшаютъ,
То грустно быть одному, то люди скучаютъ,
Не знаете сами, что хотѣть; теперь тое
Хвалите, потомъ сіе, съ мѣста на другое
Перебѣгая мѣсто, и, что паче дивно,
Вдругъ одно желаніе другому противно.

... L'homme, sans arrêt dans sa course insensée,
Voltige incessament de pensée en pensée.
Son coeur, toujours flottant entre mille embarras,
Ne sait ni ce qu'il veut ni ce qu'il ne veut pas.
. . . .
Voilà l'homme en effet: il va du blanc au noir:
Il condamne au matin ses sentimens du soir:
Importun à tout autre, à soi-même incommode,
Il change à tous momens d'esprit comme de mode;
Il tourne au moindre vent, il tombe au moindre choc,
Aujourd'hui dans un casque, et demain dans un froc.
. . . .
L'homme seul, qu'elle *(la raison)* éclaire, en plein jour ne voit goutte,
Réglé par ses avis, fait tout à contre temps,
Et dans tout ce qu'il fait, n'a ni raisons ni sens.
Tout lui plait et déplait, tout le choque et l'oblige;
Sans raison il est gai, sans raison il s'afflige
Son esprit au hasard aime, évite, poursuit,
Défait, réfait, augmente, ôte, élève, détruit.

Сличите также Кантемирово разсужденіе о важности воспитанія (ст. 243—253) съ Ювеналовскимъ разсужденіемъ о томъ же предметѣ, которое помѣщено въ примѣчаніи.

Выпишемъ изъ того и другого сравненія, взятыя для доказательствъ, что примѣръ сильнѣе всякаго наставленія (см. Кант., 152—159). У Ювенала: «Аистъ кормитъ птенцовъ своихъ змѣями и ящерицами, собранными вдали отъ горныхъ дорогъ: лишь только птенцы оперятся, они будутъ искать тѣхъ же пресмыкающихся. Коршунъ приноситъ своимъ куски,

вырванные изъ падали лошадиной и собачьей, или изъ труповъ, повѣшенныхъ на висѣлицѣ: пусть подраститъ кровожадное племя, пусть совьетъ себѣ гнѣзда на деревѣ — оно съ такою же жадностію станетъ кидаться на ту же пищу. Но орелъ Юпитера, но благороднѣйшія птицы устремляются въ лѣсахъ за козами и зайцами и кладутъ эту добычу въ свои гнѣзда; когда орленокъ придетъ въ силу, то, при первомъ чувствѣ голода, низринется на добычу, кровь которой сосалъ онъ при выходѣ изъ яйца».

Однимъ словомъ, переводы или подражанія Кантемира всегда уступаютъ въ эстетическомъ достоинствѣ тѣмъ мѣстамъ, которыя онъ переводилъ или которымъ онъ подражалъ. Выписанныхъ примѣровъ достаточно для оправданія нашей мысли. Сатирикъ нашъ не имѣетъ вовсе того желчнаго негодованія и сильной страсти, которыя дышатъ въ стихахъ Ювенала: его одушевленіе тихо и ровно. Онъ не грозно обличаетъ недостатки современнаго общества, а вѣрно и правдиво указываетъ на нихъ съ насмѣшкой. Не похожъ онъ, однакожъ, на Буало, котораго иронія и смѣхъ язвительны, несмотря на всю ихъ внѣшнюю полировку, и тонкое остроуміе является въ изрядной отдѣлкѣ: Кантемиръ какъ бы считаетъ за лишнее золотить пилюли, подслащивать горечь. Ближе онъ по тону и образу мыслей къ Горацію, котораго любилъ особенно, вѣроятно, вслѣдствіе сознаваемаго сходства между имъ и собой. Но грація выраженія, но поэтическій колоритъ стиховъ, но тщательность внѣшней отдѣлки, отличающія латинскаго поэта — все это исчезло у его подражателя. Особенныя свойства Кантемира заключаются въ томъ, что онъ прямо выражаетъ то, что хочетъ сказать, не думая о литературныхъ прикрасахъ, о тонкости насмѣшки, о прикрытіи ироніи. Выходки его противъ недостойныхъ и забавныхъ людей столько же ясны, сколько грубы, и обличеніе говорится не въ бровь, а прямо въ глазъ. Главный характеръ его сатиръ — злость правды, жало истины. О томъ, какъ выражена истина, Кантемиръ мало заботился или и вовсе не думалъ.

Версификація въ сатирахъ Кантемира силлабическая. Стихи тринадцатисложные съ цезурою послѣ семи слоговъ и съ женскою риѳмою. Пересѣченіе на одномъ и томъ же мѣстѣ, неизмѣнное удареніе на предпослѣднемъ слогѣ сообщаютъ силлабическимъ стихамъ удивительную монотонность. Отъ послѣдняго

правила происходитъ, сверхъ того, своевольная перестановка ударенія, насилующая звуки слова. Жаль, что Кантемиръ слѣдовалъ бывшимъ до него стихотворцамъ или польской версификаціи, въ которой удареніе на предпослѣднемъ слогѣ — необходимое свойство языка, тогда какъ нашъ языкъ совершенно противоположнаго свойства. Разнообразныя ударенія и болѣе свободная цезура сообщили бы силлабическому стиху извѣстную степень музыкальности, которой онъ не имѣетъ при отсутствіи этихъ двухъ условій. Встрѣчаются у Кантемира стихи тяжелые и темные, что̀ зависитъ или отъ неестественной разстановки словъ, или отъ неточнаго ихъ употребленія: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ примѣчанія сочли даже обязанностію объяснить то, что дѣйствительно можетъ показаться неяснымъ. Есть нѣсколько полонизмовъ, напримѣръ: до воли (довольно), образа (досада, оскорбленіе), съ болемъ (вм. съ болью), власно (точно), чрезъ годъ (вм. на цѣлый годъ).

Галаховъ.

Характеристика Кантемира.

Относительныя свойства Кантемира объясняются его характеромъ, его понятіемъ о сатирѣ и его воззрѣніемъ на нравственность.

Кантемиръ былъ человѣкъ благородный и справедливый, но вмѣстѣ кроткій и меланхолическаго темперамента. Люди такого свойства не способны къ грозному негодованію: они вооружаются противъ враговъ правды и науки насмѣшкой, ироніей, дидактизмомъ. Осторожный, что доказываетъ его дипломатическая дѣятельность, застѣнчивый, какъ онъ самъ объявляетъ въ своихъ сатирахъ, любитель уединенія и наукъ, Кантемиръ дорожилъ своимъ внутреннимъ сокровищемъ, т.-е. стремленіемъ къ нравственному достоинству учеными занятіями, сознаніемъ важности просвѣщенія и благодѣтельныхъ слѣдствій Петровой реформы, но въ то же время думалъ, что враги просвѣщенія и человѣческаго достоинства «боятся больше посмѣянія», нежели гнѣва, карающей сатиры, грознаго обличенія. По его понятію, цѣль сатиры — исправлять человѣческіе нравы; но какимъ образомъ достигаетъ она этой цѣли? «забавнымъ слогомъ осмѣивая злонравіе». Въ намѣреніи своемъ она сходна съ нравоучительными сочиненіями, но отличается

отъ нихъ тѣмъ, что слогъ его простой и веселый. Достоинство такихъ «забавныхъ» сатиръ основывается, конечно, на силѣ остроумія: Кантемиръ имѣлъ его, но не граціозно, какъ у Горація, и не язвительно-тонко, какъ у Буало. Главный характеръ его насмѣшливости, какъ мы выше сказали, состоялъ въ чистосердечіи и внятности, въ смѣлой и откровенной хулѣ. «Всякое злонравіе непріятно тебѣ», говоритъ авторъ, обращаясь къ сатирѣ:

Смѣло хулишь, да къ тому же и говоришь *внятно*

и въ другомъ мѣстѣ:

...Сатира, что *чистосердечно*
Писана, колетъ глаза многимъ всеконечно.

Взглядъ автора на сатиру выраженъ имъ въ четвертой сатирѣ («Къ музѣ своей»). Горацій называетъ свою сатирическую дѣятельность инстинктомъ (первая сатира второй книги); Кантемиръ также объявляетъ, что ему «сродно» писать сатиру, а въ другомъ родѣ онъ неудачливъ. Такъ какъ трудно итти противъ природы, которая влетитъ въ окно, если выгонишь ее въ дверь, то напрасно думалъ нашъ сатирикъ сломить нравъ своей музы: она упорно отказывалась сплетать похвальные стихи недостойнымъ, стихи ложной хвалы, заклейменные отъ Кантемира именемъ «гадкихъ». Умъ автора становится тогда лѣнивымъ, слова вязли въ зубахъ — не забавныя, не сильныя, не красивыя, не новыя; но какъ только усматривалъ онъ вредное въ нравахъ, муза его оказывалась гораздо умнѣе, стихъ ложился свободнѣе (145—149).

Осторожность и разборчивость управляла, однакожъ, его инстинктомъ: хуля злые нравы, онъ боялся открыть злонравнаго слишкомъ ясными примѣтами. Писать сатирическіе стихи, по его мнѣнію, то же, что отворять кровь: надобно выпустить ее въ мѣру. И потому, плача въ сердцѣ о дурныхъ людяхъ и смѣясь надъ ними въ стихахъ, онъ не вставлялъ ихъ именъ (35-й стихъ 4-й сатиры). Такая осторожность не помѣшала, впрочемъ, узнать нѣкоторыя, даже историческія лица, въ забавныхъ очеркахъ сатирика, а современникамъ вооружаться противъ его сочиненій. Чистосердечная сатира колола многимъ глаза: одинъ жаловался, что авторъ, выставляя пьяницъ (въ 1-й и 3-й сатирахъ), умалялъ кружальные доходы; другой

уличалъ его въ безбожіи, и доносомъ болѣе чѣмъ въ три тетради доказывалъ,

> Что нечистый въ тебѣ духъ бороду злословитъ,
> Что законоломное и невѣрныхъ дѣло
> Полосатой мантію ризой звать смѣло;

третій вооружается противъ улики во взяткахъ. Однимъ словомъ, восклицаетъ авторъ, лучше вѣкъ не писать, нежели писать сатиру, которая навлекаетъ на меня ненависть всѣхъ людей. Многіе стихи сатиръ, особенно четвертой, означаютъ вліяніе, произведенное его литературною дѣятельностію.

Для опредѣленія характера и нравственныхъ понятій автора, надобно обратиться къ шестой и седьмой сатирамъ. Первая, написанная въ 1738 году, развиваетъ мысль, что «лишь тотъ можетъ назваться счастливымъ, кто доволенъ малымъ, живетъ въ уединеніи и слѣдуетъ добродѣтели». Цѣль второй (1739) — осмѣять безстыдныхъ нахаловъ и познакомить съ своимъ собственнымъ характеромъ, противоположнымъ нахальству.

Шестая сатира начинается подражаніемъ шестой же сатирѣ (второй книги) Горація. Это начало очень важно, какъ profession de foi нашего сатирика.

Лучшее украшеніе наше, говоритъ авторъ, есть добродѣтель; послѣ нея, всего драгоцѣннѣе — тишина ума. Съ младенчества мы привыкли бояться нищеты или презрѣнія толпы: отъ этого ударяемся мы въ другую крайность — въ стяжаніе богатствъ, въ исканіе почестей, тогда какъ во всѣхъ вещахъ должно знать прямую мѣру. У всякаго дѣла есть свой предѣлъ: кто перейдетъ, или кто не дойдетъ — равно глупы (ст. 145—149).

Къ такой славѣ ведутъ немногія средства: живи тихо, стремясь къ тому, что̀ честно, что полезно и тебѣ и другимъ, ведя къ исправленію нравовъ. Награда добра заключается въ самомъ добрѣ (добрымъ быть, собою мзда есть уже не мала).

Въ восьмой сатирѣ авторъ объявляетъ, что природа или отеческій совѣтъ заставили его съ дѣтства быть стыдливымъ, боязливымъ, недовольнымъ собой, что притомъ здравый смыслъ обѣщалъ ему и труды и бѣдствія, если бъ онъ оставилъ стыдъ: съ тѣхъ поръ онъ слѣдовалъ внушенному ему направленію. Онъ всегда вѣрилъ, что стыдливость возвышаетъ красоту и есть неоспорный признакъ истинной доброты; что проворный,

но не обузданный языкъ долженъ спотыкаться; что смѣлость тогда только похвальна, когда мы противимся своей злобной волѣ, когда разимъ враговъ въ полѣ, когда обличаемъ гнусную ложь клеветниковъ, или защищаемъ слабую невинность. Но теперь опытъ жизни показалъ, какъ вредны ему стыдливость и несмѣлость, вредны не въ одномъ стихотворномъ дѣлѣ.

Большая часть людей судятъ о разумѣ по числу силъ, и оттого часто слышатъ такія рѣчи: «Аристъ (такъ называетъ себя авторъ) честенъ, тихъ, учтивъ, и другъ не лестный; но отъ него не добьешься слова — значитъ, въ немъ нѣтъ ума. Въ старину добродѣтель держалась средины между двухъ крайностей. Въ наше время эта златая средина отмѣнена. Кто, имѣя умѣренный доходъ, не старался правдой и неправдой накопить несчетныя богатства, тотъ лѣнивецъ; кто говоритъ, когда надобно говорить, въ мѣру и разсудительно, тотъ угрюмъ, скученъ; кто въ дѣлахъ своихъ руководствуется здравымъ смысломъ, тотъ малодушенъ.

Сведемъ всѣ мысли автора къ главнымъ существеннымъ положеніямъ его философіи. Истинная мудрость человѣка заключается въ прямой, т.-е. настоящей мѣрѣ вещей, а эта прямая мѣра есть не что иное, какъ середина между крайностями - блаженная золотая середина, безъ которой нѣтъ счастія человѣку, и которую Горацій выбралъ идеаломъ своихъ желаній. Стремленіемъ къ срединѣ объясняется нелюбовь Кантемира къ крайностямъ. У него нѣтъ положительныхъ, безусловныхъ требованій суровой добродѣтели, такихъ требованій, при которыхъ становятся смѣшны всѣ полудобродѣтельные поступки; у него нѣтъ и ожесточенія противъ безнравственности — такого ожесточенія, при которомъ нельзя заключить ни на какихъ условіяхъ мировой сдѣлки съ порокомъ. Философія Кантемира стыдлива и не смѣла, какъ его характеръ: она проповѣдуетъ добро, боясь; поражаетъ порокъ, краснѣя. Это не мораль во всей ея неприкосновенности: это полумораль, близкая къ равнодушію, индиферентизму. Въ однихъ мѣстахъ она страшится перейти, въ другихъ не дойти, отъ чего и происходитъ ея двусмысленность, ея сомнительное, колеблющееся положеніе, подобное положенію того человѣка, который хочетъ пройти по острею, не падая ни направо ни налѣво. Нужно ли нашему сатирику оцѣнить искусство Клита, ловкаго куртизана,—онъ соглашается, что *лучшую* дорогу из-

бралъ тотъ, кто всегда говоритъ правду; однакожъ не виноватъ и тотъ, кто умалчиваетъ правду, если не посмѣетъ утаить правду ложью: блаженъ, кто умѣетъ держаться этой средины! (сатира 2). Какой же? между *лучшей* дорогой и дорогой нелучшей! Выборъ здѣсь, кажется, не затруднителенъ. Изъ двухъ золъ выбираютъ меньшее, изъ двухъ благъ выбираютъ большее. Нравственная философія нашего сатирика или невѣрна, или слишкомъ снисходительна. Изобразивъ низость Хирона въ годину бѣдствія, пятая сатира заключаетъ свое изображеніе такимъ выводомъ: слабой душѣ трудно держать *средину:* въ свѣтлый день она *черезчуръ* гордится, а въ черные дни черезчуръ подла. Отсюда слѣдуетъ, что душѣ сильной, человѣку великодушному надобно не *слишкомъ* гордиться въ счастіи и *не слишкомъ* быть подлымъ въ несчастіи. Такая мораль, которую всего приличнѣе назвать срединою, не исключаетъ, стало-быть, ни извѣстной степени гордости ни извѣстной степени подлости, Ужели она думаетъ, что только крупная безнравственность есть безнравственность, а мелкія доли ея переходятъ въ нравственность? Малѣйшая частица мышьяка — все мышьякъ, а не сахаръ! Этого мало: Кантемиръ до того снисходителенъ, что позволяетъ быть злымъ, если нельзя быть добрымъ.

Замѣтимъ, что всемогущимъ словомъ нельзя прикрыть какую угодно мерзость, по пословицѣ: на нѣтъ и суда нѣтъ. Подобные нравственные совѣты можно назвать уступками той или другой крайности и потому они выражаются почти всегда уступительными періодами. Грамматическая ихъ форма: «хотя, однако», что иногда равносильно словамъ: «такъ, да не такъ».

Горацій, «восторгомъ грудь питая», не то же ли говорилъ, не того же ли желалъ? «Въ нравственности онъ бралъ не свысока». Вся его философія сжимается въ двѣ или три идеи, въ два или три желанія. Покой, пріятная умѣренность, беззаботность о будущемъ днѣ — вотъ что ему нужно. Конечно, эта пріятная или златая умѣренность обходится довольно дорого: она требуетъ, чтобы Тибуръ оставался неприкосновенною собственностію хозяина, чтобы онъ имѣлъ малую толику фалернскаго, чтобы, при беззаботности о будущемъ днѣ, было безтревожное наслажденіе днемъ настоящимъ. Во всемъ же прочемъ, и въ религіи и политикѣ, Горацій хранитъ, какъ сокровище, свое равнодушіе, которое выражается имъ откро-

венно. Такой философъ, какъ Горацій, конечно, не будетъ преслѣдовать общественные недостатки: онъ только посмѣется надъ ними. Тонъ его сатиръ выйдетъ равный, какъ у Кантемира. Вотъ почему такъ ясно сходство между ними.

Небольшое число идей Горація и выражается небольшимъ числомъ поэтическихъ образовъ: онъ поэтъ. Сила его не въ глубинѣ чувства и могуществѣ фантазіи, не въ дарѣ творчества, а въ красотѣ внѣшней формы, въ выраженіи. Грація риомы, чистота языка, свѣтлость, прозрачность стиля — вотъ чѣмъ онъ прельщаетъ, и вотъ чего нѣтъ у нашего сатирика.

Галаховъ.

Тредьяковскій, какъ піитъ.

Судьба Тредьяковскаго въ нашей исторіи словесности самая горькая и безотрадная: его мало и плохо уважали при жизни, еще меньше того уважали и уважаютъ по смерти; надъ нимъ издѣваются критики, подсмѣиваются теоретики, глумятся даже школьники. Съ представленіемъ объ немъ соединяется всегда представленіе образцовой бездарности и безпримѣрной пошлости; имя его обратилось въ общее посмѣшище; изъ него сдѣлали бранное слово. Въ наше время назвать кого-нибудь Тредьяковскимъ значитъ оскорбить глубоко и на цѣлую жизнь нажить себѣ врага, самаго злѣйшаго и непримиримаго. Но справедливо ли такое всеобщее мнѣніе о писателѣ, дѣятельно и неутомимо трудившемся въ продолженіе двухъ царствованій — Анны и Елизаветы? И да и нѣтъ. Да, если вы станете разсматривать его, какъ поэта и даже литератора, но позабудете въ немъ ученаго и профессора. Нѣтъ, если вы внимательно изучите его ученыя сочиненія, и изучите исторически. Стихотворецъ или, по-тогдашнему, піитъ, и ученый — это два лица, одно на другое нисколько не похожія; это два дѣятеля, достойные различныхъ, даже противоположныхъ участей. Сколь жалокъ Тредьяковскій, какъ *піитъ;* столь же почтененъ, какъ ученый и профессоръ.

Дѣйствительно, перебирая стихи и прозу его добросовѣстной, копотливой работы, поневолѣ не можешь удержаться отъ смѣха и досады, зачѣмъ потрачено столько времени, силъ и труда на дѣло, къ которому онъ не имѣлъ никакого призва-

нія, зачѣмъ онъ такъ долго, всю жизнь свою не могъ понять своей рѣшительной неспособности быть піитомъ. Глядя на груду книгъ, написанныхъ уродливыми, чудовищными стихами, кажется, можно назначить премію тому отважному герою, который бы рѣшился посвятить свой досугъ на то, чтобы въ этой грудѣ отыскать что-нибудь порядочное и изящное. Такой трудъ кажется намъ такъ важенъ, что мы даже упомянемъ имена тѣхъ, которые, изучая его или случайно, указали намъ нѣсколько хорошихъ стиховъ; а ихъ такъ немного!... Любимый другъ Пушкина, Дельвигъ, своимъ изящнымъ вкусомъ въ цѣлой Телемахидѣ только могъ найти одинъ стихъ:

Волны дѣля, корабль изъ очей ушелъ и сокрылся.

Къ этой драгоцѣнной находкѣ поэта впослѣдствіи присоединилъ еще пять стиховъ одинъ изъ ученыхъ нашихъ профессоровъ (Шевыревъ):

Вонми, о небо, и реку,
Земля да слышитъ устъ глаголы;
Какъ дождь я словомъ потеку,
И снидутъ, какъ роса къ цвѣтку,
Мои вѣщанія на долы.

Этимъ должно и ограничиться; развѣ изъ снисхожденія можно прибавить переводъ изъ Горація:

Иль не видишь съ слѣпоты,
Какъ выступаешь на дорогѣ
Въ шестиаршинной тогѣ,
Что зрящимъ ненавистенъ ты.

Вотъ и все, если не прекрасное, то, по крайней мѣрѣ, гладкое и сносное, что можно было выбрать изъ книгъ и книжицъ, изданныхъ трудолюбивымъ Тредьяковскимъ. Впрочемъ, въ нескладности стиха виноватъ не одинъ недостатокъ дарованія піита; въ этомъ виновато также тогдашнее состояніе нашего языка. Ему ли съ слабыми, ограниченными силами прокладывать новую, свѣжую дорогу на новомъ, невоздѣланномъ поприщѣ? Родись онъ позже, когда русскій стихъ былъ уже обработанъ: и онъ не былъ бы такъ смѣшонъ и жалокъ; онъ былъ бы ничуть не хуже тѣхъ бѣдныхъ нашихъ риѳмослагателей, которые при скудости мысли избѣжали общаго порицанія единственно тѣмъ, что стихи ихъ,

Какъ полъ лощеный, гладки.

Вѣдь тотъ же Тредьяковскій, пиша стихи на обработанномъ французскомъ языкѣ, является вовсе не смѣшнымъ и неловкимъ стихотворцемъ. Возьмемъ для примѣра хоть нѣсколько строкъ русскихъ и французскихъ изъ его оды «О непостоянствѣ міра»:

Гдѣ бодрость! гдѣ надѣя!
Откуду дики мысли!
Что случилось всѣхъ злѣя?

Міръ сей изъ сердца вышли,

Все зло отстанетъ
Такъ малая перемѣна
Въ сердце взявши начало,

Въ тѣлѣ всѣмъ размножена
Хоть мучитъ и не мало;
Будь терпѣливый.
Что въ мирѣ постоянно?
Сіе всѣмъ очень знатно,
Смотри на все созданно,

Не все ль есть превратно?
Кой цвѣтъ не вянетъ?

Point de courage! point d'espoir!
Mille objets obsèdent mon âme!
Mais, d'où me vient ce pensée noire?
Ah! l'amour du monde m'enflamme
Depuis le matin jusqu'au soir.
Quoique ce petit changement
N'ayant que dans mon coeur sa source,
Abat le corps cruellement,
Et me fasse être sans ressource,
Que je le souffre constament!
Que voit-on au monde, après tout,
Qui soit dans la même constance?
Tout fuit, tout fait, rien n'est de bout;
Tout y vacille, tout balance,
Tout est sujet aux mortels coups.

Какая огромная разница между русскими и французскими стихами! Читая тѣ и другіе, невольно спрашиваешь самого себя, неужели это писалъ одинъ и тотъ же человѣкъ? Неужели сочинитель французскихъ стиховъ былъ природный русскій, который на своемъ родномъ языкѣ писалъ такъ нескладно и безобразно, и который, однакожъ, *безъ вертопрашнаго тщеславія* говорилъ о себѣ, что онъ *въ прінсканіи риѳмъ пріобрѣлъ навыкъ, не грызя ногтей, и безъ пораженія ладонію чела*. Но какихъ извиненій ни придумывай, — Тредьяковскаго, какъ піита, ничто не спасетъ отъ жесткихъ нареканій, и онъ навсегда останется нашимъ Флаккомъ. Но развѣ этимъ однимъ ограничивалась неутомимая дѣятельность обезславленнаго труженика? Кромѣ произведеній беллетристическихъ, у него есть много дѣльныхъ ученыхъ сочиненій, которыя дѣлаютъ ему честь, а не безчестье, представляютъ его достойнымъ уваженія, а не пренебреженія. Зачѣмъ быть такъ несправедливымъ къ писателю, который жилъ и трудился со всегдашнею мыслію о

пользѣ общественной? Самъ великій Державинъ учился теоріи поэзіи и стихотворства по книгамъ Тредьяковскаго: ужъ по тому одному онъ не презрѣнъ и не ничтоженъ.

(Изъ изд. Перевл. 1849 г.)

Труды Тредьяковскаго по теоріи поэзіи.

Ученіе Тредьяковскаго о поэзіи изложено не въ системѣ, какъ наука, но въ отдѣльныхъ разсужденіяхъ: оно все заключается въ слѣдующихъ четырехъ статьяхъ: a) «Мнѣніе о началѣ поэзіи и стихахъ вообще», b) «Предъизъясненіе объ ироической піимѣ», c) «Разсужденіе объ одѣ» и d) «Разсужденіе о комедіи вообще». Всѣ эти статьи отличаются здравыми мыслями, какія не всегда встрѣтишь даже у тогдашнихъ европейскихъ знаменитостей.

Въ ту пору, какъ Буало, европейскій законодатель теоріи поэзіи, величалъ ее l'art des vers и въ ней видѣлъ одно подражаніе природѣ, — нашъ теоретикъ, хорошо знакомый съ ученіемъ древнихъ, съ своей каѳедры училъ, что *иное быть піитомъ, а иное стихи слагать;* въ поэзіи внушалъ видѣть не простое подражаніе, но творчество; какъ Платонъ, онъ считалъ ее *влитою въ человѣческія разумы свыше отъ Бога. Творить, вымышлять, подражать* — вотъ отличительныя черты поэзіи, по ученію Тредьяковскаго. «Твореніе, — говоритъ онъ, — есть расположеніе вещей послѣ оныхъ избранія; вымышленіе есть изобрѣтеніе возможностей, т.-е. не такое представленіе дѣяній, каковы они сами въ себѣ, но какъ они быть могутъ, или долженствуютъ; а подражаніе есть слѣдованіе во всемъ естеству описаніемъ вещей и дѣлъ по вѣроятности и подобію правдѣ».

Въ подкрѣпленіе своей мысли онъ ловко умѣлъ воспользоваться словами Аристотеля, которыя греческій философъ сказалъ въ своей піитикѣ о различіи исторіи отъ эпоса. Въ статьѣ: «Объ ироической піимѣ», правдиво и безпристрастно разсуждая о дивныхъ міровыхъ созданіяхъ Гомера, Тредьяковскій излагаетъ отчетливо и ясно *предметъ* поэмы, ея *дѣйствіе*, *чудесное* и т. п. Предметъ для героической піимы онъ совѣтуетъ искать не въ исторіи среднихъ, а тѣмъ меньше новыхъ вѣковъ, но въ *оной предудаленной, кая есть временъ баснослов-*

ныхъ, или иројческихъ; дѣйствіе ея долженствуетъ быть, учитъ онъ, *единое и цѣлое*, а чудесное — *вѣроятно*. На основаніи своей теоріи онъ входитъ въ подробный и дѣльный разборъ Энеиды, Фарсалиды, Генріады и Телемахиды; при этомъ подробномъ разборѣ не позабылъ сказать объ изложеніи поэмъ и о гекзаметрѣ, которые ему же суждено опозорить въ нашей литературѣ, и для возстановленія котораго нужны были талантъ Жуковскаго и глубокое изученіе Гнѣдича.

Въ «Разсужденіи объ одѣ» пріятно встрѣтить прекрасную мысль *«о маніи, которая внушается поэтамъ музами»* и безъ которой они никогда не могутъ быть совершенными; пріятно встрѣтить прекрасныя мысли о лирическихъ произведеніяхъ евреевъ, царя Давида. Мысли эти, правда, напоминаютъ вамъ Discours sur l'ode Буало; но заимствовать у другихъ надо умѣючи: вѣдь тотъ же Тредьяковскій изъ того же Буало не взялъ ученія о поэзіи.

Въ «Разсужденіи о комедіи вообще» Тредьяковскій въ бѣгломъ историческомъ обзорѣ, прослѣдивъ древнюю, среднюю и новую комедію, въ концѣ статьи излагаетъ свои понятія объ ея сущности. Смѣшно было бы въ историческомъ его обозрѣніи искать той полноты, той учености, какую вы находите у Бернгарди въ его Grundriss der Griechen-Litteratur (II ч. 1845 г.); отъ его теоріи комедіи непростительно было бы требовать такой же отчетливости и развитія, какія мы имѣемъ въ Чтеніяхъ о словесности. Будемъ довольны и тѣмъ, что у нашего перваго теоретика есть такое ученіе о комедіи: «Осмѣхаемые каждаго вѣка нравы, — говоритъ онъ, — и худая сторона дѣйствій народныхъ есть самое внутреннее и составляющее комедію. *Смѣшное* есть самое существо комедіи. Впрочемъ, есть смѣшное въ словахъ и есть смѣшное въ вещахъ. Смѣшное искусства, кое желается на театрѣ, долженствуетъ быть копіею съ онаго *смѣшнаго*, которое есть въ натурѣ. И комедія будетъ ни къ чему годная, ежели въ ней не можно узнаться, и не видно тѣхъ поступковъ, кои показываютъ люди, живущіе совокупно. Она всегда должна держаться натуры и не отходить отъ нея никогда». Въ шуткахъ и смѣшномъ Тредьяковскій строго требуетъ соблюденія благопристойности.

(Изъ изд. Перевл. 1849 г.)

Труды Тредьяковскаго по теоріи языка.

По теоріи языка отъ Тредьяковскаго остались два сочиненія: a) «Способъ къ сложенію россійскихъ стіховъ», который въ первыи разъ напечатанъ въ 1753 г. и b) «Разговоръ между чужестраннымъ человѣкомъ и россійскимъ объ ортографіи старинной и новой».

«Въ новомъ и краткомъ способѣ къ сложенію россійскихъ стиховъ», считая сложеніе нашихъ стиховъ по образцу греческой просодіи *смѣшнымъ* и построеніе ихъ на извѣстномъ числѣ слоговъ — *недостаточнымъ*, и даже *прозою*, опредѣленнымъ числомъ идущею, Тредьяковскій полагаетъ, что наше стихосложеніе должно быть *тоническое, на единомъ удареніи голоса основанное*. Къ этой вѣрной мысли привели его наши народныя стихотворенія: «слатчайшее,— говоритъ онъ,— пріятнѣйшее и правильнѣйшее разнообразныхъ ея (народной поэзіи) стопъ, нежели иногда греческихъ и латинскихъ, паденіе подало мнѣ непогрѣшительное руководство къ введенію тоническихъ стопъ».

Стопъ онъ первоначально принималъ только четыре: *спондеи, пиррихій, хорей* и *ямбъ;* называя *долгимъ слогомъ ударяемый*, онъ тѣмъ рѣшительно отдѣляетъ наши стопы отъ греческихъ и латинскихъ. Въ разсужденіи послѣдовательности риѳмъ принимаетъ риѳму *непрерывную*, «когда *окончанію* перваго стіха второй имѣетъ подобное», и *смѣшанную*, «когда согласное окончаніе первому стіху кладется черезъ стихъ или два, а въ случаи и черезъ три, буде строфа не четку стіховъ содержитъ». Къ вольностямъ піитическимъ Тредьяковскій, между прочимъ, относитъ употребленіе *мя, тя, ми, ти* вмѣсто меня, тебя, мнѣ, тебѣ, оконч. 2-го лица настоящ. времени на *ши* вмѣсто *шь* и форму звательнаго падежа по образцу славяно-церковнаго (Филате).

Во второмъ изданіи своего «Способа къ сложенію россійскихъ стіховъ» Тредьяковскій сдѣлалъ много исправленій и улучшеній. Во второмъ изданіи счетъ слоговъ уже не играетъ такой значительной роли, какъ въ первомъ: къ стопамъ двусложнымъ прибавлены еще трехсложныя: *дактиль* и *анапестъ*, на возможность которыхъ указывалъ также Ломоносовъ въ письмѣ своемъ о русской версификаціи, незнакомый съ ученіемъ Тре-

дьяковскаго; вольностей піитическихъ, мною указанныхъ, уже не совѣтуетъ употреблять.

Итакъ, первая мысль о свойственномъ нашему языку стихосложеніи тоническомъ принадлежитъ Тредьяковскому; ему первому принадлежитъ и подробное изложеніе его правилъ. Мысль эта, явившаяся при господствующемъ ложномъ ученіи о стихосложеніи нашемъ, по всей справедливости, дѣлаетъ честь ученому такту профессора: строить общую теорію, при всеобщемъ заблужденіи, — не бездѣлица.

Разсужденіе объ ортографіи, какъ объясняется *въ предувѣдомленіи отъ автора*, діалогическою формою обязано подражанію Эразму Роттердамскому, писавшему о произношеніи латинскаго и греческаго языка въ видѣ разговора между медвѣдемъ и львомъ, и первоначально написано было по-латыни, но послѣ найдено труднымъ для понятія простымъ людямъ и ученикамъ, и потому уничтожено и замѣнено этимъ.

Послѣ вступленія, въ которомъ объясняются *общія правила до буквъ і правописанія надлежащія*, Тредьяковскій предлагаетъ ученыя, довольно подробныя изслѣдованія объ образованіи, свойствахъ и двойномъ употребленіи буквъ, съ изложеніемъ полной исторіи составителя славянской азбуки; затѣмъ слѣдуютъ замѣчанія о титлахъ и знакахъ строчныхъ. Оставляя въ покоѣ, безъ всякихъ перемѣнъ, старую ортографію для церковной печати, авторъ естественно приходитъ къ вопросу: *можно ли ее оставить безъ всякаго измѣненія для новой гражданской печати?* Для рѣшенія этого вопроса онъ беретъ слѣдующія основанія, *на разумѣ утвержденныя:* 1) *каждая* буква *есть произвольный знакъ звона* (т.-е. членораздѣльнаго звука), а потому 2) *лишнія буквы всеконечно долженствуютъ быть выключены изъ нашея ортографіи*, *какъ ненадобныя и ненужныя*. На основаніи этихъ-то началъ Тредьяковскій перебираетъ всю славяно-церковную азбуку, и приводитъ къ ученому допросу каждую ея букву, можетъ ли она законно оставаться въ новомъ нашемъ алфавитѣ. По этомъ пересмотрѣ оказывается, что должны быть исключены всѣ *связныя буквы*, каковы: ѿ, щ — (шч) ѱ, ѯ, ѳ, ѵ, употребляемая вмѣсто *в* въ словахъ греческихъ (Еѵропа вм. Европа), *з* и *э*. Двѣ послѣднія исключены собственно затѣмъ, что не *статны собою:* для красивости авторъ совѣтуетъ замѣнить *э* буквою *е*, а *з* буквою ѕ, которая по формѣ своей ближе къ латинской *s*. Изъ исторіи нашего правописанія знаемъ,

какія изъ отверженныхъ Тредьяковскимъ буквъ впослѣдствіи оставлены, какія еще и досселѣ остались цѣлы, хотя и послѣ его имѣли жестокихъ гонителей, которые однако не могли пересилить общаго употребленія.

Опредѣливши критически число и начертаніе буквъ, къ которымъ прибавляетъ новую (h), затѣйливо названную *голью*, авторъ разговора высказываетъ свою основную и задушевную мысль: *писать такъ надлежитъ, какъ звонъ требуетъ*. Мысль ложная, но обольстительная съ перваго взгляда; ею увлекались многіе и впослѣдствіи.

Проникнутый этою соблазнительною мыслію, отвергаемою здравымъ смысломъ и историческимъ изученіемъ языка, Тредьяковскій силился доказать, что *та ортографія совершенно правильна, которая одни только звоны наблюдаетъ*, ибо *все прочее мудрованіе есть одна только школьная хитрость*. Справедливость своего мнѣнія онъ укрѣпляетъ авторитетомъ Квинтиліана, который тоже говоритъ въ VII гл. I книги. Но, при всей твердости убѣжденія въ правотѣ своей мысли, онъ самъ не имѣетъ духу отрѣшиться отъ прежняго ученія, и *многія еще слова пишешь не по звону, но по обыкновенію*, и утѣшаетъ себя надеждою, что придетъ нѣкогда такое время, когда *увидятъ праость его ортографіи*. Самую большую помѣху исполненію своей надежды онъ видитъ въ ученыхъ, которые наиболѣе *хорохорятся противъ звоновъ*, и самую крѣпкую поддержку у дамъ, которыхъ *нѣжный выговоръ давно уже звоны наблюдаетъ*. Ему думается, что дамы своимъ могущественнымъ вліяніемъ со временемъ пересилятъ закоренѣлое упрямство ученыхъ: «дамы кого не заставятъ послѣдовать, — восклицаетъ онъ съ восторгомъ, — ибо и господа ученые не деревянные».

Прослѣдивши содержаніе разговора объ ортографіи, мы видимъ, что основное его начало ложно, и что собственныя его писанія представляютъ многія противорѣчія: несмотря на то, сочиненіе профессора не теряетъ своей важности по многимъ отдѣльнымъ замѣчаніямъ. Нѣкоторыя изъ нихъ давно уже сдѣлались неотъемлемымъ достояніемъ науки. Къ числу такихъ принадлежатъ раздѣленіе согласныхъ на мягкія (*б*, *в*) и твердыя (*п*, *ф*), исторія и составленіе азбуки славяно-церковной и гражданской русской, произношеніе *о* и *а* какъ *а* и *е* (малако, чесы), слитное начертаніе предлоговъ съ мѣстоименіями и именами, когда сіи послѣднія перешли въ надглаголія (нарѣчія) —

для того, потому, поутру и многія другія. Уважая множество дѣльныхъ изслѣдованій, разсыпанныхъ въ разговорѣ, мы охотно можемъ умолчать о нѣкоторыхъ странностяхъ, которыя хотѣлъ было навязать намъ ученый профессоръ, какъ, напримѣръ, окончанія прилагательныхъ въ именительномъ падежѣ множественнаго числа на *и*, *е* и *я* (добрыи люди, добрые жены, добрыя дѣла).

(Изъ изд. Перевл. 1849 г.)

Заслуги Тредьяковскаго относительно русскаго стихосложенія.

Вскорѣ, по возвращеніи изъ-за границы, Тредьяковскаго уже занимала мысль, осуществленіемъ которой онъ навсегда составилъ себѣ имя въ исторіи русской поэзіи. Чтобы вполнѣ оцѣнить это, нужно мысленно перенестись въ то время, когда въ публикѣ обращалось лишь очень мало книгъ легкаго содержанія и когда она, кромѣ «Ѣзды», не могла отвести душу другимъ романомъ, а изъ періодическихъ сочиненій должна была довольствоваться тощими академическими Вѣдомостями и болѣе или менѣе популярно изложенными «Примѣчаніями на Вѣдомости». Понятно, что при такомъ ощутительномъ недостаткѣ въ чтеніи, стихи стариннаго силлабическаго размѣра, какъ бы они пусты ни были, пожирались съ жадностью, въ особенности послѣ того, какъ князь Кантемиръ затронулъ сатирическую струну. Восхищаться народными пѣснями, которыхъ въ то время было гораздо больше, такъ называемое образованное общество считало неприличнымъ. Самъ Тредьяковскій называлъ ихъ «подлыми» въ смыслѣ мужицкомъ, хотя и не могъ забыть впечатлѣніе, которое онѣ уже рано произвели на него. Объ этомъ свидѣтельствуютъ первыя поэтическія его произведенія, напечатанныя въ концѣ «Ѣзды въ островъ любви». Онъ чувствовалъ, хотя и не вполнѣ сознавалъ это, что въ этихъ народныхъ пѣсняхъ больше поэзіи, нежели во всѣхъ тогдашнихъ «виршахъ». Но это знакомство съ народными пѣснями, въ то же время, по его собственному сознанію, породило въ немъ убѣжденіе, что силлабическій размѣръ, который употреблялся въ искусственной поэзіи, вовсе не годится для русскаго языка и долженъ уступить мѣсто другому, болѣе естественному раз-

мѣру*). Хорошо понимая, что въ русскомъ языкѣ нѣтъ долгихъ гласныхъ, какія находятся въ греческомъ, латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, и что, слѣдовательно, размѣръ русскихъ стиховъ долженъ основываться на удареніи, онъ придумалъ «тоническій размѣръ», — терминъ, который въ первый разъ употребилъ въ 1735 году. Такимъ образомъ разъ навсегда указана была форма русской поэзіи.

Первая попытка сочиненія стиховъ въ тоническомъ размѣрѣ была еще довольно неудачна: какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ попыткахъ этого рода, Тредьяковскому пришлось измѣнить удареніе нѣкоторыхъ словъ (напр. въ позднѣйшихъ стихотвореніяхъ: который). Въ 1735 году Тредьяковскій издалъ обѣщанный имъ «Новый и краткій способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ съ опредѣленіями до сего надлежащихъ знаній». Если до сихъ поръ еще далеко не понято важное значеніе этого сочиненія для того времени, то это, главнымъ образомъ, хотя и не исключительно, происходитъ отъ того, что Тредьяковскій самъ впослѣдствіи снова передѣлалъ эту первую теорію русскаго стихосложенія подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ противъ выданнаго въ 1735 годѣ исправленный и дополненный». Вслѣдствіе этого первое изданіе было совершенно забыто и, наконецъ, сдѣлалось такою библіографическою рѣдкостію, что перепечатка его сдѣлалась необходимою.

Куникъ.

---

*) Долгій слогъ въ россійскомъ стихотворствѣ разумѣется тотъ, на которой просодія, или, какъ говорятъ, сила ударяетъ. И тако въ реченіи семъ: *Слава́ю*, ia есть долгій слогъ; а *сла* и *ю* короткіе. Пресѣченіе латіны называютъ cesura; а французы: césure или repos.

КОРОЛЛАРІЙ 1.

Отсюда слѣдуетъ, что всѣ реченія единосложныя не могутъ быть, какъ токмо долгія. Долгота и краткость слоговъ у латінъ называется quantitas; а у французовъ: quantité или longueur et brieveté des syllabes.

КОРОЛЛАРІЙ 2.

Того ради чрезъ сіе всякъ ясно выразумѣть можетъ, что долгота и краткость слоговъ, въ новомъ семъ россійскомъ стихосложеніи, не такая разумѣется, какова у грековъ и латінъ въ сложеніи стиховъ употребляется; но токмо *тоническая*, то-есть, въ единомъ удареніи голоса состоящая, такъ что, сколь греческое и латінское количество слоговъ съ великимъ трудомъ познавается, столь

Труды Тредьяковскаго по исторіи.

Профессоръ химіи Ломоносовъ долженъ былъ писать русскую исторію, чтобъ открыть свѣту древность россійскаго народа и славныя дѣла государей; профессоръ элоквенціи Тредьяковскій долженъ былъ также писать разсужденія въ пользу древности и превосходства русскаго имени и народа*). Вопросъ о происхожденіи русскаго имени и народа былъ господствующимъ въ первой и въ началѣ второй половинѣ XVIII вѣка; естественно было начать историческія изслѣдованія сначала, и Петръ Великій сносился съ Лейбницемъ насчетъ разрѣшенія этого вопроса; но господству его у насъ, въ Россіи, въ означенное время и послѣ благопріятствовали другія обстоятельства. Начальная лѣтопись наша указываетъ пришлецовъ изъ-за моря, положившихъ основаніе русскому государству; отсюда вопросъ о происхожденіи этихъ пришлецовъ, едино или чужеплеменники они главному, славянскому, народонаселенію государства? признать чуждое происхожденіе этихъ главныхъ дѣятелей нашей начальной исторіи было оскорбительно для народнаго самолюбія; сюда присоединились еще два обстоятельства: признавъ, по извѣстнымъ указаніямъ лѣтописи, чуждое происхожденіе варяговъ-руси, нужно было согласиться, что они принадлежатъ къ скандинавамъ; но въ это время со Швеціею только что окончилась ожесточенная борьба, да и послѣ ея окончанія шведы считались главными и самыми опасными врагами, готовыми воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ отнять у Россіи недавнюю ея добычу, — и вотъ надобно выводить изъ Швеціи нашихъ первыхъ князей. Но этого мало: вслѣдствіе тѣснаго сближенія съ западною Европою иностранцы, т.-е. ближайшіе сосѣди наши — нѣмцы, принимаютъ дѣятельное участіе въ настоящихъ событіяхъ; въ Академію для обработки между прочими науками и русской исторіи призваны

сіе наше всякому изъ великороссіанъ легко, способно, безъ всякія трудности, и наконецъ, отъ единаго только общаго употребленія знать можно, въ чемъ вся сила новаго сего стихосложенія содержится (Изъ Сборн. матер. для исторіи Императорской Академіи Наукъ въ XVIII вѣкѣ Куника, ч. I, стран. 23).

*) Эти разсужденія суть: 1) О первенствѣ славянскаго языка предъ тевтоническимъ; 2) О первоначаліи россовъ; 3) О варягахъ-руссахъ славянскаго званія, рода и языка.

также нѣмцы; они овладѣваютъ вопросомъ о происхожденіи, какъ самымъ доступнымъ для нихъ изъ всѣхъ вопросовъ нашей исторіи, и рѣшаютъ его въ пользу скандинавскаго происхожденія. Но между нѣмцами и русскими въ Академіи загорается борьба, и вопросъ о происхожденіи варяговъ-руси вмѣшанъ въ нее: русскіе ученые видятъ или хотятъ видѣть въ объявленіи варяговъ-руси скандинавами посягательство на честь русскаго имени и стремятся дать силу мнѣнію противному, настоять на славянскомъ происхожденіи первыхъ нашихъ князей. Тредьяковскій откровенно высказываетъ намъ главную причину спора, которую послѣдователи его прикрываютъ именемъ науки: «хотя нѣтъ ни одного, мню, въ истинныхъ россіянахъ, собственно такъ называемыхъ нынѣ, который бы не всѣмъ желалъ сердцемъ, чтобъ презнаменитымъ варягамъ-руссамъ, прибывшимъ къ намъ государствовать въ насъ, и бывшимъ достославными предками великоименитыхъ самодержцевъ нашихъ, быть точно сими нынѣшними и всегдашними россіянами, произойти издревле отъ сего конечно россійскаго корене, и говорить съ самаго начала симъ однимъ нашимъ языкомъ словенороссійскимъ: однако, утвержденія иностранныхъ, и еще не безславныхъ писателей оныхъ, не токмо дѣлаютъ наши желанія тщетными, но еще и всѣхъ намъ путей едва не пресѣкаютъ, чтобъ мощи сердцамъ нашимъ хотя только того желать уже съ основаніемъ. Сіе коль есть ни превосходное и твердое предразсужденіе о достоинствѣ первоначальныхъ нашихъ государей, для того что писатели какъ наперерывъ другъ предъ другомъ присвояютъ ихъ къ разнымъ славнымъ и храбрымъ народамъ, одинакожъ намъ нѣсколько предосудительное, какъ отъемлющее у насъ собственное наше и дражайшее добро, и чрезъ то лишающее насъ природныя нашея славы. Когда жъ инославныи писатели изобрѣли за должное, по единому самолюбію токмо, какъ мнится, повѣствовать о высокославныхъ варягахъ, и водя своихъ читателей по степенямъ вѣроятности, потщались удостовѣрять ихъ, что будто сіи варяги намъ чужеродныи и отъ насъ разноязычныи; то мы не ободримся ль изобрѣсть за должнѣйшее, имѣя въ томъ препскреннѣйшее участіе, чтобъ намъ утверждающимся на самой, поскольку возможно достовѣрности, описать нашихъ началобытныхъ самодержцевъ какъ единоязычными, такъ и тождеродными съ нами? Возможно ль, говоря откровенно, и достойно ль пребыть своимъ бездѣй-

ственнымъ при чужихъ пререкающемъ усильствіи, да и не стремиться къ исторженію отъемлемаго у насъ не по праву? Высота, свѣтлость и превосходство первенствовавшихъ верьховно у насъ великихъ князей къ тому насъ обязываютъ: а честь цвѣтущаго, всегда и нынѣ, россійскаго народа, не умолкая возбуждаетъ. Должно, должно было давно уже намъ препоясаться силами, не токмо къ воспрепятствованію не весьма удостояющихся, въ разсужденіи сего, заключеній, но и къ утвержденію, и какъ-будто ко вкореняемому насажденію свѣтозарныя истины и непоколебимыя правды». Кто же такіе были варяги-русь по Тредьяковскому? Варяги суть *предварители - аборигены;* Русь — ружане померанскіе. Такимъ образомъ впервые было научно высказано знаменитое мнѣніе о Рюгенскомъ отечествѣ Рюрика, котораго такъ сильно держатся поборники славянскаго происхожденія варяговъ-руси, хотя при этомъ стараются прикрывать себя болѣе славнымъ именемъ Ломоносова. Какимъ же путемъ шелъ Тредьяковскій къ своимъ выводамъ? Путемъ, общимъ всѣмъ изслѣдователямъ того времени, путемъ внѣшнихъ филологическихъ сближеній: послушаемъ его разсужденія: «единъ былъ съ самаго начала у Іафетскихъ племенъ скиѳскій съ целтическимъ языкомъ, т.-е. единъ былъ издревле, но по смѣшенію, словенскій. Доказываютъ сіе самыя первыя имена скиѳовъ и целтовъ. Что же знаменуетъ скиѳъ? Скиѳъ есть Скитъ; и слѣдов. скиѳы суть скиты отъ скитанія, т.-е. отъ свободнаго прехожденія съ мѣста на мѣсто: а слова: *скитаніе* и *скитаться*, суть точныя словенскія».

Кельты, по Тредьяковскому, суть желты, т.-е. свѣтлорусые; Гелонъ — Челонъ, т.-е. челистый; Агатирсъ есть Окодыржъ, т.-е. Окодержь отъ надсмотра или надзора. Геродотово извѣстіе о происхожденіи скиѳовъ истолковано слѣдующимъ образомъ: «отъ Таргитая, чрезъ переложеніе письменъ Дрогидая, скиѳскаго вождя, какъ дающаго станицамъ своимъ дороги, или какъ водящаго ихъ по дорогамъ, родились три сына, именно жъ: Липоксаисъ, Арпоксаисъ и Колоксаисъ. Первый есть Лѣпоша отъ Лѣпоты, второй — Ярпеша отъ яраго или скораго пѣшеходства, третій — Колаша отъ колесницы». Сарматы тоже скиѳы и говорили по-славянски; ихъ имя происходитъ отъ За-ра-мати, или Царьметы; Амазоны суть Омужены, т.-е. жены мужественныя; Гиспанія отъ Выспанія (Выспа — островъ); Лузитанія — Лишеденія отъ лишенія дня, какъ

страна самая послѣдняя на западѣ: Британнія — Бородапія отъ бородъ, или Братаннія отъ братства, Каледонія — Хладонія отъ холода, и проч. и проч. — мы привыкли смѣяться надъ такимъ словопроизводствомъ, наравнѣ съ другими странностями творца Телемахиды; но должно припомнить, что эта странность была общая тогда у изслѣдователей: академикъ Байеръ, имя котораго съ благоговѣніемъ произносится особенно поборниками нормандскаго происхожденія варяговъ, Баиеръ былъ подверженъ той же странности, и Тредьяковскій сражался съ нимъ одинакимъ оружіемъ. Байеръ производитъ Москву отъ Моского, т.-е. мужескаго монастыря; Псковъ — отъ псовъ, городъ псовый; если Тредьяковскій впалъ въ крайность, производя все отъ славянскаго языка, то подобную же крайность замѣчаемъ и у Байера, которой въ имени Святославъ непремѣнно хочетъ видѣть скандинавскій корень *свен*; во Владимирѣ — Валдемера, въ Всеволодѣ – Визавалидура. Для насъ Тредьяковскій имѣетъ значеніе именно какъ противникъ Баиера и Миллера, какъ основатель ученія, которое, съ немногими измѣненіями, продолжается до сихъ поръ: если мы сравнимъ изслѣдованія Тредьяковскаго съ изслѣдованіями современныхъ намъ поборниковъ славянскаго происхожденія варяговъ, то увидимъ, что у нихъ и методъ одинакій и выводы тѣ же. *Соловьевъ*.

Телемахида Тредьяковскаго.

Въ ноябрѣ 1765 года Тредьяковскій подалъ слѣдующее собственноручное донесеніе въ академическую канцелярію: 1) «книгѣ, именуемой Телемакъ, мною переведенной вновь, и названной Телемахідою, желаю нынѣ напечатанной быть, въ числѣ четырехъ сотъ экземпляровъ, сто на любской бумагѣ, и трехъ сотъ на комментарной. 2) Формату желаю въ полдестевую мѣру; літерамъ на напечатаніе Предъизъясненія среднимъ; въ перечняхъ предъ каждою книгою вѣдомостнымъ: а всему содержанію печатаемому гробе-ціцеромъ, но такъ, чтобъ промежъ каждаго стиха прокладывать шпоны, и быть бы на страницѣ тридцати пяти стіхамъ. 3) И понеже по исчисленію наборщика Петра Алексѣева сына Сидорова, надобно заплатить въ казну

за напечатаніе четырехъ сотъ такихъ экземпляровъ, и за бумагу, болѣе нѣсколько шести сотъ рублей; то я теперь напередь взношу почитай цѣлую половину денегъ, именно жъ триста рублей, а другую остальную половину имѣю доплатить тогда, когда вся книга напечатается, состоящая въ двадцати четырехъ книгахъ и въ двухъ томахъ. Притомъ, желалъ бы при напечатанной книгѣ быть и фігурамъ, кои при Академіи вырѣзаны въ полудестевый форматъ для Телемака: и буде сумма на фігуры не превзойдетъ ста рублей, то бъ быть имъ при всѣхъ экземплярахъ, что будетъ на любской бумагѣ. 4) Того ради, покорно прошу канцелярію Імператорскія Академіи Наукъ: 1) принявъ при семъ подлинникъ мой рукописный, отдать въ тіпографію неукоснительно, и 2) приказать принять же и взносимыя мною деньги на первый случай, именно жъ триста рублей, и въ пріемѣ, дать мнѣ расписку». Это ходатайство Тредьяковскаго было исполнено въ апрѣлѣ 1766 года, когда было отпечатано Телемахиды 412 экземпляровъ. Они обошлись 613 руб. 52 коп., и остальныя, недоданныя авторомъ деньги, онъ просилъ взять изъ тѣхъ трехсотъ рублей, которые ему слѣдовали по уговору за вышедшій тогда XVI томъ Римской исторіи Роллена.

Помѣщенное при Телемахидѣ «Предъизъясненіе объ ироіческой піимѣ» въ началѣ заключаетъ переводъ статьи Discours sur poëme épique, помѣщаемой при нѣкоторыхъ изданіяхъ Телемака, но къ этому Тредьяковскій присоединилъ нѣсколько сужденій и объясненій, принадлежащихъ ему. Такъ онъ разсказываетъ о первоначальныхъ переводахъ на русскій языкъ Телемака. Первый изъ нихъ принадлежитъ переводчику, котораго, не называя по имени, Тредьяковскій описываетъ такъ: «коль ни благоразумный и ни добронравный переводилъ его мужъ и языкъ разумѣвшій французскій, однако, не обратившійся ни мало въ словесныхъ наукахъ, не могъ произвесть перевода своего такъ, какъ всеконечно надобно было». Далѣе онъ разсказываетъ о другомъ переводѣ Телемака: «не можно не похвалить достодолжно слога, и сего не льстивно, да и по самой справедливости: переложеніе сіе метафрастіческое, сходствуетъ всесовершенно съ авторовою прозаическою Рѣчиточивостью, такъ что французское слово измѣнилось токмо въ россійское...» Былъ, по словамъ Тредьяковскаго, еще третій опытъ переложенія у насъ Телемака, именно стихами ямбическими и съ риомами. Тредьяковскій хотя и хвалилъ этого перелага-

теля, но самъ держался такого мнѣнія, что эпопеѣ не соотвѣтствуютъ ямбы и риѳмы. «Первые въ семъ теченіи вездѣ содѣлываютъ катаракты, то-есть прѣчныи пороги и преломы; ктому жъ, брячатъ онѣ, можетъ быть, хорошо въ краткихъ піимахъ, а въ долгопротяжныхъ и важныхъ, какова ироическая, отнюдь терпимы быть не могутъ: вторые жъ прилично и основательно употреблены древними, на теченіе слова въ драмахъ, но эпопія всеконечно требуетъ дактило-спондіаческаго, или, по нашему тоническому количеству, дактило-трохаическаго шествія...» Такимъ образомъ Тредьяковскій первый ввелъ въ нашу литературу гекзаметръ и доказывалъ возможность и необходимость его. Правда, что авторъ Телемака написалъ свое произведеніе прозою, но это онъ сдѣлалъ, какъ говоритъ Тредьяковскій, «за неспособность французскаго языка къ ироическому еллино-латінскому стіху; а такъ называемый на томъ языкѣ Александрійскій стіхъ есть не стіхъ, но прозаическая простая строчка, риѳмою токмо на концѣ въ ладъ гудящая... Что жъ до нашего языка, то онъ столько жъ благолѣпно воскриляется дактилемъ, сколько и самъ еллинскій и рімскій: и также преизящно употребляетъ пренесеніе рѣчей съ мѣста на другое, не пригвождаясь къ одному опредѣленному, какъ и оный еллинскій съ латінскимъ: природа ему даровала все изобиліе и сладость языка того еллинскаго, а всю важность и сановитость латінскаго. На что жъ намъ претерпѣвать доброводьно скудость и тѣсноту французскую, имѣющимъ всякородное богатство и пространство словено-россійское?...»

Толкуя о ненадобности риѳмы въ нѣкоторыхъ родахъ стихотворныхъ произведеній, Тредьяковскій, по своему обыкновенію, не могъ не намекнуть о своемъ отвращеніи къ театральнымъ сатирическимъ произведеніямъ, при чемъ ему, конечно, вспоминалась комедія Трессотиніусъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ высказывались опасенія, чтобы не усумнился кто въ его способностяхъ и знаніи дѣла. Выписываю это мѣсто, какъ отрывокъ автобіографіи нашего писателя: ...«Драматіческому стіхотворенію надлежитъ быть въ теченіи слова, всеконечно сходственну съ естествомъ. Что есть драма? Разговоръ. Но природно ль есть то собесѣдованіе, кое непрестанно оканчивается женскою риѳмою, какъ на горе — море а мужескаго какъ на увы — вдовы, сочетаваясь попеременно? Я, въ особенности моей, читая иногда, отдохновеній во время, комедіи француз-

скіе, больше всегда чувствую сладости (преднамѣренная польза исправленія нравовъ, едва ль когда и гдѣ происходила отъ драмъ, но вездѣ напротивъ поврежденіе большое и неминуемое, да притомъ и личные обиды, коимъ примѣръ у злодушнаго Шпыня и кощуна Арістофана благоправному оному Сократу, отъ Драматістовъ, и отъ братенниковъ имъ сатириковъ, какъ то и сіе нѣкто изъ французовъ наблюдаетъ основательно) отъ чтенія Арлекіна Дикаго, нежели отъ препрославленнаго Моліерова Тартюфа. Чего жъ ради? Тартюфъ сей въ стіхахъ своихъ имѣетъ риѳмы, и потому отъ природнаго теченія слова весьма удалялся; а Дикій Арлекінъ идетъ прозою, слѣдовательно сходствуетъ съ самымъ чистымъ естествомъ. Не сомнѣваюсь, чтобъ и прочіи читатели у насъ не такое же имѣли при семъ чувствіе: «Природу, по Флакку, хотя вилами изъ себя изринь, но она вскорѣ тожъ къ тебѣ возвратится». Изгоняю впрочемъ риѳмы отъ драмъ не для того, что я къ нимъ, возразитъ либо кто, мало способенъ; хотя и могу напротивъ, безъ вертопрашнаго тщеславія, сказать, что пріобрѣлъ я въ пріисканіи себѣ ихъ, не грызя ногтей и безъ пораженія ладонью чела, нѣкоторый навыкъ, такъ что чаще, можетъ быть, находится у меня богатая риѳма, нежели полузвонкая: о семъ засвидѣтельствовать могутъ не ложно Псалтирь и моя жъ Ѳеоптія, не упоминая другихъ многихъ стіхотвореній...»

Въ концѣ Тредьяковскій объясняетъ чрезвычайно вычурно причины, побудившія его принять въ Телемахидѣ то особливое правописаніе именъ и предметовъ, надъ которымъ всего болѣе издѣвались и издѣваются, такъ какъ — надо сознаться — нигдѣ такъ не распространенъ обычай осмѣивать и презирать все, что не особенно легко достается пониманію, какъ у насъ.

«Въ сочиненіяхъ, — объясняетъ Тредьяковскій, — пишемыхъ или всеконечно славенскимъ языкомъ, или уже славено-россіискимъ, непосредственно проистекающимъ отъ того: то-есть, когда содержание пишемаго или прямо возносится къ Святилищу Божества, или принадлежитъ токмо до Священнаго Обиталища Любомудрыя Мусы: тогда употребляется благопристойнѣе и лѣпотнѣе нами правописаніе и произносъ восточныхъ. Я мню, въ особенности моей, что сіе обыкновеніе долженствуетъ нынѣ быть единственно и правиломъ на оба различія въ Орѳографіи нашей, что касается до Еллинскихъ или реченіи Латінскихъ, такъ что, въ Гражданскомъ языкѣ писать бы по

западныхъ Выговору, а въ Церковнѣйшемъ нѣсколько по восточныхъ и Правописанію для взора, и произношенію для слуха. Сія есть причина, что въ Тилемахідѣ нашей (книгѣ, по Содержанію своему и Языку, высящейся толико надъ Градскою Площадью, колико святый холмъ Аоона превышаетъ подлежащую себѣ дебелоблренную въ низостяхъ земныхъ основу) Тилемахъ написанъ есть и произнесенъ Тилемахъ, а не Телемахъ, или неправо Телемакъ; Одусей или Одуссъ, а не Улуссъ или Улуксъ; Менторъ, а не всемѣрно ложно Монторъ; Омиръ, а не Гомеръ; ирой, ироическій, а не герой, героическій; піима, а не поэма» и т. д.

Телемахида подвергалась осмѣянію со времени самаго появленія ея на свѣтъ. «При императрицѣ Екатеринѣ II, — разсказываетъ митрополитъ Евгеній, — въ эрмитажѣ установлено было шуточное наказаніе за легкую вину выпить стаканъ холодной воды и прочесть изъ Тилемахіды страницу; а за важнѣйшую — выучить изъ оной шесть строкъ. Сей законъ написанъ былъ золотыми буквами на таблицѣ, которая и донынѣ цѣла».

Въ журналѣ «Всякая Всячина» 1769 года, въ которой сотрудницей была, какъ нынѣ положительно извѣстно, сама императрица Екатерина II, нѣкоей Агаоьѣ Хрипухиной совѣтуется отъ безсонницы, «ложася спать, чтобъ изволила прочесть рядомъ шесть страницъ нашего сочиненія, а потомъ шесть страницъ Тилемахиды...» Далѣе тамъ же читаемъ: «какъ Тилемахида и «Всякая Всячина» весьма различны, то потому и не можно ожидать успѣха: для совершеннаго жъ отъ безсонницы освобожденія потребно было пріобщить къ Тилемахідѣ нѣсколько стиховъ изъ Аргениды...» Нашелся тогда же нѣкто, подписавшійся изъ «Новгорода 13 февраля 1769 года», который просилъ помѣстить во «Всякой Всячинѣ» письмо: «читаючи вышедшій въ нынѣшнюю пятницу листочекъ, не могъ пропустить, чтобъ не помянуть, что до выхода Тилемахіды на свѣтъ не было у насъ еще ни одной строфы безъ виршн. Что жъ она не полюбилась госпожѣ любительницѣ «Всякія Всячины», то осмѣлюсь ей сказать, что у всѣхъ почти разные вкусы; и такъ что одному хорошо, то худо другому: почему на всѣхъ и угодить трудно. Ежели же скучна Тилемахіда, то можно еще сему помочь, читаючи книги, вышедшія изъ перевода древней и римской исторіи: а ихъ правда довольно будетъ для разогнанія скуки».

Замѣчательно, что Новиковъ также принялъ сторону Тредьяковскаго, и въ его журналѣ, выходившемъ одновременно со «Всякою Всячиною», «Трутнѣ», между прочимъ, было написано: «насмѣшникъ подговорилъ одну женщину, велѣвъ ей для усыпленія читать сочиненія такова мужа, который за полезные переводы заслужилъ отъ всѣхъ похвалу и благодарность, и что отъ той насмѣшки весь городъ хохоталъ цѣлую недѣлю на счетъ насмѣшника».

Особеннымъ почитателемъ и защитникомъ Телемахиды былъ Радищевъ, находившій, напримѣръ, особенно хорошими стихи:

Но на ближнихъ горахъ зеленѣли кусты віограды,
Коихъ листвія, какъ вѣнки и цѣпочки висѣли:
Грозды красныя багреца не могли подъ листомъ укрыться.

Пушкинъ сохранилъ анекдотъ, что «вдова одного стараго профессора, услыша, что рѣчь идетъ о Ломоносовѣ, спросила: «О какомъ Ломоносовѣ говорите вы? Не о Михаилѣ ли Васильевичѣ? То-то былъ пустой человѣкъ! Бывало отъ него всегда бѣгали къ намъ за кофейникомъ. Вотъ Тредьяковскій, Василій Кирилловичъ — вотъ этотъ былъ почтенный и порядочный человѣкъ!» Тредьяковскій, прибавляетъ къ этому Пушкинъ, былъ, конечно, почтенный и порядочный человѣкъ. Его филологическія и грамматическія изысканія очень замѣчательны. Онъ имѣлъ о русскомъ стихосложеніи обширнѣйшее понятіе, нежели Ломоносовъ и Сумароковъ. Любовь его къ Фенелонову эпосу дѣлаетъ ему честь, а мысль перевесть его стихами и самый выборъ стиха доказываютъ необыкновенное чувство изящнаго. Въ Тилемахидѣ находится много хорошихъ стиховъ и счастливыхъ оборотовъ. Дельвигъ приводилъ часто слѣдующій стихъ въ примѣръ прекраснаго гекзаметра:

Корабль Одиссеевъ
Бѣгомъ волны дѣля, изъ очей ушелъ и сокрылся.

«Вообще изученіе Тредьяковскаго приноситъ болѣе пользы, нежели изученіе прочихъ нашихъ писателей. Сумароковъ и Херасковъ не стоятъ Тредьяковскаго».

Какъ ни ясны слова Пушкина о множествѣ хорошихъ стиховъ въ Телемахидѣ, однако бывшій профессоръ московскаго университета Шевыревъ думалъ, что Пушкинъ будто говорилъ, что Дельвигъ нашелъ чудо въ Телемахидѣ — всего на все

одинъ сносный гекзаметръ. При этомъ случаѣ Шевыревъ выписалъ еще десять стиховъ изъ Тредьяковскаго, торжественно прибавивъ затѣмъ: «вотъ едва ли не все, что можно менѣе жесткаго отыскать въ Тредьяковскомъ!» Перевлѣсскій, который въ жизнеописаніи Тредьяковскаго, видимо, цѣлилъ на поддержаніе веселости въ своихъ читателяхъ, разсказывалъ уже, что будто «Дельвигъ своимъ изящнымъ вкусомъ въ цѣлой Тилемахидѣ могъ найти только одинъ стихъ», и затѣмъ приводилъ *изъ снисхожденія* еще четыре стиха сносные.

При самомъ появленіи въ свѣтъ изданія Перевлѣсскаго «Избранныя сочиненія Тредьяковскаго» явился защитникъ памяти этого труженика, — это Введенскій, который въ своей статьѣ «Тредьяковскій» писалъ: «мы обѣщали, собственно для г. Перевлѣсскаго, отыскать хорошіе стихи въ Тилемахидѣ. Само собою разумѣется, что слово *хорошій* здѣсь надобно принимать въ относительномъ смыслѣ: безусловно хорошихъ гекзаметровъ мы не признаемъ въ русскомъ языкѣ. Извольте прослушать:

Иароматъ свой льетъ душистѣй всѣхъ благовоній,
. . . .
Множество разныхъ цвѣтовъ распещряло зелёны постели.
. . . .
Ты не слушай словъ Калупсиныхъ сладкихъ и льстивныхъ:
Внѣдрятся въ сердце твое, и будутъ какъ змій подъ цвѣтами.
Яда сего блюдись, утаеннаго медвеннымъ сокомъ.
Самъ на себя не надѣйся, всегда жъ отъ меня жди совѣтовъ.
Послѣ сего возвратились къ Калупсѣ, ихъ ожидавшей.
Нимфы, имѣя власы заплетёны и въ бѣлыхъ одеждахъ,
Тóтчасъ накрыли столъ и поставили пищу простую.

«Право, господа, — продолжаетъ Введенскій, — эти стихи ничѣмъ не лучше, но и не хуже новѣйшихъ гекзаметровъ, 1849 года. Мы ихъ не искали: они сами попались въ первой книгѣ Тилемахиды. Да еще разъ: habent sua fata viri eruditi! Читая и перечитывая произведенія Тредьяковскаго и вникая въ обстоятельства его жизни, поневолѣ спрашиваешь себя: за что и почему непостижимая судьба съ такою неумолимою жестокостью преслѣдовала Тредьяковскаго при жизни и послѣ смерти его?...»

Пекарскій.

Гюнтеръ и Готшедъ.

Вейзе, слѣдуя своему основному взгляду, видѣлъ въ поэзіи только средства «служить людямъ, доставлять удовольствіе себѣ и другимъ, и, наконецъ, научиться сочинять, въ часы досуга, что-нибудь для собственнаго и посторонняго развлеченія», поэтому у него естественность часто доходитъ до плоской вульгарности; Вернике въ одной эпиграммѣ говоритъ весьма мѣтко, что поэзія Вейзе подобна рѣкѣ, въ тинѣ которой очень трудно добраться до золотого песку.

Въ томъ же направленіи дѣйствовалъ и знаменитый полигисторъ Даніилъ Моргофъ; но не своими стихотвореніями, которыя страшно прозаичны, а критическими сужденіями, помѣщенными въ его сочиненіяхъ. Моргофъ первый сталъ снова воздавать должное нѣмецкимъ средневѣковымъ поэтамъ и давно потерявшемуся изъ виду Гансу Саксу; онъ также первый поставилъ Флемминга, относительно творческаго искусства, гораздо выше Опица «ибо во Флеммингѣ мыслитъ самобытный духъ, основывающійся болѣе на себѣ самомъ, чѣмъ на подражаніи». Но настоящее значеніе въ искусствѣ имѣетъ только творчество; и вотъ передъ нами неожиданно появляется настоящая, сильная поэтическая фигура. То Христіанъ Гюнтеръ. Христіанъ Гюнтеръ, родившійся 8 апрѣля 1625 года въ Штиргау (Силезія), умершій 15 марта 1723 года въ Іенѣ, всею своею дѣятельностью принадлежалъ къ народному направленію. Всѣ особенности таланта Гюнтера высказались еще до его пріѣзда въ Лейпцигъ, гдѣ онъ пользовался личнымъ расположеніемъ и совѣтами Буркгарда Менке; и потому онъ не могъ имѣть непосредственныхъ сношеній съ Вейзе или его учениками; тѣмъ не менѣе, подобно Христіану Вейзе, онъ принадлежитъ къ немногимъ стремившимся, и порою не безъ успѣха, къ созданію пѣсни, этого цвѣта лирической поэзіи. Кромѣ своихъ природныхъ недостатковъ онъ страждетъ также недостатками своего времени.

По примѣру Каница, въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ онъ прославляетъ, въ противоположность «der Walchen hohen Grillen» Буало, Расина и Мольера, какъ образцовъ въ искусствѣ; но ихъ вліяніе отражается въ Гюнтерѣ или фабрикаціей виршей на заданный случай ради насущнаго хлѣба, или

сочиненіемъ сатиръ, совершенно лишенныхъ какъ примиряющаго юмора, такъ равно и той ѣдкой злости, которая часто въ сатирахъ замѣняетъ юморъ. Онъ не умѣлъ обуздывать свою мягкую, страстную, расплывающуюся натуру и потому, какъ справедливо выразился Гёте въ 8-й книгѣ своей «Поэзіи и правды», его жизнь и произведенія прошли бесслѣдно. Недостатокъ изящнаго вкуса и образованности въ немъ слишкомъ замѣтенъ. Тѣмъ не менѣе благопріятный отзывъ Гёте о всей поэтической дѣятельности Гюнтера остается въ прежней силѣ. Въ немъ звучатъ струны искренности и глубокой задушевности, и неотразимо дѣйствуетъ на васъ сила дѣйствительно пережитого.

Въ его любовныхъ и застольныхъ пѣсняхъ, въ изліяніяхъ скорби, обращенныхъ къ жестокосердому отцу, не хотѣвшему никогда простить раскаявшагося сына, сказывается такая искренность и правда, которыя будутъ говорить человѣческому сердцу до тѣхъ поръ, пока сердца людей не перестанутъ биться. Отто Рокетъ въ своемъ весьма почтенномъ трудѣ «О жизни и произведеніяхъ Гюнтера» (Штутгардтъ 1860), перевелъ нѣкоторыя изъ его пѣсенъ, предварительно подвергнувъ ихъ очищенію отъ примѣси грубаго и вульгарнаго; въ остаткѣ получилось золото настоящей, неизгладимой поэзіи. Какой другой писатель того времени выдержалъ бы подобную пробу? Не надо также забывать того обстоятельства, что въ то время, какъ Бессеръ и Кенигъ ковали свои жалкія вирши, работа нѣмецкаго народнаго духа по созданію народной пѣсни не прекращалась.

Но скоро прекратилось совершенно сочиненіе пѣсенъ. Просвѣщеніе, столь благодѣтельное по своимъ дальнѣйшимъ послѣдствіямъ, прежде всего губительно повліяло на первобытную непосредственность чувства. Бэконъ сказалъ, что полуфилософія отдѣляетъ отъ Бога, изученіе же всей философіи опять приводитъ къ Нему. Болѣе мѣтко и справедливо можно сказать, что полуобразованіе уничтожаетъ естественную простоту нравовъ и мыслей, настоящее же образованіе освѣжаетъ и очищаетъ ее. Это освѣженіе и очищеніе лирика Гюнтера нашла себѣ въ лирикѣ Гёте.

Готшедъ былъ ревностнымъ, до исключительности страстнымъ и одностороннимъ приверженцемъ французскаго классицизма. Этимъ объясняется его историческое значеніе и его

ошибки. Т. В. Данцель, въ своей высшей степени замѣчательной книгѣ «Готшедъ и его время» (Лейпцигъ, 1848), придаетъ особенное значеніе тому факту, что понятіе объ общенѣмецкой литературѣ, научной и поэтической, и сознательное стремленіе къ основанію такой литературы, появляется только начиная съ Готшеда. Этотъ фактъ неоспоримъ. Іоаннъ Кристофъ Готшедъ родился 2 февраля 1700 года около Кенигсберга въ Пруссіи; во время своего студенчества въ Кенигсбергѣ онъ старательно вникалъ въ Вольфіанскую философію, не оставляя при этомъ заниматься самымъ ревностнымъ образомъ поэтическими упражненіями. Глубоко чувствуя всю правоту и силу своихъ стремленій, онъ рано пришелъ къ мысли о возможности созданія въ то время для нѣмцевъ такой литературы, которая, какъ равная по происхожденію, могла бы стать на ряду съ литературами другихъ народовъ. Убѣжавъ въ 1724 году изъ Кенигсберга въ Лейпцигъ отъ насилія прусскихъ вербовщиковъ, которымъ пришлось весьма по сердцу его рослое и статное тѣлосложеніе, онъ самымъ серіознымъ образомъ приступилъ къ осуществленію этой мысли; тамъ въ этомъ средоточіи нѣмецкой книжной торговли нашелъ онъ для своихъ намѣреній весьма удобную почву въ ревностной преподавательской дѣятельности, доставившей ему не только многочисленныхъ слушателей, но и почетъ въ обществѣ. Въ предисловіи къ своей нѣмецкой Sprachkunst Готшедъ нѣсколько разъ съ видимымъ удовольствіемъ упоминаетъ о томъ, что ни одинъ языкъ кромѣ нѣмецкаго не господствуетъ на такомъ большомъ протяженіи. Въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи «Критическія статьи» (ст. 10, стран. 348) онъ особенно напираетъ на то, что Томазіусъ, трудившійся надъ выработкой нѣмецкихъ научныхъ выраженій, былъ необходимымъ и естественнымъ дополненіемъ Мартина Опица, и въ томъ же направленіи дѣйствуетъ самъ Готшедъ сочиненіемъ реторики, въ которой стремится къ очищенію и образованію не только поэзіи, но даже, и преимущественно, прозы. Въ предисловіи ко второму изданію своего учебника философіи Готшедъ особенно выставляетъ на видъ, что Вольфіанская философія, хотя, можетъ-быть, въ нее и проникли нѣкоторыя невѣрныя положенія, есть все-таки философія въ нѣмецкомъ платьѣ. Въ 1727 г., еще совсѣмъ молодымъ магистромъ, онъ расширилъ до значенія общенѣмецкаго общества небольшой кружокъ писателей, дѣй-

ствовавшій подъ именемъ Герлицкаго общества въ Лейпцигѣ, явно стараясь подражать примѣру французской академіи. Въ продолженіе всей жизни Готшедъ не оставлялъ этой мысли, и въ ней нашли лучшее выраженіе его весьма широкіе, но затрогивающіе только наружную сторону дѣла, планы.

Въ этомъ гуртовомъ созданіи нѣмецкой литературы главнѣйшею цѣлью для него была все-таки поэзія, и именно по образцу французской. Въ своихъ замѣчаніяхъ къ піитикѣ Горація онъ говоритъ, что подобно тому, какъ для римлянъ были греки, такъ теперь должны быть для Германіи французы.

Готшедъ не былъ началомъ какой-нибудь новой эпохи, а только завершеніемъ старой.

Говоря въ предисловіи къ своему изданію сочиненій Нейкирха (1744), «что золотой вѣкъ нашей поэзіи надо искать въ тѣ времена, когда жили и писали Бессеръ, Каницъ, Нейкирхъ, Гюнтеръ, Питшъ, онъ высказываетъ самую сущность своихъ воззрѣній. Но между Готшедомъ и этими офранцуженными его предшественниками была значительная разница: они удовлетворялись низшими родами поэзіи, а онъ стремился къ научному разъясненію и разработкѣ всѣхъ высшихъ формъ и преимущественно драмы.

Цѣли, къ которымъ шелъ Готшедъ, и отличительныя свойства его дѣятельности раскрываются главнѣйшимъ образомъ въ его учебникѣ піитики и въ его стремленіяхъ къ поднятію нѣмецкой сцены.

Первое изданіе піитики появилось въ 1730 году. Въ ней изложены и объяснены примѣрами сначала общія правила поэзіи, потомъ различные роды поэтическихъ произведеній, при чемъ вездѣ показывается, что сущность поэзіи заключается въ подражаніи природѣ. Второе изданіе вышло въ 1737, третье въ 1742 и четвертое въ 1751 году.

Это взгляды Буало, только еще пошлѣе и грубѣе высказанные.

Въ предисловіи къ первому изданію Готшедъ подробно разсказываетъ, какъ онъ изучилъ въ 1724 году въ библіотекѣ Бурхардта Менке лучшія критическія произведенія древнихъ и новыхъ писателей. Научныя положенія французскаго классицизма казались Готшеду тѣмъ болѣе непреложными, что понятіе о древнихъ онъ получилъ изъ вторыхъ рукъ, и онъ всегда смотрѣлъ на нихъ сквозь очки французскаго перевода;

по временамъ у Готшеда являлось сознаніе необходимости болѣе глубокаго философскаго основанія. «Если назвать философіей основательное познаніе вещей (говоритъ онъ во 2-мъ изданіи, стран. 93), то каждому сдѣлается понятнымъ, что только философъ можетъ опредѣлить настоящій характеръ какого-нибудь поэта; но лишь такой философъ, который въ состояніи философствовать о поэзіи, а это качество найдешь не у всякаго, даже заслуживающаго имя философа». Онъ замѣчаетъ (стран. 92, тамъ же), что его задача состоитъ въ томъ, чтобъ вывести правила искусства изъ природы и разсудка. Онъ даже налегаетъ на то, что примѣръ древнихъ обязателенъ для насъ не потому только, что они древніе, а потому что они имѣютъ твердое основаніе въ самой природѣ вещей. Но изъ этихъ отдѣльныхъ вѣрныхъ положеній не сдѣлано надлежащихъ выводовъ. Тамъ, гдѣ требуется научное основаніе, появляются ссылки на Буало.

Кромѣ самаго сухого и умышленнаго дидактизма Готшедъ не знаетъ иныхъ цѣлей для искусства. «Первые пѣвцы безыскусственныхъ пѣсенъ, — говоритъ онъ (стран. 86, изд. 2-е), — слѣдуя простотѣ тѣхъ временъ, имѣли лишь намѣреніе, пріятнымъ выраженіемъ своихъ чувствъ, вызвать въ другихъ извѣстное душевное движеніе; къ сему стремились ихъ веселыя и грустныя, насмѣшливыя и любовныя пѣсни; кутила веселилъ, огорченный вызывалъ слезы, влюбленный дѣйствовалъ на сердце своей возлюбленной, а насмѣшникъ возбуждалъ смѣхъ цѣлаго общества своими язвительными шутками». «Но, — продолжаетъ Готшедъ (стран. 87), — послѣдующіе писатели стали примѣшивать къ красотѣ выраженія мудрыя и правоучительныя изреченія; древніе поэты были первыми философами или, наоборотъ, древніе философы пользовались поэзіей какъ средствомъ украшать грубый народъ». На основаніи такихъ воззрѣній Готшедъ спрашиваетъ (стран. 151): «должны ли всѣ поэтическіе вымыслы имѣть непремѣнно нравственную *цѣль?*» Отвѣтъ: «на это можно отвѣтить, что, конечно, иногда вымыселъ имѣетъ цѣлью одно развлеченіе, и что есть много сказокъ, которыя сочиняются подобно тому, какъ няньки разсказываютъ дѣтямъ, что даже и большая часть романистовъ въ своихъ книгахъ сочиняютъ на этотъ образецъ; но такъ какъ пріятное можетъ соединяться съ полезнымъ, и поэтъ долженъ быть въ то же время достойнымъ гражданиномъ и честнымъ человѣкомъ, то онъ

по мѣрѣ возможности будетъ стараться придать своимъ сказкамъ поучительность и не сочинитъ ни одной изъ нихъ безъ того, чтобъ въ ней не скрывалась какая-нибудь важная истина, ибо «omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci». Далѣе Готшедъ спрашиваетъ: «Какимъ образомъ человѣкъ, рѣшившійся написать поэтическое произведеніе или басню, долженъ приступить къ дѣлу? Во всей поэзіи, конечно, это главное; многимъ, имѣвшимъ хорошія природныя способности, поэзія не удавалась, ибо они промахнулись относительно фабулы». Готшедъ разрѣшаетъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: «Прежде всего выбери себѣ поучительную нравственную мысль, по свойству намѣреній, которыя имѣешь въ виду; къ этому присочини какое-нибудь происшествіе, въ которомъ бы совершалось дѣйствіе такъ, чтобы выбранная поучительная мысль сдѣлалась понятной до очевидности. Теперь рѣчь идетъ о томъ, къ чему примѣнить это изобрѣтеніе, сдѣлать ли изъ этого басню, подобную Эзоповымъ, или же нѣчто въ трагическомъ, комическомъ или эпическомъ родѣ. Все основывается на названіи дѣйствующихъ лицъ. Эзопъ далъ бы имъ имена звѣрей; если бъ я хотѣлъ написать въ комическомъ родѣ, то дѣйствующія лица должны быть простыми мѣщанами, ибо герои и принцы принадлежатъ исключительно трагедіи; трагедія отличается отъ комедіи тѣмъ въ особенности, что старается возбуждать не смѣхъ, а изумленіе, ужасъ и состраданіе; и потому беретъ для себя только знатныхъ особъ, которыхъ имя, одежда и положеніе въ свѣтѣ сразу бросается въ глаза; что же касается до эпоса, этого высшаго произведенія поэзіи, то лица дѣйствующія въ немъ должны быть самыми важными во всемъ свѣтѣ, именно короли, герои и великіе государственные люди, и все должно быть тамъ необыкновенно велико и удивительно».

Какъ плоско и ограниченно! Узость такого воззрѣнія очень скоро заявляетъ себя въ послѣдующихъ выводахъ. Мѣрка Готшеда годится только для разсудочной поэзіи. Для него, какъ онъ подробно разсказываетъ, самые лучшіе писатели суть: «между латинскими — Теренцій, Виргилій и Горацій; Петрарка и Тассъ между итальянцами; Малербъ, Корнель, Буало, Расинъ, Мольеръ и Вольтеръ между французами; между голландцами Гензіусъ и Катсъ; а между нашими соотечественниками Опицъ, Дахъ, Флеммингъ, Грифіусъ, Каницъ, Бессеръ, Гюнтеръ». Гдѣ же Гомеръ и трагическая поэзія грековъ? Здѣсь

кроется основаніе, по которому Готшедъ уже позже такъ рѣшительно возставалъ противъ признанія Мильтона и Шекспира. И потомъ Готшедъ совсѣмъ устраняетъ самобытность природной творческой силы отъ какого-либо участія въ дѣятельности поэта. Самъ не одаренный фантазіей, онъ поэтому считалъ ее совершенно лишней. Правда, въ первыхъ двухъ изданіяхъ піитики еще упоминается, что поэтическая способность, прирожденный талантъ или геній само собой необходимо предполагается въ поэтѣ, и что школа и дисциплина правилъ добавляется уже впослѣдствіи какъ нѣчто обуздывающее, образовательное; тамъ даже есть ссылки на стихи Рахеля: «denn wer nicht von Natur hiezu ist wie geboren, bei dem ist Kunst und Fleiss und Uebung auch verloren» - кто не рожденъ для этого отъ природы, для того умѣнье, трудъ и старанія будутъ излишними». Но, даже и въ этихъ первыхъ изданіяхъ, эта исходная точка зрѣнія осталась безъ своихъ естественныхъ послѣдствій. Вторая часть, говорящая о различныхъ родахъ поэзіи, превращается въ «руководство къ изготовленію стихотвореній»; въ особенности разсужденіе о трагедіи страдаетъ этимъ недостаткомъ. Самое грустное заключалось въ томъ, что когда противъ этого главнаго недостатка мало-по-малу послышались возраженія, Готшедъ изъ самолюбія оскорбленнаго тщеславія сталъ все болѣе и болѣе его усиливать. Въ каждомъ послѣдующемъ изданіи природная сила фантазіи все болѣе и болѣе отступала на задній планъ и, наконецъ, была совсѣмъ вытѣснена и забыта. Въ предисловіи къ третьему изданію у Готшеда проскальзываетъ предательская мысль, что его трудъ научаетъ «дѣлать» оды, кантаты и прочіе роды стихотвореній, онъ даже хвалится этимъ ремесленнымъ руководствомъ, какъ особеннымъ преимуществомъ, дающимъ перевѣсъ его піитикѣ надъ появившейся въ то время піитикой Брейтингера, которая совсѣмъ не занималась такими мелочами.

Конечно, піитика Готшеда имѣетъ большія заслуги. Она была первой обстоятельной попыткой направить нѣмецкую мысль на искусство и поэзію, и въ этомъ отношеніи эту піитику можно считать, скорѣе чѣмъ позднѣйшую эстетику Баумгартена началомъ и основаніемъ нѣмецкой науки объ искусствѣ. Сверхъ того она принесла значительную, прямую пользу тѣмъ, что по ея милости отсталые приверженцы второй силезской школы потеряли даже послѣднія значенія. Безобразное гримасничанье

уступило мѣсто строгой, хотя нѣсколько педантической школѣ. Этимъ объясняется величественная въ своемъ родѣ и почти безпримѣрная диктатура въ дѣлѣ изящнаго вкуса, коей Готшедъ пользовался въ продолженіе болѣе чѣмъ одного поколѣнія: всякій, кто хотя бы на короткое время господствуетъ въ литературѣ, вноситъ что-нибудь свѣжее и живое въ исторію. Тѣмъ не менѣе вѣрно, что плоскость нашла себѣ несказанную поддержку въ этой піитикѣ. Чтобы убѣдиться, до какой степени разгулялось съ этого времени механическое риѳмоплетство, надо прочесть письма къ Готшеду его учениковъ; эти письма въ большомъ количествѣ напечатаны въ прекрасной книгѣ Данцеля. Критическая піитика Готшеда съ своими правилами уподоблялась грамматикѣ: всякій, обладавшій доброю волею и разсудкомъ, могъ легко сочинять по ней упражненія въ поэзіи. Лессингъ весьма вѣрно выражается объ этомъ безобразіи, что Готшедъ расплодилъ риѳмачей — и только риѳмачей. Мы приступаемъ теперь ко второй части дѣятельности Готшеда, то-есть къ его трудамъ въ области драматургіи.

Чѣмъ исключительнѣе обращалъ Готшедъ свои взоры на Францію, тѣмъ неизбѣжнѣе поднятіе драматическаго искусства и литературы должно было стать для него глубочайшею душевною потребностью.

Вершиной французской поэзіи была драма. Но каково было положеніе драмы въ Германіи? Дѣло шло о томъ, чтобъ поставить нѣмецкую сцену «на французскую ногу».

Въ предисловіи къ первому изданію своей трагедіи «Умирающій Катонъ» (1732) Готшедъ подробно передалъ исторію происхожденія своихъ драматическихъ убѣжденій и стремленій. Онъ прочелъ въ первый разъ трагедіи Лоенштейна, еще будучи въ Кенигсбергѣ, и онѣ не могли удовлетворить его. То же самое случилось съ Опицевымъ переводомъ Антигоны Софокла; грубые стихи заслонили собой содержаніе. Спустя нѣсколько лѣтъ научился онъ понимать Буало; вслѣдствіе этого вниманіе Готшеда обратилось на Мольера и Корнеля. Онъ прочелъ французскихъ драматурговъ; въ Кенигсбергѣ онъ не имѣлъ возможности видѣть драматическихъ представленій. Тѣмъ прилежнѣе онъ посѣщалъ театръ въ Лейпцигѣ. Тамъ въ ярмарочное время давала представленія группа Гаакъ Гофмана, состоявшая изъ «привилегированныхъ дрезденскихъ придворныхъ комедіантовъ. Но что это были за пьесы? Тамъ

можно было видѣть только напыщенныя и перемѣшанныя арлекинскими выходками Haupt- und Staatsactionen, неестественныя романическія и запутанныя любовныя приключенія, грубыя остроты и непристойности. Борьба любви и чести или Родерихъ и Химена (Сидъ Корнеля) была единственной хорошей пьесой, какую тамъ исполняли; но она была переведена прозой». Къ этому Готшедъ прибавляетъ, что тутъ онъ убѣдился, какъ велика разница между порядочной пьесой и неправильнымъ безпорядочнымъ представленіемъ какихъ-нибудь безобразій. Готшедъ обратился къ директору труппы съ вопросомъ: почему не играютъ многихъ другихъ порядочныхъ пьесъ, какъ, напримѣръ, трагедій Андрея Гриффіуса, и получилъ въ отвѣтъ, что хотя прежде это и случалось, но что теперь публика не хочетъ смотрѣть тѣхъ стихотворныхъ пьесъ, которыя серіозны и безъ комическихъ лицъ. Готшедъ перевелъ изъ пасторалей Фонтенелля — Эндиміона. Директоръ не осмѣлился поставить эту пьесу. Эта первая неудача не лишила Готшеда мужества. Въ то же время онъ стремился къ созданію болѣе глубокой теоріи драмы, къ установленію для нея правилъ. Но нѣмецкія руководства къ поэзіи не давали ему по этому предмету никакихъ указаній; то, что онъ находилъ въ нихъ, было крайне неудовлетворительно. Онъ схватился за переводъ Аристотелевой піитики Дасье, потомъ просмотрѣлъ de poesi satyrica Graecorum Каузабонуса, Poetica Aristotelica Раппольта, сочиненіе Даніила Гейнзіуса, de tragoediae constitutione, Pratique du Théatre Геделина, потомъ С-тъ Евремона и англійскаго Зрителя, Brumois, théatre des Grecs, Histoire du Théatre Italien, Riccoboni и въ особенности тѣ практическія предисловія и разсужденія, которыя французскіе драматурги предпосылаютъ своимъ сочиненіямъ. Послѣ того съ окрѣпшей силой и яснымъ сознаніемъ цѣли, имѣя поддержку въ директорѣ Нейберѣ и въ его умной и дѣятельной женѣ, знаменитой «Нейбершѣ», взявшей на себя управленіе Гоффмановской труппой, Готшедъ началъ въ 1727 году снова свой, на этотъ разъ уже побѣдоносный, походъ. Стоитъ привести собственныя слова Готшеда: «Чѣмъ ближе я знакомился посредствомъ чтенія этихъ отрывковъ съ прекрасно устроенной сценой иностранцевъ, тѣмъ тяжелѣе мнѣ было смотрѣть на нашу сцену, находившуюся въ такомъ безпорядкѣ. Въ то время, когда я все болѣе и болѣе просвѣщался, случилось такъ, что дрезденскіе придворные комедіанты пере-

шли подъ управленіе другого директора, который вмѣстѣ съ своей способной и, навѣрно, въ театральномъ искусствѣ, не уступавшей никакой француженкѣ или англичанкѣ супругой имѣлъ болѣе чѣмъ прежніе директора охоты и средствъ уничтожить старый хаосъ и поставить нѣмецкую комедію на французскую ногу. Первая помощь этому дѣлу оказана была дворомъ брауншвейгскаго курфюрста, гдѣ еще во времена блаженныя памяти герцога Антона Ульриха сдѣлана была попытка перевести нѣмецкими стихами и давать на сценѣ лучшія французскія произведенія; были сдѣланы копіи со многихъ пьесъ, и сначала былъ сыгранъ «Регулъ» Прадона, поэта не слишкомъ-то знаменитаго. Хотя пьеса эта еще за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ была переведена Бресандомъ, довольно грубыми стихами, но вслѣдствіе хорошей игры имѣла такой успѣхъ, что вслѣдъ за тѣмъ исполнили Брута, Александра и Пирра того же переводчика, а вскорѣ даже и Сида Корнеля; послѣдній былъ переведенъ болѣе искуснымъ переводчикомъ кригератомъ Ланге, старшимъ бургомистромъ въ Лейпцигѣ. Стихи этого перевода пріятны и чисты, и потому онъ имѣлъ гораздо большій успѣхъ, нежели всѣ поэтическія пьесы, дававшіяся до него. Тогда, чтобъ по возможности закрѣпить и утвердить улучшеніе нашей сцены, я предложилъ директору поставить трагедію «Цинна», переведенную однимъ знатнымъ членомъ магистрата въ Нюрнбергѣ (Фюреромъ). Такъ какъ это мастерское произведеніе Корнеля вызвало всеобщее одобреніе, то я, наконецъ, и самъ сдѣлалъ попытку, взявшись за переводъ Ифигеніи Расина, и побудилъ къ тому же двухъ моихъ хорошихъ друзей, бывшихъ способными членами «Нѣмецкаго Общества»; одинъ изъ нихъ перевелъ на нѣмецкій языкъ послѣднюю часть Сида, а другой Bérénia Расина; обѣ пьесы были играны съ изряднымъ успѣхомъ, такъ что съ того времени можно было видѣть на сценѣ нашей шесть правильныхъ трагедій въ стихахъ». Труппа Нейбера дѣйствовала съ рѣдко встрѣчающейся энергіей и почти безпримѣрнымъ безкорыстіемъ, какъ въ Лейпцигѣ, гдѣ имѣла главное пребываніе, такъ и во время своихъ странствованій; даже неизбѣжныя съ столь смѣлымъ нововведеніемъ неудачи и потери не смутили ихъ. Нейберъ въ письмахъ къ Готшеду не перестаетъ требовать пополненія репертуара. Съ 1727 по 1740 гг. было поставлено на сцену 27 новыхъ правильныхъ пьесъ, частью переводовъ, а частью передѣлокъ.

Когда въ 1740 году труппа Нейбера, вслѣдствіе разныхъ непріятныхъ столкновеній съ правительствомъ, приняла, чрезъ посредничество тогдашняго курляндскаго герцога Бирона, приглашеніе императрицы Анны ѣхать въ Петербургъ, это обстоятельство было тяжелымъ ударомъ для Готшеда, лишивъ его живой сценической поддержки. Одаренный въ равной степени твердою настойчивостью и неутомимой дѣятельностью, Готшедъ старался, по возможности, помочь этому печальному положенію вещей, посредствомъ періодическаго изданія «Нѣмецкая сцена». Критическія статьи (ст. 23, стран. 524) извѣщаютъ объ этомъ такъ: «Германія лишилась единственной существовавшей въ ея предѣлахъ умной и хорошо устроенной труппы. Дабы, по случаю отсутствія этой труппы, изящный вкусъ, выказанный любителями очищенной сцены, не превратился въ прежній хаосъ, и дабы молодые поэты, лишенные теперь удовольствія видѣть въ хорошемъ исполненіи свои переводныя и оригинальныя пьесы, не упали духомъ, мы рѣшились по образцу иностранцевъ выпускать въ печать «Нѣмецкую сцену», которая будетъ состоять изъ правилъ и образцовъ театральной поэзіи. Каждый томъ даетъ три трагедіи и три комедіи, частью въ стихахъ, частью въ прозѣ. Если кто изъ молодыхъ нѣмецкихъ поэтовъ захочетъ теперь испытать свои силы въ театральной поэзіи и пришлетъ переведенныя или имъ самимъ сочиненныя пьесы къ профессору Готшеду, то, ежели эта пьеса написана хорошими стихами и съ соблюденіемъ сценическихъ правилъ, молодой поэтъ будетъ имѣть удовольствіе видѣть ее напечатанной въ слѣдующихъ частяхъ «Нѣмецкой сцены» и получить за нее вознагражденіе книгами Брейткопфскаго изданія, смотря по выбору каждаго».

Опытъ удался свыше всѣхъ ожиданій. Трагедіи и комедіи потекли со всѣхъ сторонъ; съ хвастливою гордостью стали утверждать, что нѣмецкая драма возвысилась будто бы отъ переводовъ до самобытнаго творчества. Господствовавшее на сценѣ безобразіе наскучило находившейся въ то время подъ французскимъ вліяніемъ образованной части публики, и потому она охотно пошла навстрѣчу новому направленію. Подобно тому, какъ во времена первыхъ начинаній, Нейберъ съ своими пьесами на французскій ладъ имѣлъ повсюду блистательный успѣхъ, такъ что изъ другихъ значительныхъ городовъ, напримѣръ Бреславля, писали къ Готшеду, настоятельно прося

прислать къ нимъ «для улучшенія вкуса» знаменитаго Нейбера, — съ такимъ же точно успѣхомъ теперь повсемѣстно дѣйствовали печатаемыя произведенія. Участіе къ нимъ возрастало съ каждымъ днемъ. И хотя попрежнему давались Haupt- und Staatsactionen; но для того, чтобы имѣть полные сборы, актеры нашлись вынужденными выступить на новую дорогу. Іоаннъ Фридрихъ Шенеманнъ, съ 1730 года принадлежавшій къ труппѣ Нейбера, а съ 1740 года директоръ собственной труппы, находился къ Готшеду въ такихъ же отношеніяхъ, какъ прежде Нейберъ, и ставилъ на сцену почти всѣ пьесы «Нѣмецкой сцены» Готшеда, по мѣрѣ появленія ихъ въ печати. Даже Францискусъ Шухъ, знаменитый арлекинъ, который дольше всѣхъ держался шутовского рода представленій, нѣкоторое время плясалъ по дудкѣ классицизма (ср. Данцеля, ст. 163). Такимъ образомъ правильная, т.-е. по французскимъ сценическимъ преданіямъ составленная, драма почти совершенно вытѣснила со сцены прежнія Гансвурстіады и Hauptsactionen. Кто могъ ожидать, что это господство классицизма будетъ такимъ скоропреходящимъ?

Но не будемъ унижать заслугъ Готшеда относительно драматическаго искусства и литературы. Лессингъ въ знаменитомъ приступѣ къ литературнымъ письмамъ совершенно не признаетъ этихъ заслугъ; ясно, что это есть не что иное, какъ безпощадное рвеніе приверженца новаго болѣе широкаго взгляда; изъ этого однакожъ не слѣдуетъ, чтобы спокойная, историческая критика, которая должна возвышаться надъ неизбѣжною односторонностью самихъ бойцовъ, необдуманно соглашалась съ такимъ безусловнымъ отрицаніемъ. Готшедъ снова возстановилъ долженствовавшую быть неразрывной связь между сценой и литературой и указалъ правила и границы не только творчеству, но и сценическому искусству. Если бы Готшедъ не предшествовалъ Лессингу, послѣднему было бы гораздо труднѣе осуществить свои глубокія идеи относительно постройки, расчлененія и внутренняго единства драматическихъ произведеній. Лессингъ имѣетъ полное право осуждать Готшеда за то, что тотъ совершенно забылъ путь самобытнаго народнаго творчества; но до такой степени и въ то время запущенъ былъ и непроходимо заросъ дикимъ терновникомъ этотъ путь! Развѣ французскій классицизмъ, соединенный съ французскою идеею абсолютизма и неразлучнымъ съ нимъ перевѣсомъ придворнаго

образованія, не покорилъ тогда всю Европу? Развѣ даже Англія, имѣвшая въ своемъ Шекспирѣ такой мощный образецъ народной и въ то же время глубоко художественной драмы, не подпала подъ тяжесть того же вреднаго вліянія? Неужели мы кинемъ камень въ Готшеда за то, что въ славномъ и справедливомъ стремленіи къ поднятію одичавшей и униженной нѣмецкой сцены въ уровень съ господствовавшимъ современнымъ образованіемъ, онъ не имѣлъ столько силы и глубины, чтобы сейчасъ же разсмотрѣть несостоятельность и неестественность правилъ и образцовъ, которыя повсюду считались непреложными? Сравнительно съ ужаснымъ зрѣлищемъ убійствъ, представляемыхъ прежними «Haupt- und Staatsactionen», самая плоская безжизненная трагедія была шагомъ впередъ, если бъ даже она и относилась къ Корнелю и Расину такъ же, какъ замерзшая политическая жизнь Германіи къ живой и сильной дѣятельности Ришелье. Конечно, когда Нейберша въ 1737 году публично сожгла на Лейпцигской сценѣ костюмъ арлекина, то это было также забавной арлекинадой, — но дѣло было не въ этомъ пестромъ дурацкомъ одѣяніи; это значило также, что съ того времени грубая непристойность и дикія наглыя импровизаціи изгнаны съ очищенной сцены, что выходки, угождающія вкусамъ черни, уступили мѣсто мыслящему уму, и вмѣсто маски шута появился болѣе тонкій комизмъ изображенія живыхъ типовъ. И если, обыкновенно столь разсудительный и холодный, Готшедъ дѣятельно и горячо борется противъ оперы, можно ли упрекнуть его въ этомъ, когда именно въ это время, въ близкомъ сосѣдствѣ Готшеда, опера Гассе въ Дрезденѣ была пышнымъ, но безсмысленнымъ фиглярскимъ представленіемъ. *Геттнеръ.*

Вліяніе Вольфа на Ломоносова.

Въ періодъ съ 1723 по 1740 годъ свѣтъ и блескъ Марбургскому университету, говоритъ его историкъ, давалъ философъ Вольфъ своими лекціями и сочиненіями и своею повсюду распространенною славою. Поэтому мы съ особенною подробностью должны говорить о Вольфѣ, тѣмъ болѣе что вліяніе его на Ломоносова несравненно замѣтнѣе вліянія всѣхъ другихъ профессоровъ того времени.

Жизнь Вольфа чрезвычайно любопытна въ томъ отношеніи, что знакомитъ со многими сторонами современнаго ему общественнаго быта. Онъ былъ представителемъ науки въ восемнадцатомъ вѣкѣ, и въ судьбѣ его, въ преслѣдованіяхъ, испытанныхъ имъ, и въ его громадныхъ успѣхахъ выражается настроеніе тогдашняго общества и опредѣляется мѣсто, принадлежавшее ученому въ средѣ общественныхъ дѣятелей. Вольфъ родился въ 1679 году въ силезскомъ городѣ Бреславлѣ. Отецъ его, человѣкъ въ высшей степени любознательный, сильно желалъ учиться въ университетѣ, но непреодолимыя препятствія заставили его отказаться отъ завѣтнаго желанія, и вмѣсто ученаго онъ сдѣлался кожевникомъ; впрочемъ, уваженіе къ наукѣ въ немъ не поколебалось, и онъ далъ обѣтъ посвятить сына своего ученому поприщу. Первенцемъ любознательнаго кожевника былъ Христіанъ Вольфъ, обреченный наукѣ еще до рожденія. Послѣдующія занятія юноши доказали, что желаніе отца вполнѣ совпадало съ призваніемъ даровитаго сына. Самая среда, въ которой Вольфъ провелъ свое дѣтство и первые годы юности, благопріятствовала его развитію. Ни въ школѣ ни въ жизни не было на ту пору безцвѣтнаго однообразія и подавляющаго авторитета; и въ школѣ и внѣ ея слышалось разногласіе мнѣній: они высказывались съ большимъ жаромъ, потому что относились къ самому живому и новому явленію тогдашней жизни. Въ то время въ Силезіи были въ самомъ разгарѣ религіозные споры: іезуиты враждовали съ лютеранами и всячески старались навербовать какъ можно болѣе приверженцевъ; противная сторона настойчиво доказывала справедливость своихъ мнѣній, также старалась, во что бы то ни стало, удержать своихъ за собою. Ученику Вольфу не разъ приходилось мѣряться силами своихъ познаній и діалектики съ питомцами іезуитскихъ училищъ. Въ гимназіи бреславской Вольфу предстоялъ также выборъ между различными направленіями. Одинъ изъ даровитѣйшихъ преподавателей, увлекая слушателей блестящимъ изложеніемъ словесности и дѣйствуя на развитіе ихъ вкуса, постоянно издѣвался надъ философскими теоріями, считая ихъ наборомъ словъ и переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, и занятіе философіей называлъ безполезнѣйшею тратою времени. Другіе преподаватели были ревностными защитниками философіи, восхваляя ее не только на лекціяхъ, но даже и въ проповѣдяхъ. При такомъ противо-

рѣчіи людей, равно уважаемыхъ, молодой Вольфъ долженъ былъ глубже вникнуть въ сущность вопроса и самостоятельно рѣшить его; слѣдствіемъ его внутренней работы были два убѣжденія, рѣшительно имъ овладѣвшія. Во-первыхъ, онъ признавалъ законность и необходимость философіи, въ которой всего заманчивѣе для его пытливаго ума было то, что она, какъ утверждали ея защитники, ведетъ къ открытію новыхъ, сокровенныхъ истинъ. Рѣзкія нападки на философію Вольфъ объяснилъ себѣ тѣмъ, что настоящее состояніе науки этой далеко не соотвѣтствуетъ ея великому назначенію; поэтому онъ съ жаромъ принялся за чтеніе различныхъ философскихъ сочиненій, надѣясь этимъ путемъ вѣрнѣе и скорѣе добраться до истины. Второе убѣжденіе, сдѣлавшееся впослѣдствіи девизомъ всей ученой дѣятельности Вольфа, состояло въ томъ, что всякая наука должна образовать систему подобно математикѣ, и математическая метода должна быть соблюдаема во всѣхъ наукахъ; одна только математическая метода вноситъ ясность во всѣ изслѣдованія, даетъ опору колеблющемуся мышленію, разсѣиваетъ признаки фантазіи и хитросплетенія діалектики. Блестящій подвигъ предстоялъ мыслителю, вооруженному знаніемъ математики и философіи, подвигъ — привести человѣка къ сознанію того, почему онъ вѣритъ, во что онъ вѣритъ, и какимъ образомъ идеи свои проявлять въ самыхъ дѣйствіяхъ. Съ широко задуманною цѣлью Вольфъ началъ свое университетское поприще. Изъ бреславской гимназіи онъ поступилъ въ Іенскій университетъ студентомъ, а черзъ три года получилъ степень магистра въ Лейпцигскомъ университетѣ; въ Лейпцигѣ онъ началъ читать математику. Сочиненіе его о математической методѣ въ философіи заслужило лестный отзывъ самого Лейбница, приславшаго молодому автору привѣтствіе и совѣтъ продолжать такъ счастливо начатыя занятія. Въ Лейпцигѣ Вольфъ оставался недолго; при содѣйствіи Лейбница онъ получилъ каѳедру въ Галле, и читалъ въ тамошнемъ университетѣ математику, физику, метафизику, логику и нравственную философію. Добросовѣстность въ ученыхъ работахъ, изумительное трудолюбіе, новость взглядовъ, живое изложеніе предмета, вызывающее слушателей на самостоятельный трудъ, — всѣ эти достоинства сдѣлали Вольфа кумиромъ молодежи, доставили ему безчисленное множество слушателей и почитателей. Блестящій успѣхъ профессора былъ очень не по вкусу

его товарищамъ, аудиторіи которыхъ пустѣли все болѣе и болѣе. Между его недоброжелателями были люди характера твердаго и рѣшительнаго, не терпѣвшіе противорѣчія и привыкшіе къ первой роли во всѣхъ университетскихъ совѣщаніяхъ и предпріятіяхъ: такимъ людямъ было невыносимо видѣть возрастаніе славы Вольфа на счетъ ихъ собственной извѣстности, и они рѣшились, во что бы то ни стало, возобновить свое прежнее вліяніе и избавиться отъ опаснаго соперника. Противъ него составился заговоръ, и ждали перваго случая, чтобъ отомстить ему за ущербы, понесенные отъ его лекцій. Случай скоро представился. Вольфъ избралъ предметомъ для своей академической рѣчи нравственную философію китайцевъ. Подобный предметъ былъ для того времени вполнѣ современнымъ: извѣстно, что въ восемнадцатомъ столѣтіи, въ теченіе нѣкотораго времени, умы европейцевъ были въ высшей степени заинтересованы Китаемъ: разсказы миссіонеровъ о нравахъ и образѣ жизни китайцевъ возбудили въ образованномъ обществѣ сильное вниманіе къ оригинальному народу. Въ рѣчи своей Вольфъ говорилъ объ ученіи Конфуція и хорошо отозвался о многихъ мысляхъ китайскаго моралиста. Эти похвалы встревожили піэтистовъ въ Галле; ихъ ужаснуло, что христіанскій писатель хвалитъ языческую нравственность и находитъ въ ней много общаго съ своими собственными убѣжденіями: хороша же, говорили они, мораль этого философа, когда она согласна съ «лжеученіемъ богомерзскаго язычника!» Но ихъ витіеватыя жалобы, несмотря на свой «чистѣйшій лютеранскій духъ», не возбуждали сочувствія, и общественное мнѣніе рѣшительно приняло сторону Вольфа. Оскорбленные противники дѣйствовали всѣми возможными способами, отъ пасквиля до доноса; въ одномъ памфлетѣ говорится, что три *w* виною всему злу: Weib, Wein, Wolf — женщины, вино и Вольфъ; приверженцы Вольфа отвѣчали, что, напротивъ, три W распространяютъ все доброе, а именно: Wahrheit, Weisheit, Wolf — истина, мудрость и Вольфъ. Стихи, впрочемъ, были слишкомъ невиннымъ орудіемъ и не могли достигнуть цѣли: нужно было обратиться къ средствамъ болѣе дѣйствительнымъ, рѣшено было очернить Вольфа передъ правительствомъ. Прусскимъ королемъ былъ въ то время Фридрихъ I. При его полнѣйшемъ невѣжествѣ трудно было обратить королевское вниманіе на философскіе вопросы. Самъ Фридрихъ былъ человѣкъ безграмотный и тер-

пѣть не могъ людей, занимающихся наукой и искусствомъ; заставши однажды сына своего за музыкальнымъ урокомъ, онъ выбранилъ «дармоѣда» и разбилъ вдребезги его скрипку. Онъ издѣвался надъ Академіей наукъ, учрежденною отцомъ его въ Берлинѣ; обращеніе его съ учеными и литераторами отзывалось грубостью вѣка и личнымъ пренебреженіемъ къ умственному труду. Піэтисты, зная слабости человѣческія, истощали всѣ усилія, чтобы задѣть Фридриха за живое, подѣйствовать на его слабую сторону, на его сердечную наклонность и тѣмъ вызвать съ его стороны энергическую мѣру. Но, къ ихъ большому горю, онъ былъ человѣкъ безстрастный. Впрочемъ, при всей его холодности, у него была страсть, для удовлетворенія которой онъ готовъ былъ на жертвы, это — страсть къ великорослымъ солдатамъ. Онъ составилъ цѣлый полкъ великановъ и не щадилъ для него никакихъ издержекъ; будучи скупъ до того, что къ новому платью пришивалъ пуговицы отъ стараго, поношеннаго, онъ платилъ большія деньги за высокихъ солдатъ. Онъ завелъ открытую торговлю великанами, захватывалъ путешественниковъ высокаго роста, студентовъ, италіанскихъ дворянъ и польскихъ ксендзовъ, и вербовалъ иностранныхъ солдатъ; на покупку людей для любимаго полка потрачено болѣе двѣнадцати милліоновъ талеровъ. Петръ I постоянно снабжалъ Фридриха рослыми солдатами, и взамѣнъ получалъ отъ него инженеровъ и фабрикантовъ, которыхъ приводили въ Россію какъ колодниковъ. Эта страсть къ великанамъ, по довольно оригинальному сплетенію обстоятельствъ, была причиной изгнанія Вольфа, и вотъ какимъ образомъ. Вольфъ признавалъ гармонію между душой и тѣломъ. Душа, говоритъ Вольфъ, имѣетъ свою собственную силу, отъ которой зависятъ всѣ явленія, всѣ перемѣны духовной жизни человѣка; въ тѣлѣ также всѣ перемѣны зависятъ отъ его природы, вытекаютъ изъ его существа: ощущенія и желанія души совпадаютъ съ измѣненіями и движеніями тѣла. Это совпаденіе Вольфъ называетъ, по примѣру Лейбница, предустановленною гармоніей. Лейбницъ признавалъ, что существующій міръ избранъ Творцомъ, какъ наилучшій, изъ безчисленнаго множества міровъ, бывшихъ въ божественной мысли; вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ быть послѣдовательнымъ, Лейбницъ утверждалъ, что и законъ, по которому существуетъ міръ, установленъ Творцомъ прежде созданія самаго міра. Этотъ міродержавный законъ состоитъ во взаим-

ной связи или гармоніи явленій, которую Лейбницъ и назвалъ предопредѣленною, предустановленною Творцомъ гармоніей prästabilirte Harmonie. Враги Вольфа видѣли въ предустановленной гармоніи фатализмъ и старались убѣдить въ этомъ и другихъ, особенно короля. Но король былъ слишкомъ равнодушенъ ко всѣмъ безъ исключенія философскимъ вопросамъ, называя ихъ безполезною болтовнею, и попытки заинтересовать его полемикой галльскихъ теологовъ оказались напрасными. Тогда придумали самый рѣшительный способъ подѣйствовать на короля, коснувшись его завѣтной страсти. Въ Галле пріѣхали на ту пору два генерала, и имъ было объявлено, насколько могли понять ихъ головы, какой вредъ философія Вольфа можетъ причинить арміи. Вольфъ, говорили піэтисты, допускаетъ предопредѣленіе, учитъ, что все, что ни дѣлается на свѣтѣ, необходимо должно дѣлаться: что же, если подобныя мысли распространятся между солдатами-великанами? Вѣдь они разбѣгутся на томъ основаніи, что если имъ пришла охота и есть возможность бѣжать, то значитъ они предопредѣлены къ побѣгамъ; наказывать бѣглыхъ отнюдь не слѣдуетъ, потому что они бѣжали по волѣ рока. Такое примѣненіе встревожило «скорбныхъ главой» генераловъ, и они сочли долгомъ заявить о предстоящей опасности. Показанія генераловъ были подтверждены придворнымъ шутомъ; король испугался не на шутку и велѣлъ Вольфу выѣхать въ теченіе сорока-восьми часовъ изъ Галле и изъ предѣловъ Пруссіи подъ страхомъ висѣлицы; вслѣдъ за тѣмъ строго запрещено преподавателямъ руководствоваться сочиненіями изгнаннаго профессора. Піэтисты съ колѣнопреклоненіемъ благодарили Бога за избавленіе отъ врага и говорили рѣчи, въ которыхъ осыпали изгнанника жестокими укоризнами. Несмотря на всѣ преслѣдованія и строгость приговора прусскаго правительства, Вольфъ не затруднялся отъискиваніемъ убѣжища; онъ получилъ нѣсколько приглашеній и, между прочимъ, изъ Россіи: переговоры съ Петербургомъ возобновлялись довольно часто. Поводъ къ нимъ былъ слѣдующій. Въ Европѣ распространился слухъ объ открытіи perpetuum mobile; молва объ этомъ дошла до Петра Великаго, и онъ желалъ получить точныя свѣдѣнія объ открытіи, сильно заинтересовавшемъ его. Такъ какъ мнимый изобрѣтатель ссылался на Вольфа, видѣвшаго диковинную машину, то лейбъ-медикъ Петра, Блументростъ, вошелъ въ переписку съ Вольфомъ,

вызывая его содѣйствовать усовершенствованію важнаго открытія и предлагая ему отъ имени царя вступить въ русскую службу. Подобныя предложенія повторялись въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; Вольфъ медлилъ рѣшительнымъ отвѣтомъ и, наконецъ, навсегда отказался отъ лестнаго предложенія переселиться въ Петербургъ съ званіемъ вице-президента Петербургской Академіи Наукъ. Много причинъ побуждало Вольфа остаться въ Германіи. Съ одной стороны, отъѣздъ его въ Россію былъ бы торжествомъ для его враговъ, доказательствомъ ихъ побѣды, съ другой — преобразованія Петра казались въ Европѣ такою неожиданностью, что многіе сомнѣвались въ прочности задуманнаго Петромъ, боясь, что благое сѣмя заглохнетъ въ непроизводительной почвѣ. Притомъ и матеріальная сторона жизни въ Германіи представляла много удобствъ: по словамъ Ломоносова, Вольфъ лекціями и подарками нажилъ больше полумилліона и сверхъ того баронство.

Изгнаніе Вольфа произвело сильное впечатлѣніе въ Германіи; университеты и владѣтельныя особы соперничали въ изъявленіи своего сочувствія къ знаменитому изгнаннику. Изъ многихъ предложеній Вольфъ принялъ сдѣланное ему ландграфомъ гессенъ-кассельскимъ и переселился въ Марбургъ, гдѣ и былъ профессоромъ университета въ теченіе семнадцати лѣтъ. Въ эти семнадцать лѣтъ измѣнилось расположеніе умовъ въ самой Пруссіи, даже въ придворномъ кругу. Фридрихъ I назначилъ комиссію для разсмотрѣнія сочиненій Вольфа и удостовѣрился, что въ нихъ нѣтъ ничего опаснаго, и что авторъ былъ жертвой интригъ и клеветы. Фридрихъ даже пытался снова перезвать его къ себѣ. Разговаривая съ графомъ Мантейфелемъ, король сказалъ: «Вольфъ посвятилъ мнѣ огромную латинскую книгу, я въ ней ровно ничего не смыслю, а все-таки слѣдуетъ благодарить; я предлагаю ему вступить въ мою службу, и самому назначить условія». Мантейфель утѣшалъ короля тѣмъ, что и другимъ верховнымъ особамъ посвящаются книги, которыхъ они вовсе не понимаютъ; притомъ же предисловіе переведено на нѣмецкій языкъ. Предисловіе очень понравилось королю, въ которомъ съ недавняго времени стали замѣчать неожиданную перемѣну. Онъ сталъ благосклонно отзываться о философскихъ сочиненіяхъ, и въ немъ обнаружилась охота къ чтенію, которая до того была въ разладѣ съ его обыкновеннымъ образомъ мыслей, что въ ней видѣли зловѣщій знакъ — приближеніе

смерти. Когда она послѣдовала, Вольфъ принялъ приглашеніе новаго короля, давно уже выражавшаго свое сочувствіе философу-изгнаннику. Еще будучи наслѣднымъ принцемъ, Фридрихъ II желалъ совершить путешествіе въ сопровожденіи своего «великаго учителя Вольфа».

Возвращеніе Вольфа въ Галле было въ полномъ смыслѣ слова общимъ праздникомъ для тамошнихъ жителей. За милю до города ожидала торжественная колесница; у городскихъ воротъ, на улицахъ и на площадяхъ, собрались толпы народа, и Вольфъ въѣхалъ въ городъ при звукѣ трубъ и литавръ, и при радостныхъ кликахъ жителей. Въ Галле Вольфъ оставался до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1754 году на семьдесятъ-шестомъ году его жизни.

Въ теченіе этой долговременной жизни самымъ лучшимъ временемъ для Вольфа было то, которое онъ провелъ въ Марбургѣ, то-есть съ 1723 по 1740 годъ. Въ первое пребываніе въ Галле онъ только начиналъ свою дѣятельность и пріобрѣталъ извѣстность; по возвращеніи въ Галле, онъ уже утратилъ прежнюю энергію и вліяніе на молодежь: у него была тогда цѣлая школа, ученики распространяли всюду его ученіе, а для молодыхъ поколѣній лекціи его не имѣли уже привлекательной новизны. Въ Марбургѣ же онъ былъ въ самый счастливый періодъ своей дѣятельности; имя его стало извѣстно по всей Европѣ, и отовсюду стекались слушатели, привлекаемые молвой о «міровомъ мудрецѣ», какъ называли Вольфа въ XVIII столѣтіи. По желанію одного изъ философскихъ обществъ, выбита была медаль съ изображеніемъ Минервы, Лейбница и Вольфа; Лейбницъ и Вольфъ увѣнчаны лавровымъ вѣнкомъ и окружены многозначительною надписью: sapere aude! Вольфъ былъ оракуломъ и для читателей своихъ и для слушателей; лекціи его записывались съ буквальною точностью; слушатели боялись проронить не только слово, но даже движеніе, сопровождавшее его рѣчь; въ тетради одного изъ слушателей отмѣчено: здѣсь засмѣялся господинъ совѣтникъ.

Въ тѣ семестры, когда Ломоносовъ былъ студентомъ Марбургскаго университета, Вольфъ читалъ весьма много предметовъ, а именно: всеобщую математику, алгебру, астрономію, физику, оптику, механику, военную и гражданскую архитектуру, логику, метафизику, нравственную философію, политику, естественное право, народное право, географію и хро-

нологію, и объяснялъ сочиненіе Гуго Гроція о правѣ войны и мира.

Ломоносовъ сохранилъ навсегда благодарное воспоминаніе о своемъ наставникѣ, называя его «славнѣйшимъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ авторомъ»; *Опытная физика* Вольфа переведена на русскій языкъ Ломоносовымъ. Высоко цѣнимая въ восемнадцатомъ вѣкѣ, философія Вольфа потеряла кредитъ свой въ девятнадцатомъ; о ней или совершенно забывали, или если и вспоминали, то клеймили названіемъ ограниченной, самодовольной, безжизненной, безплодной и т. п. Но въ новое время она нашла энергическаго защитника; обращаясь къ порицателямъ ея, Фейербахъ говоритъ: «Вы, съ презрѣніемъ произносящіе имя Вольфа, можете ли вы похвалиться его основательнымъ, всеобъемлющимъ знаніемъ, его чистою, неистощимою любовью къ наукѣ и истинѣ, его самоотверженіемъ, съ которымъ онъ нисходилъ до жалкаго уровня своихъ современниковъ, чтобы внести лучъ свѣта въ тяжелыя головы нѣмцевъ? Счастье было бы для нѣмецкаго народа, если бы среди него явился новый Вольфъ!»

При общемъ сочувствіи къ Вольфу его многочисленныхъ учениковъ, при его сильномъ вліяніи на нихъ, нельзя предполагать, чтобы всѣ курсы и бесѣды его остались безплодными для одного изъ даровитѣйшихъ слушателей, по признанію самого профессора, — на Ломоносова. Одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ литературной критики состоитъ въ опредѣленіи различныхъ вліяній на писателя; нити, связывающія одного дѣятеля съ другимъ, иногда бываютъ чрезвычайно тонки, почти неуловимы. Чтобъ указать отношеніе Ломоносова къ Вольфу, мы изберемъ тѣ черты ихъ дѣятельности, въ которыхъ всего виднѣе особенности того и другого.

Не обладая творческимъ талантомъ, Вольфъ былъ ревностнымъ истолкователемъ геніальныхъ мыслей Лейбница и далъ имъ видъ строгой системы. Метода его, названная, по ея строгости, математическою, состоитъ въ послѣдовательномъ объясненіи каждаго слова; твердо держась однажды даннаго опредѣленія, онъ ни одного положенія не оставляетъ безъ доказательства и всѣ теоремы представляетъ въ связи, выводя одну изъ другой. Философскія сочиненія Вольфа состоятъ изъ ряда теоремъ или силлогизмовъ съ двумя посылками и заключеніемъ, при чемъ каждое заключеніе становится посылкой въ новомъ силлогизмѣ. Метода составляетъ отличительную черту

философіи Вольфа, и Ломоносовъ признавалъ ея достоинство, независимо отъ содержанія сочиненій, въ которыхъ она проведена со всею строгостью. Во второмъ изданіи переведенной имъ физики Вольфа Ломоносовъ говоритъ, что хотя со времени ея появленія наука сдѣлала большіе успѣхи, и читатели не найдутъ въ его книгѣ многаго, что давно уже извѣстно въ ученомъ мірѣ, однако «славный авторъ всегда пребудетъ достоинъ чтенія, особливо ради внятнаго и порядочнаго образа мыслей». Вліяніе Вольфа всего яснѣе выразилось въ сочиненіи Ломоносова: «О движеніи воздуха въ рудникахъ». Вообще же, по замѣчанію спеціалистовъ, нѣмецкіе ученые менѣе имѣли вліянія на Ломоносова, нежели французскіе: умъ его не могъ подчиниться тѣмъ формальностямъ, которыми изобилуютъ сочиненія нѣмецкихъ ученыхъ и особенно Вольфа. При всемъ уваженіи къ методѣ Вольфа, Ломоносовъ не могъ подчиниться ей: живой и впечатлительный умъ его не укладывался въ форму силлогизма, и въ его ученыхъ трактатахъ много поэтическихъ отступленій.

По существенному, внутреннему свойству своего философскаго воззрѣнія, Вольфъ находился на рубежѣ двухъ враждебныхъ направленій. Одно, завѣщанное рядомъ предшествующихъ вѣковъ и державшееся силой преданія, признавало непогрѣшительность авторитета; другое заключалось въ протестѣ противъ старины, въ признаніи правъ разума и свободы изслѣдованія. Не разрывая съ преданіемъ, идущимъ со времени реформаціи, Вольфъ независимо относился къ вопросамъ, считавшимся неприкосновенными для людей, защищавшихъ точку зрѣнія положительной религіи. Идеи его о вселенной и объ основаніяхъ нравственности совпадаютъ, по его собственному признанію, съ ученіемъ Христа и апостоловъ; онъ стремился даже, посредствомъ математической методы, доказать съ неопровержимою убѣдительностію истины, открываемыя христіанствомъ...

Признавая волю Божію источникомъ всего существующаго, Вольфъ говоритъ, что не на ней собственно должны основываться доказательства. Ключъ къ объясненію всего существующаго находится въ *законѣ достаточнаго основанія* или причины (raison), составляющемъ рычагъ всей философской системы Вольфа. «Невозможно, - говоритъ онъ, - чтобъ изъ ничего произошло что-либо; поэтому все, что ни есть въ природѣ,

должно имѣть достаточную причину, почему оно есть. Всѣ предметы находятся во взаимной связи, и одинъ служитъ причиною существованія другого. Въ солнцѣ причина того, что земля стала землею, то-есть посредствомъ солнечной теплоты земля стала плодоносна и удобна для разселенія по ней рода человѣческаго, и т. п. Воля Божія есть высшая причина существованія всѣхъ вещей; но на нее можно ссылаться только тогда, когда спрашиваютъ, почему что-либо существуетъ, а отнюдь не тогда, когда желаютъ знать, какимъ образомъ то или другое возможно. Въ математикѣ, особенно въ геометріи, множество основательнѣйшихъ доказательствъ; но ни одно изъ нихъ не основывается на волѣ Божіей; такимъ образомъ, на вопросъ: отчего въ прямолинейномъ треугольникѣ три угла равняются двумъ прямымъ, не отвѣчаютъ: такъ Богу угодно. Или, если въ физикѣ спрашиваютъ, отчего гремитъ громъ, то это значитъ, какія естественныя причины производятъ грозу, и только тотъ, кто не заботится о ближайшихъ причинахъ, можетъ сказать, что грозу посылаетъ Богъ, потому что воля Бога движетъ силами природы. Вѣрнѣйшій путь къ примиренію науки съ вѣрою Вольфъ видитъ въ изученіи природы. «Если бы— говоритъ онъ, — глубже изучили физику и естественныя науки, то увидѣли бы, что въ каждомъ твореніи, какъ бы оно ничтожно ни было, сокрыто многое для познанія Творца: и вмѣсто того, чтобы преслѣдовать науку, надо обращать ее во славу Бога, и, по совѣту одного просвѣщеннаго теолога, вмѣстѣ съ Библіей изучать книгу природы и познавать небо не только внутри, но и снаружи».

Подобно Вольфу, Ломоносовъ находился въ средѣ, гдѣ царило преданіе, и всякая попытка къ свободѣ мысли возбуждала негодованіе многихъ. Ломоносовъ не отвергалъ христіанскихъ истинъ; онѣ были для него святыней; въ произведеніи, гдѣ онъ довольно свободно относился къ преданію, въ «Посланіи о пользѣ стекла», онъ говоритъ:

> О коль велика къ намъ щедротъ Его пучина,
> Что на землю послалъ возлюбленнаго Сына:
> Не погнушался Онъ на малый шаръ сойти,
> Чтобы погибшаго страданіемъ спасти.

Но свято уважая основы христіанства, Ломоносовъ признавалъ и права разума, и съ точки зрѣнія мыслителя смотрѣлъ

на предметы, о которыхъ его предшественники и современники хранили благоговѣйное молчаніе. Ломоносовъ высказалъ свой взглядъ на посты, какъ на явленіе историческое, связанное съ условіями мѣстности и климата.

Религіозный вопросъ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе въ развитіи общества и народа; въ системѣ религіи всего рѣшительнѣе высказывается авторитетъ, и потому свободная постановка какого-либо изъ вопросовъ въ ея области служитъ уже доказательствомъ большей или меньшей независимости мысли. По понятіямъ, господствовавшимъ у насъ до Ломоносова, лучшимъ достоинствомъ человѣка считалось не смѣлость мысли, а смиреніе, и въ отважномъ полетѣ ея видѣли грѣховное посягательство на права единаго Всевѣдущаго. Одинъ изъ писателей, высокоцѣнимыхъ старинными нашими книжниками, говоритъ: «Что повелѣно тебѣ, о томъ размышляй, а что сокрыто, того не изслѣдуй; о, если бы кто держалъ бичъ надъ моими мыслями!» И находились люди, которые держали бичи надъ мыслями въ своихъ рукахъ. Понимая вещи по-своему, піэтисты искали таинственнаго смысла во всѣхъ явленіяхъ, и для доказательства любимой темы сближали вещи, не имѣющія между собою общаго. На естественныя причины или вовсе не обращали вниманія, или отзывались о нихъ съ пренебреженіемъ, называя ихъ слѣпымъ случаемъ; истинную же причину видѣли не въ нихъ. «Не случайно произошло это, а съ таинственною цѣлью», и т. д., — вотъ обычное въ то время объясненіе событій. Даже Ѳеофанъ Прокоповичъ, обвиняемый въ свободомысліи, говоря о русскомъ флотѣ, доказываетъ, что Петръ не случайно увидѣлъ ботикъ, какъ не случайно у персидскаго царя, осудившаго на казнь невиннаго, сдѣлалась безсонница и т. д. На общемъ, безразличномъ объясненіи всего посредствомъ *непостижимыхъ* путей Промысла, безъ изслѣдованія причинъ ближайшихъ, остановились неглубокіе люди, и съ труднѣйшими вопросами науки и жизни порѣшили коротко, хотя и не ясно: «чему быть, тому не миновать», или еще смиреннѣе: «это не нашего ума дѣло». При подобномъ взглядѣ, философскій *законъ достаточнаго основанія*, возведенный въ принципъ Лейбницемъ и Вольфомъ, былъ для тогдашняго русскаго общества смѣлою новостью, и за постоянное обращеніе къ логическому закону Ломоносовъ подвергался укорамъ и даже преслѣдованіямъ. Этотъ законъ получаетъ новый, жиз-

ненный смыслъ въ воззрѣніи Ломоносова, искавшаго разгадки непостижимыхъ вещей въ творческой силѣ природы. Въ сочиненіяхъ своихъ, гдѣ рѣчь идетъ о силахъ природы, онъ считаетъ нужнымъ успокоивать умы слушателей и читателей, готовыхъ обвинять его въ посягательствѣ на вѣру и чуть не въ атеизмѣ. Всего нагляднѣе обнаруживается тогдашнее настроеніе во взглядѣ на электрическіе опыты: объясненіе грома и молніи посредствомъ электричества и употребленіе громоотводовъ считали «продерзостнымъ сопротивленіемъ гнѣву Божію»; Ломоносовъ подробно доказываетъ, что защищаться отъ громовыхъ ударовъ такъ же безгрѣшно, какъ и строить прочныя зданія для защиты отъ бурь, или дѣлать плотины для защиты отъ наводненій. Говоря о прохожденіи Венеры чрезъ солнце, онъ доказываетъ, что изученіе астрономіи нисколько не подрываетъ религіи, какъ полагали многіе изъ его современниковъ.

Не отрицая воли Божіей, правящей міромъ, Ломоносовъ считалъ необходимымъ объясненіе естественныхъ явленій посредствомъ закона достаточнаго основанія — дѣйствіемъ силъ природы. Не только по мыслямъ, но и по формѣ ихъ, Ломоносовъ напоминаетъ Вольфа, превосходя его энергіей выраженія. Весьма любопытно въ этомъ отношеніи «Посланіе о пользѣ стекла», выражающее новый для того времени взглядъ на отношеніе человѣка къ природѣ. Стихотворная форма выбрана по тогдашнему литературному обычаю, а можетъ-быть, и по примѣру поэмы Лукреція de rerum natura, въ которой говорится стихами объ естественныхъ явленіяхъ, подлежащихъ наблюденію натуралиста. Ломоносовъ говоритъ о «слабомъ умѣ»:

> Дабы истолковать, что молнія и громъ —
> Такія мысли всѣ считаетъ онъ грѣхомъ:
> На бичъ, онъ говоритъ, я посмотрѣть не смѣю,
> Когда грозитъ Отецъ намъ яростью своею.
> Но какъ Онъ насъ казнитъ, поднявъ въ пучинѣ валъ,
> То грѣхъ ли то сказать, что вѣтромъ Онъ нагналъ?
> Когда въ Египтѣ хлѣбъ довольный не родился,
> То грѣхъ ли то сказать, что Нилъ тамъ не разлился?

Какъ Вольфъ признавалъ истиннымъ только то откровеніе, которое въ ладу съ законами природы, такъ и для Ломоносова права природы священны, и всякое уклоненіе отъ нихъ онъ почиталъ несообразнымъ съ волей Божіей, хотя бы оно

и утверждено было преданіемъ. Онъ называетъ смѣшною неосторожностью то, что противно природѣ человѣка, но вошло въ обычай подъ вліяніемъ авторитета.

Какъ въ западной Европѣ, гдѣ долгое время занятіе физикой считалось грѣховнымъ, Альбертъ Великій и Роджерсъ Бэконъ дерзнули «очистить природу отъ грѣха», такъ въ Россіи Ломоносовъ энергически возставалъ противъ обвиненій въ грѣховности науки о природѣ и утверждалъ, что «испытаніе природы трудно, однако полезно, *свято*». Раздѣляя съ Вольфомъ благоговѣніе къ природѣ, Ломоносовъ отличался отъ него поэтическимъ воззрѣніемъ на космосъ. Вольфъ былъ холоднымъ систематикомъ, и права природы доказывалъ математическими теоремами, Ломоносовъ чувствовалъ ихъ всѣмъ существомъ своимъ. Его душа понимала поэзію природы, и если природа не была къ нему мачехой, то и онъ съ своей стороны не былъ къ ней пасынкомъ; она давала художническому чувству его высокое наслажденіе и служила для разума неисчерпаемымъ источникомъ познанія. Для полноты знанія Вольфъ считалъ необходимымъ изучать священное писаніе и книгу природы; Ломоносовъ говоритъ: «Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги: въ одной показалъ свое величество, въ другой — свою волю; первая — видимый сей міръ, вторая — священное писаніе». Въ священномъ писаніи онъ живо сочувствовалъ изображеніямъ величія и красоты природы, какъ можно судить по его переложеніямъ, выбраннымъ изъ тѣхъ библейскихъ книгъ, которыя всего болѣе проникнуты чувствомъ природы, какъ, напр., изъ книги Іова и псалмовъ. Ломоносовымъ переложенъ и сто-третій псаломъ, изображающій картину цѣлаго космоса: «Должно дивиться, — говоритъ Гумбольдтъ, — какъ въ такомъ незначительномъ по своему объему лирическомъ произведеніи немногими великими чертами изображена вселенная, и небо и земля! Подвижной, стихійной, жизни природы противопоставлена тихая, тяжкая работа человѣка отъ восхода солнечнаго до окончанія деннаго труда вечеромъ. Эта противоположность, этотъ всеобъемлющій взглядъ на взаимное отношеніе между явленіями, это обращеніе къ вездѣ присутствующей невидимой силѣ, которая можетъ обновить землю или разбить ее въ прахъ, придаютъ торжественность этой не столько кипящей жизнію, сколько возвышенной поэзіи». Чувство природы было жизненнымъ элементомъ въ произведеніяхъ писателей первыхъ

вѣковъ христіанства. «Христіанское настроеніе сердца, — замѣчаетъ Гумбольдтъ въ своемъ *Космосѣ*, — заставило доказывать величіе и благость Создателя на основаніи всемірнаго порядка и красоты природы; подобное направленіе мыслей къ прославленію Божества въ его твореніи возбудило вкусъ къ описаніямъ природы». Въ писаніяхъ отцовъ Церкви Ломоносовъ высоко цѣнитъ сочувствіе къ природѣ и стремленіе сдружить познаніе ея съ вѣрой: «о, если бы въ ихъ время, — говоритъ онъ, — извѣстны были изобрѣтенныя недавно астрономическія орудія и открыты тысячи новыхъ звѣздъ, съ какимъ бы восторгомъ проповѣдники истины возвѣстили о новыхъ свидѣтельствахъ величія, мудрости и могущества Творца!» Въ этомъ сдруженіи науки съ вѣрой полагалъ свое призваніе Ломоносовъ; къ той же цѣли стремилась и философія Вольфа. Особенность Ломоносова въ постановкѣ вопроса объ отношеніяхъ естественныхъ причинъ къ сверхъестественнымъ можетъ быть опредѣлена слѣдующимъ образомъ. До него, по крайней мѣрѣ, въ понятіи большинства, наука была не болѣе какъ *служанкою*, и притомъ опасною, вѣры; Ломоносовъ признавалъ науку и вѣру *двумя родными сестрами*. Природа, говоритъ онъ, есть «евангеліе», благовѣствующее творческую силу, премудрость и величество; не только небеса, но и нѣдра земныя повѣдаютъ славу Божію».

Примиреніе науки съ вѣрой или, точнѣе, вѣры съ наукою было живою потребностью тогдашняго русскаго общества. Чтобы начать движеніе по пути умственнаго развитія, необходимо было уничтожить преграду, останавливавшую умы въ самомъ началѣ ихъ дѣятельности, и довести ихъ до сознанія, что новый путь велъ къ истинѣ, а не къ пагубѣ. Большинство нуждалось въ ободряющемъ голосѣ, и Ломоносовъ угадалъ эту потребность общества, какъ вѣрно угадывалъ и всѣ другія его нужды. Сочувствіе къ интересамъ общественнымъ есть одна изъ самыхъ свѣтлыхъ сторонъ дѣятельности Ломоносова. Въ этомъ онъ также сближается съ Вольфомъ. Съ именемъ Вольфа связано воспоминаніе о замѣчательной въ исторіи нѣмецкой литературы и образованности эпохѣ «просвѣщенія» (Aufklarung). Задача такъ называемыхъ «просвѣтителей» состояла въ освобожденіи личности человѣка въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, въ свободѣ изслѣдованія и въ борьбѣ съ предразсудками и школьнымъ авторитетомъ. Содѣйствуя

просвѣщенію своихъ соотечественниковъ, Вольфъ говорилъ и писалъ на родномъ языкѣ о важнѣйшихъ предметахъ человѣческой мысли, и первый ввелъ нѣмецкій языкъ въ область философіи, гдѣ до того владычествовалъ латинскій языкъ исключительно. До Вольфа философія была достояніемъ кружка; ею занимались немногіе спеціалисты; Вольфъ возбудивъ интересъ къ ней въ образованномъ мірѣ вообще; для содѣйствія занятіямъ философскими науками составились въ различныхъ мѣстахъ цѣлыя общества. Система самого Вольфа была излагаема въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, отъ строгаго догматическаго трактата до легкаго популярнаго очерка; даже дамы принялись за изученіе философіи: девятнадцатилѣтняя дочь обитателя Шарлотенбурга, близъ Берлина, до того была восхищена системой Вольфа, что пожелала имѣть подробное ея изложеніе, которое и вышло въ свѣтъ, подъ именемъ «прекрасной вольфіанки» — la belle Wolfiene. Какова бы ни была степень таланта Вольфа, критики девятнадцатаго вѣка особенно цѣнятъ въ немъ «просвѣтителя» тогдашней Германіи.

Ломоносовъ былъ также «просвѣтителемъ» современнаго ему русскаго общества. Подвигъ его, какъ просвѣтителя, состоялъ въ отверженіи того, что̀ вело къ апатіи и застою, и въ общедоступномъ изложеніи того, въ чемъ видѣлъ онъ плодотворное, жизненное начало. Несравненно смѣлѣе Вольфа возставалъ онъ противъ авторитетовъ; по его мнѣнію, одною изъ главныхъ причинъ умственнаго застоя въ средніе вѣка была слѣпая вѣра въ Аристотеля: «я не презираю сего славнаго философа, — говоритъ онъ, — но тѣмъ не безъ сожалѣнія удивляюсь, которые про смертнаго человѣка думали, будто бы онъ въ своихъ мнѣніяхъ не имѣлъ никакого погрѣшенія, что было главнымъ препятствіемъ къ приращенію философіи и прочихъ наукъ». Независимое отношеніе къ авторитетамъ нестерпимо для малодушія и скудоумія, и на Ломоносова сыпались нападки: «не великъ, говорили, передъ нимъ Картезій, Невтонъ и Лейбницъ со всѣми новыми ихъ изысканіями». Ломоносовъ былъ горячимъ защитникомъ прогресса, утверждалъ, что въ новѣйшія времена науки достигли такого развитія, о которомъ и не мечтали люди, жившіе не только за тысячу, но и за сто лѣтъ; вѣра его въ прогрессъ доходила до энтузіазма, и онъ весьма неблагосклонно отзывался о добромъ старомъ времени. Защитники старины, въ свою очередь, не оставались въ долгу передъ смѣлымъ обли-

чителемъ, но бой былъ далеко не равный: на правдивый укоръ просвѣтителя отвѣчали клеветами и доносами. Въ шутливомъ гимнѣ Ломоносовъ обращается къ бородѣ съ воззваніемъ:

О прикраса золотая	Мать достатка и чиновъ,
О прикраса дорогая,	Корень дѣйствій невозможныхъ,
Мать дородства и умовъ,	О *завѣса мнѣній ложныхъ!*

За такое обращеніе усердные защитники бороды и блюстители нравственности предлагали: «къ отвращенію таковыхъ продерзостей *удостоить* сего ругателя *публичнымъ наказаніемъ*». Дѣятельность русскаго просвѣтителя не ограничивалась энергическимъ отрицаніемъ: она стремилась къ положительной цѣли, открывала положительныя истины и вносила въ доступную ей среду ясныя и благородныя убѣжденія. Подобно Вольфу, Ломоносовъ не былъ спеціалистомъ, а стремился обнять всѣ отрасли знанія и проводить ихъ благотворное, цивилизующее вліяніе въ общество; даже въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ онъ имѣлъ въ виду не только передачу фактовъ, но и просвѣщеніе своихъ читателей и слушателей, и истины науки старался объяснить общедоступно. Справедливо замѣчаютъ, что призваніемъ Ломоносова было - провести результаты европейской науки чрезъ складъ русскаго ума и сдѣлать ихъ составною частью нашей умственной атмосферы. Науку для пользы и просвѣщенія общества признавалъ онъ вопіющею потребностью.

На основаніи всего сказаннаго нами о Ломоносовѣ и Вольфѣ, можно сдѣлать слѣдующій выводъ объ отношеніи одного къ другому. Вольфъ имѣлъ вліяніе на Ломоносова, но оно не было такъ глубоко, чтобы Ломоносова можно было назвать вольфіанцемъ: по самой природѣ своей, онъ былъ очень неподатливъ и не могъ быть безотвѣтнымъ органомъ чужого образа мыслей. Сходство и различіе между Ломоносовымъ и Вольфомъ обнаруживается въ методѣ, въ ихъ воззрѣніи и въ характерѣ ихъ дѣятельности. Строгость математической методы Вольфа справедливо цѣнилась Ломоносовымъ, но онъ самъ обращался къ ней рѣдко: въ мысляхъ его было такъ много жизни и свѣжести, что нельзя было заключать ихъ въ рамку теоремъ; когда дѣло идетъ о могуществѣ науки или творческой силѣ природы, прозаическая послѣдовательность доводовъ уступаетъ мѣсто лирическимъ отступленіямъ. Въ общемъ воззрѣніи на космосъ

они сходятся. По ихъ убѣжденію, вѣчный порядокъ вселенной свидѣтельствуетъ о мудрости и величіи Творца; но, чтобы познать Его, необходимо изучать твореніе, и изучать безъ всякой задней мысли, вести изслѣдованіе вполнѣ свободно, не дѣлая изъ науки рабы заранѣе составленной системы. Въ объясненіи всего существующаго долженъ быть строго наблюдаемъ неумолимый законъ достаточнаго основанія. Разумнаго основанія Ломоносовъ искалъ въ силахъ природы, и этимъ указывалъ новую точку зрѣнія, открывалъ путь свободному изслѣдованію, вносилъ въ мышленіе тотъ жизненный элементъ, которымъ европейская наука отличается отъ апатическаго ученія Востока. Чувство природы такъ сильно развито было въ Ломоносовѣ, что, защищая права ея, онъ изъ мыслителя переходилъ въ поэта и «слагалъ гимны матери-природѣ». Поэтическое настроеніе было вовсе чуждо Вольфу; самому чувству изящнаго послѣдователи Вольфа давали мѣсто между низшими способностями души.

По характеру своей дѣятельности и Вольфъ и Ломоносовъ были просвѣтителями своего общества; трудъ просвѣтителя слагался изъ борьбы съ отживающею стариною и съ водвореніемъ новаго, созидающаго. Въ первомъ отношеніи Ломоносовъ расходится съ Вольфомъ: послѣдній находился подъ сильнымъ вліяніемъ Лейбница, такъ что и самая философія его называется обыкновенно лейбнице-вольфіанскою. Ломоносовъ, напротивъ, былъ слишкомъ независимъ, и не только передъ Вольфомъ, но и передъ самимъ Аристотелемъ не желалъ быть покорнымъ ученикомъ, повторяющимъ: ««такъ сказалъ учитель». Вольфъ былъ однимъ изъ многихъ ревнителей просвѣщенія въ Германіи, Ломоносовъ — однимъ изъ немногихъ въ Россіи и притомъ во главѣ этихъ немногихъ; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ весь трудъ реформатора заключался собственно въ немъ одномъ. Наука была явленіемъ новымъ въ русскомъ обществѣ, и онъ ратовалъ за права ея со всѣмъ одушевленіемъ и жаромъ новообращеннаго. «Наука должна быть полезна *обществу*», въ этомъ убѣжденіи сходились между собою Вольфъ и Ломоносовъ, и оно даетъ имъ право на имя просвѣтителей современнаго имъ общества. По основному характеру своихъ стремленій, по складу своего ума и оригинальности дарованія, Ломоносовъ гораздо ближе къ Декарту, нежели къ Вольфу. Вліяніе Вольфа подѣйствовало на Ломоносова благотворно въ томъ отношеніи, что сдержало нѣсколько

его порывы, сгладило неровности, пріучило къ системѣ и методѣ его живое и увлекающееся мышленіе. Не подчиняясь формальностямъ и педантизму, Ломоносовъ оцѣнилъ свѣтлую сторону философіи Вольфа и ея рѣшительное преимущество передъ схоластикой, господствовавшею тогда въ русскихъ училищахъ, въ которыхъ онъ получилъ первое понятіе о философскихъ наукахъ. *Сухомлиновъ.*

—

Ломоносовъ, какъ ученый.

Съ сѣвера, куда издревле стремились наши предки, наперекоръ его стужѣ и непогодамъ, пришелъ нашъ первый геній въ наукѣ и словѣ, Ломоносовъ, котораго Пушкинъ назвалъ:

Веселье россіянъ, полунощное диво!

Съ 1741 по 1765 годъ, ровно 25 лѣтъ, Ломоносовъ безсмѣнно и честно служилъ наукѣ въ Академіи. Онъ оставался постоянно вѣренъ мысли, которая руководила Петромъ при ея учрежденіи, именно, чтобы наука, насажденная у насъ иностранцами, перешла въ руки людей русскихъ. Ломоносовъ вложилъ эту мысль въ уста Елизаветѣ, въ извѣстномъ похвальномъ ей словѣ, гдѣ Елизавета говоритъ: «Я видѣть россійскую академію изъ сыновъ россійскихъ состоящую желаю». Такъ дѣйствовалъ и Ломоносовъ среди нѣмецкой колоніи ученыхъ, которая его окружала. Въ борьбѣ Ломоносова съ нѣмцами участвовалъ не какой-нибудь предразсудокъ, возбуждающій одинъ народъ противъ другого. Нѣтъ, онъ умѣлъ уважать науку и ученыхъ, въ какомъ бы народѣ они не являлись. Мы знаемъ его отношенія къ Эйлеру, Бернулли и другимъ; знаемъ и дружбу, какая соединяла его съ профессоромъ физики Рихманомъ. Вспомнимъ трогательное письмо, написанное Ломоносовымъ къ Шувалову тотчасъ по смерти Рихмана, убитаго громомъ во время электрическихъ опытовъ, которые производилъ онъ надъ машиною для рѣшенія вопроса о громоотводахъ. «Г. Рихманъ, — такъ писалъ Ломоносовъ, — умеръ прекрасною смертью, исполняя по своей профессіи должность». Какъ усердно молитъ онъ Шувалова исходатайствовать пенсію вдовѣ и сиротамъ, и прибавляетъ, что за такое благодѣяніе будетъ больше почитать, чѣмъ за свое!

Такъ любилъ Ломоносовъ тѣхъ нѣмцевъ, которые честно трудились для науки въ нашемъ отечествѣ. Но неутомимо и грозно преслѣдовалъ онъ тѣхъ, которые, какъ Таубертъ и Шумахеръ, хотѣли держать науку въ Россіи исключительно въ рукахъ нѣмецкихъ, преслѣдовали русскихъ молодыхъ ученыхъ, задерживали жалованье у тѣхъ, которые учились за границею, и всякими злоупотребленіями вредили дѣлу наукъ въ Академіи. Но, кромѣ нѣмцевъ, отъ него доставалось и тѣмъ русскимъ, которые, какъ, напр., Тепловъ, препятствовали процвѣтанію наукъ.

Отношенія между Ломоносовымъ и Шуваловымъ были въ высшей степени благородны и честны. Ни одной оды не посвятилъ онъ ему, какъ это случалось съ нѣмецкими поэтами въ ихъ отношеніяхъ къ знатнымъ меценатамъ. Письма Ломоносова къ Шувалову остались въ нашей литературѣ прекраснымъ памятникомъ той дружбы, которая связывала вельможу и ученаго. Съ какою искренностью передаетъ ему Ломоносовъ свои чувства, повѣряетъ свои труды, указываетъ на препятствія! Вездѣ сохранилъ онъ достоинство и благородство...

За нѣсколько дней до кончины, Ломоносовъ говорилъ другу своему, академику Штелину: «Чувствую, что скоро умру. На смерть смотрю совершенно спокойно, а сожалѣю только о томъ, что не успѣлъ довершить того, что началъ для пользы отечества, для славы наукъ и для чести Академіи. Къ сожалѣнію вижу теперь, что благія мои намѣренія исчезнутъ вмѣстѣ со мною». Эта предсмертная скорбь касалась любимой мысли Ломоносова, которой онъ посвятилъ всю жизнь: водворить науку между соотечественниками. Ломоносовъ скончался 3 апрѣля 1765 года, на третій день Пасхи.

Для насъ весьма важно знать, какъ первый нашъ ученый, насадившій науку въ нашемъ отечествѣ, разумѣлъ ея отношенія къ вѣрѣ, къ государству и къ народной жизни, равно и отношения наукъ между собою. Мы и теперь могли бы принять безопасно за лучшее для насъ руководство отвѣтъ Ломоносова на эти вопросы. Вопросъ объ отношеніи науки къ вѣрѣ занималъ уже тогда ученыхъ. Опасались внести раздоръ въ эти двѣ сферы, — раздоръ, который могъ погубить гармонію душевныхъ силъ человѣка. У насъ также былъ въ ходу этотъ вопросъ, и вотъ какъ рѣшилъ его Ломоносовъ въ своемъ сочиненіи, написанномъ по случаю одного астрономическаго

наблюденія: «правда и вѣра суть двѣ сестры родныя, дщери одного Всевышняго Родителя; никогда между собою въ распрю прійти не могутъ, развѣ кто изъ нѣкотораго тщеславія и показанія своего мудрованія на нихъ вражду всклеплетъ. А благоразумные и добрые люди должны разсматривать, нѣтъ ли какого способа къ объясненію и отвращенію мнимаго между ними междоусобія, какъ учинилъ учитель нашея премудрыя православныя церкви». Здѣсь Ломоносовъ приводитъ свидѣтельства изъ Василія Великаго и Іоанна Дамаскина и продолжаетъ: «такъ сіи великіе свѣтильники познаніе натуры съ вѣрою содружить старались». «Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги. Въ одной показалъ свое величество, въ другой — свою волю. Первая — видимый сей міръ, Имъ созданный, чтобы человѣкъ, смотря на огромность, красоту и стройность его зданій, призналъ божественное всемогущество, по мѣрѣ себѣ дарованнаго понятія. Вторая книга — священное писаніе. Въ ней показано Создателево благословеніе къ нашему спасенію. Въ сихъ пророческихъ и апостольскихъ боговдохновенныхъ книгахъ истолкователи и изъяснители суть великіе церьковные учители. А въ оной книгѣ сложенія видимаго міра физики, математики, астрономы и прочіе изъяснители Божественныхъ въ натуру вліянныхъ дѣйствій суть таковы, каковы въ оной книгѣ пророки, апостолы и церковные учители. Не здраво разсудителенъ математикъ, ежели онъ хочетъ божескую волю измѣрять циркулемъ. Таковъ же и богословія учитель, если онъ думаетъ, что по Псалтири научиться можетъ астрономіи и химіи». «Посмѣянія достойны таковые люди... подобно какъ нѣкоторые католицкіе философы дерзаютъ по физикѣ изъяснять непонятныя чудеса Божія и самыя страшныя таинства христіанскія. Сему излишеству есть съ другой стороны подобное, но и притомъ приращенію наукъ помѣшательное нѣкоторыхъ поведеніе, кои осмѣхаютъ науки, а особливо новыя откровенія въ натурѣ, разглашая, будто бы оні были противны закону, коимъ самымъ мнимымъ защищеніемъ дѣйствительно его поносятъ, представляя оный непріятелемъ натурѣ, не меньше отъ Бога происшедшей, и называя все то соблазномъ, чего не понимаютъ. Но всякъ изъ таковыхъ вѣдай, что онъ ссорщикъ, что старается произвести вражду между Божіею дщерию, натурою, и между невѣстою Христовою, Церковью». «Натура есть нѣкоторое Евангеліе, благовѣствующее неумолчно творческую

силу, премудрость и величество. И не токмо небеса, но и нѣдра земныя повѣдають славу Божію». Замѣчательно, что нѣкоторыя изъ этихъ мыслей Ломоносовъ заимствовалъ изъ Бэкона.

Какъ разумѣлъ нашъ ученый отношеніе наукъ къ государству? Онъ выразилъ мнѣніе о томъ въ похвальномъ словѣ Елизаветѣ, гдѣ представляетъ Академію Наукъ центральнымъ мѣстомъ въ государствѣ, подающимъ голоса свои и совѣты по всѣмъ главнымъ вѣтвямъ государственнаго управленія. Вотъ его слова: «Не всуе среди сего царствующаго града жилище наукамъ воздвигнуто, но чтобы управляющіе гражданскія дѣла изъ мѣстъ судебныхъ, упражняющіеся въ военномъ дѣлѣ со стѣнъ Петровыхъ, предстоящіе монархическому лицу изъ пресвѣтлаго ея дому, строящіе и управляющіе флотъ россійскій съ верховъ корабельныхъ и обращающіеся въ купечествѣ съ судовъ и съ пристанища на сіе зданіе взирали, среди своихъ упражненій о наукахъ помышляли и къ нимъ бы любовію склонялись». Здѣсь Академія изображена не какимъ-то отвлеченнымъ отъ государственной жизни учрежденіемъ, а живымъ средоточіемъ, дающимъ государству жизнь вполнѣ разумную и сознательную.

Наука не ослѣпляла Ломоносова и мѣшала ему видѣть недостатки въ нашей жизни. Въ своемъ превосходномъ разсужденіи о причинахъ, замедляющихъ народонаселеніе Россіи, онъ указываетъ, между прочимъ, на злоупотребленіе постовъ и на быстрые переходы къ разговѣнью въ день праздника Пасхи...

Превосходно понималъ Ломоносовъ ту связь, какая должна существовать между науками естественными и словесными. Онъ съ равною ревностью принадлежалъ какъ первому, такъ и второму отдѣленію философскаго факультета. Во Франціи до сихъ поръ существуетъ непобѣдимый предразсудокъ, полагающій вражду между такъ называемыми учеными (savants) и словесниками (lettrés). Sciences et lettres, науки и словесность доселѣ ведутъ здѣсь такую вражду непримиримую, которая образуетъ два враждебныхъ стана между мужами слова и мужами знанія. Вспомнимъ, какъ Шатобріанъ не щадилъ своего краснорѣчія противъ наукъ математическихъ. У насъ, съ самаго возникновенія науки, такой предразсудокъ отсутствовалъ, и мы за то благодарны Ломоносову. Не мое дѣло оцѣнивать подвиги Ломоносова въ наукахъ естественныхъ. Это дѣло совершено у насъ ученымъ, который наслѣдовалъ

отъ Ломоносова соединенную любовь къ физико-математическимъ и словеснымъ наукамъ, академикомъ Перевозчиковымъ. Ломоносовъ стоялъ въ уровень съ наукою природы своего столѣтія. Его изслѣдованія надъ электричествомъ и стремленіе приложить ихъ къ устроенію громового отвода — современны Франклиновымъ. Его мнѣніе о теплотѣ предшествовало Румфордову. Во всѣхъ изслѣдованіяхъ природы Ломоносовъ имѣлъ въ виду отечество. Начала металлургіи внесены имъ изъ рудниковъ Фрейберга въ нѣдра русской земли. Онъ начерталъ проектъ собиранія разныхъ камней, глинъ и песковъ по деревнямъ цѣлой Россіи. Онъ первый задумалъ собирать въ музеи остатки допотопныхъ животныхъ, остовы которыхъ такъ часто встрѣчаются во внутренности русской почвы. Онъ первый возымѣлъ мысль воздѣлывать торфъ въ Россіи. На мореплаваніе смотрѣлъ онъ не въ видахъ лишь одной торговли, но въ высшихъ видахъ науки, и извѣстенъ изобрѣтеніемъ особеннаго морского барометра. *Шевыревъ.*

Взглядъ Ломоносова на отношеніе науки къ религіи.

Ломоносовъ не только по силѣ дарованія, но и по времени былъ первымъ русскимъ ученымъ собственно свѣтскаго характера, первымъ нашимъ философомъ, физикомъ, естествоиспытателемъ въ европейскомъ смыслѣ этихъ словъ. Понятно, что на первыхъ же порахъ своей дѣятельности онъ встрѣтилъ нѣкоторую оппозицію со стороны той части русскаго общества, для которой свѣтская наука представлялась разрушительницею духовнаго строя древнерусской жизни. Ломоносову предстояла борьба противъ этой оппозиціи, лицемѣрно скрывавшей себя «подъ святости покровъ». Она исходила не отъ «простонародія», которое о наукахъ никакого понятія не имѣетъ, а отъ «людей грамотныхъ, чтецовъ Писанія и ревнителей къ православію, кое святое дѣло само собою похвально, если бъ иногда не препятствовало излишествомъ высокихъ наукъ приращенію». Ломоносовъ очень тонко сводитъ своихъ противниковъ на безопасную для себя почву и, напримѣръ, разбирая какой-нибудь миѳъ о Прометеѣ и преданіе о Клеантѣ, или доказывая заблужденіе блаженнаго Августина, оживленно возражаетъ своимъ

противникамъ, самъ оставаясь свободнымъ отъ ихъ нападеній. Особенно соблазняло набожныхъ людей распространившееся тогда, съ легкой руки Фонтенеля, и вызвавшее много толковъ и споровъ *ученіе о множествѣ міровъ.* Ломоносовъ, повидимому, находилъ эту гипотезу не только очень вѣроятною, но и несомнѣнною. Уже въ 1746 году онъ очень опредѣленно высказалъ это въ своей одѣ по случаю сѣвернаго сіянія:

> Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
> Тамъ разныхъ *множество свѣтовъ;*
> Несчетны солнца тамъ горятъ,
> Народы тамъ и кругъ вѣковъ:
> Для общей славы божества
> Тамъ равна сила естества.

Гораздо позже, въ 1761 году, возвращаясь къ тому же научному вопросу при описаніи прохожденія Венеры чрезъ дискъ солнца, Ломоносовъ долженъ былъ присовокупить извѣстное «прибавленіе», въ которомъ онъ старается разграничить область науки и вѣры. Дѣло въ томъ, что въ упомянутой статьѣ онъ высказалъ предположеніе, что Венера «окружена знатною воздушною атмосферою, таковою (лишь бы небольшею), какова обливается около нашего шара земного», и потому обладаетъ, подобно землѣ, растительною и животною жизнью.

«Читая здѣсь о великой атмосферѣ около помянутой планеты, — говоритъ Ломоносовъ, — скажетъ кто: подумать де можно, что въ ней потому и пары восходятъ, сгущаются облака, падаютъ дожди, протекаютъ ручьи, собираются въ рѣки, втекаютъ въ моря, произрастаютъ вездѣ разныя прозябанія, ими питаются животныя. И сіе де подобно Коперниковой системѣ: противно де закону».

Ломоносовъ опасался возможности такого обвиненія со стороны враговъ науки и потому для успокоенія ихъ приводитъ слова Василія Великаго о возможности множества міровъ. Но затѣмъ онъ все-таки рѣшается прямо поставить вопросъ о присутствіи высшей животной жизни на планетахъ и хотя рѣшаетъ его только уловкою, но за нею можно видѣть его личный взглядъ на этотъ вопросъ. «Нѣкоторые спрашиваютъ: ежели де на планетахъ есть живущіе, намъ подобные люди, то какой они вѣры? Проповѣдано ли имъ Евангеліе? Крещены ли они въ вѣру Христову? Симъ дается отвѣтъ вопросный: въ южныхъ великихъ земляхъ, коихъ берега въ нынѣшнія

времена почти только примѣчены мореплавателями, тамошніе жители, также и въ другихъ невѣдомыхъ земляхъ обитатели, люди, видомъ языкомъ и всѣми поведеніями отъ насъ отмѣнные, какой вѣры? И кто имъ проповѣдалъ Евангеліе? Ежели кто про то знать или ихъ обратить и крестить хочетъ, тотъ пусть по евангельскому («не стяжите ни злата, ни сребра, ни мѣди, при поясѣхъ вашихъ, ни пиры на пути, ни двою ризу, ни сапогъ, ни жезла») туда пойдетъ. И какъ свою проповѣдь окончитъ, то послѣ пусть пойдетъ для того жъ и на Венеру. Только бы трудъ его не былъ напрасенъ. Можетъ-быть, тамошніе люди въ Адамѣ не согрѣшили, и для того всѣхъ изъ того слѣдствій ненадобно».

Ломоносовъ, повидимому, повернулъ рѣшеніе вопроса въ незначащую шутку, но изъ окончанія этой рѣчи: «многи пути ко спасенію, многи обители суть на небесѣхъ», видно, что Ломоносову не хотѣлось поднимать на себя нареканія утвержденіемъ мнѣнія, которое, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, осталось гипотетическимъ.

Ломоносовъ не отвергалъ, что наука приходитъ иногда къ заключеніямъ, не согласнымъ съ тѣми выводами, которые вытекаютъ изъ буквальнаго пониманія свящ. писанія или того или другого отца Церкви. Такъ, по поводу одного мнѣнія блаженнаго Августина, онъ говоритъ:

О, коль великимъ онъ восторгомъ бы плѣнился,
Когда бъ разумну тварь столь тѣсно не включалъ,
Подъ нами жителей, какъ здѣсь, не отрицалъ,
Безъ математики вселенной онъ не мѣрилъ!...
Что есть Америка напрасно онъ не вѣрилъ...
Онъ слово Божіе употреблялъ напрасно.

Ломоносовъ соглашался даже, что древность земного шара, по свидѣтельству геологическихъ данныхъ, далеко не согласна съ тѣмъ, что показываетъ библейская хронологія: «Могу сказать, — говоритъ онъ, сравнивая ту и другую, — что по оному всѣхъ старшему лѣтописцу (т.-е. наслоенію земныхъ пластовъ) древность свѣта больше выходитъ, нежели по онымъ труднымъ выкладкамъ» (т.-е. по выкладкамъ, производимымъ надъ хронологическими показаніями Библіи). Это предположеніе, доказываетъ Ломоносовъ, «особливо же тѣмъ сопротивно покажется, которые обыкли свящ. писаніе принимать въ литературномъ, грамматическомъ смыслѣ; но, — прибавляетъ онъ, — люди, такъ

поступающіе, не послѣдуютъ въ томъ Василію Великому, который богомудрый святитель и глубокій философъ довольно показалъ примѣры, какъ содружать спорныя, повидимому, съ священнымъ писаніемъ натуральныя правды». Итакъ, очевидно, Ломоносовъ желалъ найти примиреніе между религіей и наукой. И дѣйствительно, онъ указываетъ путь къ такому примиренію, основываясь на примѣрѣ того изъ отцовъ, который въ своемъ «Шестодневѣ» выразилъ христіанскую философію природы своего времени. «Священное писаніе не должно вездѣ разумѣть грамматическимъ, но нерѣдко реторическимъ разумомъ. Примѣръ тому подаетъ Василій Великій, находя оправданіе своимъ воззрѣніямъ въ писаніяхъ самихъ отцовъ Церкви».

Ломоносовъ тѣмъ рѣзче, съ желчнымъ негодованіемъ, скрытымъ, впрочемъ, въ весьма прозрачную дымку насмѣшки и злой ироніи, отзывается о тѣхъ умникахъ, которые думаютъ быть «философами, выучась наизусть три слова: *Богъ сотворилъ такъ*, и сіе дая въ отвѣтъ вмѣсто всѣхъ причинъ, или о такихъ людяхъ, которые все непонятное объясняютъ «нѣкоторою игрою роскошныя натуры».

Набожныя, но робкія и слабыя головы считаютъ грѣховнымъ искать законовъ природы, причинъ вещей и явленій:

Услышавъ въ темнотѣ внезапной трескъ и шумъ
И видя быстрый блескъ, мятется слабый умъ;
Отъ гнѣвнаго часа желаетъ, гдѣ бъ укрыться;
Причины онаго изслѣдовать страшится;
Дабы истолковать, что молнія и громъ,
Такія мысли всѣ считаетъ онъ грѣхомъ.
„На бичь", онъ говоритъ, „я посмотрѣть не смѣю,
Когда грозитъ Отецъ нашъ яростью своею".
Но какъ онъ насъ казнитъ, поднявъ въ пучинѣ валъ,
То грѣхъ ли то сказать, что вѣтромъ онъ нагналъ?
Когда въ Египтѣ хлѣбъ довольный не родился,
То грѣхъ ли то сказать, что Нилъ тамъ не разлился?

«Сихъ я вопрошаю», говоритъ Ломоносовъ какъ бы въ поясненіе приведенныхъ стиховъ, «что бы они подумали о такомъ водолазѣ, который бы изъ глубины морской вынесши монеты, или ружье, либо сосудъ, которые во время морского сраженія или отъ потопленія бурею издавна погрязли, сказалъ бы имъ, что ихъ множество производитъ тамъ, забавляясь своимъ избыткомъ, прохладная натура, т.-е., исправляетъ въ пучинѣ

морской кузнечное, ружейное, мѣдническое и монетное дѣло? Не меньшаго смѣху и презорства достойны оные любомудрцы, кои, видя по горамъ раковины... не стыдясь утверждаютъ, что онѣ не морское произведеніе, по своевольной натуры легкомысленныя затѣи?»

По мнѣнію Ломоносова, наука и религія — двѣ совершенно самостоятельныя, но родственныя области: «Натура есть нѣкоторое Евангеліе, благовѣствующее неумолчно творческую силу, премудрость и величество».

Этотъ живой и поэтическій взглядъ на природу, какъ на божественную книгу, невольно напоминаетъ намъ, вѣроятно, хорошо знакомый Ломоносову, величавый, хотя наивный, образъ въ народномъ стихѣ о Голубиной книгѣ, той «не малой, не великой книгѣ, которой и не прочесть ни попамъ ни дьяконамъ, ни могучимъ богатырямъ», которую читалъ пророкъ Исаія «ровно три года и прочелъ ровно три листа», и изъ которой можно читать «какъ по грамотѣ» отвѣты на вопросы не только космогоническіе, но и теологическіе. То же говоритъ и Ломоносовъ; по его словамъ, какъ богословы, такъ и естествоиспытатели «обще удостовѣряютъ насъ не токмо о бытіи, но и о несказанныхъ къ намъ Его благодѣяніяхъ». Онъ идетъ дальше народа только въ томъ, что хочетъ совершенно разграничить двѣ области, чтобы сдѣлать каждую госпожою въ своемъ кругу.

«Не здраво разсудителенъ математикъ, ежели онъ хочетъ Божескую волю вымѣрять циркулемъ. Таковъ же и богословіи учитель, если онъ думаетъ, что по Псалтыри научиться можно астрономіи и химіи... Нѣтъ сомнѣнія, что науки наукамъ много весьма взаимно способствуютъ, какъ физика химіи, физикѣ математика, правоучительная наука и исторія стихотворству; однакоже не каждая каждой. Что помогутъ хорошія риѳмы въ доказательствѣ Пиѳагоровой теоремы?... Уложеніе и Кормчая книга ничего не сослужатъ учащемуся астрономіи; равно какъ одно другому не препятствуетъ. Посмѣянія достойны таковые люди, кои сего требуютъ, подобно какъ нѣкоторые философы дерзаютъ по физикѣ изъяснять непонятныя чудеса Божіи и самыя страшныя таинства христіанскія. Сему излишеству есть съ другой стороны подобное, но и притомъ приращенію наукъ помѣшательное нѣкоторыхъ поведеніе, кои осмѣхаютъ науки, а особливо новыя откровенія въ натурѣ, разглашая, будто бы они были противны закону... и называя все то со-

блазномъ, чего не понимаютъ. Но всякъ изъ таковыхъ вѣдай, что онъ ссорщикъ, что старается произвести вражду между Божіею дщерью — натурой и между невѣстою Христовою — Церковію...

«Кто въ таковыя размышленія углубиться не хочетъ или не можетъ и не въ состояніи вникнуть въ премудрыя естественныя дѣла Божія, тотъ довольствуйся чтеніемъ свящ. писанія и другихъ книгъ душеполезныхъ; управляй житіе свое по ихъ ученію. За то получитъ отъ Бога благословеніе, отъ монаршей власти милость, отъ общества любленіе. Прочихъ оставляй онъ также въ покоѣ услаждаться притомъ и премудрымъ Божескимъ строеніемъ вещей натуральныхъ, для такой же пользы, какую онъ получаетъ и получить уповаетъ». *Будиловичъ.*

Ломоносовъ, какъ физикъ.

Физика и химія составляли любимые предметы Ломоносова. Имъ посвящалъ онъ часы, свободные отъ другихъ занятій, а этихъ занятій было много, ибо Ломоносовъ въ одно время писалъ исторію, давалъ образцы русскаго слога, правила языка, произносилъ рѣчи, сочинялъ оды. Когда Шуваловъ торопилъ его составленіемъ исторіи и просилъ оставить занятія физическими и химическими опытами, Ломоносовъ отвѣчалъ: «Что жъ до другихъ моихъ въ физикѣ и химіи упражненіяхъ касается, чтобы ихъ вовсе покинуть, то нѣтъ въ томъ нужды, ниже возможности. Уповаю, что мнѣ на успокоеніе отъ трудовъ, которые я на собраніе и сочиненіе русской исторіи и на украшеніе русскаго слога полагаю, позволено будетъ въ день нѣсколько часовъ времени, чтобы ихъ вмѣсто бильяру употребить на физическіе опыты, которые мнѣ не токмо отмѣною матеріи вмѣсто забавы служить имѣютъ и сверхъ того пользу и честь отечеству конечно принести могутъ, едва ли меньше первой».

Разсмотримъ труды Ломоносова по части физики. Съ именемъ Ломоносова не связано никакихъ замѣчательныхъ открытій; мы даже не встрѣтимъ этого имени въ исторіи науки. Разнообразіе предметовъ, которыми занимался онъ съ безграничною пытливостію, переносило его вниманіе съ одного предмета на другой и не позволяло ему остановиться на частномъ изслѣдованіи какого-нибудь отдѣльнаго явленія: его умъ всегда

уносился въ область теоріи. Одинъ вопросъ о цвѣтахъ тѣлъ изслѣдовалъ онъ долго путемъ опытныхъ изысканій, но несовершенство химическихъ понятій того времени вело его по ложному пути, а трудность вопроса (ибо и въ наше время нельзя отвѣтить, почему одно тѣло краснаго, а другое желтаго цвѣта) была причиною, что изслѣдованія эти не повели ни къ какому положительному результату. Крафтъ, Рихманъ, Эпинусъ и другіе члены Академіи, люди съ несравненно меньшими способностями, чѣмъ Ломоносовъ, оставили свое имя въ наукѣ. Но способности врожденны человѣку, онѣ даются отъ Бога, а ихъ развитіе, приложеніе къ дѣлу, есть слѣдствіе многихъ обстоятельствъ, многихъ условій какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, зависящихъ отъ среды, въ которой помѣщенъ человѣкъ.

Такіе ученые, какъ Крафтъ, Рихманъ, Эпинусъ, работали уже на готовой почвѣ европейской науки, ихъ умъ спокойно сосредоточивался на частномъ вопросѣ изслѣдованія, они влагали свой камень въ давно воздвигаемое зданіе. На Ломоносовѣ лежало дѣло начинанія; тогда у насъ наука была невѣдомымъ храмомъ, въ который желалъ онъ ввести своихъ соотечественниковъ. Ему невольно приходилось болѣе учить, нежели открывать. Но учить, по преимуществу, можетъ тотъ, кто самостоятельно обрабатываетъ науку. Понятно, что дѣломъ начинанія для перваго русскаго ученаго было усвоить себѣ тѣ понятія о природѣ, которыя вѣками сложились въ умахъ иностранныхъ ученыхъ, возсоздать эти понятія, проведя ихъ чрезъ складъ русскаго ума, чтобы они перестали быть чужими понятіями и сдѣлались составною частью нашей умственной атмосферы. Въ этомъ заслуга изслѣдованій Ломоносова; въ этомъ, быть можетъ, ближайшая задача всякаго русскаго ученаго. Чрезъ мысль Ломоносова прошли всѣ существенные вопросы науки того времени, и во всякомъ вопросѣ онъ умѣлъ стать на самостоятельную точку зрѣнія. Въ его сочиненіяхъ встрѣчаемъ рядъ теоретическихъ понятій о всѣхъ важнѣйшихъ явленіяхъ природы. Вникая глубже въ эти теоріи, мы видимъ, какъ идеи вѣка, принятыя Ломоносовымъ со всею русскою восприимчивостію, получили въ его сознаніи оригинальную форму и повели его къ ряду собственныхъ теорій главнѣйшихъ явленій природы. Эйлеръ съ великимъ уваженіемъ отзывался о физическихъ теоріяхъ Ломоносова. «Всѣ записки

г. Ломоносова, — говоритъ онъ, — не только хороши, но даже превосходны, потому что онъ такъ излагаетъ самые любопытные предметы физики и химіи, оставшіеся необъяснимыми для величайшихъ геніевъ науки, что я вполнѣ убѣжденъ въ истинѣ его объясненій. Я не могу не отдать справедливости г. Ломоносову, что онъ обладаетъ счастливымъ талантомъ открывать физическія и химическія явленія; желательно было бы, чтобы всѣ прочія академіи производили открытія, подобныя тѣмъ, какія дѣлаетъ Ломоносовъ». Впрочемъ, Ломоносову не суждено было внести какіе-либо новые замѣчательные факты въ науку. Но не многіе изъ современныхъ ему ученыхъ понимали явленія природы такъ глубоко и ясно, какъ онъ. Ломоносовъ не былъ математикомъ, оттого его теоріи носятъ чисто физическіи характеръ. Такія теоріи забываются, остаются одни факты. Оттого труды Ломоносова не имѣютъ важнаго значенія въ исторіи науки, тѣмъ болѣе, что его идеи, большею частію, выражены на русскомъ языкѣ, и только нѣкоторыя, изложенныя на латинскомъ языкѣ и помѣщенныя въ «Novi Commentarii Academiae Petropolitanae», были доступны иностраннымъ ученымъ.

Физическія сочиненія Ломоносова любопытны и поучительны и въ наше время, ибо отличаются двумя великими достоинствами изложенія, которымъ должно учиться у Ломоносова. Во-первыхъ, это ясность пониманія, умѣнье поставить вопросъ. Рѣшеніе вопроса, конечно, дѣлается въ духѣ того времени, но слѣдить за тѣмъ, какъ Ломоносовъ подходитъ къ вопросу, какъ возникаютъ въ его умѣ одна за другой самыя существенныя стороны предмета, интересно и въ наше время. Съ другой стороны, физическіе труды Ломоносова отличаются понятнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изящнымъ изложеніемъ. Большая часть изъ нихъ облечена въ форму рѣчей, которыя произносилъ Ломоносовъ въ торжественныхъ собраніяхъ Академіи Наукъ. И, конечно, никто лучше Ломоносова не писалъ по-русски о физическихъ предметахъ.

Эпоха ученой дѣятельности Ломоносова есть средина XVIII столѣтія. Охарактеризуемъ въ главныхъ чертахъ состояніе физики около этого времени. Въ общемъ воззрѣніи на природу господствуютъ еще, особенно на материкѣ природы, такъ называемыя картезіанскія понятія. Идеи Ньютона медленно проникали въ науку. Математическіе законы, открытые

имъ, были признаваемы всѣми, но такъ какъ чтеніе его твореній требуетъ обширныхъ математическихъ свѣдѣній, то только математики могли оцѣнить достоинство его способовъ изслѣдованія природы и воспользоваться ими. Оттого въ изслѣдованіяхъ астрономическихъ о лунѣ, планетахъ съ ихъ путниками и о землѣ ученые продолжали дѣло Ньютона. Но въ изслѣдованіяхъ физическихъ большинство ученыхъ шло по пути, указанному Декартомъ. Фонтенель, представитель науки своего времени, этотъ Араго XVIII столѣтія, умеръ картезіанцемъ (въ 1757 г.). Средина прошлаго столѣтія есть, по преимуществу, время физическихъ теорій. Какъ характеристическія черты эпохи прибавимъ еще недостаточность химическихъ свѣдѣній, открытіе тождества молніи и электрической искры; въ ученіи о свѣтѣ борьба между теоріею истеченія и теоріею волненія; теплота, разсматриваемая одними какъ особое вещество, другими какъ быстрое движеніе частицъ тѣла; изслѣдованіе подземной теплоты. Вотъ интересы вѣка. Имъ сочувствовалъ Ломоносовъ.

Ломоносовъ не былъ математикомъ. Оттого творенія Ньютона не имѣли на него большого вліянія. Воззрѣніе его на природу были чисто картезіанскія. Чтобы понять значеніе этого слова, разберемъ, въ чемъ, главнымъ образомъ, состояло направленіе Декарта и его послѣдователей, и въ чемъ расходились они съ приверженцами Ньютона. Это тѣмъ болѣе интересно, что характеризуетъ ученыя понятія эпохи, весьма важной въ исторіи науки.

Галилей и Бэконъ внесли въ науки о природѣ то направленіе, которое въ настоящее время составляетъ ихъ главный характеръ. Но полная реформа во взглядѣ на явленія природы была произведена Декартомъ. До Декарта объясненія явленіямъ природы искали, обыкновенно, не въ ней самой, а внѣ ея, переносили условныя понятія мысли въ область природы, и вмѣсто того, чтобы видѣть въ явленіи ближайшую механическую причину, видѣли въ немъ оправданіе какого-нибудь отвлеченнаго правила, котораго необходимость доказывалась не опытами, а рядомъ силлогизмовъ. Такъ, напримѣръ, чтобы объяснить притяженіе магнита, говорили: «свойства этого камня, по которому онъ притягиваетъ желѣзо, есть не иное что, какъ родъ симпатіи, которая заставляетъ одинъ предметъ стремиться къ другому, сходному съ нимъ въ томъ же качествѣ».

Тяжелыя тѣла стремятся къ землѣ вслѣдствіе особеннаго качества, заставляющаго ихъ направляться болѣе къ землѣ, нежели къ небу. «Есть, напротивъ того, тѣла абсолютно легкія, которыя имѣютъ наклонность удаляться отъ земли, какъ огонь, нагрѣтый воздухъ. Причина этой легкости есть антипатія, которой формальное дѣйствіе состоитъ въ томъ, чтобы удалить предметъ отъ того, что имѣетъ противныя ему качества». Эти примѣры взяты мною изъ сочиненія, изданнаго въ 1682 году приверженцемъ перипатической философіи отцомъ де Лагранжемъ (Les principes de la philosophie contre les nouveaux philosophes, Descartes, Rohault, Regius, Gassendi etc.) въ защиту стараго направленія наукъ о природѣ, — сочиненія, въ которомъ ясно высказывается противоположность прежняго направленія съ новымъ Декартовымъ.

Декартъ, полагая безграничную пропасть между матеріею и духомъ, чрезъ это самое сдѣлалъ изъ всей матеріальной природы особую область, которой законы должны быть выражены ея собственными словами. Явленія природы должны быть объясняемы ближайшими механическими причинами; объясненія болѣе сложныхъ явленій должно искать въ явленіяхъ простыхъ и знакомыхъ. Самое общее явленіе природы есть движеніе, ибо всѣ разнообразныя перемѣны въ тѣлахъ суть различные роды движенія. Эти идеи раздѣляетъ и Ньютонъ, но во взглядѣ на движеніе лежитъ причина того различія направленій, которое такъ долго раздѣляло физиковъ.

Если я толкну рукою какое-нибудь тѣло, напр. твердый шаръ, то онъ покатится, и только внѣшнія препятствія остановятъ его движеніе. Въ этомъ примѣрѣ причина движенія шара есть предшествовавшее движеніе руки: толчокъ, данный шару. По мнѣнію Декарта, всякое тѣло приходитъ въ движеніе оттого, что его толкаетъ другое тѣло, уже движущееся. Такъ, планеты кружатся вокругъ солнца оттого, что ихъ несетъ съ собою потокъ тонкаго вещества, находящагося въ постоянномъ движеніи около солнца. Декартъ допускаетъ, что въ природѣ есть опредѣленное количество движенія, данное первоначально, и которое, видоизмѣняясь, служитъ причиною разнообразныхъ движеній, составляющихъ весь кругъ явленій матеріальной природы. Такимъ образомъ понятіе *сила*, имѣющее такое значеніе въ современной наукѣ, у Декарта не имѣетъ значенія. Онъ видѣлъ причину движенія въ другомъ, суще-

ствующемъ уже движеніи. Напротивъ, понятіе *силы* у Ньютона играетъ важную роль. По ученію Ньютона, тѣло, приведенное въ движеніе и предоставленное себѣ, должно двигаться по прямой линіи съ постоянною скоростію. Если оно движется по кривой линіи и если скорость его не измѣняется, то должна быть причина, заставляющая его отступать отъ прямолинейности и равномѣрности движенія. Если бы въ эту минуту на нее не дѣйствовала никакая внѣшняя причина, то она продолжала бы движеніе по прямой линіи съ тою скоростію, которую она имѣетъ въ разсматриваемый моментъ. Но наблюденія доказываютъ, что она движется не по прямой линіи и вмѣстѣ съ тѣмъ, что скорость ея нѣсколько измѣняется, слѣдов. должна быть причина, или сила, заставляющая ее ежемоментно отклоняться отъ прямолинейнаго пути и измѣняющая ея скорость. Вычисленіе доказываетъ, что эта сила направлена постоянно къ солнцу.

До сихъ поръ нѣтъ рѣзкаго разногласія между направленіями Декарта и Ньютона, ибо представленіе Ньютона есть чисто математическое, разлагающее движеніе на его элементы. Но какъ скоро пришли къ заключенію, что солнце есть центръ, къ которому направлена сила, дѣйствующая на землю и вообще планету, то естественно спросить: въ самомъ ли дѣлѣ солнце непосредственно дѣйствуетъ на землю и планеты? Что заставляетъ землю стремиться къ солнцу? Существуетъ ли вообще *дѣйствіе на разстояніяхъ?* Самъ Ньютонъ не рѣшаетъ этого вопроса: онъ разсматриваетъ притяженіе, какъ явленіе, причина котораго неизвѣстна. Въ 3-мъ письмѣ къ Бентлею Ньютонъ говоритъ: «Не приписывайте мнѣ мысли, что тяготѣніе прирождено матеріи. Предположеніе о тяготѣніи прирожденномъ, которое дѣйствуетъ отъ одного тѣла на другое чрезъ пустоту, безъ посредства чего-либо передающаго это дѣйствіе, кажется мнѣ великою несообразностію, въ которую, я увѣренъ, не впадетъ никто, хотя нѣсколько размышляющій о физическихъ матеріяхъ и имѣющій философскій тактъ. Притяженіе передается помощію дѣятеля, постоянно дѣйствующаго по опредѣленнымъ законамъ, и который можетъ быть матеріальный и нематеріальный, о чемъ предоставляю судить читателямъ». Такъ неопредѣленно выразился Ньютонъ о причинахъ тяготѣнія. Но такъ какъ тѣла небесныя, по теоріи Ньютона, движутся въ пустотѣ, такъ какъ притяженіе цѣлаго тѣла можно разсматривать какъ результатъ притяженій, происходящихъ

по одинаковому закону отъ всякой его частицы порознь, то естественно, что многіе послѣдователи Ньютона пришли къ необходимости допустить дѣйствіе на разстояніяхъ. Эта мысль встрѣтила сопротивленіе со стороны картезіанцевъ. Они видѣли въ ней возобновленіе прежнихъ потаенныхъ качествъ перипатетиковъ. Въ первой половинѣ XVIII столѣтія большинство англійскихъ ученыхъ допускало дѣйствіе на разстояніяхъ, но ученые материка Европы (признавая, впрочемъ, справедливость математическихъ законовъ планетнаго движенія, выведенныхъ Ньютономъ) въ общемъ воззрѣніи на явленія природы держались мысли Декарта.

Пока дѣло шло о притяженіи такихъ большихъ тѣлъ, каковы планеты, то еще возможно было примиреніе мнѣній. Признавая справедливость тяготѣнія, какъ математическаго закона, математики пополняли въ подробностяхъ труды Ньютона, а физики старались найти физическую причину тяготѣнія къ солнцу. Гравезандъ говоритъ: «non nomine (attractio) phaenomenon, non causam designamus». Но Ньютонъ и его послѣдователи приложили свои воззрѣнія къ частицамъ тѣлъ, и тогда противоположность взглядовъ обнаружилась рѣзко. Одни допускали взаимное дѣйствіе частицъ тѣлъ; другіе (большинство физиковъ материка Европы), слѣдуя Декарту, не признавали частичныхъ силъ. Для Декарта всякое тѣло есть сумма кусочковъ, нисколько не связанныхъ между собой. Мы уже такъ свыклись въ настоящее время съ мыслію о дѣйствіи на разстояніяхъ, что для насъ странно, какъ объяснить себѣ разнообразіе тѣлъ твердыхъ, жидкихъ, воздухообразныхъ; какъ объяснить себѣ упругость тѣлъ, не признавая частичныхъ силъ. А между тѣмъ таково мнѣніе Декарта и его послѣдователей; таково мнѣніе и Ломоносова. Твердое тѣло, по Декарту, есть сумма рядомъ лежащихъ и независимыхъ между собою частицъ, изъ которыхъ каждая находится въ покоѣ; жидкое или воздухообразное тѣло есть сумма частицъ, изъ которыхъ каждая находится въ движеніи. Но ничто такъ не противоположно, какъ покой, и потому частицы твердаго тѣла труднѣе раздѣляются между собой, нежели частицы другихъ тѣлъ. Частицы жидкаго тѣла, такъ какъ онѣ уже находятся въ движеніи, легко, по мнѣнію Декарта, могутъ принять сообщаемое имъ вновь движеніе. Объ упругости твердыхъ тѣлъ Декартъ имѣлъ столь же неточное понятіе, какъ и о сообщеніи

движенія, и выражалъ ложную мысль, что если два *совершенно твердыя* тѣла, одинаковой величины и движущіяся съ одинаковой скоростію, встрѣтятся между собою, то они не остановятся, а отразятся въ противоположныя направленія съ прежнею скоростію. Заключеніе справедливое, какъ извѣстно, только для *совершенно упругихъ* тѣлъ. Упругость воздуха Декартъ объяснялъ тѣмъ, что, когда становится теплѣе, частицы воздуха, приходя въ болѣе сильное движеніе, занимаютъ собою каждая большее пространство, а чрезъ то воздухъ отъ тепла расширяется. Подобныя идеи, хотя, безъ сомнѣнія, съ разнообразными измѣненіями, съ большею или меньшею противъ Декарта точностію понятій, встрѣчаются въ большей части физическихъ теорій первой половины XVIII столѣтія. Онѣ выразились и въ сочиненіяхъ Ломоносова.

Понятія Ломоносова о явленіяхъ природы чисто картезіанскія. Хотя въ нихъ и не видно прямого вліянія сочиненій Декарта, но замѣтно, какъ глубоко понялъ Ломоносовъ сущность того направленія, которое вело тогда умы физиковъ и породило его собственныя теоріи, выраженныя имъ въ оригинальной, ему принадлежащей формѣ.

Ломоносовъ не признаетъ притягательныхъ силъ и говоритъ, что мысль о «притягательныхъ тѣлъ силахъ есть произвольное положеніе, которое знатнѣйшими нынѣ физиками, по справедливости, отвергается, какъ потаенное качество изъ старой Аристотелевой школы, къ помѣшательству здраваго ученія возобновленное» *(Слово о происхожденіи свѣта)*.

Говоря о тяготѣніи земли къ солнцу, Ломоносовъ упоминаетъ о нѣкоторой тяготительной матеріи, окружающей землю и своимъ дѣйствіемъ производящей это тяготѣніе. Но изъ теоріи прилива и отлива, составленной Ломоносовымъ, весьма, впрочемъ, неясной, видно, что онъ раздѣляетъ мысли картезіанцевъ о вихряхъ. По его мнѣнію, тяготительная матерія не только не увлекаетъ съ собою планеты, но и вовсе не движется съ нею, а на всякомъ мѣстѣ около планеты собирается новая тяготительная сфера, толкающая ее къ солнцу *(О большей точности морского пути)*.

Не одинъ Ломоносовъ не признавалъ притягательной силы. Эйлеръ называлъ ее obscura attractio quorundam Anglorum. Законъ тяготѣнія Ньютона признается Ломоносовымъ какъ законъ математическій, и о самомъ Ньютонѣ онъ отзывается съ великимъ уваженіемъ.

Разсмотримъ порознь физическія сочиненія Ломоносова.

1) *Слово о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ.*

Открытіе Франклиномъ тождества молніи съ электрической искрой и наблюденія надъ воздушнымъ электричествомъ, дѣланныя самимъ Ломоносовымъ въ 1753 году, были поводомъ къ сочиненію этого «Сло́ва».

Уже первые наблюдатели электрической искры (докторъ Уаллъ) замѣтили сходство этого явленія съ поразительнымъ явленіемъ молніи, и уподобляли трескъ электрической искры грому, а свѣтъ сравнивали съ молніею. Открытіе въ 1747 году лейденской банки дало возможность производить опыты надъ электрической искрой въ большихъ размѣрахъ. Мушенбрёкъ, которому принадлежитъ открытіе этого снаряда, такъ испугался сотрясенія, полученнаго отъ сдѣланной имъ банки, что писалъ къ Реомюру: «ни за корону Франціи не рѣшусь опять повторить надъ собою этого опыта». Лейденская банка увеличила средства наблюдателей. Многіе стали высказывать гипотезу о тождествѣ молніи и электрической искры. Ноллетъ отзывался объ этой мысли, какъ весьма вѣроятной. Но Франклинъ первый возымѣлъ смѣлую мысль созвать громъ съ неба и доказать искрой, исторгнутою изъ облаковъ, что она имѣетъ всѣ свойства искры электрической. Извѣстно, что знаменитый опытъ Франклина съ летучимъ змѣемъ былъ сдѣланъ въ іюнѣ 1752 года.

Ломоносовъ жадно слѣдилъ за движеніемъ науки, и вскорѣ послѣ того, какъ узналъ объ открытіи Франклина, рѣшился самъ повторить его опыты и составилъ цѣлую теорію электрическихъ явленій, которая во многихъ пунктахъ сходится съ теоріею Франклина, а во многихъ превышаетъ ее. Замѣчательно, что Ломоносовъ составилъ свои теоретическіе взгляды на атмосферныя электрическія явленія еще не читая «Писемъ Франклина», которыя попались ему подъ руку, когда уже большая часть «Слова объ электричествѣ» была готова. Со свойственною ему воспріимчивостью Ломоносовъ угадалъ, въ чемъ состоятъ главные вопросы въ области этого предмета, и составилъ теорію, которая, можетъ-быть, превышаетъ всѣ современныя ему понятія о воздушномъ электричествѣ. Наблюденія Ломоносова были произведены въ іюлѣ 1753 года. Онъ выставилъ электрическій прутъ на высокомъ деревѣ. Этотъ прутъ

былъ просунутъ сквозь стеклянные цилиндры и прикрѣпленъ къ шесту шелковыми шнурками. Отъ него была протянута проволока въ окно. Теорія воздушнаго электричества, изложенная Ломоносовымъ въ разсматриваемомъ «Словѣ», останавливаетъ наше вниманіе на одномъ изъ любопытнѣйшихъ явленій въ атмосферѣ, которое до сего времени есть одно изъ труднѣйшихъ, какъ для опытнаго, такъ и для теоретическаго изслѣдованія. Вообще Ломоносовъ такъ отзывается о состояніи науки объ атмосферныхъ явленіяхъ: «Часто въ свободные часы, смотря на небо, не безъ сожалѣнія привожу на память, что многія главы натуральной науки и въ малѣйшихъ частяхъ весьма ясно истолкованы, но знаніе воздушнаго круга еще великою тьмою покрыто». Приступая къ составленію теоріи воздушнаго электричества, онъ прежде всего обращаетъ вниманіе на восходящіе и нисходящіе потоки воздуха, образующіеся отъ неравномѣрнаго нагрѣванія верхнихъ и нижнихъ слоевъ его. Нижнія части атмосферы, какъ болѣе теплыя отъ прикосновенія къ земной поверхности, нагрѣтой лучами солнца, становятся легче тѣлъ, которыя лежатъ надъ ними, и оттого образуется движеніе воздушныхъ частицъ весьма сложное, о которомъ и теперь еще нѣтъ яснаго механическаго представленія. Верхніе слои опускаются внизъ, а нижніе образуютъ восходящіе токи. Это смѣшеніе различныхъ слоевъ доказывается тѣмъ, что въ жаркіе дни «зыблется, повидимому, земная поверхность не отъ другой какой причины, а отъ смѣшенія восходящаго теплаго воздуха съ погружающимся холоднымъ». Въ этомъ явленіи Ломоносовъ видѣлъ причину образованія воздушнаго электричества. Въ его эпоху треніе было единственнымъ источникомъ электричества. Понятно, что въ треніи искали объясненія воздушнаго электричества. Сдѣлать самый воздухъ источникомъ электрической силы, въ немъ дѣйствующей, связать это явленіе со всѣми другими, происходящими въ атмосферѣ — все это было исполнено Ломоносовымъ съ величайшимъ искусствомъ и силою убѣжденія. Тѣлами, отъ взаимнаго тренія которыхъ происходитъ атмосферное электричество, Ломоносовъ считалъ не частицы самаго воздуха, а тѣ горячія, жирныя, сѣрныя частицы, которыхъ по тогдашнимъ понятіямъ о составѣ воздуха предполагалось въ немъ обильное количество. «Нечувствительное исхожденіе изъ тѣла паровъ, квашеніе и согниваніе растущихъ и животныхъ на всей землѣ;

сожженіе различныхъ матерій, пожары, куреніе огнедышущихъ горъ, и проч. — какое ужасное количество жирной, горючей матеріи по воздуху разсыпаютъ, то удобно выразумѣть можно». Частицы водяныхъ паровъ, носящіяся въ воздухѣ, играютъ, по мнѣнію Ломоносова, роль проводниковъ электричества. Безъ сомнѣнія, такая теорія воздушнаго электричества неудовлетворительная и основывается на ложномъ представленіи объ обиліи горючихъ матерій въ атмосферѣ, но она имѣетъ свои достоинства, особенно относительно того времени, когда явилась. Во-первыхъ, она указываетъ на любопытное явленіе восходящихъ токовъ воздуха, которыхъ нельзя отрицать, чтобы смѣшеніе частицъ воздуха не могло родить хотя незначительнаго количества электричества. Наконецъ, должно замѣтить, что и до сихъ поръ, по трудности вопроса, нѣтъ удовлетворительнаго объясненія причинъ воздушнаго электричества.

Наблюденія Ломоносова надъ электричествомъ воздуха весьма любопытны. Замѣчательно, что Ломоносовъ часто наблюдалъ значительное электрическое напряженіе въ воздухѣ, когда не было и признаковъ жары. Фактъ этотъ замѣченъ имъ независимо отъ иностранныхъ наблюдателей. «Чрезъ наблюденія мои, — говоритъ онъ, — я извѣдалъ, что воздухъ часто имѣетъ сильную электрическую силу безъ блистаній и «гремѣнія». Любопытны также наблюденія Ломоносова надъ цвѣтомъ электрическихъ искръ, извлеченныхъ имъ изъ проводника помощію различныхъ веществъ. Этотъ фактъ очень значителенъ для теоріи электрической искры.

Слово о явленіяхъ воздушныхъ, происходящихъ отъ электрической силы, вмѣстѣ съ другими достоинствами, отличается превосходнымъ изложеніемъ, и въ немъ встрѣчаются чрезвычайно любопытныя замѣтки изъ физической географіи, доказывающія, какъ глубоко понималъ Ломоносовъ излагаемый имъ предметъ. Таково, напримѣръ, слѣдующее мѣсто: «Оттепели почти всегда съ дыханіемъ и скорымъ стремленіемъ вѣтра въ пасмурную погоду случаются; морозъ, напротивъ того, послѣ утихнувшихъ вѣтровъ съ ясностію неба жестокость свою показывать начнетъ. Оттепелей причина изъ происхожденія и натуры вѣтровъ, которые мягкимъ воздухомъ дышутъ, довольно явствуетъ. Ибо изъ повседневныхъ примѣчаній извѣстно, что жестокость мороза въ воздухѣ изъ глубины моря дышущими бурями умягчается. Такъ въ С.-Петербургѣ отъ равноден-

ственнаго запада, у города Архангельска отъ сѣвера и отъ лѣтняго запада, въ Охотскѣ на берегу Пенжинскаго моря отъ равноденственнаго и зимняго востока дышущіе вѣтры свирѣпость зимняго холода укрощаютъ, принося дождливую погоду. Сея же ради причины Британнія, чрезъ которую никакіе другіе вѣтры, кромѣ морскихъ дыхать не могутъ, кратчая чувствуетъ зиму, нежели другія европейскія земли, лежащія подъ тѣмъ же съ нею климатомъ. Подобнымъ образомъ въ Камчаткѣ, отъ полудня, востока и запада морскимъ вѣтрамъ подлежащей, отъ сѣвера высокими горами покрытой, рѣдко сильные морозы приключаются; между тѣмъ чрезъ Сибири лежащія земли подъ тою же съ нею широтою чрезъ всю зиму проницательный морозъ терпятъ и рѣдко оттепели имѣютъ. Ибо открытыхъ морей къ европейскимъ и азіатскимъ берегамъ приливающихся безмѣрно великое разстояніе, сѣверный океанъ всегдашнимъ льдомъ покрытый, съ полудни великія и снѣгомъ сѣдыя горы, которыя Сибирь отъ Индіи отдѣляютъ, отвсюду теплое дыханіе зимой пресѣкаютъ».

Приведемъ еще мѣсто о громовыхъ тучахъ, чтобы показать, какъ наглядно выражался Ломоносовъ, говоря объ явленіяхъ природы. «Когда громовыя тучи прежде дождя восходятъ, тогда нижнія облака по большей части къ верху и къ низу на подобіе бугровъ выдвигаются, косматые пары къ земли простираются и завиваются кудрявые вихри, открываются темныя хляби, и сверху того выше сихъ явленій ясное небо мрачною синевою покрывается».

Ломоносовъ относитъ сѣверное сіяніе къ числу электрическихъ явленій атмосферы. Онъ объясняетъ это явленіе электричествомъ, возбуждаемымъ въ воздухѣ полярныхъ странъ, отъ погруженія верхняго холоднаго воздуха въ нижній и скопляющимся въ самыхъ высшихъ слояхъ атмосферы, гдѣ оно свѣтится, какъ въ пространствѣ, въ которомъ разрѣженъ воздухъ. Ломоносовъ хотѣлъ найти связь между явленіемъ грома и сѣвернымъ сіяніемъ, и пришелъ къ заключенію, что въ началѣ осени и въ концѣ лѣта, обильнаго грозами, чаще бываютъ сѣверныя сіянія, нежели въ другое время. Впрочемъ, выставляя во время сѣвернаго сіянія электрическій прутъ, онъ не замѣтилъ признака электричества.

Упомянемъ еще, что, по мнѣнію Ломоносова, зарница принадлежитъ къ одному роду явленій съ сѣвернымъ сіяніемъ.

Теорія сѣвернаго сіянія составлена Ломоносовымъ независимо отъ подобной же теоріи Франклина, которая имъ кратко выражена въ «Письмахъ». Эти письма, какъ мы упоминали, сдѣлались извѣстными Ломоносову, когда его рѣчь уже была готова.

Ломоносовъ относитъ хвосты кометъ и зодіакальный свѣтъ также къ электрическимъ явленіямъ. Въ его эпоху многіе ученые (въ числѣ прочихъ Меранъ и Эйлеръ) видѣли въ сѣверномъ сіяніи связь съ зодіакальнымъ свѣтомъ и хвостами кометъ. Но ихъ объясненія сѣвернаго сіянія ниже объясненія Ломоносова.

2) *Мемуаръ объ упругости воздуха.*

Въ теоріи упругости воздуха яснѣе всего замѣтно картезіанское направленіе Ломоносова. Чтобы объяснить это свойство воздухообразныхъ тѣлъ, онъ дѣлаетъ гипотезу въ духѣ воззрѣній Декарта на природу. Ломоносовъ разсматриваетъ малѣйшія частицы воздуха и допускаетъ, что онѣ не правильной сферической формы, а напротивъ того, весьма угловаты. Тяжесть, побуждая эти частицы опускаться, заставляетъ ихъ сближаться между собой. Теплота, по мнѣнію Ломоносова, состоитъ въ вращательномъ движеніи частицъ тѣла. Когда воздухъ нагрѣвается, то его частицы быстро кружатся, каждая около своей оси; при этомъ неровности ихъ поверхностей сталкиваются между собой, одна частица отбрасываетъ отъ себя другую, вся масса воздуха расширяется. Такъ какъ абсолютнаго холода нѣтъ, то, значитъ, частицы воздуха находятся въ постоянномъ болѣе или менѣе сильномъ вращательномъ движеніи (припомнимъ Декарта). Эти неровности на поверхности малѣйшихъ частицъ играютъ еще важную роль въ теоріи Ломоносова о цвѣтахъ тѣлъ. Вообще Ломоносовъ давалъ великое значеніе ученію о малѣйшихъ частицахъ тѣлъ и говорилъ, что «познаніе ихъ толь нужно есть испытателямъ натуры, какъ сами эти частицы къ составленію тѣлъ необходимо потребны» *(Рѣчь о пользѣ химіи).*

3) *Мемуаръ о причинахъ тепла и холода.*

Многіе ученые объясняли явленія теплоты движеніемъ частицъ нагрѣтаго тѣла. Провозвѣстникъ положительнаго направленія въ наукѣ Бэконъ, какъ примѣръ своей методы изслѣдованія природы, разбираетъ явленія теплоты, и результатъ его наблюденій и размышленій состоитъ въ томъ, что теплота есть расширительное движеніе, обнаруживающее свое дѣйствіе на

малыхъ частицахъ тѣлъ. Бойль (Boyle), потомъ Ньютонъ объясняли теплоту также движеніемъ частицъ. Эйлеръ въ диссертаціи «Объ огнѣ, его натурѣ и распространеніи» (1738) говоритъ: «Разсматривая со вниманіемъ всѣ явленія огня, ощутительныя для нашихъ чувствъ, мы убѣждаемся, что огонь состоитъ въ чрезвычайно быстромъ движеніи его частицъ. Когда тѣло нагрѣвается, то его частицы приходятъ въ движеніе».Ноллетъ дѣлалъ одно замѣчаніе противъ теоріи тепла какъ движенія, а именно, какимъ образомъ силы, заключенной въ малѣйшей искрѣ, достаточно, чтобы привести въ движеніе огромную массу и воспламенить ее, произведя пожаръ. Рѣшенію этого вопроса посвящена упомянутая мною диссертація Эйлера. Вообще мысль о теплотѣ, какъ движеніи, весьма распространена въ эпоху ученой дѣятельности Ломоносова. Но многіе ученые (Боергавъ) и особенно химики (Гомбергъ, Лемери) считали тепло особаго рода тѣломъ. Это мнѣніе сдѣлалось господствующимъ къ концу XVIII столѣтія, вслѣдствіе необычайныхъ успѣховъ химіи, распространившихъ тотъ взглядъ на явленія природы, который существуетъ въ этой наукѣ.

Но какого же рода движеніе производитъ теплоту, — вотъ вопросъ, который задалъ себѣ Ломоносовъ, и разрѣшенію котораго посвященъ мемуаръ, носящій названіе: De causis caloris atque frigoris. Весьма замѣчателенъ тотъ ясный и логическій путь, по которому Ломоносовъ приходилъ къ своимъ заключеніямъ. Послѣдуемъ за ходомъ его мысли. Хотя нельзя уловить зрѣніемъ, какъ движутся частицы въ нагрѣтомъ тѣлѣ, однако по дѣйствію такихъ тѣлъ можно заключать о происходящемъ въ нихъ движеніи. Такъ, раскаленное желѣзо приводитъ въ движеніе частицы приближаемыхъ къ нему тѣлъ, одни расправляетъ, другія превращаетъ въ пары. Это доказываетъ, что въ самомъ желѣзѣ присутствуетъ движеніе (sibi quoque motum alicuius materiae inesse ostendit).

«Никто, исключая развѣ приверженцевъ потаенныхъ качествъ, — говоритъ Ломоносовъ, — не рѣшится объяснить теплоту, источникъ столькихъ измѣненій, съ помощію покойной, лишенной всякаго движенія (слѣдовательно, и движущей силы) матеріи». Теплота есть внутреннее движеніе частицъ тѣла. Но въ тѣлѣ находятся двоякаго рода частицы: однѣ, которыя собственно составляютъ тѣло; другія, помѣщающіяся въ порахъ или промежуткахъ между первыми. Какія же частицы своимъ

движеніемъ производятъ явленіе теплоты? Ломоносовъ рѣшаетъ въ пользу частицъ, составляющихъ самое тѣло, ибо (по тогдашнимъ понятіямъ) тѣмъ болѣе тепла въ тѣлѣ, чѣмъ оно плотнѣе, а плотнѣе то тѣло, которое въ данномъ объемѣ заключаетъ болѣе частицъ и менѣе промежутковъ. Внутреннее движеніе частицъ можетъ быть трояков: поступательное, колебательное, или зыблющееся, и вращательное. Во многихъ случаяхъ, изъ нагрѣтаго тѣла не отдѣляется ни одной частицы, и наоборотъ, во многихъ случаяхъ, когда отъ тѣла отдѣляются частицы, не замѣчается теплоты. Слѣдовательно, теплота не можетъ происходить отъ поступательнаго движенія частицъ. Ломоносовъ отстраняетъ и зыблющееся движеніе частицъ, какъ причину теплоты. Именно, Ломоносовъ думалъ, что частицы тѣла, находящіяся въ колебательномъ движеніи, не могутъ сохранить взаимной связи между собой, ибо для этого нужно непосредственное соприкосновеніе (non interruptus mutuus contactus). А между тѣмъ многія тѣла нагрѣваются до сильной степени, не теряя связи частицъ. Итакъ, остается третій родъ движенія — вращательный. Ему приписывалъ Ломоносовъ причину тепла. Теплота есть, по его мнѣнію, вращательное движеніе частицъ тѣла; чѣмъ тѣло болѣе нагрѣто, тѣмъ быстрѣе вращаются его частицы. Ломоносовъ подтверждаетъ свою мысль нѣкоторыми теоретическими соображеніями и приводитъ многіе опыты, служащіе оправданіемъ его гипотезы. *Любимовъ*.

—

Ломоносовъ, какъ физикъ.

Не въ химіи и не въ металлургіи центръ ученой дѣятельности Ломоносова: *физика* въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, вмѣстѣ съ физической географіей, механикой и оптикою — вотъ срединный пунктъ, около котораго вращалась его ученая изобрѣтательность, вотъ и основаніе, на которомъ твердо опирается его ученая слава, скажемъ болѣе — его безсмертное имя въ исторіи естествознанія. Если бы намъ нужно было назвать сочиненія, въ которыхъ всего блистательнѣе выразился ученый геній Ломоносова, то мы, не колеблясь, указали бы на «Слово о происхожденіи свѣта», на нѣкоторыя части «Слова о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ», нѣкоторые параграфы разсужденія

«о слояхъ земныхъ» и «показаніе возможнаго проходу Сибирскимъ океаномъ въ Восточную Индію». Изъ сочиненій и замѣтокъ Ломоносова можно составить довольно полный курсъ физики (конечно, соотвѣтственно требованіямъ его времени) въ слѣдующемъ видѣ: 1) Программа при началѣ публичнаго чтенія на русскомъ языкѣ физики. 2) Qualitates physicae mediae, состояніе тѣлъ. 3) Gravitas corporum; de gravitatis et materiae ratione; de incremento ponderis per calcinationem; диссертація о перемѣнѣ тягости по земному глобусу. 4) Dissertatio de vi aeris elastica; descensum atmospherae superioris in inferiorem; о морозѣ, случившемся послѣ теплой погоды; de motu aeris in fodinis observato; de aere ex poris corporum liberato (cp. quatuor casus de aere et mercurio); de ascensu mercurii in lateribus barometri; de ascensu corporum valatilium in vacuo. 5) Dissertatio de calore et frigore; о точнѣйшемъ опредѣленіи градусовъ теплоты и стужи; дополненія къ этой статьѣ въ разсужденіи «о должности журналистовъ». 6) Опытъ надъ водою Сѣвернаго океана; Gedanken von Ursprung der Eisberge. 7) Новая теорія о цвѣтахъ въ «Словѣ о происхожденіи свѣта»; de vibrationibus chordae in vacuo instituendis, ut appareat, an vibrationes cum luce coniunctae sunt. 8) О явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ; phoenomena vis electricae; theoria electricitatis. 9) Испытаніе причины сѣвернаго сіянія и другихъ подобныхъ явленій; scriptum de electricitate avrorae borealis; рисунки сѣверныхъ сіяній. 10) Lomonossowii quaestio... invenire leges et condere tabulas pro cognoscenda *diclinatione magnetica*. 11) De temperie aeris in planetis et cometis coniectura; contra casdam vaporosam cometarum. **Явленіе Венеры на солнцѣ.**

Во всѣхъ своихъ физическихъ изысканіяхъ Ломоносовъ шелъ дѣятельно впереди своего вѣка. Не онъ ли съ ясностію и послѣдовательностью показалъ, что теплота, свѣтъ, электричество и проч. суть явленія, а не *тѣла?* Вольфъ принималъ еще materiam calorificam, luciferam и т. д., даже гораздо позже самъ Лавуазье принималъ причиною теплоты теплородъ, жидкость невѣсомую и незаключимую въ сосудѣ. Ломоносовъ, несмотря на авторитетъ Ньютона, рѣшительно возсталъ противъ его теоріи истеченія свѣтовой жидкости и задолго до Френеля и Араго объяснялъ всѣ оптическія явленія теоріей волненій, понимая свѣтъ какъ дрожаніе эѳира. Онъ первый далъ науч-

ную теорію для объясненія явленій электрическихъ. Уже очень рано съ 1744 года, раньше Франклина, началъ Ломоносовъ наблюдать электрическія явленія. Мы имѣемъ этихъ наблюденій за годы 1744, 1745, 1746, 1747, 1748, 1753. «Съ 1743 года, — говоритъ онъ, — рѣдко пропущено мною сѣверное сіяніе безъ записки, при прочихъ воздушныхъ перемѣнахъ». Но особенно усиленно сталъ онъ заниматься электричествомъ, когда услыхалъ «чудный слухъ».

«Что отъ громовыхъ стрѣлъ опасности ужъ нѣтъ,
«Что та же сила тучъ гремящихъ мракъ наводитъ,
«Котора отъ стекла движеніемъ исходитъ...
Европа нынѣ въ то всю мысль свою вперила...»
Я, слѣдуя за ней, съ Парнасскихъ горъ схожу,
На время къ стеклу весь трудъ свой приложу.

Это писано зимою 1752 года, а не позже, такъ какъ чрезъ годъ (26 ноября 1753 г.) Ломоносовъ уже читалъ свое «Слово о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электричества происходящихъ», въ которыхъ одновременно съ Франклиномъ, но совершенно независимо отъ него и гораздо обстоятельнѣе его объяснилъ всѣ электрическія явленія въ атмосферѣ «погруженіемъ и восхожденіемъ», или вертикальными теченіями воздуха; этимъ Ломоносовъ объяснялъ внезапные холода, сѣверныя сіянія, зарницы, хвосты кометъ и т. д. Эйлеръ называлъ эти догадки «cogitationes eximiae, egregium incrementum scientiae naturalis». Гейнзіусъ находилъ теорію вертикальныхъ теченій утвержденною на очень прочныхъ основаніяхъ и не сомнѣвался въ томъ, что явленія, объясненныя съ помощію этой теоріи, дѣйствительно, происходятъ отъ указанныхъ Ломоносовымъ причинъ. Крафтъ хоть не соглашался съ мнѣніемъ Ломоносова, но сознавался, что его «Слово» очень хорошо и есть произведеніе возвышеннаго генія (d'un génie supérieur). Ломоносовъ имѣлъ намѣреніе дальше и на строго научныхъ основаніяхъ развить свою теорію. Въ рукописи Академіи Наукъ, № 58, семнадцать листовъ занято матеріалами для сочиненія: «Theoria electricitatis, methodo mathematica concinnata» (1756 г.), которое должно было состоять изъ слѣдующихъ восьми главъ: 1) предварительныя замѣчанія; 2) объ эѳирѣ и огнѣ; 3) о строеніи чувствительныхъ тѣлъ; 4) о произведеніи электричества первичнаго; 5) о произведеніи электричества производнаго; 6) объясненіе явленій искусственныхъ; 7) объясненіе явленій

естественныхъ; 8) prognosticon объ успѣхахъ науки объ электричествѣ. Изъ замѣтокъ Ломоносова видно, что онъ задумалъ это сочиненіе въ обширныхъ размѣрахъ: онъ хотѣлъ здѣсь сдѣлать опытъ объясненія физическихъ явленій по своей атомической теоріи, съ которой мы уже нѣсколько знакомы. Уже въ первой замѣткѣ читаемъ: «Congruentia. Colores, sapores, odores, omnes sensus — sympathetica omnia hucusque inexplicabilia, tum chimica omnia» (т.-е. конгруенціей можно объяснить явленія всѣхъ цвѣтовъ, вкусъ, запахъ, ощущеніе всѣхъ чувствъ... всѣ необъяснимыя до сихъ поръ явленія симпатическія, а равно и всѣ химическія). Ломоносовъ предупреждаетъ людей, ревнивыхъ ко власти Божіей, что «demonstatur hoc existentia Dei creatoris et patet non casu materiam formasse». Предисловіе должно было окончиться слѣдующей замѣткой: «Предлагаю, какъ риторъ, докажу, какъ физикъ, ежели Богъ поможетъ. Между тѣмъ прошу ученыхъ, чтобъ о семъ подумали, о конгруенціи — тема, отъ которой согрѣваніе, освѣщеніе, ращеніе, жизнь, болѣзни, лѣкарства, цвѣты, вкусы и прочая происходитъ». Разсужденіе не кончено, но мы имѣемъ позднѣйшую замѣтку Ломоносова «о морозѣ, случившемся послѣ теплой погоды въ апрѣлѣ сего 1762 года», въ которой онъ прилагаетъ теорію вертикальнаго теченія воздуха къ объясненію даннаго случая. Наука хорошо запомнила имя товарища и друга Ломоносова Рихмана, можетъ-быть, только потому, что онъ смерти своей «плачевнымъ опытомъ увѣрилъ, что электрическую громовую силу отвратить можно», но забыла имя Ломоносова, который гораздо больше Рихмана сдѣлалъ для объясненія электрическихъ явленій. Зато народная память запечатлѣла имя перваго устроителя громоотводовъ въ Россіи. И теперь еще архангельскіе крестьяне сходятся къ памятнику Ломоносова и съ таинственнымъ благоговѣніемъ называютъ его великимъ чародѣемъ, *сводителемъ грома на землю*.

Въ связи съ наблюденіями надъ электричествомъ стало занимать Ломоносова объясненіе явленій сѣвернаго сіянія. Тутъ сильнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, дѣйствовали на него впечатлѣнія дѣтства. Не разъ видывалъ онъ сѣверныя сіянія, и они поражали его воображеніе: «Родившись и живя до возраста въ такихъ мѣстахъ, гдѣ сѣверныя сіянія часто случаются, не безъ сожалѣнія вспоминаю, что не могъ воспользоваться внимательнымъ наблюденіемъ разныхъ перемѣнъ и обстоятельствъ, бы-

вающихъ при таковыхъ явленіяхъ. Причина тому первая, что ради привычки частое и почти повседневное ихъ оказаніе рѣдко возбуждаетъ въ тамошнихъ жителяхъ вниманіе; вторая, что незнаніе наукъ не приводитъ ихъ къ любопытству. Итакъ, сколько могу себѣ представить, заподлинно увѣряю, что въ этомъ климатѣ, около 64 градусовъ, сѣверныя сіянія больше бываютъ непорядочныя, и не могу вспомнить, чтобы когда я видѣлъ хотя мало регулярную дугу на сѣверѣ или полуднѣ, но по большей части бываютъ всполохи на подобіе зарницы или столбовъ и лучей весьма перемѣнныхъ; второе — хотя всполохи бываютъ по всему небу, однако больше на сѣверѣ; третье — случалось видѣть зимой мѣстами малиноваго къ вишневому склоннаго цвѣту, между западомъ и полуднемъ; четвертое — часто случалось видать въ вѣтреную погоду сквозь перерывныя облаки. Здѣсь, въ Санктпетербургѣ, любопытство и охота къ испытанію натуры, особливо же, когда электрическая громовая сила открылась, несравненно большее вниманіе и особливое стараніе употреблено мною къ наблюденію сихъ явленій. Съ 1743 года рѣдко пропущено мною сѣверное сіяніе безъ записи, при прочихъ воздушныхъ перемѣнахъ. А съ 1747 года началъ я записывать обстоятельно большого вниманія достойныя сіянія съ обстоятельствами, рѣдко случающимися, а иныя срисовывать, сколько дозволяла скорая ихъ перемѣнчивость. Многія изъ нихъ были постоянны, чтобы ихъ изображенія положить на бумагу съ нарочитою точностію въ слѣдующихъ фигурахъ и описаніяхъ усмотрѣть можно таковыя (представленія ихъ) явленія». Что дѣйствительно съ 1743 года Ломоносовъ велъ записки о своихъ наблюденіяхъ надъ электрическими явленіями, видно, между прочимъ, изъ одного мѣста рукописи Академіи Наукъ, № 58 (л. 439), гдѣ записаны годъ, мѣсяцъ, день, часъ, состояніе термометра и барометра во время сѣверныхъ сіяній въ 1744 (16 наблюденій), 1745 (17 наблюденій), 1746 (6 наблюденій), 1748 (7 наблюденій) годахъ (затѣмъ 1753 годъ только поставленъ, но наблюденій не приведено). Уже будучи профессоромъ и совѣтникомъ, Ломоносовъ не прерывалъ живыхъ отношеній къ своей родинѣ и сношеній съ своими поморскими братьями. Какой-то Амосъ изъ Колы привозилъ Ломоносову, въ видѣ гостинца, воду изъ Сѣвернаго океана и, можетъ-быть, разсказы о падунахъ, стамухахъ, о сполохахъ и зарницахъ. Всю жизнь Ломоносовъ томился надъ научнымъ рѣшеніемъ

вопросовъ, которые запали въ его душу съ дѣтства. Какъ же развивались ученыя теоріи Ломоносова для объясненія сѣвернаго сіянія? Послушаемъ его самого:

> Что зыблетъ ясный ночью лучъ?...
> Иль въ морѣ дуть престалъ зефиръ,
> И гладки волны бьютъ въ эфиръ?

«Ода моя о сѣверномъ сіяніи, которая сочинена въ 1743 году, а въ 1747 году въ «Реторикѣ» напечатана, содержитъ мое давнѣйшее мнѣніе, что сѣверное сіяніе движеніемъ эфира произведено быть можетъ... Сѣверныя сіянія рождаются отъ электрическаго паровъ тренія».

Это указаніе на пары, подымающіеся съ открытыхъ морей, очень замѣчательно: на этомъ основаніи Ломоносовъ наглядно доказывалъ, что на сѣверномъ полюсѣ находится открытое, не замерзающее море. И въ послѣдніе годы жизни Ломоносовъ все думалъ о сѣверныхъ сіяніяхъ и издалъ, между прочимъ, ихъ рисунки. Въ своемъ «Conspectus potiorum theorematum» (около 1764 года) онъ говоритъ, что «ratio de aurora boreali per experimenta et observationes stabilita est hyeme proxime elapsa». Но мы не знаемъ такого сочиненія. Можетъ-быть, это указаніе на планъ предполагавшагося сочиненія: «Испытаніе причины сѣвернаго сіянія и другихъ подобныхъ явленій», который мы нашли въ рукописи Академіи Наукъ, № 58. Планъ раскинутъ очень широко: тутъ должно было войти «общее разсужденіе перемѣнъ, начиная съ малыхъ на земли и почти нечувствительныхъ, и, наконецъ, до великихъ, до разрушенія и созданія міровъ безпрерывнаго». Первая часть разсужденія должна была содержать «наблюденія сѣверныхъ сіяній» и состоять изъ слѣдующихъ главъ: «1) о наблюденіяхъ собственныхъ (просмотрѣть старыя нотаты); 2) о наблюденіяхъ, описанныхъ у разныхъ авторовъ, какъ, напримѣръ, въ описаніи путешествій по Сѣверной Америкѣ, въ Запискахъ Шведской Академіи, въ парижскихъ и лондонскихъ дѣлахъ академическихъ, въ «Универсальномъ лексиконѣ», у Мерана «О солнечной атмосферѣ», Гевелія въ «Кометологіи», въ сибирскихъ наблюденіяхъ и проч.; 3) о наблюденіяхъ по словеснымъ извѣстіямъ отъ сибиряковъ, отъ Амоса изъ Колы. Вторая часть должна была обнять всю «теорію электрической силы» въ слѣдующемъ видѣ:

«1) о явленіяхъ и дѣйствіяхъ электрическихъ; 2) объ эфирѣ, 3) о причинѣ притягательной и отбивательной силы электрической; 4) о причинѣ электрическаго свѣта; 5) огня и 6) ударовъ.

«Сюда должно было войти «изслѣдованіе равновѣсія электризованныхъ тѣлъ, замѣчанія въ родѣ того, что «пламень зажженной водки при солнцѣ не виденъ», или что «когда бъ атмосферы не было, видна бы была перемѣна во млечномъ пути и безпрестанное строеніе новыхъ міровъ».

Въ области физики нельзя еще забыть приготовительныхъ работъ Ломоносова для изслѣдованія законовъ земного притяженія, магнитнаго отклоненія и метеорологическихъ явленій, а также его трудовъ по геологіи и физической географіи. Если и не по всѣмъ этимъ вопросамъ онъ достигъ равно положительныхъ и осязательныхъ результатовъ, то уже вѣрная постановка самыхъ вопросовъ, облегчая ихъ рѣшеніе, даетъ право на благодарность тѣхъ, кому она подготовила успѣхъ или открытіе. Не Ломоносовъ ли началъ тѣ наблюденія надъ маятникомъ, которыя привели къ блестящимъ опытамъ *Фуко* (Foucault)? Не предупредилъ ли Ломоносовъ Соссюра и Делюка въ изслѣдованіи законовъ воздушныхъ теченій, на которыхъ построится, конечно, еще въ будущемъ — наука и легкихъ метеоровъ и воздушныхъ споровъ — метеорологія? Не Ломоносову ли принадлежитъ первая мысль о заведеніи метеорологическихъ обсерваторій? А какъ вѣрны были соображенія его въ этой области, менѣе всего можно видѣть, если сравнить нѣсколько параграфовъ «о предсказаніи погоды, а особливо вѣтровъ», въ разсужденіи «о большой точности морского пути», съ послѣдними выводами науки, какъ они изложены, напримѣръ, въ сочиненіи Жамена «Les vents et la pluie» -1867). Не точнѣе ли Декарта, Галлея, Мерана, Бюффона опредѣлилъ Ломоносовъ, въ сочиненіяхъ «о слояхъ земныхъ», происхожденіе материковъ и горъ дѣйствіемъ подземнаго огня, вопреки знаменитому въ его время Вернеру, считавшему воду главной причиной образованія материковъ? Въ ученіи о происхожденіи и сравнительной древности горъ, о вывороченныхъ отъ дѣйствія огня слояхъ и проч. не сказалъ ли Ломоносовъ того, что, сто лѣтъ спустя, наука завоевала въ трудахъ Эли де Бомона и Араго? Не Ломоносовъ ли положилъ основаніе вѣроятнѣйшему ученію о перемѣнахъ климатовъ на земной поверхности, «о морозномъ слоѣ атмосферы», и не сдѣлалъ ли онъ,

конечно, болѣе гениальнымъ прозрѣніемъ, чѣмъ строго научной аргументаціей, — не сдѣлалъ ли Ломоносовъ глубокомысленнаго, только впослѣдствіи подтвержденнаго ученія о поднятіи и опусканіи иныхъ частей земной поверхности дѣйствіемъ огня, также въ разсужденіи о слояхъ земныхъ. Задолго до Риттера Ломоносовъ указалъ на соотвѣтствіе между очертаніями материковъ Стараго и Новаго свѣта, и на основаніи этихъ аналогій пришелъ даже къ оправдавшимся впослѣдствіи предположеніямъ о направленіи еще неизвѣстныхъ тогда береговъ Сѣверной Америки.

Будиловичъ.

Ломоносовъ, какъ минералогъ и геологъ.

До самаго послѣдняго времени мы знали Ломоносова какъ поэта и оратора, и весьма мало обращали вниманія на его ученыя заслуги по части физики, химіи и прочихъ естественныхъ наукъ. Но заслуги Ломоносова въ этихъ наукахъ такъ велики, что ставятъ его на ряду съ Гумбольдтомъ и другими извѣстными учеными. Вотъ что писалъ объ немъ Эйлеръ, одинъ изъ величайшихъ математиковъ и физиковъ: «всѣ разсужденія (mémoires) Ломоносова не только хороши, но даже превосходны, потому что онъ такъ излагаетъ самые любопытные предметы физики и химіи, оставшіеся необъяснимыми для величайшихъ геніевъ науки, что я вполнѣ убѣжденъ въ истинѣ его объясненій. Я не могу не отдать справедливости Ломоносову, что онъ обладаетъ счастливѣйшимъ талантомъ для открытія физическихъ и химическихъ причинъ; желательно было бы, чтобы всѣ прочія академіи были въ состояніи производить открытія, подобныя тѣмъ, которыя сдѣлалъ Ломоносовъ». Такимъ же образомъ отнесся о заслугахъ Ломоносова нашъ почтенный академикъ Перевощиковъ: «Разсужденія Ломоносова, — говоритъ онъ, — свидѣтельствуютъ объ его глубокихъ свѣдѣніяхъ въ наукахъ естественныхъ, и представляютъ открытія, коимъ Европа удивлялась у Франклина и Румфорда, а черезъ полстолѣтія вновь получила въ сочиненіяхъ Араго и Гумбольдта». Послѣ этого можно ли удивляться, что Ломоносовъ не былъ понятъ своими современниками! Объ немъ можно сказать то же, что Мишле сказалъ про Вико: «Его

открытія не были оцѣнены прошедшимъ вѣкомъ, потому что они относились къ нашему вѣку».

Я не беру на себя смѣлости разбирать ученыя заслуги Ломоносова по всѣмъ естественнымъ наукамъ: для такого предпріятія надобно быть самимъ Ломоносовымъ. Я позволю себѣ разсмотрѣть его только въ одномъ отношеніи, именно, какъ *минералога* и *геолога*.

Математикою и естественными науками Ломоносовъ началъ заниматься не прежде, какъ съ того времени, когда изъ Заиконоспаскаго училища поступилъ въ Петербургскую Академію Наукъ, будучи уже 24 лѣтъ. Подъ руководствомъ тамошнихъ наставниковъ, въ короткое время онъ оказалъ такіе успѣхи, что Академія рѣшила для большаго усовершенствованія послать его въ Германію. Въ инструкціи было сказано, что Академія, отличая необыкновенныя способности и прилежаніе студента Ломоносова, отправляетъ его, для дальнѣйшаго усовершенствованія въ математическихъ наукахъ, въ физикѣ, химіи и металлургіи, къ знаменитому въ то время философу и математику Вольфу, на первый разъ въ Марбургъ, мѣстопребываніе помянутаго ученаго, а потомъ и въ другія мѣста Германіи, по указанію Вольфа. Это было въ концѣ 1736 года.

Изъ пятилѣтняго пребыванія въ Германіи Ломоносовъ болѣе половины посвятилъ лекціямъ марбургскихъ профессоровъ, излагавшихъ ему философію, математику, физику, химію и минералогію. Философія, по тогдашнему состоянію этой науки, казалась Ломоносову менѣе привлекательною, чѣмъ изученіе точныхъ наукъ, и потому большую часть времени онъ проводилъ въ химической лабораторіи и въ физическомъ кабинетѣ, работая тамъ вмѣстѣ съ своими наставниками и удивляя ихъ своею необыкновенною смѣтливостью.

По прошествіи трехъ лѣтъ, Петербургская Академія, получивъ отъ Вольфа весьма лестные отзывы объ успѣхахъ Ломоносова во всѣхъ наукахъ, распорядилась послать его во Фрейбергъ, къ берграту Генкелю, съ тѣмъ, чтобы онъ занялся подъ его руководствомъ практическою металлургіею и горнымъ дѣломъ.

Генкель почитался однимъ изъ знаменитѣйшихъ металлурговъ своего времени. Замѣтивъ въ молодомъ человѣкѣ особенную страсть къ наукѣ, онъ раскрылъ передъ нимъ все богатство своей опытности и занималъ его по цѣлымъ днямъ въ своей

лабораторіи. Въ остальное время, подъ руководствомъ того же профессора, Ломоносовъ посѣщалъ фрейбергскіе рудники и горные заводы, всегда славившіеся своимъ цвѣтущимъ состояніемъ. Кромѣ того, онъ самъ, собственными руками, работалъ въ рудникахъ, и чрезъ то имѣлъ возможность весьма близко изучить какъ самыя жилы, заключающія руду, такъ и все то, что необходимо для ихъ разработки.

Въ довершеніе фрейбергскаго курса, Ломоносовъ, по совѣту Генкеля, употребилъ еще нѣсколько времени на обозрѣніе сосѣднихъ Богемскихъ горъ и тамошнихъ горныхъ заводовъ. Возвратившись оттуда, онъ отправилъ въ Петербургскую Академію подробное донесеніе о своихъ занятіяхъ во Фрейбергѣ, и въ заключеніе просилъ дозволить ему побывать еще на Гарцѣ для окончательнаго усовершенствованія себя въ горномъ дѣлѣ и въ металлургіи.

Разрѣшеніе ѣхать на Гарцъ пришло Ломоносову въ то время, когда онъ уже возвратился въ Марбургъ. Не получивъ изъ Академіи слѣдующаго ему жалованья, онъ принужденъ былъ отправиться на Гарцъ пѣшкомъ.

Проходя чрезъ Геттингенъ, Ломоносовъ имѣлъ случай провести нѣсколько часовъ въ самой поучительной для себя бесѣдѣ съ великимъ Галлеромъ.

Изъ Геттингена онъ прошелъ въ Клаусталь, въ самое средоточіе горныхъ заводовъ на Гарцѣ. Не имѣя никакихъ рекомендательныхъ писемъ, Ломоносовъ прямо обратился къ тамошнему металлургу, берграту Крамеру, и не обманулся въ своихъ надеждахъ. Клаустальскій ученый принялъ его весьма доброжелательно и радушно. На Гарцѣ Ломоносовъ исключительно занимался практикою. Между прочимъ, онъ воспользовался сочиненіемъ Крамера, въ это время готовившимся къ печати, *объ искусствѣ раздѣленія металловъ*, и, подъ руководствомъ самого автора, повторилъ практически эту важную часть металлургіи. Дальнѣйшими средствами къ усовершенствованію служили ему поѣздки въ разныя горныя заведенія, которыхъ такъ много на Гарцѣ. Крамеръ самъ объѣзжалъ ихъ въ это время, и Ломоносовъ сопутствовалъ ему.

Занятія на Гарцѣ были для Ломоносова уже послѣдними учеными занятіями въ Германіи. Вскорѣ послѣ этого, какъ извѣстно, онъ долженъ былъ оставить Германію и тайно уйти въ Россію.

Ломоносовъ возвратился въ свое отечество уже не прежнимъ студентомъ, а великимъ ученымъ, въ полномъ вооруженіи современной науки, и *который велъ за собою своихъ соотечественниковъ*, какъ выразился одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ писателей. Отсюда начинается періодъ изумительной дѣятельности Ломоносова, и ученой, и служебной, и литературной.

Изъ огромнаго списка его произведеній, изъ которыхъ одно капитальнѣе другого, я остановлюсь, согласно съ своею цѣлью, только на тѣхъ, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ предмету моихъ занятій. Къ числу такихъ произведеній относятся, во-первыхъ, его *металлургія* и, во-вторыхъ, два отдѣльныя разсужденія, изъ которыхъ одно о *слояхъ земныхъ*, а другое *о рожденіи металловъ отъ трясенія земли*.

А. Металлургія Ломоносова.

Подъ названіемъ металлургіи Ломоносовъ соединилъ многіе предметы. Одни изъ этихъ предметовъ въ настоящее время относятся къ *минералогіи* и *геологіи*, а другіе къ *горному искусству*, со всѣми его подраздѣленіями.

Минералогія составляетъ тутъ вспомогательную часть главнаго предмета, и потому изложена Ломоносовымъ очень кратко. Минералы описываются у него въ такомъ же порядкѣ, какой впослѣдствіи былъ принятъ многими, именно: сперва *металлы* (ковкіе) и *полуметаллы* (хрупкіе), встрѣчающіеся въ природѣ въ самородномъ состояніи; потомъ *жирные* или *горючіе минералы* (сѣра, каменный уголь, горная смола, янтарь), далѣе *соли* или *загустѣлые минеральные соки* (квасцы, купоросъ, каменная соль, селитра); потомъ *земли* и *камни*, наичаще встрѣчающіеся (горный хрусталь, кремень, слюда, шиферъ, гипсъ, мѣлъ, глина и т. д.); наконецъ, *руды*, то-есть, металлы и полуметаллы въ химическомъ соединеніи съ другими веществами. Изъ всѣхъ исчисленныхъ минераловъ съ большею подробностью описаны у Ломоносова руды, какъ такія вещества, которыя по преимуществу относятся къ металлургіи и наиболѣе составляютъ предметъ горныхъ работъ.

Вторую часть металлургіи Ломоносова можно назвать также вспомогательною [illegible]. Тутъ разсмотрѣны [illegible] способы [illegible] въ землѣ, [illegible] *жилы* [illegible]

[illegible] время, [illegible] Ломоносовымъ, и было подробно и такъ вѣрно, что даже въ настоящее время можетъ быть помѣщено въ любое сочиненіе по горной части.

Остальныя части металлургіи посвящены главнымъ предметамъ науки, именно: изложенію правилъ, какія необходимы для выгоднѣйшаго извлеченія рудъ и другихъ полезныхъ минераловъ изъ нѣдръ земли и приведеніе ихъ въ такое состояніе, въ которомъ они могутъ быть способны къ химической обработкѣ или къ непосредственному употребленію.

Достиженіе этой цѣли въ настоящее время называется общимъ именемъ *горнаго искусства*, но въ частности оно состоитъ изъ многихъ наукъ. Таковы: 1) *металлургія*, часть прикладной химіи, показывающая способы выгоднѣйшаго извлеченія металловъ изъ рудъ; 2) *галлургія*, показывающая способы получать нѣкоторыя соли въ большомъ видѣ; 3) *пробирное искусство*, служащее для учета металлургическихъ операцій, помощью извлеченія металловъ изъ рудъ въ маломъ видѣ; 4) *Маркшейдерское искусство*, приложеніе геометріи къ горному дѣлу, именно къ опредѣленію относительнаго положенія различныхъ частей рудника, какъ между собою, такъ и въ пространствѣ; 5) наконецъ, *практическая механика*, снабжающая заводы и рудники силою, необходимою для ихъ дѣйствія.

Вотъ какое разнообразіе предметовъ! Ломоносовъ не излагаетъ этихъ наукъ особо, но всѣ свѣдѣнія, къ нимъ относящіяся, излагаются у него въ своемъ мѣстѣ и составляютъ одно неразрывное цѣлое. Само собою разумѣется, что въ металлургіи Ломоносова нельзя найти того совершенства, какое сообщили ей означенныя науки впослѣдствіи. По крайней мѣрѣ, онъ шелъ въ уровень съ своимъ временемъ или въ уровень съ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ находилось тогда горное искусство во всей Германіи и, особенно, въ Саксоніи.

Металлургія Ломоносова имѣла большое значеніе для своего времени.

По своему изложенію или по своимъ пріемамъ она необходимо должна была имѣть характеръ саксонскаго горнаго дѣла, той страны, гдѣ изучалъ эту науку самъ авторъ. А какой характеръ имѣло наше горное дѣло, получившее въ это время большое развитіе? Отъ кого мы заимствовали наши рудокопные и заводскіе пріемы? Первыми учителями русскихъ въ этомъ

дѣлѣ, по преимуществу, были саксонскіе рудокопы. Безъ сомнѣнія, они руководились у насъ тѣми же способами разработки, какіе употреблялись въ ихъ отечествѣ. Значитъ, металлургія Ломоносова пришлась, какъ нельзя лучше, къ тѣмъ пріемамъ и способамъ, какіе въ это время вводились или были уже введены на уральскихъ и другихъ рудникахъ и заводахъ.

Кромѣ того, металлургія Ломоносова, написанная на русскомъ и, по тогдашнему времени, весьма изящномъ языкѣ, необходимо должна была послужить образцомъ для всѣхъ горныхъ людей. И дѣйствительно, горная литература наша, до той поры почти не существовавшая, съ легкой руки Ломоносова въ самое короткое время сдѣлала большіе успѣхи.

Польза и слава отечества были постоянными мыслями Ломоносова. Движимый ими, онъ во все вникалъ и дѣлалъ все, что могъ. Въ доказательство этого приведемъ два случая, касающіеся горнаго промысла въ Россіи.

Во время Ломоносова наше горное производство почти единственно ограничивалось горами Уральскими, Олонецкими, Алтайскими и Нерчинскими. Но Ломоносовъ былъ увѣренъ, что и прочія губерніи Россіи также должны изобиловать полезными минералами. Онъ доносилъ объ этомъ Сенату и указывалъ на самыя легкія и дешевыя средства, съ помощію коихъ можно было бы достигнуть желаемой цѣли. «Я сыскалъ, — пишетъ онъ, — легкій и краткій способъ, чрезъ который, въ одинъ годъ, изъ всей европейской части россійскаго государства, а въ два и изъ всей Сибири, собрать можно большую часть минераловъ, ежели не всѣ. Къ сему имѣемъ въ отечествѣ сильныхъ и многочисленныхъ рудокопателей и многія тысячи рудоискателей; каждый сильнѣе тысячи саксонцевъ». Подъ сильными рудокопами Ломоносовъ разумѣлъ многочисленныя россійскія рѣки, а рудоискателями онъ называлъ крестьянскихъ дѣтей. Рѣки, перерѣзывая Россію въ разныхъ направленіяхъ, не только обнаруживаютъ земныя нѣдра въ берегахъ своихъ, нерѣдко весьма высокихъ, но и всякую весну, во время водополья, подмывая свои берега, производятъ страшныя обрушенія, и чрезъ то еще болѣе знакомятъ насъ съ внутренностью земли. Тѣ же рѣки, размывая оторванныя ими части и разнося вдоль береговъ, обнаруживаютъ все, что въ нихъ находится. «Сіи [illegible] дѣятельны, — говоритъ Ломоносовъ, — весь народъ россійскій руками произвести не можетъ, хотя бы,

кромѣ того, ни въ чемъ иномъ не упражнялся». Онъ предлагалъ Сенату, чтобы по всей имперіи велѣно было собирать пески, камни и глины разнаго рода по прилагаемой имъ инструкціи, и въ извѣстномъ количествѣ присылать ихъ въ Петербургъ. Самое собираніе песковъ, камней и глинъ онъ совѣтовалъ возложить на крестьянскихъ дѣтей, которыя и безъ того весеннею и лѣтнею порой собираютъ ихъ въ большомъ количествѣ для забавы. Эту забаву, по мысли Ломоносова, можно было бы обратить въ великую государственную пользу. Собранныя вещи Ломоносовъ бралъ на себя разсматривать, промывать и по нимъ судить, гдѣ у насъ есть какіе-либо минералы. Онъ даже обязывался обучить минералогіи и пробирному искусству въ одинъ годъ понятныхъ молодыхъ людей, сколько угодно будетъ Сенату поручить ему.

Съ такимъ же безкорыстнымъ предложеніемъ Ломоносовъ входилъ въ комиссаріатъ, завѣдывавшій солянымъ производствомъ въ мѣстахъ, лежащихъ между Днѣпромъ и Дономъ, особенно же казенными Бахмутскими и Торецкими заводами. Тамошнія соловарни не доставляли того количества соли, какое требовалось для южныхъ губерній, и Россія должна была покупать соль изъ Польши, Крыма и Кубанской степи. Ломоносовъ объяснилъ комиссаріату, отъ чего зависитъ, что изъ Бахмутскихъ и Торецкихъ заводовъ не получается требуемаго количества соли.

Б. Разсужденіе Ломоносова о рожденіи металловъ отъ трясенія земли и о слояхъ земныхъ.

До сихъ поръ мы видѣли Ломоносова на почвѣ строгаго опыта и наблюденій. Но можно ли предположить, чтобы такой пытливый умъ, изучая рудоносныя жилы и горы, ихъ заключающія, не задавалъ себѣ вопроса, какъ образовались тѣ и другія? Можно ли предположить, чтобы тотъ, кто такъ хорошо успѣлъ постигать сокровеннѣйшія причины всѣхъ воздушныхъ явленій, не пытался иногда объяснить себѣ, какъ произошла наша земля. Можно ли думать, чтобы Ломоносовъ удовольствовался однимъ опытнымъ изслѣдованіемъ земныхъ нѣдръ или однимъ явленіемъ, и не старался доискаться причины этого явленія. Напротивъ, онъ самъ говорилъ: «Велико есть дѣло достигать во глубину земную разумомъ, куда рукамъ

и оку досягнуть возбраняетъ натура, странствовать размышленіями въ преисподней, проникать разсужденіемъ сквозь тѣсныя разсѣлины, и вѣчною ночью помраченныя вещи и дѣянія выводить на солнечную ясность». Дѣйствительно, Ломоносовъ часто задумывался надъ вопросами объ образованіи земли, а думы свои передалъ намъ въ двухъ замѣчательныхъ разсужденіяхъ, изъ коихъ одно — «О рожденіи металловъ отъ трясенія земли» (1757 г.), а другое — «О слояхъ земныхъ» (1763 г.).

Въ разсужденіи о слояхъ земныхъ Ломоносовъ послѣдовалъ самому логическому порядку: онъ начинаетъ съ извѣстнаго или видимаго, именно съ земной поверхности, и постепенно переходитъ къ менѣе и менѣе извѣстному, или къ внутреннему образованію, и, наконецъ, къ тому, что постигается однимъ умозаключеніемъ.

Земную поверхность, по мнѣнію Ломоносова, составляютъ горы и раздѣляющія ихъ долины. Самыми большими горами онъ называетъ цѣлыя части свѣта: Азію, Африку, Европу и Америку. Вмѣсто обыкновенныхъ долинъ служитъ имъ глубокое и большею частію недосягаемое морское дно, составляющее продолженіе земной поверхности. Предъ этими горами, говоритъ онъ, и самые высокіе хребты не иное что, какъ бугры или холмы.

Въ каждой части свѣта, руководствуясь направленіемъ рѣкъ и климатическими явленіями, Ломоносовъ опредѣлялъ тѣ мѣста, которыя должны быть высочайшими точками этихъ огромныхъ горъ. Такими точками онъ почиталъ не горные хребты, а обширныя плоскогорья, называемыя, обыкновенно, *плато* (plateau). Таково, напр., плоскогорье, занимаемое Тибетомъ и песчаною степью Кобы внутри Азіи, или, напр., долина Квито въ Южной Америкѣ. Несмотря на свое положеніе въ тропической полосѣ, одна изъ этихъ странъ имѣетъ климатъ умѣренный, а другая даже холодный. Это происходитъ отъ того, что та и другая лежатъ такъ высоко надъ уровнемъ моря, что, по выраженію Ломоносова, находятся близъ *самаго морознаго слоя* атмосферы.

Описавъ главныя горы и континенты, Ломоносовъ вкратцѣ говоритъ о горныхъ хребтахъ, пересѣкающихъ континенты въ разныхъ направленіяхъ и простирающихся иногда въ самое море, также объ островахъ и лунахъ, ими образуемыхъ.

Отъ наружнаго вида земной поверхности, или отъ ея рельефа, Ломоносовъ переходитъ уже къ внутреннему образованію земли. Сначала онъ описываетъ самые верхніе слои, каковы: черноземъ, песокъ, глина и твердыя породы, которыя прямо выходятъ наружу и своимъ разрушеніемъ подаютъ поводъ къ образованію другихъ, именно глинъ и песковъ. Далѣе слѣдуетъ описаніе болѣе внутреннихъ слоевъ земли, которые, по своему глубокому положенію, могутъ быть открыты только искусствомъ или *руками человѣка*. Тутъ изложены наблюденія, касающіяся горной соли, каменнаго угля, торфа, известковаго и плитнаго камня, мрамора, алебастра, рудныхъ жилъ и т. п. Съ наибольшею тщательностью описаны у Ломоносова торфяники, каменноугольная формація и рудныя жилы, предметы, которыми, повидимому, онъ особенно интересовался.

Говоря о торфяникахъ, Ломоносовъ, преимущественно, разумѣлъ тѣ, которые находятся въ Голландіи. Онъ подробно исчисляетъ слои, изъ которыхъ состоятъ тамошніе торфяники, и которые изъ нихъ почитаются лучшими, какъ горючій матеріалъ. Кромѣ обыкновенныхъ торфяниковъ, Ломоносовъ описываетъ и тѣ болота, на днѣ которыхъ находятся цѣлые лѣса древесныхъ стволовъ, поваленные или стоячіе, вмѣстѣ съ остатками животныхъ и различныхъ искусственныхъ произведеній, случайно попавшихъ въ эти болота. Торфяные лѣса, по мнѣнію Ломоносова, повалены наводненіями и вѣтрами и потомъ занесены пескомъ и иломъ. Въ доказательство этого онъ приводитъ весьма любопытное наблюденіе, которое было сдѣлано надъ торфяниками, покрывающими низменную прибалтійскую равнину. Тамошніе торфяные лѣса своими вершинами почти всегда обращены къ южной сторонѣ, и тѣмъ самымъ доказываютъ, что они ниспровергнуты сѣверными морскими вѣтрами.

Отъ торфяниковъ Ломоносовъ переходитъ къ каменноугольной формаціи и описываетъ ее въ томъ видѣ, въ какомъ она находится въ Гарцкихъ горахъ, въ графствѣ Гогенштейнскомъ, при Ильфельдѣ, Нейштадтѣ, Алтдорфѣ и въ др. мѣстахъ. Онъ представляетъ цѣлые разрѣзы этой формаціи, изъ которыхъ можно видѣть положеніе угля и отношеніе его ко всѣмъ прочимъ породамъ, именно перемежаемость его съ шиферами, песчаниками и известняками, наклоненное положеніе этихъ слоевъ, сдвиги и пересѣченіе ихъ каменными *простѣнками* или жилами, наконецъ, большее или меньшее достоинство угля

и постепенные переходы его въ шиферный сланецъ. Но самое главное, на что необходимо обратить особенное вниманіе въ описаніи каменнаго угля Ломоносовымъ, это объясненіе того, какъ произошелъ каменный уголь. Относительно этого предмета, какъ извѣстно, въ настоящее время существуютъ различныя мнѣнія. Такъ, одни думаютъ, что каменный уголь образовался на открытомъ воздухѣ, изъ прежнихъ тропическихъ лѣсовъ, именно изъ папоротниковъ, каламитовъ, лепидодендроновъ, сигилларій и др. растеній, составлявшихъ каменноугольную флору. По мнѣнію другихъ, каменный уголь произошелъ изъ растеній, которыя водяными потоками были увлекаемы въ море и тамъ, пропитанныя водою, опускались на дно и покрывались различными осадками. Эта послѣдняя теорія, то-есть образованіе угля изъ приплывшихъ растеній, или пловучаго лѣса, казалась весьма вѣроятною, и потому имѣла много поборниковъ на своей сторонѣ. Но въ послѣднее время и эта теорія, вслѣдствіе новыхъ наблюденій, въ большей части случаевъ оказалась недостаточною. Нашлись обстоятельства, изъ которыхъ необходимо заключить, что каменный уголь долженъ былъ образоваться изъ растеній, не приплывшихъ откуда-либо, а произраставшихъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они теперь находятся. Это слѣдуетъ изъ того, что посреди каменноугольныхъ слоевъ нерѣдко встрѣчаются цѣлые древесные стволы въ стоячемъ положеніи или на своемъ корнѣ. Основываясь на этомъ, полагаютъ, что каменный уголь въ большей части случаевъ долженъ былъ происходить по образцу нынѣшняго ископаемаго угля, т.-е. по образцу торфа; точнѣе сказать, онъ долженъ быть произведеніемъ прежнихъ торфяниковъ. Счастливая мысль о происхожденіи каменнаго угля изъ торфяниковъ, обыкновенно, приписывалась нашему времени. Но собственно она принадлежитъ Ломоносову. Онъ первый высказался, что каменный уголь образовался изъ торфа. Мысль эта казалась ему столь естественною, что, повидимому, даже не имѣла въ его глазахъ особенной важности. Уже спустя нѣсколько лѣтъ послѣ Ломоносова та же мысль была защищаема Вернеромъ, и еще позже извѣстными французскими геологами Броньяромъ и Эли-де-Бомономъ, пока, наконецъ, сдѣлалась общимъ убѣжденіемъ. Но Ломоносовъ предупредилъ нынѣшнюю теорію образованія угля еще въ другомъ отношеніи: превращеніе торфяниковъ въ каменный уголь, по мнѣнію Ломоносова, должно было происходить при *участіи*

подземнаго огня, слѣдовательно, того же могучаго дѣятеля, который, и по нынѣшней теоріи, почитается самымъ главнымъ въ образованіи каменнаго угля. Замѣчанія Ломоносова относительно излагаемаго предмета вообще принадлежатъ къ числу самыхъ драгоцѣнныхъ. Перечитывая ихъ, съ трудомъ вѣришь, что обо всемъ этомъ говорилось за сто лѣтъ до нашего времени.

Въ дополненіе къ торфу и каменному углю, Ломоносовъ описываетъ и другія горючія вещества, встрѣчающіяся внутри земли, именно: нефть, горную смолу и янтарь. Относительно происхожденія этихъ веществъ Ломоносовъ также опередилъ свой вѣкъ и совершенно совпалъ съ нынѣшними понятіями объ этомъ предметѣ. Нефть и горная смола, по мнѣнію Ломоносова, не иное что, какъ продуктъ разложенія каменнаго угля, лежащаго на значительной глубинѣ и подвергающагося дѣйствію подземнаго жара. Мнѣніе Ломоносова относительно янтаря такъ общеизвѣстно и такъ естественно, что никому не приходитъ на мысль, чтобы можно было думать объ этомъ иначе, нежели какъ думалъ Ломоносовъ. Но въ то время, когда жилъ Ломоносовъ, на многія вещи смотрѣли совсѣмъ другими глазами. Большая часть тогдашнихъ ученыхъ принимали янтарь за минералъ, либо приписывали ему другое какое-либо происхожденіе, а не растительное. Ломоносовъ, напротивъ, призналъ янтарь за смолу, истекавшую нѣкогда изъ растеній. Самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ этого служили ему остатки растеній и животныя, заключенныя въ янтарѣ. Любопытно припомнить собственныя слова Ломоносова о происхожденіи янтаря. Вмѣсто себя, онъ заставляетъ самыя животныя, заключенныя въ янтарѣ, разсказывать, какимъ образомъ они попали въ янтарь, въ эту *великолѣпную гробницу*. «Пользуясь лѣтнею теплотою и сіяніемъ солнечнымъ, гуляли мы по роскошествующимъ влажностью растеніямъ, искали и собирали все, что служитъ къ нашему пропитанію; услаждались между собою пріятностью благорастворенпаго времени и, послѣдуя разнымъ благовоннымъ духамъ, ползали и летали по травамъ, листамъ и деревьямъ, не опасаясь отъ нихъ никакой напасти. Итакъ садились мы на истекшую изъ деревъ жидкую смолу, которая, насъ привязавъ къ себѣ липкостью, плѣнила и, безпрестанно изливаясь, покрыла и заключила отвсюду. Потомъ отъ землетрясенія опустившееся внизъ лѣсное мѣсто вылившимся моремъ покрылось: деревья опроверглись, иломъ и пескомъ покрылись,

купно со смолою и съ ними, гдѣ долготою времени минеральные соки въ смолу проникли, дали большую твердость, и словомъ въ янтарь претворили, въ которомъ мы получили гробницы великолѣпнѣе, нежели знатные и богатые на свѣтѣ люди имѣть могутъ. Въ рудныя жилы пришли мы не иначе и не въ другое время, какъ находящееся съ ними окаменѣлое и мозглое дерево». Простой русскій народъ, руководствуясь однимъ здравымъ смысломъ, также принимаетъ янтарь за растительную смолу, и въ нѣкоторыхъ приморскихъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчается янтарь, называетъ его *морскимъ ладаномъ*.

При описаніи внутреннихъ слоевъ, Ломоносовъ часто упоминаетъ о раковинахъ и другихъ органическихъ остаткахъ, и видимо, придаетъ имъ большое значеніе. Обстоятельство весьма замѣчательное, если припомнимъ себѣ, что во времена Ломоносова многіе изъ натуралистовъ сомнѣвались въ существованіи ископаемыхъ, или въ томъ, дѣйствительно ли это остатки прежнихъ животныхъ, или прежнихъ растеній; многіе полагали, что это не иное что, какъ игра натуры (ludus naturae), или слѣдствіе какой-то пластической силы внутри земли (vis plastica).

Что касается до рудныхъ мѣсторожденій, то этотъ предметъ обработанъ Ломоносовымъ со всею возможною подробностью. Очевидно, онъ былъ полнымъ хозяиномъ этого предмета и говорилъ объ немъ по собственнымъ многолѣтнимъ наблюденіямъ. Рудныя жилы описаны имъ и въ металлургіи и въ отдѣльныхъ разсужденіяхъ.

Перехожу къ самой любопытной части разбираемыхъ нами разсужденій, именно къ той, гдѣ говорится о внутренности земли и тѣхъ слояхъ, которые уже не руками человѣка, а *самою натурою бываютъ открываемы*, какъ выражается Ломоносовъ.

Земныя нѣдра, по словамъ Ломоносова, обнажаются двумя способами: дѣйствіемъ внѣшнихъ разрушительныхъ причинъ и внутреннимъ движеніемъ земли, такъ онъ называлъ землетрясенія.

Разрушительныя дѣйствія внѣшнихъ причинъ описаны Ломоносовымъ не только вѣрно, но и съ тою увлекательностью, съ тѣмъ одушевленіемъ, съ какими онъ умѣлъ описывать природу. Читая эти краснорѣчивыя страницы, вы чувствуете, что Ломоносовъ былъ не просто ученый, но съ этимъ вмѣстѣ и поэтъ.

Съ такою же увлекательностью изложены имъ дѣйствія землетрясеній. «Все, что стремленіе вѣтровъ, пролитіе дождей, быстрина и паденіе рѣкъ, біеніе волнъ морскихъ и приливовъ, наводненія и потопы, льды и морозы къ обнаженію земныхъ внутренностей ни производятъ, хотя собою велико, однако противъ землетрясенія весьма мало. И ежели главное состояніе земной поверхности и слоевъ разсудить, то всѣ происходящія отъ помянутыхъ натуральныхъ силъ великія въ глазахъ нашихъ перемѣны едва вниманія достойны. Чѣмъ возвышены великіе хребты Кавказскіе, Таврійскіе, Кордельерскіе, Пиринейскіе и другіе, и самыя главныя горы, то-есть части свѣта? Конечно, не вѣтрами, не дождями, кои еще съ нихъ землю смываютъ; конечно, не рѣками, кои изъ нихъ же протекаютъ; конечно, не приливами и не потопами, кои до нихъ не досягаютъ, и натурально досягнуть и тяжкой каменной матеріи, изъ коихъ вершины оныхъ состоятъ, на такую высоту поднять не могутъ. Чѣмъ вырыты ужасной и недосягаемой глубины пучины морскія? Конечно, не дождями и не бурями, кои въ глубину мало весьма дѣйствуютъ; конечно, не сливающихся рѣкъ быстротою, кая исчезаетъ при самыхъ устьяхъ. Есть въ сердцѣ земномъ иное неизмѣримое могущество, которое по временамъ заставляетъ себя чувствовать на поверхности, и коего слѣды повсюду явствуютъ, гдѣ дно морское на горахъ, на днѣ морскомъ горы видимъ».

Изъ этого ясно, что подъ внутреннимъ движеніемъ Ломоносовъ не разумѣлъ только собственно такъ называемыя землетрясенія, принадлежащія нынѣшнему періоду, но всѣ главнѣйшія измѣненія, какія происходили съ земнымъ шаромъ во все время его существованія.

Принявъ за правило итти отъ извѣстнаго къ менѣе извѣстному или отъ настоящаго къ прошедшему, онъ сначала описываетъ нынѣшнія землетрясенія и потомъ прилагаетъ ихъ къ прежнимъ переворотамъ земного шара. Изъ землетрясеній нынѣшняго или историческаго періода съ наибольшею подробностью описано имъ то, которое приключилось въ Сѣверной Америкѣ, въ Квебекѣ и его окрестностяхъ. Впрочемъ, изъ самого сочиненія видно, что онъ былъ вполнѣ знакомъ какъ съ свидѣтельствами древнихъ о вулканическихъ изверженіяхъ, такъ и съ свидѣтельствами позднѣйшихъ писателей.

Для болѣе яснаго пониманія земныхъ переворотовъ, по мнѣнію Ломоносова, необходимо призвать въ помощь *химію науку*.

особенно механику твердыхъ и жидкихъ тѣлъ, металлургическую химію и геометрію въ общемъ смыслѣ, геометрію, *эту правительницу всѣхъ мысленныхъ изысканій*.

Изученіе того, что происходило нѣкогда съ земнымъ шаромъ, Ломоносовъ почитаетъ весьма важнымъ, какъ для удовлетворенія нашей мыслящей способности, нашего природнаго любопытства, такъ и потому, что такое изученіе можетъ доставить значительныя матеріальныя выгоды горному дѣлу. Правда, говоритъ онъ, многія изъ предлагаемыхъ мною тутъ разсужденій могутъ показаться слишкомъ далекими отъ матеріальной цѣли; по крайней мѣрѣ, эти разсужденія, продолжаетъ онъ, настолько полезны для горныхъ людей, насколько полезны и пріятны «въ пустомъ и незнаемомъ мѣстѣ блудящему человѣческіе слѣды; какъ удрученному зимнею стужею вдали восхожденіе дыма; какъ пловущему по невѣдомымъ морямъ и летающія навстрѣчу земныя птицы, хотя въ другихъ случаяхъ ни человѣческіе слѣды, ни восхожденіе дыма, ни встрѣчающіяся птицы никакого вниманія не достойны».

Переходя къ самому предмету, Ломоносовъ прежде всего останавливается на континентахъ и возвышающихся надъ ними горныхъ хребтахъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, говоритъ онъ, что они возникли изъ воды. Чѣмъ же онъ доказываетъ это? Доказательства Ломоносова, касающіяся образованія горъ, до того одинаковы съ нынѣшними, что, перечитывая ихъ, невольно забываешься и воображаешь, что читаешь какое-либо изъ лучшихъ произведеній нынѣшняго времени.

Поднятіе горъ изъ моря, по мнѣнію Ломоносова, доказывается, во-первыхъ, наклоненнымъ положеніемъ пластовъ, ихъ составляющихъ. По извѣстнымъ физическимъ законамъ, осадочныя породы въ прежнихъ моряхъ необходимо должны были располагаться горизонтальными слоями. Если же встрѣчаются въ нихъ какія-либо уклоненія отъ этого нормальнаго положенія, то, безъ всякаго сомнѣнія, они произошли отъ позднѣйшихъ переворотовъ. Ломоносовъ прямо приписываетъ это поднятію ихъ со дна моря. Когда горы, понуждаемыя внутреннею силою, поднимались со дна моря, говоритъ онъ, то пласты, ихъ составляющіе, необходимо должны были подвергаться большимъ измѣненіямъ, выпучиваться, трескаться, принимать наклонное положеніе, производить разсѣлины, стремнины и пропасти.

Другое доказательство относительно поднятія горъ, по мнѣнію Ломоносова, представляютъ морскія раковины, заключающіяся въ нихъ въ чрезвычайномъ количествѣ, и нерѣдко находящіяся на самыхъ вершинахъ. Ломоносовъ не только не сомнѣвался въ томъ, что эти раковины принадлежали морскимъ животнымъ, но и съ ѣдкою ироніею говоритъ о тѣхъ ученыхъ, которые въ его время почитали ихъ не животными остатками, а игрою натуры, дозволявшей себѣ отъ избытка силъ творить иногда изъ минераловъ такія формы, которыя походили на растенія или животныя. «Я спрашиваю ихъ, — говоритъ Ломоносовъ, — что бы они подумали о такомъ водолазѣ, который бы вынесъ изъ глубины моря монеты, оружіе, либо сосуды, случайно попавшіеся туда во время морского сраженія, и сказалъ бы имъ, что все это на днѣ моря производитъ во множествѣ забавляющаяся своимъ избыткомъ натура? Я воображаю, — продолжаетъ онъ, — что дно Великаго океана вышло наружу, океана, въ которомъ воюющіе древніе народы и возвращающіеся изъ Восточной Индіи и Америки флоты погребли, во время своего крушенія, множество искусственныхъ произведеній, оружія, и сосудовъ, и монетъ разнаго чекана. Что если бы при этомъ кто-нибудь сталъ утверждать, что всѣ эти вещи произведены въ морскихъ пучинахъ самою натурою, исправляющею тамъ и кузнечное, и оружейное, и мѣдное, и монетное дѣло! Конечно, такой чудакъ подвергся бы всеобщему осмѣянію. Но не такъ ли смѣшны и тѣ философы, которые, видя на горахъ цѣлыя груды раковинъ, сходныхъ съ нынѣшними морскими, утверждаютъ, что это не морское произведеніе, а легкомысленныя затѣи своевольной натуры»?

Поднятіе материковъ изъ моря, по мнѣнію Ломоносова, всего убѣдительнѣе доказывается обширными *песчаными степями*. «Таковые пески, — говоритъ онъ, — не меньше, какъ и раковинныя животныя на вершинахъ альпійскихъ, увѣряютъ, что они поднялись со дна морского». Обширныя Ливійскія пустыни, согласно съ древними писателями, онъ также почиталъ дномъ моря, поднявшимся нѣкогда отъ землетрясеній. И могъ ли думать объ этомъ иначе тотъ, кто раннюю молодость свою провелъ посреди чудныхъ явленій моря. Прежнія моря, участвовавшія въ образованіи земныхъ слоевъ, безъ сомнѣнія, дѣйствовали по однимъ законамъ съ нынѣшними, и потому необходимо должны были поражать Ломоносова своею анало-

гiю. Въ доказательство этого мы приведемъ его собственныя слова. «Проѣзжалъ я неоднократно чрезъ Гессенское ландграфство, мнѣ случалось, — говоритъ онъ, — между Касселемъ и Марбургомъ встрѣчать песчаную мѣстность почти ровную или покрытую только небольшими пригорками и заключающую въ себѣ чрезвычайное множество мелкихъ морскихъ раковинъ, цѣльныхъ и переломанныхъ. Смотря на эту мѣстность, — продолжаетъ онъ, — и припоминая себѣ многiя отмели при берегахъ Бѣлаго моря и Сѣвернаго океана, когда онѣ во время отлива выходятъ наружу, не могъ себѣ представить большаго сходства, какъ эти двѣ части земной поверхности, одну въ морѣ, а другую на возвышенной матерой землѣ. Не доказываетъ ли это, — говоритъ Ломоносовъ, — что въ сердцѣ земли есть силы, отъ которыхъ зависитъ повышенiе и пониженiе ея поверхности? Не доказываетъ ли это, что равнина, по которой нынѣ люди ѣздятъ, вращаются, ставятъ деревни и города, въ древнiя времена была дномъ моря, хотя теперь отстоитъ отъ него около трехъ сотъ верстъ и отдѣляется отъ него Гарцкими и другими горами?»

Земные перевороты, по мнѣнiю Ломоносова, происходили въ раннiя времена, въ несчетное множество разъ, и нынѣ происходятъ, и едва ли когда перестанутъ. Это многократное повторенiе переворотовъ онъ доказываетъ, преимущественно, необыкновеннымъ разнообразiемъ горъ. Не только горы, говоритъ онъ, образовались не въ одно время, но и рудныя жилы, въ нихъ заключающiяся, также должны имѣть разновременное происхожденiе. По мнѣнiю Ломоносова, всего болѣе доказывается это *пересѣченiемъ жилъ* и ихъ *отметами* или сдвигами. При пересѣченiи одной жилы другою, большею частью бываютъ, такъ называемые, *отметы*, то есть одна часть пересѣченной жилы бываетъ сдвинута и *отметена* по направленiю пересѣкающей жилы, и вслѣдствiе этого не соотвѣтствуетъ другой части. Разновременное образованiе такихъ жилъ Ломоносовъ весьма справедливо доказываетъ еще тѣмъ, что онѣ заключаютъ въ себѣ совершенно различныя руды. Если бы эти жильныя трещины, говоритъ онъ, образовались въ одно время, то необходимо должны были бы наполниться одними и тѣми же матерiями. Относительно рудныхъ жилъ у Ломоносова есть одно весьма любопытное замѣчанiе, которое онъ приводитъ тоже какъ доказательство разновременнаго

ихъ происхожденія. Ломоносову было извѣстно, что въ промежуткѣ между жилою и прилегающими къ ней съ обѣихъ сторонъ горными породами, большею частью, находится особенное вещество, не похожее ни на руду ни на прилегающія породы. Онъ называлъ это *швами*, и происхожденіе ихъ объяснилъ такимъ образомъ: ему казалось, что каждая трещина, наполнившаяся какою-либо рудою, по прошествіи извѣстнаго времени становится шире, и пустое пространство, образующееся при этомъ между рудою и прилежащими боками, *впослѣдствіи* наполняется новымъ веществомъ. Но въ настоящее время объ этомъ промежуточномъ веществѣ имѣютъ другое понятіе. Оно происходитъ отъ дѣйствія руды на прилежащую горную породу; это не иное что, какъ та же горная порода, но пропитанная рудами и измѣненная жаромъ, которымъ сопровождалось образованіе рудъ. На горномъ языкѣ это боковая оторочка называется зальбандомъ -(Sahlband lisiere).

Доказавъ поднятіе горъ, Ломоносовъ предлагаетъ себѣ весьма естественный вопросъ: какія же это силы внутри земли, которыя въ состояніи были поднимать ея поверхность на такую огромную высоту?

Эта сила, говоритъ онъ, ничему иному приписана быть не можетъ, какъ необычайному жару, находящемуся въ земныхъ нѣдрахъ. Если этотъ жаръ, значительно уже ослабѣвшій противъ прежняго, до сихъ поръ продолжаетъ двигать цѣлыя государства, то можно представить себѣ, сколь могучъ онъ былъ въ своихъ первыхъ силахъ.

Другой вопросъ: какъ глубоко залегаетъ этотъ жаръ внутри земли? Ломоносовъ полагаетъ, что вообще онъ долженъ находиться на чрезвычайной глубинѣ, и объясняетъ это посредствомъ весьма любопытныхъ соображеній.

Глубину земного шара Ломоносовъ доказываетъ, во-первыхъ, землетрясеніями, которыя въ одно время происходятъ на большомъ пространствѣ, сплошь отъ одного края до другого, либо въ мѣстахъ, раздѣленныхъ между собою огромнымъ промежуткомъ земли, не обнаруживающимъ никакихъ потрясеній. Въ обоихъ случаяхъ, по мнѣнію Ломоносова, надо представить себѣ подземную хлябь, простирающуюся отъ одного края потрясаемаго пространства до другого, съ тѣмъ различіемъ, что въ одномъ случаѣ эта хлябь будетъ находиться почти на равной глубинѣ отъ поверхности земли, и будетъ дѣйствовать

на нее повсюду одинаково; напротивъ, въ другомъ случаѣ подземная хлябь представится въ видѣ искривленной трубы, средина которой опустилась внизъ, а края поднялись вверхъ: вслѣдствіе такого положенія, она оказываетъ дѣйствіе только на тѣ части земной поверхности, которыя соотвѣтствуютъ краямъ искривленной трубы, между тѣмъ какъ опустившаяся средина, по толщинѣ залегающихъ надъ нею пластовъ, остается безъ всякаго вліянія. Изъ этого видно, говоритъ Ломоносовъ, какая должна быть ужасная глубина этихъ подземныхъ хлябей, и какъ толсты своды, ихъ покрывающіе. Если представимъ себѣ потрясаемое пространство въ три тысячи верстъ, то въ такомъ случаѣ толстота сводовъ, даже взятая только въ сотую долю противъ обширности, будетъ имѣть не менѣе 30 верстъ, что̀ въ четыре раза превосходитъ самыя высокія горы.

Второе доказательство относительно глубины подземнаго жара, по мнѣнію Ломоносова, представляютъ огнедышущія горы, съ давняго времени выбрасывающія изъ себя чрезвычайное количество шлаковъ и пепла. Возьмемъ для примѣра Этну и Везувій, говоритъ онъ, и вообразимъ, какую массу этихъ веществъ выбросили онѣ въ теченіе времени. Если бы все это находилось внутри самыхъ горъ или въ ближайшихъ съ ними окрестностяхъ, то, безъ всякаго сомнѣнія, онѣ давно бы превратились въ огромныя пропасти и обрушились. Но безмѣрная глубина внутреннихъ хлябей и столь же безмѣрная толстота висящихъ надъ ними сводовъ не дозволяютъ обрушиться этимъ прекраснымъ странамъ. Огнедышущія горы, по выраженію Ломоносова, не иное что, какъ трубы или отдушины, назначенныя для выхода излишняго подземнаго жара.

Наконецъ, ту же истину Ломоносовъ доказываетъ сравненіемъ высоты горъ съ ихъ горизонтальнымъ протяженіемъ. Азіяскій континентъ, какъ доказано было выше, есть гора. Главнѣйшій хребетъ ея составляютъ Тибетъ и другія сосѣднія страны, подымающіяся на большую высоту надъ морскою поверхностью. Очевидно, всю Азію можно представить себѣ въ видѣ обширнаго свода, спускающагося своими краями въ прилежащія моря. Какой ужасной крѣпости и толстоты должны быть стѣны этого громаднаго свода! Въ противномъ случаѣ онѣ бы обрушились. Если положимъ только сотую часть ихъ поперечника, то онѣ должны имѣть не менѣе 70 верстъ

въ толщину, считая большой поперечникъ Азіи въ 7 тысячъ верстъ.

Доказавъ существованіе жара внутри земли, Ломоносову оставалось еще рѣшить: отъ чего зависитъ этотъ жаръ, или что питаетъ его въ продолженіе столь долгаго времени?

Подземный жаръ, по мнѣнію Ломоносова, долженъ зависѣть, преимущественно, отъ сѣры, которая лежитъ въ большихъ глубинахъ и такъ ясно обнаруживаетъ себя при всѣхъ изверженіяхъ. Впрочемъ, говоритъ онъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ это могло зависѣть также отъ горючаго шифера, горнаго угля и дерева, которыхъ такъ много внутри земли; но какъ эти вещества, прибавляетъ онъ, находятся вообще на небольшой глубинѣ, и, видимо, произошли отъ наземнаго матеріала, то возгорѣніе ихъ не можетъ быть причиною такихъ большихъ переворотовъ, какіе были произведены возгорѣніемъ сѣры.

Однимъ словомъ, поднятіе и обрушеніе земныхъ пластовъ Ломоносовъ объяснялъ расширительнымъ дѣйствіемъ воздуха и сѣрныхъ паровъ, скоплявшихся въ глубокихъ подземныхъ хлябяхъ, и отъ времени до времени вырывавшихся оттуда наружу. Тѣмъ же причинамъ приписывалъ онъ и образованіе трещинъ или жилъ въ поднятыхъ пластахъ и наполненіе ихъ различными рудами.

Вотъ какъ думалъ Ломоносовъ о земныхъ переворотахъ за сто лѣтъ до нынѣшняго состоянія геологіи, въ то время, когда эта наука, большею частью, состояла изъ однихъ эмпирическихъ свѣдѣніи либо чрезъ мѣру смѣлыхъ предположеній. Теорія Ломоносова покажется намъ еще болѣе удивительною, если припомнимъ себѣ, что многія теоріи, явившіяся уже спустя нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Ломоносова, отстоятъ отъ нынѣшней гораздо далѣе, чѣмъ его теорія, несмотря на то, что нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ весьма могучимъ талантамъ, каковъ, напримѣръ, Вернеръ.

Теоріи Ломоносова, по сравненію съ нынѣшнею, недоставало только одного предположенія, именно предположенія объ *огневомъ происхожденіи* нашей планеты, о томъ, что земля наша сначала была огненно-жидкою массою, и только въ теченіе времени остыла на своей поверхности и покрылась твердою корой: этой теоріи недоставало только предположенія о томъ, что внутри земли, вмѣсто воспламеняющейся сѣры, до сихъ поръ находятся *огненно-жидкія* и *упругія* вещества, кото-

рыя непрестанно стремятся наружу и составляютъ причину поднятія и разрушенія земной коры.

Отчего же, однако, Ломоносовъ, такъ вѣрно понимавшій всѣ перемѣны, происходившія съ земнымъ шаромъ, не досказалъ этого послѣдняго слова?

Это зависѣло, во-первыхъ, отъ того направленія, какое имѣла тогдашняя геологія, и, во-вторыхъ, отъ особенныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находился самъ Ломоносовъ.

Огневое происхожденіе земли было доказываемо нѣкоторыми учеными, жившими еще въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія; таковы въ особенности *Декартъ*, *Лейбницъ* и *Бюффонъ*. Но теоріи, ими предложенныя, были такъ смѣлы и бездоказательны для тогдашняго времени, что не только не имѣли для себя послѣдователей, но породили еще въ естественныхъ наукахъ тотъ упорный скептицизмъ, который продолжался болѣе полустолѣтія. Натуралисты тогдашняго времени, находя теоретическія воззрѣнія на природу совершенно безплодными, обратились къ однимъ наблюденіямъ и не дозволяли себѣ никакихъ предположеній. Главнымъ двигателемъ этого новаго направленія въ естественныхъ наукахъ былъ великій *Линне*, родившійся въ одномъ году съ Бюффономъ, и раздѣлявшій съ нимъ одинаковое вниманіе ученаго міра. Линне разсматривалъ естественныя науки съ другой точки зрѣнія, чѣмъ Бюффонъ; онъ постоянно держался въ области факта и наблюденій. Выражаясь словами одного извѣстнаго писателя, Бюффонъ и Линне дѣйствовали на одномъ и томъ же поприщѣ, но съ двухъ противоположныхъ концовъ, и съ равнымъ достоинствомъ.

Опытное направленіе Линне вполнѣ соотвѣтствовало тогдашнему состоянію естественныхъ наукъ, и потому большая часть натуралистовъ послѣдовала его примѣру. Геологи также примкнули къ этому направленію, и теоретическая или умозрительная геологія превратилась въ такъ называемую описательную или эмпирическую геологію. Достойнѣйшими представителями этой школы были: *Соссюръ*, *Палласъ* и *Вернеръ*, дѣйствовавшіе почти въ одно время и ознаменовавшіе свое поприще замѣчательными открытіями. Но вообще это направленіе представляло въ нашей наукѣ такую же крайность, какую и умозрительное или теоретическое. Эта крайность особенно обнаружилась въ Германіи, гдѣ и въ прежнее время, начиная съ половины XVI столѣтія, именно со времени Георга Агриколы (1555),

геологія была, по преимуществу, практическая или примѣненная къ горному дѣлу, а въ описываемую нами эпоху она почти совершенно обратилась въ одно горное дѣло.

Вотъ въ эту-то эпоху всеобщаго эмпирическаго увлеченія суждено было дѣйствовать нашему геніальному Ломоносову. Что могли сообщить ему марбургскіе, фрейбергскіе и гарцкіе ученые относительно образованія земли? Все вниманіе было поглощено разработкою рудниковъ и металлургическою химіей. Къ сожалѣнію, самому Ломоносову, въ бытность его за границею, не удалось побывать ни въ одной вулканической странѣ или, по крайней мѣрѣ, въ такой, гдѣ бы прежніе огневые перевороты оставили послѣ себя болѣе несомнѣнные слѣды, чѣмъ Вестфалія и Саксонія, постоянныя мѣста его наблюденій. Эти страны, окруженныя горами и повсюду перерѣзанныя рудными жилами, безъ всякаго сомнѣнія, подвергались нѣкогда большимъ переворотамъ, но слѣды этихъ переворотовъ вовсе не такъ рѣзки, чтобы невольно бросались въ глаза. Напротивъ, тамошніе базальты, несомнѣнно, происшедшіе такимъ же огневымъ путемъ, какъ и во всѣхъ другихъ странахъ, по своему пластовому образованію и по своей перемежаемости съ настоящими осадочными слоями, нисколько не походятъ на огневыя или плутоническія породы. Это исключительное обстоятельство было причиною, что Вернеръ приписывалъ базальтамъ водное или осадочное происхожденіе. Къ сожалѣнію, этотъ великій наблюдатель во все продолженіе своей жизни ни разу не выѣзжалъ изъ Саксоніи. И что жъ? При всей наблюдательности его, теорія земли, созданная имъ по образцу одной Саксоніи, была въ высшей степени *нептуническою*, то-есть не допускавшею никакого участія огня въ образованіи земли. Всѣ вулканическія горы, служившія возраженіемъ противъ этой теоріи, Вернеръ почиталъ случайнымъ обстоятельствомъ, зависящимъ отъ возгоранія каменнаго угля либо химическаго измѣненія колчедановъ внутри земли.

Надо же было случиться, что Ломоносовъ во все время пребыванія своего за границею, подобно Вернеру, не видалъ никакихъ другихъ странъ, кромѣ Вестфаліи и Саксоніи, столь неблагопріятныхъ для наблюденія огневыхъ или плутоническихъ явленій! По возвращеніи въ Россію, онъ еще менѣе имѣлъ возможности наблюдать горную природу, и потому долженъ былъ довольствоваться одними сочиненіями по горной

части и геологіи. И какими сочиненіями! Вѣроятно, онъ пользовался, преимущественно, нѣмецкими авторами и отчасти французскими, но англійскіе, италіанскіе и шведскіе едва ли были ему знакомы; мы и теперь знаемъ ихъ, большею частью, только изъ нѣмецкихъ и французскихъ переводовъ. Къ тому же, во время Ломоносова ни во Франціи, ни въ Германіи не было ни одного писателя, который бы особенно выдавался изъ-за другихъ или выходилъ изъ общей посредственности, исключая Бюффона. Произведенія всѣхъ лучшихъ умовъ тогдашняго эмпирическаго направленія сдѣлались извѣстными ученому свѣту уже послѣ смерти Ломоносова. Но и эти лучшіе умы, обогатившіе науку весьма многими наблюденіями, сами не выработали изъ нихъ тѣхъ результатовъ для теоріи земли, какихъ можно было бы ожидать отъ нихъ.

Какъ жаль, что на долю Ломоносова не выпало такой же завидной участи, какъ Палласу! Если бы онъ, какъ этотъ извѣстный путешественникъ, имѣлъ возможность обозрѣть всю восточную Россію, съ ея Уральскими, Алтайскими и Нерчинскими горами, и если бы, подобно ему, видѣлъ Кавказъ и великолѣпныя горы Тавриды, то, быть можетъ, начало нынѣшней теоріи земли было бы положено гораздо прежде, чѣмъ объяснили ее Гумбольдтъ, Бухъ и Эли-де-Бомонъ.

Щуровскій.

Ломоносовъ, какъ химикъ.

Ломоносовъ жилъ въ періодъ такъ называемой флогистической химіи, когда начала химической теоріи почерпались, преимущественно, изъ одностороняго объясненія явленій теплотныхъ; когда состояніе физическаго каленія смѣшивалось съ химическимъ процессомъ горѣнія; когда принимали особое горючее вещество; когда подъ выраженіями: элементъ и сложное тѣло, соединеніе и разложеніе, разумѣли діаметрально противоположное тому, что подъ этими терминами разумѣютъ нынѣшніе химики; когда еще не совсѣмъ оставляли алхимистическія представленія о сѣрѣ, ртути, мышьякѣ, какъ объ общихъ составныхъ частяхъ различныхъ видовъ вещества. Сплавляя металлическую окись (соединеніе металла съ кислородомъ) съ веществомъ органическимъ, съ углемъ, и получая

при этомъ металлъ, современный намъ химикъ выводитъ свое заключеніе о причинѣ этого явленія при помощи вѣсовыхъ опредѣленій, и говоритъ: органическое вещество, уголь соединились съ одной изъ вѣсомыхъ составныхъ частей металлической окиси, съ кислородомъ, отняли у окиси этотъ кислородъ, и въ остаткѣ получился металлъ. Въ то время, наоборотъ, разсуждали такъ: органическое вещество, уголь, — тѣла, содержащія начало горючести, способныя горѣть, — сообщаютъ окиси (металлической извести) это начало, эту способность, и такимъ образомъ участвуютъ въ составленіи металла. Имѣя въ виду эти основанія тогдашней химіи, которымъ въ то время, болѣе или менѣе, подчинялись самые передовые двигатели этой науки, мы найдемъ естественнымъ, что и на сочиненіяхъ Ломоносова отразился характеръ того періода химіи. Я приведу нѣсколько выписокъ для того, чтобы его собственными словами высказать, какъ слабы были еще тѣ пособія, которыя ему предлагала наука для пріобрѣтенія того свѣтлаго взгляда на ея истинное значеніе, на ея будущность, которая такъ пророчески высказывается въ его твореніяхъ. Вотъ мѣста изъ его «Слова о рожденіи металловъ отъ трясенія земли»:

«Извѣстно, что морская и горная соль (по теперешнимъ химическимъ познаніямъ, эта соль состоитъ только изъ хлора и металла натрія) состоитъ изъ алкалической и изъ кислаго спирта. Алкалическая соль, составляющая соль морскую и горную, та же есть, коя вываривается изъ пепла разныхъ деревъ, то-есть поташъ, и разнится только малымъ примѣшеніемъ мѣловой или известяной матеріи. Кислый спиртъ смѣшанъ изъ общей кислой съ присовокупленною къ ней меркуріальною или арсеникальною первоначальною матеріею. Сколь летучъ кислый спиртъ сѣрный и горючая его матерія, то явствуетъ, когда сѣра пламенемъ разрушается. Арсеникъ состоитъ изъ тонкой земли, съ кислымъ солянымъ спиртомъ смѣшанной, и оттого учинившійся летучимъ, что показываетъ сходство его съ сублиматомъ. Рѣченный кислый соляной спиртъ, соединенный съ горючею матеріей, коль летучъ и къ возгорѣнію способенъ, показываетъ составленный изъ нихъ фосфоръ.

«По доказательству изъ многихъ химическихъ опытовъ, металлы суть тѣла смѣшанныя; почему смѣшанныя матеріи, ихъ составляющія, должны были безсомнѣнно въ натурѣ бытіе имѣть прежде, нежели изъ нихъ смѣшанные металлы».

Вотъ перомъ Ломоносова начертанные образчики положеній, которыя въ то время принимались большинствомъ химиковъ.

Соображая свои требованія съ тою бѣдностію вѣрно истолкованными фактами, которою отличалась тогдашняя химія отъ нынѣшней, но помня вмѣстѣ съ тѣмъ, что духъ строгой критики уже былъ внесенъ въ эту науку, что она уже окрѣпла на пути развитія въ самостоятельную отрасль естествовѣдѣнія, химическій читатель трактатовъ Ломоносова съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ узнаетъ въ немъ не только изобрѣтательнаго экспериментатора и обладавшаго обширною ученостію руководителя въ области химіи, но и необыкновеннаго проницательнаго толкователя химическихъ явленій. Чтобы прійти къ такому заключенію, уже достаточно прочитать, напримѣръ, его «Meditationes de caloris et frigoris causa» (размышленія о причинѣ теплоты и холода) и «Dissertatio de actione menstruorum in chymicorum in genere» (разсужденіе о химически растворяющихъ жидкостяхъ вообще). Эти трактаты, между прочимъ, доказываютъ, что Ломоносовъ былъ естествоиспытатель, пользовавшійся для рѣшенія химическихъ вопросовъ всѣми пособіями тонкихъ и точныхъ изслѣдованій: и геометрическою демонстраціею, и опредѣленіемъ объема и вѣса, и микроскопомъ и воздушнымъ насосомъ. Тутъ же можно убѣдиться въ большой начитанности Ломоносова и въ томъ, что, несмотря на распространенныя тогда понятія о флогистонѣ, объ элементарномъ огнѣ, его свѣтлый умъ вѣрно оцѣнивалъ тѣ химическіе факты, которые противорѣчили этимъ понятіямъ. Такъ, напримѣръ, разбирая явленія, замѣчаемыя при сгораніи металловъ (увеличеніе въ вѣсѣ) и при ихъ возстановленіи (уменьшеніи вѣса), подробно и убѣдительно доказываетъ шаткость мнѣнія тѣхъ химиковъ, которые увеличеніе вѣса при сгораніи металловъ объясняли соединеніемъ послѣднихъ съ особеннымъ огненнымъ веществомъ. Вообще знаменитый русскій ученый принадлежалъ къ числу тѣхъ, относительно немногихъ, химиковъ своего времени, которые, не поддаваясь безусловно вліянію господствовавшихъ тогда умозрѣній и авторитетовъ, прозрѣвали вѣрное истолкованіе процесса горѣнія и, такимъ образомъ, могутъ почитаться предтечами эпохи, съ которой началась антифлогистическая, новѣйшая химія.

Ломоносовъ вполнѣ сознавалъ, въ какомъ зачаточномъ состояніи находилась научная химія въ его время. «Xatendum

est. prostare plurima experimenta chymica, de quorum certitudine non dubitamus; inde tamen pavca ratiocinia, in quibus iudicia geometricis demonstrationibus exercitata aquiescere possunt, deducta esse iure querimur», — вотъ его собственныя слова, и призваніе его, какъ реформатора, въ полной силѣ обнаруживается тамъ, гдѣ, оставляя въ сторонѣ сомнительное и опираясь на достовѣрное, онъ обращается къ общимъ потребностямъ естествоиспытанія. Здѣсь онъ является однимъ изъ тѣхъ лучезарныхъ геніевъ, которые чувствуютъ за собою право предупреждать исторію, начертывать планъ науки въ будущемъ и быть учителями отдаленнаго потомства. «Прекрасныя натуры рачительный любитель, - говоритъ Ломоносовъ въ своемъ «Словѣ о пользѣ химіи», - желая испытать толь глубоко сокровенное состояніе первоначальныхъ частицъ, тѣла составляющихъ, долженъ высматривать всѣ оныхъ свойства и перемѣны, а особливо тѣ, которыя показываетъ ближайшая ея служительница и наперсница, и въ самые внутренніе черточки входъ имѣющая, химія: и когда она раздѣленныя и разсѣянныя частицы изъ растворовъ въ твердыя части соединяетъ и показываетъ разныя въ нихъ фигуры, — выспрашивать у осторожной и догадливой геометріи; когда твердыя тѣла на жидкія, жидкія на твердыя перемѣняетъ и разныхъ родовъ матеріи раздѣляетъ и соединяетъ, — совѣтовать съ точною и замысловатою механикой; и когда чрезъ слитіе жидкихъ матерій разные цвѣты производитъ, — вывѣдывать чрезъ проницательную оптику. Такимъ образомъ, когда химія пребогатыя госпожи своея потаенныя сокровища разбираетъ, любопытный и неусыпный натуры рачитель оныя чрезъ геометрію вымѣривать, чрезъ механику развѣшивать, и чрезъ оптику высматривать станетъ, то весьма вѣроятно, что онъ желаемыхъ тайностей достигнетъ. Здѣсь, уповаю, еще вопросить желаете: чего ради по сіе время изслѣдователи естественныхъ вещей въ семъ дѣлѣ столько не успѣли? На сіе отвѣтствую, что къ сему требуется весьма искусный химикъ и глубокій математикъ въ одномъ человѣкѣ. Химикъ требуется не такой, который только изъ одного чтенія книгъ понялъ сію науку, но который собственнымъ искусствомъ въ ней прилежно упражнялся; и не такой, напротивъ того, который хотя великое множество опытовъ дѣлалъ, однако, больше желаніемъ великаго и скоро пріобрѣтаемаго богатства поощряясь, спѣшилъ къ одному только исполненію своего

желанія, и ради того послѣдуя своимъ мечтаніямъ, презиралъ случившіяся въ трудахъ своихъ явленія и перемѣны, служащія къ истолкованію естественныхъ таинъ. Не такой требуется математикъ, который только въ трудныхъ выкладкахъ искусенъ, но который, въ изобрѣтеніяхъ и въ доказательствахъ привыкнувъ къ математической строгости, въ натурѣ сокровенную правду точнымъ и непоползновеннымъ порядкомъ вывесть умѣетъ. Безполезны тому очи, кто желаетъ видѣть внутренность вещи, лишаясь рукъ къ отверзтію оной. Безполезны тому руки, кто къ разсмотрѣнію открытыхъ вещей очей не имѣетъ. Химія руками, математика очами физическими по справедливости назваться можетъ».

Слишкомъ сто-тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, когда Ломоносовъ произнесъ эти вдохновенныя слова, и современная химія съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждается въ томъ, что въ выполненіи программы, выражаемой этими словами, заключается вся ея будущность, и что она только приступила къ этому выполненію.

А желалъ ли онъ, чтобы такъ горячо имъ любимыя естественныя науки, въ воздѣлываніи которыхъ онъ видѣлъ одинъ изъ главныхъ источниковъ благоденствія народовъ, были прилагаемы и обращаемы на внутреннюю пользу и внѣшнее величіе отечества? Отвѣтить на этотъ вопросъ можно словами самого Ломоносова, заимствованными также изъ его рѣчи: «О пользѣ химіи». «Раченія и трудовъ для сысканія металловъ требуетъ пространная и обильная Россія. Мнѣ кажется, я слышу, что она къ сынамъ своимъ вѣщаетъ: простирайте надежду и руки ваши въ мое нѣдро, и не мыслите, что исканіе ваше будетъ тщетно. Воздаютъ нивы мои многократно за труды земледѣльцевъ, и тучныя поля мои размножаютъ стада ваши, и лѣса и воды мои наполнены животными для пищи вашей: сіе не токмо довольствуетъ мои предѣлы, но и во внѣшнія страны избытокъ ихъ простирается. Того ради можете ли помыслить, чтобы горы мои другими сокровищами поту лица вашего не наградили? Имѣете въ краяхъ моихъ, къ теплой Индіи и къ Ледовитому морю лежащихъ, довольные признаки подземнаго моего богатства. Для сообщенія нужныхъ вещей къ сему дѣлу, открываю вамъ лѣтомъ далеко протекающія рѣки, и гладкіе снѣги зимою подстилаю. Отъ сихъ трудовъ вашихъ ожидаю приращенія купечества и художествъ; ожидаю вящ-

шаго градовъ украшенія и укрѣпленія и умноженія войска; ожидаю и желаю видѣть пространныя моря мои покрыты многочисленнымъ и страшнымъ неприятелю флотомъ, и славу и силу моея державы распростерть за великую пучину — въ невѣдомые народы».

Лясковскій.

Труды Ломоносова по русской исторіи.

Спеціалистъ по физикѣ и химіи, изъ любви къ своей родинѣ, въ досужіе, можно сказать, часы успѣвшій образовать литературный намъ языкъ и вывести для него твердые законы, не могъ, въ силу той же любви, не остановить геніальнаго своего взора и на обработкѣ исторіи своего отечества. Подъ конецъ уже жизни изданъ имъ (1760) «Краткій россійскій лѣтописецъ, съ родословіемъ», доведенный до смерти Петра Великаго и также посвященный великому князю Павлу Петровичу, а по смерти уже автора напечатана Академіею и систематическая исторія, которую преждевременная кончина Ломоносова не дозволила продолжить долѣе 1054 года, т.-е. смерти великаго князя Ярослава.

Какъ въ разработкѣ русскаго языка, такъ и здѣсь Ломоносовъ не встрѣтилъ много подготовленнаго; самые источники, за исключеніемъ немногихъ лѣтописей, оставались въ неизвѣстности, ожидая въ пыли архивовъ болѣе благосклоннаго къ себѣ вниманія. Правда, Академія Наукъ уже существовала: въ ней были академики и по части исторіи; но нѣмецкое происхожденіе Бейера и Миллера отнимало еще въ ту пору у нихъ время на обученіе русскому языку, безъ котораго немыслимо было пользованіе туземными и важнѣйшими матеріалами. Отсутствіе, такимъ образомъ, сочиненія, которое бы обнимало хотя въ общихъ чертахъ историческую жизнь русскаго народа, вынужденность людей образованныхъ довольствоваться безсвязными сказаніями хронистовъ, не очищенными критикою и нерѣдко переполненными грубымъ баснословіемъ, вызвали Ломоносова, видно, не надѣявшагося на скорое пополненіе столь тяжелаго пробѣла отъ иностранныхъ своихъ сотоварищей, взяться и за эту новую для него работу.

«Россійскій лѣтописецъ», какъ показываетъ уже и самое оглавленіе, не требовалъ особенной ученой подготовки; вопросъ

сводился къ добросовѣстной выборкѣ важнѣйшихъ событій и къ правильному размѣщенію ихъ по годамъ и княженіямъ. Но и тутъ нельзя не отдать Ломоносову чести за его добросовѣстнѣйшее трудолюбіе. Изъ разныхъ лѣтописей собранъ имъ послѣдовательный рядъ князей и царей, съ точнымъ опредѣленіемъ года рожденія, вступленія на престолъ и смерти каждаго, если только предлагали лѣтописи возможность къ тому. Каждое правленіе обставлено замѣчательнѣйшими событіями, — и лѣтописецъ въ хронологическомъ очеркѣ представилъ какъ бы остовъ русской исторіи. Не мало труда прибавилось и для составленія родословія, особенно при указаніи родства съ иноземными дворами. Счастливъ былъ наслѣдникъ русскаго престола и въ этомъ отношеніи, получивши въ лѣтописи руководство по исторіи будущихъ своихъ подданныхъ, какому подобнаго не предлагала тогдашняя литература.

Совсѣмъ иныя требованія въ подготовкѣ обусловливали систематическій трудъ по исторіи. Пытливый умъ Ломоносова, добивавшійся неутомимо свѣта и истины, не въ состояніи уже былъ ограничиться скудными замѣтками въ лѣтописяхъ, ихъ сбивчивостью, частыми противорѣчіями и невниманіемъ къ такимъ вопросамъ, въ которыхъ заключена основа и направленіе послѣдующей жизни и на которыхъ прежде всего сосредоточивается глубокій умъ. Въ ряду такихъ вопросовъ первое мѣсто въ древнѣйшей исторіи, которою и ограничился Ломоносовъ, занимаетъ вопросъ, томящій и до настоящихъ дней любознательныхъ ученыхъ: объ основаніи русскаго государства, о составныхъ частяхъ, сложившихъ русскій народъ, о происхожденіи варяго-руссовъ и ихъ призваніи русскими славянами. Такъ какъ въ фактической части исторіи, со времени Рюрика, предстояла возможность пользоваться главнѣйшимъ образомъ лѣтописями, по которымъ она и изложена, то мы и взглянемъ на первую только часть труда Ломоносова, посвященную рѣшенію именно этихъ темныхъ вопросовъ.

Съ какими вспомогательными средствами приступилъ онъ тутъ къ работѣ; какіе частные вопросы подняты здѣсь имъ и какъ вышелъ онъ изъ этого поистинѣ лабиринта?

Понятно, что лѣтописи могли дать слишкомъ немного матеріаловъ; эпоха настолько темна и для перваго нашего лѣтописца, что простой его умъ скорѣе могъ касаться ея въ однихъ намекахъ, а часто многое обходить и вовсе молчаніемъ; тогда

какъ даже одинъ славянскій народъ способенъ былъ вызвать столько и такихъ вопросовъ, объясненія которыхъ можно искать лишь у древнѣйшихъ и иноземныхъ писателей. И Ломоносовъ, какъ при составленіи грамматики, такъ и тутъ вооружился всѣми источниками, какіе только могли находиться у него подъ руками. Знакомство его съ древними языками открывало ему свободный доступъ ко всѣмъ писателямъ греческимъ и латинскимъ; полное же знаніе нѣмецкаго языка давало возможность справляться и съ учеными изслѣдованіями нѣмцевъ, имѣвшими какое-либо отношеніе къ затрогивавшимся вопросамъ въ русской исторіи. И нельзя не подивиться добросовѣстной и обширной начитанности Ломоносова. Вотъ писатели, на которыхъ ссылается онъ, изъ которыхъ дѣлаетъ извлеченія въ русскомъ переводѣ и извѣстія которыхъ подвергаетъ критическому разбору. Отечественныя лѣтописи и патерики я пропускаю; изъ греко-византійскихъ въ подробности знакомы Ломоносову: Геродотъ, Птоломей, Страбонъ, Прокопій, Константинъ Багрянородный, Кедринъ и Зонара; изъ латино-нѣмецкихъ: Курцій, Непотъ, Ливій, Тацитъ, Плиній, Іорнандъ, Гельмольдъ, Саксонъ грамматикъ и лѣтописи, изданныя Мураторіемъ; изъ польскихъ: Длугошъ, Лѣховскій, Кромеръ и Стрыйковскій; знакомъ ему и Стурлезонъ. Правда, теперь попадаются сочиненія, предлагающія несравненно большій списокъ именъ авторовъ и сочиненій; но было бы крайне опасно поручиться за самостоятельную обработку цитуемыхъ источниковъ; нерѣдко случается, что новѣйшіе наши ученые иногда не видѣли и въ глаза того или другого латинскаго или греческаго сочиненія, на которыя ссылаются лишь по указаніямъ или извлеченіямъ уже въ готовыхъ изслѣдованіяхъ. Не при такихъ условіяхъ находился Ломоносовъ: въ его время не только не было переводовъ большинства приводимыхъ имъ авторовъ, но не было и новыхъ сочиненій, которыми бы могъ онъ пользоваться по всѣмъ сторонамъ поднимавшихся вопросовъ. И въ обработкѣ русской исторіи натолкнулся Ломоносовъ также на непочатую еще почву и вынужденъ былъ самъ и удобрять, и вспахивать, и засѣвать, и боронить ее. Какъ же совершилъ онъ этотъ многотрудный подвигъ?

Уже одни оглавленія первой части, характеризующія возбужденные вопросы, свидѣтельствуютъ ясно о широтѣ и глубинѣ его воззрѣній и о строгой систематичности въ изложеніи.

Раздѣливши ее на десять главъ, онъ прежде всего указываетъ въ общихъ чертахъ на старобытныхъ жителей Россіи, т.-е. на славянъ и чудь; затѣмъ разбираетъ величіе и поколѣнія славянскаго народа, дальнюю древность его, нравы и религію славянъ, передвиженія и дѣянія ихъ; потомъ останавливается на чуди, говоритъ о громадности въ древнее время этого народа, о родствѣ его съ венграми, о столкновеніяхъ съ норманами, объ отношеніи ихъ къ Геродотовымъ скиѳамъ; наконецъ, переходитъ къ варягамъ, разсматриваетъ ихъ названія, обращается къ варяго-руссамъ и доказываетъ одноплеменность ихъ съ руссами; заключаетъ все изслѣдованіемъ происхожденія и древности руссовъ, ихъ переселеній, отношеній къ новгородцамъ и южнымъ славянамъ и призваніе Рюрика на княженіе.

Чего нѣтъ, слишкомъ за сто лѣтъ до нашего времени, у Ломоносова, что, обыкновенно, входитъ въ изложеніе позднѣйшихъ ученыхъ спеціалистовъ? Но не относительно только предметовъ содержанія имѣетъ силу этотъ вопросъ: много ли особенно новаго и въ окончательномъ рѣшеніи этихъ вопросовъ представила намъ современная наука! Существеннѣйшіе вопросы, какъ старобытность славянскаго племени въ Европѣ и происхожденіе варяго-руссовъ, въ заключительныхъ выводахъ и въ наши дни продолжаютъ еще рѣшаться подобнымъ же образомъ, хотя и забываемъ при этомъ о Ломоносовѣ. Мы рѣшительно, напримѣръ, признаемъ безсмертнаго Шафарика виновникомъ опредѣленія старобытности славянской; его отдѣлъ славянскихъ древностей, который посвященъ этому предмету, заставилъ и нѣмцевъ прекратить выводы славянъ, въ IV—V столѣтіяхъ, въ эпоху такъ называемаго великаго переселенія народовъ, на ряду съ гуннами, аварами и другими дикими азіатцами. Но, не умаляя нисколько незамѣнимыхъ въ славянской наукѣ достоинствъ Шафарика, должны согласиться, что всѣ почти доказательства старобытности, приводимыя имъ, читаемъ мы и у Ломоносова, хотя и въ кратчайшемъ видѣ и съ несравненно меньшими ссылками. Есть у него и умозрительные выводы, на основаніи обилія славянскаго племени теперь и въ первую пору яснаго появленія ихъ въ исторіи: указаны и свидѣтельства пребыванія славянъ, въ первые вѣка по Р. X., въ Иллирикѣ и Далмаціи; замѣчены и славянскія имена мѣстъ и городовъ за Дунаемъ, у Плинія и Страбона.

такъ же, какъ у Шафарика, объяснены и Птоломеевы ставане славянами. Но русскіе привыкли судить о своихъ и великихъ людяхъ по отзывамъ Запада, а на Западѣ не могли читать исторіи Ломоносова, когда и нѣкоторые изъ русскихъ нѣмцевъ выбивались изъ силъ, чтобы унизить и сдавить геніальнаго туземца.

А рѣшеніе пресловутаго вопроса о варяго-руссахъ? Развѣ не повторялось оно, при громадномъ запасѣ учености, въ сороковыхъ годахъ, подъ перомъ талантливаго Савельева-Ростиславича? Развѣ въ сущности не тотъ же выводъ и въ замѣчательнѣйшемъ сочиненіи г. Гедеонова, побудившемъ сдѣлать кое-какія уступки ревнивыхъ представителей скандинавизма, достоуважаемыхъ гг. Погодина и Куника? Но зачѣмъ станемъ помнить мы о Ломоносовѣ, когда не безъ ироническои улыбки готовы встрѣчать и теперь труды по подобнымъ вопросамъ, хотя бы они и составляли важнѣйшее достояніе науки!

Что сказать и о частныхъ вопросахъ, рѣшенныхъ имъ во множествѣ? Развѣ не приводятъ они къ признанію той же необыкновенной прозорливости ума, той же обширности и глубины знанія и соображенія, какія вызываютъ удивленіе къ нему и въ другихъ его занятіяхъ? Такъ, напримѣръ, замѣчаніе о городѣ Винетѣ, послужившемъ задачею спеціальныхъ изслѣдованій Шафарика и Грановскаго, заключаетъ свѣдѣнія, которымъ послѣднія служатъ дополненіемъ (срв. стран. 84, 97, ч. 5, Полное собр. сочин. Ломоносова, изд. 1786 г. С.-Пб.); или значеніе славянъ въ исторіи готовъ, лонгобардовъ и другихъ только скрѣплено позднѣйшими изслѣдованіями, при чемъ Ломоносовъ сохранилъ больше осторожности и избѣжалъ увлеченіи, въ какія впадали авторы послѣднихъ, думая вездѣ и во всемъ видѣть славянъ (стран. 87, 111). Въ объясненіи слова *скиѳъ* Ломоносовъ не только поразилъ многоученаго нѣмца Бейера, считавшаго это слово скиѳскимъ и придавшаго ему значеніе *стрѣлка*, но и чуть не на сто лѣтъ предупредилъ послѣдующихъ ученыхъ, сопоставивши его съ *чудь*, въ церковно-славянской формѣ *щудь*, *штудь*, то-есть *чужой*, обращенной въ греческомъ языкѣ въ форму *скуѳъ* (Σκύθης = Skytha, стран. 118; срв. Буслаева «О вліяніи христіанства на славянскій языкъ», стран. 84—85). А указаніе на положительное родство венгровъ съ чудью? Вѣдь только въ наше столѣтіе филологія дошла до этого убѣжденія, а сами мадьяры, ка-

жется, убѣдились въ этомъ только съ 1864 года, послѣ почтеннаго сочиненія Гупфальви. Для того, чтобы не отвергать всецѣло лѣтописи Якимовской, потребовались отрывочныя доказательства въ ея пользу, въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, Бутковыхъ, Макаріевъ, Соловьевыхъ и даже спеціальныя изслѣдованія, что, впрочемъ, не могло уже измѣнить категорически насмѣшливыхъ отзывовъ не только умершихъ, но и живущихъ еще историковъ; а Ломоносовъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, уже выражался о ней такъ: «новгородской лѣтописецъ хотя съ начала наполненъ многими невѣроятными вымыслами, однако никакой не нахожу причины упрямо спорить, чтобы городъ Славянскъ никогда не былъ построенъ и разоренъ много прежде Рурика», или въ другомъ мѣстѣ: «новгородскій лѣтописецъ согласуется въ томъ со внѣшними писателями, и хотя бы имена Славена, Руса и другихъ братей были вымышлены, однако есть дѣла сѣверныхъ славянъ въ немъ описанныя правдѣ не противныя» (стран. 87, 104). Но мы бы не кончили долго, если бы рѣшились приводить всѣ Ломоносовскія рѣшенія, ставшія, какъ-будто вслѣдствіе новѣйшихъ изслѣдованій, достояніемъ науки. Для опредѣления и здѣсь его знаменательнаго значенія — достаточно и указанныхъ примѣровъ.

Соображая это значеніе въ наукахъ, не составлявшихъ его спеціальности, занятіе которыми скорѣе можетъ считаться отдохновеніемъ отъ главныхъ работъ, и принимая во вниманіе результаты трудовъ его въ послѣднихъ, какъ можно удержаться, чтобы не примѣнить, съ небольшимъ лишь измѣненіемъ, къ самому Ломоносову тѣхъ словъ, въ которыхъ онъ излилъ свое благоговѣйное уваженіе къ Петру Великому, въ похвальномъ ему словѣ: «вездѣ видимъ его въ потѣ, въ пыли, и не можемъ сами себя увѣрить, чтобы единъ вездѣ онъ, но многіе, и не краткая жизнь, но сотни лѣтъ»! *П. Лавровскій.*

О размноженіи и сохраненіи россійскаго народа, Ломоносова.

Въ 1761 году, 1-го ноября нашъ писатель подарилъ любимца императрицы (И. Шувалова) письмомъ, которое, несомнѣнно, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній его пера. Оно написано на тему «О размноженіи и сохраненіи

россійскаго народа». Въ началѣ его Ломоносовъ говоритъ, что онъ, при разборѣ своихъ сочиненій, нашелъ «старыя записки моихъ мыслей, простирающихся къ приращенію общественной пользы». Эти, по выраженію самого Ломоносова, «по разнымъ временамъ замѣченныя порозиь мысли подведены быть могли подъ слѣдующія главы: 1. О размноженіи и сохраненіи россійскаго народа. 2. О истребленіи праздности. 3. О исправленіи нравовъ и о большемъ народа просвѣщеніи. 4. О исправленіи земледѣлія. 5. О исправленіи и размноженіи ремесленныхъ дѣлъ и художествъ. 6. О лучшихъ пользахъ купечества. 7. О лучшей государственной экономіи. 8. О сохраненіи военнаго искусства во время долговременнаго мира». Сохранилось въ спискѣ съ собственноручной записки Ломоносова другое, подобное же оглавленіе его мыслей, но нѣсколько перелначенное и съ прибавками, а именно: 1. «О сохраненіи и размноженіи народа. 2. О истребленіи праздности. 3. О исправленіи нравовъ и о просвѣщеніи. 4. О умноженіи внутренняго изобилія. 5. О купечествѣ, особливо со внѣшними народами. 6. О ремесленныхъ дѣлахъ и художествахъ. 7. О государственной экономіи. 8. О сохраненіи военнаго искусства и храбрости во время долговременнаго мира. Оріентальная Академія. О лѣсахъ. Экономическая географія. Экономическія игры. Истребленія раскола. Экономическая ландкарта. Праздность показать по мѣстамъ и по персонамъ. Мужъ мельницу не сдѣлаетъ, а жена весь день мелетъ».

На основаніи этого оглавленія, нѣкоторые изслѣдователи положительно говорятъ, что Ломоносовъ непремѣнно написалъ разсужденія подъ такими названіями, и что они теперь утрачены; напротивъ того, Билярскій высказываетъ предположеніе, что эти разсужденія существовали только въ заглавіяхъ. Какъ бы то ни было, только въ настоящее время не отыскано еще ни одного произведенія Ломоносова, которое бы можно было пріурочить, по содержанію и направленію, къ тому же разряду сочиненій, которыя упоминаются въ вышеприведенныхъ заглавіяхъ. Отчасти напоминаетъ пріемы разбираемаго здѣсь письма Ломоносова небольшая статейка его о духовенствѣ, которая имъ самимъ озаглавлена «Примѣчанія» и написана для И. Шувалова, а въ печати названа «Объ обязанности духовенства»*).

*) Статейка эта напечатана въ „Лѣтописяхъ литературы и древности“, 1859, II, отд. III, 197, 198.

Въ вышеозначенномъ письмѣ Ломоносовъ причинами умаленія народонаселенія полагалъ: браки между лицами несоотвѣтствующихъ лѣтъ, а также насильственные; далѣе запрещеніе жениться болѣе трехъ разъ. Ломоносовъ краснорѣчиво возстаетъ потомъ противъ насильственнаго постриженія въ монахи вдовыхъ молодыхъ священниковъ и діаконовъ, равнымъ образомъ — и противъ поступленія въ монашество молодыхъ людей обоего пола. Для отвращенія большой смертности, случающейся въ дѣтскомъ возрастѣ, совѣтуется составить общедоступные лѣчебники, собранные изъ иностранныхъ книгъ. Ломоносовъ при этомъ случаѣ въ особенности обращаетъ вниманіе на «великаго медика Гофмана»: онъ «упражнявшись черезъ шестьдесятъ лѣтъ въ докторскомъ званіи, при концѣ жизни писалъ наставленія о излѣченіи младенческихъ болѣзней, по которымъ я, — прибавляетъ Ломоносовъ, — дочь свою дважды отъ смерти избавилъ...» Потомъ слѣдуютъ разсужденія о вредѣ крещенія дѣтей въ холодной водѣ, на что настаивали нѣкоторые упрямые священники. Особенною яркостью красокъ отличается описаніе пьянствъ, которымъ русскіе предаются въ большіе праздники, и потомъ — вреда для здоровья отъ перехода къ дурной постной пищѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ доказывается, что время нашихъ большихъ праздниковъ и постовъ самое неудобное къ тому, и что св. отцы, установившіе ихъ, имѣли въ виду народы, живущіе на югѣ, въ благорастворенномъ климатѣ. Ломоносовъ говоритъ о необходимости перемѣнъ въ постановленіяхъ по этому предмету, которыя бы соотвѣтствовали климатическимъ условіямъ Россіи: «для толь важнаго дѣла можно въ Россіи вселенскій соборъ составить: сохраненіе жизни толь великаго множества народа того стоитъ». Ломоносовъ былъ увѣренъ, что подобныя перемѣны легко дѣлаются въ Россіи потому де, что «россійскій народъ гибокъ!»

Размноженіе докторовъ и аптекъ, а въ послѣднихъ — аптекарей изъ русскихъ (это желаніе Ломоносова подобно нѣкоторымъ другимъ — какъ извѣстно — остается неосуществившимся и понынѣ), съ тѣмъ вмѣстѣ уничтоженіе суевѣрнаго лѣченія волшебствомъ и чародѣйствомъ; искорененіе случаевъ насильственной смерти, дракъ, разбоевъ; возвращеніе множества бѣглыхъ изъ-за границы (даже военною силою); истребленіе раскола и черезъ это распространеніе просвѣщенія; призывъ иностранныхъ поселенцевъ — таковы предметы, о которыхъ

распространяется Ломоносовъ въ своемъ письмѣ. Вообще это произведеніе, поражающее и теперь широкимъ взглядомъ, чуждымъ мелочности и личностей, затрогиваетъ столько вопросовъ, не разрѣшенныхъ и донынѣ; оно все такъ глубоко проникнуто сознаніемъ правоты того, что высказываетъ здѣсь великій писатель; въ немъ повсюду является такое глубокое знаніе своего народа — и притомъ оно написано такимъ прекраснымъ, могучимъ слогомъ, что все это, безспорно, дѣлаетъ письмо Ломоносова о сохраненіи и размноженіи россійскаго народа однимъ изъ самыхъ выдающихся произведеній всей русской литературы XVIII вѣка. Независимо отъ этого, письмо для насъ драгоцѣнно и въ томъ отношеніи, что оно болѣе, чѣмъ всѣ прочія его сочиненія, знакомитъ насъ съ его взглядомъ и убѣжденіями въ гражданскомъ и религіозномъ отношеніяхъ.

Теперь любопытно узнать всѣ мытарства, которыя испыталъ этотъ трактатъ, чтобы явиться въ печати безъ помарокъ ровно сто-десять лѣтъ спустя послѣ его сочиненія. Только въ 1819 году русскіе читатели увидѣли напечатаннымъ это письмо. Его осмѣлился помѣстить, впрочемъ съ важными пропусками, В. Олинъ въ своемъ журналѣ древней и новой словесности. Въ то же время оно вышло и отдѣльною брошюрою. «Появленіе письма и брошюры, — разсказываетъ г. профессоръ Сухомлиновъ, — не прошло незамѣченнымъ. Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія сдѣлалъ замѣчаніе цензурному комитету, что не слѣдовало, вопреки пятнадцатому параграфу устава, пропускать сочиненіе, въ которомъ содержатся, въ пунктахъ: третьемъ, пятомъ, седьмомъ и восьмомъ, мысли предосудительныя, несправедливыя, противныя православной Церкви и оскорбляющія честь нашего духовенства. Цензору Яценкову, одобрившему рукопись, угрожали удаленіемъ отъ должности, и цензированіе журнала древней и новой словесности передано было въ другія руки. Управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ признавалъ, что распространеніе письма Ломоносова въ публикѣ должно быть воспрещено. Весьма замѣчательно объясненіе цензора Яценкова, показывающее, какъ мало цензура расположена была стѣснять литературную дѣятельность, и какимъ образомъ относилась она къ произведеніямъ словесности вообще. «Не входя въ изслѣдованіе о томъ, — пишетъ Яценковъ, — справедливы ли разсужденія Ломоносова, въ письмѣ семъ изображенныя, осмѣливаюсь объяснить только

слѣдующее. Статья сія имѣетъ совсѣмъ другую цѣну, и должна быть разсматриваема совсѣмъ съ другой стороны. Она не есть ни богословская: ибо кто станетъ искать въ Ломоносовѣ разрѣшеніе богословскихъ вопросовъ? ни медицинская, ниже политико-экономическая, хотя въ семъ дѣлѣ всѣ лучшіе врачи и многіе государственные мужи отдадутъ Ломоносову справедливость. Она есть не что иное, какъ новая черта къ портрету Ломоносова, дополненіе къ исторіи жизни и многочисленнымъ ученымъ занятіямъ сего великаго мужа. До сихъ поръ мы знали и почитали Ломоносова, какъ неподражаемаго поэта, какъ великаго математика, физика, астронома, химика; отнынѣ будемъ знать и почитать еще его и какъ глубокомысленнаго государственнаго мужа, какъ ревностнѣйшаго споспѣшника народной силы, богатства и величія нашего отечества. Онъ могъ ошибаться въ мнѣніяхъ своихъ о предметахъ богословскихъ и политико-экономическихъ: но одно усердіе его къ споспѣшествованію общей пользѣ даетъ уже ему право на всеобщую признательность. Будущій историкъ жизни Ломоносова не пропуститъ и сей черты вмѣстѣ со многими другими, изображающими величественный образъ сего необыкновеннаго человѣка. И сія есть одна истинная точка, съ которой цензоръ считалъ себя въ обязанности разсматривать статью сію. Запретивши оную, онъ бы выкинулъ одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ въ похвальномъ словѣ Ломоносова».

Въ 1842 году въ «Москвитянинѣ» снова было напечатано письмо Ломоносова, а отсюда перешло въ сочиненія Ломоносова, изд. А. Смирдинымъ; но въ обоихъ названныхъ изданіяхъ это письмо явилось еще съ большими урѣзками, чѣмъ у Олина. Въ 1859 году въ библіографическихъ запискахъ, послѣ скромнаго замѣчанія, что «это любопытное сочиненіе... вѣроятно, еще нескоро появится въ печати въ удовлетворительномъ и полномъ спискѣ», возстановлено было нѣсколько пропусковъ. Какъ обо всемъ этомъ мало было извѣстно не только русской читающей публикѣ, но и въ журналистикѣ, тому доказательствомъ можетъ служить статья «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1871 г., № 82: «Всѣми забытое письмо Ломоносова». Здѣсь вначалѣ неизвѣстный авторъ, увѣряя, что письмо было только разъ напечатано въ журналѣ древней и новой словесности, приводитъ изъ него выписки касательно постовъ. Наконецъ, въ 1871 году

въ третьемъ выпускѣ «Бесѣдъ въ обществѣ любителей россійской словесности», на стран. 72—86, напечатано это письмо Ломоносова вполнѣ. *Пекарскій.*

Взглядъ Ломоносова на церковно-славянскій языкъ.

Вопреки Тредьяковскому Ломоносовъ положительно отдѣлялъ славянскій языкъ отъ древнерусскаго и назвалъ послѣдній, въ противоположность церковному, «гражданскимъ», сохранившимся въ «печатныхъ и рукописныхъ гражданскихъ книгахъ, великороссіянами сочиненныхъ, каковы суть Уложеніе, указныя книги и другія печатныя и письменныя права и указы».

При другомъ случаѣ Ломоносовъ говоритъ еще опредѣленнѣе: «Онъ (т.-е. Шлецеръ) поистинѣ не знаетъ, сколько рѣчи, въ россійскихъ лѣтописяхъ находящіяся, разнятся отъ древняго моравскаго языка, на который переведено прежде священное писаніе; ибо тогда россійскій діалектъ былъ другой, какъ видно изъ древнихъ реченій въ Несторѣ, каковы находятся въ договорахъ первыхъ россійскихъ князей съ царями греческими. Тому же подобные законы Ярославовы, «Правда Русская» называемые; также прочія историческія книги, въ которыхъ употребительныя рѣчи въ Библіи и въ другихъ церковныхъ книгахъ, коихъ премного, по большой части не находятся, иностраннымъ мало знаемы».

Итакъ, по понятію Ломоносова, древнерусскій языкъ былъ очень различенъ отъ церковно-славянскаго. Далѣе Ломоносовъ полагалъ, что «славянскій языкъ отъ великороссійскаго ничѣмъ столько не разнится, какъ окончаніями реченій. Напримѣръ, по-славянски единственные прилагательные мужескіе именительные падежи кончаются на *ый* и *ій* (*богатый, старшій, синій*), по-великороссійски кончаются на *ой* и *ей* (*богатой, старшей, синей*); по-славянски — *сыновóмъ, дѣлóмъ, рýцѣ, мене, пихомъ, кланяхуся*, по-великороссійски — *сыновьямъ, дѣламъ, руки, меня* (мы) *пили*, (они) *кланялись*». Въ грамматикѣ Ломоносова отмѣчены нѣкоторые славянизмы въ формахъ и сочиненіи словъ, въ противоположность соотвѣтствующимъ руссизмамъ: говорится, что въ русскомъ языкѣ только тѣ глаголы могутъ имѣть причастіе на *щій* и *мый*, которые были въ употребленіи и у славянъ (§§ 343, 442, 444, 453); и наоборотъ, что дѣепричастіе

на *вши* употребительнѣе «у точныхъ россійскихъ глаголовъ», а дѣепричастія на *а* — у глаголовъ, происходящихъ изъ славянскаго языка (§ 436). Кромѣ того, Ломоносовъ полагаетъ, что причастія съ окончаніемъ *ущійся* болѣе употребительны въ глаголахъ славянскихъ (§ 450), а усѣченное, съ окончаніемъ на *нъ* — въ россійскихъ (§ 448). Есть у него еще замѣчаніе, что «славенская речь гораздо больше позволяетъ употребленіе возвратныхъ (глаголовъ) вмѣсто страдательныхъ (§ 512); высказывается сожалѣніе о томъ, что «изъ обычая и употребленія вышла форма дательнаго самостоятельнаго» (§ 533), и приводится въ видѣ славянизма форма родительнаго восклицательнаго: о, чуднаго Промысла! (§ 570). Но, по мнѣнію Ломоносова, «разность славенскаго языка съ россійскимъ» не ограничивается грамматическими формами и различіями фонетическими, она отражается и въ лексикологическомъ составѣ обоихъ языковъ. Ломоносовъ имѣлъ даже въ виду «отмѣтить старыя слова россійскія церковныя» въ противоположность «новымъ или гражданскимъ словамъ россійскимъ». Отъ преобладающаго участія тѣхъ или другихъ происходитъ, по его мнѣнію, стилистическое различіе въ русской рѣчи.

Ломоносовъ считаетъ церковный языкъ какъ бы уравнительнымъ маятникомъ, который своимъ вліяніемъ сближаетъ расходящіяся діалектическія формы и задерживаетъ слишкомъ быструю измѣнчивость языка живого; благодаря этому обстоятельству языки славянъ православныхъ сохраняютъ наибольшую близость между собою и древній видъ: современному русскому понятенъ языкъ «Русской Правды и Нестора». Какъ языкъ Церкви и органъ богатой литературы, съ выработанными и установившимися формами, церковно-славянскій языкъ представляется Ломоносову выше едва зарождающагося новаго литературнаго русскаго языка. Правда, что и древнерусскій языкъ имѣлъ нѣкоторую литературную обработку, но она ограничивалась лѣтописями и юридическими памятниками, не возвышаясь до изложенія наукъ отвлеченныхъ, гдѣ церковный языкъ перебилъ ему дорогу. Но такъ какъ, по взгляду Ломоносова, слово и мысль нераздѣльны, то и самыя слова церковно-славянскія получали нѣкоторое освященіе и высоту.

Будиловичъ.

Грамматика Ломоносова.

Обратимся сперва къ тому, что заключаетъ въ себѣ эта грамматика, а потомъ постараемся указать, какими источниками Ломоносовъ пользовался при ея составленіи.

Въ его грамматикѣ вниманію нашему представляются двѣ стороны: во-первыхъ, расположеніе; во-вторыхъ, содержаніе.

Въ первомъ отношеніи она раздѣлена на шесть *наставленій*, изъ которыхъ каждое подраздѣляется на нѣсколько главъ (числомъ отъ пяти до семи).

Первое *наставленіе* озаглавлено: «О человѣческомъ словѣ вообще». Подъ *словомъ*, какъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, разумѣется языкъ; это послѣднее названіе часто встрѣчается въ посвященіи грамматики великому князю, которое и начинается извѣстною фразою: «Повелитель многихъ *языковъ*, *языкъ россійскій*» и т. д.

Впрочемъ, и тамъ Ломоносовъ говоритъ о своемъ «долговременномъ въ россійскомъ *словѣ* упражненіи», но за основаніе изученія *своего языка* ставитъ общее философское понятіе «*о человѣческомъ словѣ*». Вникая въ различіе, полагаемое имъ въ употребленіи этихъ двухъ терминовъ, мы находимъ, что онъ пользуется ими съ большою разборчивостью, и во всей грамматикѣ пишетъ исключительно *слово*, когда разумѣетъ общую принадлежность человѣческаго рода, способность говорить; *языкомъ же* называетъ онъ конкретно достояніе того или другого народа. Оттого и въ заглавіяхъ отдѣльныхъ главъ 1-го наставленія грамматики говорится все *о частяхъ слова*. Этотъ способъ выраженія проведенъ въ грамматикѣ съ большою послѣдовательностью.

Вслѣдствіе такого пріема Ломоносовъ въ своей грамматикѣ, подобно Смотрицкому, уже никогда не употребляетъ *слово* въ смыслѣ звукового цѣлаго для выраженія отдѣльнаго понятія: для этого имъ обоимъ постоянно служитъ имя *реченіе*.

Идея и цѣль 1-го наставленія заключается въ томъ, чтобы прежде разсмотрѣнія частностей обозрѣть всю область языка и уяснить основныя понятія науки о немъ. Оно должно было служить вступленіемъ въ русскую грамматику.

Приведу теперь заголовки отдѣльныхъ главъ, содержащихся въ этомъ наставленіи; но такъ какъ многіе термины Ломоносова впослѣдствіи замѣнены другими и потому для насъ не со-

всѣмъ понятны, то я рядомъ съ его заголовками поставлю въ скобкахъ, гдѣ нужно, ихъ переводъ на нынѣшніе термины:

Глава 1. О голосѣ.

„ 2. О выговорѣ и нераздѣлимыхъ частяхъ человѣческаго слова *(объ элементарныхъ звукахъ языка)*.

„ 3. О сложеніи нераздѣлимыхъ частей слова *(о сочетаніи элементарныхъ звуковъ*, т.-е. слогахъ).

„ 4. О знаменательныхъ частяхъ слова *(о реченіяхъ*, т.-е. отдѣльныхъ словахъ).

„ 5. О сложеніи знаменательныхъ частей слова *(о сочетаніи словъ или реченій)*.

Эти пять отдѣловъ могутъ быть сведены на три, изъ которыхъ виднѣе будетъ правильное и симметрическое расположеніе предмета: 1) о голосѣ и звукахъ языка вообще; 2) объ элементарныхъ звукахъ языка и о соединеніи ихъ въ слоги, а слоговъ въ слова; 3) о словахъ и соединеніи ихъ въ предложенія.

Отступая отъ общепринятаго въ его время порядка, Ломоносовъ начинаетъ свою грамматику размышленіями о *голосѣ*, слѣдовательно уже понимаетъ необходимость итти въ изученіи языка отъ живой рѣчи. Но качества и измѣненія голоса различены имъ не довольно ясно, и главы этой нельзя считать вполнѣ удачной.

Отъ *выговора* онъ, въ началѣ 2-й главы, обращается къ *нераздѣлимымъ частямъ слова*. Такъ называетъ онъ, подобно Смотрицкому, то, что въ наше время разумѣютъ подъ именемъ членораздѣльныхъ элементарныхъ звуковъ и ихъ изображеній, т.-е. буквъ. То и другое можетъ быть соединено подъ общимъ понятіемъ элементовъ языка. Вслѣдъ за симъ начинается у Ломоносова весьма обыкновенное еще и донынѣ смѣшеніе понятій о звукѣ и о буквѣ, — смѣшеніе, на которое жаловался еще древній грамматикъ Присціанъ.

Тѣмъ не менѣе, однакожъ, здѣсь тотчасъ выказывается естествоиспытатель. «Различность ихъ» (т.-е. нераздѣлимыхъ частей слова), говоритъ Ломоносовъ, «происходитъ отъ разности органовъ, отъ разнаго ихъ положенія и движенія». Органы эти тутъ же исчислены имъ вѣрно: губы, зубы, языкъ, небо и гортань съ положенными близъ ея частями, т.-е. съ язычкомъ и его скважинами въ ноздри» (№ 14 и 15). Затѣмъ слѣдуетъ различіе *гласныхъ* и *согласныхъ*, изъ которыхъ первые Ломоносовъ, по примѣру Смотрицкаго, называетъ иногда и *самогласными;*

хотя различіе тѣхъ и другихъ объяснено не совсѣмъ удовлетворительно, однакожъ постоянно обращается вниманіе и на физіологическую сторону дѣла. Различіе гласныхъ очень остроумно обозначено характеристическими признаками разныхъ положеній рта, именно расширеніемъ (Е), стисненіемъ (И), округленіемъ (О) и протяженіемъ (У).

Гласные дѣлятся на два разряда, отмѣченные у Ломоносова тѣми же терминами — *дебелые* и *тонкіе*, которые употреблены Смотрицкимъ, а потомъ приняты и Востоковымъ и Павскимъ, для обозначенія двоякаго выговора согласныхъ (при ъ и при ь). Иначе Ломоносовъ называетъ ихъ *тупыми* и *острыми*. Но самое распредѣленіе гласныхъ на этомъ основаніи у него невѣрно. Именно онъ принимаетъ (№ 20):

дебелые:	тонкіе:
а	я
е	ѣ
ы	и
о	іо
	ю

Тутъ смѣшаны звуки съ буквами, простые звуки съ составными и дебелые съ тонкими.

Большею правильностью отличается у Ломоносова таблица согласныхъ по органамъ; въ этомъ отношеніи онъ принимаетъ: *губные*, *зубные*, *язычные*, *поднебные* и *гортанные* (№ 21).

Въ особенной табличкѣ Ломоносовъ представляетъ раздѣленіе буквъ каждаго органа на *мягкія* и *твердыя* (чему, по нашей терминологіи соотвѣтствуютъ, громкія и шопотныя), но о физіологическомъ различіи изображаемыхъ тѣми и другими звуковъ онъ еще не имѣетъ надлежащаго понятія и объясняетъ его различной мѣрой стремленія воздуха и силы движенія (№ 24). Такъ и раздѣленіе согласныхъ на *мгновенные* и *длительные*, хотя бы и подъ древними названіями *нѣмыхъ* (mutae) и *полугласныхъ* (semivocales), вовсе еще чуждо сознанію Ломоносова, и онъ полагаетъ, что *всѣ* согласные, въ противоположность гласнымъ, «слышны бываютъ въ *нераздѣлимое* слухомъ время» (№ 16): отъ вниманія его совершенно ускользнуло, что есть согласные, которые, подобно гласнымъ, также «могутъ дать голосу отмѣну на чувствительное и весьма долгое время, сколько духа человѣческаго станетъ», какъ, напр., *с*, *з*, *ш*, *ж*, *ф*, *в*.

Въ слѣдующей главѣ (3-й) о *сложеніи предѣлимыхъ частей слова* разсматривается образованіе *слоговъ*, которые Ломоносовъ постоянно называетъ *складами*. Послѣ того объяснено значеніе *ударенія* и *протяженія* съ указаніемъ на различіе языковъ, въ этомъ отношеніи. Мы не разъ слышали замѣчаніе, будто Ломоносовъ, раздѣляя слоги на краткіе и долгіе, смѣшивалъ удареніе съ протяженіемъ, но это несправедливо: называя одни слоги русскихъ стиховъ *долгими*, а другіе *короткими*, онъ употребляетъ эти термины только для удобства выраженія, самую сущность дѣла онъ очень хорошо понималъ. Это отчасти видно и въ его «Письмѣ о правилахъ россійскаго стихотворства», гдѣ тамъ сказано: «въ россійскомъ языкѣ тѣ только слоги долги, надъ которыми стоитъ сила, а прочіе всѣ коротки». Гораздо яснѣе Ломоносовъ высказалъ свой взглядъ на русскую просодію въ грамматикѣ, писанной годами 15-ю позже означеннаго письма. Здѣсь (№ 32) онъ говоритъ уже не о *долгихъ* слогахъ, а о *повышеніи голоса*, или *напряженіи гласа, удареніи*, которое составляется разностью возвышенія и униженія (голоса). Какъ вѣрно Ломоносовъ смотрѣлъ на это свойство русской просодіи, доказывается особенно № 34-мъ грамматики: «разность складовъ чрезъ протяженіе была весьма явственна у древнихъ грековъ и римлянъ, такъ что и стихотворство ихъ на томъ основано, не взирая на ударенія, которыя потому не такъ чувствительны были, какъ протяженія. Въ нынѣшнее время у европейскихъ народовъ хотя удареніе въ складахъ преимущество одержало, однако протяженіе не только не совсѣмъ истребилось; но и нѣкоторую разницу причиняетъ между рѣченіями одного выговора, напр.: у нѣмцевъ Stall краткое, значитъ конюшню, Stahl долгое — сталь». Приведеніе здѣсь примѣра изъ нѣмецкаго языка не оставляетъ мѣста ни малѣйшему сомнѣнію, что Ломоносовъ совершенно понималъ отсутствіе *долгихъ* слоговъ въ русскомъ. Чередованіе слоговъ съ удареніемъ и безъ ударенія или свойство голоса, которымъ оно производится, онъ называлъ *мелодіей* (музыкальный терминъ) и прибавлялъ: «выходка въ различіи складовъ примѣчается у всѣхъ извѣстныхъ народовъ; протяженіе у нѣкоторыхъ» (№ 31).

По плану 1-го наставленія грамматики, которая имѣетъ цѣлью дать понятіе объ языкѣ независимо отъ письма, глава 3-я должна была ограничиться немногими приведенными много сокращенно замѣчаніями объ образованіи и произношеніи слоговъ,

но здѣсь Ломоносовъ, потерявъ изъ виду свою цѣль, начинаетъ далѣе говорить о знакахъ ударенія и титлахъ, также о сложныхъ буквахъ (напр. *щ*) и такимъ образомъ преждевременно касается правописанія, составляющаго у него предметъ 2-го наставленія.

Отъ слоговъ онъ переходитъ къ составленію изъ нихъ цѣлыхъ словъ, или *реченій*, которыя и разсматриваетъ въ 4-й главѣ, озаглавленной: «О знаменательныхъ частяхъ слова». Эта глава подала поводъ къ недоразумѣнію, которое долго держалось въ нашей ученой и учебной литературѣ, и произошло единственно отъ не довольно внимательнаго чтенія первыхъ страницъ грамматики Ломоносова. Сколько разъ повторялось даже въ спеціальныхъ трудахъ (не исключая академическаго изданія этой грамматики въ 1885 г.), что подъ знаменательными частями слова онъ разумѣетъ имя и глаголъ въ противоположность остальнымъ, которыя называетъ служебными. Но такъ какъ тутъ же первымъ терминомъ явно означены въ одномъ мѣстѣ всѣ части рѣчи, то находили въ этой главѣ неясность или недоконченность въ отдѣлкѣ. Нельзя дѣйствительно отрицать, что въ изложеніи ея есть нѣкоторая сбивчивость, но если вникнуть въ дѣло, то оно вполнѣ выясняется.

Отъ членораздѣльныхъ звуковъ Ломоносовъ постепенно переходитъ къ болѣе и болѣе развивающимся сочетаніямъ ихъ: изъ нераздѣлимыхъ частей языка образуются склады (слоги), которые сами по себѣ въ отдѣльномъ видѣ еще не имѣютъ знаменованія; изъ слоговъ же «рождаются *знаменательныя части слова, т.-е. реченія*» (№ 29); наконецъ, «сложеніе знаменательныхъ частей слова или реченій производитъ *рѣчь*» (по-нынѣшнему, предложенія), «полный разумъ въ себѣ составляющія» (№ 77). Ясно, что реченія, или *слова вообще*, названы у него знаменательными частями языка, какъ такія сочетанія звуковъ, которыя уже сами по себѣ, отдѣльно взятыя (не такъ, какъ слоги), имѣютъ значеніе.

Знаменательныя же части слова (терминъ, означающій у него и реченія, и то, что мы теперь называемъ частями рѣчи) дѣлитъ онъ на два разряда: *главныя* и *служебныя*. Это съ несомнѣнною опредѣлительностью выражено имъ такъ: «слово человѣческое имѣетъ *осмь частей знаменательныхъ*», и послѣ исчисленія этихъ частей рѣчи прибавлено: «сіи части слова, двѣ главныя и шесть *вспомогательныхъ* или *служебныхъ*, должны быть по

своей необходимости во всякомъ языкѣ» (№№ 46 и 47). Мѣсто, подавшее поводъ къ недоразумѣнію (№ 40), изложено такъ: «слово дано для того человѣку, чтобы свои понятія сообщать другому. И такъ понимаетъ онъ на свѣтѣ и сообщаетъ другому идеи вещей и ихъ дѣяній. Изображенія словесныя вещей называются *имена:* напр. *небо, вѣтръ, очи;* изображенія дѣяній, — *глаголы:* напр. *синѣетъ, вѣетъ, видятъ.* Итакъ понеже они всегда вещь или дѣяніе знаменуютъ, по справедливости *знаменательныя части слова* названы быть могутъ».

Здѣсь можно отмѣтить только недомолвку или нѣкоторую неточность: вмѣсто «по справедливости» слѣдовало сказать «по преимуществу», какъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, гдѣ и остальныя, принимаемыя Ломоносовымъ, части рѣчи (мѣстоименіе, причастіе, нарѣчіе, предлогъ, союзъ и междометіе) положительно названы *знаменательными же частями слова.*

Разсуждая о разрядахъ словъ, Ломоносовъ бросаетъ любопытный взглядъ и на исторію языка. «Какъ всѣ вещи отъ начала въ маломъ количествѣ начинаются и потомъ присовокупленіями возрастаютъ, такъ и слово человѣческое, по мѣрѣ извѣстныхъ человѣку понятій, вначалѣ было тѣсно ограничено, и однѣми простыми реченіями довольствовалось. Но съ приращеніемъ понятій и само по малу умножилось, что происходило *произвожденіемъ* и *сложеніемъ*» (№ 51).

Въ остальной части 4-й главы Ломоносовъ продолжаетъ развивать понятія объ языкѣ: объясняетъ значеніе рода и вида, раздѣленіе именъ на собственныя и нарицательныя, на существительныя и прилагательныя; далѣе, предъ нами проходятъ разные способы измѣненія словъ: степени сравненія (*разсудительный* степень вм. нынѣшняго термина *сравнительная* степень); числа, падежи (новый терминъ: *предложный* вм. *сказательный*), увеличительныя и «умалительныя» имена; роды именъ; времена глаголовъ, лица, наклоненія (или «образы») и залоги. Изъ понятія о перемѣнахъ окончаній глагола по этимъ отношеніямъ выводится понятіе о его *спряженіи;* потомъ упомянуто о причастіяхъ, о мѣстоименіи и объ остальныхъ частяхъ рѣчи. Вѣрный плану своего введенія «О человѣческомъ словѣ вообще», Ломоносовъ въ 1-мъ наставленіи иногда предлагаетъ философскія соображенія и при каждомъ новомъ предметѣ касается другихъ языковъ, не только европейскихъ, древнихъ и новыхъ, но часто и еврейскаго. Его за-

мѣчанія относительно новыхъ языковъ не всегда точны, такъ какъ онъ за исключеніемъ нѣмецкаго не зналъ ихъ практически: напр. онъ думаетъ, что французское *и* въ lutte выговаривается такъ, какъ наше *ю* въ *лѣтнесть*. Но важно то, что Ломоносовъ уже предчувствуетъ значеніе сравнительной филологіи и по мѣрѣ возможности прибѣгаетъ къ ней съ первыхъ шаговъ въ объясненіи законовъ языка. Не менѣе важно, что онъ употребляетъ аналитическій методъ, восходя отъ единичныхъ явленій къ болѣе сложнымъ и отъ частнаго къ общему. напр. разобравъ «перемѣны», случающіяся въ частяхъ рѣчи, кончаетъ главу замѣчаніемъ: «по всему сему раздѣляются части слова *склоняемыя* и *несклоняемыя*». Въ послѣдней (5-й) главѣ 1-го наставленія: «О сложеніи знаменательныхъ частей слова» онъ излагаетъ только самыя общія понятія о предложеніи, которое называетъ *рѣчью*, о способахъ распространять его, о простыхъ и сложныхъ предложеніяхъ, наконецъ о періодахъ. Кончая свое 1-е наставленіе, онъ какъ бы оглядывается на все его содержаніе и говоритъ: «здѣсь при вступленіи въ россійскую грамматику больше общаго понятія о человѣческомъ словѣ не требуется. Довольно для краткости знать, что *общая грамматика есть философское понятіе всего человѣческаго слова; а особливая, какова россійская, есть знаніе, какъ говорить и писать чисто россійскимъ языкомъ по лучшему разсудительному его употребленію* (курсивъ у самого Ломоносова). Его 1-е наставленіе есть сокращенное изложеніе общей грамматики и притомъ съ фонетикою во главѣ ея. Хотя еще и не совсѣмъ сознательно и не совсѣмъ полно, онъ уже отличаетъ произносимый языкъ отъ писаннаго и посвящаетъ первому вступительную часть своего труда.

Со 2-го наставленія Ломоносовъ приступаетъ къ изложенію собственно русской грамматики и прежде всего къ правописанію, именно къ тому, чѣмъ въ его время (какъ дѣлается, по большей части, еще понынѣ) начиналась всякая частная грамматика. Здѣсь мы остановимся, такъ какъ предметъ 2-го наставленія относится уже къ другому отдѣлу нашего изслѣдованія, и говорить теперь о правописаніи было бы преждевременно. Поэтому на первый случай представлю за симъ лишь нѣсколько общихъ замѣчаній о грамматикѣ Ломоносова и ея источникахъ. Трудъ этотъ планомъ своимъ отличается отъ всѣхъ современныхъ трудовъ того же рода. Принадлежитъ ли

идея этого плана исключительно самому Ломоносову, или она хотя отчасти заимствована? Постараюсь опредѣлить отношеніе его грамматики къ состоянію тогдашней филологической литературы вообще.

Откуда могъ онъ почерпнуть мысль о необходимости начинать грамматику свѣдѣніями о звукахъ человѣческой рѣчи и философскими понятіями объ языкѣ, составляющими принадлежность общей грамматики? Съ перваго взгляда можно подумать, что такое убѣжденіе было вынесено имъ изъ знакомства съ германской ученой и учебной литературой, но ни Готшедъ, издавшій свою грамматику въ 1748 году, ни другіе извѣстные въ то время авторы по этой части не представляютъ ничего подобнаго. У нихъ могъ онъ научиться, между прочимъ, пріему приводить сравненія съ другими языками, что было особенно умѣстно въ отдѣлѣ о человѣческомъ словѣ вообще. Богаче въ отношеніи къ разработкѣ теоріи звуковъ и общей грамматики въ XVIII и уже въ XVII столѣтіяхъ были англійская, голландская и французская литературы. Въ Англіи, еще въ 1653 году ученый епископъ Іоаннъ Валлисъ, профессоръ геометріи при Оксфордскомъ университетѣ, издалъ по-латыни грамматику своего языка, передъ которою помѣстилъ «грамматико-физическій трактатъ о живой рѣчи или образованіи звуковъ». Это сочиненіе имѣло большой успѣхъ, перепечатывалось не въ одной Англіи и въ XVIII вѣкѣ было очень извѣстно въ Европѣ. Вскорѣ послѣ Валлиса писалъ о томъ же врачъ Амманъ, уроженецъ Шафгаузена, поселившійся въ Голландіи; онъ, подобно Валлису, занимался обученіемъ глухонѣмыхъ и на основаніи своихъ наблюденій напечаталъ два сочиненія о звукахъ языка. Судя по отсутствію въ грамматикѣ Ломоносова нѣкоторыхъ мѣткихъ указаній этихъ обоихъ ученыхъ, надобно полагать, что онъ съ ихъ изслѣдованіями знакомъ не былъ. Напротивъ, въ руки его, повидимому, попадались нѣкоторыя изъ французскихъ руководствъ общей грамматики, изданныхъ во второй половинѣ XVII и въ первой XVIII вѣка. Это предположеніе было уже выражено А. С. Будиловичемъ.

Очевидно, однакожъ, что главнымъ источникомъ понятій о живой рѣчи и вообще объ языкѣ послужили Ломоносову древніе писатели: Аристотель, Квинтиліанъ, Донатъ, Прісціанъ, а, можетъ-быть, еще и другіе. Вѣрнѣйшій признакъ, ведущій къ этому заключенію, представляетъ терминологія Ломоносова

Самое различеніе понятій *слово* и *языкъ* взято у древнихъ. Они для означенія отдѣльныхъ языковъ употребляли, большею частью, терминъ, lingua (γλῶσσα), а въ общемъ смыслѣ говорили sermo, loquela (λόγος). По примѣру древнихъ писателей, Ломоносовъ, подобно Смотрицкому, для означенія того, что мы называемъ слово (mot), употребляетъ исключительно имя реченіе (λέξις φωνή, vox vocabulum, dictio). Изъ того же источника объясняются его двоякія *части слова: нераздѣлимыя* (элементарные звуки и буквы) и *знаменательныя* (реченія, части рѣчи), а наконецъ, и раздѣленіе послѣднихъ на два разряда, т.-е. на главныя и служебныя. Даже мыслью назвать главные отдѣлы своей грамматики *наставленіями* Ломоносовъ обязанъ древнимъ, которые ставили слово institutiones въ заглавіе своихъ грамматическихъ и реторическихъ трудовъ. Тому же примѣру послѣдовалъ въ позднѣйшее время, между многими другими, и Добровскій.

Донатъ, наставникъ св. Іеронима, жившій въ IV вѣкѣ, начинаетъ свою «Ars grammatica» замѣткою De voce (о голосѣ). Правда, что у него вся эта глава ограничивается двумя строками, но важна основная идея, которою воспользовался Ломоносовъ. Другой древній грамматикъ, Присціанъ, содержавшій въ 525 году училище въ Константинополѣ, въ 1-й же книгѣ своихъ Institutiones также разсматриваетъ прежде всего голосъ и его виды, потомъ значеніе и раздѣленіе буквъ; во 2-й же книгѣ онъ говоритъ о слогахъ, о различіи между ними и реченіями, а потомъ о предложеніи и частяхъ его. Въ началѣ 1-й книги онъ, между прочимъ, замѣчаетъ: «буква есть малѣйшая часть составного звука... что короче всего, способнаго дѣлиться, то нераздѣлимо. Можемъ и такъ опредѣлить: буква есть звукъ (въ подлинникѣ vox), который можетъ быть написанъ какъ нераздѣлимый». Фонетическія понятія древнихъ ведутъ свое начало еще отъ Платона и Аристотеля: послѣдній изложилъ ихъ, преимущественно, въ своихъ сочиненіяхъ: *о душѣ, объ исторіи животныхъ* и въ піитикѣ. По его ученію, *голосъ*, φωνή должень быть отличаемъ отъ звука и шума вообще, ψόφος; отъ голоса же, далѣе, отличается рѣчь, λόγος, διάλεκτος, двоякимъ образомъ: наружно, такъ какъ она есть артикулованный языкомъ голосъ; внутренно, такъ какъ она не только имѣетъ значеніе (что свойственно и голосу животныхъ), но служитъ символомъ понятія. Элементарный звукъ, нераздѣлимый тонъ

голоса, называется у Аристотеля, какъ и у Платона, *στοιχεῖον* (elementum); употребляемые же для изображенія его знаки суть *γράμματα* (literae), т.-е. буквы. На этомъ основаніи и Присціанъ говоритъ: «Различіе между элементами» (нераздѣлимыми частями слова, по Ломоносову) «и буквами въ томъ состоитъ, что элементы собственно называются *выговорами* (звуками), а знаки ихъ — буквами. Неправильно зовутъ буквы элементами, а элементы — буквами». Это различіе не вполнѣ сознано и Ломоносовымъ, такъ что онъ, подобно позднѣйшимъ латинскимъ грамматикамъ, для *нераздѣлимыхъ частей слова* не знаетъ другого названія, кромѣ буквъ или «письменъ» (терминъ Смотрицкаго, иногда удерживаемый и Ломоносовымъ), и въ главахъ о голосѣ и выговорѣ разсматриваетъ только *произношеніе буквъ*; даже въ таблицѣ звуковъ по органамъ онъ употребляетъ названіе *буквъ*. Когда же ему необходимо нужно отличить понятіе звука, то онъ прибѣгаетъ къ выраженіямъ: *отмѣна голоса, выговоръ, произношеніе*, или говорить, что такія-то буквы произносятся такимъ-то, напр. чистымъ и открытымъ, *звономъ*.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Ломоносовъ былъ знакомъ съ пиитикою Аристотеля, слѣдовательно многія понятія о языкѣ могъ почерпнуть непосредственно изъ этого источника; другія могъ заимствовать изъ латинскихъ грамматиковъ или изъ писателей новаго времени, которые, разумѣется, сами также болѣе или менѣе пользовались древними. Такъ и представленная Ломоносовымъ таблица гласныхъ и согласныхъ съ раздѣленіемъ ихъ по органамъ, конечно, была новостью только на русскомъ языкѣ: подобную (но безъ разрядовъ зубныхъ и язычныхъ) находимъ мы уже у Валлиса въ названномъ выше трактатѣ его объ языкѣ. Такую же таблицу, но съ нѣкоторыми измѣненіями, составилъ вскорѣ послѣ того докторъ Амманъ.

Понятіе о словѣ (реченіи), какъ *знаменательной* части языка (*φωνὴ σημαντική*) также высказано еще Аристотелемъ и потомъ не разъ повторялось грамматиками. Такъ Присціанъ говоритъ: «Реченіе (dictio) есть меньшая часть стройной рѣчи, т.-е. въ порядкѣ расположенной. Реченіе же отличается отъ слога не только тѣмъ, что слогъ есть часть реченія, но и тѣмъ, что реченіе выражаетъ, даетъ разумѣть нѣчто. Слогъ никогда самъ по себѣ не можетъ что-либо значить: это — свойственно только реченію». Вотъ полное объясненіе Ломоносовскаго тер-

мина — *[illegible]* [illegible] числамъ [illegible] позднѣе замѣняетъ терминъ [illegible]). Вѣроятно, [illegible] раньше употребленъ [illegible] Ломоносовъ [illegible] изданной въ 1752 году по-русски французской грамматикѣ [illegible] Василій Тепловъ [illegible] частями рѣчи. Но Ломоносовъ, [illegible] терминъ [illegible] которыми [illegible] разумѣетъ рѣчь или предложеніе [illegible] терминъ Ломоносовъ, по понятію древнихъ, пріобрѣлъ [illegible].

Извѣстно, что [illegible] частей рѣчи [illegible] на два [illegible] разряда [illegible] (какъ говорили [illegible] знаменательныхъ) и [illegible], причемъ [illegible] замѣтила, что онъ [illegible] Beständ-wörter и [illegible]. Но [illegible] грамматики показываютъ, что [illegible] въ [illegible] формы [illegible]. Еще Платонъ принималъ только двѣ части рѣчи, *[illegible]* и *[illegible]*, причемъ онъ подъ этими терминами разумѣлъ вообще подлежащее и сказуемое. У Аристотеля ученіе о частяхъ рѣчи [illegible] опредѣленнѣе: онъ принимаетъ *имя*, *глаголъ*, [illegible] и [illegible] называетъ первые [illegible] *знаменательными* [illegible] (*σημαντικαὶ φωναί*), а послѣднія противополагаетъ имъ подъ именемъ *[illegible]* (*ἄσημοι*). Выше уже было показано, что Ломоносовъ беретъ слово *знаменательный* въ болѣе общемъ смыслѣ, отмѣчая имъ реченія вообще, что также согласно съ Аристотелемъ. Дѣленіе же знаменательныхъ частей слова на два разряда встрѣчается у позднѣйшихъ латинскихъ грамматиковъ. Донатъ, исчисливъ 8 частей рѣчи, прямо говоритъ: «Изъ нихъ двѣ *главныя* (principales), имя и глаголъ». Присціанъ также учитъ, что, по мнѣнію діалектиковъ, собственно двѣ только части рѣчи, имя и глаголъ, потому что онѣ одни сами по себѣ могутъ составлять полное предложеніе (plenam faciunt orationem), остальныя же называются *со-значащими* (consignificantia), т. е. второстепенными, несамостоятельными. Вѣроятно, ту же мысль нашъ ученый нашелъ у кого-нибудь изъ близкихъ къ его времени западно-европейскихъ грамматиковъ. Въ тогдашнихъ нѣмецкихъ тру-

дахъ этого рода, ни у Готшеда, ни у его предшественниковъ, мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго, но другое представляютъ французы: въ библіотекѣ Ломоносова была грамматика французскаго языка, съ нѣмецкимъ текстомъ, подъ заглавіемъ: «Nouvelle et parfaite grammaire royale française et allemande. Neue und vollkommene Königliche Französische Grammatik», изданная въ Берлинѣ, въ 1736 году.

Въ одномъ изъ послѣдующихъ изданій этой грамматики (1752) послѣ обыкновеннаго исчисленія частей рѣчи сказано: «одинъ изъ новѣйшихъ грамматиковъ, отецъ Бюффье, признаетъ за постоянныя и дѣйствительныя части рѣчи только *имя* и *глаголъ*. Прочія отдѣляетъ онъ подъ именемъ *дополнительныхъ* и *видоизмѣняющихъ* (suppletivi и modificativi): къ первымъ онъ причисляетъ членъ и междометіе, къ послѣднимъ нарѣчіе, предлогъ и союзъ. Мѣстоименіе и причастіе онъ относитъ къ имени». Ломоносовъ, разсуждая о частяхъ рѣчи и отличивъ между ними двѣ *главныя*, хотя и соединяетъ всѣ остальныя подъ именемъ *относительныхъ* или *служебныхъ*, но также дѣлитъ ихъ на два разряда: сперва говоритъ о предлогахъ и союзахъ, какъ показывающихъ отношенія между главными частями рѣчи, а потомъ о мѣстоименіи, нарѣчіи и междометіи, какъ служащихъ только къ болѣе краткому выраженію мыслей. Впрочемъ онъ, слѣдуя системѣ древнихъ, которая, съ немногими отступленіями, держалась во все продолженіе среднихъ вѣковъ, принимаетъ не больше и не меньше *восьми* частей рѣчи. Исключивъ членъ, какъ не существующій въ русскомъ языкѣ, онъ исчисляетъ ихъ въ томъ же точно порядкѣ, въ какомъ онѣ вообще ставились въ тогдашнихъ грамматикахъ, т.-е. имя, мѣстоименіе, глаголъ, причастіе, нарѣчіе, предлогъ, союзъ и междометіе. Совершенно то же число и тотъ же порядокъ *частей слова* находимъ и у Смотрицкаго. Хотя Ломоносовъ вслѣдъ за такимъ исчисленіемъ и утверждаетъ, что греческіе грамматики считали девять частей рѣчи (то-есть прибавляя членъ), но въ этомъ онъ ошибается: древніе греческіе писатели, даже позднѣйшей Александрійской школы, никогда не считали частью рѣчи *междометіе*, которое римляне ввели взамѣнъ недостававшаго у нихъ члена (чтобы удержать завѣтное число 8); въ греческой грамматикѣ междометіе очутилось между частями рѣчи лишь незадолго передъ временемъ Ломоносова.

Несмотря однакожъ на нѣкоторыя черты, указывающія на

заимствованія въ грамматикѣ Ломоносова, сравненіе ея со множествомъ пересмотрѣнныхъ мною руководствъ этого рода, оставшихся отъ XVI и XVII вѣковъ, удостовѣряетъ, что трудъ его есть вполнѣ самостоятельный и зрѣло обдуманный плодъ внимательнаго изученія. Грамматика Ломоносова оригинальна и по своему расположенію, и по самой разработкѣ законовъ языка. Здѣсь не мѣсто входить въ болѣе подробный разборъ того и другого, но нельзя оставить безъ возраженія слѣдующихъ словъ, читаемыхъ въ предисловіи покойнаго Давыдова къ академическому изданію этой грамматики, напечатанному въ 1855 году: «способъ, употребленный имъ (Ломоносовымъ) въ изслѣдованіяхъ грамматическихъ, былъ въ его время общій у западныхъ ученыхъ: сначала излагаетъ онъ философское понятіе о словѣ человѣческомъ, потомъ переходитъ къ русской грамматикѣ. Во внесеніи въ грамматику философскаго основанія могъ служить ему образцомъ Куръ-де-Жебеленъ, а въ практическомъ воззрѣніи на нее, какъ на средство правильно говорить и писать — онъ послѣдовалъ школѣ Готшеда».

Тщательныя изысканія приводятъ къ противоположнымъ заключеніямъ: 1) между грамматиками предшествовавшаго времени мнѣ не удалось найти ни одной, которая бы начиналась изложеніемъ «философскаго понятія» объ языкѣ вообще. Существовали уже философскія грамматики, но онѣ были изданы отдѣльно, въ другомъ распорядкѣ и объемѣ. Такихъ грамматикъ новаго времени, гдѣ бы прежде всего шла рѣчь о голосѣ и звукахъ, также не оказалось, за исключеніемъ появившейся еще въ XVII столѣтіи уже упомянутой мною англійской грамматики Валлиса на латинскомъ языкѣ, которая, какъ я уже замѣтилъ, повидимому, не была извѣстна Ломоносову.

Болѣе вѣроятно, что онъ зналъ книгу Бернара Лами De l'art de parler, въ которой первая глава разсматриваетъ «органы голоса: какъ образуется слово»; но трудно сказать положительно, чтобъ онъ что-нибудь извлекъ и изъ этой книги, преимущественно посвященной реторикѣ.

2) Куръ-де-Жебеленъ никакъ не могъ служить Ломоносову образцомъ, потому что началъ издавать свои замѣчательные филологическіе труды только чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти нашего академика († 1765): по имѣющимся у насъ показаніямъ каталоговъ, первое сочиненіе названнаго французскаго ученаго, вошедшее въ его многотомный сборникъ

Monde primitif, появилось не прежде 1774 года. Нѣкоторыя сходныя черты въ трудахъ Ломоносова и Жебелена объясняются знакомствомъ того и другого съ существовавшею до нихъ грамматическою литературою. Такъ, въ своей всеобщей грамматикѣ послѣдній, указавъ на мнѣніе древнихъ объ имени и глаголѣ, прибавляетъ: «всѣ прочія части рѣчи считались у нихъ только подчиненными» (toutes les autres n'étaient qu'en sous-ordre). Мы уже видѣли, что этотъ взглядъ передается и въ нѣкоторыхъ другихъ французскихъ грамматикахъ XVIII вѣка. Ломоносову принадлежитъ въ этомъ случаѣ только счастливый выборъ выраженія *служебныя части слова*. Но едва ли ему было извѣстно и имя Куръ-де-Жебелена, который родился въ 1725 году и, слѣдовательно, былъ еще молодымъ человѣкомъ, когда нашъ академикъ уже собиралъ матеріалы для своей грамматики.

3. По опредѣленію Ломоносова, русская грамматика «есть знаніе, какъ говорить и писать чисто россійскимъ языкомъ *по лучшему разсудительному употребленію*». Готшедъ, напротивъ, учитъ, что грамматика есть указаніе, какъ должно правильно и красиво говорить и писать на языкѣ извѣстнаго народа *согласно лучшему нарѣчію и по примѣру лучшихъ его писателей*.

Очевидно, что оба эти опредѣленія расходятся во взглядѣ на основанія правильнаго обращенія съ языкомъ. Самое слово *разсудительное* показываетъ, что Ломоносовъ въ пониманіи задачи грамматики болѣе приближался къ французамъ, у которыхъ разумъ всегда считался однимъ изъ самыхъ сильныхъ авторитетовъ.

Названный уже выше іезуитъ Бюффье, котораго «Grammaire française sur un plan nouveau» пользовалась въ XVIII вѣкѣ особеннымъ уваженіемъ, въ началѣ ея подробно разсуждаетъ о значеніи и цѣли грамматики; особенно останавливается онъ именно на употребленіи, и въ главѣ: «Что такое употребленіе и какъ оно берется въ разныхъ языкахъ», замѣчаетъ, между прочимъ: «надобно со всѣми составителями грамматикъ признать, что въ каждомъ языкѣ есть *и хорошее и дурное* употребленіе, и потомъ пристрастно разбирать, въ чемъ заключается хорошее употребленіе». Мы видимъ, что Ломоносовъ точно такъ же обособляетъ въ своемъ понятіи разсудительное и лучшее употребленіе, но въ выводѣ своемъ отно-

сительно опредѣленія грамматики онъ стоитъ гораздо выше Бюффье, который пришелъ къ такому заключенію: «Грамматика есть сборъ размышленій (un amas de réflexions), сдѣланныхъ и приведенныхъ въ порядокъ для преподаванія и изученія языка».

Мы не знаемъ, была ли въ рукахъ Ломоносова грамматика Готшеда, въ первый разъ напечатанная въ 1748 году, т.-е. въ то время, когда нашъ ученый уже былъ занятъ приготовительными работами для своего труда; но во всякомъ случаѣ очевидно, что грамматика Ломоносова оставалась совершенно независимою отъ вліянія Готшедовской. Окончимъ замѣчаніемъ, что нѣкоторые недостатки первой и та доля заимствованій, какая въ ней оказывается, нисколько не могутъ уменьшать въ нашихъ глазахъ заслугъ Ломоносова по языку: русскіе въ правѣ гордиться появленіемъ у себя въ срединѣ XVIII столѣтія такой грамматики, которая не только выдерживаетъ сравненіе съ однородными трудами за то же время у другихъ народовъ, давно опередившихъ Россію на поприщѣ науки, но и обнаруживаетъ въ авторѣ удивительное пониманіе началъ языковѣдѣнія.

Гротъ.

Достоинство и значеніе грамматики Ломоносова.

Въ годъ основанія перваго русскаго университета въ Москвѣ, въ 1755 году, является и первая русская грамматика безсмертнаго Ломоносова, посвященная великому князю Павлу Петровичу. Изданій этой грамматики было при жизни сочинителя и по кончинѣ его — одиннадцать.

Переведена она на нѣмецкій языкъ (1764) Ставенгагеномъ; на французскій въ 1769 году; на новогреческій (1804) Михаиломъ Анастасомъ. Всѣ послѣдующія русскія грамматики должны считать ее своею родоначальницею.

Изъ посвященія можно видѣть, какъ смотрѣлъ Ломоносовъ на грамматику. «Тупа ораторія, — говоритъ онъ, — косноязычна поэзія, неосновательна философія, непріятна исторія, сомнительна юриспруденція безъ грамматики». Объ языкѣ самомъ, котораго употребленіе скрѣплялъ онъ правилами, прибавляетъ: «тончайшія философскія воображенія и разсужденія, многоразличныя естественныя свойства и перемѣны,

бытіющіи въ семъ видимомъ строеніи міра и въ человѣческихъ обращеніяхъ, имѣютъ у насъ пристойныя и вещь выражающія рѣчи. Кто отчасу далѣе въ немъ углубляется, употребляя предводителемъ общее философское понятіе о человѣческомъ словѣ, тотъ увидитъ безмѣрно широкое поле, или лучше сказать, едва предѣлы имѣющее море».

Грамматика Ломоносова раздѣлена, вѣроятно, по примѣру Квинтиліана, на *наставленія*. Содержаніе шести наставленій въ грамматикѣ слѣдующее: 1) О человѣческомъ словѣ вообще. 2) О чтеніи и правописаніи россійскомъ. 3) О имени. 4) О глаголѣ. 5) О вспомогательныхъ и служебныхъ частяхъ слова. 6) О сочиненіи частей слова.

Первое наставленіе — о человѣческомъ словѣ вообще, раздѣлено на пять главъ: 1) о голосѣ, 2) о выговорѣ и нераздѣлимыхъ частяхъ человѣческаго слова, 3) о сложеніи нераздѣлимыхъ частей слова; 4) о знаменательныхъ частяхъ человѣческаго слова, 5) о сложеніи знаменательныхъ частей слова. Въ этомъ наставленіи заключаются основанія общей или философской грамматики.

Въ первой главѣ, о голосѣ, показано измѣненіе его *выхожденіемъ, напряженіемъ, протяженіемъ, образованіемъ*.

Выхожденіе состоитъ въ повышеніи и опущеніи голоса, напряженіе въ громкости и тихости, протяженіе въ долготѣ и краткости, образованіе въ отмѣнахъ или измѣненіяхъ голоса, по которымъ мы не видя узнаемъ знакомыхъ намъ людей.

Во второй главѣ, о выговорахъ и нераздѣлимыхъ частяхъ человѣческаго слова, разобраны, во-первыхъ, органы, устроенные для выговора: губы, зубы, языкъ, небо и гортань съ язычкомъ и со скважинами въ ноздри; во-вторыхъ, буквы, какъ гласныя, такъ и согласныя, которыми выражаются нераздѣлимыя части слова.

Въ родословіи буквъ Ломоносовъ принимаетъ *а*; съ одной стороны отъ а гласной — *е* и *и*, съ другой — *о* и *у*. То же самое повторяемъ и мы чрезъ сто лѣтъ.

Между гласными различаются *толстыя*, или тупыя (а, е, ы, о, у) и *тонкія*, или острыя (я, ѣ, и, ю̀, ю́).

Согласныя по органамъ раздѣляются на *губныя* (б, в, м, п, ф), *зубныя* (ж, з, с, ш), *язычныя* (л, д, н, р, т, ц, ч), *небныя* (г, к), *гортанныя* (х).

Съ этимъ раздѣленіемъ вполнѣ согласиться нельзя: буквы *и*

не просто язычная, а произносится съ содѣйствомъ носоваго отверстія, равно *ц* и *ч* — согласныя сложныя и причисляются къ язычно-зубнымъ по окончательной буквѣ (*тс*, *тш*). Называемыя подобными буквы *г*, *к*, причисляетъ къ гортаннымъ.

Сверхъ того согласныя *твердыя* (п, ф, с, ш, р, т, к) различаются отъ *мягкихъ* (б, в, м, ж, з, д, л, н, г).

Въ третьей главѣ, о сложеніи нераздѣлимыхъ частей слова, разсматриваются *склады* и изъ нихъ составляемыя *реченія*. Возвышеніе и пониженіе складовъ (§ 31), на чемъ основывается стихосложеніе тоническое, различно отъ долготы и краткости, свойствъ метрическаго стихосложенія. «Выходка въ различеніи складовъ принимается у всѣхъ извѣстныхъ народовъ, протяженіе у нѣкоторыхъ».

Въ слѣдующемъ § 32 упоминается объ удареніи, зависящемъ отъ повышенія и пониженія, когда въ реченіи одинъ складъ или два (напр. въ нѣмецкомъ языкѣ) выше другихъ голосомъ восходятъ».

Ломоносовъ даже признавалъ (§ 34) разность складовъ чрезъ протяженіе въ древнихъ языкахъ — греческомъ и римскомъ, «такъ что и стихотворство ихъ, — говоритъ онъ, — на томъ основано, не взирая на ударенія, которыя посему не такъ чувствительны были, какъ протяженія. Въ нынѣшнее время у европейскихъ народовъ удареніе преимущество одержало».

Столь правильное и ясное воззрѣніе на различіе ударенія отъ протяженія имѣлъ геніальный преобразователь языка нашего за сто лѣтъ, между тѣмъ какъ въ двадцатыхъ годахъ происходилъ ученый споръ о томъ, возможенъ ли у насъ гекзаметръ, основанный на протяженіи складовъ, а нѣкоторые даже и въ настоящее время не различаютъ протяженія отъ удареній.

Несмотря на это, самъ великій законодатель языка нашего, излагая правила стихосложенія десятка полтора лѣтъ до грамматики, смѣшалъ метрическое стопосложеніе древнихъ съ тоническимъ, свойственнымъ русскому стиху, и ввелъ въ наше стихосложеніе названія стопъ греческихъ.

Глава четвертая — о знаменательныхъ частяхъ человѣческаго слова, всегда казалась мнѣ удивительною. Здѣсь Ломоносовъ, какъ въ наше время Беккеръ, за основныя части слова принимаетъ имя и глаголъ: «изображенія словесныя вещей называются *имена*; напр. небо, вѣтръ, очи; изображенія дѣяній — *глагогы;* напр. сіяетъ, вѣетъ, видятъ».

Имя (какъ существительное, такъ и прилагательное) и глаголъ (§ 79) названы [illegible] *знаменательными*, или *главными*, прочія части слова — *служебными*. Поэтому Беккерови Begriffswörter и Formwörter [illegible] Ломоносовымъ еще за сто лѣтъ.

Затѣмъ слѣдуетъ объясненіе, между прочимъ, о [illegible] *положеніи* именъ и глаголовъ, *сравненіи* именъ прилагательныхъ положительнаго, превосходительнаго и [illegible] *числа* и *падежи*, имени *[illegible]* и *[illegible]* *родовъ*.

Замѣчаніе Ломоносова о родахъ (§§ [illegible] и [illegible]) показываетъ, что онъ не чуждъ былъ не только философскаго, но и сравнительнаго языкоученія:

«Пристойно казалось бы, чтобы бездушнымъ вещамъ быть ни мужескаго, ни женскаго, но нѣкоего третьяго рода, каковъ есть у насъ родъ средній: море, небо, сердце, поле. Однако сіе такъ беспорядочно, что и средняго рода имена животныхъ знаменуютъ: дитя, жеребя».

«Хотя раздѣленіе родовъ во многихъ языкахъ употребительно, однако оного человѣческому слову нѣтъ въ томъ необходимой нужды. Сіе явствуетъ, первое, изъ того, что они беспорядочны; второе, языки только мужескій и женскій родъ имѣютъ, какъ италіанскій и французскій; третіе, въ нѣкоторыхъ языкахъ весьма мало отмѣны или отнюдь нѣтъ никакихъ родовъ раздѣленія. Такъ въ англійскомъ языкѣ роды едва различаются, и то въ нѣкоторыхъ мѣстоименіяхъ. У турковъ и персовъ имена всѣ одного общаго рода».

Временъ въ русскомъ языкѣ принято первою грамматикою [illegible] десять. *Лица, наклоненія, залоги* не представляютъ [illegible] особенности. *Спряженій* Ломоносовъ принимаетъ два, различая ихъ по 2-му лицу единственнаго числа настоящаго времени изъявительнаго наклоненія. Основаніе вѣрное и русскому языку свойственное.

Глава [illegible], о сложеніи знаменательныхъ частей слова, содержитъ почти синтаксисъ, т. е. главныя о *предложеніи* [illegible], о *порядкѣ* и *согласіи*. Такъ и въ общей [illegible] грамматикѣ, изданной отдѣльнымъ, объясненіе предложенія предшествуетъ частямъ рѣчи; виды же и всѣ члены предложенія, во всѣхъ ихъ подробностяхъ, составляютъ предметъ синтаксиса.

Первое положеніе, излагающее вкратцѣ общую или философскую грамматику, Ломоносовъ заключаетъ словами: об-

щая грамматика есть философское понятіе всего человѣческаго слова, а особливая, какова россійская, есть знаніе, какъ говорить и писать чисто россійскимъ языкомъ по лучшему, разсудительному его употребленію».

Наставленіе второе, о чтеніи и правописаніи россійскомъ, состоитъ изъ пяти главъ.

Первая — о азбукѣ россійской. Считая (§ 85) буквы: *ѯ, ѱ, ѳ, ѵ* лишними, о буквѣ э Ломоносовъ говоритъ: «Ежели для мелкихъ различныхъ выговоровъ вымышлять новыя буквы, то будетъ наша азбука съ китайскую».

Двогласныя справедливо раздѣляются на явственныя (*ай, ей, ій* и т. д.) и потаенныя (*ѣ, ю, я*), въ которыхъ *й* сливается съ слѣдующею гласною. Это подраздѣленіе подтверждается другими языками, напр. въ нѣмецкомъ jeder, Jugend представляютъ примѣръ потаенныхъ. Слоги *ѣй* (моей), *юй* (поюй), *яй* (присвояй) принимаются за троегласныя.

Не ускользнула отъ вниманія Ломоносова и измѣненія въ словопроизводствѣ и спряженіяхъ буквъ: *г, ж, к, з, ц, ч, ш*.

Вторая глава (§§ 93—100), о произношеніи буквъ россійскихъ, можетъ быть переписана въ современныхъ грамматикахъ безъ малѣйшей перемѣны, по причинѣ своей вѣрности. О произношеніи буквы *о* безъ ударенія сказано весьма основательно: выговаривается какъ *а*, *нѣсколько смѣшанное* съ *о*, а не просто *а*, какъ учатъ наши грамматики.

Третья глава о складахъ и реченіяхъ. Здѣсь замѣчательно раздѣленіе реченій на слоги, что необходимо бываетъ при переносѣ ихъ изъ одной строки въ другую, основанное на различеніи *начала, сложенія, окончанія* и *удвоенія* буквъ (§ 102).

Четвертая глава, о знакахъ, ничего особенно замѣчательнаго не заключаетъ.

Пятая глава, о правописаніи, предлагаетъ много любопытныхъ замѣчаній. Между прочими правилами весьма важно слѣдующее: «Чтобъ не закрывались совсѣмъ слѣды произведенія и сложенія реченій». А у насъ были покушенія писать такъ, какъ выговариваемъ.

Московское нарѣчіе (§ 111) «для своей отмѣнной красоты, прочимъ справедливо предпочитается, а особливо выговоръ буквы *о* безъ ударенія много пріятнѣе».

Различіе буквъ *е* и *я* въ родахъ прилагательныхъ: *е* въ мужскихъ, *я* — въ женскихъ и среднихъ, указано Ломоносовымъ (§ 112).

Лѣчу, лѣчать отличается правописаніемъ отъ *лечу, летѣть*. О согласныхъ *з* и *с* въ предлогахъ не опущено правило: «писать передъ мягкими *з* — *возному*, *извергаю*, передъ твердыми *с* — *воскресаю, исчисляю*» (§ 123).

О переходѣ именъ съ предлогами въ нарѣчія преподаны вѣрныя правила (§ 125): 1) когда предлогъ стоитъ не съ пристойнымъ падежемъ, напр. *вдругъ*, ибо и никакой другой предлогъ съ именительнымъ падежемъ не соединяется; 2) когда отъ надлежащаго знаменованія въ сложеніи отходитъ, напримѣръ *вмѣстѣ*: ибо здѣсь разумѣется купно; и такъ писать должно — жить *вмѣстѣ* съ братомъ и жить въ *мѣстѣ* многолюдномъ; 3) ежели предлогъ стоитъ передъ именемъ, въ другихъ случаяхъ неупотребительнымъ: *вдоль, вкось*.

Наставленіе третье, о имени, заключается въ семи главахъ. Первая — о родахъ именъ. Увеличительнымъ именамъ: мужчина, старичина, приписанъ женскій родъ, вопреки нынѣшнему употребленію; увеличительныя на *ще*: домище, бабище и т. п., принимаются за средній родъ.

Вторая глава о склоненіяхъ, которыхъ Ломоносовъ принимаетъ пять. Въ продолженіе ста лѣтъ многіе слѣдовали Шлецерову раздѣленію всѣхъ флексій именъ на три склоненія; но теперь, по глубокомъ и подробномъ изслѣдованіи окончаній именъ существительныхъ и прилагательныхъ, мы возвращаемся къ системѣ склоненій творца разсматриваемой грамматики.

Въ третьей главѣ содержатся «особливыя правила склоненій», доселѣ весьма поучительныя и разрѣшающія спорные грамматическіе вопросы. Такъ, напр., нельзя не согласиться со слѣдующими замѣчаніями (§§ 167—170):

«Произведенныя отъ глаголовъ употребительнѣе имѣютъ въ родительномъ *у*, и тѣмъ больше оное принимаютъ, чѣмъ далѣе отъ славенскаго отходятъ; а славенскія, въ разговорахъ мало употребляемыя, лучше удерживаютъ *а*: размах*у*, чад*у*, вывод*у*, визг*у*, груз*у*, попрек*у*, перенос*у*, возраст*у*, вид*у*, [illegible]».

«Сіе различіе древности словъ и важности знаменуемыхъ вещей весьма чувствительно, и показываетъ себя нерѣдко въ одномъ имени. Ибо мы говоримъ: Святаго Дух*а*, человѣческаго долг*а*, ангельскаго глас*а*. Напротивъ того, свойственнѣе говорится: розоваго дух*у*, прошлогодняго долг*у*, птичьяго голос*у*».

«Имена собирательныя и тѣхъ вещей, которыя по мѣрѣ,

по числу или по вѣсу раздѣляются, въ родительномъ больше кончаются на *у*: анис*у*... бархат*у*... воск*у*... квас*у*... льд*у*...»

«Время и мѣсто значащія существительныя по большей части въ род. на *у* склоняются: базар*у*... берег*у*... перед*у*... вечер*у*...»

Полезно замѣтить и слѣдующій § 184: «предложный единств. падежъ *ѣ* перемѣняетъ часто на *у*, когда значитъ мѣсто или время, а особливо тѣхъ именъ, которыя *у* въ род. имѣютъ (кромѣ иностранныхъ): на берег*у*, на верх*у*, въ вечер*у*... на луг*у*, на песк*у*...»

И здѣсь Ломоносовъ прибавляетъ: «гдѣ россійскій языкъ къ славянскому клонится, окончаніе на *ѣ* преимуществуетъ... жить въ дом*ѣ* Бога вышняго...»

Четвертая глава: о уравненіяхъ.

Нельзя не остановиться на § 220: «Нѣкоторыя прилагательныя по разности знаменованія имѣютъ разныя разсудительныя (сравнительныя ст.): добръ, т. е. хорошъ, — лучше, а добръ, или милостивъ, — добрѣе; красенъ, т. е. цвѣту краснаго, — краснѣе, а красенъ, или пригожъ, — краше».

Въ пятой главѣ излагается «произвожденіе притяжательныхъ, отечественныхъ и отеческихъ именъ, и женскихъ отъ мужескихъ».

Одно замѣчаніе объ именахъ отечественныхъ, или родину значащихъ, можно внести и въ наши грамматики, именно (§ 229): «Многія мѣста именъ отечественныхъ не имѣютъ, а особливо незнатныя: Клинъ, Можайскъ, Верея и проч., и для того лучше употребляются оныя имена въ род. ед. съ предлогомъ *изъ*: изъ Клина, изъ Можайска, изъ Вереи».

Шестая глава: о именахъ увеличительныхъ и умалительныхъ.

Говоря объ окончаніяхъ на *ишко* и *ище*, Ломоносовъ прибавляетъ, что эти имена «рода суть сомнительнаго, т. е. иные сочиняютъ съ ними прилагательныя по родамъ именъ, отъ коихъ умалительныя происходятъ: нашъ столишко, наша скатертишко, старое пивенцо (§ 246)».

Седьмая глава: о именахъ числительныхъ.

Не укрылось отъ вниманія Ломоносова различіе, происходящее отъ ударенія, числительныхъ (§ 258): девятью́, пятью́, десятью́, и де́вятью, пя́тью, де́сятью; первыя суть творительные падежи, другія — нарѣчія.

Наставленіе четвертое: о глаголѣ.

Въ этомъ наставленіи заключается пять главъ. Первая глава — о свойствахъ глагола вообще.

Это наставленіе слабѣе другихъ, хотя и тутъ встрѣчаются слѣды геніальнаго усмотрѣнія языка. Главный недостатокъ изслѣдованія о глаголѣ происходитъ отъ опущенія видовъ, которые различены были Мелетіемъ. «Виды глагола суть два, говоритъ онъ (л. 110, изд. 1721): первообразный, иже и совершенный, яко: чту, стою, и проч. и производный. Производный сугубъ есть: овъ убо начинательный, яко: читаю, вставаю, поучаю и проч.» Взамѣнъ видовъ въ грамматикѣ нашей принято десять временъ: восемь отъ простыхъ, два отъ сложныхъ. Отъ простыхъ: 1) настоящее (бросаю), 2) прошедшее неопредѣленное (бросалъ), 3) прошедшее однократное (бросилъ), 4) давнопрошедшее первое (брасывалъ), 5) давнопрошедшее второе (бывало бросалъ), 6) давнопрошедшее третіе (бывало брасывалъ), 7) будущее неопредѣленное (буду бросать), 8) будущее однократное (брошу). Отъ сложныхъ: 9) прошедшее совершенное (написалъ) и 10) будущее совершенное (напишу).

Удивительно, что самый проницательный умъ не замѣтилъ ложность этой системы, въ чемъ послѣдніе два времени особенно должны были убѣдить. Такъ какъ систему десяти временъ весьма немногіе глаголы оправдывали, то Ломоносовъ принужденъ былъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: «Въ россійскомъ языкѣ глаголы почти всѣ неполные, т.-е. либо прошедшаго однократнаго, либо совершеннаго, либо давнопрошедшаго времени и отъ нихъ происходящихъ не имѣютъ. То же повторится въ § 425. По этой самой причинѣ онъ различалъ въ неокончательномъ наклоненіи три наклоненія: неопредѣленное, однократное и сомнѣнное.

Спряженія установлены Ломоносовымъ правильно. Онъ принимаетъ два спряженія и различаетъ ихъ, согласно съ свойствомъ русскаго языка, по окончаніямъ изъяв. накл. наст. вр. ед. ч. 2-го лица: перваго глаголы кончатся на *ешь*, втораго на *ишь*. Послѣ многоразличныхъ системъ русскаго глагола, мы въ спряженіяхъ соглашаемся съ нашею грамматикою, принимая только *виды*, вмѣсто десяти временъ.

Глава вторая: о первомъ спряженіи простыхъ глаголовъ. Какъ внимательно отдѣлялъ Ломоносовъ русскій языкъ отъ старославянскаго, видно изъ многочисленныхъ замѣчаній въ его грамматикѣ. Къ наблюденіямъ этого рода принадлежитъ и слѣдующее касательно дѣепричастій (§§ 351 и 388):

«Дѣепричастія на *вши* пристойнѣе у точныхъ россійскихъ

глаголовъ, нежели у тѣхъ, которые отъ славянскихъ происхо-
дятъ; и напротивъ того дѣепричастія на я употребительнѣе
у славянскихъ, нежели у россійскихъ. Напр. лучше сказать
«толкаючи», нежели «толкая»; но напротивъ того лучше упо-
требить «дерзая», нежели «дерзаючи».

Пригоденъ и нынѣ § [illegible]-й, касающійся употребленія воз-
вратныхъ глаголовъ.

«Весьма обманываются многіе, употребляя возвратный гла-
голъ вмѣсто страдательнаго, ибо они думаютъ, что *сь* или *ся*
всегда ту же силу имѣетъ, какъ латинское r, напр. слушаю,
слушаюсь, что весьма неправедно; ибо слушаю съ приложе-
ніемъ *ся* не токмо страдательнаго знаменованія не имѣетъ,
но и совсѣмъ въ другомъ разумѣ употребляется. Слушаю зна-
читъ audio, а слушаюсь obedio, повинуюся. Прямой страдатель-
ный залогъ состоитъ изъ причастій страдательныхъ и глаголовъ
вспомогательныхъ. Прибавленіе *сь* или *ся* разныя знаменованія
въ глаголахъ производитъ: 1) глаголы возвратные — мою,
моюсь, 2) взаимные — бію, біюсь; перемѣняются знаменова-
нія — пеку, пекусь; стать, статься.

Въ главахъ: третьей, о второмъ спряженіи простыхъ глаго-
ловъ, четвертой, о глаголахъ сложныхъ обоего спряженія, и
въ пятой: о неправильныхъ и неполныхъ глаголахъ обоего
спряженія, не заключается ничего особенно замѣчательнаго.

Оканчивая правила о глаголахъ (§ 422), Ломоносовъ упо-
минаетъ и объ особомъ свойствѣ языка нашего — сокращеніи
прошедшихъ неопредѣленныхъ для означенія дѣйствія скораго:
глядь, брякъ, хвать, совъ, пыхъ, отъ глядѣлъ, брякалъ, хва-
талъ, совалъ, пыхалъ (Общ. ср. гр. § 343).

Наставленіе пятое: о вспомогательныхъ или служебныхъ
частяхъ слова.

Оно состоитъ изъ шести главъ. Первая — о мѣстоименіи.
Здѣсь личныя мѣстоименія: *я*, *ты*, *онъ* и опредѣлительное:
самъ смѣшиваются съ указательными: *сей*, *тотъ*; неопредѣ-
ленныя: *нѣкто*, *нѣчто*, *нѣкоторый*, совсѣмъ не упоминаются.
О нихъ, какъ о сложныхъ мѣстоименіяхъ, говорится въ § 432.

Вторая глава о причастіи. Справедливо замѣчаніе о настоя-
щихъ причастіяхъ дѣйств. глаголовъ на *щій*: производятся
отъ глаголовъ славянскаго происхожденія: вѣщающій, питаю-
щій; а весьма непристойно отъ простыхъ россійскихъ, которые
у славянъ неизвѣстны: качающій. Но прошедшія неопредѣ-

енныя страдательныя причастія (§ 441), весьма употребительны, какъ отъ новыхъ россійскихъ, такъ и отъ славянскихъ глаголовъ произведенныя: питанный, вѣнчанный... Разницу одинъ отъ другого ту имѣютъ, что отъ славянскихъ происшедшія лучше на *ын*, нежели на *ой*, простыя россійскія приличнѣе на *ой*, нежели на *ый* кончатся. Первыя склоняются какъ на-стоящія, другія въ род. ед. муж. и ср. приличнѣе *его*, нежели *аго* принимаютъ. Также и на концѣ одинъ *н* имѣютъ

Въ главѣ третьей, о нарѣчіи, полезно замѣчаніе (§ 454), что нѣкоторыя имена, имѣющія одинъ только творительный падежъ, можно почитать за нарѣчія: нарокомъ, назоромъ, урывомъ.

Въ четвертой главѣ, о предлогѣ, не пропущенъ переходъ предлоговъ въ нарѣчія. «Ибо говоримъ: прежде времени, внутри дома, подлѣ берега... Здѣсь видимъ силу предлоговъ (т.-е. управленіе падежами). Но въ выраженіяхъ: я былъ прежде здоровъ, останься внутри; не стой подлѣ... нарѣчія находимъ» (Общ. ср. гр. § 271).

Въ пятой, о союзѣ, кромѣ простыхъ и сложныхъ союзовъ, принимаются *двурѣчные:* прежде, нежели; если, то; того ради О томъ, что «нарѣчія силу союзовъ пріобрѣтаютъ», сказано въ § 461.

Въ шестой, о междометіи, эта часть рѣчи раздѣлена на междометія свойственныя и заимственныя. «Свойственныя состоятъ сами собою: ой, ба; заимственныя пріемлются отъ другихъ частей слова, или изъ нихъ составляются: горе, куды, о какъ!»

Наставленіе шестое: о сочиненіи частей словъ. Оно состоитъ изъ пяти главъ. Первая — о сочиненіи частей слова вообще ничего особенно занимательнаго не заключаетъ. Вторая — о сочиненіи именъ. Въ § 481, къ правилу о сочиненіи числительныхъ: два, три, четыре, для ясности весьма основательно прибавлено: «но въ косвенныхъ падежахъ склоняются согласно во множественномъ числѣ: двухъ свѣтилъ, тремъ лицамъ, четырьмя частьми».

Третья глава: о сочиненіи глаголовъ. Ломоносовъ осуждаетъ употребленіе предлога *чрезъ* вмѣсто *отъ:* «намъ то, — говоритъ онъ, — несвойственное и со французскаго языка принужденное употребленіе».

Хотя въ § 278 сказано было, что страдательные глаголы не производятся приложеніемъ *ся* къ дѣйствительнымъ; однако въ § 444 говорится, что въ нѣкоторыхъ къ славянскому свой-

стръ оканчивающихся выраженіяхъ на *ся* кончающіяся страдательныхъ силу имѣютъ: вина ему отъ насъ прощается; онъ отъ насъ превозносится». Затѣмъ въ § 445 прибавлено: «по сему явствуетъ, коль прилежно смотрѣть должно, чтобъ различить тѣ возвратные глаголы, которые вмѣсто страдательныхъ употреблены быть могутъ, отъ тѣхъ, которые сего отнюдь не терпятъ».

Далѣе въ § 446: «Для избѣжанія въ семъ погрѣшностей два способа вижу: 1) славянскія реченія больше позволяютъ употребленіе возвратныхъ, вмѣсто страдательныхъ; 2) ежели творительный падежъ не такъ какъ лицо, но въ силѣ орудія представляется, то страдательнаго силу возвратный глаголъ имѣти можетъ: дерева вѣтромъ *качаются*».

Замѣчаніе § 463 весьма полезно: неокончательное неопредѣленное, съ приложеніемъ прошедшаго *было*, имѣетъ силу начинательнаго глагола: мнѣ было говорить, т.-е. я хотѣлъ только начать говорить. А когда *было* назади поставится, значитъ раскаяніе въ томъ, что не сдѣлалось: говорить *было*, писать *было*

Въ § 466 Ломоносовъ упрекаетъ тѣхъ, которые по свойству чужихъ языковъ дѣепричастія отъ глаголовъ личныхъ лицами раздѣляютъ, тогда какъ дѣепричастіе должно въ лицѣ согласоваться съ главнымъ глаголомъ личнымъ... Но многіе въ противность сему пишутъ: идучи я въ школу, встрѣтился со мною пріятель». А у насъ чрезъ сто лѣтъ тѣ же повторяются ошибки, и не только въ устной рѣчи, но и на письмѣ.

Ломоносовъ сожалѣетъ (§ 467), что изъ обычая и употребленія вышло славянское въ сочиненіи глаголовъ свойство, когда вмѣсто дѣепричастій дательный падежъ причастія полагался, который служилъ въ разныхъ лицахъ: *ходящу мнѣ* въ пустынѣ, *бывшу мнѣ* на морѣ. Эта «потерянная краткость и красота», по выраженію Ломоносова, доселѣ въ русское слово не возвращается.

«*Буду* (§ 469) сопрягается съ дѣйствительными и со страдательными равномѣрно: буду писать, буду писанъ; но хотя *стану писать* есть правильно, однако не говорится: станетъ написано». Въ нашихъ грамматикахъ послѣднее правило опущено

Отъ неразличенія видовъ въ русскихъ глаголахъ творецъ первой грамматики нашей всякій разъ приходитъ въ затрудненіе, когда надобно проводить глаголъ чрезъ десять временъ Такъ, въ § 470 принужденъ сказать, «что не со всѣми неокон

[illegible]
въ подобныхъ исключеніяхъ.

[illegible] (§ 471) [illegible] примѣры этихъ обо[illegible] именно: бывало [illegible] — бывало [illegible] и что-нибудь [illegible]

Глава четвертая, о сложеніи вспомогательныхъ частей слова.

Для нашихъ грамматикъ пригодно правило § 474. [illegible] мнѣ, тебѣ, себѣ [illegible] онъ мнѣ отецъ, тебѣ братъ, самъ себѣ другъ, вмѣсто: мой отецъ, твой братъ, свой другъ».

[illegible] (§ 475): «предлоги повторяются [illegible] особливо въ пѣсняхъ: *на* горѣ *на* высокой, *по* морю *по* синему».

[illegible]

§ 5[illegible]. «Имена [illegible] падежѣ съ предлогомъ *на*: *на* Дону жить, *на* Москвѣ весело».

§ [illegible] *на* [illegible] *на* Вшку, *на* Покровку, *на* Охту».

[illegible] грамматика Ломоносова.

[illegible]

гатствѣ перемѣнамъ и упадку неподверженъ утвердится, коль долго церковь россійская славословіемъ Божіимъ на славянскомъ языкѣ украшаться будетъ». Всѣ основныя правила языка повторялись послѣдовавшими за нимъ издателями грамматикъ, съ весьма немногими измѣненіями и дополненіями; вѣрность же расположенія грамматики, начинающейся съ философскаго понятія о человѣческомъ словѣ, даже немногими была замѣчена. Современники его вовсе не признавали достоинства этого труда. Сумароковъ, во 2-мъ примѣчаніи своемъ о правописаніи, § 2, почти на каждой страницѣ укоряя Ломоносова, между прочимъ, къ вѣчному стыду своему, сказалъ: «грамматика Ломоносова никакимъ ученымъ собраніемъ не утверждена, и по причинѣ, что онъ московское нарѣчіе въ холмогорское превратилъ, вошло въ нее множество порчи языка». Но и этотъ холмогорецъ хорошо понималъ Сумарокова. «Спрашивалъ я г. Ломоносова,— разсказываетъ тутъ же Сумароковъ, — ради чего онъ *ѳ*, а не *ө* оставилъ; на что мнѣ онъ отвѣчалъ тако (разумѣется, издѣваясь надъ вопрошавшимъ): *эта литера стоитъ подпершися, и слѣдовательно бодряе*. Напротивъ, мы, чрезъ сто лѣтъ разсматривая эту грамматику въ связи съ предположенными имъ «филологическими изслѣдованіями и показаніями», къ дополненію грамматики надлежащими, должны сознаться, что въ сущности и въ грамматическихъ началахъ къ великому холмогорцу ничего прибавить не можемъ.

Таковы достоинства и значеніе грамматики Ломоносова. Столь великій подвигъ могъ совершить только поэтъ и витія, подавшій, вмѣстѣ съ грамматикою, образцы поэзіи и краснорѣчія, потому что самый языкъ есть поэзія первоначальная.

Давыдовъ.

Реторика Ломоносова.

Изъ литературныхъ трудовъ Ломоносова, появившихся въ печати въ 1748 году, самымъ виднымъ было краткое руководство къ краснорѣчію, книга первая, въ которой содержится Реторика, показующая общія правила обоего краснорѣчія, то есть ораторіи и поэзіи, сочиненная въ пользу любящихъ словесныя науки. Трудами Михаила Ломоносова Императорской

Академіи Наукъ и Историческаго собранія члена, химіи профессора. Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ 1748 года.

Изъ сохранившагося донынѣ реторическаго учебника, писаннаго Ломоносовымъ въ бытность его въ Московской духовной школѣ, видно, что онъ при составленіи реторики не забылъ своего прежняго школьнаго руководства. Впрочемъ, подобные учебники были сколкомъ съ реторикъ Каусина и Помея, и митрополитъ Евгеній первый указалъ, что Ломоносовская реторика выбрана изъ сочиненій сейчасъ названныхъ писателей. Въ одномъ разборѣ Смирдинскаго собранія сочиненій Ломоносова указано и третье произведеніе, изъ котораго онъ заимствовалъ реторическія правила — это Готшеда Ausführliche Redekunst. По свидѣтельству г. Будиловича, параграфы «о сопряженіи простыхъ идей» и «объ изобрѣтеніи доводовъ» взяты у Вольфа.

Итакъ, Ломоносовская реторика со стороны своего содержанія не представляетъ ничего такого, что отличалось бы самостоятельностью. Впрочемъ, она въ русской литературѣ имѣетъ особенное значеніе по другимъ причинамъ. Прежде всего это была первая реторика на русскомъ языкѣ, такъ какъ до того времени въ нашихъ школахъ эта наука преподавалась не иначе, какъ на латинскомъ языкѣ. Во-вторыхъ, въ подтвержденіе правилъ и для образца здѣсь приведены отрывки и цѣлыя произведенія въ стихахъ и прозѣ, переводныя и оригинальныя. Эти-то особенно примѣры и дѣлали реторику Ломоносова неоцѣненною во время появленія ея въ свѣтъ, когда вовсе не было почти книгъ для легкаго чтенія. Поэтому нисколько не удивительно, что долгое время и послѣ Ломоносова реторика была не только учебникомъ, но и сборникомъ образцовъ всего лучшаго изъ того, что тогда представляла небогатая русская литература. Замѣчательно еще въ этой реторикѣ и то, что переводчиковъ и авторовъ всѣхъ возможныхъ примѣровъ и образцовъ совмѣщало въ себѣ одно лицо — Ломоносовъ! Не удивительны поэтому слова Татищева, который писалъ къ Корфу по выходѣ въ свѣтъ этого произведенія Ломоносова [illegible] языкъ многихъ полнѣе и плодороднѣе, и мню, что въ философіи, математикѣ и прочихъ наукахъ не хуже французскаго и германскаго, но еще кратче изъяснить можемъ, что нѣкоторые члены русской Академіи изданіемъ преизрядныхъ

книгъ засвидѣтельствовали, особливо господина профессора Ломоносова изрядная реторика и другія, якоже Тредьяковскаго и господина Сумарокова стихотворныя хвалы достойны». Не только одни современники Ломоносова, но и потомки, нѣсколько лѣтъ послѣ уже появленія въ свѣтъ его реторики, отзывались о ней не иначе, какъ въ восхищеніемъ. «Правда, — говоритъ, напримѣръ, Севергинъ*), — что правила изобрѣтенія идей, украшенія и расположенія слова у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ почти одинаковыя, но Ломоносовъ былъ первый, который и въ семъ поприщѣ лучшія проложилъ стези на россійскомъ языкѣ. И хотя послѣ него многія изданы подобныя руководства, но твореніе Ломоносова служило имъ всегда основаніемъ: и не взирая на оныя, любители словесности не перестаютъ и донынѣ читать его Реторику и образовывать себя по оной. Ибо никто почти не былъ столь счастливъ въ выборѣ примѣровъ, особливо въ наполненіи періодовъ и распространеніи слова, въ возбужденіи страстей, въ вымыслахъ, и вообще въ украшеніи и расположеніи. Здѣсь должны мы наипаче удивляться изяществу его вкуса, ибо всѣ его примѣры сильны, ясны и привлекательны, а нѣкоторые неподражаемы..»
Затѣмъ въ примѣръ приведено описаніе пѣнія соловья, оказавшееся, впрочемъ, заимствованнымъ изъ Плинія.

Пекарскій.

Реторика Ломоносова.

Реторика Ломоносова высоко цѣнилась современниками. Существуетъ даже благосклонный о ней отзывъ В. Н. Татищева. Говоря въ своей «Россійской исторіи» о русскомъ языкѣ, Татищевъ прибавляетъ, что высокое его достоинство «нѣкоторые члены руской Академіи изданіемъ изрядныхъ книгъ засвидѣтельствовали, особливо господина профессора Ломоносова изрядная «Риторика и другое». Самый вѣрный отзывъ о «Риторикѣ» Ломоносова сдѣланъ митрополитомъ Евгеніемъ: «Сія книга была первою на россійскомъ языкѣ о сей наукѣ, ибо

*) Слово похвальное Ломоносову, читанное въ Императорской Россійской Академіи В. Севергинымъ. С.-Петербургъ, 1805 г., стран. 31, 32.

въ школахъ дотолѣ преподавали оную только на латинскомъ. Правда, Ломоносова «Риторика» собрана изъ тѣхъ же классическихъ книгъ и паипаче изъ латинской Каусиновой большой и Помеевой «Риторики», и вся составлена только изъ общихъ правилъ съ подведеніемъ только нѣкоторыхъ россійскихъ примѣровъ подлинниками и переводами — изъ древнѣйшихъ и новѣйшихъ писателей. Но сіи-то примѣры были новостію для желающихъ знать красоту россійскаго слога. Ломоносовъ не только съ разборчивымъ вкусомъ выбралъ примѣры, но и чужестранныхъ переводилъ съ мастерскимъ искусствомъ».

Этотъ общій отзывъ требуетъ только незначительныхъ измѣненій, чтобы сдѣлаться прочнымъ достояніемъ науки. Дальнѣйшее наше изложеніе частію подтвердитъ, частію пополнитъ его.

Митрополитъ Евгеній былъ совершенно правъ, сказавши, что «Риторика» Ломоносова не есть трудъ самостоятельный. Оригиналъ правилъ и примѣровъ, принятыхъ имъ въ свой курсъ, можно найти всего болѣе въ огромной, хотя и нескладной «Риторикѣ» Каусина и отчасти въ «Риторикѣ» Помея: глава о возбужденіи страстей, хотя, по словамъ Ломоносова, и основана на философскомъ ученіи о нравахъ, но, большею частію, заимствована изъ книги Готшеда: «Ausführliche Redekunst», въ которой, впрочемъ, этотъ вопросъ изложенъ тоже не самостоятельно, а по Каусину, съ примѣненіемъ къ Аристотелю; понятія логическія «о сопряженіи простыхъ идей (§ 46 и слѣд.) и «объ изобрѣтеніи доводовъ» (§ 93) взяты Ломоносовымъ у Вольфа; въ общемъ же расположеніи онъ слѣдовалъ русскимъ школьнымъ реторикамъ, изъ которыхъ одна, извѣстная въ рукописи конца XVII вѣка (послѣ 1696 г.), хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, подъ № 1663, особенно поражаетъ своимъ сходствомъ съ учебникомъ Ломоносова. Такимъ образомъ «Риторика» Ломоносова напоминаетъ мозаическую картину: съ разныхъ сторонъ подбиралъ онъ раскрашенные камешки, но ему принадлежитъ ихъ группировка, совершенно оригинальная, или, по крайней мѣрѣ, очень отличная отъ расположенія тѣхъ матеріаловъ въ источникахъ.

Каусинъ начинаетъ свою «Риторику», подобно Ломоносову, общими замѣчаніями о краснорѣчіи, а въ III главѣ трактуетъ «de adminiculis ad comparandam eloquentiam — ingenio, imitatione, о чемъ и Ломоносовъ говоритъ во вступленіи. Далѣе,

у Каусина, какъ и Ломоносова, слѣдуютъ главы объ изобрѣтеніи, объ украшеніи и о расположеніи — de inventione (c. IV), de elocutione (c. VII) и de distributione (c. VI); но онѣ отличаются отъ Ломоносовскихъ расположеніемъ и объемомъ. Amplificatio (c. V) у Каусина отдѣлено отъ inventionis (c. IV). Глава de affectibus (c. VIII) у Ломоносова вошла въ ученіе объ изобрѣтеніи.

Наконецъ, у Каусина осталась отвергнутая Ломоносовымъ глава de pronuntiatione (c. IX), излагающая совершенно внѣшнія правила о жестикуляціи, выраженіи лица и т. д. Остальныя семь главъ Каусина (c. X — XVI) о краснорѣчіи судебномъ, гражданскомъ и церковномъ должны были у Ломоносова войти въ особый учебникъ «Ораторія». Еще меньше удовлетворился Ломоносовъ расположеніемъ реторики Помея. Она не отличается ни полнотою ни стройностію. Въ началѣ ея помѣщены progymnasmata aphtonii — ученіе о хріи, и только во 2-й части находится собственно опредѣленіе реторики. Здѣсь собственно три части — inventio, elocutio и amplificatio, но онѣ не вполнѣ соотвѣтствуютъ составу реторики Ломоносова: третья часть реторики Помея заключается у Ломоносова въ первой. Того, что у Каусина названо dispositio, у Помея совсѣмъ не существуетъ. Оканчивается его «Риторика» такъ же произвольно, какъ и начата, разсужденіемъ de panegiricis. Наиболѣе напоминаетъ «Риторику» Ломоносова своимъ содержаніемъ и расположеніемъ названная уже русская: «Риторика, словенски краснорѣчіе». Тутъ, какъ и у Ломоносова, три главныя части — изобрѣтеніе, красноглаголаніе (оно поставлено третьимъ) и расположеніе. Вначалѣ, какъ и у Ломоносова, поставлено ученіе объ естествѣ, или объ условіяхъ реторической мудрости, которыхъ признается, согласно съ Ломоносовымъ, четыре: 1) природное дарованіе, 2) наука, 3) частное употребленіе и 4) подражаніе. Въ главѣ объ изобрѣтеніи помѣщено ученіе о мѣстахъ, о расположеніи по силлогизму и т. д. Въ главѣ о красноглаголаніи говорится о тропахъ и фигурахъ словъ и реченій; то и другое какъ у Ломоносова. Въ заключеніи говорится о трехъ родахъ глаголанія (у Ломоносова *штили)* и, наконецъ, чего у Ломоносова уже нѣтъ — о разставленіи точекъ и произвѣщеніи. Изложеніе этой рукописной реторики стройно и цѣльно: есть въ ней замѣтки, еще болѣе сближающія взглядъ автора съ Ломоносовскимъ, въ родѣ слѣдующей:

«Риторика — рука великаго ума, яже состоится паче вещьми и разумы, неже словцами».

Принимая эту именно систему изложенія, Ломоносовъ, вѣроятно, руководствовался воспоминаніями школы: факты учебниковъ скоро вывѣтриваются, но схема твердо напечатлѣвается въ умѣ, и вновь пріобрѣтенныя данныя уже помѣщаются въ данномъ распорядкѣ. По отношенію къ работѣ Ломоносова это было тѣмъ легче, что, при собираніи матеріаловъ для реторики, онъ, повидимому, прибѣгъ къ обычному своему механическому пріему выписокъ, которыя у него въ новой обстановкѣ получили значеніе, далеко отличное отъ первоначальнаго: одни и тѣ же примѣры послужили подтвержденіемъ различныхъ правилъ. Что касается способа переводовъ, то они всегда у Ломоносова точны и близки къ подлиннику, такъ что у него всегда можно отличить переводъ съ подлинника и переводъ съ чужого перевода; такъ, напримѣръ, видно, что въ § 113 переведено съ греческаго при помощи нѣмецкаго перевода, а въ § 114 переведено съ латинскаго подлинника, но при соображеніи того же мѣста у Готшеда. Съ греческаго подлинника, кажется, нѣтъ переводовъ, по крайней мѣрѣ, переводы изъ Иліады (§ 114) и проч. настолько далеки отъ подлинника, что ихъ нельзя считать сдѣланными прямо съ него. Переводя съ буквальною точностію, безъ всякихъ измѣненій и добавленій, Ломоносовъ считалъ себя, однако, въ правѣ дѣлать выборъ примѣровъ, сокращалъ ихъ и иногда даже составлялъ одинъ изъ двухъ чужихъ; въ § 58 описаніе пѣнія соловья составлено изъ двухъ описаній — Геснера и Плинія; замѣчателенъ пріемъ Ломоносова въ переводѣ отрывка изъ Энеиды, въ § 314:

> Изъ коей вы земли, и коего народа,
> И съ миромъ ли вы къ намъ, или пришли съ войною.

Этотъ переводъ живо напоминаетъ извѣстные обороты рѣчи въ русскихъ былинахъ.

Въ выборѣ примѣровъ Ломоносовъ предпочиталъ мѣста изъ древнихъ или новыхъ классиковъ и отцовъ Церкви образцамъ, нарочно сочиненныхъ риторами. Онъ прямо говоритъ: «Хотя у древнихъ учителей краснорѣчія о хріи правилъ не находимъ, однако не мало есть оныя примѣровъ въ ихъ сочиненіяхъ. Правда, что онѣ, по большей части, не полны и не порядочны, однако мнѣ разсудилось, что для образца лучше предложить

оныя, нежели по предписаннымъ отъ Автонія Софиста правиламъ строго отъ новыхъ авторовъ сочиненные, изъ которыхъ почти ни единой путной видать мнѣ не случалось».

Кромѣ классическихъ писателей, примѣры витійства, по мнѣнію Ломоносова, можно найти въ «славянскихъ церковныхъ книгахъ» (§ 147). Попадаются у него также примѣры изъ народныхъ пословицъ: «И всякъ спляшетъ, да не такъ, какъ скоморохъ. Молебенъ пѣть, да пользы нѣтъ. Либо полонъ дворъ, либо корень вонъ (§ 192). Наконецъ, между примѣрами множество такихъ, при которыхъ не указано, кому они принадлежатъ. Мы склонны приписать ихъ самому Ломоносову, какъ, напримѣръ, ему принадлежатъ не вошедшіе въ собраніе его сочиненій стихи, сочиненные въ Петергофѣ 1759 года (§ 270), три басни въ концѣ реторики: «Волкъ въ пастушьемъ платьѣ» (§ 306), «Сварливая жена» (§ 307) и «Старикъ и оселъ» (§ 308). Точно такъ же мы считаемъ оригинальными стихи въ § 62: «Ужъ солнышко спустилось», и четверостишіе въ § 140: «Не всякъ ли говоритъ?» Наконецъ, по собственному указанію Ломоносова, имъ сочинены два примѣра: 1) примѣръ полной и правильной хріи на тему Віантовой рѣчи (§ 264) и 2) примѣръ расположенія къ силлогизму на тему о разумности устройства міра (§ 271). Но мы не рѣшаемся сказать того же о другихъ примѣрахъ, которыхъ источникъ не указанъ и не найденъ; иначе мы должны бы признать оригинальнымъ примѣръ о пѣньи соловья (§ 58) или эпиграмму: «Въ тополевой тѣни» (§ 141), тогда какъ первый принадлежитъ Геснеру и Плинію, а вторая — Марціалу. Вѣроятно, подготовительныя выписки дѣлались Ломоносовымъ безъ отмѣтки источниковъ и въ такомъ видѣ вошли въ «Риторику»: въ § 66 стихотвореніе «О веснѣ послѣ зимы», очевидно, заимствовано изъ классической литературы, но при немъ не сдѣлано никакой цитаты, — это, однако, не ручается еще за оригинальность стиховъ. Въ отношеніи теоретической части «Риторики» мы должны замѣтить, что если бы считать оригинальнымъ все то, источникъ чего еще не отысканъ, то сравнительно наиболѣе оригинальною частью должно назвать главу «о изобрѣтеніи витіеватыхъ рѣчей», слѣдующую за нею главу «о вымыслахъ» и послѣднія главы «о расположеніи по хріи, силлогизму и разговору» и «о расположеніи описаній и періодовъ. Напротивъ того, всего менѣе оригинальными должно считать главы о тропахъ и фи-

гурахъ. Несомнѣнно, нужно приписать Ломоносову много частныхъ замѣтокъ, которыми онъ сопровождалъ правила и цѣлыя главы, выражая гдѣ-нибудь въ заключеніи свой скептическій взглядъ за практическое значеніе этихъ же правилъ или повторяя настойчивыя убѣжденія не довѣряться теоріи, а больше учиться изъ опыта, не насиловать мысли механическою формальностью изложенія и не увлекаться пристрастіемъ къ риторической фигуральности и игрушкамъ. Приведемъ образцы подобныхъ замѣтокъ:

1) «При всѣхъ риторическихъ правилахъ примѣры великое онымъ подаютъ изъясненіе (§ 289). Сіи правила объ украшеніи описаній предложены больше для того, чтобы всякъ, читая историческія и другія описаніями и повѣствованіями богатыя книги, примѣчалъ въ нихъ то, что ихъ особливо украшаетъ. Кто сіе наблюдать будетъ, тотъ много найдетъ, чего ни въ какихъ риторическихъ правилахъ нѣтъ, и для того правила для себя по найденнымъ примѣрамъ составить или одни примѣры въ свою пользу употребить можно».

За главой о сопряженіи идей находимъ слѣдующее заключеніе: «При сопряженіи простыхъ идей не должно себя излишне принуждать, чтобъ оныя токмо по предложеннымъ (§ 27) правиламъ сопряжены были; надлежитъ стараться, чтобы изъ соединенія оныхъ происходили натуральныя и съ разумомъ согласныя мысли, а не принужденныя или ложныя и вздорныя». Вслѣдъ за ученіемъ о распространеніи сказано: «Распространенія искусному слуху скучны и несносны и развѣ тѣмъ только показаться могутъ, которые любятъ, чтобы имъ объ одномъ десятью сказывали» (§ 51).

Въ главѣ о пополненіи періодовъ съ нѣкоторою злостью замѣчено: «Надлежитъ поступать осторожно, чтобы не родились подлыя и смѣшныя реченія игрушки, что нерѣдко случается въ именахъ, чрезъ перемѣненіе письменъ производныхъ, которыя анаграммами называются (§ 60).

Предлагая правила объ изобрѣтеніи витіеватыхъ рѣчей, Ломоносовъ сдѣлалъ оговорку: «Сіе показываемъ не съ такимъ намѣреніемъ, чтобы учащіеся мѣры не знали и послѣдовали бы нынѣшнимъ италіанскимъ авторамъ, которые, силясь писать всегда витіевато и не пропустить единой строки безъ острой мысли, нерѣдко завираются» (§ 1[illegible]0; ср. §§ 146 и 180).

Наконецъ, въ «Риторикѣ» попадаются замѣтки о предме-

тахъ, собственно выходящихъ изъ круга излагаемыхъ свѣдѣній: напримѣръ замѣтка о номиналистахъ и реалистахъ (§ 32); но онѣ нашли себѣ мѣсто здѣсь только при взглядѣ Ломоносова на риторику, какъ на энциклопедію необходимыхъ знаній. Опредѣленіе родовъ словесности (§ 151) тоже отчасти заходитъ въ область піитики. Въ томъ же параграфѣ интересенъ взглядъ Ломоносова на народныя сказки, при чемъ названа «сказка о Бовѣ».

Будиловичъ.

Ломоносовъ, какъ ораторъ.

Мы не имѣемъ его «Ораторіи» или наставленія къ сочиненію рѣчей въ прозѣ, но имѣемъ сочиненныя имъ рѣчи, или слова, похвальныя и академическія. Вѣроятно, при составленіи ихъ руководствовался онъ правилами, которыя излагалъ въ «Ораторіи». Такое заключеніе наше подтверждается и сохранившимся черновымъ словомъ Елизаветѣ Петровнѣ и тѣмъ, что въ его словахъ находимъ самое вѣрное оправданіе мыслей о слогѣ, изложенныхъ имъ въ разсужденіи о пользѣ книгъ церковныхъ.

Что же такое эти слова? Слова его, похвальныя и академическія, показываютъ строгій, послѣдовательный порядокъ мыслей, изобличаютъ умѣнье автора вставлять эпизоды (о родоначальникахъ Елизаветы, о пользѣ наукъ); мѣстами они представляютъ истинно патетическія, одушевленныя страницы, особенно когда Ломоносовъ говоритъ о двухъ своихъ любимыхъ предметахъ: Петрѣ Великомъ и пользѣ наукъ. Однакожъ въ нихъ видишь человѣка великаго ума, который умѣетъ дѣлать все прекрасно, за что бы ни принялся, но не видишь *оратора, вполнѣ увлекающагося*, для котораго бы это дѣло было призваніемъ жизни; видишь, какъ онъ, при помощи труда и науки, составляетъ свою рѣчь, а не импровизируетъ ея вдохновенно: отсюда понятны и его заимствованія изъ Плинія, на которыя онъ такъ не поскупился; отсюда понятны тѣ справки съ риторикой, которыя онъ дѣлалъ при сочиненіи словъ. Притомъ достоинствамъ содержанія его словъ много мѣшаетъ самый складъ фразы, чопорно, спесиво, а не торжественно-величавый.

Въ ораторѣ-Ломоносовѣ вы не узнаете Ломоносова-стихотворца. Куда дѣлась та гибкость, та ловкость, тотъ естествен-

ный складъ рѣчи, которымъ отличается его прекрасный стихъ? Про многіе стихи можно сказать, будто они сейчасъ написаны однимъ изъ лучшихъ нашихъ современныхъ поэтовъ, но про фразу прозаическую въ рѣчахъ, сколько бы вы снисходительны ни были, какъ бы вамъ ни хотѣлось хвалить Ломоносова,—вы этого сказать не можете; можно сказать—стихомъ Ломоносова пишутъ и теперь и можно писать имъ, но прозой Ломоносова писать теперь была бы величайшая нелѣпость. Складъ прозаической рѣчи въ его похвальныхъ словахъ напоминаетъ фразу латинскую, намъ несвойственную, такъ что, читая похвальное слово Елизаветѣ Петровнѣ и потомъ перечитывая его въ латинскомъ переводѣ, невольно задумываешься: что здѣсь переводъ, что подлинникъ; затрудняешься рѣшить, съ латинскаго ли на русскій оно переведено, или наоборотъ, съ русскаго на латинскій. Такъ близко построеніе Ломоносовской фразы къ фразѣ латинской.

Но не подумайте, что фраза ораторскихъ рѣчей есть обыкновенный складъ, всегдашній строй прозаической рѣчи Ломоносова. Нѣтъ. Тамъ, гдѣ онъ позабываетъ свою ложную теорію, которой оказывалъ въ *Словахъ* подобострастную покорность, тамъ, гдѣ онъ писалъ, какъ писалось, тамъ строй рѣчи совсѣмъ иной, чѣмъ въ его словахъ похвальныхъ и академическихъ; тамъ онъ естественъ и развязенъ. Лучшимъ тому доказательствомъ служатъ его нѣкоторыя письма къ Шувалову, кн. Орлову, сестрѣ и замѣчанія на Вольтерову исторію Петра Великаго.

(Изъ изд. Перевл. 46 г.)

Взглядъ Ломоносова на поэзію.

Понятія Ломоносова о поэзіи были не многимъ выше, чѣмъ понятія его современниковъ. Въ опредѣленіи поэзіи Ломоносовъ недалеко ушелъ отъ Готшеда, говоря, что она отличается отъ прозы только «отмѣннымъ сложеніемъ и штилемъ», а «въ разсужденіи существа матеріи весьма съ оною сходствуетъ; ибо объ одной вещи можно писать прозою и стихами («Риторика», предисловіе, § 9). Но все-таки піитика Ломоносова могла бъ имѣть для насъ историческое значеніе, какъ комментарій къ его литературнымъ произведеніямъ, на кото-

рыхъ печать времени положила такъ много. За недостаткомъ же этой пiитики, мы должны довольствоваться нѣсколькими отрывочными замѣчанiями въ «Риторикѣ», выходящими изъ ея области и касающимися формъ поэтическихъ: тамъ есть, напримѣръ, замѣтки о вымыслахъ поэтическихъ, т.-е. о творчествѣ (§ 148, ср., § 287); упоминаются театральныя поэмы (§ 276); комедiи и трагедiи (§ 278), эклоги, идиллiи (§ 277), драмы (§ 286), эпическiя или героическiя поэмы (§§ 288 и 295), басни и притчи (§§ 151 и 309). Но все это такъ отрывочно, что по этимъ упоминанiямъ нельзя составить себѣ опредѣленнаго понятiя о взглядѣ Ломоносова на роды и виды поэзiи. Только первую, такъ сказать, главу пiитики Ломоносова, или ученiе о русской версификацiи, мы можемъ изложить довольно полно — по уцѣлѣвшему «письму о правилахъ россiйскаго стихотворства» (1739). Письмо это обращено къ Россiйскому собранiю, учрежденному при Академiи Наукъ въ 1735 году, а не къ Тредьяковскому, какъ думалъ послѣднiй. Изъ самаго содержанiя письма видно, что оно обращено не къ Тредьяковскому, потому что все направлено противъ него, и притомъ довольно рѣзко, почти насмѣшливо. По нашему мнѣнiю, письмо Ломоносова надобно считать не иначе, какъ критикою на способъ къ сложенiю россiйскихъ стиховъ Тредьяковскаго (1735), хотя послѣднiй и не поименованъ Ломоносовымъ.

Въ вопросѣ о томъ, кому нужно приписать открытiе тоническаго размѣра и введенiя его въ русскую литературу: Ломоносову или Тредьяковскому, могутъ рѣшить дѣло два соображенiя: 1) Ломоносовъ ужъ имѣлъ подъ руками «Способъ» Тредьяковскаго, появившiйся за четыре года до написанiя Ломоносовымъ письма, слѣдовательно, теоретически изобрѣтенiе тоническаго размѣра принадлежитъ Тредьяковскому, а Ломоносовъ только усовершенствовалъ его. Но 2) «Способъ» Тредьяковскаго никого не убѣдилъ, ни даже его самого, и уже послѣ его изданiя самъ авторъ снова обратился было къ стиху силлабическому; слѣдовательно, хотя Ломоносовъ выступалъ вторымъ съ тѣмъ же предложенiемъ, но оно не могло не представляться новымъ, потому что до того никто не обращалъ вниманiя на мысль Тредьяковскаго. Съ другой стороны, общество — не школа, и даже вѣрная теорiя не имѣетъ въ его глазахъ цѣны и знанiя, пока она не оправдана дѣломъ. По-

смотримъ же, въ чемъ соглашался Ломоносовъ съ Тредьяковскимъ и что онъ измѣнялъ въ его «Способѣ».

Ломоносовъ говоритъ, что «россійскіе стихи надлежатъ сочинять по природному нашего языка свойству»; равнымъ образомъ и въ мнѣніи Тредьяковскаго «достаточнымъ основаніемъ» для подтвержденія или опровержения правила служитъ выраженіе, что «свойство нашего языка того не терпитъ», хотя конечно, Тредьяковскій, по собственному его сознанію, не всегда умѣлъ «въ свойство нашего природнаго языка умѣтить». Что наблюденіе надъ свойствами русскаго народнаго языка привело Тредьяковскаго къ мысли о тоническомъ размѣрѣ, видно изъ его же собственныхъ словъ: «Думали, что я сіе стихосложеніе взялъ съ французскаго. Пусть отнынѣ перестанутъ противно думающіе думать противно: ибо поистинѣ всю я силу взялъ сего новаго стихотворенія изъ самыхъ внутренностей свойства, нашему стиху приличнаго; и буде желается знать, то мнѣ надлежитъ объявить, что поэзія нашего простого народа къ сему меня довела... Подлинно, почти всѣ званія, при стихѣ употребляемыя, занялъ я у французской версификаціи, но самое дѣло у самой нашей природной, наидревнѣйшей оной простыхъ людей поэзіи. Итакъ, всякъ разсудитъ, что я французской версификаціи долженъ мѣшкомъ, а старинной россійской поэзіи всѣми тысячью рублей» (113 Iш.)

Конечно, это не мѣшало Тредьяковскому находить, что французская поэзія «вся та жъ, что и наша, кромѣ нѣкоторыхъ не малыхъ околичностей», и полагать отчасти французскую версификацію за образецъ для русской, начиная отъ искусства французовъ въ «прочитаніи стиховъ» и кончая пересѣченіемъ (цезурой) и риѳмою. Дѣло представлялось пока очень смутно, и потому противорѣчія были неизбѣжны.

Далѣе у Ломоносова читаемъ: «Въ россійскомъ языкѣ тѣ только слова долги, надъ которыми стоитъ сила, а прочие коротки: сіе самое природное произношеніе намъ очень легко показываетъ». Это высказано и Тредьяковскимъ: «Долгота и краткость слоговъ въ новомъ россійскомъ стихосложеніи не такая, разумѣется, какова у грековъ и латинъ въ сложеніи стиховъ употребляется, но только тоническая, т.-е. въ единомъ удареніи голоса состоящая». У Тредьяковскаго есть слѣдующее обращеніе къ Смотрицкому: «Авторъ «Славянскія грамматики»... желая наше сложеніе стиховъ подобнымъ учинить

греческому и латинскому, такъ свою просодію количественную смѣшно написать, что сколько разъ за оную ни примешься, никогда не можешь удержаться, чтобы не быть, смотря на оную, смѣющимся Демокритомъ».

Равнымъ образомъ и Ломоносовъ осуждаетъ Смотрицкаго за то, что онъ хотѣлъ составить славянскую просодію по образцу греческой. Ломоносовъ не одобряетъ стиховъ, въ «которыхъ всѣ односложныя слова за долгія почитаются, и вслѣдъ за тѣмъ прямо указываетъ на первый короллярій пятаго опредѣленія, «въ которомъ сіе правило счастливо предложено» и т. д. Это уже указаніе на «Способъ» Тредьяковскаго, который гласитъ, что «всѣ реченія единосложныя не могутъ быть какъ только долгія». Слѣдующіе за тѣмъ у Ломоносова стихи, приведенные въ примѣръ неудачной версификаціи, взяты изъ первой элегіи Тредьяковскаго въ томъ же «Способѣ». Далѣе Ломоносовъ говоритъ: Не знаю, чего бы ради... гекзаметры и всѣ другіе стихи... такъ запереть, чтобы они ни больше ни меньше опредѣленнаго числа слоговъ не имѣли». Это возраженіе на категорически заявленное мнѣніе Тредьяковскаго, что «гекзаметръ нашъ не можетъ имѣть ни больше ни меньше тринадцати слоговъ», — мнѣніе, котораго Тредьяковскій долго и упорно держался, опираясь на авторитетъ классиковъ и риторовъ. Высказанная Ломоносовымъ неблагосклонность къ французамъ, которыхъ онъ называетъ «нѣжными господами», которые «во всемъ хотятъ натурально поступать, однако почти всегда противно своему намѣренію чинятъ», и версификацію которыхъ онъ сравниваетъ съ горбатою и кривоногою плясуньей, — эта неблагосклонность могла проявиться у него отчасти какъ реакція преувеличенному благоговѣнію предъ французами Тредьяковскаго, а отчасти, можетъ-быть, по пристрастію Ломоносова къ нѣмецкой наукѣ и поэзіи, которыя онъ научился уважать въ школѣ, поставляя ихъ на одну доску съ наукой и поэзіей грековъ и римлянъ. Далѣе Ломоносовъ полагалъ, что цезуру въ срединѣ правильныхъ нашихъ стиховъ «употреблять и оставлять можно», и что «тому въ своихъ стихахъ оную всегда ставить позволено, кто однимъ духомъ тринадцати слоговъ прочитать не можетъ». Это ироническое замѣчаніе на мысль Тредьяковскаго, что стихъ героическій долженствуетъ раздѣленъ быть на два полустишія, изъ которыхъ бы первое состояло изъ семи слоговъ,

а другое изъ шести... понеже мѣра духа человѣческаго требуетъ того».

Тредьяковскій предпочитаетъ стихъ хореическій, называя весьма худымъ тотъ, «который весь ямбы составляютъ». Ломоносовъ, напротивъ того, находитъ, что «чистые ямбическіе стихи хотя и трудновато сочинить, однако, подымаяся тихо вверхъ, матеріи благородство, великолѣпіе и высоту умножаютъ». Лѣтъ пять спустя изъ-за этого же спорнаго вопроса о превосходствѣ ямба предъ хореемъ произошло нѣчто въ родѣ поэтическаго турнира Ломоносова и Сумарокова съ Тредьяковскимъ. Но Тредьяковскій приступилъ къ состязанію со взглядами, уже значительно измѣненными, въ сравненіи съ тѣмъ, что говорилъ въ 1735—1739 годахъ. Въ 1744 году онъ уже не называлъ ямба подлымъ, а только находилъ, что «ни которая изъ сихъ стопъ сама собою не имѣетъ какъ благородства, такъ и нѣжности», но что «все сіе зависитъ токмо отъ изображеній, которыя стихотворецъ употребляетъ въ свое сочиненіе». При этомъ въ доказательство, что подъемъ снизу вверхъ не всегда значитъ высоту, Тредьяковскій приводитъ «Иліаду» и «Энеиду», писанныя не анапестомъ, а дактилемъ. Сумароковъ придерживался взгляда Ломоносова, что въ ямбѣ есть «высокость, благородство и живость, а въ хореѣ только «нѣжность», для выраженія «любовническаго вздыханія». Для рѣшенія спора положено было, чтобы каждый изъ споривших сочинилъ парафрастическую оду на тему 143-го псалма. Первая, ямбическая принадлежитъ Сумарокову, вторая, хореическая — Тредьковскому, третья, ямбическая — Ломоносову. Въ одахъ оказалась «чувствительная разность жара и изображеній, а удивительное согласіе разума», однако не трудно различить, что кому принадлежитъ, и нельзя сказать, чтобы хорей одержалъ побѣду надъ ямбомъ. Довольно замѣтить, что при второмъ изданіи «Способа» Тредьяковскій совершенно выбросилъ порицательный отзывъ объ ямбѣ, признаваясь въ (предисловіи), что симъ (и сочетаніемъ стиховъ) прежній «Способъ былъ недостаточенъ». Не меньше оживленныхъ споровъ и толковъ породило разнорѣчіе между Ломоносовымъ и Тредьяковскимъ насчетъ умѣстности въ русскомъ стихосложеніи мужской рифмы. Тредьяковскій, можетъ-быть, примѣняясь къ стихосложенію польскому, и во всякомъ случаѣ, совершенно не обращая вниманія на свойства русскаго языка, произнесъ слѣдующій

догматическій приговоръ: «Извѣстно есть всѣмъ нашимъ стихотворцамъ, что сіе согласіе (то-есть риѳма, «согласіе конечныхъ между собою въ стихѣ слоговъ») всегда лучше сходится на предкончаемомъ слогѣ, т.-е. на слогѣ, который передъ самымъ послѣднимъ, хотя нѣкогда, и то въ комическомъ и сатирическомъ стихѣ (но что рѣже, то лучше), и на кончаемомъ, то-есть на самомъ послѣднемъ, то бываетъ».

Ломоносовъ возражалъ противъ такого намѣреннаго стѣсненія русскаго стиха, указывая на его источникъ въ польской версификаціи и доказывая фактически несостоятельность этого ученія. Тредьяковскій, однако, не скоро убѣдился въ полноправности мужской риѳмы: вѣроятно, уже къ пятидесятымъ годамъ относятся эпиграмматическіе стихи Ломоносова «на сочетаніе стиховъ россійскихъ», въ которыхъ онъ торжествуетъ свою побѣду надъ Штивеліемъ (Тредьяковскимъ).

Итакъ, «письмо» Ломоносова написано въ полемическомъ духѣ и тонѣ. И мы должны признать, что его теоретическія поправки «Способа» Тредьяковскаго всѣ безъ исключенія приняты русскою литературою, но, конечно, благодаря не этому «письму», которое и притомъ напечатано въ первый разъ уже въ 1778 году, а «примѣру ясному и способному», который у Ломоносова сопрововождалъ теорію, подтверждалъ ея выводы и давалъ имъ ходъ. *Будиловичъ.*

Вліяніе Гюнтера на Ломоносова.

Всѣмъ извѣстно, что въ одѣ «На взятіе Хотина» Ломоносову служилъ образцомъ Гюнтеръ. Но въ чемъ именно состояло подражаніе, и почему онъ обратилъ такое вниманіе на этого поэта? Гюнтеръ, умершій въ 1723 году только 28 лѣтъ, справедливо, пользовался тогда славою самаго талантливаго нѣмецкаго поэта: уже вышло нѣсколько, хотя еще и неполныхъ, изданій его сочиненій, и незадолго передъ паденіемъ Хотина появилась первая біографія покойнаго. Похвалы Гюнтеру вызвали противъ него и порицанія: противниками его были особенно послѣдователи рутиниста Готшеда. Но понятно, что въ томъ кругу, гдѣ обращался Ломоносовъ, талантъ Гюнтера былъ уважаемъ, особенно если вспомнить, что главнымъ

покровителемъ покойнаго при жизни его былъ знаменитый лейпцигскій профессоръ *Менке*, бывшій въ сношеніяхъ съ наставникомъ Ломоносова Вольфомъ. Молодость несчастнаго Гюнтера, далѣе которой не продлилась его жизнь, представляетъ сходство съ первымъ періодомъ жизни Ломоносова. Гюнтеръ — силезскій уроженецъ, бѣжалъ также изъ родительскаго дома, слѣдуя потребностямъ духа, противъ воли отца, который хотѣлъ заставить его учиться медицинѣ, тогда какъ самъ чувствовалъ влеченіе къ поэзіи. Но для Гюнтера этотъ поступокъ сдѣлался источникомъ бѣдствій и ранней гибели: несмотря на его глубокое раскаяніе впослѣдствіи, жестокій отецъ не согласился простить и навсегда изгналъ изъ своего дома. Студенческая жизнь, какова она была въ тогдашнихъ германскихъ университетахъ, отразилась въ большей части стихотвореній Гюнтера, почему они были, вѣроятно, распространены между студентами. Изумительно плодовитый талантъ его проявился все болѣе въ пѣсняхъ, но и онѣ, какъ большая часть стихотвореній, написаны на разные случаи вседневной жизни. По духу того времени высшимъ родомъ такого стихотворства *на случаи* считались сочиненія въ похвалу какого-нибудь знатнаго лица или событія дворской жизни; сочиненія же этого рода и были самыя выгодныя, потому что доставляли авторамъ не только покровительство сильныхъ, но и деньги. Искать предъ всякимъ домашнимъ праздникомъ, или по поводу радостнаго случая, стихотворца, который бы ихъ воспѣлъ, было обычаемъ не только дворовъ, но и частныхъ людей. Чѣмъ значительнѣе было воспѣтое лицо или обстоятельство, тѣмъ болѣе правъ пріобрѣтала ода на общее вниманіе. Вотъ почему, независимо отъ своего внутренняго достоинства, заняла такое видное мѣсто ода Гюнтера на миръ Австріи съ Турціей, заключенный въ Пассаровицѣ 1718 году. Написать побудилъ Гюнтера названный мною Менке, желая воспользоваться случаемъ доставить обезпеченное положеніе поэту, отъ котораго онъ такъ много ожидалъ. Гюнтеръ, вообще не любившій лести и хвалебнаго стихотворства, уступалъ однакожъ не разъ требованіямъ своей эпохи. Едва ли Ломоносовъ, при своихъ учебныхъ занятіяхъ и студенческихъ развлеченіяхъ имѣлъ время прилежно читать Гюнтера; но ему легко было ознакомиться съ прославленнымъ произведеніемъ замѣчательнѣйшаго изъ тогдашнихъ германскихъ поэтовъ, и

вотъ однородныя событія въ войнѣ Россіи съ Турціей подаютъ ему мысль взять за образецъ нѣмецкую оду, воспѣвшую торжество австрійцевъ въ борьбѣ съ тѣмъ же непріятелемъ. Чрезвычайно замѣчательно, какъ молодой русскій, руководствуясь своимъ природнымъ вкусомъ и эстетическимъ тактомъ, воспользовался примѣромъ современнаго ему нѣмца. Принявъ размѣръ подлинника и его десятистрочную стопу съ тѣмъ же порядкомъ въ сочетаніи риѳмъ, Ломоносовъ сдѣлалъ свою оду вдвое короче. Кромѣ внѣшней формы, подражаніе его затѣмъ ограничивается сроднымъ духомъ лиризма, общимъ сходствомъ въ образахъ и заимствованіемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мыслей; но оно нигдѣ не доходитъ до степени даже вольнаго перевода. Не останавливаясь на подробностяхъ для подкрѣпленія этого замѣчанія, прибавлю только, что Ломоносовъ обнаружилъ тутъ поразительную въ начинающемъ поэтѣ художественную сдержанность, избѣгнувъ всѣхъ тѣхъ неровностей, тривіальныхъ картинъ и выраженій, запечатлѣнныхъ безвкусіемъ, которыя довольно часто попадаются въ нѣмецкой одѣ посреди стиховъ и цѣлыхъ тирадъ противоположнаго свойства.

Гротъ.

Изъ сличенія оды Ломоносова съ одой Гюнтера открывается, что Ломоносовъ хотя и заимствуетъ покровъ строфы своей изъ Гюнтера, но духомъ, геніемъ, творчествомъ, вкусомъ и благородствомъ души стоитъ неизмѣримо выше нѣмецкаго лирика. Вотъ, напримѣръ, строфа Гюнтера:

Mein Gott! Was bist du mir auf Erden,
Was wirst du mir im Himmel sein!
Dein Ruhm kann nicht ergründet werden,
Denn die Vernunft ist gar zu klein.
Doch höre mich, o Höchster! an,
Was ich von dir erzählen kann.

Ясно, что съ нея Ломоносовъ снялъ покрой своей строфы:

Уже прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой по землѣ
И Божія дѣла открыло:
Мой духъ, съ веселіемъ внемли

Чудяся яснымъ толь лучамъ:
Представь, каковъ Зиждитель самъ!

Но снять только одинъ внѣшній покровъ — и только.

Шевыревъ.

Значеніе Ломоносова въ изящной словесности.

Люди всѣхъ временъ и всѣхъ странъ въ изящномъ видѣли отраженіе и образъ лучшихъ своихъ идей.

Извѣстно, что нѣтъ такого общественнаго состоянія, которое бы тѣмъ или другимъ образомъ не отзывалось въ литературѣ, и нѣтъ такой литературы, какъ бы она ни казалась недостаточною, которая бы не нужна была обществу и не имѣла на него болѣе или менѣе значительнаго вліянія. Знакомиться съ какою-нибудь литературою или съ состояніемъ ея въ извѣстный періодъ времени не значитъ только искать въ произведеніяхъ ея безусловнаго достоинства или оригинальныхъ красотъ, а значитъ понимать судьбу и характеръ ея вмѣстѣ съ духомъ вѣка и людей, потому что ходъ человѣческаго развитія самъ по себѣ на всякой степени, во всякое время и на всякомъ мѣстѣ составляетъ высшее значеніе и первостепенный интересъ для разума. Новой литературѣ точно также слѣдовало возникнуть въ нашемъ обществѣ изъ реформы Петра, какъ надлежало возникнуть новымъ понятіямъ, стремленіямъ, нравамъ, обычаямъ, и если ни одинъ изъ элементовъ вначалѣ не носилъ на себѣ печати зрѣлости и самобытности, то откуда литература могла ихъ почерпнуть? Главное, чему необходимо надлежало въ ней совершиться, что совершилось, хотя бы она представляла бы одинъ хаосъ мыслей и языка, это усвоеніе себѣ опредѣленнаго направленія по европейскимъ началамъ, которыми проникалась общественная жизнь. Обозначая собою логическій процессъ нашей послѣпетровской исторіи, она должна была начаться такимъ образомъ, пройти послѣдовательными стадіями до тѣхъ пунктовъ, гдѣ неизбѣжна встрѣча ея съ коренными потребностями и интересами, съ національнымъ духомъ, должна была, наконецъ, поставить ее на пути къ самобытному и самостоятельному развитію. Напрасно стали бы обвинять ее въ томъ, что понятія и отвлеченныя

принципъ преобладали въ ней надъ творчествомъ, техника и форма надъ содержаніемъ, что художественная стихія не приняга ею изъ движенія національныхъ внутреннихъ силъ, а была заимствована. Обвинять мы имѣемъ право только то, что бываетъ, могши и не быть, что является вслѣдствіе незаконнаго произвола, или то, что усиливается простирать свои притязанія за предѣлы мѣста, указаннаго ему исторіей. Переходныя состоянія кажутся намъ всегда чѣмъ-то лишеннымъ собственнаго цвѣта и характера, чѣмъ-то безплоднымъ, не болѣе какъ обреченною жертвою будущаго. Состояніе, въ которомъ одинъ фазисъ жизни оканчивается, чтобы дать мѣсто другому, дѣйствительно есть состояніе необыкновенное. Въ немъ какъ-будто ступаютъ по обломкамъ разрушившагося зданія, спѣша къ новому, котораго еще нѣтъ. И однакожъ чрезвычайное движеніе силъ и вещей, отличающее переходныя состоянія, стремленіе къ задачамъ еще невыясненнымъ, но неизбѣжность коихъ глубоко чувствуется, самая нетерпѣливость, съ какою они преслѣдуются, надежды въ нихъ сосредоточенныя, — все это доказываетъ могучую живучесть среды, гдѣ оно совершается, доказываетъ, что у ней есть вѣра въ лучшее, есть будущность. Наша литература произвела Державина, Фонвизина, Карамзина, Жуковскаго, Крылова, Пушкина и Гоголя. Заимствованныя направленіе и формы съ ними постепенно теряли свой стѣсняющій, отвлеченный характеръ и превращались въ орудіе нашихъ развивающихся самостоятельныхъ силъ и художественнаго духа. Но, чтобы пріити къ такимъ результатамъ, надлежало предварительно сдѣлать то, что сдѣлано въ литературѣ Ломоносовымъ. Какимъ же образомъ могъ быть совершенъ такой художественный подвигъ лицомъ, имѣвшимъ, повидимому, призваніе исключительно ученое? Могутъ ли допустить совмѣщеніе подобныхъ направленій тѣ слишкомъ строгіе спеціалисты, которые, размежевывая, по своимъ идеямъ или по недостаточнымъ наблюденіямъ, царства природы и духа на удѣлы, думаютъ, что и въ дѣйствительности все такъ есть и должно быть, какъ они раздѣлили, подраздѣлили и опредѣлили, и что кто устроился и обзавелся учеными спрядами въ одномъ изъ этихъ участковъ, тому нѣтъ уже никакого дѣла до другихъ? Силы природы и духа, въ своемъ движеніи, дѣйствительно расходятся на безконечныя, удаляющіяся другъ отъ друга разности въ своихъ низшихъ сферахъ, — и, конечно,

никто не станетъ оспаривать необходимости и важности проистекающихъ отсюда отдѣльныхъ изслѣдованій и изученій. Но есть высшія сферы, куда проникаетъ знаніе, гдѣ тѣ же силы природы и духа спѣшатъ, такъ сказать, сойтись у одного центра жизни, гдѣ онѣ являются въ тѣсной родственной связи общихъ причинъ и общихъ законовъ, и гдѣ умъ мыслящій, преслѣдуя одну идею, не можетъ не видѣть и не чувствовать присутствія другой въ ихъ естественномъ, прекрасномъ сочетаніи. Такъ, знаніе, отъ низшихъ его ступеней перешедшее къ высшей, не только не чуждается на сей послѣдней художественнаго воззрѣнія на вещи, но привлекаетъ его къ себѣ, и само имъ привлекается. И не въ наукѣ ли для тѣхъ, которыхъ занимаетъ не одна буква ея, лежитъ основаніе всѣхъ великихъ стремленій, всѣхъ великихъ вѣрованій человѣчества — истиннаго и вмѣстѣ прекраснаго? Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ, почему всѣ высшіе умы науки сочувствовали глубоко красотамъ поэзіи; они ясно сознавали, что художественное творчество въ тѣхъ же откровеніяхъ природы и сердца человѣческаго, въ одномъ и томъ же источникѣ истины ищетъ своихъ вдохновеній и стихій для своихъ прекрасныхъ созданій, какъ и ихъ строгая мудрость своихъ удостовѣреній. Ломоносовъ принадлежалъ къ тѣмъ избраннымъ умамъ, которые, съ чуткою проницательностью въ наблюденіи явленій и подробностей, соединяютъ обширные виды въ наукѣ, которые въ одинаковой степени владѣютъ индуктивнымъ и дедуктивнымъ способомъ познаванія и вмѣстѣ съ тѣмъ только геніальнымъ дѣятелямъ свойственнымъ даромъ постиженія нерѣдко исторгаютъ у природы и жизни тайны, недоступныя никакимъ доказательствамъ умовъ рутины и ученаго формализма.

Первые проблески художественной натуры видны уже въ дѣтскихъ порывахъ и наклонностяхъ Ломоносова. За псалтырью Симеона Полоцкаго, въ пѣніи священныхъ гимновъ на клиросѣ приходской церкви, — въ этихъ занятіяхъ, къ которымъ влекла его собственная любовь и желаніе, а не чья-нибудь посторонняя воля, ему, безъ сомнѣнія, въ неясныхъ, смутныхъ чертахъ инстинктивно представлялись уже и высшія цѣли жизни и что-то прекрасное вдали, и отроческое его сердце наполнялось предчувствіемъ благодатнаго наитія поэзіи. Подобныя нравственныя явленія могли бы показаться невозможными въ средѣ.

гдѣ родился и проводилъ свое дѣтство Ломоносовъ, если бы мы не знали, что великимъ силамъ духа дается многое такое, что не примѣнимо къ людямъ обыкновеннымъ, и что геніи не отъ чуждыхъ внушеній и вліяній получаютъ право и полномочіе для дѣлъ своихъ идеи, а отъ колыбели носятъ ихъ въ самомъ себѣ. Оттого въ душахъ людей, подобныхъ Ломоносову, все получаетъ особенный характеръ и смыслъ. Что для другихъ бываетъ дѣломъ одного внѣшняго долга, простого любопытства или привычки и исчезаетъ въ ихъ понятіи безслѣдно и безплодно, то у нихъ является задаткомъ ихъ чрезвычайной будущности и идетъ къ одному общему средоточію ихъ исключительныхъ влеченій и призванія. Художественное настроеніе, пробудившееся въ раннемъ возрастѣ Ломоносова, осталось съ нимъ неразлучнымъ въ теченіе всей его ученой и умственной дѣятельности, какъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ свойствъ его генія. Непреодолимое внутреннее влеченіе къ чему-то высшему, нежели труды рыбака и женитьба въ деревнѣ, жажда знанія и впечатлѣній, ожидаемыхъ въ другой лучшей средѣ, увлекли его въ стѣны московскаго Заиконоспасскаго училища; тамъ представилась ему столь нетерпѣливо имъ желаемая наука, но наука во всей непривлекательности своего схоластическаго формализма, слѣдовательно способная скорѣе погасить всякое эстетическое чувство, чѣмъ поощрить его и развить. За границу онъ былъ посланъ съ весьма спеціальною цѣлью обучаться металлургіи и, разумѣется, тѣмъ наукамъ, при содѣйствіи коихъ она сама могла быть наукою. Жребій, казалось, былъ брошенъ. Ломоносовъ долженъ сдѣлаться ученымъ въ извѣстномъ, опредѣленномъ и довольно тѣсномъ смыслѣ слова, и при достаточныхъ способностяхъ, необходимыхъ хорошему спеціалисту и технику, положить основаніе въ Россіи одной полезной отрасли знанія и, можетъ-быть, остаться практическимъ дѣятелемъ по какой нибудь технической части. Онъ дѣйствительно трудился на назначенномъ для него поприщѣ съ блистательнымъ успѣхомъ не только потому, что былъ одаренъ великими способностями, но и потому, что вездѣ въ состояніи былъ открывать высшій интересъ мысли и знанія. Философія, математика, физика, химія — въ Марбургѣ, труды надъ разработкою металловъ — въ Фрейбургѣ не только открываютъ ему строгіе научные данныя и пріемы, но и указываютъ на задачи, которыя онъ самъ будетъ рѣшать съ зна-

менитыми учеными Европы. Всего этого, однако, было для него не довольно. Его художественные инстинкты стремились выразиться соотвѣтственнымъ себѣ образомъ, и притомъ не въ одномъ подражаніи образцамъ доступныхъ ему чуждыхъ литературъ, но и въ попыткахъ создать что-нибудь подобное для своего отечества. Онъ изощрялъ свои производительныя силы на образцахъ этихъ литературъ, стараясь изучить ихъ основательно. Изъ донесенія о книгахъ, купленныхъ на счетъ правительства, мы видимъ, что его занимали не одни сочиненія ученаго содержанія, но также творенія великихъ поэтовъ и сочиненія, къ теоріи словесности относящіяся. Весьма важнымъ затрудненіемъ для Ломоносова въ его художественныхъ, поэтическихъ опытахъ былъ языкъ. Въ замкнутыхъ хранилищахъ духа и состава народнаго языка таились великія силы; но всѣ, кому приходилось имѣть дѣло съ высшими или отвлеченными понятіями, считали его неспособнымъ для ихъ выраженія. Отдѣляясь отъ народа и положеніемъ своимъ и схоластическимъ образованіемъ, никто изъ нихъ не въ состояніи былъ понять и оцѣнить ни выразительности народной рѣчи, ни лексикологическаго ея обилія и синтаксической гибкости, чтобы воспользоваться ими и примѣнить ихъ къ выраженію высшихъ идей. Изъ смѣси всевозможныхъ чуждыхъ словъ и оборотовъ, въ соединеніи съ формами церковно-славянскими, писатели до-Ломоносовскаго времени составили себѣ какой-то дикій и неудобопонятный языкъ, который былъ, впрочемъ, неизбѣжнымъ отпечаткомъ самаго смѣшенія и сбивчивости идей, не обработанныхъ и не утвержденныхъ живою наукою и художественнымъ чувствомъ. Ломоносовъ, конечно, не могъ быть удовлетворенъ этимъ языкомъ; онъ искалъ твердой опоры для выраженія своихъ мыслей и думалъ найти ее на освященной вѣками почвѣ церковно-славянскаго языка.

Его теорія вполнѣ согласовалась съ этимъ. Но здравое народное чувство, свѣтлый умъ и способность постигать то, что скрыто отъ преднамѣреннаго усилія другихъ, — постигать вопреки господству традицій и поученіямъ школы, на дѣлѣ обратили его къ источникамъ, откуда черпалъ онъ и силы духа и мужество на свое высокое служеніе, — къ источникамъ народности. Дѣйствуя въ высшихъ сферахъ науки и искусства для нравственнаго возвышенія и просвѣщенія своего народа, онъ чувствовалъ, что все, что изъ этихъ сферъ можетъ быть

принято народомъ, можетъ быть принято и усвоено имъ не иначе, какъ въ звукахъ своей живой родной рѣчи. Положить прочное начало этому, совершить подвигъ, отъ котораго зависѣлъ благоуспѣшный ходъ науки и литературы въ Россіи. Совершить его однако было не легко. Языкъ русскій сохранился чистымъ и неприкосновеннымъ отъ всякаго наплыва чуждыхъ элементовъ въ устахъ народныхъ массъ. Все же это былъ богатый, но сырой матеріалъ. Его нужно было воздѣлать; приходилось имѣть дѣло съ словами никогда не переходившими предѣловъ житейской потребности мысли, простого естественнаго движенія чувства, съ оборотами рѣчи, единообразно сложившимися въ однообразномъ ходѣ и сочетаніи идей. И вотъ слово, съ которымъ въ теченіе вѣковъ привыкли сопрягать извѣстное значеніе только въ извѣстномъ кругу понятій, теперь должно было войти въ иной кругъ, и тамъ, отъ другого же характера мысли среди другихъ ея отношеній, не измѣняя своей породы и коренного значенія, получить, такъ сказать, во имя новаго своего положенія, новыя права, новый оттѣнокъ смысла, силу и выразительность. Съ тѣмъ вмѣстѣ и способность свободнаго построенія, природная діалектика русской рѣчи теперь должна была сойтись и ужиться съ многоразличными комбинаціями мысли, научной и художественно-литературной. Чтобы дѣломъ, употребленіемъ освятить и узаконить всѣ эти нововведенія, требовались смѣлая рѣшимость, точность и необыкновенная сила мышленія, знаніе духа языка и еще нѣчто, чего не даетъ само знаніе — вѣрное чувство, геніальное чутье истины и способовъ ея практическаго приложенія, именно все то, что мы находимъ въ Ломоносовѣ. Изъ коренныхъ стихій, заключающихся въ природѣ языка, подъ перомъ его образовались выраженія и обороты, отличные отъ тѣхъ, которые слышались въ устахъ народа, но не чуждые ему именно по самымъ этимъ стихіямъ. Это былъ языкъ, нѣкоторымъ образомъ, искусственный, потому что сложился не самъ собою, а съ помощью внѣшней образовательной силы, и въ то же время чистый русскій языкъ, потому что сложился изъ его собственныхъ матеріаловъ. Что вначалѣ могло быть въ немъ слишкомъ искусственнымъ по необходимости для времени и недовольно гибкимъ, то могло легко, при дальнѣйшемъ самостоятельномъ употребленіи развиться, уничтожиться и улучшиться. Между тѣмъ какъ то, что установилось не вопреки законамъ

и духу языка, должно было, развиваясь и совершенствуясь постепенно, дополнить общенародный языкъ изъ его же соковъ новымъ ростомъ и вѣтвями, вызванными потребностями науки и литературы. Языкъ стихотворный усвоиваетъ себѣ особенное ритмическое устройство, и Ломоносову, желавшему выразить свое художественное направленіе и въ этой формѣ, предстояло и для него найти элементы. Всего, повидимому, естественнѣе было обратиться для того къ мѣрной рѣчи нашей народной пѣсни и эпоса, и Ломоносову, по его отношеніямъ къ нашей народности, казалось бы слѣдовало сдѣлать подобный шагъ. Но не должно забывать, что роль его была роль посредника между силами нашей народности и общечеловѣческими началами образованія. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого двойственнаго положенія было то, что онъ долженъ былъ во многомъ придерживаться основныхъ идей и образцовъ, представлявшихся ему у народовъ, далеко опередившихъ насъ на пути гражданственности, умственнаго и эстетическаго развитія и сдѣлавшихся учителями его и нашими. Надобно удивляться проницательности, съ какою онъ умѣлъ находить точки соприкосновенія или сближенія между разнородными началами, подлежавшими такому сближенію. Нѣмецкое стихосложеніе дало ему поводъ воспользоваться законами нашей тоники, чтобы дать стиху нашему нѣкоторое подобіе древняго метра, и что это не было насиліемъ языку, доказывается, что стихосложеніе Ломоносова быстро усвоилось нашей поэзіей и безпрекословно принято обществомъ. Правда, за нѣсколько лѣтъ до его опытовъ, основанія нашего новаго стихосложенія были найдены и изложены ученымъ, коего почтенные труды въ наукѣ должны бы давно искупить его тяжкія вины противъ поэзіи. Я разумѣю Тредьяковскаго. Но Ломоносовъ основался на другихъ соображеніяхъ, нежели теорія Тредьяковскаго, а главное, онъ создалъ то, о чемъ другой только помышлялъ, или что тотъ неудачно примѣнялъ къ дѣлу, — и достигъ этого не однимъ соблюденіемъ механизма и внѣшнихъ условій стихотворной рѣчи, а ея внутреннею гармоніею, поэтическою стройностью, гибкостью и красотою логически и пластически. Въ первомъ стихотвореніи его, одѣ, переведенной изъ Фенелона, видно, какъ [illegible] онъ боролся съ трудностями языка; но потомъ, какимъ побѣдителемъ надъ ними онъ является въ одѣ на *взятіе Хотина!* Въ послѣдующихъ произведеніяхъ языкъ его уже

не затруднитъ: имъ созданный, онъ, въ извѣстныхъ, на время установившихся предѣлахъ, неотступно слѣдуетъ за теченіемъ и видоизмѣненіями его стройной и величавой мысли, въ прозѣ все болѣе и болѣе сглаживаясь въ своихъ шероховатостяхъ и освобождаясь отъ вліянія латинской конструкціи, въ стихотвореніяхъ возвышаясь до неукоризненной чистоты, поразительнаго благородства, блеска и сладкозвучія. Художественное стремленіе такимъ образомъ не стѣсняется уже въ своихъ проявленіяхъ, получаетъ опредѣленность, упрочивается, потому что имѣетъ уже свой органъ. Права его обозначены и утверждены въ фактѣ языка — это уже не теорія, не замыселъ — это дѣйствительность, и дѣйствительность не для одного своего виновника, но и для слѣдующихъ поколѣній. Оно становится ощутительнымъ у него вездѣ, потому что составляетъ одно изъ существенныхъ качествъ его натуры и преимущество той степени, какую онъ занимаетъ въ наукѣ. Если вы обратите вниманіе на его трактаты, гдѣ разсматриваются важнѣйшіе вопросы современной науки, — о пользѣ химіи, о свѣтѣ, о воздушныхъ явленіяхъ и проч., даже на его письма и проекты о способахъ дать наукѣ въ Россіи большее развитіе, объ устройствѣ академіи, — если вы, говорю, обратите вниманіе на все это, вы будете изумлены не только вѣрностью взглядовъ, богатствомъ знанія, силою, строгою послѣдовательностью и ясностью его мыслей, но картинностью самаго точнаго изложенія, искусною группировкою подробностей предмета, въ которой истина, такъ сказать, отливается въ видимую, осязательную форму и ставится на пьедесталъ, какъ со всѣхъ сторонъ доконченная и отработанная цѣлость. Вы увидите здѣсь и мастера-мыслителя и мастера-художника. И все это ново, неожиданно, оригинально, все возникло, такъ сказать, вдругъ, разомъ, не исключая научной техники и терминологіи. Кто со вниманіемъ читалъ хоть металлургію Ломоносова, особенно второе прибавленіе къ ней, тотъ убѣдился, конечно, что она и нынѣ можетъ служить образцомъ ученаго и вмѣстѣ изящнаго изложенія. Реторика его есть, по содержанію своему, настоящій продуктъ времени; она и не могла быть у насъ иною, нежели какою была въ современныхъ Ломоносову школахъ Европы. Но ею проложенъ у насъ путь къ изученію одного изъ важнѣйшихъ явленій нравственнаго міра — къ изученію изящной словесности. Пока наша художественная дѣя-

тельность не достигла степени самостоятельнаго творчества, она должна была подчиниться и подчинилась условіямъ, выработаннымъ и принятымъ образованными народами, съ которыми намъ предстояло трудиться для исторіи. Она должна была сперва устроиться на почвѣ существовавшей техники, чтобы перейти на почву техники новой, освобожденной отъ традиціи, вполнѣ сообразной съ новымъ движеніемъ человѣческаго духа и успѣхами нашего собственнаго образованія. Ломоносовъ съ его художественною натурою, съ его вѣрнымъ взглядомъ на все, что представлялось его уму, не могъ не понимать, что однихъ правилъ недостаточно для знакомства съ требованіями литературы; онъ наполнилъ свою реторику образцами и примѣрами, отчасти избранными и переведенными имъ изъ лучшихъ писателей, а отчасти имъ самимъ созданными, которые, въ началѣ нашего литературнаго образованія, служили для юношества единственною и лучшею у насъ **хрестоматіей.**

Развивая на себѣ высшія отправленія мысли прелесть эстетическаго одушевленія и жизни, образуя для нихъ языкъ, Ломоносовъ творцомъ нашей изящной словесности преимущественно является въ своихъ стихотвореніяхъ. Я остановлюсь исключительно на тѣхъ изъ его произведеній этого рода, которыя непосредственнѣе, сильнѣе, дольше дѣйствовали на общество наше и на литературу, — на его лирическихъ созданіяхъ, одахъ. Начало поэмы «Петръ Великій» содержитъ въ себѣ замѣчательныя красоты описательной поэзіи, но онъ не успѣлъ развить въ ней ни характера героя ни эпическаго дѣйствія. Въ двухъ его трагедіяхъ господствуютъ также описательные и лирическіе элементы. Въ нихъ нѣтъ и не могло быть драмы. Ни едва только начинавшаяся литература ни общество наше не находились еще въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ она возможна. Трагедіи и комедіи Сумарокова, какъ зрѣлище, по новости своей, могли нравиться обществу и, конечно, содѣйствовали къ основанію и утвержденію у насъ театра. Но Ломоносова они не могли удовлетворить, и, конечно, не безъ внутренней готовности и расположенія, онъ приступилъ къ выполненію воли правительства, пожелавшаго отъ него драмы. Такъ современники вѣровали въ дарованія его и считали для нихъ все возможнымъ. Ломоносовъ могъ отвѣчать на этотъ вызовъ не созданіемъ, удовлетворяющимъ своей идеѣ, а только мно-

гими прекрасными стихами. Надлежало царствованію Екатерины вступить въ лучшій свой періодъ, чтобы у насъ могла начаться истинная и самообразная драма, сперва въ формѣ комедіи — и она дѣйствительно началась съ Фонвизинымъ. И поэмы и трагедіи Ломоносова составляютъ попытки въ новой для насъ сферѣ литературы, но попытки геніальнаго человѣка, который стремится проложить пути ко всему великому и прекрасному, сіяющему предъ нимъ на дальнемъ горизонтѣ русской мысли и русскаго творчества.

Обращаясь къ лирикѣ Ломоносова, этому главному выраженію его художественнаго настроенія, мы въ сужденіяхъ нашихъ о ея мотивахъ и содержаніи должны руководствоваться не какой-либо теоріей, а историческимъ способомъ пониманія, единственнымъ, которымъ опредѣляется значеніе и достоинство дѣятелей исторіи и того, что они сдѣлали.

Перенесемся на минуту въ XVIII столѣтіе, къ началу второй его половины. Тамъ является предъ нами дочь Петра, съ русскимъ сердцемъ, на тронѣ, возстановляющая духъ народный послѣ отупленія и разслабленія, наведенныхъ на него антинаціональнымъ государственнымъ развратомъ Бироновщины. Тамъ начинается царствованіе Екатерины, этой дивной государыни, которая, силою своего необычайнаго генія, умѣла въ себѣ космополитическую душу пересоздать въ душу русскую, которая въ великомъ государствѣ открыла народъ, могущій и достойный быть великимъ и дала ему это почувствовать своими учрежденіями и уваженіемъ къ его нуждамъ и правамъ. Ломоносовъ принадлежалъ одному изъ этихъ царствованій и касался другого. Ужасъ, оковывавшій умы въ предшествовавшую эпоху, разсѣялся; пробужденные Петромъ, они начинаютъ, такъ сказать, расправлять свои силы, поворачиваться къ свѣту, который распространялся мало-по-малу надъ страною. Въ тихомъ мерцаніи зари зарождался новый день, полный отрадныхъ предчувствій и надеждъ, полный довѣрія къ будущему. Предъ взоромъ, обозрѣвающимъ тогдашнее состояніе вещей, являются три главные предмета, достойные одушевить и мысль и талантъ: живое, въ полномъ цвѣтѣ своемъ воспоминаніе о Петрѣ, многозначащее положеніе, которое Россія, какъ государство, спѣшитъ занять и укрѣпить за собою въ Европѣ, и первые проблески національнаго самочувствованія. Энергическая душа Ломоносова, никогда не разъ-

сдинявшая въ себѣ интересовъ науки отъ интересовъ жизни, и этихъ послѣднихъ отъ судебъ отечества, не могла не чувствовать глубоко того, что представляла ему окружавшая его среда въ ея [illegible] господствовавшихъ явленіяхъ и моментахъ. Тамъ все было полно какой-то торжественности и величія, склонявшихся къ восторгамъ и паренію гимна. И звучная лира Ломоносова естественно настроилась на этотъ тонъ. Прилагать критеріумъ нашего времени къ сужденію о поэтическомъ характерѣ и движеніи мыслей и чувствованій, образовавшихся подъ вліяніемъ другихъ началъ и другой судьбы, значило бы то же самое, что разсматривать въ телескопъ предметы, разсѣянные около насъ на землѣ въ тѣсномъ пространствѣ, или микроскопомъ наблюдать движеніе тѣлъ небесныхъ. Основные мотивы лирики Ломоносова не разлагаются на свои стихіи, не развертываются въ обиліи своего содержанія. Они выступаютъ у него въ общихъ слитыхъ чертахъ и обозначаются болѣе направленіемъ, какое даютъ духу поэта, чѣмъ развитіемъ. Это первый утренній порывъ пробудившагося чувства, звучный кликъ новой жизни, выраженіе мысли, не исчерпывающей дѣятельности, а парящей надъ ней. Несмотря, однакожъ, на стѣснительныя условія тогдашней техники поэзіи, несмотря на необходимость прибѣгать къ извѣстнымъ риторическимъ пріемамъ, [illegible] вообще въ духѣ и направленія прежней литературы, Ломоносовъ и здѣсь въ торжественномъ тонѣ хвалебнаго гимна умѣлъ сохранить силу истиннаго лирическаго чувства въ образахъ, отмѣченныхъ чертами блестящей поэтической фантазіи. Образъ Петра повсюду свѣтитъ передъ нимъ, какъ путеводная звѣзда всѣхъ его стремленій, всѣхъ думъ. Не напрасно говоритъ онъ въ своемъ посвятительномъ письмѣ къ Шувалову при представленіи ему первыхъ пѣсней своей поэмы:

[illegible] въ одну? Въ [illegible] прославимъ Петромъ.

Онъ [illegible] будущему довершить свой трудъ прославленія героя:

> И если въ полѣ семъ прекрасномъ и широкомъ
> Пр[illegible] непобре[illegible] ре[illegible],
> Цвѣтущимъ младостью останется умамъ,
> Что мной проложеннымъ послѣдуетъ стопамъ.
> Довольно таковыхъ сыновъ родитъ Россія.

Свою возлюбленную Россию онъ олицетворяетъ слѣдующимъ образомъ:

Въ поляхъ исполненныхъ плодами.
Гдѣ Волга, Днѣпръ, Нева и Донъ,
Своими чистыми струями
Шумя, стадамъ наводятъ сонъ,
Сидитъ и ноги простираетъ
На степь, гдѣ Хиву отдѣляетъ
Пространная стѣна отъ насъ.
Веселый взоръ свой обращаетъ
И вкругъ довольства исчисляетъ,
Возлегши локтемъ на Кавказъ.
      Се нашею, рекла, рукою
Лежитъ поверженный Азовъ;
Рушитель нашего покою
Огнемъ казненъ среди валовъ.
Се знойные каспійски бреги,
Гдѣ варварски презрѣвъ побѣги,
Сквозь степь и блата Петръ прошелъ,
Въ средину Азіи достигнулъ,
Свои знамена тамъ воздвигнулъ,
Гдѣ день скрываютъ тучи стрѣлъ.
      Въ моей послушности крутятся
Тамъ Лена, Обь и Енисей,
Гдѣ многіе народы тщатся
Драгихъ мнѣ въ даръ ловить звѣрей;
Едва покровъ себѣ имѣя,
Смѣются лютости борея,
Чудовищамъ дерзаютъ въ слѣдъ,
Гдѣ верхъ до облакъ простираетъ,
Угрюмы тучи раздираетъ,
Поднявшись съ дна морского, ледъ.
      Здѣсь Днѣпръ хранитъ мои границы,
Гдѣ готѳъ-гордящійся упалъ
Съ торжественныя колесницы,
При коей въ узахъ онъ держалъ
Сарматовъ и саксоновъ плѣнныхъ;
Вселенну въ мысляхъ вознесенныхъ
Единой обращалъ рукой.
Но палъ, и звукъ его достигнулъ
Во всѣ страны, и страхомъ двигнулъ
Съ дунайской Вислу быстротой.

Хвалы, расточаемыя Ломоносовымъ Елизаветѣ, совсѣмъ не есть одна дань обычаю и панегирическая реторика. Я сказалъ выше, какое значеніе имѣла эта государыня для своего времени. Кромѣ того, она, видимо, благопріятствовала просвѣще-

нію: при ней родился Московскій университетъ; она оказала вниманіе и благорасположеніе къ ученымъ и литературнымъ заслугамъ Ломоносова, охраняла его, какъ одно изъ лучшихъ украшеній своего царствованія, снисходила даже къ пылкости его характера. Много мѣстъ въ его одахъ, гдѣ говоритъ истинное чувство и одушевленіе. Приведу слѣдующія строфы, гдѣ онъ убѣждаетъ императрицу посѣтить Москву, еще не поправившуюся послѣ истребительнаго пожара:

Гряди, краснѣйшая денницы,
Гряди, и свѣтлостью лица
И блескомъ чистой багряницы
Утѣшь печальныя сердца,
И время возврати златое.
Мы здѣсь въ возлюбленномъ покоѣ
Къ полезнымъ припадемъ трудамъ,
Отсутствуя, ты будешь съ нами:
Покрытымъ орлими крылами,
Кто смѣетъ прикоснуться намъ?
Но если гордость ослѣпленна
Дерзнетъ на васъ воздвигнуть рогъ,—
Тебѣ, въ женахъ благословенна,
Противъ нея помощникъ Богъ.
Онъ верхъ небесъ къ тебѣ преклонитъ
И тучи страшныя нагонитъ
Во отраженіе врагамъ твоимъ.
Лишь только ополчишься къ бою
Предыдетъ ужасъ предъ тобою,
И слѣдомъ воскурится дымъ.

Замѣчательнѣйшія изъ лирическихъ стихотвореній Ломоносова, удостовѣряющія въ несомнѣнномъ его поэтическомъ одушевленіи, суть тѣ, гдѣ господствуетъ религіозное чувство, или возрѣніе на природу, къ которому приводитъ мыслящій умъ человѣческій глубокое изученіе ея законовъ. Священное писаніе даетъ содержаніе для произведеній перваго рода. Изъ боговдохновенныхъ пѣснопѣній Давида и книги Іова онъ почерпнулъ, къ сожалѣнію, немногіе отрывки, въ которыхъ ясное пониманіе духа этихъ возвышенныхъ созданій онъ соединилъ съ прелестью языка свѣжаго, богатаго оборотами поразительной силы, блестящаго колорита. Но вниманіе изслѣдователя литературы обращается, преимущественно, на два оригинальныя небольшія стихотворенія его: *Утреннее и вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ*, послѣднее при *случаѣ сѣвер-*

[illegible] на себѣ задумчивый взоръ будущаго своего наблюдателя на дальнемъ сѣверѣ, еще въ дѣтствѣ. Здѣсь естествоиспытатель, изъ круга опытныхъ изслѣдованій, поднимается до той высшей идеи, гдѣ добытыя имъ истины открываютъ передъ нимъ зрѣлище величія, красоты и гармоніи въ божественномъ міроустройствѣ. Нашъ изслѣдователь и ученый становится истиннымъ поэтомъ, подобно Гумбольдту, который въ своихъ созерцаніяхъ природы проникается поэтическимъ чувствомъ всегда, когда взоръ его обнимаетъ въ цѣломъ и прямо пройденныхъ имъ наблюденій, когда космосъ является предъ нимъ въ значеніи мірозданія и въ значеніи благоустройства, красоты. Я приведу здѣсь часть одной изъ пьесъ Ломоносова и другую вполнѣ. Вотъ изображеніе солнца, гдѣ въ тѣсной рамѣ онъ мастерски сгруппировать понятія о физическихъ свойствахъ солнца, какъ представлялись они въ современной ему наукѣ. Достоинство картины не теряется и теперь при расширившихся наблюденіяхъ и новомъ взглядѣ на предметъ.

Когда бы смертнымъ столь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу бренно наше око
Могло, приблизившись, воззрѣть:
Тогда бъ отъ всѣхъ открылся странъ
Горящій вѣчно океанъ.
Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ,
Тамъ вихри пламенны крутятся
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ,
Горящи тамъ дожди шумятъ.

Вотъ вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ въ изображеніи сѣвернаго сіянія:

Лицо свое скрываетъ день,
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы мрачна тѣнь;
Лучи отъ насъ склонились прочь.
Открылась бездна звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.
Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ,

Такъ я въ сей бездиѣ углубленъ
Теряюсь, мысльми утомленъ.
 Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество міровъ,
Несчетны солнца тамъ горятъ,
Народы тамъ и кругъ вѣковъ:
Для общей славы божества
Тамъ равна сила естества.
 Но гдѣ жъ, натура, твой законъ?
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря;
Не солнце ль ставитъ тамъ свой тронъ?
Не льдисты ль мещутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ нощь на землю день вступилъ!
 О вы, которыхъ быстрый зракъ
Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Которымъ малой вещи знакъ
Являетъ естества уставъ!
Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ!
Скажите, что насъ такъ мятетъ?
 Что зыблетъ ясный ночью лучъ?
Что тонкій пламень въ твердь разитъ?
Какъ молнія безъ грозныхъ тучъ
Стремится отъ земли въ зенитъ?
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы рождалъ пожаръ?
 Тамъ споритъ жирна мгла съ водой,
Иль солнечны лучи блестятъ,
Склонясь сквозь воздухъ къ намъ густой;
Иль тучныхъ горъ верхи горятъ;
Иль въ море дуть престалъ зефиръ
И гладки волны бьютъ въ эфиръ.
 Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ
О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣстъ:
Скажите жъ, сколь пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Невѣдомъ тварей вамъ конецъ:
Скажите жъ, коль великъ Творецъ!

Дѣйствіе художественныхъ произведеній Ломоносова на умы было благодѣтельно. Въ нихъ люди мыслящіе привѣтствовали рожденіе и идеалъ нашей литературы. Лица высшаго общества, увлеченныя благозвучіемъ русской рѣчи, впервые поразившимъ слухъ ихъ, чрезъ нее стали сближаться и съ самыми идеями, которыхъ Ломоносовъ былъ провозвѣстникомъ. Въ немъ почувствовали они начало русскаго образованія и окружили перваго

двигателя его своимъ уваженьемъ, котораго онъ не добивался, но которое возбудилъ, какъ возбуждается оно во всѣхъ и на всякомъ мѣстѣ истиннымъ умственнымъ превосходствомъ. Но не въ одномъ высшемъ кругу ощутительно было вліяніе его: оно проникло въ ту часть народной массы, гдѣ была распространена грамотность; тамъ между громкими историческими именами, сдѣлавшимися народными, ярко звучало имя Ломоносова. Народъ не могъ понимать ученыхъ его подвиговъ и заслугъ; но онъ безсознательно чувствовалъ мощь этого ума, въ которомъ онъ чтилъ то первенца своихъ умственныхъ силъ, то ихъ воспитателя. Онъ инстинктивно понималъ и тѣ указанія на новое положеніе вещей въ Россіи, которыя выражались въ его торжественныхъ одахъ, и этотъ величавый языкъ, который образовался подъ вліяніемъ высшихъ идей и, казалось, былъ столько отличенъ отъ общенародной рѣчи, и между тѣмъ былъ такъ близокъ къ народу по своей ясности и по своимъ коренныхъ основаніямъ.

Никитенко.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.
Предисловіе III
Научные взгляды на Петровскую реформу, *Пыпина* 1
Значеніе эпохи преобразованія, *Соловьева* 3
Коренной источникъ и смыслъ Петровской реформы, *Петрова* . . . 10
Петръ Великій, какъ преобразователь Россіи, *Грота* 23
Русскіе мемуары о Петрѣ Великомъ и его царствованіи, *Пекарскаго* 40
„Духовная" Татищева и „Завѣщаніе" Посошкова, *Бестужева-Рюмина* 57
Отеческое завѣщаніе и Домострой, *Брикнера* 68
Мнѣнія Посошкова о судопроизводствѣ и законодательствѣ, *его же*. 78
Реформы въ жизни духовенства, необходимыя по мнѣнію Посошкова, *его же* 99
Ученые труды Татищева, *Н. Попова* 111
Историко-политическія сочиненія Татищева, *Караулова* 124
„Исторія Россійская" Татищева, *Соловьева* 127
Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ Татищева. *Н. Попова*. . . . 133
Значеніе „Духовнаго Регламента", *Грота* 140
Практическое приложеніе правилъ „Духовнаго Регламента", относительно духовныхъ школъ, *Знаменскаго* 145
Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель, *Морозова*. 160
Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ выразитель стремленій, вызванныхъ реформою Петра, *Пекарскаго* 166
Первые годы жизни и ученія Ѳеофана Прокоповича до его учительства въ Кіевской академіи, *Чистовича* 177
Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ преподаватель-новаторъ, *Морозова* . . 181
Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдникъ, *его же*. 195
Значеніе Ѳеофана Прокоповича, какъ проповѣдника, *Чистовича*. . 202
Ученый кружокъ Ѳеофана Прокоповича, *его же* 205
Ѳеофанъ и его враги, *Стоюнина* 210
Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ богословы, *Самарина* 219
„Камень вѣры" Стефана Яворскаго, *его же* 228
Борьба, вызванная изданіемъ „Камня вѣры", *Соловьева* 236
Проповѣди Стефана Яворскаго и Димитрія въ ихъ отношеніи къ южнорусской проповѣди, *Терновскаго* 243

Стран.

Проповѣди Стефана Яворскаго и св. Димитрія Ростовскаго въ ихъ отношеніи къ современности, *его же* . . . .
Протестъ Яворскаго противъ реформы Петра Великаго, *его же* . . 265
Очеркъ жизни св. Димитрія Ростовскаго, *Костомарова* 268
„Розыскъ о брынской вѣрѣ" Димитрія Ростовскаго, *его же* 273
Ѳеодосій Яновскій, какъ сторонникъ реформы Петра Великаго, *Морошкина* 277
Гавріилъ Бужинскій, какъ панегиристъ реформы Петра Великаго, *Терновскаго* 282
Дипломатическая дѣятельность Кантемира въ Англіи, *Стоюнина* . 288
Дипломатическая дѣятельность Кантемира во Франціи, *его же* . . 315
Кантемиръ, какъ сатирикъ, *Соловьева* 328
Содержаніе, форма и стихъ сатиръ Кантемира, *Галахова* 341
Характеристика Кантемира, *его же* 364
Тредьяковскій, какъ піитъ, *изъ изд. Перевлѣсскаго* 369
Труды Тредьяковскаго по теоріи поэзіи, *изъ изд. его же* 372
Труды Тредьяковскаго по теоріи языка, *изъ изд. его же* 374
Заслуги Тредьяковскаго относительно русскаго стихосложенія, *Куника* 377
Труды Тредьяковскаго по исторіи, *Соловьева* 379
Телемахида Тредьяковскаго, *Пекарскаго* 382
Гюнтеръ и Готшедъ, *Геттнера* 389
Вліяніе Вольфа на Ломоносова, *Сухомлинова* 401
Ломоносовъ, какъ ученый, *Шевырева* 419
Взглядъ Ломоносова на отношеніе науки къ религіи, *Будиловича* . 423
Ломоносовъ, какъ физикъ, *Любимова* 428
Ломоносовъ, какъ физикъ, *Будиловича* 442
Ломоносовъ, какъ минералогъ и геологъ, *Щуровскаго* 449
Ломоносовъ, какъ химикъ, *Лясковскаго* 470
Труды Ломоносова по русской исторіи, *Лавровскаго* 475
О размноженіи и сохраненіи россійскаго народа, Ломоносова, *Пекарскаго* 480
Взглядъ Ломоносова на церковно-славянскій языкъ, *Будиловича* . 485
Грамматика Ломоносова, *Грота* 487
Достоинство и значеніе грамматики Ломоносова, *Давыдова* 501
Реторика Ломоносова, *Пекарскаго* 513
Реторика Ломоносова, *Будиловича* 515
Ломоносовъ, какъ ораторъ, *изъ изд. Перевлѣсскаго* 521
Взглядъ Ломоносова на поэзію, *Будиловича* 522
Вліяніе Гюнтера на Ломоносова, *Грота* и *Шевырева* 527
Значеніе Ломоносова въ изящной словесности, *Никитенка* 530